

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.

1882.

СОДЕРЖАНИЕ
О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. О ПЕЧАЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ЖЕНСКИХЪ ВРАЧЕБНЫХЪ КУРСОВЪ.—Ред.	1
II. ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА.— Мишлѣ	1
III. ЧАРТИЗМЪ.—Н. Ч ^р	33
IV. ГОЛЬ. Романъ. Часть вторая, книга пятая, гл. I—III.— М. Михайлова	62
V. ЭКСПЛУАТАЦІЯ АРТЕЛЕЙ. Забѣтки и впечатлѣнія. <i>Окон-</i> <i>чаніе</i> .—Г. П. Сазонова	125
VI. НОЧИ. <i>Альфреда де-Мюссе</i> . Стихотв. Перев. съ француз- скаго.—П. А. Козлова	147
VII. МАЗЕПА. Историческая монографія. Гл. XII.—Н. И. Костомарова.	157
VIII. КРЕСТЬЯНЕ ДУХОВНЫХЪ ВОТЧИНЪ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИ- НѢ XVIII ВѢКА. Гл. I—III.—В. И. Семевскаго.	208
IX. НОВАЯ ИРЛАНДІЯ. А. М. Сулливана. Гл. XXIII и XXIV. Перев. съ англійскаго.	246
X. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1882 ГОДЪ. II—Доходы. <i>Продолженіе</i> .—А. А. Головачова	274
XI. НОВЫЙ ПОРТРЕТЪ В. Г. БѢЛИНСКАГО.—Н. Д. Навелина.	312
XII. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ: „Вокругъ свѣта“. К. Скалковскаго.—„Воспоминанія декаб- риста о пережитомъ и пережитомъ“. А. Бѣльева.— „О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ“. И. Панаева.—„Крестьянскій вопросъ“. К. Д. Кавелина.—„Ев- ропейскіе писатели и мыслители: IV—Вольтеръ и Екатерина II-я“. Изд. В. В. Чуйко.—„Переломъ. Правдивая исторія“. Б. М. Маркевича.—„Стихотворенія Н. А. Некрасова“. 1 Второе изданіе.—„Темная вода“. Романъ. П. Лытнева.—Н. „Археологія Россіи. Каменный періодъ“. Гр. А. С. Ува- рова.—Н. К. 25 „Гомеопатія въ Россіи. Историческій очеркъ“. Дра К. Боянуса.—Б. 27	

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЬ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА ІХ.

МОСКВА.

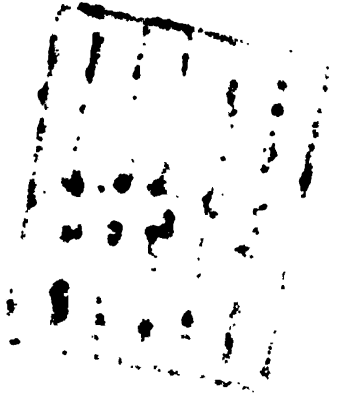
1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская
улица, въ домѣ Дреземейеръ.

Отдѣленіе конторы: Петровскія торговая линія,
кварт. № 61.

Типо-Литографія И. Н. Кушнерова и К^о, Пяменовская ул., д. Кушнеровой.

NO. 100
ANNEXURE

AP50
R 875
v. 3:9
MAIN

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. О ПЕЧАЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ЖЕНСКИХЪ ВРАЧЕБНЫХЪ КУРСОВЪ.—Ред.	I
II. ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА.—Мишлѧ	1
III. ЧАРТИЗМЪ.—Н. Ч**	33
IV. ГОЛЬ. Романъ. Часть вторая, книга пятая, гл. I—III.—М. Михайлова	62
V. ЭКСПЛУАТАЦІЯ АРТЕЛЕЙ. Забѣтки и впечатлѣнія. <i>Окончаніе</i> .—Г. П. Сазонова	125
VI. НОЧИ. <i>Альфреда де-Мюссе</i> . Стихотв. Перев. съ французскаго.—П. А. Козлова.	147
VII. МАЗЕПА. Историческая монографія. Гл. XII.—Н. И. Костомарова.	157
VIII. КРЕСТЬЯНЕ ДУХОВНЫХЪ ВОТЧИНЪ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА. Гл. I—III.—В. И. Семевскаго.	208
IX. НОВАЯ ИРЛАНДІЯ. А. М. Сулливана. Гл. XXIII и XXIV. Перев. съ англійскаго.	246
X. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1882 ГОДЪ. II—Доходы. <i>Продолженіе</i> .—А. А. Головачова.	274
XI. НОВЫЙ ПОРТРЕТЪ В. Г. БѢЛИНСКАГО.—Н. Д. Кавелина.	312
XII. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:	
„Вокругъ свѣта“. <i>К. Скальковскаго</i> .—„Воспомнанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ“. <i>А. Бяляева</i> .—	
„О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ“. <i>И. Цанаева</i> .—„Крестьянскій вопросъ“. <i>К. Д. Кавелина</i> .—„Европейскіе писатели и мыслители: IV—Вольтеръ и Еватерина II-я“. Изд. <i>В. В. Чуико</i> .—„Переломъ. Правдивая исторія“. <i>Б. М. Маркевича</i> .—„Стихотворенія Н. А. Некрасова“. Второе изданіе.—„Темная вода“. Романъ. <i>П. Лютнева</i> .—Н.	1
„Археологія Россіи. Каменный періодъ“. <i>Гр. А. С. Уварова</i> .—Н. К.	25
„Гомеопатія въ Россіи. Историческій очеркъ“. <i>Дра К. Боянуса</i> .—Б.	27

XIII. ИНОСТРАННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ:

„Деревенское училище во время революціи“. *Альберта Бабо* („L'école de village pendant la révolution“. *Albert Babeau*). — „Россия и русские“. *Виктора Тиссо* („La Russie et les russes, indiscretions de voyage“. *Victor Tissot*). — **В. А. Гольцева** 34

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Картины родной дѣйствительности. — ...скаго. 40

XV. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:

Египетскій вопросъ. — Паденіе кабинета Фрейсине. — Его ничтожество. — Несостоятельность Клемансо. — Министерство Доклерка. — Декларация новаго кабинета. — Открытіе ратуши и празднество 14 іюля. — Дѣло Фенейру. — Новыя книги: „Рашель въ ея письмахъ“ (*Rachel d'argès sa correspondance*), Жоржа д'Ейли. — „Пятьдесятъ лѣтъ литературной жизни“ (*Cinquante ans de vie littéraire*), Мари-Лафонъ. — Обзоръ периодической печати. — Выставка союза декоративныхъ искусствъ. — **W***** 127

XVI. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕССЪ 1882 ГОДА. — Члена конгресса. 140

Приложеніе: КОРОЛЬ ЛИРЪ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ *В.*

Шекспира. Переводъ *С. А. Юрьева*. *Окончаніе*. . . . 129—170

При конторѣ журнала находится складъ портретовъ **В. Г. БѢЛИНСКАГО**, работы художника **И. А. Астафьева**. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересылкой — 3 руб.

О печальномъ положеніи женскихъ врачебныхъ курсовъ.

Десять лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, при военномъ госпиталѣ, были открыты врачебные курсы для женщинъ. Сотни слушательницъ устремились къ новому источнику знанія, чтобы пріобрѣсти новыя средства для честнаго труда, для достойнаго служенія народу. Профессора удивлялись добросовѣстности слушательницъ, которыя преодолевали все трудности науки, при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ жизни, нерѣдко при горькой нуждѣ, граничившей съ голодомъ. Правительство оцѣнило благородныя и долгія усилія учащихся женщинъ и дало имъ, наконецъ, права, соотвѣтствующія ихъ знаніямъ. Одинъ изъ ужасающихъ недостатковъ нашего общественнаго строя—отсутствие во многихъ мѣстностяхъ всякой врачебной помощи для народа—началъ сравнительно быстро устраняться. Земства и другія учрежденія, приглашавшія на службу женщинъ - врачей, постоянно убѣждались и въ подготовленности, и въ высокой добросовѣстности этихъ женщинъ. Во время послѣдней войны русская женщина обнаружила по-истинѣ чудеса самоотверженія, къ которому, благодаря врачебнымъ курсамъ, присоединилось и серьезное знаніе, удесятерившее плодотворность этого самоотверженія.

Въ настоящее время курсы при военномъ Николаевскомъ госпиталѣ закрываются. Петербургская городская дума приняла ихъ въ свое завѣдываніе; но куда нѣтъ учрежденія, нѣтъ больницы, при которой эти курсы могли бы пріютиться...

Въ ряду печальныхъ явленій, которыми богата современная русская жизнь, неприютность врачебныхъ курсовъ, готовившихъ врачей для народа, изнемогающаго подъ бременемъ болѣзней,

займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Лицемеръ изъясняютъ радость, утверждая, что занятіе женщинъ медицинскими науками разрушало ихъ нравственность, отвлекало отъ семьи. Но вотъ что говорилось давно, очень давно, по поводу этого же самаго вопроса. Въ 1707 году одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ врачей Франціи, Филиппъ Экке (Nesquet), напечаталъ сочиненіе о неприличіи *мужчинамъ* быть акушерами. Экке съ жаромъ и основательностью защищалъ акушеровъ. Въ наше время въ подобной защитѣ нуждаются не акушерки, а женщины-врачи, потому что если уже говорить о внѣшнемъ соблюденіи нравственности, то она только выиграетъ отъ того, что женщинъ будутъ дѣлать женщины.

И дѣйствительно, только боящееся свѣта лицемеріе, только та *святая простота*, которая побуждала добрую старушку принести и свое полѣно въ костеръ мученика Гуса, могутъ, закрывая глаза на вопіющія нужды общества, требовать окончательнаго уничтоженія высшихъ врачебныхъ курсовъ для женщинъ.

Поддержать прекрасное погибающее дѣло — въ рукахъ общества. Петербургскія медицинскія газеты открыли подписку въ пользу женскихъ курсовъ. Редакція *Русской Мысли* обратилась къ власти за разрѣшеніемъ открыть подобную же подписку при журналѣ. Всякій честный человекъ, знающій народныя нужды, преданный дѣлу просвѣщенія на Руси, не можетъ не удѣлить хоть маленькой доли своего заработка или излишка, чтобы создать пріютъ для одного изъ полезнѣйшихъ образовательныхъ учрежденій.

Ред.

UNIV. OF
CALIFORNIA

Отрывки изъ дневника бывалаго человѣка.

Намъ совершенно случайно попались въ руки записки бывалаго человѣка. Не находя удобнымъ и любопытнымъ печатать ихъ полностью, мы рѣшили познакомить читателей съ частью этихъ «записокъ», именно тою, гдѣ злополучный авторъ ихъ рассказываетъ про свое житье-бытье въ «мѣстахъ отдаленныхъ». «Отрывки» начинаются съ того момента, когда авторъ, пробывъ уже полтора года въ каторжныхъ работахъ, сидя въ тюрьмѣ, переходитъ въ разрядъ «исправляющихся», т.-е. каторжниковъ же но проживающихъ на волѣ, близъ тюрьмы. Сдѣлавъ это необходимое объясненіе, предоставимъ дальнѣйшій рассказъ самому автору.

... Зная, что переводъ мой изъ разряда испытуемыхъ въ другой, слѣдовательно и избавленіе отъ тюрьмы, въ значительной степени зависитъ отъ моего непосредственнаго начальства—тюремнаго смотрителя, я эти полтора года работалъ у него въ канцеляріи какъ волъ, рассчитывая, что при отсутствіи за мной такихъ художествъ, какъ торговля въ тюрьмѣ, карты и прочее, усердіе мое обратитъ же его вниманіе и заставитъ его постараться облегчить мою участь. Расчетъ оказался вѣренъ. Придя однажды въ обычное время въ контору, гдѣ онъ только подписывалъ приготовленные нами за день текущую переписку и отчетность, онъ обратился ко мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, съ рѣчью, въ которой, похваливъ мою работу и поведеніе, приказалъ *мнѣ же* написать представленіе въ управленіе о перечисленіи меня въ разрядъ исправляющихся. Несмотря на то, что распоряженіе объ этомъ ожидалось мною давно, оно такъ на меня подѣйствовало, что я буквально не могъ самъ написать *свою* бумагу и попро-

силъ другаго писаря. Нечего и говорить, что два дня, протекшіе до полученія бумаги изъ управленія, были полны для меня самых невыразимых нравственныхъ страданій: «а, ну, какъ откажутъ?»... Такихъ отказовъ и на моей памяти бывало не мало при генеральномъ нашемъ завѣдующемъ*), который, зная насквозь большинство своихъ подчиненныхъ, очень часто ловилъ ихъ при такихъ представленіяхъ на взяткахъ съ достаточныхъ арестантовъ. Но вотъ сомнѣнія кончены, мнѣ объявили, что, по распоряженію управленія, я зачисленъ въ штатъ пересыльной тюрьмы съ назначеніемъ работать въ самомъ управленіи, которое тамъ и находится и гдѣ громадное большинство служащихъ — каторжные. Хотя работы тамъ и очень много, но все-таки я встрѣтилъ эту вѣсть съ восторгомъ: перспектива имѣть нѣсколько часовъ въ день свободныхъ отгоняла мысль о непосильномъ подчасъ трудѣ. Нужно было сейчасъ же озаботиться о присканіи жилища, такъ какъ жилья исправляющимся не полагается отъ казны. Забравши пожитки, которые всѣ вмѣстѣ составляли небольшой узелокъ, я отправился *одинъ, безъ конвола*, на новое мѣсто своего назначенія, на «Нижній промыселъ», отстоящій отъ нашего «Средняго» на 5 верстъ, ниже по Карѣ. Занесши вещи къ одному знакомому ссыльному, ранѣе меня выпущенному изъ тюрьмы, я принялся рыскать по промыслу и прилегающей къ нему слободѣ «Юрдовкѣ», съ цѣлью отыскать хотя какое-нибудь пристанище. Осуществить это оказалось весьма трудно; въ Юрдовкѣ, правда, я нашелъ двѣ крохотныхъ комнатки, въ покривившейся отъ времени избѣ, но по цѣнѣ онѣ оказались для меня недоступными, ибо платить за нихъ 15 руб. въ мѣсяцъ рѣшительно не въ состояніи; но за то здѣсь же узналъ, что на другомъ концѣ промысла, у лазарета, вдова умершаго недавно ссыльнаго продаетъ свой домишко за дешевую цѣну, желая скорѣе выѣхать съ Кары. Домишко оказался маленькою мазанкой, съ двумя крошечными окошечками и дверью, до такой степени миниатюрной, что она не превышала въ вышину отъ порога (очень высокаго) до верху полутора аршинъ, что при моемъ, выше средняго, ростѣ дѣлало входъ внутрь очень затруднительнымъ. По тщательномъ осмотрѣ, стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались сгнившими настолько, что воздухъ извиѣ проходилъ довольно свободно; полы также гнилые, а соломы на крышѣ осталось менѣе $\frac{1}{3}$ требуемаго ко-

*) «Завѣдующимъ» называютъ главнаго начальника надъ каторжными, на Карѣ, въ Восточной Сибири.

личества. При этомъ домишкѣ двора не было, но былъ за то огородъ, правда, запущенный и теперь заросшій серпою травой, но довольно большой, около $\frac{1}{2}$ десятины. Какъ ни плохо домишкѣ, но приходилось его купить, и послѣ нескончаемыхъ разговоровъ я очутился домохозяниномъ на Барійскихъ промыслахъ, уплативъ владѣльцѣ его 15 рублей... Сумма эта, какъ видите, въ обыденной жизни ничтожная, для каторжныхъ — въ нѣкоторомъ родѣ капиталъ, требующій, можетъ-быть, года безлѣтності и усильныхъ трудовъ. Въ домишкѣ мнѣ понравилось главное, что онъ стоитъ особнякомъ и что при немъ есть огородъ, могущій быть большимъ подспорьемъ въ болѣе чѣмъ скромномъ бюджетѣ ссыльнаго. Кстати объ огородахъ. Занятіе огородничествомъ здѣсь очень выгодно, такъ какъ есть всегда обезпеченный сбытъ въ казну овощей, какъ капуста, лукъ и картофель, который, напримѣръ, доходитъ до рубля и болѣе за пудъ; судя же по размѣрамъ моего новопріобрѣтеннаго огорода, я могъ, засѣя его весь, собрать для продажи болѣе ста пудовъ, оставивъ необходимое количество для себя и на сѣмена.

Покончивъ съ хозяйкой, я кое-какъ упросилъ пріятеля, у котораго оставались мои вещи, пріютить и меня на нѣсколько дней, такъ какъ до переѣзда необходимо было хотя сколько-нибудь исправить будущее мое жилище и присмотрѣть за этою работою; мнѣ же самому это было невозможно: служба моя въ управленіи начиналась уже назавтра съ 7 часовъ утра и должна продолжаться ежедневно до 7—8 часовъ вечера.

Занятія мои на «новосельѣ» мало чѣмъ отличались отъ моихъ прежнихъ занятій въ тюремной канцеляріи: тѣ же нескончаемыя цифры, та же видимая безтолковость во всемъ, та же грязная обстановка... И здѣсь, какъ и у насъ въ тюрьмѣ, ссыльные составляли преобладающій элементъ; на всю канцелярію было только два чиновника — помощникъ завѣдующаго, нѣкто коллежскій совѣтникъ С—о, бывшій учитель уѣзднаго училища, второй человекъ на каторгѣ послѣ завѣдующаго, да бухгалтеръ П—нъ, изъ дѣтей горнаго урядника. Правда, былъ и третій дѣлопроизводитель П—въ, но его не видали въ управленіи уже третій мѣсяць, такъ какъ онъ болѣлъ свойственною многимъ сибирскимъ чиновникамъ болѣзью — запоемъ, во все продолженіе котораго не выходилъ изъ квартиры, гдѣ постоянно были заперты ставни и двери наглухо. Всѣ остальные — и столоначальники, и помощники ихъ, регистраторы, писцы и проч. до сторожа — мы,

каторжные. Надо отдать справедливость управленію, ни одинъ изъ насъ не работаетъ даромъ: такъ, я получаю 12 руб. въ мѣсяць, другіе—больше или меньше, а одинъ, заправляющій отчетностію, Чернышевъ, бывать у котораго съ «приношеніями» не брезгаютъ ни смотрителя, получаетъ 30 рублей. Про него говорятъ, что «умри онъ, такъ и шабашъ,—никакого дѣла, молъ, безъ него не отпущешь». Важную также роль играетъ въ управленіи ссыльный, ведущій такъ-называемые «статейные списки». Это, такъ сказать, формуляры всей каторги. Съ этимъ спискомъ, въ которомъ обозначено: кто онъ, за что судился, гдѣ, на сколько лѣтъ сосланъ и *когда* прибылъ на каторгу,—соединена вся судьба ссыльнаго; если чѣмъ-нибудь онъ провинился на каторгѣ, обстоятельство это вносится въ тотъ же списокъ, а всякая вина увеличиваетъ срокъ пребыванія въ работахъ. Обязанность, главнѣйшимъ образомъ лежащая на лицѣ, завѣдующемъ статейными списками, состоитъ въ докладѣ начальству о тѣхъ ссыльныхъ, коимъ окончился срокъ работъ, о тѣхъ, кои имѣютъ право на перечисленіе изъ разряда испытуемыхъ, гдѣ я до сихъ поръ былъ, въ разрядъ исправляющихся, и отмѣчать бѣжавшихъ съ промысловъ. Списковъ этихъ у него масса,—полагаю, отнюдь не менѣе четырехъ тысячъ. Предполагая начальство *весьма добросовѣстно* относящимся къ дѣлу, я спрашиваю: есть ли у него физическая возможность провѣрить доклады этого лица, которыхъ въ день бываетъ по десяткамъ и болѣе? Понятно, что, обремененный текущею перепиской, оно подписываетъ все, что ему ни поднесутъ, и отсюда причина того громаднаго на каторгѣ значенія лица, ведущаго списки. Онъ за приличную мзду можетъ ссыльнаго, сосланнаго на 10—12 лѣтъ, освободить чрезъ какія-нибудь 2—3 года и, наоборотъ, увеличить ему срокъ работъ, внеся въ списокъ какіе-нибудь небывалые его проступки въ каторгѣ, повѣрять справедливость которыхъ и некому, и некогда. Иногда даже возможно бѣжать съ помощью писарей управленія. Такъ на дняхъ былъ такого рода случай. Одинъ ссыльный проживалъ вмѣстѣ съ женой какъ разъ напротивъ дома помощника завѣдущаго; по слухамъ, онъ занимался, между прочимъ, тайною торговлей водкой. Въ одно утро онъ и жена найдены убитыми и все ихъ имущество похищеннымъ. Начались розыски, изъ которыхъ, между прочимъ, выяснилось, что грабители были на телѣгѣ, на которую нагрузили добычу; куда же они дѣвались—конечно, неизвѣстно. Вмѣстѣ съ тѣмъ скрылся одинъ изъ ка-

торжныхъ, семейный, который былъ лично извѣстенъ многимъ изъ начальства какъ превосходный мастеровой, купно съ семьей жившій маленькимъ хозяйствомъ, не оставивши однако ничего изъ своего хозяйства. Такое *семейное* исчезновеніе обратило на себя вниманіе, дали знать по окрестностямъ, причеиъ сообщили и прииѣты исчезнувшей семьи, а равно и его имя. Къ удивленію всѣхъ, очень скоро изъ одной изъ сосѣднихъ волостей было получено донесеніе, что схожіи челоуѣкъ прибылъ къ нимъ на поселеніе, подъ тѣмъ же ииенемъ, но что онъ снабженъ всѣми законными документами, выданными изъ нашего управленія. Стали копаться въ дѣлахъ управленія и оказалось, что этотъ субъектъ, осужденный на 20 лѣтъ, *уволенъ на поселеніе по прошествіи 8 лѣтъ, по увольнительному билету, подписанному кѣмъ слѣдуетъ.* Арестованный по телеграммѣ управленія и высланный къ намъ обратно на Кару, онъ, по нахожденіи у него нѣкоторыхъ вещей, признанныхъ сосѣдами убитыхъ мужа и жены за принадлежащія послѣднимъ, сознался, что онъ убилъ ихъ и ограбилъ, а бумаги для свободнаго проживанія получилъ изъ управленія отъ одного писаря, изъ ссыльныхъ же, чуть не за 10 рублей.

Вообще побѣги здѣсь многочисленны и относительно легки, но долженъ оговориться, что они совершаются почти исключительно «исправляющимися», т.-е. живущими на волѣ, безъ конвойнаго надзора; побѣги же изъ-подъ конвоя, сравнительно съ первыми, очень рѣдки, хотя и бывають—въ году случаевъ пять-шесть. Про первыхъ, такъ-сказать—вольныхъ, нельзя и выразиться, что они бѣгутъ, потому что они прямо уходятъ. Какъ только зеленью одѣнутся лѣса, такъ они, чуть не правильно организованными артелями, оставляють Кару и идутъ, занасшись по возможности провіантомъ, конечно очень скуднымъ, хребтами и лѣсами напрямикъ на западъ. Ихъ никто не преслѣдуетъ, и даже не то что слѣдствія или дознанія не производится, но, напротивъ, смотритель, изъ штата котораго ушла цѣлая артель, старается донести объ этомъ попозже, показывая въ отчетности выдаваемый имъ, яко-бы, паекъ, который и кладетъ себѣ въ карманъ.

Не имѣя подъ рукой точныхъ данныхъ, трудно сказать, сколько такихъ уходятъ съ каторги, но я слышалъ отъ старожилонъ, что число ихъ достигаетъ иногда баснословной цифры—600 челоуѣкъ въ годъ. Участь ихъ, большею частью, самая горькая и можно приблизительно опредѣлить такъ: половина бѣжавшихъ

погибають отъ лишеній въ дорогѣ, голода, звѣрей, тонуть при переправахъ, убиваются инородцами и, къ стыду сказать, нашими же русскими крестьянами «промышленниками», т.-е. охотниками, которые разсуждаютъ въ этомъ случаѣ такъ: «зарядъ выгоднѣе истратить на бѣглаго, чѣмъ на бѣлку,—все отъ того больше барыша». Изъ остальной половины множество попадаютъ опять въ остроги, для того, чтобы, назвавшись новымъ, вымышленнымъ, именемъ, обратно очутиться на Карѣ, послѣ приличной порки, небольшая часть находятъ пріютъ по деревнямъ, особенно во время полевыхъ работъ, и только очень рѣдкій изъ каторжныхъ достигаетъ своей завѣтной цѣли—повидать родную землю, отъ которой такъ безжалостно оторвала его судьба, гдѣ онъ нашелъ свое бездолье и которую однако онъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ, болѣе самого себя. Такихъ счастливицевъ, повторяю, очень мало. Къ нимъ не принадлежитъ, на примѣръ, Г—ій, бывшій гимназистъ, убившій цѣлую купеческую семью въ одномъ губернскомъ городѣ средней Россіи, процессъ котораго надѣлалъ въ свое, сравнительно недавнее, время много шума и въ обществѣ, и въ печати.

Перейдя въ разрядъ исправляющихся, Г—ій тотчасъ же замыслилъ бѣжать и бѣжалъ въ сообществѣ пяти-шести человекъ. Дорогой они сильно оголодали, и онъ, не стерпѣвъ мукъ голода, рѣшился украсть изъ своей артели единственный, имѣвшійся у нихъ и для обороны, и для дровъ топоръ, съ цѣлью продать его въ ближайшей деревнѣ; но товарищи скоро хватились, догнали и учинили надъ нимъ судъ, пострашнѣй знаменитаго американскаго суда Линча. Они порѣшили привязать его за ноги къ двумъ нагнутымъ молодымъ деревьямъ, потомъ сразу отпустить ихъ и такимъ образомъ разорвать его, живаго, на-двое, что и исполнили, судя по тѣмъ слухамъ, которые ходили между каторгой.

Что много народу бѣжить съ Кары, это, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ исправляющіеся, не мудрено, такъ какъ они находятся внѣ всякаго надзора и о побѣгѣ ихъ узнаютъ смотрителя обыкновенно только по тому, что въ обычный день (разъ въ недѣлю) таковые не приходятъ къ нимъ за полученіемъ казеннаго пайка; не пришедъ, значить—въ бѣгахъ, и, подержавъ его сколько возможно у себя на довольствіи, сообщаютъ спустя недѣлю или двѣ въ управленіе о «безвѣстной отлучкѣ» такогото. Тамъ въ спискахъ отмѣчаютъ: «бѣжалъ»—и доносятъ въ забайкальское областное правленіе, съ просьбой о напечатаніи «сыск-

ной статьи» въ мѣстныхъ областныхъ *Вѣдомостяхъ*. Правленіе подкапливаетъ такихъ донесеній, примѣрно, до 100 штукъ, печатаетъ ихъ особымъ прибавленіемъ, на сѣрой бумагѣ, и рассылаетъ эти списки по всѣмъ губерніямъ и областнымъ правленіямъ Россійской имперіи. Самыя сыскныя статьи, доставляемыя управленіемъ нерчинскими ссыльно-каторжными въ областное правленіе для напечатанія въ *Вѣдомостяхъ*, составляются *всѣ* такъ: «Такого-то числа съ Карійскихъ промысловъ скрылся бывший каторжникъ Иванъ Непомнущій, 40 лѣтъ, росту 2 арш. 6 вершковъ, глаза голубые, волосы на головѣ и на бородѣ русые, ротъ, носъ и подбородокъ обыкновенные, особыхъ примѣтъ не имѣеть». Сотню такихъ «статей» получаютъ всѣ, какъ я выше сказалъ, губерскія и областныя правленія, для «надлежащихъ распоряженій». Какого рода могутъ быть сдѣланы распоряженія и какая польза отъ этой бессмысленной канцелярщины для казны, не знаю, но тѣмъ не менѣе порядокъ этотъ существуетъ, повидимому будетъ существовать еще много лѣтъ и имъ ограничиваются всѣ мѣры, принимаемыя мѣстнымъ начальствомъ для поимки сотенъ бѣгущихъ ежегодно каторжныхъ.

Повторяю, бѣжать съ Кары исправляющемуся ссыльному не хитро. Но вотъ рассказъ, записанный мною со словъ одного стариннаго бродяги, который, пожалуй, заставитъ любого призадуматься. Провѣрить этотъ рассказъ, понятно, я не имѣлъ возможности, но, по общему отзыву каторги, онъ весьма вѣроятенъ.

Въ 1874 году,—такъ началъ бродяга свою повѣсть,—удалось мнѣ бѣжать прямо съ «разрѣза»,—изъ-подъ караула значить,—въ хребты. Побѣжало насъ «на урѣ»*) трое. Пока мы были въ виду, казачишкамъ посчастливилось: обоихъ моихъ товарищей уложили пулями; я же спасся, благодаря тому, что одинъ изъ нихъ, урядникъ, совсѣмъ было догонявшій меня, для легкости, сбросилъ на-ходу свою шинель и гнался за мной въ одной рубахѣ,—ну, и мы-то бѣжали въ рубахахъ же, бѣлыхъ. Бѣжали мы лѣсочкомъ, въ гору; съ работъ-то насъ тѣ видно, тѣ опять за вустикомъ скроемся. Такимъ манеромъ онъ вывернулся на полянку, а одинъ изъ казаковъ, не выдавъ, какъ онъ снялъ шинель, издали принялъ его за меня, да такъ ловко «стрѣлилъ»,

*) Техническое выраженіе, означающее побѣгъ *сгаль*, на счастье, т.-е. подвергаясь выстрѣламъ и погонѣ. Хотя такой побѣгъ и удается, но весьма рѣдко.

что положилъ его на мѣстѣ. Казаки, видя, какъ упалъ бѣжавшій въ бѣломъ-то, полагали, что и послѣдній, третій, арестантъ убить, уже потихоньку подходить стали, а тѣмъ временемъ я и убѣгъ въ чашу. Трудно мнѣ было сначала, просто бѣда; провіанту съ собою было мало, приходилось голодать, а выйти на дорогу страшно, потому знаю, что казаки вездѣ рыскаютъ, чтобы поймать меня. Долго шелъ я по самымъ глухимъ мѣстамъ, пока не наткнулся на артель нашихъ же бѣглыхъ съ Бары. Въ артели идти много лучше: у кого крупка припасена, у кого сухари, котелокъ, другой мастеръ рыбу ловить,—ну, и чай оказался у нихъ. На четвертый день пришлось намъ идти Урульгой *). Тутъ мы шли съ опаской: народъ дикій, охотится за нами какъ за звѣремъ; ему убить бѣглаго легче, чѣмъ мнѣ выругаться; и все подлецы на одежду нашу зарятся, да у другаго малость деньжонка припасено бываетъ для побѣга,—ну, имъ и интересно; убьетъ шельма изъ-за куста, никто, кромѣ, развѣ, нашего же брата, и не узнаетъ, да и то случайно, что такой-то убить. Мѣсто самое глухое, дикое. Отплачиваемъ иногда и мы имъ, только все же они сильно для насъ вредны.

Ничего, прошли благополучно, даже успѣли одного барана сжарить. Подошли къ Читѣ и, зная тамошніе порядки, къ «Лукичу» **) не заходили, а прошли прямо къ «братскимъ» въ степь ***).

*) Обширная мѣстность, населенная полудикими тунгусами, простирается къ сѣверу отъ рѣки Ингоды, между городами Читой и Нерчинскомъ. Нѣкогда тунгусы эти оказали существенную услугу русскимъ властямъ, при усмиреніи какого-то бунта сѣмьно-касторжныхъ, и, въ награду, глава ихъ получилъ княжеское достоинство и наследственную власть надъ своимъ племенемъ; теперь титулъ начальника урульгинскихъ тунгусовъ носить князь Гантимуровъ.

**) «Лукичъ» это бывшій, нынѣ умершій, полицеймейстеръ города Читы, Александръ Лукичъ Пароентьевъ, личность крайне популярная между арестантами и ссыльными. Прежде, до него, путь бѣглыхъ изъ Карты и другихъ заводовъ лежалъ чрезъ самый городъ Читы, и, понятно, безопасность и спокойствіе города отъ этого не увеличивались. Чтобы отучить бродягъ заходить въ Читы, «Лукичъ» избралъ слѣдующій методъ: какъ скоро бродяга попадался въ городъ, или на городской землѣ, онъ его до суда дралъ, какъ только можно драть, держалъ все время въ темной и вообще пойманному приходилось жутко: только бы выжить. Если же бродяги попадались въ округъ, т.-е. внѣ сферы власти городской полиціи, и препровождались къ «Лукичу» для содержанія въ острогѣ, то онъ обыкновенно выпускалъ ихъ на волю въ тотъ же день, даже не побивъ ихъ. Методъ удался, и въ нѣсколько лѣтъ онъ добился, что бродяги стали обходить Читы, направляясь на селеніе Верхъ-Чита, въ 25-ти верстахъ отъ города.

***) Братскіе—по-сибирски буряты. Такъ-называемая «братская степь» пошла къ самой Читѣ и доходить до города Верхнеудинска.

Тутъ, извѣстно, идти много легче; есть и русскія деревни и заимки (хутора), можно кое-гдѣ и поработать, особливо въ лѣтнее время. Товарищи мои такъ и сдѣлали, остались тутъ, а я пошелъ дальше, къ рѣкѣ Хилкѣ, намѣреваясь пробраться оттуда на рѣку Чикой, гдѣ я уже жила въ прежде и гдѣ, признаться, баба моя, тоже изъ бѣглыхъ, проживала въ работницахъ у одного «семейскаго» (такъ въ Сибири зовутъ старообрядцевъ). По Хилкѣ идти нашему брату совсѣмъ вольно, — никто тебя не тронетъ, а еще рѣдкѣй не позволить отдохнуть у себя въ банѣ, да не накормить. Идти по Хилкѣ до Чикой показалось мнѣ далекимъ, да и мужички сказывали, что ежели отъ нихъ, съ Хилкѣ, хребетъ перевалить, примѣромъ версть 20, то Чикой тутъ и будетъ. Я такъ и рѣшилъ напрямикъ. Дорога вела все въ гору, каменистая, такъ что, вышедши на утренней зарѣ, я до вершины еле-еле къ вечеру добрался. Усталъ страсть какъ, одначе хотѣлось чайку попить, — какъ идти, чайничекъ-то я на Хилкѣ взялъ у знакомаго мужичка, — и сталъ разводить огонь, анъ гляжу, саженьяхъ этапъ въ пятидесяти пониже меня, въ кустахъ, тоже огонекъ мелькаетъ. Кому, думаю, быть тутъ: нашего брата, бѣлаго, въ этихъ мѣстахъ не бываетъ, потому далеко оно, мѣсто-то, и въ сторонѣ отъ тракта; буряты тутъ близко нѣтъ; не иначе, молъ, какъ «промышленники» (охотники), потому звѣря по Чикойю видимо-невидимо всякаго. Захотѣлось мнѣ къ нимъ подойти, да боязно: промышленникъ — промышленнику розъ; много и между ними, что бьютъ нашего брата какъ волка. Вспомнилъ я и рассказы одного бѣлаго про трехъ братьевъ, — на Хилкѣ же живутъ, большой капиталъ имѣютъ, тысячь двѣсти, а то и болѣе, и занимаются теперь разными подрядами на частные приски; капиталъ они нажили тѣмъ, что, во времени выхода рабочихъ съ присковъ, выѣзжали на встрѣчу къ нимъ, въ тайгу, и подстерегали, и какъ кто зазѣвается, идетъ одинъ или вдвоемъ, изъ-за куста уложить ихъ изъ винтовки да и обернуть, а рабочіе, особенно съ Сабашниковскихъ присковъ, рѣдкѣй не несутъ съ собой золотого песочку, припрятаннаго за шесть мѣсяцевъ непрестанной работы. У иного, ловкаго, рабочаго можно и сейчасъ найти съ фунтъ и болѣе. Съ этого грабежа и пошло у нихъ, сказываютъ, богатство. Много душъ такимъ манеромъ отправили они на тотъ свѣтъ. Вспоминаю это все, а самого такъ и подмываетъ посмотреть, что за люди въ этой глуши. Притушилъ свой огонь и поползъ тихохонько къ нимъ; изъ темноты-то мнѣ видно: вижу, двое сидятъ,

чай пьютъ, а винтовокъ и собакъ нѣтъ; еще ближе, вижу либо просто крестьяне съ покосу или заимки, или же нашъ братъ—бродяга. Я всталъ и подошелъ прямо къ нимъ: «здравствуйте, молъ, добрые люди». Какъ они вскочутъ, одинъ бросился въ лѣсъ, а другой схватилъ ножъ и прямо ко мнѣ. «Чего вы испугались?— успѣлъ вскричать я.— Я одинъ, такой же, какъ и вы, прохожій, иду на Чикой, увидалъ огонь,—ну, и подошелъ»,—а самъ, значить, ближе къ огню, чтобъ они не сумлѣвались. Ужь нашего брата сейчасъ видно. Который съ ножомъ, посмотрѣлъ на меня и, видя, что я за человѣкъ, засунулъ ножъ за поясъ. «Пойдемъ, говоритъ, присядь». Ознакомились мы живо; они меня чаемъ потчивали, а у меня съ деревни было малость вина захвачено, его распили, и рассказали имъ, откуда я и куда пробираюсь.

— Тебѣ, говорятъ, хорошо: доберешься до Чикоя да и заживешь паномъ; а намъ каково: скоро два года, какъ идемъ на родину, а дошли всего досюда, идти еще столько же, коли не больше.

— Да вы, нешто, не съ Кары, что больно долго въ дорогѣ?

— Какое съ Кары!... Съ самаго Соколинаго острова *)).

— Да оттуда, сказываютъ, и убѣжать нельзя,—кругомъ вода,—какъ же вы ухитрились?

— Это вѣрно, что хитро уйдти отсель, и кабы, значить, тамошнему караулу жилось лучше, чѣмъ намъ, арестантамъ, не уйтить бы ни за что, да и они, сердечные, маются тамъ, какъ и мы же,—ну, мы съ карауломъ вмѣстѣ и бѣжали.

Далѣе, они мнѣ и рассказали про свой побѣгъ. Отправили ихъ, изъ главнаго тамъ острога, человѣкъ шестьдесятъ, съ конвоемъ изъ двѣнадцати солдатъ при унтеръ-офицерѣ, версть за 30, дрова ли рубить или доски пилить—не помню. Отправились, хлѣба мало, горячаго ничего нѣтъ ни конвойнымъ, ни имъ. Вышли они какъ-то къ морю, видятъ, много японскихъ лодокъ у берега стоятъ,—приѣхали японцы какую-то морскую капусту добывать. А нашимъ такъ трудно было: пищу обѣщали прислать—не присылаютъ, животы у всѣхъ подвело. Тутъ одинъ изъ ссыльныхъ и говорить:

— Эхъ, кабы воля моя, хорошее бы дѣло можно сдѣлать: и поѣли бы всласть, да и ушли бы съ Соколинаго.

— А что бы ты сдѣлалъ?—спрашиваетъ старшій конвойный.

*) Такъ каторга называетъ островъ Сахалинъ.

— Да прикололъ бы японцевъ,—пищи у нихъ видно съ собою много, не на день прѣхали, вишь шелашей настроили,—сѣлъ бы въ ихъ лодки да и гайда по морю. Богъ милостивъ, куда-нибудь выѣдемъ на землю.

Слова эти сильно прищались по душѣ не однимъ арестантамъ, а и солдатикамъ. Долго ли, коротко ли, и они порѣшили бѣжать сообща, потому что солдатамъ еще горше приходилось, чѣмъ ссыльнымъ. Японцевъ перекололи (ихъ было гораздо менѣе и безъ всякаго оружія), поѣли, какую провизію нашли, поклали въ лодки и—въ море. На другой же день вѣтромъ ихъ пораскидало въ разныя стороны, и той лодкѣ, гдѣ сидѣлъ раскащикъ, послѣ двухъ недѣль плаванья удалось пристать къ какому-то берегу.

Они, оказалось, попали хоть и на китайскую землю, но близко къ русской границѣ. Тамъ нашлось нѣсколько китайцевъ, которые понимали по-русски, растолковали, какъ добраться до границы, и снабдили за два ружья, что были въ лодкѣ, достаточнымъ количествомъ провизіи.

До границы они (ихъ было двѣнадцать чловѣкъ) шли вмѣстѣ, а потомъ, чтобы легче пройти, рѣшили раздѣлиться попарно. Такимъ-то манеромъ эти двое, чрезъ два года, прошли весь Амуръ; причемъ на зиму останавливались, занимаясь одинъ сапожнымъ дѣломъ, а другой изъ бересты дѣлалъ туеза (бураки), корзины и проч. За это ихъ держали, кормили, да еще на дорогу и денегъ дали. Объ участи остальныхъ участниковъ побѣга эти двое ничего не знали: живы ли, нѣтъ ли, или гдѣ попались на дорогѣ. Одному изъ нихъ нужно было дойти до Енисейска,—онъ тамошній,—а другому, помнится, въ Ярославскую губернію. На утро мы попрощались, я имъ кое-кого указалъ на Хилкѣ, гдѣ безопасно пристать можно, и расстались. Солнышко еще не закатилось, какъ я вышелъ на Чикой, а къ вечеру уже сидѣлъ съ бабой своей и водочку распивалъ въ банѣ. Люди говорятъ: какъ это съ Кары народъ идетъ?... Нѣтъ, братъ, коли съ Соколиного бѣгутъ, такъ намъ и Богъ велѣлъ!

Этими словами закончилъ бродяга свою повѣсть. Отвѣтственности за справедливость этого разсказа я не беру на себя, но повторяю, что каторга отнеслась къ нему съ полнымъ довѣріемъ. При этомъ разсказѣ мнѣ пришло на память нѣсколько случаевъ бѣгства изъ тюремъ, городскихъ и карійскихъ, которые я запи-

сая тогда же. Отчего и какъ бѣгутъ съ Кары, постараюсь объяснить.

Кромѣ весьма естественнаго, въ каждомъ человѣкѣ, желанія освободиться изъ кѣтки, куда его запрятали, на Карѣ существуетъ еще одна чисто практическая причина, заставляющая каторжнаго бѣгать изъ тюрьмы, несмотря на рискъ быть убитымъ или избитымъ до полусмерти при поимкѣ. Причина эта имѣетъ мѣсто не только на Карѣ, но и на другихъ мѣстахъ каторжныхъ работъ: Алгачинскомъ рудникѣ, недавно возобновившемъ свою дѣятельность, куда откомандировано изъ Кары до 300 человѣкъ, на Сахалинѣ и друг. Человѣку осужденному на 4—6 лѣтъ *нѣтъ никакого расчета* подвергаться опасностямъ, во всякомъ случаѣ неизбѣжнымъ при побѣгѣ; ему придется посидѣть въ тюрьмѣ 1½—3 года, что, при небольшомъ даже терпѣннн, вещь возможная; остальное время срока онъ отбудетъ на Карѣ «исправляющимся», т. е. почти свободнымъ человѣкомъ, а затѣмъ выходить на поселеніе, гдѣ каждый, по собственной уже своей волѣ, устраиваетъ свою судьбу, и еслибы задумалъ все-таки бѣжать, то конечно съ поселенья во сто разъ легче. Совершенно другой расчетъ представляется осужденному на 12—20 лѣтъ работъ; при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ ему придется высидѣть въ тюрьмѣ половину срока, а согласитесь, что это ужасно. Прожить десять лѣтъ въ тюрьмѣ рѣдкій можетъ, а если и живетъ, то ужъ какая же это жизнь? Онъ обязательно преждевременно разрушается, часто болѣетъ, тупѣетъ и, конечно, по окончаніи *всего* срока, т. е. 15—20 лѣтъ, дѣлается нигуда негоднымъ человѣкомъ. Кому, побывавшему въ Восточной Сибири, неизвѣстенъ типъ старика-поселенца? Оборванный, беспомощный, неспособный ни къ какой работѣ, онъ невольно напоминаетъ старую дворную собаку; выгнанную безжалостнымъ хозяиномъ, которую никто не только не возьметъ изъ жалости къ себѣ, но считаетъ какъ бы обязаннымъ запустить въ нее камень, или съѣздить коломъ по старческимъ, чуть не наружу, высунувшимся ребрамъ. Такая же жизнь и поселенца-старика, надорвавшего свои силы въ тюрьмѣ. Правда, совершенно неспособнымъ къ работѣ казна даетъ пособіе; но что же это за пособіе—три рубля въ мѣсяць, когда за Байкаломъ, напримѣръ, хлѣбъ зачастую доходитъ до 1 руб. 50—1 руб. 80 коп. и болѣе за пудъ, не говоря, что изъ этихъ же денегъ ему и одѣться надо (при нашихъ-то холодахъ), и квартиру имѣть!? Да и эти три рубля даются только *совершенно*

неспособнымъ работать; ихъ свидѣлствуютъ въ губернскихъ врачебныхъ управахъ, причемъ скрытыя болѣзни, напримѣръ: страшные ревматизмы, истощеніе силъ—слабь и рядомъ не доставляютъ своему владѣльцу желанныхъ трехъ рублей. «У васъ у всѣхъ ломота!—кричитъ не въ мѣру блюдушій интересы казны эскулапъ.—Пошелъ вонъ!...» И несчастный старикъ, нерѣдко за 300—500 верстъ добредшій Христовымъ именемъ, ползеть обратно въ селеніе, къ которому онъ приписанъ, вспоминая съ горечью слова управскаго сторожа, старика же, полегоньку потакивавшего его въ шею изъ присутствія: «И что вы за народъ чудной! Неужто не понимаете, что мы такимъ, какъ ты, свидѣтельства не даемъ. Кабы у тебя, къ примѣру, руки или ноги не было, еслибъ ребра были поломаны,—ну, такъ, а то цѣлый человѣкъ, безъ знаковъ значить, а лѣзеть».

И, вотъ, «цѣлый» человѣкъ черезъ мѣсяць или болѣе, послѣ нечеловѣческихъ усилій, добирается до своего селенія.

— Ну, что,—спрашиваютъ обыватели,—свидѣлствовали?

— Какъ же, свидѣлствовали.

— Сколько же выдали пособія?

— Нисколько... Поглядѣли меня и сказали, что я здоровъ, къ пособію не подошелъ. Еслибы,—говорять,—у тебя ноги не было или руки, тогда дали бы, а теперь нельзя,—повторяетъ онъ, врѣзавшійся въ память, слова сторожа.

— Такъ неужто-жь намъ тебя кормить еще и эту зиму? Вѣдь ты и то обществу во-о-какъ вѣхалъ! Ступай куда хошь,—мы на тебя не работники; сами съ хлѣба на квасъ перебиваемся, а по веснѣ, не плошь тебя, побираться придется. Ступай съ Богомъ.

— Куда-жь я пойду? Вѣдь чужаго-то старика нигдѣ не примуть. Помилосердуйте!—И старичишко валится міру въ ноги.

Міряне смущены, готовы бы поддаться добродушному чувству, да, въ самомъ дѣлѣ, черезъ немного времени имъ самимъ грозитъ голодь,—куда же тутъ оставлять лишній ротъ!

— Рази такъ сдѣлать,—говоритъ одинъ общественникъ.— Выдадимъ ему приговоръ, отъ общества, что старикъ онъ, мошь, хорошій поведеніемъ, только къ работѣ не гошь, что все общество удостовѣряетъ въ этомъ. Може съ такимъ приговоромъ пособіе выйдеть; а какъ выйдеть, пуцай приходитъ къ намъ,—все за три рубля-то, какъ-никакъ, прокормимъ и обогрѣемъ.

— Вѣрно ты сказываешь,—одобряютъ многіе находчиваго оратора.—Слышишь, старикъ, какъ міръ порѣшилъ?

— Слышалъ, — убитымъ голосомъ отвѣчаетъ старикъ, все еще стоящій на колѣнахъ. — Да не дойти мнѣ до города; и къ вамъ-то чрезъ великую мою силу добрель.

— Ну, какъ хошь, а держать тебя безъ пособія мы не согласны, — уже суровымъ голосомъ говоритъ тотъ же ораторъ.

— Давайте, что ли, — соглашается старикъ, изъ тона говорившаго понявшій, что мiръ будетъ неумолимъ на этотъ разъ. — Авось добреду.

— Богъ милостивъ, добредешь. Пособіе дадутъ, возвращайся. Такъ-то лучше! — загудѣла толпа.

И, отдохнувши денегъ-другой, новый «вѣчный жидъ» поплелся въ городъ, съ паспортомъ и приговоромъ за пазухой, съ двумя-тремя фунтами хлѣба въ дырявой котомкѣ, съ смутною надеждой на силу мiрскаго приговора.

Бываютъ случаи, что такіа настойчивыя посѣщенія губерніи, съ приговоромъ общества, причемъ несчастный проситель пребываетъ у всего начальства, какое только существуетъ, начиная съ писца правленскаго до губернатора включительно, увѣнчиваются успѣхомъ, и обрадованный старикъ спѣшитъ домой, увѣренный, что теперъ не поколѣетъ онъ съ холода и съ голода; но, нерѣдко, въ такихъ странствіяхъ онъ мучительно проводитъ остатокъ дней своихъ, пока силы окончательно не измѣняютъ ему и онъ не умретъ, какъ бездомная собака, гдѣ-нибудь у сельской околицы...

Вѣроятность такой участи, всей каторгѣ извѣстной, и возможность избѣжать ея ловкимъ побѣгомъ и заставляють «долгосрочныхъ» каторжныхъ лѣзть на пулю, лишиться нѣсколькихъ реберъ, что обычно при поимкѣ ихъ, но тѣмъ не менѣе бѣжать. Какимъ образомъ они могутъ избѣжать этой жалкой участи, я расскажу сейчасъ, а послѣ перейду и къ различнымъ способамъ побѣговъ.

Предположимъ, удастся Ивану Федорову, осужденному на 20 лѣтъ, бѣжать изъ тюрьмы и скрыться, несмотря на тщательные розыски, которые всегда ревностно производятся казаками, въ виду того, что виновные въ упускѣ арестанта, караульные, подвергаются строгой карѣ: приговариваются на нѣсколько лѣтъ въ арестантскія роты. Если этотъ Иванъ Федоровъ не изъ бывалыхъ уже арестантовъ, не бродяга по призванію, какъ большинство бродягъ, то онъ старается пробраться если не до Иркутской губерніи, то хоть до пограничнаго съ ней округа (уѣзда)

Забайкальской области—Верхнеудинскаго. Въ этомъ мѣстѣ, если застануть его холода, онъ идетъ почти открыто, не только не боясь, что его схватятъ, но какъ бы желая этого; а такъ какъ тамъ не особенно ревностно хватаютъ бродягъ, то случается, что Иванъ Федоровъ этотъ, не желая зря зябнуть, самъ заявляется въ первое волостное правленіе, гдѣ конечно вынуждены его арестовать и препроводить въ городъ, для содержанія въ острогѣ. На спросы онъ отвѣчаетъ, что зовутъ его Иванъ, отчества и фамилин не знаетъ, гдѣ родился и проживалъ—не помнитъ, питался подаваніемъ добрыхъ людей и какъ очутился, положимъ, въ Верхнеудинскомъ округѣ—не можетъ объяснить. Послѣ такихъ обстоятельныхъ отвѣтовъ пріобрѣтаетъ онъ *новое* имя Ивана Непомнящаго; а такъ какъ такихъ Ивановъ многое множество во всѣхъ сибирскихъ острогахъ, то, для отличія, въ спискахъ ему проставляютъ приблизительно лѣта, и онъ обязанъ на переключкахъ отзываться именно по этимъ лѣтамъ. Производство слѣдствія по такимъ дѣламъ упрощено въ Сибири до *minimum'a*. Земскій засѣдатель, ограничившись опросомъ бродяги, и затѣмъ о его поимкѣ или о добровольномъ его явленіи къ властямъ представляетъ дѣло въ полицейское управленіе, гдѣ только подводятъ законъ, полагающій «каждаго бродягу, пойманнаго въ предѣлахъ Сибири, по наказаніи двадцатью ударами плетей, сослать въ каторжныя работы на четыре года». Продержавъ Ивана Федорова, или, какъ теперь его называютъ, Ивана Непомнящаго, 32-хъ лѣтъ, всю зиму въ острогѣ, такъ какъ, вслѣдствіе холодовъ, этапное движеніе зимой не производится, весной отправляютъ на Кару, гдѣ, отсиdvвъ въ тюрьмѣ года полтора или два, переводятъ его въ разрядъ исправляющихся, т. е. на волю. Такимъ образомъ дѣлается понятнымъ тотъ, подчасъ безумный, рискъ, съ какимъ долгосрочные рѣшаются на побѣги; вѣдь такимъ образомъ, въ случаѣ удачи, Иванъ Федоровъ *сбавляетъ себѣ шестнадцать лѣтъ работы* и, отсиdvвъ *четыре года*, выходитъ на поселеніе полнымъ еще силъ, а слѣдовательно способнымъ на всякій трудъ. Мнѣ скажете вы: «да вѣдь его же узнаютъ на Карѣ, и онъ рискуетъ перейти въ безсрочные?» На это я долженъ пояснить вамъ, что еслибъ Иванъ Федоровъ попался гдѣ-нибудь по близости и былъ бы доставленъ на Кару, пока не успѣли казаки смѣниться, что бываетъ каждый годъ, а слѣдовательно и дѣло «объ упускѣ Ивана Федорова такими-то казаками, находившимися тогда въ караулѣ», состояло бы еще

въ производствѣ, тогда въ интересахъ пострадавшихъ казаковъ— узнать и выдать его, что, однако, и тогда не легко, такъ какъ трудно предположить, чтобы казаки могли знать, что такая-то физіономія принадлежитъ именно Ивану Ѳедорову, ибо каторжныхъ на Карѣ до 4.000 и они ежегодно мѣняются: часть умираетъ, часть бѣжитъ, многіе уходятъ на поселеніе, на Сахалинъ, командируютъ ихъ частнымъ золотопромышленникамъ и т. д., и каждый же годъ прибываетъ ихъ нѣсколько тысячъ. Гдѣ же тутъ признать его въ лицо? Узнать Ивана Ѳедорова, хотя бы и черезъ нѣсколько лѣтъ, могутъ только товарищи, которые *ни за что ни выдаютъ*, да отчасти смотрителя, у которыхъ чрезвычайно развивается способность запоминать лица и фамиліи, но и тѣ *всегда* дѣлаютъ видъ, что не узнаютъ въ вернувшемся Ивана Ѳедорова, потому что, находясь безпрестанно въ сношеніяхъ съ каторгой, они не желаютъ сдѣлать изъ нихъ себѣ враговъ (что неминуемо произойдетъ, въ случаѣ ихъ доноса), такъ какъ это, во-первыхъ, невыгодно для ихъ кармановъ, а во-вторыхъ и не безопасно: вѣроятность получить добрый ударъ ножомъ въ толпѣ слишкомъ очевидна, чтобы онъ пренебрегалъ ею. Вотъ объясненія, почему Ивана Ѳедоровы смѣло возвращаются къ своей alma mater, не боясь быть узнаанными.

Перейдемъ теперь къ самой техникѣ, такъ сказать, побѣговъ. Расскажу случай побѣга изъ тюрьмы. Въ 1875 году не только наше мѣстное, но и губернское начальство было крайне озадачено исчезновеніемъ одиннадцати арестантовъ изъ такъ-называемой «Новой тюрьмы»—самой строгой и считающейся самою надежной, отчего и немногіе политическіе преступники *) содержались тамъ. Арестанты эти исчезали тамъ постепенно, одинъ по одному, самымъ загадочнымъ образомъ. Какъ происшествіе, выходящее изъ ряда вонъ, дѣло это было поручено спеціально командированному губернаторомъ слѣдователю, который, по тщательномъ осмотрѣ тюрьмы, не нашелъ ни малѣйшаго слѣда подкопа или взлома. Опросы арестантовъ, понятно, не повели ни къ чему. Смотритель показалъ, что имъ ежедневно производилась переключка, послѣ привода партіи съ работъ, и всякій разъ, хотя конвой сдавалъ ему обратно то же количество людей, какое принималъ отъ него утромъ, онъ, дѣлая въ тюрьмѣ, вечеромъ, общую переключку всѣмъ арестантамъ, какъ приведеннымъ, такъ

*) Сообщено въ 1878 году.

и остававшимся день дома, — всегда, въ продолженіе 11-ти дней, не досчитывался одного человѣка. Какъ это произошло — объяснить не можетъ. — Караулъ, водившій арестантовъ на работы, показаль, что сколько онъ принималъ отъ смотрителя рабочихъ, столько же и сдавалъ обратно, приводя въ доказательство ежедневныя собственноручныя росписки смотрителя въ полученіи, чуть не за годъ времени, сполна всѣхъ рабочихъ. Находившіеся же въ караулѣ при тюрьмѣ въ эти дни казаки весьма резонно объясняли, что въ это время бѣгства не было, ибо они замѣтили бы, еслибы кто перелѣзалъ черезъ ограду, или прыгалъ бы съ крыши, но что можетъ-быть смотритель давно выпустилъ арестантовъ и только теперь объявилъ, желая свалить вину на нихъ.

Словомъ, виновнаго никого не оказалось и способъ, которымъ бѣжало 11 чел., невыясненъ. Побился, побился слѣдователь, да такъ и уѣхаль, ничего не сдѣлавъ, навлекши только на себя и на свое непосредственное начальство — губернатора — жестокую нахлобучку изъ Иркутска. Года два спустя мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ изъ участниковъ этого побѣга, вновь попавшимъ на Кару и, конечно, съ другимъ именемъ. По его словамъ, побѣги были совершаемы такъ: въ Новой тюрьмѣ содержался тогда, а можетъ-быть и теперь содержится, одинъ арестантъ, прозванный товарищами, да числящійся и по спискамъ такъ, ради своего необыкновенно малаго роста и общей миниатюрности, «Бонѣйкой». Въ одно время съ нимъ сидѣлъ и другой арестантъ, необыкновенно ловкій и гибкій, какъ акробатъ, еще молодой, почему-то носившій прозвище «Жандарма». При видѣ этихъ двухъ субъектовъ, одному старому «варнаку» пришла мысль учинить, съ помощью ихъ, бѣгство en grand. О мысли этой онъ объявилъ «товариству», оно одобрило и, такъ сказать, санкціонировало эту мысль. На вызовъ стараго бродяги желающихъ вмѣстѣ съ нимъ попробовать счастья — бѣжать — отозвалось еще 10 человѣкъ, которые всѣ благополучно и бѣжали. Дѣлалось такъ. Когда утрошь «гонять» насъ на работу, то всѣ, отирающіеся въ «разрѣзъ», т. е. на работу, выходятъ гурьбою за ворота, гдѣ полукругомъ расположена «цѣпь» казаковъ, строятся внутри цѣпи, въ двѣ шеренги, и смотритель, вмѣстѣ съ тѣмъ «старшимъ» изъ конвоя, который имъ начальствуетъ, считаютъ «по головашь» (не поименно) число вышедшихъ арестантовъ. Сосчитавши внимательно число людей, старшой выдаетъ смотрителю записку, въ которой говорится только: «Такого-то числа я N N

принялъ отъ смотрителя N N столько-то людей». Вечеромъ, при возвращеніи, та же процедура. Не впуская людей въ тюрьму, тотъ же старшой и смотритель, опять «по головамъ», повѣряютъ виѣсть людей, и если вѣрно, то тогда уже смотритель выдаетъ старшому записку о полученіи имъ обратно всѣхъ людей. Этимъ порядкомъ и воспользовался Сизыхъ (такъ звали инициатора этой штуки). За приличную сумму, т.-е. не болѣе одного рубля съ человѣка, онъ подговорилъ Копѣйку выходить каждый разъ за ворота при отправкѣ партіи и при установкѣ людей въ шеренги для счета. Копѣйка умудрялся залѣзать къ кому-нибудь изъ арестантовъ, у кого халатъ былъ подлиннѣй, между ногъ, подъ халатъ, и сидѣлъ до конца счета; когда раздавалась команда: «пошелъ», онъ незамѣтно вставалъ и втирался въ массу. Такимъ образомъ смотритель и старшой, первый сдавая, а второй получая, были увѣрены, что вышедшихъ арестантовъ, положимъ, 400 чел., тогда какъ, считая Копѣйку, ихъ было 401 чел. Во время работъ, желающаго убѣжать товарищи передъ отходомъ скрывали куда-нибудь въ яму, нарочно выкопанную и прикрытую носилками, тачками и друг. рабочимъ инструментомъ, оставляемымъ на ночь, въ разрѣзѣ. Передъ тѣмъ, какъ партію вести въ тюрьму, старшой на мѣстѣ работы строить ее вновь въ шеренги и считаетъ для собственнаго успокоенія; понятно, что Копѣйка теперь не прячется и, съ нимъ насчитавъ нужныхъ 400 чел., конвой ведетъ ихъ въ тюрьму, гдѣ смотритель, насчитавъ тѣхъ же 400 чел., спокойно выдаетъ росписку въ полученіи и впускаетъ въ ограду. Это—первая часть плана. Вторая часть заключалась въ томъ, чтобы послабѣе, въ случаѣ открытія побѣга, озадачить и сбить начальство; выполнение этой задачи возложено было на «Жандарма». Всѣ камеры выходятъ дверями въ одинъ корридоръ, ведущій на дворъ. Въ каждой камерѣ содержится до 80-ти человѣкъ и они имѣютъ общую съ сосѣдней печь, топки которыхъ также выходятъ въ корридоръ. Перегородки между камерами деревянные и, для безопасности отъ огня, отдѣлены отъ печей кирпичами въ два ряда. Арестантики уже давно пользуются этими кирпичами, которые ими вынимаются въ экстренныхъ случаяхъ, наприм.—во время обыска; тогда мгновенно камера, въ которой находится контрабанда, какъ-то: водка, карты и проч., черезъ эти отверстія передаетъ ее въ камеру сосѣдную уже обысканную, или имѣющую быть обысканной послѣ, и такъ спасается отъ погрома. Вече-

ромъ камеры запираются на замки и передъ запоромъ смотритель дѣлаетъ переключку по камерамъ, послѣ каковой, если всѣ на-лицо, запираетъ камеру и идетъ въ слѣдующую. Вотъ тутъ-то и нуженъ былъ Жандармъ. Онъ съ изумительною ловкостью пролѣзалъ въ отверстіе между печью и перегородкой не болѣе квадратнаго фута, въ то время, когда смотритель, повѣривъ и заперевъ ту камеру, гдѣ онъ обрѣтался, переходилъ въ другую. Въ этой другой хотя и не было арестанта, который уже бѣжалъ, но по счету оказывались всѣ на-лицо, такъ какъ Жандармъ уже былъ тамъ, откликнулся за него и переходилъ, какъ сосчитанный, на другую сторону. Эти штуки повторялъ онъ всѣ одиннадцать дней и бѣдный смотритель рѣшительно съ толку сбился, недоумѣвая, кто въ бѣгахъ и кто на-лицо, такъ какъ Жандармъ являлся сегодня то Иваномъ Федоровымъ, то Семеномъ Нягитинымъ и т. д., и все въ разныхъ камерахъ.

Побѣгъ этотъ очень остроумно задуманъ и столь же остроумно выполненъ; но еще съ большею простотою, остроуміемъ и, если хотите, дерзостью выполненъ былъ побѣгъ, кажется, въ 1872 году, изъ читинскаго острога содержавшимся тогда тамъ, извѣстнымъ всей Читѣ, нѣкимъ Лопаницынымъ. Лопаницынъ былъ прежде рядовымъ читинской мѣстной команды и служилъ поваромъ у командира ея. Не понравилось что ли ему житье это, только онъ, укравъ какую-то бездѣлицу у начальника, сбѣжалъ и вскорѣ своими необычайно дерзкими кражами навелъ ужасъ на всю Читу. Такъ онъ, пользуясь уже извѣстнымъ реномѣ, явился къ одному гуцу, еврею Янкелю Потѣхѣ, занимавшемуся ссудой подъ закладъ, среди бѣлаго дня, въ его лавку, находящуюся на лучшей улицѣ города, въ центрѣ движенія, и преспокойно потребовалъ сколько-то денегъ, —пустяки впрочемъ, —и кое-что изъ товаровъ, объявивъ, что онъ и есть Лопаницынъ. Ужасъ Потѣхи былъ такъ великъ, что онъ безпрекословно отдалъ требуемое и послѣ того слегъ въ постель что-то мѣсяца на два... Лопаницына этого ловили много разъ и въ Читѣ, и по другимъ городамъ Забайкалья, но онъ всегда удивительно удачно бѣгалъ. Послѣдній его побѣгъ я и хочу разсказать. Послѣ поимки около Нерчинска, его, избитаго и страшно изуродованнаго, препроводили въ Читу. Пролежавъ два мѣсяца въ тамошнемъ полугоспиталѣ, онъ настолько поправился, что былъ переведенъ въ острогъ, продолжая однакожь пользоваться совѣтами врача, который, между прочимъ, предписалъ ему дѣлать гимнастическія упражненія. Для этого его,

содержавшагося въ строгомъ одиночномъ заключеніи, въ темномъ карцерѣ, выводили подъ карауломъ на особый дворикъ, внутри острога, одну изъ сторонъ котораго, т.-е. дворика, составляла высокая ограда изъ бревенъ, врытыхъ въ землю стоймя и заостренныхъ вверху конусомъ, называемыхъ въ Сибири «пáями». Стѣна эта выходила къ оврагу, заросшему кустами, который отдѣлялъ городъ отъ «сопокъ» (горъ), раскинувшихся почти кругомъ. На этой-то стѣнѣ, вышиною до 2-хъ сажень, и упражнялся, по совѣту доктора, Лопаницынъ въ продолженіе мѣсяца или даже болѣе, вколачивая между бревенъ кое-какіе, валяшіеся на дворѣ, кусочки дерева, въ родѣ клиньевъ, чтобы, держась за нихъ, могъ подыматься онъ на рукахъ. Сопровождавшіе его караульные до того привыкли видѣть его лазанія, что не обращали вниманія на то, что онъ съ каждымъ разомъ подымался по стѣнѣ выше и выше, пока въ одно прекрасное утро онъ, поднявшись до самаго верха, вдругъ не скрылся изъ ихъ глазъ, спрыгнувши со стѣны. Дворикъ этотъ, назначенный для особо важныхъ арестантовъ, отдѣлялся отъ общаго двора стѣною съ калиткою, которая, по впускѣ туда арестантовъ съ караульнымъ, запиралась дежурнымъ по караулу на ключъ. Такимъ образомъ, пока несчастный караульный докричался до дежурнаго по карауламъ и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, Лопаницынъ былъ уже далеко.

Громкою извѣстностью въ Восточной Сибири первокласснаго бѣгуна пользуется, долгое время содержавшійся въ иркутскомъ острогѣ, Паклинъ. Исторія его схожа съ исторіей Лопаницына въ томъ отношеніи, что, не будучи ни убійцей, ни поджигателемъ, онъ множество разъ бѣгалъ изъ остроговъ и наводилъ панику однимъ своимъ именемъ. Паклинъ, изъ мѣщанъ Нижнеудинской слободы, женатый человекъ, нанялся на лѣто къ одному изъ мелкихъ золотопромышленниковъ; по приходѣ на работы, онъ имѣлъ несчастье потерять свой паспортъ, а вслѣдъ за тѣмъ его постигло другое. Изъ-за жены своей онъ крупно поссорился съ управляющимъ пріискомъ, который, пользуясь своею властью, связалъ его, какъ бродягу, и отправилъ на родину, для удостовѣренія его личности, оставивъ жену на пріискѣ. По приводѣ на родину, мѣстный старшина, заполучивъ, вѣроятно, отъ управляющаго взятку, разсудилъ запереть Паклина, «покаль справка насчетъ пачпорта придетъ», въ кутузку, или, какъ здѣсь называютъ, «кательнику», находящуюся при волостномъ правленіи. Обиженный такою явною несправедливостью и горя желаніемъ пробратся

на прискъ за женой, Павлинъ, обладающій недюжинною силой, на третій же день выломалъ уголь своего не хитраго острога и не только самъ ушелъ, но и увелъ съ собою другихъ тамъ содержавшихся челоуѣгъ восемь или девять. До приска ему не удалось дойти,—его поймали вскорѣ и уже какъ важнаго преступника, ушедшаго со взломомъ тюрьмы, скопомъ, подговоривъ къ тому же и другихъ арестантовъ, препроводили для заключенія въ г. Нижнеудинскъ, въ острогъ, какъ въ болѣе надежное помѣщеніе; но и это не затруднило Павлина,—онъ снова бѣжалъ и принялся не только воровать, но и грабить на большомъ московскомъ трактѣ. То обстоятельство, что онъ грабилъ не въ глуши гдѣ-нибудь, а на самомъ проѣзжемъ мѣстѣ, обратило особенное на него вниманіе начальства, и онъ, пойманный, былъ уже доставленъ въ иркутскій острогъ. Тѣмъ временемъ онъ приобрѣлъ громадную популярность и въ обществѣ, и въ каторгѣ, и послѣдняя помогла ему бѣжать и изъ Иркутска. Это окончательно создало ему какое-то страшное имя, и онъ могъ уже продѣлывать такія вещи, напримѣръ: онъ одинъ останавливалъ обозъ, при которомъ нерѣдко бывало десятковъ и болѣе возчиковъ, и бралъ съ нихъ дань, ограничиваясь, впрочемъ, весьма небольшимъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ то попадался, то снова бѣгалъ самымъ замысловатымъ образомъ. Въ 1878 году онъ содержался въ иркутскомъ острогѣ, въ самомъ строгомъ одиночномъ заключеніи. Окна этихъ «секретныхъ нумеровъ», съ толстыми желѣзными рѣшетками, выходили на тюремный дворъ, двери же—въ корридоръ, гдѣ постоянно находился часовой, прохаживающійся тамъ и безпрестанно заглядывавшій въ маленькія окошечки, продѣланныя въ дверяхъ каждаго номера. Павлинъ изъ осторожности былъ посаженъ съ другимъ арестантомъ, еще совсѣмъ молодымъ, которому бѣжать не было никакого разсчета. Между тѣмъ, въ одну изъ ночей, одинъ изъ часовыхъ, стоявшихъ наружу, кругомъ острога, услышалъ какой-то шумъ на желѣзной крышѣ, точно будто кто ходитъ по ней; взглянувъ внизъ попристальнѣе, онъ различилъ двѣ челоуѣчскія фигуры. Тотчасъ же по тревогѣ прибѣжали солдаты, кони и захватили ихъ: оказались Павлинъ и его сотоварищъ по номеру. Послѣдній и выдалъ себя тѣмъ, что, несмотря на наставленіе Павлина идти по желѣзной крышѣ, наступая ногой только на швы листовъ, ступалъ прямо на листы, отчего произошелъ шумъ, обнаружившій ихъ присутствіе. Осмотрѣли камеру и на-

шли, что она какъ и слѣдуетъ на замѣкъ; когда же вошли внутрь, то увидали на потолокъ, около печи, квадратное, вершковъ въ 7, отверстіе. Оказалось, что какимъ-то путемъ у Паплина были ножъ, коловоротъ небольшой и гвоздь. Чтобы достать рукой до потолка, онъ стоялъ одною ногой на печномъ отдушникѣ, одною рукой держался за верхъ печи, а другою работалъ ножомъ, вырѣзая изъ досокъ, покрывавшихъ бревенчатый, изъ пятивершковыхъ бревень, потолокъ. Вырѣзавши въ одну ночь эту доску, онъ воткнулъ въ нее короткій острый гвоздь и ту сторону, гдѣ была шляпка гвоздя, намазалъ мякишемъ чернаго хлѣба и посыпалъ толченымъ мыломъ; затѣмъ съ помощью гвоздя прикрѣпилъ ее на мѣсто, такъ что, взглянувъ на потолокъ (бѣленный), ничего нельзя было замѣтить. Въ слѣдующую ночь, взобравшись на отдушникъ и снявши свой щитокъ, онъ коловоротомъ началъ вертѣть рядъ дыръ одна подлѣ другой въ бревнѣ, сообразно съ размѣромъ вырѣзанной доски, и такимъ образомъ въ продолженіе 10—12 дней, закрывая на день работу щитомъ, выпилилъ соответствующій кусокъ бревна. Отверстіе это выходило уже на чердакъ. Сначала онъ посадилъ или вѣрифе впихнулъ въ эту дыру товарища, а потомъ съ невѣроятными усиліями, имѣя точку опоры только въ душникѣ, влѣзъ самъ, оставивъ, какъ оказалось, на краяхъ отверстія куски собственной кожи и мяса. Опытные чиновники, старые сибирскіе служаки, не вѣрили глазамъ своимъ, смотря на широкоплечаго Паплина и на дыру, въ которую онъ ухитрился вылѣзть.

Поговоривъ о побѣгахъ, поговоримъ и о преступленіяхъ, совершающихся на Карѣ, хотя они и не даютъ богатаго матеріала, потому что *на Карѣ преступленийъ совершается меньше, чѣмъ гдѣ-либо*. Какъ это ни странно, но это такъ. Почти два года я здѣсь, а случилось всего три-четыре происшествія во все это время, заслуживающихъ нѣкотораго вниманія. Одно изъ нихъ сильно взволновало и начальство, и каторгу, но осталось не раскрытымъ. Въ одно октябрьское утро по промысламъ разнеслась вѣсть, что нашъ главный начальникъ, завѣдующій, скоропостижно умеръ отъ апоплексическаго удара. Убитая горемъ, еще молодая его жена ни за что не соглашалась похоронить здѣсь мужа и пожелала увезти тѣло на родину, въ Россію. Но пока изъ Иркутска выйдетъ разрѣшеніе на это, нужно же все-таки хоть временно, такъ какъ сслена не было, зарыть его въ землю. Мѣсто для могилы выбрали очень живописное, въ полугорѣ, какъ разъ

напротивъ главной улицы Средняго промысла, такъ что могила совершенно ясно видна съ него. Совершилась церемонія погребенія, часамъ этапъ къ тремъ послѣ обѣда, а на утро кто-то, случайно проходя мимо могилы, къ величайшему своему ужасу замѣтилъ, что она разрыта и трупъ, повидимому, ограбленъ. Дали знать властямъ, наѣхало ихъ пропасть, и глазамъ ихъ представилась слѣдующая картина: могила, несмотря на свою глубину, свыше сажени, въ мерзлой почвѣ, была разрыта до гроба, на послѣднемъ въ крышкѣ, топоромъ, преломана дыра около аршина длиной; въ эту дыру былъ вытащенъ наружу трупъ, повидимому, поднять до поверхности земли и раздѣтъ до бѣлья и потомъ крайне небрежно брошенъ на гробъ. Не желая, чтобы вдова покойнаго узнала о такомъ поруганіи дорогаго ей тѣла (она къ тому же была чрезвычайно набожна), начальство, по осмотрѣ мѣста преступленія, распорядилось немедленною ночинкою гроба, положеніемъ тѣла опять во гробъ и засыпкою могилы. Несмотря, что на всѣ эти работы были употреблены наилучшіе рабочіе, которые работали на глазахъ начальства, слѣдовательно, не отрываясь отъ дѣла, и при дневномъ свѣтѣ, кончить все это дѣло имъ удалось только черезъ четыре часа, такъ какъ мерзлая земля очень трудно поддавалась ударамъ кайла и лопаты. Каковы же должны быть здоровые ребята—преступники, которые ночью, безъ шума, безъ свѣта успѣли столько наработать? Отъ жены удалось все скрыть, и она спустя недѣли двѣ или три увезла тѣло съ собой, не подозрѣвая о совершенномъ надъ нимъ поруганіи. Начальство же осталось заинтересованнымъ, во-первыхъ, мотивомъ преступленія и, во-вторыхъ, открытіемъ лицъ совершившихъ его. Оказалось, что во время погребенія многіе изъ осмысленныхъ видѣли на немъ эполеты и между нихъ возникло нелѣпное убѣжденіе, что они изъ чистаго золота и стоятъ очень дорого; другикъ причинъ ограбленія, наиримѣръ—мѣсти, не могло быть, такъ какъ покойный пробылъ у нихъ очень не долго, и ни жестокостью, ни несправедливостью не отличался. Какъ я уже выше сказалъ, виновные, несмотря на усилія полиціи, остались ей неизвѣстными, да и каторга не знаетъ навѣрное ихъ,—по крайней мѣрѣ, я, несмотря на довѣріе ко мнѣ «товариства», не могъ, кромѣ смутныхъ указаній кое-на-кого, добиться чего-нибудь опредѣленнаго.

Затѣмъ въ бытность мою было еще два преступленія: одно изъ нихъ было убійство мужа и жены, съ цѣлю грабежа, причеиъ ви-

новные были открыты, а другое состояло въ томъ, что одинъ изъ исправляющихся, возвращаясь въ пріютъ, гдѣ онъ проживалъ мастеромъ, встрѣтилъ мальчика, лѣтъ шести или семи, посланнаго матерью къ знакомымъ размѣнять рублевую бумажку, которую онъ и несъ въ руцѣ, на виду; заманивъ какъ-то мальчика въ оврагъ, ссыльный, старикъ уже свыше 60-ти лѣтъ, отнялъ деньги, а когда мальчикъ сталъ кричать, то, схвативъ камень, убилъ его на мѣстѣ. На крикъ ребенка сбѣжался народъ, и виновный тутъ же, съ рублемъ въ рукахъ, былъ схваченъ.

Затѣмъ выдающіяся происшествія были совершены не столько ссыльными, сколько ихъ конвоемъ—казаками. Одинъ изъ ссыльных переведился изъ усть-карійской тюрьмы въ другую; добровольно послѣдовавшая за нимъ въ ссылку жена, проживавшая, конечно, на волѣ, узнавъ объ этомъ, захотѣла воспользоваться возможностью побыть съ мужемъ подольше и, явившись въ Усть-Кару, дождалась того времени, когда ея мужъ, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ, былъ отправленъ въ Нижнюю тюрьму, за 15-ть верстъ отъ Усть-Кары, и пошла вмѣстѣ съ нимъ, разговаривая о своихъ дѣлшкахъ. Дорога эта совершенно пустынная, частью лѣсистая, и въ одномъ-то перелѣскѣ одному изъ конвойныхъ пришла въ голову мысль, пользуясь безпомощностью женщины, для которой закованный въ цѣпи мужъ не могъ представлять собою достаточной защиты, и заручившись согласіемъ другаго конвойнаго, совершить надъ ней гнусное насиліе, для чего, несмотря на ея сопротивленіе и крики, потащилъ въ чашу кустарника. Ясно, что мужъ не могъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ подобнаго звѣрства и пиннулся, крича караулъ, на помощь къ женѣ. Какъ ни пуста дорога, но все-таки народъ по ней ѣздитъ и ходитъ; опасаясь, что крики эти могли быть и слышны, и будучи озлоблены за неудачу задуманнаго, оба конвойныхъ, бросивъ жену, кинулись къ мужу и нанесли нѣсколько тяжелыхъ ранъ штыкомъ и прикладомъ, не обойдя «по пути» и жену, которой тоже досталось. Затѣмъ, полумертваго, они дотащили его до тюрьмы и объявили, что дорогой онъ съ помощью жены намѣревался бѣжать, но дескать, благодаря ихъ расторопности, былъ задержанъ. Говорили они это въ расчетъ, что избитый до полусмерти ссыльный не въ состояніи будетъ уличить ихъ во лжи, а тотъ между тѣмъ, пришедши въ чувство, успѣлъ, передъ смертью, рассказать врачу, какъ это все произошло. Разсказъ мужа, во всѣхъ деталяхъ, подтвердила

и жена, тоже еле оправившаяся отъ побоевъ. Кажется, но настоянню мѣстныхъ военныхъ властей, дѣло это было занято...

Другое «казачье» дѣло было такъ. Возвращалась съ работъ въ Среднюю тюрьму довольно большая партія арестантовъ. Вдругъ раздалось громогласное «ура» всей партіи и нѣсколько человекъ кинулись сквозь дѣнь казаковъ въ кусты, растущіе у самой дороги; было произведено нѣсколько выстрѣловъ по бѣглецамъ, но неудачно. Моментально завѣдывавшій конвоемъ унтеръ-офицеръ, или по-казачьему урядникъ, командировалъ человекъ шесть въ догонку, въ дѣсь, и чрезъ нѣсколько минутъ слышались снова выстрѣлы; а спустя съ полчаса времени посланные казаки вернулись, доложивъ, что видѣли всего одного бѣглеца, котораго и убили выстрѣломъ; другіе же трое остались неразысканными. Трупъ былъ ими взятъ съ собою на промыселъ. По осмотрѣ трупа слѣдователемъ и врачомъ, оназалась странная исторія: вмѣстѣ огнестрѣльной раны, была штыковая въ нижнюю часть живота, хотя о ней казаками заявлено не было, причемъ врачъ заявилъ, что смерть произошла — именно отъ этой послѣдней, выстрѣлъ же былъ сдѣланъ *въ упоръ* — не въ живое тѣло, а въ трупъ. Изъ этого вытекало слѣдующее: казакамъ удалось нагнать одного изъ бѣжавшихъ; тотъ, не видя возможности скрыться, остановился и повернулся къ преслѣдователямъ лицомъ, сдаваясь живьемъ; но эти звѣри, разгорячившись, сдававшегося не взяли, а преспокойно прикололи, и чтобы замаскировать бесполезное и незаконное убійство, выстрѣлили послѣ въ упоръ, не рассчитывая, что наружный видъ ранъ покажетъ ихъ продѣлку. Такъ и случилось: энергически ведежное слѣдствіе, несмотря на нѣкоторыя противодѣйствія военного начальства, заставило виновныхъ, двухъ, признаться во всемъ и подтвердить высказанное выше мнѣніе врача, т. е. что они убили беззащитнаго человека, не будучи вынуждены къ этому никакими резонными причинами. Говорятъ, что судъ долженъ будетъ ихъ приговорить къ лишенію правъ и въ арестантскія роты.

Вотъ всѣ «чрезвычайныя происшествія», случившіяся въ эти два года на Барѣ. Если къ этому прибавить нѣсколько самыхъ нехитрыхъ кражъ, то сознайтесь, что для Бары, гдѣ случено нѣсколько тысячъ самаго отчаяннаго народа, притомъ голоднаго, это очень мало, и что намъ можетъ позавидовать въ отношеніи безопасности жизни самый благоустроенный городъ. Объяснить это

довольствомъ всѣхъ обывателей, равно какъ и отлично устроенною полиціей—невозможно, ибо ни того, ни другаго нѣтъ.

Есть еще другое, столь же отрадное и столь же трудно объяснимое явленіе—необыкновенно малый процентъ смертности между ссыльными. По словамъ военнаго врача, практикующаго здѣсь много лѣтъ, смертность между казаками, служащими здѣсь всего одинъ годъ, такъ какъ они ежегодно мѣняются, превышаетъ смертность между арестантами. По моему, впрочемъ чисто личному, мнѣнію, это возможно объяснить непрерывнымъ обмѣномъ личнаго состава каторги: ежегодно много бѣгутъ, ссылаются на Сахалинъ, выходятъ на поселеніе и пополняются наплывомъ свѣжихъ лицъ; короче сказать, большинство *не успѣваетъ*, такъ-сказать, умирать на Карѣ и такимъ образомъ ускользаетъ изъ—подъ контроля. Благоприятныхъ гигиеническихъ условій конечно и быть не можетъ, такъ какъ всѣ тюрьмы построены отвратительно, поддерживаются и содержатся еще хуже и притомъ переполнены чрезъ мѣру; въ тюрьмѣ, выстроенной на 180—200 человекъ, нѣрѣдко заключено 800 и болѣе арестантовъ!

Нища, какъ и вездѣ въ острогахъ, плоха и однообразна. Медицинская часть въ жалкомъ состояніи: всего одинъ врачъ на шесть большихъ тюремъ, не считая громаднаго лазарета, и три или четыре фельдшера. Аптека безукоризненна по отличному качеству медикаментовъ, въ которыхъ можно отыскать самые новѣйшіе и дорогіе препараты, и въ то же время лазаретъ, громадное, манеже-подобное зданіе, до того ветхое, что его ежегодно капитально ремонтируютъ, а не могутъ добиться даже того, чтобы потолоки не текли. Сумма ежегодно расходуемая на его ремонтъ такъ велика, что врачъ, указывая въ своихъ донесеніяхъ на это, предлагаетъ на нее выстроить новый, гораздо меньшій, но въ который онъ могъ бы безбоязненно помѣщать больныхъ, чего теперь онъ всячески избѣгаетъ, находя, что зданіе все до того прогнило и промозгло, что жить тамъ невозможно и совершенно здоровому человѣку, помѣщеніе же туда больнаго равняется смертному приговору надъ нимъ. Нѣкоторыя болѣзни, наприм. цынга, скорбутъ и т. п., дѣлаются тамъ неизлѣчимыми, и только переводъ больныхъ на лѣто въ бараки, въ Усть-Карѣ, причемъ они пользуются превосходнымъ купаньемъ въ широкой и быстрой рѣкѣ Шилѣ, помогаетъ врачу бороться съ этими у орными болѣзнями. Врачъ посѣщаетъ ежедневно лазаретъ и объѣзжаетъ разъ въ недѣлю всѣ тюрьмы, въ которыхъ, не желая

морить людей навѣрнее въ лазаретѣ, онъ оставляетъ большинство больныхъ. Лѣтомъ онъ два раза въ недѣлю ѣздитъ въ Усть-Кару, въ бараки, но тамъ, по его словамъ, присутствіе его почти лишне, такъ какъ больные на свѣжемъ воздухѣ, отъ свѣжей пици и куланій поправляются сами быстро. Въ сожалѣнію, бараки не въ состояніи вмѣстить одновременно всѣхъ людей, и врачъ, вслѣдствіе этого, вынужденъ, часто не дожидая полного ихъ выздоровленія, отправлять по тюрьмамъ и въ лазаретъ, чтобы доставить возможность и другимъ пользоваться удобствами барачной жизни.

Описавъ медицинскую часть, нужно поговорить и объ остальныхъ частяхъ нашей административной машинны.

У насъ на Карѣ орудуютъ три вѣдомства, другъ другу не подчиненныя, главные представители которыхъ стремятся, каждый, занять главенствующую роль, отчего часто интересы дѣла страдаютъ, а слѣдовательно страдаемъ и мы. Наше прямое начальство состоитъ изъ завѣдывающаго нерчинскими ссыльно-каторжными и находящагося при немъ управленія, которое состоитъ изъ помощника завѣдующаго, дѣлопроизводителя управленія и двухъ бухгалтеровъ: денежнаго и матеріальнаго; кромѣ того, въ подчиненіи завѣдующаго состоятъ чиновникъ особыхъ порученій и карійскій полицеймейстеръ. Затѣмъ идутъ смотритель цеховъ, т. е. всевозможныхъ мастерскихъ, расположенныхъ въ Усть-Карѣ, гдѣ домашнимъ образомъ изготовляется, изъ доставленныхъ подрядчиками-евреями матеріаловъ, вся одежда и обувь для ссыльныхъ: очень хлѣбная должность. Тамъ же, въ Усть-Карѣ, и смотритель запасныхъ магазиновъ, гдѣ хранится все, доставляемое тѣми же евреями: должность тоже дающая хороший кусокъ казеннаго пирога ея обладателю. Затѣмъ идутъ пять человекъ тюремныхъ смотрителей и при каждомъ изъ нихъ по два и по три помощника-приставника. Этимъ персоналомъ по-черпывается *намъ* начальство вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

Второе начальство — военное — есть командиръ сводно-карійскаго пѣнаго баталіона, имѣющаго въ составѣ своемъ шесть сотенъ, по числу тюремъ. Каждую сотней командуетъ особый офицеръ, у котораго помощникъ офицеръ же, а то и два.

Между завѣдующимъ, *всегда изъ военныхъ*, и баталіоннымъ командиромъ, несмотря на частую личную ихъ смѣну, идетъ издавна борьба о томъ, кому присвоить званіе карійскаго коменданта и сопряженную съ этимъ званіемъ власть. Борьба эта

ведется съ переменнымъ успѣхомъ, завися отъ ихъ личныхъ связей въ Иркутскѣ. На насъ эта борьба отражается самымъ ощутительнымъ образомъ. Сдѣлаютъ комендантомъ батальоннаго, онъ, видя даже въ насъ, несчастныхъ, «людей гражданского вѣдомства», т.-е. ему враждебнаго, въ малѣйшемъ пустякѣ видитъ нарушение дисциплины и стѣсняетъ во внутренней нашей жизни такъ, что дѣйствительно чрезмерно тяжело становится; малѣйшее отступление зрителя отъ строго-казенной формалистики непременно привлечетъ его вниманіе и вызоветъ рядъ новыхъ строгостей по отношенію къ намъ. Дадутъ же изъ Иркутска комендантство завѣдующему, тотъ въ свою очередь, желая насолить ненавистному военному начальству, зорко слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ устава о караульной службѣ офицерами и казаками и за малѣйшій пустякъ взыскиваетъ съ нихъ, что въ концѣ концовъ опять-таки отражается на нашемъ житьѣ-бытьѣ,—казаки дѣлаются придирчивыми, несговорчивыми на какую-нибудь льготу, напримѣръ—хотя на временное снятіе кандаловъ, во время тяжелыхъ работъ и т. д. въ этомъ родѣ. Вообще, споръ этотъ о комендантствѣ надобѣлъ не только намъ и казакамъ, но и офицерамъ и чиновникамъ, такъ какъ и они, волей-неволей втягиваясь въ эту междуусобицу, дѣлаютъ свое общество, и безъ того небольшое, совершенно ничтожнымъ и не знаютъ что дѣлать со скуки.

Третье наше начальство—управляющій Карійскими, Кабинета Его Величества, присланный горнаго вѣдомства. Онъ завѣдуетъ всей технической стороной каторжныхъ работъ, по части добыванія золота, и знать не хочетъ другихъ двухъ начальствъ; онъ лучше всѣхъ обставленъ матеріально на Карѣ, живетъ въ лучшемъ домѣ, имѣетъ громадный доходъ, исчисляемый бывалыми людьми за два десятка тысячъ въ годъ, притомъ, какъ они, горные, выражаются, совершенно безгрѣшный и высшему ихъ начальству отлично извѣстный. У него тоже цѣлая канцелярія своихъ горныхъ чиновниковъ, которые занимаютъ канцелярскую работу, или же завѣдуютъ веденіемъ работъ и надзоромъ за производствомъ ихъ. У всѣхъ существуютъ неосторожныя доходы, дающіе имъ сравнительно съ нашими чиновниками возможность не только безбѣдно жить, но и откладывать на черный день копейку. Доходы эти возможны только при настоящемъ порядкѣ завѣдыванія промыслами. Каждый управляющій кабинетскимъ промысломъ, а ихъ, кромѣ Бары, много за Байгаломъ, работающихъ вольнонаемными

людьми, составляет на будущій годъ *смыту*, показывая въ ней, какое количество золота онъ рассчитываетъ намыть и во сколько обойдется это Кабинету. Основаніемъ для *смыты* служатъ такъ-называемыя справочныя цѣны на рабочихъ, матеріалы, различные товары для рабочихъ и проч. Цѣны эти доставляются за-кадычными ихъ друзьями—земскими исправниками и, слѣдовательно, являются такими, какими желательно имѣть ихъ управляющимъ. Предположивъ, наприимѣръ, намыть 25 пудовъ золота, онъ въ *смытѣ* говоритъ, что это будетъ стоить, положимъ, 200 тысячъ. *Смыта* эта *всегда* почему-то утверждается, во всей ея неприкосновенности, исключая развѣ того, что какой-нибудь управляющей помахнетъ цѣны на что-нибудь ниже остальныхъ. О, тогда горное отдѣленіе главнаго управления Восточной Сибири обязательно поправитъ *смыту*, прибавитъ къ цѣнѣ разницу и такимъ образомъ устранить неприятный диссонансъ въ цѣломъ, весьма сыгравшемся, оркестрѣ управляющихъ! Затѣмъ, отпустивъ управляющему просимыя имъ 200 тысячъ, начальство совершенно не входитъ, куда въ дѣйствительности пойдутъ они, а требуетъ только одного, чтобъ онъ вымылъ непремѣнно обѣщанные имъ по *смытѣ* 25 пудовъ.

Тенерь ясно, какіе громадные доходы получаютъ горные чины. Онъ самъ нанимаетъ рабочихъ, самъ, если нужно, покупаетъ рабочихъ лошадей, продовольствуетъ ихъ круглый годъ и вообще закупааетъ годовую пропорцію всего для промысла, начиная отъ гаванскихъ сигаръ для себя и для заѣзжаго пріятели-ревизора и кончая дегтемъ для смазки машинъ и колесъ. Повѣрять, повторяю, его никто не будетъ и оттого всю сумму, какую присвоитъ изъ отпущенныхъ 200 тысячъ, они называютъ законнымъ доходомъ... Это вѣдомство къ намъ, ссыльнымъ, имѣетъ только то отношеніе, что указываетъ, какую и гдѣ работу дѣлать, измѣряетъ ее и сообразно ей уплачиваетъ министерству внутреннихъ дѣлъ нашу заработную плату, которая должна идти на вознагражденіе ссыльнымъ при выходѣ ихъ на поселеніе. Прямыхъ столкновеній у этого начальства съ другими властями мало, и если тѣ спорятся съ нимъ, то главною причиною должна считаться зависть къ его житію, дѣйствительно княжескому, сравнительно съ бѣдными завѣдующимъ и баталіоннымъ.

Осталось еще начальство — священникъ; но такъ какъ мы его почти не видимъ, а въ церковь насъ не водятъ, то о его

дѣтельности ничего не могу сказать, развѣ то, что нашими же плотниками, по его настоянію, изъ казеннаго лѣса, выстроена недавно новая церковь на Среднемъ промыслѣ.

Есть еще два казенныхъ учрежденія: это — находящееся на Среднемъ промыслѣ почтовое отдѣленіе, гдѣ приемъ и отпускъ всякаго рода корреспонденцій, и телеграфная станція на Усть-Барѣ. Кромѣ того, что они дѣйствительно существуютъ, сообщить о нихъ ничего не могу.

Скажу теперь о положеніи ссыльныхъ женщинъ на Барѣ. Всѣ онѣ, по прибытіи въ Усть-Бару, отправляются въ цехи, гдѣ ихъ заставляютъ работать, шить одежду и бѣлье для всѣхъ ссыльныхъ. Размѣры работы, сколько именно должна въ день ссыльная сдѣлать, зависятъ отъ смотрителя цеховъ, который, къ слову сказать, вовсе не отличается мягкимъ характеромъ и зачастую, «изъ собственныхъ рукъ», наказываетъ не выработавшихъ свой урокъ. Затѣмъ часть женщинъ распредѣляется по тюрьмамъ и, какъ исправляющіяся, на волѣ, съ возложеніемъ на нихъ разныхъ работъ, какъ-то: мытья половъ, бѣлья и проч. Для тѣхъ же работъ онѣ командируются во всѣ казенные дома, ко всѣмъ служащимъ, а лѣтомъ занимаются огородными работами на тюремныхъ огородахъ и у чиновниковъ. Иногда имъ задаютъ урокъ: набрать въ лѣсу извѣстное количество «мангырю» (видъ дикаго чеснока) или дикорастущей «черемши». Оба эти растенія служатъ превосходнымъ противоцинготнымъ средствомъ. Кромѣ того, опредѣленное количество женщинъ находится въ казармѣ, гдѣ онѣ главнымъ образомъ заняты стиркой бѣлья на больныхъ и мытьемъ палатъ; между ними работа въ лазаретѣ считается самою тяжелой, такъ что онѣ предпочитаютъ даже работать въ цехахъ, подъ карауломъ, чѣмъ здѣсь, проживая на волѣ. Кромѣ того, масса женщинъ, *получше*, разбирается чиновниками для прислуги. Вообще на Барѣ нѣтъ ни одного наемнаго слуги у чиновниковъ: начиная съ кормилицы и кончая дворникомъ, это — все ссыльные; повара между ними попадаются отличные. Каторжному выгодно служить только у нѣкоторыхъ чиновниковъ, которые по порядочнѣе; тогда они ѣдятъ «барское», а свой казенный паекъ, мясо и хлѣбъ, продаютъ по большей части своимъ же хозяевамъ; цѣна пайка колеблется между пятью и восемью рублями. Большая же часть гг. чиновниковъ, кормя своихъ рабочихъ, получаютъ за это паекъ себѣ, не давая ничего въ вознагражденіе; паекъ же всегда охотно покупается даже мѣстными крестьянами,

которые не занимаются, ни одишь, хлѣбопашествомъ, да оно и невозможно при здѣшномъ, довольно холодномъ, климатѣ и при полномъ отсутствіи удобныхъ къ этому земель; многіе изъ нихъ работаютъ по вольному найму у управляющаго промыслами; нѣкоторые, имѣющіе лошадей или нѣсколько ихъ, занимаются перевозкой казенныхъ тяжестей по тюрьмамъ, что довольно выгодно, но какъ проживается большинство, рѣшительно не могу сказать, — для меня это всегда составляло загадку.

Нужно бы сказать нѣсколько словъ о время проведеніи арестантовъ въ тюрьмахъ, но съ этимъ знакомы всѣ, хотя бы изъ «Записокъ изъ мертваго дома». Несмотря на время, прошедшее съ тѣхъ поръ, несмотря на разницу въ мѣстѣ дѣйствія, — тюремная жизнь осталась такою же, какою описалъ ее Достоевскій. Пѣсенъ каторга поетъ много, но по большей части избытныя, фабричныя, и очень немного народныхъ или своихъ; мнѣ удалось подслушать только двѣ, весьма характерныя и чисто-народнаго творчества, пѣсни. Одна изъ нихъ начинается словами:

«Какъ въ недавнихъ годахъ,
 На Карійскихъ промыслахъ
 Царствовалъ Иванъ!
 Не Иванъ Васильичъ Грозный, —
 Инженеръ-отъ былъ онъ горный,
 Разгильдѣевъ самъ!» и т. д.

Пѣсня описываетъ подробно, строкахъ въ трехстахъ, страшное и памятное для каторги время, когда еще каторжные находились въ завѣдываніи горнаго начальства и когда управляющимъ на Карѣ былъ горный инженеръ Разгильдѣевъ, взявшійся утроить или учетверить количество добывавшагося на Карѣ золота, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ его не стѣсняли въ его дѣйствіяхъ, и дѣйствительно добившійся этого блестящаго результата, но какою цѣной?... По преданію и по рассказамъ очевидцевъ, такъ какъ это было весьма недавно, онъ забилъ плетью и розгами, въ одинъ годъ, до *двухъ тысячъ* человекъ, такъ что каждый разъ, когда ссыльные шли съ работъ въ тюрьмы, то непремѣнно несли на носилкахъ нѣсколько труповъ товарищей, засѣченныхъ на разрѣзѣ. Такъ какъ забитыхъ было ежедневно очень много, то ихъ не хоронили на общемъ кладбищѣ, на Среднемъ промыслѣ, потому что не успѣвали отвозить ихъ туда, а отвели для погребенія позади лазарета, на Нижнемъ про-

мысль, особое мѣсто, которое и до сихъ поръ носить названіе «Разгильдѣвскаго кладбища». Въ вышеприведенной пѣснѣ описана эта разсказана подробно и не безъ таланта, причемъ всѣ тогдашніе карійскіе дѣятели названы своими именами. Авторомъ этой пѣсни называютъ одного каторжнаго, по фамиліи Матѣева, нынѣ уже умершаго.

Другая пѣсня, чрезвычайно оригинальнаго, заунывнаго мотива, полная поэтической прелести, начинается такъ:

«Какъ на дубѣ на высокомъ,
Надъ широкою рѣкой,
Одиновій думу думалъ
Соколь ясный, молодой.

* * *

«Что ты, соколь съворылый,
Призадумавшись сидишь,
Своими ясными очами
Въ даль родимую глядишь?» и т. д.

Въ этой пѣснѣ, подъ видомъ сокола, изображенъ ссыльный, тоскующій по родицѣ и въ концѣ концовъ отъ тоски умершій. Когда ее поютъ много голосовъ, хорошо спѣвшихся, она производитъ потрясающее впечатлѣніе, особенно на новичковъ и нервныхъ людей.

Мишлѣ.

ЧАРТИЗМЪ.

Какъ это ни странно, однако-жь положительно вѣрно, что это движеніе не только внѣ Англій, но даже въ ней самой извѣстно больше по имени. Большая часть его участниковъ перемерли, а новыя поколѣнія мало имъ интересуются и очень мало его знаютъ. Нѣтъ ни цѣльныхъ историческихъ очерковъ, ни обработаннаго матеріала, и данныя разбросаны по множеству газетъ, мемуаровъ, автобіографій и т. п. При этомъ, конечно, всякій судить о немъ вкривь и вкось, на свой аршинъ; а аршины тогдашнихъ правящихъ классовъ и чартистовъ-рабочихъ были слишкомъ различны, чтобъ ихъ можно было помирить на какой-нибудь безцвѣтной серединѣ. Огромное большинство чартистовъ, напримеръ, отверчивались отъ всякой солидарности даже съ овековскимъ коммунизмомъ и изо всѣхъ силъ старались выказать свое уваженіе къ собственности, «честно нажитой». А Джонъ Россель, либеральный министръ королевы и глава правящихъ виговъ, въ отвѣтъ на петицію чартистовъ о всеобщемъ правѣ голоса и представительства, торжественно съ министерской скамьи повторяетъ всѣ негѣпныя обвиненія тенденціозной прессы и домогоченныхъ полжтиковъ, которые всюду оклонны видѣть нападеніе на ихъ имущество, — словомъ, онъ обвиняетъ ихъ въ пресловутомъ намѣреніи раздѣлить поровну существующую собственность. Или *Times* 1838 года положительно завѣряетъ, ссылаясь на показанія какихъ-то опытныхъ землемѣровъ, что на чартистской демонстраціи въ Лондонѣ 17 сентября 1838 года было никакъ не больше 4—5.000 народа, да и тѣ—больше зрители, а В. Ловеттъ, секретарь ассоціаціи, устраивавшей это собраніе, котораго даже враги не считаютъ способнымъ на малѣйшую недобросовѣстность, говоритъ, что въ этотъ день хартія получила

больше 16.000 подписей и на митингъ присутствовали 89 делегатовъ отъ провинціальныхъ рабочихъ обществъ. Такимъ образомъ эти послѣднія указанія даютъ полное вѣроятіе цифрамъ, о которыхъ свидѣлствуютъ сочувствующія газеты и хроники, то-есть около 30.000. И такъ дальше. Кому же вѣрить?

А между тѣмъ интересъ движенія громаднѣе уже по одному тому, что оно было чисто-народное, вытекало прямо изъ невыносимыхъ мукъ рабочей массы и окончилось... Но о концѣ—въ концѣ, а теперь—къ началу.

Вотъ какую картину положенія крестьянъ въ Англіи 1830 г. рисуетъ болѣе чѣмъ умѣренный авторъ политической исторіи Англіи съ 1830 по 1874 г., Молевортъ. Приведа сравнительную таблицу тогдашнихъ цѣнъ на хлѣбъ и трудъ, онъ говоритъ *): «Предполагая семью изъ отца, матери и троихъ дѣтей, ей всего приходится заработать *въ недѣлю* 8 шил. 9 пенс., то-есть 43 фунта хлѣба на всѣхъ пятерыхъ, или немного больше 1 фунта въ день на душу, безъ всякаго остатка на ренту за жилье, на топливо, питье, одежду и мытье. Это въ Дорсетширѣ. Но до этихъ условій быстро доводились земледѣльческіе рабочіе повсюду, потому что если въ нѣкоторыхъ графствахъ условія и были лучше, то въ другихъ даже хуже, чѣмъ въ Дорсетширѣ. Необходимо было что-нибудь сдѣлать. Политико-экономы могутъ, сколько имъ угодно, утѣшаться тѣмъ, что все это неотвратимо, но бровь и тѣло возмущаются. Поэтому нечего удивляться и тому, что такимъ образомъ обставленные чернорабочіе взяли дѣло въ свои собственныя руки, какъ это ни путаетъ законодателей и судей. Они собирались, незаконнымъ образомъ (?), огромными толпами и, мало того, заставляли другихъ, хоть и не особенно противъ ихъ желанія, присоединяться къ себѣ, идти вмѣстѣ къ фермерамъ (арендаторамъ) и шумно требовать увеличенія заработной платы; а когда получали отказъ, начинали ломать молотилки и другія земледѣльческія машины, которыя считали главными виновниками своихъ бѣдствій. Фермеры были ужасно перепуганы и посылали рабочихъ къ духовенству и ландлордамъ просить сбавки десятины и ренты и такимъ образомъ дать имъ возможность получать болѣе высокую заработную плату. Однако эти насилія, какъ и можно было ожидать, не приносили никакой пользы и дѣла быстро шли отъ дурнаго къ худшему. Крестьяне, не на-

*) W. N. Molesworth: „The History of England from 1830 to 1874“. London 1874.

ходя больше машинъ для ломки или остановленные отъ этого силою, начали тайно поджигать скирды хлѣба и стога сѣна, и скоро въ 26 графствахъ ночь за ночью небо освѣщалось заревомъ пожаровъ народной пищи, превращенной въ пламя и дымъ. Мало того, кишки пожарныхъ машинъ часто оказывались перерѣзанными, а пожарнымиъ всякими способами мѣшали работать. Можетъ - быть еще никогда страна не была въ такомъ плачевномъ положеніи и никогда горе не давило такъ на умы всѣхъ классовъ, какъ въ концѣ 1830 года. Напуганное воображеніе въ десять разъ увеличивало ужасную дѣйствительность. Политическая атмосфера, казалось, была заряжена электричествомъ. Члены парламента, члены законодательнаго собранія, состоятельные провинціалы, состоятельные и несостоятельные фермеры— всѣ были доведены до замѣшательства, до разоренія, отчаянія и страха».

Вотъ гдѣ источникъ движенія за реформу 1832 года, его сила и гарантія успѣха. На него-то и опирались реформаторы—Россе-ли, Мельборны, Грей—и предводительствуемые ими средніе классы.

Англійская система землевладѣнія не даромъ считается классической: въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражается весь кастический характеръ англійскихъ общественныхъ отношеній, вся тупая и бездушная мертвенность общественныхъ перегородокъ, ненависть къ которымъ позднѣе и придавала такую силу чартистскому движенію. Аристократія и духовенство собирали съ остальнаго народа ренты, десятины, государственные налоги, приходскіе поборы и торговые пошлины. Средній классъ, то-есть арендаторы, собственники промышленныхъ заведеній и купцы, или иначе—благочестивые граждане, какъ нынче принято ихъ называть, одною рукою платили за все это, а другою—раскладывали свои потери на цѣны товаровъ и на жалованье рабочимъ,—конечно, не безъ выгоды для себя,—то-есть, какъ тогда выражались, были надсмотрщиками по сбору всевозможныхъ налоговъ и пошлинъ съ трудящагося народа. Эта система заковывала каждый классъ въ такую желѣзную рамку, что взаимное пониманіе другъ друга людьми разныхъ положеній было возможно меньше чѣмъ гдѣ-нибудь. Какъ гениальные техники во всемъ, что они ни дѣлаютъ, англичане и въ постройкѣ своего общества положили особенно много силы и стараній на отдѣлку этой стороны дѣла, и этажи выстроеннаго ими зданія вышли такъ же рѣзко, грубо разграниченными, какъ дерево, желѣзо и золото, или вода, масло и спиртъ.

Война съ Франціей, окончившаяся побѣдой «железнаго герцога» при Ватерлоо, какъ водится, отозвалась очень тяжело на англійскомъ народѣ. Триумфъ Веллингтона стоилъ странѣ 900.000.000 фунтовъ долга, тяжесть котораго, по парламентскому акту 1815 года, была цѣликомъ взвалена на трудящееся населеніе, такъ какъ собственность по этому закону была изъята отъ обложенія, и введенъ новый хлѣбный законъ, возвысившій цѣну на хлѣбъ до баснословной цифры 60 — 80 шиллинговъ за четверть, или 10½ пенса за 4 фунта, которые *теперь*, черезъ 50 лѣтъ, стоятъ всего 6½ пенса.

Очень любопытенъ въ этомъ отношеніи рядъ цифръ сравнительнаго прогресса въ Англій цѣнъ на трудъ и хлѣбъ за послѣднія пять столѣтій, приводимый чартистомъ и членомъ парламента, Фильденомъ, въ его полемикѣ съ манчестерцами и ландлордами, на которую они его вызвали по поводу его рѣчи передъ аудиторіей въ 300.000 рабочихъ и ихъ делегатовъ на манчестерской демонстраціи чартистовъ 28 сентября 1838 года. Въ этой рѣчи онъ сказалъ, что въ 15-мъ столѣтіи черноработій могъ заработать четверть хлѣба въ 22 дня, а теперь (въ 1838 г.) ему для этого нужно проработать 46 дней. На другой же или на третій день въ вигскомъ, а слѣдовательно тогда уже правительственнымъ, *Times* появились задорныя инсинуаціи на «грубую ложь» Фильдена, требовавшія отъ него формальнаго отреченія отъ нея въ печати. Инсинуаторы, впрочемъ, предпочли прятаться за псевдонимами. Фильденъ на это отвѣтилъ цитатами изъ извѣстнаго адреса къ Board of Agriculture Давида Девиса, ректора баркгамскаго *). Вотъ суть этихъ цитатъ:

СТОЛѢТІЯ.	14	15	16	17	18	19
Полденная плата работнику.	2 пен.	3 пен.	3½ п.	13 пен.	14 пен.	16 пен.
Цѣна четверти пшеницы.	3 ш. 8 п.	5 ш. 6 п.	7½ ш.	40 ш.	48 ш.	63½ ш.
Во сколько дней зарабатывалась четверть пшеницы.	22	22	26	37	41	46

Послѣднія цифры взяты изъ парламентскаго отчета за 1815—1837 гг.

* *David Devis* (rector of Barkham): „The Case of labourers in Hasbandry stated and considered.—Adress to the Board of Agriculture“.

Противъ этой таблицы нѣскихъ возраженій представлено не было и она можетъ быть принята за лучший аттестатъ аристократическому режиму въ Англiи. Обладая монополiей назначенiя кандидатовъ въ члены палаты общинъ и не довольствуясь обыкновенными доходами со своихъ имѣнiй, она, эта христiаннѣйшая аристократiя въ мiрѣ, путемъ закона создала насильственные цѣны на свой собственный хлѣбъ. И вотъ въ результатъ послѣ пяти столѣтiй положенiе народнаго желудка оказывается ухудшеннымъ больше чѣмъ вдвое.

Если невыносимое положенiе сельскихъ работниковъ доводило ихъ до такихъ отчаянныхъ взрывовъ, то можно себѣ представить, каково жилось городскому и особенно фабричному рабочему мануфактурныхъ округовъ. Исторiя введенiя машинъ, систематическая ломка ихъ рабочими и одновременныя громадныя стачки въ первой четверти 19-го столѣтiя—слишкомъ извѣстная вещь, чтобъ ее повторять здѣсь. Правительство, то-есть парламентъ, то отрекалось отъ всякаго вмѣшательства въ отношенiя работника къ хозяину и рекомендовало страждущему самопомощь, то издавало драконовскiе законы противъ рабочихъ обществъ и союзовъ сопротивленiя. *Laissez faire, laissez passer* оказывалось пригоднымъ только до тѣхъ поръ, пока было выгодно сильному и богатому.

Рабочiй день удлинялся, заработная плата надала. Жены и дѣти конгурировали съ мужьями и отцами и часто совершенно лишали ихъ всякаго заработка: тамъ, гдѣ безъ машины прежде работало 50 взрослыхъ человѣкъ, теперь требовалось 2—3 работника и нѣсколько мальчиковъ или женщинъ. Изобрѣтенiя и нововведенiя совершенно убивали многiя ручныя ремесла и освобождали массу рукъ, которымъ при старыхъ цеховыхъ порядкахъ въ рабочихъ организацiяхъ нельзя было пристать ни къ какому другому занятiю,—для этого требовалось предварительно пробыть въ немъ ученикомъ 5 лѣтъ. Масса народа бродила безъ всякаго занятiя и сѣяла горечь недовольства даже тамъ, гдѣ ея прежде и не было. А тѣ, кто имѣлъ постоянную работу, не могли поручиться за завтрашнiй день. Трудъ теперь сдѣлался товаромъ. Громадныя богатства стояли рядомъ съ отчаяннымъ пауперизмомъ, а порча нравовъ, болѣзни и развратъ сопровождали ихъ.

Т. Карлейль, въ своей статьѣ о чартiзмѣ *), дѣлаетъ очень удачное сравненiе этого положенiя съ извожичьею парой лоша-

*) Thomas Carlyle: „Chartism. Critical and Miscelanevus Essays“, vol. VI. London. 1872.

дей. «Новый законъ о бѣдныхъ! Laissez faire, laissez passer! Хозяинъ лошадей, покончивши на нихъ всю лѣтнюю работу, долженъ кормить ихъ всю зиму. Но вѣдь онъ говорить имъ: «Четвероногіе, я не могу больше работать для васъ; но на свѣтѣ много работы. Вы не такъ невѣжественны (не начать же мнѣ читать вамъ лекцію политической экономіи), чтобы не знать, что паровая машина всегда создаетъ лишній трудъ. Въ одномъ мѣстѣ желѣзная дорога, въ другомъ каналы постоянно требуютъ возки, и не сомнѣвайтесь,—не въ Европѣ, такъ въ Азій,—не въ Азій, такъ въ Африкѣ,—не въ Африкѣ, такъ въ Америкѣ,—вы непременно найдете себѣ работу. Ступайте и ищите извоза, я желаю вамъ успѣха!» Лошади сомнительно подняли вверхъ свои морды, фыркнули и поскакали,—онѣ думали, что Европа, Азія, Африка и Америка гдѣ-нибудь такъ близко, что онѣ добѣгутъ туда прежде, чѣмъ успѣютъ устать; а есть ли тамъ извозъ, или нѣтъ, имъ хорошо извѣстно не было. И вотъ онѣ галопируютъ по большимъ дорогамъ и все время осматриваются по сторонамъ; однако извоза нѣтъ. Наконецъ, мучимыя голодомъ, онѣ перескакиваютъ черезъ изгородь, ѣдятъ «чужую собственность» и... мы знаемъ остальное».

Преслѣдованія со стороны закона и порядка только озлобляли рабочихъ противъ высшихъ классовъ общества,—между ними, какъ выражается Брентано, «распространился духъ недовѣрія, ненависти и отчаянія».

И вотъ средній классъ поднимаетъ крикъ о реформѣ. Парламентскіе виги вступаютъ въ союзъ съ парламентскими радикалами противъ монополій аристократіи и торі. Въ 1829 г. Веллингтонъ, глава послѣднихъ, вынужденъ внести въ парламентъ билль объ эмансипаціи диссидентовъ Англіи, а затѣмъ и католиковъ Ирландіи. Монополія англиканской духовной аристократіи рухнула, диссиденты получили политическія права; но ни радикалы, ни виги этимъ не удовлетворились, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ тѣмъ Веллингтонъ объявилъ, что больше никакой реформы не будетъ, и внесъ два другіе билля: 1) объ опасныхъ ассоціаціяхъ и 2) о подавленіи мятежей (поджоги, бунты и насилія въ это время были повсемѣстны). Въ томъ же 1829 году образуется партія реформы, въ которой начинаетъ играть видную роль Джонъ Россель. По всей странѣ начинается агитація. *Times*, *Morning Chronicle*, *Westminster Review*, *Edinburgh Review* и масса провинціальныя органы взяли на себя спец

альную миссію пропагандировать реформу. Въ 1830 и 1831 годахъ во всѣхъ большихъ городахъ основались *политическіе союзы*, напр. въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Бирмингемѣ и Лондонѣ; членами этихъ организацій, наравнѣ съ предпринимателями и собственниками, были и работники. По вечерамъ и въ промежуткахъ между работой тѣ и другіе сходились вмѣстѣ на площадяхъ и читали газеты. *Times* поощрялъ союзы и совѣтовалъ основывать ихъ и въ другихъ мѣстахъ.

Изъ извѣстныхъ радикаловъ Коббетъ наводнилъ страну своими дешевыми памфлетами, Гонтъ гремѣлъ на собраніяхъ, а Геттерингтонъ, издатель *Poor Men's Guardian* (журнала для народа, издаваемого съ цѣлью испробовать право «противъ силы») и книгопродавецъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ упорную войну съ администраціей изъ-за уничтоженія штемпельнаго налога на популярныя изданія, дѣлавшаго ихъ въ семь разъ дороже дѣйствительной стоимости и направленнаго специально противъ радикальной дешевой прессы Коббета и другихъ.

Обращаясь къ народу и къ рабочимъ въ особенности, сторонники парламентской реформы и ихъ пресса говорили: «Помогите намъ добыть билль о реформѣ, а мы, какъ только получимъ свои политическія права, поможемъ вамъ добыть ваши». А въ видѣ приманокъ на первое время были обѣщаны: *сокращеніе государственныхъ расходовъ, миръ, реформа церкви, реформа корпорацій (или городскихъ управленій) и справедливость по отношенію къ Ирландіи*. (Мы скоро увидимъ, какъ всѣ эти обѣщанія были выполнены.)

«Бѣдные классы, — говоритъ Гэммеджъ въ своей «Исторіи чартистскаго движенія», — мало задумывались надъ тѣмъ, что означаютъ всѣ эти вещи, но довѣряли добрымъ намѣреніямъ своихъ союзниковъ; восторженными глазами смотрѣли они на грядущее улучшеніе своего положенія, но никогда не давали себѣ труда измѣрить это улучшеніе и поэтому не понимали его».

Тѣмъ съ большею стихійною ненавистью относились они ко всѣмъ врагамъ реформы, ко всякому новому препятствію, которое аристократія ставила успѣху билля въ парламентѣ. Какъ извѣстно, билль вносился Джономъ Росселемъ три раза и послѣ каждаго отказа палаты лордовъ въ странѣ начинались мятежи, поджоги, нападенія на самихъ лордовъ, на ихъ дома и имущества.

*) R. G. Gammage: „History of the Chartist movement“. London. 1854.

Въ то же время фонды вынимались изъ багновъ и уплаты налоговъ останавливалась.

Послѣ втораго отказа лордовъ политическіе союзы были объявлены незаконными, на что страна отвѣчала цѣлымъ рядомъ мятежей; самый крупный изъ нихъ произошелъ въ Бристоль 29 октября 1881 года, по поводу прїѣзда туда, въ качествѣ коронаго судьи, всѣмъ извѣстнаго тогда противника реформы въ парламентѣ—Ветерея. Его встрѣтили камнями и свистомъ, потомъ буквально осадили въ домъ мэра, откуда онъ былъ принужденъ бѣжать черезъ крыши сосѣднихъ домовъ, а мэра и его приближенныхъ едва успѣли спасти отъ гибели въ пламени пожара и подъ развалинами его дома только подослѣвшія изъ окрестностей войска. Однако-жь и этимъ дѣло не кончилось,—страсти были слишкомъ возбуждены, причина волненія была слишкомъ глубока, чтобъ его можно было остановить натискомъ штыковъ. На другое утро масса народа сожгла домъ мэра, дворецъ епископа, заранѣе бѣжавшаго изъ города, таможеню, административное управленіе, — всего 42 дома; три тюрьмы были отперты. Истители ходили съ топорами и горшками скипидара; полы, потолки и двери, служившіе препятствіемъ огню, прорубались первыми, а второй дѣлалъ остальное. Множество разрушителей сами погибли въ пламени и подъ развалинами,—такъ мало цѣнилась тогда жизнь: одни не успѣвали бѣжать, другіе прыгали съ крышъ и разбивались, третьи живыми варились въ расплавленномъ свинцѣ, бѣжавшемъ ручьями съ крышъ.

Историкъ *), заканчивая эту картину ужасныхъ послѣдствій еще болѣе ужасныхъ причинъ, говоритъ: «Настроеніе народа, развившееся въ этихъ беспорядкахъ, никоимъ образомъ не ограничивалось однимъ Бристолемъ. Быть-можетъ въ королевствѣ не было ни одного города, гдѣ бы случайное совпаденіе обстоятельствъ не могло вызвать того же. Мало того, не было ничего невѣроятнаго и въ томъ, что изъ Бристоля возстаніе распространится по окрестностямъ и сольется съ такими же мятежами въ другихъ городахъ. Въ Басѣ былъ мятежъ, въ Ворчестерѣ—мятежъ, въ Коувентри, въ Варвикѣ—то же самое».

Вотъ при какихъ условіяхъ совершилась «реформа» въ Англіи и вотъ почему до 30 октября все спрашивали другъ друга: «Что-то сдѣлаютъ лорды?» А послѣ этого дня все начали спрашивать: «Что сдѣлать теперь съ лордами?»

*) W. N. Molesworth: „The History of England 1880—1874“.

Однако-жь дальше этого отчаянный протест массы не пошелъ, потому что король написалъ 100 личныхъ писемъ къ столбикимъ же лордамъ, прося ихъ уступить, и лорды дѣйстви-тельно уступили; имъ приходилось выбирать между этимъ рѣше-ниемъ и принятіемъ въ свою среду 40 новыхъ перовъ, возве-денныхъ въ это достоинство королею специально съ цѣлью со-здать въ палатѣ лордовъ большинство, благоприятное «реформамъ».

Въ это время Гетерингтонъ уже писалъ въ *Poor Men's Gar-dian* 1-го октября 1831 года, въ своемъ письмѣ къ палатѣ лордовъ:

«Дѣйствительно, слишкомъ долгою нуждой и тяжестью рабо-чій народъ доведенъ до самаго отчаяннаго положенія; говоря по-литически, онъ смертельно боленъ. Его болѣзнь очень опасна. Это болѣзнь *подлой бѣдности, рабскаго униженія*—результатъ сѣверной системы исключительной собственности — и слѣдова-тельно совершенно противоположна той, которую когда бы то ни было изучали и практиковали доктора-лорды и доктора-богачи, сами исключительные собственники. Она можетъ быть излѣчена только *радикальнымъ* врачомъ, который живетъ между ея жертвами и ставитъ себѣ изученіе ея какъ и заботу объ этихъ больныхъ въ обязанность. *Всеобщее избирательное право, тайная бал-лотировка, уничтоженіе какихъ бы то ни было имуществен-ныхъ ограниченій, ценза или правоспособности*—вотъ немед-ленно-необходимыя лѣкарства.

«Во всякомъ случаѣ наша обязанность—*протестовать* про-тивъ такой партійной и призрачной *мпы*, какъ «реформа», и честно дать вамъ знать, что народъ никоимъ образомъ не от-носится къ ней благоприятно, не смотритъ на нее какъ на удо-влетвореніе какихъ-нибудь изъ его естественныхъ требованій, и онъ *никогда* и ничѣмъ не будетъ удовлетворенъ, какъ только ус-тановленіемъ *законодательнаго учрежденія*, основаннаго на принципѣ *равныхъ правъ и равныхъ обязанностей*.

«Народъ требуетъ *своихъ правъ, всѣхъ своихъ правъ*, и—*ни-чего больше, какъ своихъ правъ!*»

Гонимъ въ это время уже гремѣлъ, что «реформа виговъ»—*обманъ*, что народъ обошли, что 700.000 избирателей скоро бу-дутъ держать 6.000.000 англичанъ въ худшемъ рабствѣ, чѣмъ прежніе 200.000.

Съ другой стороны Россель грозилъ упрямымъ аристократамъ повести изъ Бирмингэма 150.000 вооруженныхъ людей на Лон-

донъ. Впослѣдствіи дѣйствительно оказалось, что генералу Непиру предлагали изъ министерства внутреннихъ дѣлъ принять на себя команду надъ революціонной арміей *).

Однако-жь до этого не дошло. Лорды уступили, и парламентская реформа совершилась. Но какъ, подъ какимъ давленіемъ и чьими руками?... Здѣсь не мѣсто отвѣчать на эти вопросы, но намъ кажется, что и приведенныхъ немногихъ данныхъ уже достаточно для этого. Вѣрно только то, что идея болѣе радикальной реформы созрѣла, сдѣлалась живымъ словомъ и приобрѣла себѣ столько сторонниковъ, чтобъ образовать особую партію, только тогда, когда «реформа» уже совершилась.

До реформы были *демократы*, но *демократіи* не было. Только послѣ реформы масса начала пробуждаться и понимать, что ее чѣмъ-то обошли, что она что-то прозѣвала. И она дѣйствительно прозѣвала, но объ этомъ послѣ. Карлейль правду говорилъ въ 1839 году, что «удивляться нужно не тому, что чартизмъ существуетъ, а тому, что голодный народъ, приглашенный на пиръ, чтобы вкушать воображаемыя яства, восемь лѣтъ сидѣлъ за столомъ и терпѣливо ждалъ «чего-нибудь» отъ министерства реформы и только черезъ восемь лѣтъ потерялъ надежду».

Въ февралѣ 1833 года собрался реформированный парламентъ. Онъ состоялъ изъ 658 членовъ, выбранныхъ 700.000 избирателями (изъ 6.000.000 мужскаго населенія). Его большинство составляли 331 членъ, которые могли быть выбраны 151.000 (такъ были устроены округа), т. е. $\frac{1}{10}$ долею мужскаго или $\frac{1}{160}$ долею всего населенія страны. И эта $\frac{1}{160}$ доля собиралась издавать всѣ законы.

Уже изъ тронной рѣчи радикалы поняли, что дѣло народа проиграно. Ваклей и Молесвортъ тотчасъ же внесли дополненіе къ королевскому спичу въ смыслѣ большаго расширенія избирательнаго права, тайной баллотировки и сокращенія парламентовъ. Но Россель самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтилъ, что никакихъ реформъ больше не будетъ, что волненія прошлыхъ лѣтъ и безъ того слишкомъ долго держали *коммерцію* въ оцѣпенѣніи и теперь пора отдохнуть. За дополненіе оказалось 22 голоса (!). Такая же участь постигла и еще болѣе существенное предложе-

*) Непиръ пришелъ въ негодованіе отъ такого предложенія, но согласился не публиковать письма до тѣхъ поръ, пока тѣ же министры не будутъ преслѣдовать кого-нибудь за то же преступленіе. Случай представился въ 1848 году въ Ирландіи и Непиръ представилъ письмо въ судъ.

ніе Атвуда—назначить *комитетъ для изслѣдованія бѣдственнаго положенія рабочихъ массъ*, а также ограничить работу женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и уничтожить нѣкоторыя устарѣлыя подати: парламентъ нашель, что къ этому не *представляется особенной надобности*, и отклонилъ предложеніе. Такой отвѣтъ былъ уже совершенно возмутителенъ и стоялъ въ явномъ противорѣчій съ дѣйствительными фактами. Въ это же самое время, напримѣръ, Коббеттъ говорилъ въ парламентъ:

«Теперь въ Великобританіи 5—6.000.000 живыхъ людей лишены необходимѣйшихъ средствъ къ существованію. Я могу сообщить парламенту, какъ фактъ, что въ округѣ Лидса изъ 125.000 душъ 40.000 имѣютъ не больше 2—2½ пенсовъ въ день на каждаго (хлѣбъ тогда стоилъ 2½ пенса фунтъ). Въ Гонтерфильдѣ — тоже. Чего долженъ ожидать народъ въ такомъ положеніи? Не слѣдуетъ ли ему думать, что его величество, обращаясь къ парламенту, выразить нѣкоторое сочувствіе къ нему и предложить нѣкоторыя мѣры помощи?» Но для парламента, избраннаго съ цензомъ въ 10 фунтовъ годовой ренты, такихъ фактовъ не существовало. Или, иначе говоря, сытый голоднаго не понималъ и на этотъ разъ. Бывали и еще болѣе рѣзкія выраженія этого общаго и, къ сожалѣнію, уже не новаго правила.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ томъ же реформированномъ парламентѣ нѣкто членъ Фрайеръ обращалъ вниманіе своихъ коллегъ на бѣдственное положеніе работниковъ физическаго труда въ такой формѣ:

«Фабричный рабочій трудится день и ночь изъ-за жалкой подачки, которой ему едва хватаетъ на половину необходимыхъ средствъ къ существованію. Еслибы какой-нибудь благородный маркизъ могъ видѣть условія, въ которыхъ работаетъ углекопъ въ нѣдрахъ земли, почти лишенный солнечнаго свѣта (громкій смѣхъ), — еслибъ онъ пошелъ на фабрику и посмотрѣлъ, какъ тамъ работаютъ маленькія дѣти, — еслибъ онъ зашелъ въ мастерскую ремесленника, напримѣръ слесаря или кузнеца, — онъ скорѣе принялъ бы оборваннаго и замазаннаго работника за пугало, чѣмъ за человѣка (громкій смѣхъ)» и т. д. въ этомъ родѣ. Такъ забавлялись законодатели, авторы тѣхъ самыхъ законовъ, за неповиновеніе которымъ сажали въ тюрьмы, а въ случаѣ нужды поднимали и на штыки.

Теперь-то настало время привести въ исполненіе обѣщанныя экономію, миръ, реформы въ Англіи и справедливость къ Ирлан-

ди. Первое, что сдѣлалъ парламентъ, было изданіе билля о *вооруженномъ подавленіи волненій въ Ирландіи*. Биллемъ этимъ предписывалось всякому гражданину «свободной страны» не выходить изъ дому отъ заката до восхода солнца; всё собранія для подаванія петицій, обсужденія вопросовъ церкви и государства были запрещены и участіе въ нихъ считалось преступленіемъ. Всякому полицейскому давалось право арестовать и сажать въ тюрьму кого угодно. За обладаніе возмутительными бумагами въ указанныхъ округахъ обѣщалась тюрьма не свыше 12 мѣсяцевъ, а три мѣсяца тюремнаго заключенія лишали личность покровительства *habeas corpus act'*а. Такова была «справедливость» гь Ирландіи въ рукахъ новыхъ законодателей изъ «благомыслящихъ гражданъ».

Еще оригинальнѣе оказалась ихъ «экономія» или «сокращеніе расходовъ». Въ доброе старое время и вплоть до 1833 г. лорды, перы, маркизы и духовенство претендовали быть отцами народа, и въ Англии процвѣтала приходская благотворительность, исходившая иногда конечно и отъ щедротъ самихъ владѣтельныхъ аристократовъ, но главнымъ образомъ отъ десятины, которая собиралась духовенствомъ на нужды церкви съ приходовъ. По закону Елизаветы, всякій большой и немоцный, всякій не находящій работы—имѣлъ право на приходскую помощь. На нее во всей Англии въ 1832 году расходовалось до 2.000.000 ф. стерл. Мелкіе собственники, предприниматели и промышленники кричали, что ихъ обираютъ, что «нищіе» объѣдаются мясомъ и не хотятъ работать, что это мѣшаетъ имъ вести свои дѣла и платить честнымъ работникамъ болѣе высокую заработную плату. Этотъ крикъ проникъ, конечно, и въ парламентъ и здѣсь было рѣшено прекратить эти «оргіи нищихъ», запретивши раздачу пособій на домъ. Дѣла бѣдныхъ взяты у духовенства и отданы особымъ комитетамъ. Въмѣсто раздачи пособія рѣшено было построить по всей странѣ *рабочіе дома*, которые служили бы мѣстомъ жизни и труда для тѣхъ, кто дѣйствительно не можетъ работать. Но какъ же избавиться отъ лѣнтяевъ и обжоръ?—Очень просто: стоитъ превратить *рабочій домъ* въ худшую тюрьму и отравить существованіе въ ней людей. Правда, когда при Георгѣ III издавался законъ объ увеличеніи раздаваемого пособія, то онъ былъ вызванъ крайне низкой заработной платой въ странѣ. Но это ничего не значило, такъ какъ новый парламентъ былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы нарушать своимъ вмѣшательствомъ священные законы сво-

бодной конкуренции, которой и предоставлялось установление заработной платы. Что же касается до тюремъ, изобрѣтенныхъ богатыми для бѣдныхъ, то дѣйствительно лучшаго ничего не оставалось желать; не доставало только одного—надписи на дверяхъ, рекомендующей входящему «оставить надежду навсегда» за его стѣнами. Выхода оттуда дѣйствительно не было: передъ вступленіемъ туда необходимо было продать все имущество до послѣдняго пени; силы человѣка поддерживались здѣсь лишь въ такомъ состояніи, чтобъ отвратить немедленную смерть; семья разрушалась,—жены отдѣлялись отъ мужей и дѣти отъ матерей и отцовъ; пороки и развратъ буквально пожирали людей; болѣзни находили себѣ здѣсь лучшую почву.

В. Ловеттъ въ слѣдующихъ словахъ передаетъ рассказъ одного спитальфильдскаго работника: «Мой товарищъ былъ долго безъ работы (онъ былъ честный и серьезный парень) и наконецъ до того ослабѣлъ, что упалъ безъ чувствъ на улицѣ и былъ взятъ въ рабочій домъ, куда принуждены были идти и его жена и дѣти. Рабочій домъ былъ переполненъ (въ немъ помѣщалось до 1.500 душъ), по 8 — 10 человѣкъ спало на одной кровати, ноги одного съ головой другаго и опять ноги третьяго и т. д.; они умирали отъ испорченнаго воздуха, какъ зачумленные овцы. Его товарищъ былъ отдѣленъ отъ своихъ дѣтей и жены, а эти другъ отъ друга. Двое дѣтей умерло отъ лихорадки, схваченной тамъ же. Его самого положили вмѣстѣ съ тифознымъ на постель, съ которой только-что убрали трупъ другаго тифознаго, и даже не пережѣняли бѣлья. Онъ былъ доведенъ до состоянія, граничащаго съ сумасшествіемъ. Тамъ же онъ видѣлъ на одной постели трехъ женщинъ съ грудными дѣтьми» *).

Прежде, чѣмъ этой картинѣ была придана гласность, власти рабочаго дома, узнавши о такомъ намѣреніи, принимали различныя мѣры, чтобы замѣть это дѣло.

По словамъ *Northern Liberator* **) 1838 г., лордъ Уинчестлей сообщилъ, что одинъ чернорабочій, жившій на его землѣ, заболѣлъ и пошелъ на нѣкоторое время въ рабочій домъ, но тамъ ему задали такое «испытаніе», что онъ отъ него умеръ. Для того, чтобы получить позволеніе переночевать въ рабочемъ домѣ, нужно было проносить 1 часъ мѣшокъ съ 56 фунтами песку.

*) W. Lovett: „Life and Struggles“, стр. 70.

**) *Northern Liberator*—радикальная газета въ New-Castle, издав. Beaumontомъ.

А для того, чтобъ остаться тамъ дольше, нужно было дѣлать это каждый день въ теченіе 4 часовъ.

Впечатлѣніе, произведенное новымъ закономъ о бѣдныхъ на народъ, было ужасно и не предвѣщало ничего хорошаго. Гэммеджъ, по поводу этого впечатлѣнія на фабричные округа Йоркшира и Ланкашира, говоритъ слѣдующее: «Новый законъ о бѣдныхъ буквально навелъ ужасъ на эти округа. На уничтоженіе закона Елизаветы и замѣну его новымъ народъ смотрѣлъ какъ на разрушеніе послѣдняго звѣна цѣпи, связывавшей его съ богатыми классами. Громадные, похожіе на тюрьмы, *рабочіе дома* выросли всюду и напоминали бѣднымъ объ ихъ грядущемъ несчастіи. При жалкомъ заработкѣ, котораго не доставало на самое убогое существованіе, передъ ними не было ничего кромѣ нищеты въ настоящемъ и «Бастиліи» въ будущемъ, въ которую они должны быть замурованы, какъ только ихъ притѣснители перестанутъ нуждаться въ ихъ услугахъ» *). Такихъ случаевъ, что люди, не находя работы и не получая пособія, совершали преступленія, чтобы только попасть въ тюрьму или быть сосланными въ колоніи, было множество. Въ 1838 г. происходилъ цѣлый рядъ публичныхъ митинговъ, протестовавшихъ противъ плана властей переселять дѣтей изъ рабочихъ домовъ въ колонію, конечно, безъ всякаго участія родителей.

Однако-жъ находились и теперь такіе шутники, какъ лордъ Радноръ, которые утверждали, что и въ рабочихъ домахъ «обжираются». Этотъ благородный лордъ публично увѣрялъ, что въ рабочемъ домѣ въ Донлей разстройство желудка отъ переполненія—общая болѣзнь. Нѣтъ нужды, что докторъ этого заведенія печатно заявилъ, что тамъ не было не только общей диспепсін, но даже ни одного случая этой болѣзни. «Если болѣзни не было, обжорство все-таки существуетъ», отвѣтилъ лордъ.

Такимъ образомъ легко понять, какой дѣйствительно страшный взрывъ негодованія, ненависти и отчаянія вызвало подобное осуществленіе реформы въ народѣ и среди искреннихъ защитниковъ его интересовъ. «Реформа» 1832 г. въ ихъ глазахъ теперь сдѣлалась самымъ гнуснымъ обманомъ, а новые властители (средній классъ) гораздо болѣе ненавистными, чѣмъ аристократы. Въ фабричныхъ округахъ, около Манчестера, появились страшные бичи новой системы — Ричардъ Остлей и Джозефъ Стефенсъ; первый—бывшій дворецкій одного богатаго лорда, а другой—мето-

*) R. G. Gammage: „History of the Chartist movement“.

дистскій священникъ—живые выразители крайняго недовольства массы. Первый имѣлъ консервативные политическіе взгляды, но ненавидѣлъ богатыхъ и казнилъ ихъ за себялюбіе и бездѣйствіе относительно бѣдныхъ. *Алтарь, тронъ и коттэджъ*, т. е. жилище работника, составляли его любимую триаду, которую онъ часто приправлялъ другою: оружіе, оружіе и оружіе.—Стефенсъ былъ личностью болѣе оригинальной, сильной и вліятельной и представлялъ въ Англіи тотъ же самый типъ, который во Франціи вылился въ Ламэнэ. Ему было не больше 30 лѣтъ, когда собственная строго-догматическая Весплеянская паства судила его, какъ своего священника, и приговорила къ исключенію изъ своей среды за то, что онъ проповѣдывалъ съ кафедръ не слово Божіе, а политическія идеи. Вначалѣ главный предметъ его проповѣдей составляла работа дѣтей на фабрикахъ. «Смотрите на этотъ домъ съ высокими трубами,—говорилъ онъ, указывая на фабрику:—каждый кирпичъ въ ней слѣпленъ кровью женщинъ и дѣтей!» Онъ самъ писалъ про себя въ адресѣ къ работникамъ Дургамы: «Я дѣлалъ свое дѣло и въ деревнѣ, и въ фабричномъ центрѣ, и близко знаю положеніе народа. Это знаніе дѣйствительности въ сравненіи съ признанными правами и привилегіями народа, о которыхъ говорятъ высокія власти и пишутъ мудрейшіе мыслители права, привело меня къ заключенію, что въ самомъ корнѣ существующаго положенія вещей есть что-то ложное и что ни абстрактная теорія, ни перестройка внѣшности нашихъ учреждений не могутъ принести много пользы или устранить болѣзнь. Убѣжденный въ этомъ, я выступилъ на зовъ народа въ своемъ округѣ за національныя и общія права бѣдныхъ и дѣтей, обреченныхъ этимъ положеніемъ на рабство фабричной системѣ и рабочему дому...» Когда у него отняли церковную кафедру, онъ началъ проповѣдывать изъ оконъ своей квартиры, и всякое воскресенье къ нему стекалось по нѣскольку тысячъ народа. Вскорѣ его послѣдователи построили ему на свой счетъ церковь, гдѣ онъ былъ уже полнымъ хозяиномъ. Фабриканты и хозяева, конечно, ненавидѣли его отъ всей души; онъ служилъ для нихъ пугаломъ, хотя въ частной жизни, по отзывамъ всѣхъ, знавшихъ его, не было человека мягче, привѣтливѣй и теплѣе Стефенса. Рабочихъ, посѣщавшихъ его церковь, рассчитывали безъ всякихъ разговоровъ, и онъ отдавалъ имъ все свое жалованье.

Послѣ обнародованія новаго закона о бѣдныхъ Стефенсъ сдѣлался еще горячѣе и непримиримѣе; онъ видѣлъ въ этомъ ново-

введеніи нарушеніе священнаго «права бѣдныхъ и униженныхъ быть накормленными, одѣтыми, согрѣтыми и защищенными въ своихъ собственныхъ домахъ, у собственныхъ очаговъ, на землѣ своихъ предковъ, въ мирѣ и радостномъ довольствѣ, — все равно, какова бы ни была форма правленія и политическія учрежденія». А когда права народа попираются, — гремѣлъ онъ, — «долой троны, долой аристократію, долой епископовъ и духовенство, — жгите самыя церкви, — долой чины и титулы!» «Я революціонеръ огнемъ, кровью и смертью», — продолжалъ онъ въ другой разъ и подтверждалъ все это цитатами изъ Библии и Священнаго Писанія. Послѣдствія впрочемъ показали, какъ и слѣдовало ожидать, что его отрицаніе и революціонизмъ были только доктриной оскорбленнаго нравственнаго чувства и никогда неспособны были перейти въ фактическое разрушеніе. Сектантъ никогда не можетъ быть революціонеромъ: какъ бы ни были страшны его слова и какъ бы искрененъ онъ въ нихъ ни былъ, они всегда останутся словами. Однако-жь въ народѣ этого округа раздраженіе противъ закона о бѣдныхъ было такъ сильно, что онъ не могъ быть здѣсь введенъ въ полной силѣ даже въ 1838 году.

И Остлей, и Стефенсъ, какъ и новый законъ о бѣдныхъ, приготавливали почву для чартизма. Они сами не претендовали на политическое руководство народомъ и не были способны на это; они лишь выражали собою всю массу накопившейся въ народѣ боли и отчаянія, — выражали больше безсознательно, стихійно.

Таковы были плоды дѣятельности реформированнаго парламента.

Популярность виговъ быстро падала и въ политикѣ настало опять одно изъ тѣхъ неопредѣленныхъ состояній, какое бываетъ, когда старое сгнило, а новое не назрѣло. Виги для того, чтобъ удержать власть въ своихъ рукахъ и поддержать хотя наружный порядокъ, возобновили систему шпіонства и провокаціи временъ Сидмута *) и пытались въ зародышѣ убить всякіе признаки энергіи и самодѣтельности въ рабочихъ массахъ. Въ томъ же 1833 г. въ Лондонѣ радикалами была сдѣлана попытка созвать конференцію рабочихъ классовъ, но изъ этого ничего не вышло.

Во время пригласительнаго по этому поводу митинга на Calthorpe-field полиція безъ всякаго предупрежденія напала на безъ-

*) Лордъ Сидмутъ — членъ реакціоннаго министерства Ливерпуля во второмъ десятилѣтіи нашего вѣка — возвелъ провокацію матежей въ систему и наводилъ страну шпіонами. Онъ — современникъ и пріятель Меттерниха.

оруженную толпу и устроила такъ-называемое *кальторпское побоище*.

Въ 1834 г. всѣ ремесленные союзы Англии дѣлали попытку соединиться въ одну организацію—*consolidated national trades unions*, но и это движеніе кромѣ многочисленныхъ процессій по городамъ ничѣмъ серьезнымъ не заявило себя.

Мятежи, поджоги и даже убійства фабрикантовъ опять возобновились съ прежнею силой. Было ясно, что обаяніе «реформы» среди народа исчезло и недовольство требуетъ новаго движенія впередъ. Съ этого момента собственно и начинается чартистское движеніе.

Въ 1836 году въ Лондонѣ была основана *ассоціація рабочихъ* (*working men association*), которой вмѣстѣ съ *бирмингемскими политическими союзами* и принадлежитъ починъ въ этомъ движеніи; они составили народную хартію (*people's charter*), которая съ этихъ поръ и сдѣлалась знаменемъ и программой новой политической партіи рабочихъ.

Уже въ 1831 году среди самихъ рабочихъ большихъ городовъ существовала группа реформаторовъ-радикаловъ, которые относились къ Росселевской «реформѣ» очень сомнительно, чтобы не сказать больше.

Не нужно забывать, что уже въ двадцатыхъ годахъ овенская утопическая проповѣдь перерожденія человѣчества и кооперативное движеніе его послѣдователей были въ полномъ ходу и сильно способствовали выясненію среди рабочихъ экономической стороны проблемы человѣческаго счастья—не только теоретически, но и демонстративно. Въ 1828 году въ Англии существовало уже до 400—500 кооперативныхъ обществъ. Многіе изъ ихъ участниковъ позднѣе оказались въ рядахъ чартистовъ, несмотря на овенскій индифферентизмъ къ политикѣ. Вообще же послѣдствіемъ этого было то, что среди городскихъ рабочихъ все, что было въ нихъ сознательнаго и мыслящаго, не могло удовлетвориться чисто-политическою, и притомъ таковой узко-политическою, реформой, какую выдвинули виги. Въ Лондонѣ уже въ 1831 году былъ основанъ *національный союзъ рабочихъ и другихъ классовъ*, который, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ сойтись съ *политическими союзами*, долженъ былъ стать отдѣльно и рассчитывать больше на будущее, чѣмъ на настоящее.

Союзъ задавался самыми разнообразными цѣлями, на которыхъ отражалось вліяніе и овенизма, и «реформы», но было нѣчто и свое собственное. Онъ имѣлъ въ виду: «покровительство

рабочимъ вообще, свободное распоряженіе продуктомъ труда, дѣйствительную реформу палаты общинъ, отиѣну всёхъ дурныхъ законовъ, составленіе разумнаго и осмысленнаго кодекса законовъ и, наконецъ, выработку и организацію мирнаго выраженія общественнаго мнѣнія». Секретаремъ союза былъ В. Ловеттъ, а въ числѣ членовъ находились Гетерингтонъ, Бливъ, Ватсонъ и другіе, съ которыми намъ придется еще не разъ встрѣчаться.

Практическая дѣятельность союза заключалась въ пропагандѣ радикализма или, скорѣе, въ образовательномъ движеніи въ своей средѣ. Къ этому же была приспособлена и организація его. На каждые 30—40 членовъ выбирался *классный руководитель*. Разъ въ недѣлю они собирались, обыкновенно, въ домѣ такого руководителя и занимались обсужденіемъ политическихъ вопросовъ, чтеніемъ и разборомъ газетныхъ политическихъ статей или отрывковъ изъ извѣстныхъ политическихъ авторовъ. Такихъ классовъ было не мало разбросано по всему Лондону, а еще больше по провинціальнымъ городамъ; съ послѣдними, какъ съ вѣтвями союза, поддерживались постоянныя сношенія. Такая дѣятельность, конечно, вырабатывала политическое общественное мнѣніе въ средѣ рабочихъ и группировала ихъ, но за то при отсутствіи болѣе широкаго жизненнаго опыта дѣлала изъ многихъ теоретиковъ и резонеровъ. Были въ средѣ союза, впрочемъ, и «горячія головы», какъ ихъ снисходительно называетъ Ловеттъ, которыя не довольствовались такою дѣятельностью и, не имѣя открытой силы вліять на политику страны, дѣлали нѣсколько попытокъ образовать *тайный конвентъ*, но изъ этого ничего не вышло.

Союзъ во многихъ случаяхъ публично высказывалъ свое невысокое мнѣніе о «реформѣ» и настаивалъ на правѣ всякаго участвовать въ управленіи, за что и заслужилъ себѣ прозвище «разрушителей, революціонеровъ, грабителей и поджигателей» со стороны вигской и торійской прессы.

Когда вотировался билль о реформѣ, союзъ опубликовалъ *декларацію*, содержаніе которой вкратцѣ слѣдующее:

Декларация національнаго союза рабочихъ классовъ.

„Трудъ есть источникъ богатства. То общество наилучшимъ образомъ управляется, гдѣ граждане не слишкомъ богаты и не слишкомъ бѣдны.“
Валесъ.

«1. Вся собственность (честно нажитая) священна и неприкосновенна.

«2. Всѣ люди равно свободны по рожденію и имѣютъ извѣстные природныя и неотъемлемыя права.

«3. Правительство должно опираться на нихъ и имѣть въ виду пользу *всѣхъ*, а не нѣкоторыхъ.

«4. Всѣ наслѣдственныя различія неестественны и должны быть отмѣнены.

«5. Всякій здоровый, незапятнанный преступленіемъ и взрослый человѣкъ долженъ имѣть право голоса въ законодательствѣ.

«6. подача голосовъ должна быть тайная. Имущественнаго ценза не должно существовать.

«7. Эти принципы существенны для нашей самозащиты и мы никогда не удовлетворимся никакимъ закономъ, который не признаетъ ихъ».

Эта декларация была разослана по всѣмъ радикальнымъ и рабочимъ обществамъ.

Прошло еще пять лѣтъ. Бѣдствія и волненія въ странѣ продолжались, а парламентъ не обѣщаль ничего новаго. Среди лондонскихъ радикаловъ лѣтомъ 1836 г. созрѣла мысль избавиться отъ опеки парламентскихъ вождей радикализма и заложить фундаментъ новой партіи, состоящей исключительно изъ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что въ 1835 году не осталось ни одного изъ людей, заслужившихъ уваженіе своей многолѣтнею борьбой за интересы простаго народа: Коббетъ и Гонтъ оба въ этомъ году умерли, новое же поколѣніе радикаловъ парламента, обладая не меньшими претензіями на предводительство, далеко не отличалось энергіей и преданностью дѣлу.

16 іюня 1836 года въ Тевистонъ-стритъ и Ковенъ-гарденъ была основана *лондонская ассоціація рабочихъ*, которой суждено было играть въ послѣдующей исторіи чартизма важную роль. Она состояла исключительно изъ рабочихъ (нерабочіе могли въ ней быть только почетными членами). Программа ея уже достаточно характеризуетъ ея содержаніе. Она задавалась слѣдующими цѣлями:

1. Соединить *въ одно цѣлое развитую и вліятельную* часть рабочаго класса, городского и сельскаго.

2. Всѣми законными средствами стараться доставить всѣмъ классамъ общества пользованіе одинаковыми политическими и социальными правами.

3. Употреблять всѣ средства и пользоваться всякимъ поводомъ для того, чтобъ уничтожить жестокіе законы, которые мѣ-

шають свободному общенію мысли посредствомъ *дешевой и честной прессы*.

4. Способствовать всѣми средствами образованію подрастающаго поколѣнія и искорененію системы, ведущей въ будущемъ къ рабству.

5. Сбирать всякія свѣдѣнія, касающіяся интересовъ рабочихъ классовъ въ частности и общества вообще, особенно же статистическія данныя о заработной платѣ, обычаяхъ и условіяхъ жизни чернорабочихъ, и обо всѣхъ тѣхъ причинахъ, которыя главнымъ образомъ порождаютъ теперешнее положеніе вещей.

6. Сходиться и сообщаться по поводу этихъ данныхъ другъ съ другомъ.

7. Публиковать свои взгляды и чувства съ цѣлью создать нравственное, разумное и энергическое общественное мнѣніе, ведущее къ благу рабочаго класса.

8. Организовать библіотеки, имѣть мѣста для собраній и т. д.

Не трудно замѣтить, что эта программа во многомъ напоминаетъ «союзъ рабочихъ классовъ» и, очевидно, была выраженіемъ людей того же самаго направленія или даже тѣхъ же самыхъ лицъ. Это направленіе сводилось къ одной задачѣ—*выработать интеллигенцію рабочаго класса и организовать ее* въ одно цѣлое, т. е. въ самостоятельную *политическую партію*. Среди членовъ ассоціаціи мы дѣйствительно находимъ тѣхъ же самыхъ инициаторовъ уже не первой попытки радикальной борьбы и агитаціи. Это—Г. Гетерингтонъ, Дж. Кливъ, Р. Муръ, В. Ловеттъ, Дж. Ватсонъ, Г. Винцентъ, Р. Гартвеллъ, Роджерсъ, Севеджъ и другіе.

Первое время своего существованія ассоціація проявляла себя самыми разнообразными адресами и посланіями и къ королевѣ, и къ странѣ, и къ бельгійскимъ и къ американскимъ рабочимъ, и даже къ польскимъ патріотамъ-демократамъ. Во всѣхъ этихъ упражненіяхъ въ демократическомъ краснорѣчьи уже тогда высказывались тѣ характеристическія черты, которыя впоследствии такъ рѣзко отличали ее отъ другихъ группъ чартистовъ и сдѣлали представительницей партіи «нравственной силы», въ противоположность партіи «физической силы».

Въ адресѣ къ провинціальнымъ обществамъ, которымъ совѣтовалось организоваться по примѣру лондонской ассоціаціи рабочихъ, говорилось, на примѣръ, что въ выборѣ членовъ слѣдуетъ быть очень осторожными; пьяницы и безнравственные люди не

должны имѣть здѣсь мѣста, которое всегда открыто для серьезныхъ, нравственныхъ и мыслящихъ людей. «Лучше мало, но надежныхъ, чѣмъ много, но испорченныхъ». «Имъ нужны люди, а не тѣ недостойные этого имени, у которыхъ за простыми чувственными наслаждениями не существуетъ болѣе высокихъ стремлений, которые забываютъ свои обязанности отцовъ, мужей, братьевъ и дѣлаются рабами своихъ притѣснителей изъ-за пьянства». Въ адресѣ къ польскимъ демократамъ говорилось вслѣдъ за общими разсужденіями на тему: *всѣ люди—братья*: «Мы думаемъ, что открыли великій секретъ власти всесвѣтныхъ гонителей свободы: это—*наше собственное невѣжество относительно общества и правительства*; это—*наши предрассудки, разединеніе и недоверіе*... Народъ самъ поставилъ и продолжаетъ поддерживать тѣ немногіе идола власти и богатства, которые вызываютъ въ немъ сразу и страхъ, и обожаніе...» Политическіе взгляды ассоціаціи лучше всего и полнѣй всего были выражены въ памфлетѣ, написанномъ Гетерингтономъ и изданномъ ассоціаціей: «Испорченная палата общинъ». Въ немъ говорилось: «Товарищи-соотечественники! пробовали ли вы когда-нибудь вникать въ то, какимъ образомъ справедливое и экономное управленіе повліяло бы на интересы 658 членовъ нашей палаты общинъ? Если бы вы это сдѣлали, вы навѣрно потеряли бы всякую надежду на то, чтобъ этотъ парламентъ могъ сдѣлать для васъ что-нибудь существенное...

«Неужели *ландлордъ*, котораго собственный интересъ заставляетъ повышать ренту при помощи несправедливыхъ и исключительныхъ законовъ, можетъ быть представителемъ рабочихъ людей?

«Неужели *всѣ дѣлатели денегъ, спекуляторы* и барышники, живущіе на счетъ испорченности системы, могутъ быть представителями сыновъ труда?

«Неужели *всѣ безчисленные лорды, графы, маркизы, кавалеры, баронеты, почтенные и достопочтенные*, занимающіе мѣста въ палатѣ, могутъ представлять наши интересы?

«Неужели *чины арміи и флота* въ палатѣ общинъ, которыхъ интересъ требуетъ поддержанія системы, обезпечивающей имъ ихъ жалованье и покровительство, и которыхъ все назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы побуждать одну часть нашихъ братьевъ держать въ подчиненіи другую, — могутъ представлять наши нужды?

«Неужели насъ представляютъ *адвокаты, прокуроры и ходатаи по дѣламъ*, которыхъ благосостояніе основывается на непонятности и запутанности законовъ, — люди, которыхъ знанія *законовъ* часто доставляютъ имъ мѣста въ рядахъ правительственныхъ чиновниковъ и помогаютъ развращенію высшихъ сферъ управленія?

«Неужели *фабрикантъ и капиталистъ*, которымъ исключительная монополія соединенной силы дерева, желѣза и пара помогаетъ разорять тысячи и которыхъ интересъ понижать вознагражденіе за трудъ до *минимума*, — могутъ представлять интересы рабочихъ?

«Неужели хозяинъ, котораго интересъ — покупать трудъ по возможно дешевой цѣнѣ, можетъ представлять *работника*, котораго интересъ — получить за свой трудъ возможно больше?...»

Въ февралѣ 1837 года ассоціація устроила въ тавернѣ Crown and Anchor, на Стрэндѣ, публичный митингъ для подачи петиціи въ парламентъ о всеобщей подачѣ голосовъ и о другихъ требованіяхъ демократической партіи. Здѣсь-то въ первый разъ и были установлены знаменитые 6 пунктовъ *народной хартіи (people's charter)*, которые и должны были составить зерно петиціи:

1. Всеобщая подача голосовъ.
2. Ежегодные выборы въ парламентъ.
3. Тайная баллотировка.
4. Отмѣна имущественнаго ценза.
5. Жалованье членамъ парламента во время исполненія общественныхъ обязанностей.
6. Равные избирательные округа по числу избирателей.

Хартія тутъ же получила до 3.000 подписей. Такимъ образомъ была установлена программа новой партіи. По мнѣнію радикаловъ, ея осуществленіе привело бы къ дѣйствительно радикальной реформѣ, которая дала бы возможность всѣмъ слоямъ общества имѣть одинаковое участіе въ законодательствѣ и превратить его изъ орудія одной господствующей клки въ учрежденіе дѣйствительно народное, готовое защищать слабого отъ сильнаго. Мало того, на членскихъ билетахъ общества стояло: «*Человѣкъ, избѣгающій участія въ полезномъ трудѣ, уменьшаетъ народное богатство и налагаетъ свое ярмо на ближняго*». Въ отвѣтъ людямъ, которые указывали на хлѣбные законы, на фабричную систему, на законъ о бѣдныхъ, какъ на вещи стояющія вниманія прежде всеобщаго права голосованія, пер-

вые чартисты обыкновенно говорили: «дайте намъ получить вліяніе на законодательство—и тогда мы все это измѣнимъ».

Членъ парламента Ребюкъ взялся представить петицію. Ассоціація рѣшила послать своихъ эмиссаровъ по странѣ пропагандировать среди рабочихъ обществъ «народную хартію» и собирать подписи на петицію. Гетерингтонъ былъ для этого самый подходящий человѣкъ,—послѣ его пятилѣтней борьбы за дешевую прессу его знало все читающее населеніе страны. А кромѣ того демократія знала его какъ издателя нѣсколькихъ руководящихъ демократическихъ журналовъ, какъ *Poor Men's Gardian*, *Political Letters*, *Republican* и *Police Gazette*. Кливъ, Винцентъ и Гартвеллъ были посланы въ другія мѣста. Ловеттъ же, какъ секретарь и душа общества, остался въ Лондонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ разосланъ и тотъ адресъ къ провинціальнымъ обществамъ, о которомъ упоминалось выше.

Въ это же время велись переговоры съ парламентскими радикалами о поддержкѣ ими билля о всеобщей подачѣ голосовъ, когда онъ будетъ внесенъ. Большая часть изъ нихъ оказались согласными съ требованіями народной хартіи *въ принципъ, но не на практикѣ*. Однако-жь поддержка была обѣщана и выбранъ для редакціи билля комитетъ изъ 12 человѣкъ, по 6 съ той и другой стороны. Это были:

О'Коннелль	}	изъ	парламента.	Гетерингтонъ	}	отъ	рабочихъ.
Ребюкъ				Кливъ			
Лидеръ				Ватсонъ			
Гиндлей				Муръ			
Томпсонъ				Ловеттъ			
Кроуфордъ		Винцентъ					

Изъ этого временнаго союза почти ничего не вышло, такъ какъ въ это время умеръ король и назначены были новые выборы, да и вообще рабочіе очень мало довѣряли своимъ привилегированнымъ союзникамъ и имѣли на то основаніе. Стоитъ прослѣдить дальнѣйшее поведеніе хотя бы этихъ немногихъ личностей, принимавшихъ участіе въ переговорахъ. — О'Коннелль, который послѣ упомянутаго соглашенія, взявъ въ руки хартію и обращаясь къ Ловетту, сказалъ: «Ну, Ловеттъ, теперь возьмите вашу хартію, проповѣдуйте ее и не соглашайтесь ни на что меньшее», — этотъ великій трибунъ Ирландіи очень скоро началъ играть съ радикалами чартизма двойную игру и пропо-

вѣдывать въ Ирландіи, что они—худшіе враги его родины. Вигское министерство обѣщало ему реформы въ Ирландіи, но единственнымъ препятствіемъ къ этому выставило англійскихъ радикаловъ. А кромѣ того радикалы не признавали деспотизма вождей и безусловнаго повиновенія имъ, на которомъ строилась вся карьера О'Коннелля въ Ирландіи. Далѣе, Вардъ сдѣлался впоследствии губернаторомъ Іонійскихъ острововъ, и очень жестокимъ губернаторомъ. Боурингъ принялъ правительственное мѣсто. Молесвортъ скоро отсталъ отъ движенія и вошелъ, какъ членъ, въ коалицію правительства. Ребюкъ, разочаровавшись, оставилъ политическую арену и погрузился въ частную жизнь. Лидеръ тоже скоро совершенно затерялся. Кроуфордъ, самый надежный изъ всѣхъ, не былъ выбранъ при слѣдующихъ выборахъ и устранился отъ дѣлъ. Томпсонъ былъ и остался эксцентрическимъ старикомъ, съ которымъ трудно было что-нибудь сдѣлать.

Вотъ почему лондонская ассоціація рабочихъ во всѣхъ своихъ обращеніяхъ къ провинціальнымъ товариществамъ всегда совѣтовала имъ надѣяться только на себя. Въ послѣднемъ изъ нихъ по поводу новыхъ выборовъ говорилось, что «изъ обмана, которому подверглись рабочіе во время движенія за реформу, они вынесли драгоценный урокъ и въ другой разъ не будутъ поддерживать никакой мѣры, которая не включала бы ихъ интересовъ. Они теперь сознаютъ, что большая часть притѣснительныхъ законовъ и учреждений, вытекающихъ изъ невѣжества и бѣдности, могутъ быть сведены къ одному источнику—*исключительному законодательству*, а потому совѣтовалось сосредоточить все свое вниманіе на *разрушеніи громадной и пагубной монополіи*, вполне убѣдившись, что пока право изданія законовъ вручено *немногимъ*, интересы *немногихъ* будутъ обезпечиваться цѣною нуждъ многихъ.... Общества рабочихъ должны быть устроены во всякомъ городѣ, во всякой деревнѣ по всей странѣ и всѣ честные и разумные люди всѣхъ классовъ, ищущіе справедливости для всѣхъ, должны быть включены въ среду ихъ.... Уже существующія общества и политическіе союзы должны обновиться и реорганизоваться въ *рабочія общества*; они должны собираться, подавать петицію и не уступать до тѣхъ поръ, пока цѣль не будетъ достигнута. Существуетъ мнѣніе, что обращаться съ просьбами къ парламенту глупо. Работники! не давайте вашимъ врагамъ въ руки аргумента: если народъ ничего не просить, значитъ ему ничего не нужно».

Агитація лондонскихъ эмиссаровъ имѣла большой успѣхъ въ провинціи. Старая организація политическихъ союзовъ, основанныхъ въ 1831 году, потеряла теперь свой смыслъ и заключала въ себѣ много недовольныхъ элементовъ, которые не удовлетворялись прежней узкою постановкой дѣла и не хотѣли играть въ руку своимъ вчерашнимъ союзникамъ.

Бирмингэмскій политическій союзъ, обвинявшій собою всю среднюю Англію и пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ, скоро согласился измѣнить свою программу и принять всѣ 6 пунктовъ народной хартіи. Его предсѣдателемъ тогда былъ членъ парламента, Атвудъ, человѣкъ очень популярный и честный, но придававшій гораздо больше значенія вопросу о бумажныхъ деньгахъ, чѣмъ вопросу о народномъ представительствѣ. Ему пришлось подать парламенту первую петицію народа. Позднѣе онъ устранился отъ политики и ограничился частною жизнью.

Дугласъ былъ издателемъ газеты союза *Birmingham Journal*, а Коллинсъ, рабочій, ораторомъ общества. Когда соглашеніе между бирмингэмской и лондонской группами состоялось, изъ первой были посланы на сѣверъ, въ Шотландію, эмиссары съ тою же цѣлью — пропагандировать хартію. Въ это время въ Нортумберландѣ и Дургамѣ уже существовалъ *сѣверный политическій* союзъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько тысячъ членовъ, въ томъ числѣ и довольно много людей средняго класса. Вождемъ его былъ замѣчательно смѣлый и свѣдущій человѣкъ, Августъ Бьюмонтъ, редакторъ газеты *Northern Liberator*, имѣвшій большое вліяніе преимущественно въ Нью-Кастлѣ и окрестныхъ городахъ, куда онъ ѣздилъ для пропаганды хартіи.

Шотландскіе рабочіе, особенно изъ Глазго и Эдинбурга, сразу же отозвались на приглашеніе бирмингэмцевъ пристать къ движенію. Въ Уэльсѣ Винцентъ имѣлъ большой успѣхъ. Отчасти благодаря своимъ личнымъ качествамъ и недюжинному ораторскому таланту, а главнымъ образомъ самому содержанию хартіи, онъ успѣлъ возбудить вниманіе массы городского и горнозаводскаго населенія. Въ г. Нью-Портѣ, въ томъ же Уэльсѣ, жилъ нѣкій почтенный мировой судья Джонъ Фростъ, человѣкъ семейный, набожный, пользовавшійся уваженіемъ не только въ средѣ средняго класса, но и простаго народа, который, по выраженію Гэммаджа, «онъ искренно любилъ и которому за довѣріе къ себѣ не былъ способенъ измѣнить ни при какихъ обстоятельствахъ». Этотъ человѣкъ сдѣлался горячимъ защитникомъ хартіи, а позднѣе, въ трудную

минуту, одинъ изъ немногихъ оказался способнымъ рисковать изъ-за нея своею жизнью. и навсегда пожертвовать свободой.

Такимъ образомъ начата была агитація—сначала личная, въ пріятельскихъ бесѣдахъ, небольшихъ собраніяхъ, лекціяхъ; но по мѣрѣ того, какъ слово надежды западало въ темные углы вѣчно работающей и дремлющей массы, въ мастерскія, фабрики, копи и доки, число сочувствующихъ увеличивалось, народныя собранія начали принимать все болѣе и болѣе внушительные размѣры. Тогда-то было рѣшено въ Бирмингемѣ и Лондонѣ окончательно составить и напечатать петицію въ парламентъ, затѣмъ устроить рядъ демонстрацій по всей странѣ и собрать во время ихъ возможно большее число подписей подъ петиціей, а также выбрать делегатовъ на конвентъ рабочихъ классовъ.

8 мая 1838 г. появилась петиція. Вотъ ея текстъ:

«Благороднымъ общинамъ Великобританіи и Ирландіи, собраннымъ въ парламентѣ, отъ ихъ нижеподписавшихся страждущихъ соотечественниковъ

« П Е Т И Ц І Я .

«Мы, просители, живемъ въ странѣ, купцы которой извѣстны своей предприимчивостью, фабриканты — своимъ искусствомъ, а рабочіе—знаніемъ своего ремесла. Сама земля наша прекрасна, почва богата и климатъ умѣренъ. Она изобильно надѣлена предметами промышленности и торговли. Она обладаетъ многочисленными и удобными гаванями. По удобству внутреннихъ сообщений она превосходитъ всѣ другія страны. Въ теченіе 23-хъ лѣтъ она наслаждается миромъ. И, несмотря на все это, при всѣхъ этихъ данныхъ національнаго процвѣтанія, при всемъ желаніи извлекать изъ нихъ пользу, мы обременены общественными и частными страданіями. — Мы гнемся подъ тяжестью множества налоговъ, которые тѣмъ не менѣе далеко не удовлетворяютъ желаній нашихъ правителей. Наши промышленники дрожатъ на краю банкротства; наши работники умираютъ отъ голода. Капиталъ не приноситъ прибыли, а трудъ—вознагражденія. Домъ ремесленника разоренъ, а кладовая ростовщика полна. Рабочіе дома переполнены, а фабрики пусты. — Мы осматривались вокругъ себя; мы самымъ тщательнымъ образомъ доискивались причинъ такой острой и гнетущей нужды, но мы не могли найти ихъ ни въ природѣ, ни въ Провидѣніи. Народъ чтитъ небо и не оскорбляетъ его щедрости, но безуміе (foolishness) нашихъ правителей сдѣ-

лаго щедрость неба недѣйствительною... Силы могущественнаго государства тратятся на созданіе власти себялюбивыхъ и невѣжественныхъ людей, а его средства идутъ на увеличеніе ихъ богатствъ. Благо одной партіи развивалось въ ущербъ благу цѣлаго народа; немногіе управляли въ интересахъ немногихъ, тогда какъ интересы многихъ пренебрегались и открыто и тираннически попирались ногами. Народъ вѣрилъ, что для большей части, если не для всѣхъ его нуждъ, послужить исцѣленіемъ актъ о реформѣ 1832 года. Онъ смотрѣлъ на этотъ актъ какъ на мудрое средство для достойной цѣли, какъ на систему усовершенствованнаго законодательства, гдѣ воля массъ приобретаетъ наконецъ соотвѣтствующее значеніе. Онъ былъ горько и глубоко обманутъ. Плодъ, казавшійся глазу дѣйствительнымъ, обратился въ пыль и золу, когда былъ собранъ. Актъ о реформѣ имѣлъ слѣдствіемъ лишь переходъ власти отъ одной господствующей вѣлки къ другой и оставилъ народъ такимъ же безпомощнымъ, какъ онъ былъ и прежде.—Мы приходимъ къ вамъ, достопочтенная палата, чтобы сказать вамъ со всѣмъ нашимъ почтеніемъ, что такое положеніе вещей не должно болѣе продолжаться, что оно не можетъ долѣе существовать безъ серьезной опасности для прочности трона и мира въ королевствѣ, и что если съ помощью Божіей и всѣхъ законныхъ и конституціонныхъ средствъ ему можетъ быть положенъ конецъ, то мы вполне готовы къ тому, чтобъ это было сдѣлано тотчасъ же.—Мы говоримъ вамъ, достопочтенная палата, что капиталъ хозяина не долженъ долѣе лишаться своей выгоды, но и трудъ работника долженъ получать свое должное вознагражденіе,—что законы, дѣлающіе пищу дорогою, деньги рѣдкими, а трудъ дешевымъ, должны быть отменены, — что налоги должны падать на собственность, а не на трудъ, и что благо многихъ, какъ единственная законная цѣль, должно составлять единственный предметъ заботъ правительства.—Какъ существенное предварительное условіе для этихъ и другихъ необходимыхъ перемѣнъ, какъ единственное средство, которое одно способно защитить и обезпечить интересы народа,—мы требуемъ, чтобъ эти интересы были поручены охранѣ самого народа. Когда государство призываетъ защитниковъ, когда оно требуетъ денегъ, — отказъ или промедленіе въ исполненіи его требованій не могутъ быть оправдываемы ни бѣдностью, ни невѣжествомъ. Всегда призываемые повиноваться и поддерживать законы, мы по естеству и здравому смыслу требуемъ, чтобъ и въ установ-

леніи законовъ былъ безусловно слышимъ голосъ каждаго изъ насъ. — Мы исполняемъ обязанности свободныхъ людей, — мы должны имѣть и ихъ привилегіи. — *Мы требуемъ всеобщаго права голоса.* Но для того, чтобы подача голосовъ была предохранена отъ подкупа богатыхъ и насилія могущественныхъ, она должна быть тайной. Признаніе нашего права необходимо включаетъ и возможность независимаго примѣненія его. — *Мы требуемъ тайной баллотировки.* — Для того, чтобы связь между представителями и народомъ могла быть благотѣльной, она должна быть близкою. Законодательная и конституціонная силы для исправленія и наставленія должны приходиться въ частыя соприкосновенія. Сравнительно незначительныя ошибки, лишенныя возможности быстраго исправленія народомъ, могутъ породить самыя бѣдственныя послѣдствія, когда онѣ безпрепятственно разрастаются въ теченіе многихъ лѣтъ. Для общественной безопасности, точно также какъ и для общественнаго довѣрія, частые выборы существенно необходимы. *Мы требуемъ ежегодныхъ выборовъ.* — При правѣ выбора и свободѣ избранія сфера нашего выбора не должна быть ограничиваема. Мы принуждены существующими законами выбирать въ свои представители людей неспособныхъ оцѣнить наши нужды или не имѣющихъ къ нимъ никакой симпатіи, — купцовъ, давно оставившихъ промышленную дѣятельность и не чувствующихъ болѣе ея тягостей, — землевладѣльцевъ, которые одинаково невѣжественны какъ относительно болѣзней страны, такъ и лѣкарствъ отъ нихъ, — адвокатовъ, которые добиваются почестей сената только какъ средства обращать на себя вниманіе въ судахъ. — Труды представителя, усердно исполняющаго свои обязанности, многочисленны и тяжелы. Несправедливо, неразумно и небезопасно, что они продолжаютъ исполняться безъ вознагражденія. *Мы требуемъ,* чтобы при будущемъ избраніи членовъ вашей достопочтенной палаты одобреніе избирательнаго округа было единственнымъ цензомъ и чтобы всякому, такимъ образомъ избранному, члену было назначено изъ общественныхъ сборовъ справедливое и приличное вознагражденіе за время общественной службы. — Наконецъ, мы слишкомъ искреннимъ образомъ увѣряемъ васъ, достопочтенная палата, что эта петиція была продиктована не какою-нибудь праздною любовью къ перемѣнамъ, что она возникла не изъ необдуманнаго влеченія къ мечтательнымъ теоріямъ, но есть результатъ всесторонняго и продолжительнаго обсужденія и убѣжденій, кото-

рыя все болѣе и болѣе укрѣпляются событіями послѣднихъ лѣтъ. — Если же самоуправленіе народа не можетъ устранить бѣдствій, оно по крайней мѣрѣ сдѣлаетъ невозможнымъ злоупотреблять ими. — Вообще право голоса принесть, и только оно и можетъ принести, истинный и продолжительный миръ націи, и мы твердо увѣрены, что оно же принесть и довольство.

«Не угодно ли поэтому будетъ вамъ, достопочтенная палата, подвергнуть эту нашу петицію вашему серьезному обсужденію и употребить всѣ ваши усилія, ваши конституціонныя средства, чтобы провести законъ, дарующій *всякому взрослому и здоровому умомъ мужчине, незапятнанному преступленіемъ, право избирать членовъ парламента*, направляющій всѣ будущіе выборы путемъ *тайной баллотировки*, устанавливающій *продолжительность* такимъ образомъ избраннаго парламента *не болѣе какъ на одинъ годъ, отмѣняющій всякій имущественный цензъ* и назначающій членамъ палаты *должное вознагражденіе за ихъ труды во время исполненія парламентскихъ обязанностей*.

«Ваши просители и т. д.»

Н. Ч**.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГОЛЬ.

РОМАНЪ.

(Посвящается князю Д. П. Голицыну.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ПЯТАЯ.

I*).

Вечерній поѣздъ Николаевской желѣзной дороги съ пыхтеньемъ и свистомъ, скрипя заторможенными колесами, вошелъ подъ навѣсъ петербургскаго дебаркадера.

На платформѣ, довольно слабо освѣщенной газовыми фонарями, группы людей ожидали приѣзжихъ. Нѣсколько темныхъ личностей сновало тутъ же, на перебой предлагая пассажирамъ, выходившимъ изъ вагоновъ, «гостиницы», «нумера» и «меблированные комнаты». Носильщики уже суетились у отгороженнаго деревянною рѣшеткой мѣста около багажнаго вагона. Среди толпы, торопливо выходившей изъ вагоновъ втораго класса, только одинъ человѣкъ терпѣливо переждалъ, когда будетъ немного посвободнѣе выйти, и сталъ пробираться къ тому мѣсту, гдѣ выдавали багажъ. Его блѣдное, исхудалое лицо казалось усталымъ; онъ шелъ тихо, медленно, не всматриваясь въ лица окружающихъ его людей, не обращая вниманія на предложенія «номеровъ» и «комнатъ». Повидимому, онъ никуда не спѣшилъ, не ожидалъ никакой встрѣчи съ знакомыми или близкими, не нуждался въ наймѣ квартиры. Получивъ свой багажъ, онъ велѣлъ нести его за собой носильщику, вышелъ на боковой подѣздъ дебаркадера и крикнулъ извозчика:

*) *Русская Мысль*, в. VII.

— Въ Захолустную улицу! — проговорилъ онъ и, не торопясь, сѣлъ на поданныя дрожки, расплатившись съ носильщикомъ багажа.

Дрожки тронулись, задрезжали колесами, проѣхали подъ аркой воротъ и путникъ очутился на Знаменской площади. Его со всѣхъ сторонъ охватили тьма дождливой осенней ночи, немолчный стукъ колесъ, крики извозчиковъ, говоръ иѣшеходовъ, какой-то смутный гулъ звуковъ, похожій на немолчный ропотъ бушующаго моря. Ему стало какъ - то жутко, точно страшно. Онъ родился въ Петербургѣ, онъ жилъ здѣсь безвыѣздно десяти лѣтъ, но никогда не испытывалъ онъ прежде этого ощущенія, охватившаго его теперь, когда онъ снова возвратился въ столицу послѣ долгаго пребыванія въ провинціи. Онъ сознавалъ, что и тутъ онъ всѣмъ чужой и всѣ чужды ему, что тутъ его ждетъ борьба на жизнь и смерть, что тутъ вся задача жизни заключается въ стремленіи обогнать другого, перешагнуть черезъ другого, задавить другого. Какая-то щегольская нарета пронеслась около его дрожекъ и обдала его съ ногъ до головы брызгами жидкой грязи.

— Чего ты спишь-то! — раздражительно проговорилъ онъ извозчику. — И не торгуешься съ вами, а все-таки точно за покойникомъ ѣдете!

Онъ вынулъ платокъ и отеръ забрызганное грязью лицо. Но въ эту минуту пронесся еще экипажъ и опять обдалъ его грязью.

— Черти, черти, точно на пожаръ скачутъ! — проворчалъ онъ и сердитымъ тономъ приказалъ извозчику: — Сверни куда-нибудь въ улицу, — по Невскому только грязи наглотаешься. И для чего не повезъ по Лиговкѣ?

— Дорога тамъ плоха, — отвѣтилъ извозчикъ и свернулъ въ Николаевскую улицу.

Чѣмъ дальше они отѣзжали отъ Невскаго, тѣмъ тише становился шумъ, тѣмъ менѣе встрѣчалось народу, тѣмъ темнѣе становилось кругомъ.

Наконецъ, по сторонамъ начали появляться деревянные дома, потянулись заборы, фонари стали рѣже, шумъ умогъ совершенно.

— А... вотъ и начало родного захоlustья! — промелькнула въ головѣ путника мысль и по его лицу пробѣжала, горькая, ироническая улыбка.

Еще два-три поворота изъ одной улицы въ другую—и дрожки въѣхали въ Захолустную улицу, увязая въ грязи. Путникъ указалъ извожику, гдѣ остановиться. Онъ хорошо еще помнилъ всѣ дома въ этой улицѣ. Онъ расплатился, подѣхавъ къ воротамъ указаннаго дома, взялъ чемоданъ и вошелъ во дворъ небольшого деревяннаго строенія, поднялся по темной лѣстницѣ, ощупью нашелъ дверь...

-- Митя, голубчикъ!

— Братецъ!

— Дмитрій, здравствуй!

Дмитрій Андреевичъ Орловъ сразу узналъ голоса сестры, Лешы и отца и десятки поцѣлуевъ зазвучали въ квартирѣ Орловыхъ.

— Сейчас самоваръ подадимъ! Раздѣвайся, голубчикъ; отдохни съ дороги,—усталъ, я думаю; тоже не шутка, сколько проѣхалъ! И какъ похудѣлъ-то, какъ измѣнился-то!—заговорила Анна Андреевна, засуетившись около брата.

Она была въ узкомъ черномъ платьѣ, худая и блѣдная, точно испостившаяся монахиня.

— Да, да, братъ, похудѣлъ, сильно похудѣлъ! — говорилъ Андрей Ивановичъ, смотря на сына.

— Вы теперь, братецъ, совсѣмъ къ намъ пріѣхали?—спросилъ Леша.—Я, братецъ, много плакалъ объ васъ... Вы тоже, братецъ, плакали?... Худой вы, теперь, худой... Прежде вы, братецъ, не были худымъ...

Анна Андреевна тихо вздохнула и по этому тихому вздоху было ясно, что ей было тяжело увидѣть тагую перемѣну въ братѣ. А онъ смотрѣлъ на нихъ и ему казалось, что они все тѣ же, что вокругъ нихъ все то же, что они говорятъ все такъ же, точно они провели эти годы разлуки въ заколдованномъ царствѣ вѣчнаго сна. Онъ всматривался въ нихъ и не могъ сообразить, произошла ли въ нихъ хоть какая-нибудь перемѣна въ пролетѣвшіе надъ ними годы. Была ли сестра его тогда такъ же желта или она пожелтѣла только за это время? Былъ ли Леша тогда такимъ же румянымъ и толстымъ, какъ теперь, или это онъ раздобрѣлъ такъ только во дни разлуки? А отецъ... Дмитрій Андреевичъ никакъ не могъ вспомнить, былъ ли совершенно лысымъ тогда отецъ или нѣтъ. Ему даже хотѣлось спросить объ этомъ отца, но стало какъ будто совѣстно. Да нѣтъ, отецъ и тогда былъ такимъ же лысымъ, иначе эта перемѣна сразу бросилась бы въ глаза ему, Дмитрію Андреевичу.

— А что дядя Лампадовъ?—спросилъ онъ.—Живъ еще?

— Что дядя! Живъ - то живъ, да совсѣмъ изъ ума выживаетъ послѣ смерти Ольги Григорьевны,—отвѣтила Анна Андреевна.—Совсѣмъ почти изъ дому не выходитъ, а и выйдетъ, такъ за нимъ, какъ за ребенкомъ, присмотрѣть надо. То безъ галстуха уйдетъ, то безъ калошъ. Еслибы не его Магдалина, такъ просто посмѣшищемъ бы сталъ. Она еще и приодѣнетъ его, и оправить... А теперь ужъ и совсѣмъ плохъ, выходитъ пересталъ,—не сегодня, завтра умереть...

— Бѣдняга!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ задумчиво.—Еще слава Богу, что Магдалина такая преданная...

— Говорятъ, братецъ, что и нажилась за то она у него,—сказала Анна Андреевна.—Тоже онъ, я думаю, и самъ не понять, что у него есть. И не одна она наживаетъ около него. Ей-то и Богъ велѣлъ,—тоже бѣдная женщина,—а то другіе... Осѣтили его разные крестники да посаженныя дѣти покойной Ольги Григорьевны и его—точно вороны около падали, прости, Господи, мое согрѣшеніе! Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ по кусочкамъ его добро.

Анна Андреевна вдругъ понизила тонъ.

— Слава Богу, что вы во-время приѣхали, братецъ,—сказала она таинственно.—Вѣдь родныхъ-то только у старика и есть, что мы. Я потому и писала вамъ, просила приѣхать... Мамаша всегда говорила, что кромѣ насъ никого у него нѣтъ наслѣдниковъ. Если умереть, жаль все на вѣтеръ бросить. Не богачи мы какіе, чтобы наслѣдствомъ пренебрегать. У старика скоплено, скоплено,—это всѣ говорятъ.

— Ну, Богъ съ нимъ, съ чужимъ добромъ,—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Какъ, братецъ, Богъ съ нимъ?—воскликнула Анна Андреевна.—Что же, въ казну отдавать развѣ? Казна, голубчикъ, и безъ насъ богата. Сама со всѣхъ беретъ. Спасибо она намъ не скажетъ за то, что все ей отдадимъ на разграбленіе. А не возьмемъ мы, кто же имѣетъ право взять, кромѣ казны? Крестники—не наслѣдники. Да и не возьмете вы, братецъ, такъ вамъ же хоронить придется на свой счетъ,—чужіе хоронить не стануть. А нынче времена-то какія, братецъ: все дорожаетъ, ни къ чему приступу нѣтъ...

И снова услышалъ Дмитрій Андреевичъ длинную исторію о томъ, какъ нынче трудно жить, какъ деруть купцы за все, какъ

и правительство не думаетъ о бѣдныхъ людяхъ, какъ никто ни за чѣмъ не смотритъ и всё грабятъ. Дмитрію Андреевичу, казалось, что онъ только вчера слышалъ эти самые толки, желчные, вырвавшіеся изъ глубины души, вызванные тяжелымъ жизненнымъ гнетомъ. Его не удивляли эти толки, но его удивляло то, что онъ слышитъ ихъ уже не отъ покойной матери, а отъ сестры Ани, отъ этого человѣка не отъ міра сего.

— И ты, Аня, то же говоришь, что когда-то мама говорила, — замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Я теперь хозяйничаю, братецъ, — коротко отвѣтила Анна Андреевна, заваривая чай.

— Да, да, братецъ, хозяйка она у насъ, — сказалъ Андрей Ивановичъ. — Такая экономка, что не приведи Господи!

— Надо же концы съ концами сводить, — сухо проговорила Анна Андреевна. — Изъ дому-то всё умѣютъ тащить, а въ домъ что-то мало несутъ. А не хватить денегъ, никто не дастъ. Богатый пойди занимать, всё дадутъ; а приди съ голоду просить, вездѣ откажутъ.

И опять, опять послышались знакомыя фразы, знакомыя истины. Дмитрій Андреевичъ обвелъ глазами комнату; въ ней было все по-старому: та же неуклюжая старая мебель тусклаго красного дерева съ ситцевой обивкой, тѣ же жалкіе цвѣты на окнахъ, тѣ же фольговые образа въ кіотѣ въ углу, тотъ же крашеный, протертый ногами, полъ, тотъ же низенькій, придавливающій, какъ крыша гроба, потолокъ. Онъ чувствовалъ, что въ комнатѣ былъ тотъ же знакомый ему запахъ — запахъ не то сырости, не то грязнаго бѣлья, не то человѣческаго пота, съ примѣсью деревяннаго масла и кислыхъ шей, — запахъ тѣснаго жилища въ старомъ деревянномъ домѣ. Здѣсь было тепло, но это было прѣлое тепло передбанника; въ немъ недоставало воздуха, свѣжести. Дмитрія Андреевича точно что-то придавило, принизило. Въ его головѣ помимо его воли вертѣлась мысль о томъ, что онъ не могъ бы теперь долго такъ жить, что онъ долженъ будетъ переѣхать, что ему придется въ концѣ концовъ разстаться съ семьей. Жить здѣсь это значитъ видѣть ежедневно приниженыя фізіономіи, заплаканныя глаза и печальныя лица, слышать постоянно жалобы или ропотъ, опускаться все ниже и ниже въ тину мелкихъ будничныхъ заботъ и интересовъ. Онъ любилъ свою семью, онъ зналъ хорошо ея нужды, онъ сочувствовалъ ея горю, но слышать изо дня въ день, изъ часа въ

часъ эти жалобы ему было теперь нестерпимо. Онъ отвыкъ отъ этого. Онъ сознавалъ съ горечью, что онъ не могъ настолько улучшить положеніе семьи, чтобъ она перестала жаловаться, — не могъ по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. Ему вдругъ вспомнилась Настя, бѣжавшая тоже отъ этой скуки нищенской жизни. Онъ спросилъ Анну Андреевну о ней. Анна Андреевна безнадежно вздохнула.

— Изъ виду, голубчикъ, пропала!—сказала она. — Сестру выдала за чиновника. Слышали мы, что у той родился ребенокъ скоро; толковали, что будто этотъ ребенокъ не ея, а Настинъ. Потомъ говорили, что Настя на содержаніе попала къ новому благодѣтелю. Богъ съ ней, пусть живетъ, какъ знаетъ...

— Вы и не встрѣчаетесь значить съ ней?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ,—что же сердце свое надрывать. Ее не исправишь, а только себя смутишь,—отвѣтила Анна Андреевна. — Не сладко тоже знать, что такая близкая родственница торгуется собой. Горько тоже въ своей семьѣ развратъ видѣть,—видѣть, какъ люди сами себя соблюдать не умѣютъ, какъ другихъ позорять своею грязью...

Въ тонѣ Анны Андреевны послышались какія-то шипящія, новыя для Дмитрія Андреевича, нотки. О комъ это она говоритъ? На что намекаетъ?

Андрей Ивановичъ, почти все время молчавшій въ продолженіе чаенія, вдругъ поднялся съ мѣста и, какъ-то кисло, точно конфузливо улыбаясь, похлопалъ по плечу Дмитрія Андреевича, замѣтивъ ему:

— Такъ-то, братъ, у насъ все горе да горе! Слова радостнаго не услышишь! Бѣжалъ бы, да некуда бѣжать отъ этого горя, — по пятамъ оно само за тобою идетъ, вездѣ тебя преслѣдуетъ...

Въ голосѣ старика сынъ тоже уловилъ безконечную горечь, что-то въ родѣ жалобы. Спусти минуту старикъ рѣзко спросилъ у сына:

— Ты гдѣ квартиру будешь искать? Поближе отъ суда, я думаю? Отсюда...

— Господи, не успѣлъ братецъ пріѣхать, а вы его ужъ и выживаете,—тономъ упрека замѣтила отцу Анна Андреевна. — Помѣшаетъ онъ здѣсь кому, что ли? Братецъ—не чужой, тоже не взыщеть, если что...

— Не выживаю, а нельзя же ему въ нашемъ захоустьѣ жить,—перебилъ ее сурово Андрей Ивановичъ.—Отсюда и въ часть до суда не дотащишься...

Дмитрій Андреевичъ нерѣшительно отвѣтилъ:

— Да, конечно, отсюда далеко.

— А я-то радовалась, братецъ, думала: вотъ поживетъ онъ съ нами,—сказала Анна Андреевна.—Впрочемъ, и то сказать, неудобно вамъ въ нашей труппѣ было бы,—тоже нужныхъ людей принимать придется, а ужъ здѣсь гдѣ!... И радости-то тоже немного дома дождетесь. Это мы-то только здѣсь заржавѣли, такъ со всякими безобразіями свыклись...

И опять въ голосъ Анны Андреевны послышались желчныя нотки, точно она кого-то упрекала.

— Какъ-нибудь послѣ выѣстъ устроимся, — проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ, братъ, это пустяки!—рѣшительно сказалъ Андрей Ивановичъ, махнувъ рукою.—Мы обжились здѣсь, а тебѣ здѣсь не мѣсто. Намъ въ другомъ мѣстѣ не весело будетъ. Здѣсь все хоть среди своихъ точно: выйдешь на улицу, всѣ тебя знаютъ, оно точно и легче, а тамъ... чучель словно на выставку туда перевезешь насъ.

— Да, ужъ тамъ нельзя тоже жить такъ, какъ здѣсь, сдержаться надо, — шипящимъ тономъ встала Анна Андреевна. Потомъ она перемѣнила тонъ и обратилась къ брату:—Вы, голубчикъ, къ дядѣ - то завтра же зайдите. Поговорите съ нимъ. Пусть духовную, что ли, напишетъ. Вѣдь часы-то его сочтены.

— Да лѣчить его кто-нибудь? — спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ. Да что доктора!... Доктора тутъ не помогутъ. Старъ ужъ онъ очень. Надо вотъ только настоять насчетъ духовной да насчетъ священника. Исповѣдаться не хочетъ. Я ужъ намекала ему, не разъ намекала, а онъ и слышать не хочетъ.

— Зачѣмъ же настаивать?...

— Братецъ!... какъ зачѣмъ? А если вдругъ такъ-то умереть, въ грѣхахъ не покаившись? — почти съ ужасомъ воскликнула Анна Андреевна.—Такой старый человѣкъ и вдругъ умереть безъ покаиванія...

— Но если онъ не хочетъ, Аня...

— Я ужъ и не знаю, что это вы такое говорите! Мало ли чего человѣкъ не хочетъ...

— Вотъ, братъ, и я то же говорю,—взялся Андрей Ивановичъ.—Зачѣмъ раздражать старика, зачѣмъ?

— Ахъ, да вы-то что суетесь!—воскликнула Анна Андреевна.—Знаю я, есть люди, которымъ и каяться-то въ грѣхахъ стыдно, и высказать-то стыдно, что на душѣ лежитъ. Ну, дядя не изъ такихъ,—дядя святой жизни былъ человѣкъ...

— Такъ въ чемъ же ему и каяться?—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.—Вообще, Аня, нечего намъ въ чужую душу заглядывать...

— Ну, ужъ нѣтъ, братецъ, въ этомъ я никогда, никогда не соглашусь съ вами.

Дмитрій Андреевичъ поднялся съ мѣста, чтобъ идти спать.

— Братецъ, вы сапоги выставьте... Я вамъ, братецъ, ихъ вычищу, самъ вычищу,—сказалъ Леша.

— Зачѣмъ же?... Марѳа вычистить,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Вѣдь она у насъ еще живетъ?... Кстати, я ее еще не видалъ...

Анна Андреевна мрачно потупилась. Андрей Ивановичъ тревожными глазами глянулъ куда-то въ сторону.

— Мы, братецъ, теперь не держимъ служанки, — дорого очень,—сухо проговорила Анна Андреевна.—Я и Леша—мы сами все дѣлаемъ... Полы мыть и бѣлье стирать поденщица ходитъ...

Дмитрія Андреевича точно что-то кольнуло въ сердце при этомъ отвѣтѣ. Онъ поблѣднѣлъ еще болѣе.

— Напрасно, Аня, ты такъ экономничаешь,—сдержанно замѣтилъ онъ.—Марѳа вѣдь брала что-то дешево, чуть ли не за три рубля служила... Зачѣмъ было отпускать?... Женщина хорошая... Не такъ же мы бѣдны, не нищіе же мы...

Анна Андреевна промолчала и глянула въ сторону. Андрей Ивановичъ торопливо проговорилъ:

— Ничего, Митя, ничего, вѣдь у насъ хозяйство-то грошое, и такъ обойдемся, и такъ обойдемся... А постелька-то тебѣ послана ли?... Не надо ли чего?

Онъ заторопился, засуетился, провожая сына въ отведенную ему комнату. Когда онъ вышелъ отъ сына, къ Дмитрію Андреевичу вошелъ за сапогами Леша. Онъ справился, хорошо ли «братцу» будетъ на диванѣ спать, не надо ли ему воды на ночь, въ какомъ часу его разбудить, и потомъ, боязливо оглядѣвшись по сторонамъ, заговорилъ таинственнымъ, тревожнымъ шепотомъ, наклонившись къ уху Орлова:

— Вы, братецъ, о Марѣѣ не спрашивайте!...

— Отчего это не спрашивать о Марѣѣ?—не безъ удивленія спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

Леша испуганно замахалъ руками.

— Тише, тише! Услышать еще!—сказалъ онъ въ возмненіи.— Сестрица все дядю пилить за Марѣѣю, а дядя или разсердится, скажетъ: «я уйду, я уйду, брошу васъ и погибайте вы тутъ», или плачетъ... Дядя всегда плачетъ, когда выпивши... Только онъ теперь рѣдко пьетъ, очень рѣдко, совсѣмъ рѣдко, а все больше сердитый, сердитый... Вы, братецъ, ради Бога, не говорите только, что я вамъ о Марѣѣ сказалъ,—сестрица наказывала мнѣ строго-настрою, чтобъ я вамъ не говорилъ... «Ты, говорить, не смѣй огорчать братца, не смѣй!... Подготовить, говорить, его надо!...» А мнѣ дядю жаль, потому вы о Марѣѣ заговорили, а сестрица такъ и смотритъ на дядю, точно съѣсть его хочетъ... Сестрица, братецъ, очень сердитая стала,—жалобнымъ тономъ заключилъ Леша.

Дмитрій Андреевичъ ничего не понималъ, но онъ сильно взволновался. Ему вдругъ стало уже вполне ясно, что въ его семьѣ исчезъ даже миръ, исчезло даже согласіе. И здѣсь былъ разладъ, и здѣсь была рознь. Онъ не хотѣлъ дальше спрашивать Лешу и простился съ нимъ, поцѣловавъ его.

На слѣдующій день Дмитрій Андреевичъ просилъ разбудить его попозже. Ему хотѣлось отдохнуть и провести день дома, посѣтивъ только Лампадова. Но, несмотря на усталость, онъ долго не могъ уснуть. Онъ думалъ и о семьѣ, и о предстоящей жизни, и какъ-то невольно задумался, наконецъ, о Лампадовѣ. Дѣйствительно ли у старика что-нибудь скоплено? Неужели въ самомъ дѣлѣ отдать все это въ казну, когда они сами нуждаются? Зачѣмъ? Эти деньги, если онѣ есть, принадлежать по праву его семьѣ. И какъ встали были бы онѣ теперь ему. Но гдѣ доказательства ихъ родственныхъ связей? Какъ добыть метрическія свидѣтельства, когда онъ не знаетъ даже, гдѣ родилась его бабка, двоюродная сестра Лампадова? Надо добыть метрическія свидѣтельства, не зная, гдѣ ихъ добыть. Это невозможно. Конечно, Лампадовъ могъ бы сдѣлать духовное завѣщаніе. Но нельзя же говорить ему объ этомъ. Неловко настаивать. А между тѣмъ въ наслѣдствѣ Лампадова можетъ быть спасеніе всей семьи Орлова отъ недостатковъ, отъ труда, отъ лишеній. Кто знаетъ, сколько скопилъ старикъ. Самъ онъ, Дмитрій Андрее-

вичь, могъ бы отлично устроить свои дѣла, получивъ наслѣдство: ему только бы имѣть обезпеченіе хоть на годъ, на два, а тамъ литературныя занятія, адвокатура откроютъ ему путь къ благосостоянію; нужно только имѣть средства переждать извѣстное время. И что это старики такъ боятся духовныхъ завѣщаній. Сдѣлать духовное завѣщаніе—это въ сущности долгъ каждаго порядочнаго человѣка. Дмитрія Андреевича вдругъ точно передернуло. Онъ досадливо пожалъ плечами, сердясь на себя за то, что думаетъ о смерти Лампадова, о наслѣдствѣ. Въ его головѣ мелькали мысли:

— Вѣчно въ какую-нибудь лотерею выиграть хочется: на лотерейный билетъ домъ приобрести, въ карты большой кушъ сорвать, на богатой жениться, наслѣдство получить!... Этакая проклятая жизнь! Работай, работай весь вѣкъ, какъ волъ, а спасись надѣйся только при помощи манны съ неба...

Онъ перевернулся на другой бокъ, закрылъ глаза и заснулъ тяжелымъ сномъ. Его душилъ страшный кошмаръ. Онъ видѣлъ, что онъ лежитъ въ гробу и на него медленно сверху опускается тяжелая крышка. Ему душно и тяжело, а въ душѣ такъ ясно пробуждается сознаніе, что онъ одинъ, что помощи ждать не откуда. Вотъ, вотъ сейчасъ крышка опустится совсѣмъ, придавить его, въ груди замретъ дыханіе и—конецъ, конецъ. А ему такъ хочется жить... Онъ сдѣлалъ усиліе, онъ поднялъ руки, чтобы сбросить эту крышку, и проснулся, увидавъ, что онъ лежитъ, прижавшись лицомъ къ клеенчатой спинкѣ дивана. Онъ перевернулся на спину и вздохнулъ широкимъ вздохомъ. На дворѣ уже было свѣтло. Онъ всталъ съ утомленнымъ видомъ, въ тяжеломъ настроеніи. Въ квартирѣ Орловыхъ царствовала тишина: Андрея Ивановича уже не было дома. Леша, поджавъ попортняжски ноги, что-то шилъ, заунывно мурлыча себѣ подъ носъ пѣсню: «я у Бога сирота отворяю ворота». Анна Андреевна, шушукаясь съ какой-то странницей, возилась въ кухнѣ. Дмитрій Андреевичъ напился чаю и вышелъ изъ дому.

Онъ уже подходилъ къ знакомому дому, гдѣ прошли лучшіе дни его дѣтства, какъ вдругъ кто-то громко окликнулъ его. Онъ повернулъ голову и увидалъ передъ собою отца.

— А я вотъ шелъ, думалъ, не у дяди ли ты, и вижу идешь ты,—ну, и окликнулъ, и окликнулъ!—сказалъ старикъ, очевидно поджидавшій сына на улицѣ.—Поговорить еще не удалось... Тоже давно не видались,—надо поговорить...

Дмитрій Андреевичъ взялъ отца подъ руку.

— Ты къ дядѣ теперь шель?—спросилъ старикъ.

— Да... Я думаю, онъ проснулся?

— Ну да, ну да, повидать нужно старика, нужно, — перебилъ его отецъ.—Да еще успѣешь,—теперь еще рано... Поболтать бы часокъ... Вотъ зайдемъ... Тутъ трактирчикъ. Чайку напьемся, поговоримъ...

— А дома?—не безъ удивленія спросилъ сынъ.

— Дома, знаешь, не одни... Хочется по душѣ, а тамъ не одинъ,—проговорилъ старикъ, смущаясь.—Тоже не чужіе,—ну, а тамъ Леша, Аннушка... Тяжелый у нея характеръ сталъ, Митя,—у Аннушки-то, говорю я,—очень тяжелый характеръ... Известно, въ дѣвушкахъ весь вѣкъ просидѣла, для другихъ жила... Тутъ, Митя, по неволѣ озлобишься,—ахъ, какъ озлобишься! Для другихъ жить да радости не видать—тяжело, очень тяжело... Я ее и не виню, я это только къ слову сказалъ о ея характерѣ, Митя... Она-то этого не замѣчаетъ, а со стороны видно, всякому видно... Такъ какъ же, въ трактирчикъ-то зайдешь?..

— Отчего же нѣтъ, если хочешь,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, пораженный суетливостью и растерянностью отца.

— У насъ тутъ по близости трактирчикъ завелся... Тоже прогрессъ и цивилизація... Хе-хе-хе!... Потѣха! — старикъ тихо захихикалъ, махнувъ рукою.

Отецъ и сынъ вошли въ трактиръ. Тамъ было совершенно безлюдно въ просторныхъ комнатахъ съ яркими нестрыми обоями, со столиками, накрытыми бѣлыми скатертями, съ темными масляными картинами въ золоченыхъ рамахъ.

— Чаю! — скомандовалъ старикъ и усѣлся съ сыномъ въ дальній уголъ.—Видишь, ничего, чистенько тоже, — обратился онъ къ Дмитрію Андреевичу, указывая на скатерть.—Тоже, видишь, машину поставили, изъ оперъ играетъ... Дешевенькая, знаешь, а ничего, играетъ... И хорошо, что никого нѣтъ,—точно у себя дома можно поговорить...

Половой съ закинутой подъ мышку салфеткой подалъ порцію чаю. Старикъ сталъ разливать.

— Тебѣ наши-то ничего не говорили?—таинственно спросилъ онъ, понизивъ тонъ и видимо стѣсняясь.

Онъ искоса взглянулъ на сына.

— Нѣтъ, ничего особеннаго... Я еще и не успѣлъ...

— Ну да, да, не говорили, а потомъ будутъ говорить... расскажутъ... Вдругъ-то только не хотятъ, а то расскажутъ непремѣнно... Ужь никакъ не утерпятъ,—торопливо перебилъ старикъ и въ его голосѣ зазвучала горькая иронія.—Гдѣ же утерпѣть, если человѣкъ погибаетъ и его на путь истинный наставить надо, спасти надо!... У насъ вѣдь, Митя, ладу нѣтъ въ семьѣ, раздоры идутъ—вотъ оно что!... Я, конечно, самъ виноватъ, но вѣдь я—человѣкъ, Митя, слабый человѣкъ... Базнить-то меня ежедневно, ежечасно за что?... Поѣдомъ-то меня, старика, ѣсть за что?

— Что случилось-то, отецъ?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

Старикъ заерзалъ на стулѣ и совсѣмъ тихо, немного нагнувшись къ сыну, сказалъ:

— Ты меня не суди, а выслушай. Ты мужчина,—ты это поймешь... Аняушка не понимаетъ этого, потому она не мужчина; она даже и не женщина, Митя, а старая дѣвушка... Ей трудно, ей совсѣмъ даже невозможно понять,—ну, она и сердится... Помнишь, ты вчера о Марѣ спросилъ, такъ какъ она защищала?... Я вѣдь тебя знаю, ты понялъ, что она шипитъ,—понялъ непремѣнно... И правъ ты, правъ, Митя, потому у насъ съ Марѣй все это шипѣнье и началось... Ты, Митя, помнишь, когда мать умерла, въ какомъ я положеніи былъ? Изстрадался я еще прежде, а тутъ тебя взяли, она захворала, потомъ ея смерть, отъѣздъ твой. Въ такомъ положеніи люди съ ума сходятъ, руки на себя налагаютъ... Вотъ это положеніе-то какое!...

Старикъ на минуту перевелъ духъ, смахнулъ съ рѣсницъ слезу и заговорилъ снова:

— Я, Митя, слабый человѣкъ, забитый человѣкъ, говорить я много не умѣю, а все внутри себя выношу, долго выношу... Такъ, вотъ, когда это все случилось, остался я одинъ и стало это мнѣ все прошлое вспоминаться—и какъ я не довольно берегъ Машу, и какъ огорчалъ ее своими слабостями, и какъ я мало тебѣ ласки выказывалъ...

— Отецъ!—перебилъ его Дмитрій Андреевичъ ласковымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... ты постой!... Я любилъ тебя, всегда любилъ, какъ можетъ-быть другіе-то отцы и любить не умѣютъ. Это и я знаю, и ты знаешь. А выказать это—на это у меня умѣнья никогда не было... Что-жь, я простой человѣкъ, говорить краснѣе не умѣлъ, работать да молчать привыкъ, ласки... Какія

же это у меня такія ласки могли быть? По головкѣ-то, бывало, мимоходомъ тебя поглажу—вотъ и все... Ну, вотъ сталъ я это все вспоминать да обдумывать и просто на себя сталъ не похожъ, хожу, какъ тѣнь, плачу, а дома... Тяжело, Митя, у насъ дома стало!... Аннушка,—ты вѣдь ее знаешь,—молчить и вздыхаетъ; Леша — Леша Божій человекъ, глупенькій—начнетъ говорить, такъ ужъ лучше бы молчалъ, а то только пуще сердце надрываетъ, душу выматываетъ... Въ это-то время, когда я чуть петли на шею съ тоски не надѣлъ, когда я на шагъ отъ грѣха великаго былъ, и случилось это дѣло...

Старикъ тяжело вздохнулъ и перевелъ духъ.

— И самъ я не помню, какъ это было, и самъ я, видить Богъ, не желалъ этого,—съ разстановкой продолжалъ онъ.—Сидѣлъ я это одинъ,—Аннушка ушла куда-то съ Лешей,—подступило мнѣ къ сердцу, опустилъ я голову на грудь, расплакался я, въ головѣ черныя мысли бродятъ, кто-то точно нашептываетъ, подталкиваетъ покончить съ собой, а тутъ и вошла Марва. «Полноте, говоритъ, родной вы мой, убиваться-то; на васъ гляючи, голубчикъ, сама я изныла». А у самой, Митя, слезы, слезы...

Старикъ самъ захлебнулся отъ слезъ и отеръ рукой глаза.

— Вотъ вѣдь, вотъ глупый, съ собой не умѣю справиться, плачу,—съ жалобной усмѣшкой проговорилъ онъ.—Ты не смотри, это такъ, отъ старости...

Онъ высморкался, прошелся по комнатѣ и снова присѣлъ къ столу.

— Такъ, Митя, я и поддался этой ласкѣ, этому слову доброду, —проговорилъ онъ, махнувъ рукой.—Вѣдь человекъ же я, Митя! Вѣдь нельзя же человекъ безъ ласки жить! Старикъ я, ты скажешь. Ну да, старикъ, старикъ!... Да развѣ мнѣ любовница была нужна? Ласковое слово мнѣ было нужно, нужно было, чтобы кто-нибудь приголубилъ,—ну, рукой тамъ по старой головѣ провелъ съ ласкою, что ли, присѣлъ бы рядомъ да распросилъ бы, что со мной, да какъ, а то... Митя, вѣдь песь, песь дворной—и тотъ спину тебѣ подставляетъ, чтобы ты ее погладилъ, а я, Митя, все же человекъ, человекъ еще...

Старикъ опять тихо плакалъ. Дмитрій Андреевичъ со слезами на глазахъ обнялъ его и крѣпко поцѣловалъ.

— Ну, спасибо, спасибо! Вотъ мнѣ и легче стало, и на душѣ просвѣтлѣло!—говорилъ старикъ, стараясь улыбнуться.—

Это ничего, Митя, это я такъ... Вспомнилъ все,—ну, и всплакнулъ... Это я отъ старости... И тоже пилъ прежде... Теперь почти не пью, а прежде много пилъ, Митя,—глаза и стали слабы: пустякъ какой-нибудь, а глядишь—на глазахъ ужь и слезы... Книжку иногда читаю, пустяшную самую книжку, а самъ плачу...

— Ты успокойся немного, голубчикъ, погоди рассказывать,—ласково сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—А главное—не волнуйся, думая, что я тебя могу осудить. За что? Какое преступленье ты сдѣлалъ? Развѣ мы, мужчины, не всё такъ сходимся съ женщинами и развѣ это можетъ иначе быть?...

— Да, да... Но я такъ скоро послѣ смерти матери, и тамъ, въ домѣ у себя,—началъ старикъ.—Это нехорошо, нехорошо... Я самъ, Митя, потомъ каялся, каждый день на могилку къ Машѣ ходилъ, плакалъ... Да, Маша простить, она и простила, а вотъ Аннушка... Аннушка, Митя, мнѣ никогда этого не простить, никогда!

Онъ опустилъ голову на грудь.

— Еслибы ты слышалъ, что у насъ было, когда она все подсмотрѣла, подслушала, точно шпионка какая!...

Онъ махнулъ рукой.

— Позоръ, позоръ, одно слово—позоръ! Лешу она не пощадила! Онъ хоть и взрослый, а этого ничего не понимаетъ, потому что какой же онъ мужчина!... Дитя онъ большое, а не мужчина,—и вдругъ при немъ она, дѣвушка, упрекать начала меня, старика!... А вѣдь я для нихъ же тружусь, ихъ же кормлю. Если она тебѣ писала, что у насъ недостатки, такъ это потому, что она все монахамъ да въ церковь попамъ тащить, панихиды служить, свѣчи ставить, на богомолья ходить... Средствъ же у насъ достанетъ, Митя, на нашу жизнь, потому я хоть старъ, но я дѣлецъ... Я, Митя, законы знаю и дѣлъ у меня у однихъ мировыхъ судей всегда на прокормъ хватить... А на монаховъ да на странницъ, на панихиды да на заупокойныя обѣдни—на это, Митя, денегъ не напасешься... Да этимъ, Митя, души и не спасешь. Честностью и добротой, Митя, угодишь Богу, а подкупить Бога нельзя,—нѣтъ, нельзя!... Я на нее не сержусь, не обвиняю ее, потому я знаю, что и почему на свѣтѣ дѣлается; но больно мнѣ, что съ родною дочерью мы, какъ два медвѣдя въ одной берлогѣ, ужиться не можемъ... Не будь Леша, она, можетъ-быть, въ монастырь бы ушла, а теперь Леша на рукахъ... Ему тоже не сладко... Она и сама не замѣчаетъ, что она и его

тиранить; пилить и точить она его, это я знаю... Онъ-то только, Божья душа, все терпитъ да еще ей же угрождаетъ, о ней плачетъ...

Дмитрій Андреевичъ задумался.

— Нельзя ли будетъ это какъ-нибудь устроить? — сказалъ онъ въ раздумьи. — Вотъ теперь я здѣсь. Не сказать ли ей, что я Лешу возьму къ себѣ...

— Что ты, что ты! — почти испугавшись, сказалъ старикъ. — Гдѣ тебѣ съ нимъ еще возиться! Нѣтъ, ты живи для себя. Мы доживемъ кое-какъ... Я не къ тому началъ, совсѣмъ не къ тому.

— Да я могу его и не брать къ себѣ, а просто скажу ей, что возьму его къ себѣ, тогда она можетъ-быть и выскажетъ свое желаніе идти въ монастырь, если только она точно думаетъ объ этомъ...

Старикъ покачалъ головой.

— Не пойдетъ она, пожалуй, — потому не пойдетъ, что за меня будетъ опасаться, — сказалъ онъ въ смущеніи. — Понимаешь, подумаетъ, что *та* въ домъ поселится... Что-жь, ужъ началъ говорить, такъ надо все говорить!... Она, Митя, меня вѣдь на каждомъ шагу усовѣщиваетъ... Она монашекъ подсылаетъ обращать меня на путь истинный, — меня-то, старика-то!... Говорятъ мнѣ: «Пожалѣйте дочь-то свою, — изстрадалась она... Что вы душу-то свою губите, дьявола-то тѣшите...» Это она, Митя, спасти меня хочетъ, — боится, что Господь Богъ меня отвергнетъ за мои прегрѣшенія...

Дмитрій Андреевичъ невольно усмѣхнулся. Старикъ это замѣтилъ.

— Да, да, Митя, смѣшно вотъ это намъ съ тобой, а ей это — мука... Я самъ знаю, что мука, да вѣдь человѣкъ я...

— Ну, это мы еще уладимъ какъ-нибудь, — сказалъ Дмитрій Андреевичъ. — Нужно же, чтобы кто-нибудь и при тебѣ былъ. Не жить же тебѣ съ однимъ Лешей...

Старикъ оживился.

— Вотъ и я тоже говорю... И не при мнѣ одномъ, а и при Лешѣ человѣкъ добрый нуженъ... Аннушка насъ заѣла... Вѣдь мы, точно воры, съ Лешей къ Марѣѣ теперь бѣгаемъ.

— И Леша?

— Еще бы! Хитрить научился бѣдняга. Извѣстно, у Марѣѣ тамъ и смѣхъ, и свѣтъ... Ну, варенья да сласти она ему даетъ, — онъ и бѣгаетъ къ ней. Марѣѣ — простой, добрый человѣкъ,

живетъ какъ Богъ на душу положилъ, разныхъ этихъ вздыханій да покаяній не зная,—мальчику тамъ и весело, и уютно... Онъ тамъ и на человѣка походить, Федора Гаврилыча своего помянуть пересталъ,—потому ему ласка нужна, нужно, чтобъ его не пугали,—а у Аннушки все адъ, да адъ... Успѣемъ еще въ аду-то томъ всего натерпѣться,—для чего же изъ этой-то жизни еще другой адъ дѣлать?... И такъ не сладко...

Потомъ старикъ, перемѣнивъ тонъ, спросилъ сына:

— Такъ ты думаешь, что все уладить можно? Намъ тяжело съ ней, Митя, вѣрь Богу, тяжело! Грѣшимъ мы только вмѣстѣ, ненависть какая-то въ душу закрадывается, къ родной дочери, къ святой дѣвушкѣ ненависть... А какъ же иначе и быть?... Вѣдь вотъ какъ ты думаешь, отчего у насъ служанки нѣтъ?... Думаешь, средствъ не хватаетъ?—Нѣтъ, это, видишь, меня Аннушка отъ соблазна спасаетъ!... Я, видишь, сейчасъ шапки заведу... Ну, вотъ и не держитъ служанки, и сама все дѣлаетъ, и Лешу все дѣлать заставляеть, и мнѣ даетъ понять, что это все изъ-за меня они мучатся, изъ-за меня надрываются... Это, Митя, тяжело...

Дмитрій Андреевичъ успокоилъ отца. Они еще разъ крѣпко обнялись и расцѣловались.

— А мы врознь пойдемъ домой,—пусть не знаетъ, что мы заговоръ-то устроили,—проговорилъ старикъ. — А то житья не будетъ, житья не будетъ...

— Я пройду къ дядѣ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ну, и отлично, и отлично! Не узнаешь его,—не тотъ человѣкъ сталъ... Бодриться старается все еще, книжки да газеты читаетъ,—да нѣтъ, гдѣ ужъ!... Вотъ она, старость-то, что значитъ...

Дмитрій Андреевичъ направился къ жилищу Лампадова. Давно онъ не былъ подъ этимъ дорогимъ для него кровомъ. Отворивъ дверь въ переднюю и поздоровавшись наскоро съ Магдаллою, Орловъ направился въ комнату Лампадова.

— Дядя, голубчикъ, здравствуй!—громко проговорилъ онъ, готовясь обнять Лампадова.

— А, ты... мальчуганъ... на развалины смотрѣть пріѣхалъ!—послышалось ему въ отвѣтъ.

На встрѣчу Орлову въ волненіи поднялся съ кресла и въ то же мгновенье, едва переводя духъ, снова опустился на это кресло сѣдой, какъ лунъ, желтый, какъ пергаментъ, исхудалый

старикъ. Это точно была развалина. Орловъ невольно остано-вился передъ старикомъ: едва дышашій, сгорбившійся, съ опу-щенной на грудь головой, сидѣлъ теперь Лампадовъ на обитомъ кожей волтеровскомъ креслѣ, глубоко прислонившись къ спинкѣ и тяжело переводя духъ. Его крупныя, но худыя и блѣдныя, точно восковыя руки съ плоскими пальцами покоились на руч-кахъ кресла, какъ бы застывъ въ этомъ положеніи.

— Ты боленъ, дядя?—проговорилъ Орловъ въ волненіи.

— Да, старость—болѣзнь... Нѣтъ, хуже: это—смерть за-живо!...—отрывисто сказалъ Лампадовъ, дыша съ трудомъ.

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на Орлова.

— Не доживай, мальчуганъ, до старости, не доживай, — проговорилъ онъ.—И скучно, и тяжело, и не нужно,—никому, ни себѣ, ни другимъ, не нужно... И хуже всего то, что чув-ствуешь это, а живешь, потому что и храбрости, и силъ нѣтъ покончить все разомъ... Ну, вотъ и живешь, когда кругомъ всѣ только и ждутъ, когда ты уголь очистишь...

— Что за мрачныя мысли, дядя!—воскликнулъ Орловъ.— Кому ты-то можешь мѣшать?

— Не мѣшаю, не мѣшаю, а все же, можетъ-быть, наслѣд-ство оставлю. Какже не ждать моей смерти!

Въ голосѣ старика зазвучала незнакомая Орлову нотка горечи.

— Ужъ очень мнѣ надоѣли эти напоминанія о смерти, — продолжалъ старикъ. — Самъ я знаю, что пора умирать, самъ хочу умереть, да торопить-то меня зачѣмъ? Вѣдь ужъ какъ ни торопи, а проживу до тѣхъ поръ, пока не умру...

Онъ усмѣхнулся.

— Впрочемъ, люди не только о моемъ наслѣдствѣ заботятся, а и о спасеніи моей души,—сказалъ онъ.—Вотъ Аннушка...

Онъ перевелъ духъ и спросилъ Дмитрія Андреевича:

— Ты вѣдь уже видѣлся съ отцомъ, говорилъ съ нимъ?

— Да, — отвѣтилъ Орловъ.

— Значить старикъ все рассказалъ о себѣ?

Дмитрій Андреевичъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головою.

— Ну, такъ вотъ Аннушка и его хочетъ спасти, и меня. Ты не повѣришь, до чего это мнѣ тошно. Сегодня одни придутъ, высматриваютъ, что у меня есть, выспрашиваютъ намеками, кому я все оставлю; завтра Аннушка придетъ, начинаетъ говорить, какъ ужасно умереть человѣку безъ покаянія...

Старикъ опять усмѣхнулся.

— Они, Митя, того и не понимаютъ, что я, старикъ, все знаю и понимаю лучше ихъ, что я читаю въ ихъ сердцахъ, какъ въ открытой книгѣ.

Онъ помолчалъ и грустно вздохнулъ.

— Да, горько то, что, уходя отъ людей, прощаясь съ ними, уносишь въ душѣ только одно презрѣнiе къ этимъ мелкимъ и пошлымъ душонкамъ рабовъ... Право, иногда не знаешь, чего въ нихъ больше—злобы или глупости. Вотъ я расскажу два случая изъ жизни покойной сестры. Ты помнишь, что это за человекъ былъ: для другихъ жила! И что же?—Ты знаешь, она все апельсинчики да пирожки собирала въ свой мѣшокъ для разныхъ голодныхъ ребятъ; сама не съѣсть, а взять возьметъ, чтобы бѣднякамъ снести. Ну, вотъ, не задолго до ея смерти была она въ одномъ богатомъ домѣ, у людей близкихъ, хорошо знавшихъ ее, и все же нашлись тамъ шутники и остроумцы. Сговорились они пошутить надъ ней: одинъ изъ нихъ какъ будто случайно сѣлъ на ея мѣшокъ, а тамъ апельсины были. Можешь представить, какая смѣшная сцена вышла... Правда, сестра плакалась отъ этой шутки,—ну, а эти молодые шутники за то повеселились. Надъ побирушкой, видишь ли, потѣшиться можно! Побирушка!... Да они ея мезинца не стоили, дармоѣды!... Это вотъ у богатыхъ случилось, а у бѣдныхъ... Одинъ изъ крестниковъ, смиренникъ такой, ласковый такой, ухаживавшій за Ольгой какъ за матерью, одинъ разъ подсмотрѣлъ со своею женой, что у Ольги въ ея мѣшкѣ деньги, такъ какъ она ему же и вынула изъ нихъ въ видѣ помощи двадцать пять рублей, — ну, подсмотрѣлъ да и выкралъ деньги. Десятки лѣтъ жилъ со всей семьей на ея пособія, по ея стараніямъ мѣсто получилъ, ни разу не обмолвился словомъ противъ нея и все-таки въ концѣ концовъ ее же обокралъ... Ты скажешь, это—исключительные случаи?—Нѣтъ, Митя, это правило, а исключеніе—это добрые и честные люди. Вотъ почему иногда просто гадко, омерзительно смотрѣть на людишекъ...

Дмитрій Андреевичъ замѣчалъ, какъ передъ нимъ мало-помалу оживлялся и точно воскресалъ этотъ старикъ, упорно борющийся со смертью и точно желавшій отстоять себя отъ ея разрушительнаго вліянія.

— Ну, да Богъ съ ними, чортъ ихъ возьми!—проговорилъ Лашпадовъ.—Рассказывай о себѣ, говори, что видалъ, что пережилъ?

Дмитрій Андреевичъ началъ рассказывать и изумился, увидавъ, что Лампадовъ слѣдитъ за всѣми событіями, читаетъ книги, просматриваетъ газеты. Въ то же время Орлову бросились въ глаза извѣстная старческаая неряшливость, забывчивость, слабость. На старикѣ сюртукъ былъ весь залитъ чѣмъ-то жирнымъ, — вѣроятно, супами и соусами; брюки были спереди не застегнуты; галстухъ повязанъ на шеѣ не сверхъ воротничка сорочки, а подъ воротничкомъ.

— Да что же это я и забылъ распорядиться чаемъ-то тебя угостить, — сказалъ наконецъ Лампадовъ. — Надо сказать домоправительницѣ...

— Ты не безпокойся, дядя, — замѣтилъ ему Орловъ. — Я...

— Ну, ты думаешь, я ужъ и чай пересталъ пить съ горя, что постарѣлъ, — шутиливо перебилъ его Лампадовъ. — Это я только какъ взволнуюсь, такъ силы падаютъ... Въ сердцѣ, братъ, клапанъ не въ порядкѣ, такъ вотъ иногда кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ умру. Начнутся эти осѣчки, дышать трудно, силъ нѣтъ, а потомъ и обойдется... Рука только лѣвая ноетъ... Сперва думалъ, ревматизмъ, да нѣтъ, это отъ сердца... Вотъ, какъ у твоей покойной матери... Ее только скоро скрутило, а я живучъ... У меня вотъ тутъ вода, — указалъ онъ на грудь, — а живу, отстаиваю себя отъ смерти, заставляю людей ждать на слѣдства...

Онъ довольно бодро поднялся съ кресла и пошелъ въ кухню, незамѣтно придерживаясь на ходу за столы и стулья. Орловъ оглядѣлся. Его поразилъ видъ квартиры дяди. Въ ней была почти та же обстановка, но онъ не нашелъ цѣлой массы цѣнныхъ вещей, украшавшихъ когда-то это жилище. Куда дѣвались эти вещи? Неужели старикъ разстался съ ними? Онъ такъ дорожилъ ими, что трудно и повѣрить, чтобъ онъ могъ продать ихъ. Старикъ скоро снова вернулся въ комнату и заговорилъ съ Орловымъ.

— Да, такъ не сладко прошли для тебя эти годы, — сказалъ онъ. — Да и то сказать, кому нынче покойно живется?... Всѣ точно изъ колеи выбиты. Съ кѣмъ ни встрѣтишься, всѣ жалуются, всѣ не въ своей тарелкѣ. Смотрю я на людей и все мнѣ кажется, что всѣ они въ новый домъ переѣхали: онъ и лучше, и просторнѣе, пожалуй, старой лачуги, а уютности, удобствъ, привычки къ нему покуда нѣтъ. Тамъ, глядишь, мебели и украшеній не хватаетъ и стѣны голыми кажутся; тутъ человекъ путается въ ла-

биринтъ новыхъ комнатъ, не успѣвъ привыкнуть къ ихъ расположенію; въ третьемъ мѣстѣ тяготится человекъ, что въ новыхъ зеркалахъ отражается его невзрачная одежда, и хлопочеть о новомъ одѣяніи; иной... да, ей-богу, иного мучаетъ даже и то, что онъ на новосельѣ и клоповъ-то еще не успѣлъ завести, и своего жилого промозглаго запаха не слышитъ.

Орловъ улыбнулся.

— Ою, конечно, со временемъ обживутся и клоповъ завести, и промозглый запахъ напустятъ въ новый домъ,—продолжалъ Лампадовъ,— ну, а покуда никто не обжился въ новомъ домѣ и всѣ недовольны. Ужь чего, я здѣсь, въ захолустѣ, почти безвыходно сижу, а и здѣсь то тотъ, то другой приходитъ съ жалобами. Пожѣщикъ говорить, что его по-міру пустили, отнявъ крестьянъ и землю, и совсѣмъ забываетъ, что и ему Богъ руки для работы привѣсилъ. Мужикъ жалуется, что земли мало дали, что кабаковъ много съ дешевкой развели, что лѣсу нѣтъ у него дароваго, что воля выгнала въ поле и безъ управительской палки словно вдругъ разучился онъ работать, а безъ барской опеки отвыкъ сводить концы съ концами. Съ одними поговоришь: плачутся они, что мѣсть нѣтъ, что работы найди не могутъ, что вездѣ большія требованія къ служащимъ предъявляютъ или только по протекціи принимаютъ на службу. Другихъ слушаешь, говорятъ: «рукъ нѣтъ, дѣло стоитъ, взятыся не за кого». Молодежь стариковъ ругаетъ крѣпостниками да взяточниками, а старики глядятъ, какъ она, молодежь-то эта самая, дѣлишки обдѣлываетъ, да приговариваютъ: «мы были хороши, а эти пошустрѣе насъ будутъ». Порядки-то вездѣ новые, а люди-то — люди вездѣ старые.

Старикъ дотронулся до руки Орлова и заговорилъ какъ бы въ раздумьи:

— Знаешь ли, что хуже всего у насъ?—То, что никто изъ насъ не умѣетъ стоять на высотѣ своего положенія и проникаться задачами времени. У насъ законы, постановленія, порядки—это одна сторона, а исполненіе—это особая статья. Куда насъ ни поставь, что намъ ни вели дѣлать, вездѣ мы со своимъ «кое-какъ» явимся, вездѣ спусть рукава черезъ пень-колоту валить станемъ. Гражданскаго чувства у насъ еще не достааетъ, честности еще и въ заводѣ нѣтъ, патріотизма... даже и слова-то мы такого не знаемъ, если не считать патріотизмомъ способности кричать: «мы шапками всѣхъ закидаемъ». Да, русопеты у насъ,

пожалуй, найдутся, а патриотовъ что-то не видно. Еслибы мы дѣло-то умѣли дѣлать, такъ не то бы у насъ было. Ты посравни англійскаго или нѣмецкаго земледѣльца и русскаго: вѣдь это — небо и земля. Ты скажешь, что нашъ народъ только-что всталъ на свои ноги и ему трудно было сразу научиться самостоятельно и хорошо работать. Согласенъ. Ну, а бери выше: какъ нашъ мастеровой работаетъ и какъ работаетъ французскій рабочій? Какъ нашъ купецъ торговлю ведетъ или фабрикантъ фабрику устраиваетъ и — какъ какой-нибудь парижскій или американскій торговый домъ или фабрика работаютъ? А городскія управленія? А комиссаріатъ? А устройство флота? А порядки гдѣ-нибудь на почтѣ или въ полициі?... Да за что ты ни возмись, вездѣ мы сами оказываемся и ротозѣями, и тунейдцами, и неряхами. Мы все на правительство валимъ. Да что такое правительство? Мы — правительство, мы — сами!... Покажи мнѣ такое частное учрежденіе, совершенно независимое отъ правительства, гдѣ бы шли хорошо дѣла. Не устройство ли желѣзныхъ дорогъ, не банки ли, не фабрики ли, не благотворительныя ли пріюты, не частныя ли школы?... Вонъ я — русскій человекъ, а всю жизнь шведу сапоги заказывалъ, а не русскому.

Онъ усиѣхнулся.

— Да мы же и плачемся, что насъ иностранцы обираютъ: тамъ жидъ обидѣлъ, тутъ нѣмецъ насѣлъ, въ третьемъ мѣстѣ французъ загомялъ. Экіе малогѣтки, что ото всѣхъ оберегать да опеку насъ нужно!... Ей-богу, злость меня разбираетъ, когда читаю въ газетахъ іереміады о томъ, какъ насъ какіе-нибудь жида притѣсняють. Такъ и хочется сказать: «стыдитесь, господа, говорить громко о своей глупости да неумѣлости; защищайтесь сами, если на васъ нападаютъ; если же не можете защититься, — ну, такъ и погибайте, туда вамъ и дорога; ужъ если мы такіе глупые да неумѣлые, что насъ каждый перехитритъ да притѣснить можетъ, такъ лучше и не жить намъ, не копытить неба, не стоять поперебъ дороги у другихъ людей».

— Долго, дядя, подъ опекой жили, вотъ въ чемъ вся и бѣда, — замѣтилъ Орловъ.

— Нѣтъ, братъ, бѣда въ томъ, что насъ такъ легко могли взять подъ опеку, да такъ долго держать подъ ней, не слыша отъ насъ серьезнаго протеста, — сказалъ Лампадовъ. — Скверно то, что не знаешь, опека ли вызвала въ насъ апатію, или апатія наша привела насъ къ опекаю. Вотъ что скверно.

Старикъ махнулъ безнадежно рукой и потомъ заговорилъ снова:

— Теперь вотъ ко мнѣ много разныхъ бѣдняковъ ходитъ... Ольга покойная накрестила да навѣнчала,—ну, да и самъ я, Господь знаетъ, какъ развелъ этихъ разныхъ крестниковъ. Такъ, Господи, что за народъ это! Или это—грабители да хищники будущіе, или какія-то безпомощныя овцы, вторыхъ только лѣнивый не будетъ стричь...

Орловъ усмѣхнулся.

— Да вѣдь это не мнѣ одному счастье на такихъ крестниковъ,—продолжалъ старикъ.—А всѣ мы таковы: либо мы грабимъ, либо насъ грабятъ...

Орлову вдругъ вспомнился Благолѣповъ съ его исканіями «средины».

— Ну, дядя, нельзя же такъ рѣзко дѣлить людей,—сказалъ онъ.—Есть же и середина. Да вотъ ты самъ...

— Я, братецъ, былъ и остался человѣкомъ не отъ міра сего... ну, идеалистомъ, теоретикомъ, дуракомъ, что ли, какъ это теперь у васъ тамъ называется,—сказалъ старикъ, махнувъ рукой.—Такихъ-то, вѣрно, у насъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ государствѣ найдется,—непечатый ихъ уголь у насъ,—да этихъ людей и вовсе со счетовъ нужно бы сбросить...

Магдалина между тѣмъ подала чай. Старикъ засуетился.

— Пстой, пстой, у меня англійское печенье есть, а то какъ же такъ безъ булокъ,—сказалъ онъ и досталъ изъ шкапа большой жестяной ящикъ.

Онъ дрожащими руками сталъ открывать крышку.

— Позволь я открою,—сказалъ Орловъ и открылъ крышку.

Изъ ящика поднялась пыль и вылетѣло нѣсколько молей. Старикъ смутился и сконфузился. Онъ вдругъ точно опустился и дрожащимъ голосомъ заговорилъ:

— Извини... Давно, видишь, не открывалъ... Странно, не зналъ, что въ этомъ можетъ моль завестись...

Онъ опустилъ голову и, совсѣмъ хмурый, впалъ въ раздумье. Орловъ, видя смущеніе старика, поспѣшилъ взять стаканъ и началъ посторонній разговоръ.

— Бакъ у Плюшкина,—тихо и грустно сказалъ старикъ.— Со стороны должно быть смѣшно...

— Полно, дядя!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.

Старикъ мрачно махнулъ рукою.

— Умирать пора! — сказалъ онъ. — Винты не всѣ въ порядкѣ...

Какъ ни пробовалъ Орловъ оживить снова старика, тотъ уже не оживлялся, а былъ мраченъ и нѣсколько желченъ. На прощаньи онъ сказалъ Дмитрію Андреевичу:

— Ну, заходи, да, пожалуйста, успокой сестру: скажи, что я умру не скоро, что совѣсть у меня въ порядкѣ, что о душѣ моей заботиться нечего... Очень ужъ раздражаютъ меня эти заботы!

— Да я и не солгу, дядя, что и жизни въ тебѣ много, и грѣховъ на тебѣ нѣтъ, — отвѣтилъ Орловъ. — Вотъ я посидѣлъ у тебя и снова, какъ въ былые годы, забывъ, что у меня, можетъ-быть, дыра на сапогѣ...

Старикъ улыбнулся.

— Да вѣдь отъ этой дыры, голубчикъ, никто и ничто и не пострадаетъ, такъ о ней особенно много и думать нечего, — отвѣтилъ онъ. — Именно то-то и худо, что люди всю свою душу полагаютъ въ заботы о дырѣ на своихъ собственныхъ сапогахъ.

Орловъ вышелъ отъ Лампадова и за нимъ послѣдовала на крыльцо Магдалина.

— Ну, какъ вы нашли, батюшка, нашего Феопемпта Григорьевича? — спросила она.

— Плохъ онъ, — сказалъ Орловъ.

— Морить онъ самъ себя, — сказала старушка. — Почти ничего не велитъ готовить; чѣмъ питается, я и не знаю. «Чего, говоритъ, мнѣ, старику, лакомиться да даромъ деньги бросать!» А вѣдь въ его положеніи только пинцей хорошей и можно поддержать себя. Нельзя же ужъ тоже такъ надъ каждой копѣйкой для себя трястись...

— Да дядя же прежде никогда не былъ скупъ, — замѣтилъ Орловъ.

— Господь съ вами, батюшка, Господь съ вами! Развѣ это скупость? — сказала Магдалина. — На себя, говорю я вамъ, ничего не хочетъ тратить, а другіе его обираютъ...

Она махнула рукой.

— Вороны точно, ей-богу, точно вороны! — заговорила старушка со слезами въ голосъ. — Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ съ него все. Пробовала я не пускать ихъ къ нему, — письмами одолеваяютъ, на меня жалуются. Ну, сердится, коритъ, скаредомъ меня называетъ. «Что, — говоритъ, — старая, тебѣ жалко, что ли,

что я бѣднымъ грошъ дамъ? Мало тебѣ, что ли, старая? Сама помрешь скоро. Въ могилу ничего не возьмешь». А развѣ я для себя? Миѣ на саванъ хватить. Я вѣдь для него же да для вашей семьи...

— Намъ ничего не надо!—быстро проговорилъ Орловъ.

— Что вы, бабушка! Вотъ сестрица тоже рассказывала, какія нужды терпите. А вѣдь вы его единственные наслѣдники. Анна Андреевна вонъ намеднись плакала: «все, говоритъ, растащутъ, а свои родные чуть не по міру идутъ...»

— Глупости она говоритъ! Я вамъ повторяю, что намъ ничего не нужно,—сказалъ Орловъ.

Ему было и тяжело, и больно. Онъ сознавалъ, что ему нужно будетъ серьезно поговорить съ сестрой насчетъ Лампадова и что этотъ разговоръ будетъ не изъ пріятныхъ.

II.

— Ну, вотъ я и свободенъ!—говорилъ Дмитрій Андреевичъ, получивъ отставку, и его охватило радостное чувство.

Теперь ему никто не предпишетъ: «переводится товарищемъ прокурора туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ», «назначается прокуроромъ туда, куда воронъ костей не заноситъ». Его не заставятъ обвинять Ивановъ, непомнящихъ родства, за то, что они ерадуть съ голода и убиваютъ съ горя, не принудятъ подчиняться личностямъ, вставшимъ выше его иногда только потому, что эти лица успѣшнѣе его умѣли ловить рыбу въ мутной водѣ и пользоваться ворожкой бабушекъ. Но это была только одна сторона медали,—подъ этою свѣтлою стороною была другая, болѣе темная сторона. Онъ принадлежалъ по своему положенію, по своей подготовкѣ, по своему развитію и прошлымъ стремленіямъ къ числу людей, въ сущности не имѣющихъ возможности выбрать родъ дѣятельности: онъ могъ быть чиновникомъ, адвокатомъ, писателемъ, профессоромъ, человѣкомъ кабинетной работы, но и только. Онъ былъ чистѣйшимъ представителемъ мыслящаго пролетаріата, выросшаго на почвѣ петербургской жизни, — кабинетнымъ работникомъ, теоретикомъ и бѣднякомъ. Сдѣлайте его управляющимъ большимъ имѣніемъ, дайте ему въ руки большую фабрику, заставьте его вести большое торговое дѣло—и онъ окажется на каждомъ шагу несостоятельнымъ, его загоняетъ первый неграмотный староста, простой машинистъ-самоучка, совсѣмъ не-

развитой приказигь. Правда, именно изъ людей съ подобною подготовкой и выходили и выходятъ такъ-называемыя заправилы, ворочающіе чуть не цѣлыми отдѣлами общественнаго механизма, но за то что же и происходило изъ этого: канцелярскія отношенія, канцелярскія предписанія, канцелярская переписка безъ конца и идущая въ разрѣзъ съ этою перепискою практика. Классикъ приходилось судить, годны или не годны въ дѣло рельсы новой желѣзной дороги; юристу приходилось изобрѣтать средства поднять народное хозяйство; выросшему съ пеленокъ въ столицѣ человѣку приходилось канцелярски точно и однообразно рѣшать, гдѣ насадить народныя школы и каковы должны быть эти школы, когда онъ даже и представить себѣ не могъ тѣхъ деревень, гдѣ живутъ такіе-то Пилы и Сысойки, будто бы нуждающіеся въ его проектахъ для своихъ школъ, когда онъ даже приблизительно не зналъ, похожи ли эти Пилы и Сысойки, напимѣръ, на шустрого ярославца-половаго изъ трактира Палкина, или на извощика «пьяную Калугу», съумѣвшаго со своими земляками взять верхъ надъ всѣми другими извощиками, или на оборваннаго профессиональнаго нищаго «изъ витебскихъ», ходящаго десятки лѣтъ съ протянутою рукой, прося «на погорѣльцевъ»? Можетъ-быть, со временемъ и онъ, Орловъ, будетъ управлять чѣмъ-нибудь, положимъ, во флотѣ или устраивать механическіе заводы, но покуда онъ былъ еще настолько добросовѣстенъ, что не взялся бы и за большія деньги строить броненосныя суда, и былъ настолько пролетаріемъ, что никто бы и не предложилъ ему даже какого-нибудь мѣстиска капитана на самомъ маленькомъ пароходигь. Его свобода была понятіемъ очень условнымъ и онъ былъ едва ли не менѣе свободенъ въ выборѣ профессіи, чѣмъ какой-нибудь сапожникъ: этотъ сапожникъ, потерпѣвъ неудачу въ своемъ ремеслѣ, могъ превратиться и въ лавочника, и въ извощика, и въ лакея, и въ банщика, и въ артельщика, и если притомъ же онъ былъ изъ крестьянъ-собственниковъ, то за нимъ всегда стояла изба, нива, какъ мѣсто отступленія съ поля битвы городской жизни. Люди же подобные Орлову возвращаются послѣ неудачъ въ родное гнѣздо съ однимъ сознаніемъ, что это гнѣздо — наемный уголь, не дающій хлѣба и требующій ежемѣсячной платы. Многіе изъ такъ-называемыхъ образованныхъ людей у насъ находятся въ такомъ положеніи: воспитаніе и образованіе юношества поставлено такъ, какъ будто Россія нуждается только въ канцелярскихъ дѣятеляхъ; знакомство съ роднымъ краемъ и

его потребностями является почти исключительно книжнымъ; всё стремленія и идеи усваиваются чисто-теоретическимъ путемъ; способности къ практической дѣятельности въ широкомъ смыслѣ почти не развиваются и потому вся практичность сводится къ умѣнью выслужиться, вымланяться, поддѣлать вексель, обограться общество, взять взятку или обсчитать ближняго. Всё эти недостатки должны были сказаться рѣзко и ярко именно въ то время, когда правительство и обстоятельства дали сильный толчокъ русскому обществу, призвавъ его къ болѣе разносторонней дѣятельности. Такое время именно и было тогда.

Съ перваго же взгляда на Петербургъ, Орловъ не узналъ въ немъ прежняго Петербурга. Въ годы его отсутствія городъ точно выросъ и принарядился: только-что начавшаяся горячка домостроительства была въ полномъ разгарѣ; вездѣ воздвигались новые дома съ украшеніями кондитерскихъ пироговъ, вездѣ надстроивали этажи и прилѣпляли колонки, балкончики, арабески. Казалось, что весь городъ передѣлывается заново. Цѣлая масса новыхъ магазиновъ ослѣпляла своими вывѣсками и выставками товаровъ, всюду красовались новыя вывѣски банковъ, банкирскихъ конторъ, правленій акціонерныхъ обществъ. Кто зналъ Петербургъ въ предыдущее царствованіе или въ самомъ началѣ новаго царствованія, тотъ не узналъ бы его теперь, когда уже терялся счетъ разнымъ предпріятіямъ биржевикомъ и промышленниковъ. Слѣды наживы и гоньбы за наживой ярко бросались въ глаза человѣку, долго невидавшему столицы. Большая Морская, Невскій проспектъ точно принарядились въ парадныя платья. Особенно ярко бросилось это въ глаза Орлову, когда онъ попалъ впервые снова на эти улицы въ четвертомъ часу дня. По этимъ улицамъ неслись точно на скачкѣ, обгоняя другъ друга, экипажи, блестящіе, легкіе, съ нарядными женщинами. Подкрашенные лица, одноцвѣтные бѣлокурые парики, слишкомъ изысканные и бросающіеся въ глаза наряды, особыя позы этихъ полулежавшихъ въ коляскахъ дамъ ясно говорили, кто эти дамы. Ихъ обгоняли на эгоистахъ щегольски одѣтые мужчины съ моноклями или рiпсе-pez, похожіе на вывѣски парикмахеровъ или на модныя картинки. Орловъ смутно узнавалъ нѣкоторыя лица и не вѣрилъ глазамъ. Да, это его товарищи по университету, это вчерашніе бѣдняки, а теперь... Онъ вспомнилъ слышанные имъ рассказы: такой-то женился на богатой, такой-то нажилъ адвокатурой въ годъ состояніе, такой-то пріютился въ акціонерномъ обществѣ,

такой-то просто живетъ на содержаніи. Ему вспомнились саркастическія слова одного его пріятеля:

— Если мы далеки отъ царства Ивановъ, непомнящихъ родства, то мы все же переживаемъ царство Ивановыхъ!

Да, всё эти богачи—какіе-то Ивановы, Барановы, Бозловы, Кобылины; эта вчерашняя голь вдругъ пошла въ гору и рвала зубами выпавшую ей на долю добычу въ новыхъ учрежденіяхъ, въ акціонерныхъ компаніяхъ и комитетахъ. Новыя учрежденія потребовали цѣлыя полчища новыхъ людей. Этихъ людей пришлось по неволѣ вербовать не среди привилегированныхъ классовъ, захватывавшихъ прежде все только въ свои руки, а гдѣ попало, среди мѣщанъ, среди недоучекъ, среди голяковъ. Изъ этихъ людей сразу создался новый классъ разночинцевъ; ихъ можетъ-быть неловко было спрашивать о ихъ происхожденіи, о степени ихъ образованія, но ихъ нельзя было не принимать въ лучшихъ кружкахъ, потому что они ворочали дѣлами, потому что они имѣли денежныя средства и въ сущности были не лучше и не хуже своихъ предшественниковъ. Десятокъ лѣтъ тому назадъ ихъ отцы были крѣпостными, приказными, ростовщиками-евреями, а теперь они сидѣли въ первыхъ рядахъ партера въ итальянской оперѣ, они были почетными членами благотворительныхъ обществъ, они оказывали протекціи ищущимъ мѣстъ юнцамъ, они ссужали деньгами золотую молодежь. Но эти новые дѣятели были дѣтьми своихъ отцовъ и предшественниковъ, кость отъ кости, плоть отъ плоти этихъ людей: ихъ число только возросло, ихъ способы наживы стали только разнообразнѣе, они брали только больше, такъ какъ во всемъ былъ прогрессъ,—всѣмъ захотѣлось жить такъ же широко, какъ прежде жила ограниченная кучка людей, высасывавшихъ всё, что можно, главнымъ образомъ, изъ своихъ крестьянъ. Вчерашній обтерханный студентъ изъ мѣщанъ—сегодняшній знаменитый присяжный повѣренный, вчерашній забытый Ицга—сегодняшній желѣзнодорожный тузъ, вчерашній мелкій инженерикъ—сегодняшній желѣзнодорожный строитель, всё эти люди хотѣли и должны были жить согласно своему положенію въ обществѣ, примѣняя и къ себѣ правило noblesse oblige и не руководствуясь больше ничѣмъ. Грабежъ сдѣлался только болѣе общимъ, болѣе повальнымъ. Ничего иного нельзя было и ожидать. Такъ всегда бываетъ во время сильнаго прогрессивнаго переворота. Реформы преобразованія, новыя учрежденія создаются смѣлыми реформаторами легко и скоро, а новыхъ людей,

при всемъ желаніи, однимъ почеркомъ пера не создашь. Нужно прибавить къ этому, что никогда не поднимали такъ высоко головы всякіе рыцари наживы, какъ теперь, уже и потому, что лучшіе люди какъ будто вдругъ ушли въ свои раковины, затворились въ четырехъ стѣнахъ, засѣли за работу въ тишинѣ. Это было именно то время, когда общество приходило все въ большее и большее смятеніе послѣ польскаго возстанія, караказовскаго выстрѣла, смутныхъ слуховъ о новыхъ заговорахъ и арестахъ. У большинства людей срывались съ языка вопросы: «Чего хотять? Во имя какой программы дѣйствуютъ? Куда мы идемъ? Что будетъ завтра? Можно ли идти впередъ во время такой сумятицы? Не лучше ли погодить?...» У людей же наживы вмѣсто этихъ тревожныхъ вопросовъ созрѣвало одно убѣжденіе, что «нужно ковать желѣзо, пока оно горячо», что «въ мутной-то водѣ и ловить рыбу», что новая заповѣдь гласить: «не зѣвай!»

Всѣ эти мысли длинною вереницей проходили въ головѣ Орлова, когда онъ шелъ, отыскивая тотъ домъ, гдѣ жилъ одинъ изъ его старыхъ пріятелей, Андреевъ. Орловъ встрѣтилъ Андреева въ министерствѣ, куда завернулъ по своимъ дѣламъ, и Андреевъ настойчиво взялъ съ него слово, что онъ обѣдаетъ у него, такъ какъ это «его день»: по четвергамъ у него всегда обѣдаютъ пріятели. Орлову было нужно потолковать съ Андреевымъ, такъ какъ послѣдній былъ присяжнымъ повѣреннымъ и мѣгъ ему рассказать многое о разныхъ закулисныхъ сторонахъ петербургскаго суда. Орловъ отыскалъ домъ, гдѣ жилъ Андреевъ, и поднялся по парадной лѣстницѣ. Ему открылъ двери лакей во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ и провелъ его въ гостиную. По лицу Орлова скользнула невольная усмѣшка при видѣ убранства этой гостиной: шелковая мебель, бронза, картины. Все это было точно сейчасъ принесено изъ магазиновъ, и притомъ изъ разныхъ магазиновъ: изящные французскіе шкапики съ фарфоровыми и бронзовыми вставками не гармонировали съ такъ-называемыми бронзовыми подсвѣчниками въ русскомъ вкусѣ, поражавшими грубостью работы и бросавшимися въ глаза; роскошныя рамы писанныхъ масляными красками картинъ привлекали вниманіе гораздо сильнѣе, чѣмъ сами эти картины вѣнской рыночной фабрики. Тутъ не было ни вкуса, ни пониманія, тутъ было одно желаніе разубрать гостиную всякаго рода вещами, случайно попавшимися на глаза и почему-нибудь понравившимися покупателю. Переступивъ порогъ гостиной, Орловъ услышалъ множе-

ство голосовъ, басовитый смѣхъ мужчинъ, визгливый хохоть женщинъ въ сосѣднихъ комнатахъ. Черезъ минуту къ гостю вышелъ хозяинъ въ коротенькой бархатной визиткѣ, въ бѣломъ галстухѣ, завязанномъ большими бантами.

— Ну, спасибо, спасибо, что сдержалъ слово!—проговорилъ онъ, пожимая руку Орлова.—Право, разсердился бы, еслибы ты обманулъ. Пойдемъ въ кабинетъ. Мы уже думали, что ты не придешь.

Они прошли въ просторный кабинетъ съ мягкой мебелью, съ мягкими коврами, наполненный гостями. Начались представленія.

— Наше восходящее свѣтило на поприщѣ адвокатуры!—шутливо говорилъ хозяинъ, представляя Орлова гостямъ.—А это Александръ Ивановичъ Щепятовъ. Ты, конечно, уже знакомъ съ его литературными произведениями, подписанными псевдонимомъ Горева. А это вотъ усладитель нашего слуха, Иванъ Денисовичъ Николаевъ—нашъ незамѣнимый Рауль...

Орловъ даже смутился,—столько знаменитостей представили ему и, что всего хуже, онъ не зналъ почти ни одной изъ этихъ знаменитостей. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ знаменитостей были знаменитостями будущаго, а нѣкоторыя знаменитостями прошлаго, третьи же были знаменитыми талантами довольно страннаго свойства: такъ какой-то господинъ Кисъ или Рисъ,—Орлову даже потомъ показалось, что эту знаменитость звали господиномъ Бисъ,—отличался тѣмъ, что рисовалъ чѣмъ угодно и на чемъ угодно: пальцемъ на тарелкѣ, тряпкой на бумагѣ, употребляя при этомъ вмѣсто карандашей и красокъ уголь, мѣлъ, соусъ изъ-подъ жаркого, остатки кофе на блюдечкѣ и т. п. При этомъ господинъ Кисъ или Рисъ умѣлъ занимать гостей длинными рѣчами на всѣхъ европейскихъ нарѣчяхъ, изъ которыхъ онъ зналъ въ дѣйствительности только два, что не мѣшало ему съ пафосомъ произносить, на примѣръ, по-итальянски: «O santa Lucia, Napoli, maccaroni, Milano, Garibaldi, tedesco» и т. д. Выходило что-то похожее на итальянскую рѣчь. Кромѣ того, не имѣя голоса, онъ пѣлъ комическіе куплеты больше жестами и гримасами, а когда бывалъ очень пьянъ, то даже плясалъ національные танцы. Всѣ эти знаменитости, видимо, скучали, слонялись изъ угла въ уголъ въ ожиданіи обѣда.

— Разсаживайся! Не хочешь ли сигару? Обѣдъ сейчасъ подадутъ!—говорилъ хозяинъ, придвигая Орлову кресло и указывая на сигары.

Орловъ закурилъ папиросу и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, онъ увидалъ, что всѣ знаменитости мало-по-малу улизнули изъ кабинета.

— Я, кажется, помѣшалъ,—проговорилъ онъ съ улыбкой.

— Бому это? Имъ-то?—сказалъ Андреевъ.—Просто слоняются со скуки, пока не пропустятъ рюмки другой. Къ бабью теперь вѣрно направились. Всѣ тоже юбочники. Да что имъ и дѣлать: таланты!

Онъ захохоталъ.

— Нѣтъ, вотъ нашему брату, талантами не отличающемуся, юбки-то не всегда на умъ лѣзутъ, тоже поработать приходится.

Орловъ улыбнулся.

— А я думалъ, что вы здѣсь всѣ не работаете, а наслѣдства отъ дядюшекъ изъ Америки получили.

— А что?

— Да я вотъ сегодня только и дѣлаю, что удивляюсь,—сказалъ Орловъ.—Встрѣтилъ Парамонова... Помнишь чумазаго Парамошку изъ нашей гимназіи?..

— Еще бы, онъ теперь въ правленіи Царевококшайской желѣзной дороги служить,—замѣтилъ Андреевъ.

— То-то онъ на рысакахъ и ѣздитъ,—сказалъ Орловъ.— Потому встрѣтилъ Онучина, въ собственной коляскѣ ѣдетъ... Ты тоже, кажется, какъ сыръ въ маслѣ катаешься... Нѣтъ, право, у васъ вѣрно дядюшки въ Америкѣ были.

Андреевъ опять расхохотался.

— Да, теперь, братъ, иначе жить нельзя, если хочешь идти впередъ,—объяснилъ онъ.— Докторъ ты—тебѣ гроши будутъ платить, покуда не заведешь обстановочки; адвокатъ ты—къ тебѣ и ходить никто не будетъ, если ты не живешь баринкомъ, потому, значить, ты—дрянь-адвокатъ, если и денегъ не нажилъ; служишь ты въ банкѣ да биржевыя дѣла ведешь—безъ обстановки у тебя ни кредита не будетъ, ни связей. Кто живетъ теперь скромно, тотъ впередъ далеко не уйдетъ, многого не получить. Теперь ужъ вѣтъ такой. Прежде бывало рекомендуется человѣкъ: помѣщикъ такой-то губерніи; графъ такой-то,—ну, ты и знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. А теперь говорятъ: «господинъ Андреевъ пришелъ». А чортъ его знаетъ, этого Андреева, что онъ такое: нищій-попрошайка, или человѣкъ порядочный и приличный господинъ? Ну, и надо, чтобы сразу какой-нибудь перстень брилліантовый или цѣпь во весь животъ заявили, что

можь господинъ Андреевъ знакомиться съ вами пришелъ, а не грабить васъ. И платить прежде знали сколько какому-нибудь дѣйствительному статскому совѣтнику или какому-нибудь князю, а Андрееву платять лишь столько, насколько внушительна обстановка Андреева. Да вонъ какой-нибудь Кисъ... Ты его сейчасъ видѣлъ, черномазый такой, онъ тутъ вертѣлся, когда ты вошелъ... Такъ и тому что его фокусы да кунштюки приносили бы, еслибъ онъ не умѣлъ прилично пріодѣться да артистическіе кудри на головѣ взбить? Такъ-то вѣдь цѣна человѣку грошъ, а погляди, какъ наживается. Къ французскому посланнику на вечеръ приглашали прохвоста балясничать!...

— Ахъ вы, барышники, барышники!—проговорилъ Орловъ, слушая эту рѣчь.

— Ну, да. А чѣмъ прикажешь быть какъ не барышникомъ, когда жить хочется? А жизнь-то стала—ой-ой-ой, какъ дорога!—сказалъ Андреевъ.—Вѣрь ты мнѣ, что съ голоду ты подохнешь, дѣятелемъ никогда не будешь, дѣлами государства заправлять во вѣки не будешь, если барышникомъ не будешь. Кто теперь все въ рукахъ держать?—Банкиры, желѣзнодорожники, биржевики. Черезъ нихъ только и пролѣзешь въ люди, черезъ нихъ только и сдѣлаешься дѣльцомъ, не лишнею спицей въ колесницѣ; а эти цари изъ Чухломы и Бердичева на порогъ тебя не пустять, если ты явишься къ нимъ обтерханнымъ да оборванымъ. Знаешь ли ты, кто теперь мѣста предоставляетъ, протекціи оказываетъ?...Нѣтъ?—Ну, такъ я тебѣ скажу. Вонъ въ балетѣ есть такая долгоногая балерина Двойкина, лошадью ее еще въ школѣ звали: черезъ нее можешь какое хочешь теплое мѣстечко добыть, воротилой сдѣлаться, потому она—содержанка вліятельной особы. А попробуй къ этой дочери кучера и прачки безъ денегъ придти: дверей тебѣ не откроютъ. Да развѣ одна она изъ такихъ-то? А Эмма Федоровна, а княгиня Дарья Андреевна Пустозерова?—Вѣдь это тоже дѣльцы изъ кокотокъ только разныхъ полюсовъ: одна—обогатившаяся перновская мѣщанка, другая—объединившая русская аристократка, а деньги за протекцію обѣ берутъ одинаковыя...

Андреевъ вздохнулъ.

— Да, нашему брату не легко карьеру сдѣлать,—продолжалъ онъ.—Тоже остроуміе и сообразительность нужны для этого... Вотъ я тебѣ приведу одинъ примѣръ. Помнишь Ганьку Жербина?

— Какъ же, это сынъ лавочника. Селедкой еще звали его въ гимназій...

— Ну, ну, онъ самый! Теперь, братъ, это модный докторъ. А какъ думаешь, почему въ люди вышелъ? У Коптилова, особы изъ лапотниковъ, сынишку годоваго онъ лѣчилъ и на рецептахъ прописывалъ «его превосходительству Александру Ивановичу Коптилову». Это годовой-то мальчишка его превосходительство! Такъ вотъ такъ это понравилось мадамѣ Коптиловой, что она Гашку и ввела за уважительность въ моду...

Лакей вошелъ и объявилъ, что обѣдъ поданъ. Пріятели вошли въ столовую, гдѣ гости, мужчины и дамы, уже поѣдали съ ожесточеніемъ голодныхъ волковъ закуску, а у обѣденнаго стола стояла щегольски одѣтая молодая женщина.

— Надежда Петровна, — небрежно отрекомендовалъ Андреевъ, представляя Орлова этой молодой дамѣ.

— Мой мужъ мнѣ уже говорилъ о васъ сегодня, — сказала хозяйка, протягивая руку Орлову. — Вы у насъ, вѣроятно, будете присяжнымъ повѣреннымъ? Непремѣнно поѣду васъ слушать!

Орловъ раскланялся и сказалъ, что онъ еще ничего не рѣшилъ. Хозяйка поражала красотой, роскошными волосами, моднымъ, нѣсколько вычурнымъ, костюмомъ. Орловъ быстро разглядѣлъ, что у нея подкрашены щеки, брови, глаза, слишкомъ много чужихъ волосъ. Ея манеры были слащаво-жеманны и черезчуръ кокетливы. Голосъ былъ слишкомъ искусственно пѣвучъ и мягокъ. Черезъ двѣ-три минуты всѣ усѣлись за столъ. Дамамъ Орлова не представляли и только изъ разговоровъ за столомъ онъ узналъ ихъ имена и фамиліи.

— Я ужасно люблю ѣздить въ судъ, — это такъ интересно! — сказала хозяйка, разливая супъ и занимая разговоромъ Орлова. — И особенно люблю, когда Коля говорить. Онъ всегда до слезъ тронетъ и самъ плачетъ.

Орловъ съ улыбкой взглянулъ на хозяина.

— Ты... плачешь? — спросилъ онъ.

— Да, это же особенность моего таланта, — отвѣтилъ Андреевъ, принимаясь за супъ.

— Онъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ! — вставилъ Кисъ свое слово.

— Да, да, онъ всегда плачетъ и заставляетъ плакать, — подтвердила хозяйка. — Вотъ Симоновича я просто слушать не

могу, тотъ точно ругается, все язвить, язвить, и все такимъ птичьимъ голосомъ выкрикиваетъ, а самъ все почесывается. Советимъ неприлично!... Ахъ, но кто удивительно защищаетъ, такъ это Груздевъ: когда его слушаешь, то это точно музыка переливается и все такія картины, картины, точно въ романѣ, а самъ весь блѣдный...

Хозяйка какъ-то особенно выговорила слово романъ, сильно наирая на букву о и закатывая глаза.

«Дура», — промелькнуло въ головѣ Орлова.

— Она у меня съ сантиментами, — сказалъ небрежно Андреевъ. — Впрочемъ, мы съ нею чаще бываемъ у Берга, чѣмъ въ судѣ. Она вѣдь у меня сама актерствуетъ: въ клубѣ въ живыхъ картинахъ Елену Прекрасную изображала съ Монаховымъ.

— И вамъ нравится театръ Берга? — спросилъ Орловъ.

— Ахъ, это прелесть, прелесть! Я всегда хохочу до упаду! — воскликнула она съ увлеченіемъ. — Театры — это моя жизнь...

И вдругъ Орловъ услышалъ самые подробные рассказы о спектакляхъ у Берга, о кампанѣ, о шансонеткахъ. Хозяйка чуть не пѣла, чуть не канканировала.

— Это восторгъ, восторгъ! — заключила она свой рассказъ. — Это опьяняетъ и кружитъ голову...

— Она, братъ, у меня на всѣ руки молодецъ! — сказалъ Андреевъ.

Орловъ совсѣмъ терялся, не зная, какъ говорить съ хозяйкой, чтобы не обидѣть хозяйна. Но остальные гости бесѣдовали съ ней очень развязно. Чѣмъ дальше шелъ обѣдъ, тѣмъ обильнѣе лились съ языковъ собесѣдниковъ сальности и двусмысленности, не уступавшія своимъ цинизмомъ холостымъ бесѣдамъ армейскихъ офицеровъ и золотой молодежи. Кисъ уже рисовалъ на тарелкахъ слабрезныя картинки и объяснялъ ихъ содержаніе съ невообразимою безцеремонностью. Дамы не уступали въ распушенности мужчинамъ и шептались, хихикая, съ сосѣдями. Орловъ совершенно терялся въ дѣтствахъ, что за люди были передъ нимъ, изъ какого сословія, какого положенія въ обществѣ. Обѣдъ еще не кончился, какъ трое изъ мужчинъ встали и сказали, что они пойдутъ доигрывать пульку до театра. Хозяинъ замѣтилъ, что они играютъ у него уже вторые сутки. Онъ взялъ подъ руку Орлова и пошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Ихъ вѣдь вплоть до театра отъ бутылокъ не отгонишь, — сказалъ онъ Орлову про своихъ гостей. — Мы вѣдь по четвергамъ

вечеромъ всегда ѣдемъ или въ циркъ, или къ Бергу, такъ какъ въ клубъ ничего нѣтъ, потомъ на тройкахъ иногда заѣдемъ куда-нибудь съ барыньками... Скучища вѣдь дьявольская у насъ въ Питерѣ,— не знаешь, въ какой кабакъ кинуться...

— А твоя жена?—началъ Орловъ.

— Надежда Петровна?—О, она у меня бабенка лихая... И ничего—рожица смазливая...

Орловъ не зналъ, что отвѣтить на эту оригинальную рекомендацію.

— Да вотъ, смотри, изъ простыхъ мѣщанокъ города Базани вышла, а ничего, отшлифовалась,—продолжалъ хозяинъ, развалившись на диванѣ и ковыряя перомъ въ зубахъ.—Скверно такъ одному жить, а жениться еще средствъ нѣтъ да и невѣсты подходящей не нарывается,—ну, вотъ и содержу покуда ее, все юбка во всякое время въ домѣ есть и живешь не на холостую ногу, а это много значить для дѣловаго человѣка...

— Такъ ты не женатъ на ней?—спросилъ Орловъ.

Андреевъ расхохотался.

— Да за кого же меня считаешь? Ты же видишь, она и не далека, и не воскутана... Наконецъ, она и старше меня,—моложава только... Просто въ гражданскомъ бракѣ обрѣтаемся... Я ее у одного литератора отбилъ... Онъ ее увезъ отъ ея мужа изъ Харькова, кажется...

Орловъ нервно передернулъ плечами отъ этой откровенности.

— Она вотъ подруга той барышни, что съ Кисомъ рядомъ сидѣла. Та у Филиппова, который противъ тебя сидѣлъ, на содержаніи живетъ. Я у нея съ Надеждой Петровной и познакомился. Потомъ въ клубъ встрѣчались, ея литераторъ ей понадобился,—ну, у насъ дѣло и сдѣлалось.

— А этотъ литераторъ... какъ ты его назвалъ, Щенковъ, что ли?

— Щепатовъ. Прохвость первѣйшій... И какой онъ къ чорту литераторъ!... Репортерствуетъ гдѣ-то о томъ, чего никто не читаетъ, вотъ и все...

— Это онъ съ женою тутъ былъ?

— Съ женою! Только она живетъ не съ нимъ, а ее содержать присяжный повѣренный Бомаровъ. У этого борзопицца-то гроша за душой нѣтъ... Вѣдь кромѣ театральныхъ рецензій ничего и измыслить не можетъ...

— Позволь, позволь, но вѣдь тутъ и мадамъ Комарову нѣтъ представляли за обѣдомъ.

Андреевъ залился смѣхомъ.

— Ну, такъ что-жь? Мадамъ Комарова эта самая ужь десятого любовника мѣняетъ. У насъ въ клубѣ такіе скандалы съ нею бывали...

Андреевъ, развалиясь на диванѣ, началъ распространяться о клубныхъ скандалахъ, о томъ, кто съ кѣмъ живетъ, кто у кого отбиваетъ жену или любовницу. Онъ говорилъ съ циничной откровенностью, ставя точки на і, напирая на подробности, точно это доставляло ему особенное удовольствіе.

Орловъ поднялся съ мѣста. Ему хотѣлось поскорѣй выбратъся на воздухъ, на улицу. Онъ сталъ прощаться.

«Пакостники!»—вертѣлось въ его головѣ. Ему было и скверно, и скучно.—«Знаешь вотъ, что всякой гадины на свѣтѣ много, а попадетъ подъ руку мокрица и—передернетъ всего», думалъ онъ, уходя отъ Андреева.

И чѣмъ ближе вглядывался Орловъ въ петербургскую жизнь такъ-называемаго образованнаго средняго класса, тѣмъ яснѣе видѣлъ онъ, что у большинства она идетъ именно такимъ порядкомъ, какъ у Андреева. Клубы, карты, Берги, загородные рестораны, любительскіе спектакли съ оргіями и развратцемъ—все это повторялось вездѣ и всюду и всѣхъ грызла скука, вездѣ замѣчалась какая-то безцѣльность жизни. Эти люди въ сущности только повторяли то, что дѣлалось и прежде, только теперь всѣ кутежи были съ одной стороны мельче, пошлѣе, а съ другой—ихъ число возросло, такъ какъ возросло и число людей, имѣвшихъ средства такъ жить. Прежде весь Петербургъ пальцемъ указывалъ на Яковлевыхъ, Волковыхъ, Пономаревыхъ и тому подобныхъ представителей разгула, теперь подобнымъ господамъ и счета не было.

Большинство людей, гнавшихся только за карьерой и за богатствомъ и такъ или иначе выдвинувшихся впередъ, точно опьянѣло отъ неожиданныхъ успѣховъ и въ сущности не знали, что съ собою дѣлать, какъ вести себя, какъ распорядиться выпавшими внезапно имъ на долю средствами. Въ каждомъ разговорѣ слышался только одинъ мотивъ: нажива и кутежъ. Это былъ лозунгъ большинства. Всѣ, казалось, стремились урвать у перваго встрѣчнаго только кусокъ мяса для себя, и чѣмъ легче доставалась пожива при помощи концессій, биржевой игры, бан-

бовыхъ операцій, повального грабительства во всѣхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ вѣдомствахъ, тѣмъ шире развѣртывался разгулъ. Орловъ видѣлъ и въ провинціи безпечальное житье, но тамъ еще только начиналась эта эпоха «хлѣба и зрѣлищъ», бывшая уже во всемъ разгарѣ въ столицѣ. Орловъ не былъ ни аскетомъ, ни пуританиномъ, ни красной дѣвушкой, но ему на первыхъ же порахъ стало тошно смотрѣть на эти пошлыя, мелкія и грязныя вѣдыванія, на эти печальныя явленія переходной эпохи отъ стараго къ новому.

Когда Орловъ случайно столкнулся съ дальнимъ родственникомъ князя Русова, Ивинымъ, однимъ изъ представителей золотой молодежи, — онъ увидалъ, что и здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, происходитъ почти то же, что въ кругу какихъ-нибудь Андреевыхъ, — отсутствіе какихъ бы то ни было серьезныхъ интересовъ и нравственное ничтожество. Ивинъ насмѣливо затащилъ Орлова къ Дюссо.

— Ты помнишь Павла Хрущевского? Мы для него мальчишникъ справляемъ, — говорилъ Ивинъ. — На дняхъ онъ женится на дочери коммерціи совѣтника Поздняковой. Рота невозобразимая, глупа феноменально, но приданаго пятьсотъ тысячъ деньгами, — какъ же не жениться? Хрущевскій вѣдь все промоталъ и еслибы не этотъ бракъ, ему пришлось бы петлю надѣть на шею.

— И потому онъ идетъ въ крѣпостную зависимость къ дочери коммерціи совѣтника? — съ усмѣшкой сказалъ Орловъ.

— Ну, кто кого заѣстъ — это еще вопросъ! — засмѣялся Ивинъ безпечнымъ смѣхомъ. — Ей тоже будетъ не сладко. Хрущевскій — не такой мальчикъ, чтобъ его легко объѣздить. А впрочемъ, можетъ-быть, его ждетъ то же, что князя Щербинскаго. Помнишь, гусаръ... у Русовыхъ часто бывалъ...

— Ну, что же съ нимъ случилось? — спросилъ Орловъ.

— Женили его при помощи одного высокопоставленнаго лица прямо изъ долговаго отдѣленія на семидесятилѣтней старухѣ Бронниковой, а ея родные обозлились и, какъ ходятъ слухи, отравили его, — отвѣтилъ Ивинъ. — Фактъ только тотъ, что онъ умеръ черезъ два-три мѣсяца послѣ свадьбы. Конечно, ея роднѣ была невыгодна эта женитьба, такъ какъ старуха могла передать все свое имущество по завѣщанію мужу, а между тѣмъ у нея были милліоны...

— И у васъ здѣсь такъ каждый день и убиваютъ люди другъ друга изъ-за денегъ? — съ усмѣшкой спросилъ Орловъ.

— Ну, выдумалъ! — засмѣялся Ивинъ. — Но правда, теперь многимъ приходится изыскивать средства къ жизни, потому тратъ много, а доходовъ у всѣхъ меньше, то-есть меньше у тѣхъ, у кого прежде было больше. Крестьянская реформа подорвала многія благосостоянія. Къ хозяйству на новыхъ началахъ не вдругъ привыкнешь. Прежнихъ казенныхъ ссудъ подъ имѣнія не дають. Ну, средства къ жизни и уменьшились, а жизнь-то стала и шире, и дороже. Что-жъ мудренаго, что многіе изъ нашихъ уже фальшивые векселя стали выдавать. Жить вѣдь хочется. Ты знаешь ли, я теперь иногда едва-едва свожу концы съ концами, а между тѣмъ я — не бѣднякъ...

— Ну, да и миллионы можно за окно выбросить, — сказалъ Орловъ.

— Нѣтъ, ты не говори этого. Я даже скупъ. Но все дорого стоитъ. Одна женщина... Ахъ, еслибы ты зналъ, что онѣ нынче стоятъ!

— Точно о лошадяхъ говоришь.

— Да вѣдь я же говорю объ *этихъ* дамахъ.

— У васъ тутъ, кажется, идетъ какая-то вальпургиева ночь, — перебилъ Орловъ. — Я уже чуть ли не ~~о~~ десятаго человѣка слышу, что ему нужно денегъ, денегъ и денегъ, и что все стоитъ дорого и дорого. А что это все? — Оказываются кутежи, женщины, рысаки, карты...

— А вотъ погоди, когда всѣ прокутимся, тогда посылемъ непломъ главы, запремся въ монастыри и начнемъ поститься, — пугливо сказалъ Ивинъ. — Ты не знаешь нашей настоящей жизни. Это — какой-то вихрь, который кружить всѣхъ и не даетъ опомниться. И ты не думай, что всѣ теперь проживаются. Нѣтъ, въ нашемъ кругу начинаютъ каждый день появляться люди, у которыхъ вдругъ выросли миллионныя состоянія. Тотъ на желѣзную дорогу взялъ концессию и вышелъ съ капиталомъ, другой основалъ банкъ и ловкой аферой приобрѣлъ сотни тысячъ въ одинъ день, третій... чортъ знаетъ, иногда кажется, что третій просто укралъ гдѣ-то сотни тысячъ, но тѣмъ не менѣе надо признать, что онъ богатъ, и пожимать ему руки. Всѣ эти люди кутятъ, входятъ въ высшій кругъ, соперничаютъ съ бараміи... О, ты не узнаешь теперь свѣтскихъ салоновъ... Помнишь княгиню Евдокію Кирилловну Долгополову? Она ли недоступный идолъ была, а теперь у этой старой блюстительницы аристократической спѣси возсѣдаетъ жидъ баронъ Гиршбергъ въ салонѣ и она, вздыхая,

объясняетъ, что она приноситъ эту жертву для своихъ бѣдныхъ, и прибавляетъ: «впрочемъ, онъ премилый». А старый князь Горинь, противникъ разночинцевъ, либераловъ и прогрессистовъ, играетъ въ вистъ съ бывшимъ крѣпостнымъ графа Шереметева, съ вчерашнимъ откупщикомъ, съ нынѣшнимъ желѣзнодорожникомъ Бякинымъ, и все потому, что князь Горинь пропустилъ все между рукъ, а Бякинъ прибралъ все къ рукамъ: теперь Бякинъ даетъ Гориню деньги, а Горинь выхлопатываетъ ему концессию, чины, ордена.

Они подѣхали къ ресторану Дюссо и черезъ минуту были въ отдѣльномъ помѣщеніи, гдѣ уже собралось нѣсколько чело-вѣкъ изъ пріятелей и сослуживцевъ Ивина.

— Дмитрій Андреевичъ Орловъ, — отрекомендовалъ Ивинъ. — Вѣроятно, большинство изъ васъ помнятъ, знакомы... Притащилъ его силой...

Къ Орлову протянулось нѣсколько рукъ. Послышались восклицанія, замѣчанія и вопросы.

— Какими судьбами? Откуда? Давно ли? Васъ трудно узнать!

Но уже черезъ двѣ-три минуты разговоръ за завтракомъ принялъ обычное направленіе.

— Я тебѣ говорю, что Султанъ не одного приза не возьметъ, — говорилъ какой-то гусарь своему собесѣднику кирасиру. — Превосходныя статьи и только у него.

— Онъ на Дюранъ похожъ: у нея тоже превосходныя статьи, а дальше и нѣтъ ничего, — замѣтилъ кто-то черезъ столъ.

— Ну, ты про Дюранъ этого не говори! Она дорого обходится, за то и женщина! — отвѣтилъ гусарь, чмокнувъ кончики пальцевъ.

Какой-то статскій доказывалъ, что брилліанты синей воды самыя лучшіе и что онъ нигдѣ не видѣлъ такихъ брилліантовъ, какіе продаются у одного пріѣзжаго француза-коммиссіонера по торговлѣ рѣдкостями.

— Я вовсе не понимаю, что хорошаго находятъ въ черныхъ брилліантахъ, — съ апломбомъ знатока говорилъ онъ. — Ну, да, это оригинально, это рѣдко; но, клянусь же, не все оригинальное и рѣдкое хорошо. Горбатая любовница тоже, пожалуй, оригинальность и рѣдость, но благодарю за такое приобрѣтеніе.

— А, нѣтъ, ты развѣ не читалъ у Казановы? — перебилъ его другой статскій.

— У какого Казановы?—спросилъ господинъ, говорившій о брилліантахъ.

— У известнаго Казановы, написавшаго свои *mémoires*, — отвѣтилъ собесѣдникъ.

— Я, мой милый, ни известныхъ, ни неизвестныхъ книгъ не читаю, потому что и тѣ, и другія нагоняютъ сонъ, а я сплю и такъ отлично!—сказалъ любитель брилліантовъ.

— Протестую, протестую за Казанову!—вышла въ разговоръ совсѣмъ юный офицерикъ.—Это... это... что-то такое,— ну, шампанское, возбуждающее тамъ... такія картины...

Любитель брилліантовъ снисходительно улыбнулся.

— Я предпочитаю натуру картинамъ и практику теории, — отвѣтилъ онъ.

Раздался смѣхъ; кто-то крикнулъ:

— Bravo, bravo!

Кто-то громко зѣвнулъ.

Несмотря на лившееся въ стаканы вино, несмотря на сальничанья, всё въ сущности скучали. Никто не зналъ, о чемъ говорить. Ничто никого серьезно не интересовало. Только кирасиръ настойчиво допрашивалъ гусара:

— Нѣтъ, я все-таки не понимаю, что ты имѣешь противъ Султана. Я видѣлъ его, я читалъ его аттестатъ и, право, я въ восторгѣ отъ него.

— Да ты подожди,—говорилъ гусаръ.— Побѣдемъ вмѣстѣ и я тебѣ докажу по пальцамъ, что онъ гроша не стоитъ. Стоять въ конюшнѣ—да, такъ; но для скачки—его мой столѣтній Меркурій загоняетъ. Ты повѣрь моей опытности, я тебѣ по ниточкѣ всё недостатки и достоинства каждой лошади разберу.

— Розовые брилліанты безспорно тоже хороши, но этотъ отливъ непроченъ,—продолжалъ любитель брилліантовъ.

Его, кажется, никто уже не слушалъ, такъ какъ юный офицерикъ, захлебываясь отъ избытка чувствъ, передавалъ отрывки изъ записокъ Казановы.

Орловъ вполголоса бесѣдовалъ съ Ивинымъ. Онъ спрашивалъ его о князѣ Александрѣ Александровичѣ Русовѣ.

— Я его отыскивалъ, но мнѣ сказали, что у него нѣтъ квартиры въ Петербургѣ,—сказалъ Орловъ.

— Да, это отчасти правда, — отвѣтилъ Ивинъ.— Числятся, что онъ живетъ въ Царскомъ-Селѣ, по мѣсту службы, но въ сущности онъ почти безвыѣздно здѣсь, только не въ своемъ домѣ...

— Что это, отъ долговъ скрывается?— спросилъ Орловъ.

— Ну, вотъ еще! Какіе у него теперь долги. Онъ просто отшатнулся отъ общества, задароя съ своей дульциной. Вообще съ нимъ произошло что-то странное. У него никто не бываетъ изъ нашихъ...

— Да, я мелькомъ слышалъ отъ его сестры, что онъ измѣнился... Хандрить, вѣроятно; вѣдь это случилось съ нимъ и прежде, хоть и не мѣшало ему кутить...

— Какъ тебѣ сказать... Едва ли можно сказать, что онъ когда-нибудь кутилъ. На его деньги, правда, кутили многіе, а онъ... Баба онъ какая-то, кислый всегда былъ, трусилъ выпить лишнее... Ты помнишь, его всѣ и дома дѣвчонкой звали...

Кто-то изъ присутствующихъ, услышавъ разговоръ о князѣ, замѣтилъ:

— Ну, да, потому его и взяла подъ башмакъ его Настя... Орловъ вздрогнулъ при этомъ имени.

— Теперь онъ живетъ совершеннымъ отшельникомъ; говорить, учится чему-то, что-то изучаетъ, хочетъ выйти въ отставку,—продолжалъ рассказывать Ивинъ.—Это продолжается не годъ, не два...

Но Орловъ уже не слушалъ его и прислушивался къ толкамъ собесѣдниковъ, заговориавшихъ теперь о Настѣ, точно обрадовавшихся новой темѣ для разговора.

— У нихъ это должно быть фамилльное: его отецъ жилъ съ Андроновой лучше, чѣмъ съ женой. Александръ, вѣроятно, въ концѣ концовъ женился на этой Настѣ,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Ну, его Настя вовсе не то, что была Андропова,—замѣтилъ другой.—Всѣ эти балетчицы—кокетки и больше ничего, а эта...

— У нея манеры есть, мягкости много, — перебилъ кто-то тономъ знатока.—И притомъ буквально красавица.

— Не мудрено, вѣдь она изъ царской семьи, — отвѣтилъ первый.—Мнѣ про нее рассказывали, что она помнитъ себя въ дѣтствѣ въ роскошныхъ палатахъ, среди золота и бархата. Потомъ вдругъ все это исчезло, какъ сонъ, и она очутилась ребенкомъ безъ средствъ, одна. Вѣроятно, какая-нибудь fille naturelle кого-нибудь изъ нашего круга...

— Это сказали все! — небрежно замѣтилъ второй изъ собесѣдниковъ.—Эти дамы всегда происходятъ отъ царствующихъ

лицъ, если ихъ послушать. Надо же придумать какую-нибудь таинственную исторію или романъ, чтобы быть интересной. Она вѣдь прежде и не Настасьей, а Натали была. Звучиѣ!... Впрочемъ, сказки про нее распускалъ для чего-то сначала Михайловскій-Несмѣльскій; а потомъ онъ самъ въ припадкѣ откровенности говорилъ мнѣ, что она просто дитя улицы и подвала. Онъ, впрочемъ, едва раздѣлялся съ нею, такъ какъ она приняла эту связь за что-то серьезное...

Орловъ сталъ блѣденъ, какъ полотно, точно кто-то его ужалилъ. Его сомнѣнія были разсѣяны. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы подавить смущеніе, и спросилъ равнодушнымъ тономъ:

— И давно съ ней живетъ Александръ?

— Да съ тѣхъ поръ, какъ ее бросилъ Михайловскій-Несмѣльскій,—отвѣтили ему.

— Вотъ какъ, а я и не зналъ... Я тогда еще былъ, значить, въ Петербургѣ...

— Да, но онъ вообще скрывалъ эту связь... Тутъ много непонятнаго...

— Впрочемъ, мы въ послѣднее время съ нимъ такъ рѣдко видѣлись,—коротко сказалъ Орловъ.

Эта новость страшно неприятно подѣйствовала на него. Опять было задѣто его самолюбіе, опять вспомнилось многое изъ прошлаго. Въ его душѣ шевельнулось враждебное чувство къ князю, ко всей этой кутящей молодежи, покупающей женскія ласки, безчестящей бѣдныхъ дѣвушекъ. Ему на минуту стало какъ будто стыдно при мысли, что, можетъ-быть, кто-нибудь изъ этихъ господъ уже знаетъ, что эта Настя приходится двоюродною сестрой ему, Орлову. Михайловскій-Несмѣльскій если и не разгласилъ еще этого, то, конечно, постарается разгласить объ этомъ при первомъ удобномъ случаѣ. Надо будетъ какъ-нибудь опровергнуть эти слухи. А впрочемъ стоитъ ли? Что за дѣло ему, Орлову, до того, что стануть говорить про него разные хлыщи и фаты? Не дѣтей ему съ ними крестить! И зачѣмъ онъ пошелъ въ ихъ компанію? Зачѣмъ онъ вообще ходитъ чортъ знаетъ къ кому? Не лучше ли затвориться отъ всѣхъ, жить особнякомъ? Въ трактирахъ, въ кабакахъ, на публичныхъ площадяхъ нечего искать хорошихъ и честныхъ людей; съ дрянью же нечего и сходиться. Хорошіе, честные люди дѣлаютъ свое дѣло въ сторонѣ, въ тишинѣ; съ ними можно столковаться на общей работѣ,

на общих интересахъ, на общихъ стремленіяхъ, но не на этихъ оргіяхъ, кутежахъ и попойкахъ. Да и ему ли кутить, когда прежде нужно зарабатывать на хлѣбъ? Орлова потянуло въ свой уголокъ, къ труду, къ затишью, и мало-по-малу онъ почти безвыходно заперся у себя надъ литературною работою, надъ приготовленіемъ магистерской диссертации...

Возвращеніе въ убогую квартиру родной семьи послѣ долгой разлуки, скорбныя встрѣчи и разговоры съ родными, непріятныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ столкновеній съ пріятелями — все это странно повліяло на Дмитрія Андреевича. Онъ почувствовалъ не слабость, не уныніе, не приниженность, — въ немъ просто пробудилось сознаніе, что онъ долженъ стоять на-сторожѣ, слѣдить за собою, чтобы лавировать въ этомъ жизненномъ омутѣ и не дать затянуть себя въ какое-нибудь болото. Рядомъ съ этимъ онъ какъ бы почувалъ, что въ немъ началъ воскресать прежній Митя, страстный, ненавидящій и любящій Митя, желавшій спасти бѣдняговъ и казнить Пахомова. Покуда онъ жилъ въ разлукѣ съ семьей, въ немъ какъ будто замерли и эта любовь къ бѣднякамъ, и эта ненависть къ ихъ врагамъ, и было только одно страстное желаніе встать самому на ноги, спастись самому — чувство, знакомое утопающимъ, забывающимъ въ минуту опасности всѣхъ и все. А теперь... Вотъ онъ сидитъ дома за обѣдомъ и случайно рѣчь заходитъ о матери: онъ какъ-то невольно взглянулъ въ передній уголъ и ему показалось, что онъ видитъ ея гробъ, видитъ ея исхудалое мертвое лицо, слышитъ надорванный голосъ отца: «точно живая лежитъ, Митя, точно живая!» Ему вдругъ вспомнились и ея страданія, и ея послѣднія слова о томъ, чтобъ онъ бережетъ отца: «добрый онъ отецъ, добрый», — и онъ мысленно даетъ клятву беречь старика. Вотъ что началъ говорить Леша, глупое и несообразное, и Дмитрій Андреевичъ припомнилъ, какія муки довели Лешу до идиотизма: Федоръ Гаврилычъ, пріютъ, убѣжище для калѣкъ, все, загубившее этого несчастнаго идиота, вспомнилось Дмитрію Андреевичу, и онъ проклинаетъ снова все это, губящее сотни тысячъ людей. «Скучно у насъ братцу, скучно», — сказалъ Леша, а въ головѣ Дмитрія Андреевича уже заронились мысли о Настѣ, бѣжавшей отъ этой скуки, оболыщенной первымъ встрѣчнымъ хлыщомъ, опозоренной и брошенной имъ. Его что-то точно кольнуло въ сердце, такъ больно кольнуло при мысли о томъ, что и онъ самъ забылъ Настю, что онъ ничего не сдѣлалъ для ея спасе-

ния, что если она и спаслась, то это—случай. Да и спаслась ли? Что такое *ей* таинственная связь съ княземъ?—Новое паденіе и только. А онъ, Дмитрій Андреевичъ, не протянулъ ей даже руки для спасенія. Съ мечтами о принесеніи пользы всему человечеству носился, а рядомъ гибло дорогое существо! Каждый уголь, каждое слово теперь говорили Дмитрію Андреевичу о томъ, что тернить та голь, изъ среды которой вышелъ онъ и съ которой онъ связанъ всѣми симпатіями души. Онъ впервые послѣ долгихъ лѣтъ снова убивдался, что онъ любить эту голь не напускною, не разсудочною любовью, а сердцемъ, болѣзненно, страстно, какъ частицу самого себя. Не будь эта голь съ нимъ органически связана, развѣ онъ взволновался бы, напряжѣвъ, при разсказѣ отца? Вѣдь со стороны все это только комично и мученія его отца, и страданія его сестры, а для него тутъ представляется драма и въ этой драмѣ онъ такъ или иначе приметъ активное участіе, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не дождется того или другаго ея конца. Никакія книги, никакія теоріи не могутъ замѣнить этой органической связи. Но онъ не только любить эту голь, онъ чувствуетъ къ ней теперь безконечную благодарность за то, что она научила его любить вообще бѣдняковъ, страдающихъ, народъ, и ненавидѣть враговъ всего обойденнаго, униженнаго и оскорбленнаго. Эту любовь и эту ненависть онъ всосалъ съ молокомъ матери. И эта любовь, и эта ненависть ни на минуту не оставляли его. Даже тогда, когда онъ исполнялъ по-неволѣ ненавистныя ему прокурорскія обязанности, всѣ знали, чью сторону онъ держать. Не даромъ же его звали «плебеемъ», «демократомъ», «нигилистомъ», «народолюбомъ». Да, этимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Въ его жизни было много ошибокъ, заблужденій, проступковъ, но ни разу онъ не поступился именно этими чувствами и не поступится ими. Въ рѣшительную минуту, когда нужно будетъ встать на сторону слабого или сильнаго, бѣднаго или богатаго, оскорбляемаго или оскорбляющаго, онъ встанетъ на сторону первыхъ, и теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, потому что въ немъ точно разбередились, точно заныли всѣ старыя раны; страданія членовъ его семьи, близкія его сердцу, какъ бы напоинали ему о страданіяхъ тысячъ и тысячъ такихъ же бѣдняковъ. Онъ чувствовалъ подъемъ духа, подобный тому, который ощущаютъ въ себѣ солдаты, попавъ на поле сраженія: за минуту до того на своемъ привалѣ они знали, что ихъ собратья сражаются съ вра-

гомъ, но они смотрѣли довольно вяло и апатично, отдаваясь заботамъ о будничныхъ нуждахъ; но вотъ ихъ вывели на поле битвы, они увидали раненыхъ собратьевъ, они увидали лицомъ къ лицу врага—и духъ энергій, храбрости и задора сразу проснулся въ нихъ.

III.

Однако какъ ни бодрился Дмитрій Андреевичъ, но его не могли не тревожить два обстоятельства: какъ онъ уладить дѣло отца и какъ устроить свои собственные дѣла. Свобода—дѣло прекрасное, но прежде всего нужно ѣсть. Годы службы не дали ему возможности отложить грошъ на черный день, а безъ этого гроша нечего было и думать сразу заполучить хорошую адвокатскую практику. Орловъ сознавалъ, что Андреевъ былъ правъ, говоря объ обстановкѣ. Присяжный повѣренный живущій въ Захолустной улицѣ, въ жалкомъ деревянномъ домикѣ, вообще не сразу найдетъ богатыхъ клиентовъ, къ тому же Орловъ былъ новичкомъ въ Петербургѣ и очень хорошо понималъ, что выгодныя дѣла у него всегда съумѣютъ вырвать изъ рукъ его старѣйшие собратья. Надо было, прежде чѣмъ мечтать о крупныхъ кушахъ, пройти тяжелый искусь, защищая разныхъ вориховъ и сторожъ какое-нибудь громкое уголовное дѣло, гдѣ можно бы было развернуть свое краснорѣчье, составить себѣ имя. И что такое «выгодныя дѣла?» Большая часть этихъ выгодныхъ дѣлъ—продажа своей совѣсти, сдѣлана съ своею совѣстью. Выгодныя дѣла, не заставляющія кривить душой, очень рѣдки, и особенно рѣдки они въ рукахъ присяжныхъ повѣренныхъ, не стяжавшихъ еще громкаго имени, не извѣстныхъ воѣмъ и каждому во всѣхъ концахъ не только Петербурга, но и всей Россіи. Орловъ все это сознавалъ очень хорошо; онъ сознавалъ и то, что извѣстность присяжнаго повѣреннаго пріобрѣтается не одной ловкою защитой. Нѣтъ, онъ такъ сказать долженъ намозолить глаза публикѣ. Его должны встрѣчать вездѣ и всюду, его имя должно появляться по томъ или другому поводу на страницахъ газетъ, онъ долженъ, подобно бокоткамъ, дойти до того, чтобы, встрѣчая его, всѣ говорили: «это—Орловъ!» Тогда можно хоть ничего не дѣлать, а дѣла будутъ. Путь предстоялъ не легкій и Орловъ прежде всего посвѣнилъ пристроиться постояннымъ сотрудникомъ въ одну изъ большихъ газетъ, чтобы заработать этимъ путемъ ну-

сокъ насущнаго хлѣба. Съ первыхъ же дней газетной работы онъ увидалъ, что и на этомъ поприщѣ далеко не такъ легко развернуть вполнѣ свои силы. Какимъ-то тяжелымъ гнетомъ въ то смутное время лежало здѣсь надо всѣми одно сознаніе: «объ этомъ нельзя говорить». Это «нельзя говорить» тѣснило всѣхъ, заставляло изыскивать способы какихъ-то иносказаній, какого-то писанья съ намеками между строкъ, и иногда доводило до толченія воды въ ступѣ, до наполненія страницъ какими-то никому ненужными разсужденіями о томъ, что бѣлое бѣло, а черное черно, до безсодержательнаго фразерства. Орловъ сразу понялъ, что этотъ трудъ въ колодцахъ и подъ надзоромъ можетъ въ концѣ концовъ только обезличить человѣка и сдѣлать изъ него, какъ онъ выражался, «водовоза». Но выбора не оставалось и волей-неволей нужно было работать именно въ этихъ условіяхъ. Рядомъ съ литературною работой Орловъ принялся за магистерскую диссертацию. Въ судѣ онъ появлялся рѣдко и нѣкоторые изъ его товарищей удивлялись, что онъ повидимому совсѣмъ не заботится о расширеніи своей практики. Но Орловъ сознавалъ, что онъ идетъ къ своей цѣли, и шелъ къ ней твердо намѣченнымъ путемъ. Его имя снова появилось въ литературѣ, онъ самъ появился сначала въ кругу богатыхъ людей, старыхъ знакомыхъ князя Русова, потомъ въ отчетахъ двухъ-трехъ аристократическихкихъ благотворительныхъ обществъ проскользнули упоминанія о «предложеніяхъ и проектахъ», «объ энергической дѣятельности» члена этихъ обществъ Орлова, и Богъ знаетъ, кто первый началъ говорить въ разныхъ гостинныхъ о томъ, что у насъ не умѣютъ дорожить талантливыми людьми, даровитыми дѣятелями, причемъ приводили въ примѣръ оставшагося безъ мѣста товарища прокурора Орлова и замѣчали, что это возмутительно, что человѣка гнали ни за что, что вся его вина состояла въ неимѣннѣй протекцій. Еще два-три года такой жизни и Орловъ долженъ былъ добиться того, что когда онъ войдетъ въ партеръ театра, то тамъ и тутъ послышится шепотъ: «вонъ Орловъ!» Онъ сознавалъ это, онъ стремился къ этому, но на него нападали минуты мрачнаго настроенія и онъ спрашивалъ иногда себя: «въ чемъ кроется причина стремленія именно къ этому? Неужели его толкаютъ къ этому одно непоимѣрное честолюбіе, одно самолюбивое желаніе сдѣлаться извѣстнымъ, одно стремленіе нажиться при помощи этой извѣстности?» — Нѣтъ. Съ одной стороны, оставшись не у дѣла и отдавшись литературной работѣ, онъ чувство-

валъ, что его, полнаго энергии и силы, не можетъ удовлетворить эта работа, въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какихъ она по волеѣ должна была заключаться. Эта работа могла его кое-какъ кормить, но и только; при ней оставалась въ душѣ какая-то пустота, неудовлетворенность, потребность развернуться гдѣ-нибудь въ другой сферѣ. Вотъ почему онъ бросался и въ благотворительные комитеты, и въ ученые собранія, и въ какія-то общества изслѣдователей шекспировскихъ драмъ, хотя и это все нерѣдко пробуждало въ немъ сознание, что и тутъ переливаются изъ пустого въ порожнее, что и тутъ шумять, шумять, и только. Съ другой стороны, онъ горькимъ опытомъ убѣдился, что ему, бѣдняку, плебею, добиться чего-нибудь можно только при помощи раздуванья своей собственной репутации, при помощи тѣхъ шпуръ, которыя нужны были «для шума» ребенку Жирандену, при помощи стоянія на запяткахъ собственной кареты, на что былъ способенъ Дюма, чтобы говорили, что онъ держитъ негра, при помощи тѣхъ телеграммъ о самомъ себѣ, какія, какъ хорошо зналъ Орловъ, посылаютъ сотни и сотни ему подобныхъ людей въ газеты, чтобы добиться извѣстности. Все это поднимало въ немъ желчь и съ каждымъ днемъ онъ все чаще и чаще раздражался рѣзкими выходками то въ томъ, то въ другомъ кружкѣ.

Какъ-то при немъ зашелъ разговоръ объ одномъ изъ героев-ташкентцевъ, послывшемъ въ газеты реляціи и описанія своихъ собственныхъ подвиговъ.

— Это просто кокотка!—замѣтилъ кто-то.

— Да еслибъ онъ не былъ кокоткой, онъ такъ и пропалъ бы въ неизвестности, а теперь это—идолъ и потому сила,—желчно замѣтилъ Орловъ.—Въ обществѣ, гдѣ дѣйствительныя заслуги, умъ, таланты, энергія ставятся ни во что, каждому общественному дѣятелю приходится быть подобной кокоткой или погибнуть.

Онъ усмѣхнулся.

— Мнѣ вотъ вспоминается одинъ анекдотъ, рассказанный Гейне,—продолжалъ онъ.—Листъ какъ-то давалъ концерты съ знаменитымъ пѣвцомъ Рубини и вездѣ при громѣ рукоплесканій имъ подносили букеты и вѣнки, вѣнки и букеты. Когда концерты кончились и были поданы счета приходовъ и расходовъ, Рубини съ ужасомъ увидалъ, что громадные деньги истрачены на аплодисменты, цвѣты и лавры. «А вы думали, что кто-нибудь станетъ намъ отъ себя хлопать и подносить вѣнки, если мы этого

не купимъ?» — сказалъ Листъ. Это превосходная иллюстрація къ описанію положенія современныхъ знаменитостей вообще, а у насъ въ особенности. Быть гениемъ — это еще не значитъ обезпечить себѣ кусокъ хлѣба и возможность дѣятельности, — нѣтъ, прежде всего нужно позаботиться о приобретеніи капиталовъ, о покупкѣ для себя лавровъ, о патентѣ на право считаться гениемъ, и только тогда можно спокойно принимать свои обязанности къ дѣлу.

— То-есть прежде всего нужно быть не гениемъ, а шарлатаномъ, — замѣтилъ ему кто-то.

— Да, шарлатаномъ, потому что чаще всего приходится имѣть дѣло съ дураками или подлецами, — отвѣтилъ онъ. — Скажите откровенно, гдѣ вы найдете такой «порядочный» кругъ людей, такое «образованное» общество, куда не пустили бы на порогъ какого-нибудь жемчужнодорожного туза изъ первѣйшихъ мошенниковъ, какого-нибудь милліонера-банкира изъ первѣйшихъ ростовщиковъ и куда приняли бы съ почетомъ чистѣйшаго труженника въ лохмотьяхъ, безъ титуловъ, безъ связей? Тамъ нѣтъ кружковъ, такихъ обществъ нѣтъ. Все эти фарисействующие начальники о бѣдникахъ и матушки-благодѣтельницаы льнутъ только къ капиталу, къ титуламъ, къ знаменитостямъ, а когда въ нимъ самъ Христосъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ жилъ на землѣ, даже выгонять его съ крыльца этихъ друзей меньшей братіи. Нужно пройти въкамы, чтобы мы признали бѣдняка за генія, за святого, за реформатора, а покуда онъ живъ, повторяется то же, что случилось съ Гейне: въ коммунистѣ Вейтлингѣ онъ прежде всего безразлично увидалъ, что это — портной, хранящій на себѣ слѣды чернорабочаго пота и грязи, а передъ другимъ портнымъ, передъ Іоанномъ Лейденскимъ, онъ былъ готовъ склонить колѣни, потому что этотъ портной умеръ въснотельно въкамы тому назадъ.

Незамѣтно для себя самого онъ все чаще и чаще прорывался желчными выходками противъ фарисейства въ обществѣ, толкующемъ очень чувствительно о меньшей братіи, а въ сущности презирающемъ, угнетающемъ и оскорбляющемъ эту меньшую братію на каждомъ шагу. Ему иногда становилось душно и гадко среди людей, начинавшихъ заискивать въ немъ, не потому, что они видѣли въ немъ какія-нибудь достоинства, а потому, что онъ тоже умѣетъ быть ловкимъ шарлатаномъ. Это желчное настроеніе усиливалось тѣмъ болѣе, что и сама дѣятельность да-

его не удовлетворяла его. Въ воздухѣ въ то время носились не вѣянія реформъ и прогресса, а опасенія, одерживанія, стѣсненія, вызванныя цѣлымъ рядомъ грустныхъ событій, недоразумѣній и смуть. Чѣмъ ближе присматривался онъ къ общественной жизни, чѣмъ тѣснѣе сближался съ литературными кружками, тѣмъ яснѣе онъ видѣлъ, что повуда въ сущности нельзя ни о чемъ свободно говорить, ни на что серьезно надѣяться, что живутъ болѣе или менѣе счастливо и спокойно только люди заботящіеся объ одной наживѣ и карьерѣ, объ одной своей утробѣ и своемъ гнѣздѣ. Онъ испытывалъ какое-то злорадное наслажденіе, когда ему приходилось тутъ или тамъ доказать людямъ, что они толкутъ воду въ ступѣ, мечутся и работаютъ, не принося никому пользы, совершаютъ трудъ бѣлки въ колесѣ. Эти выкладки иногда бѣсили людей, но онъ не воздерживался отъ нихъ и радовался, видя, что на него злятся. Какъ-то при немъ зашли толки о театрахъ и кто-то сталъ жаловаться на постепенное паденіе русской и французской труппъ.

— Да сколько вы ни толкуйте, а лучше не будетъ, — зашнытъ онъ.

— Но объ этомъ уже начинаютъ въ газетахъ писать, — отвѣтили ему. — Это общее мнѣніе.

— И пусть на здоровье пишутъ, а лучше все-таки не будетъ, — сказалъ онъ. — Вотъ подождите, еще худшихъ артистовъ пригласятъ. Каждый, кто можетъ, свою любовницу на театръ пристроитъ, свою горничную въ труппу помѣститъ, тысячи назначатъ имъ въ жалованье, а вы будете смотрѣть и ничего не подѣлаете.

— Ну, всему есть предѣлъ!

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что нѣтъ предѣла. И совершенно напрасно это люди пѣтушатся у себя въ четырехъ стѣнахъ или въ газетахъ сыплютъ громы и молніи, — никто на нихъ и вниманія не обращаетъ. Захотятъ, чтобы собачью комедію смотрѣли — и будете только собачью комедію смотрѣть, потому что другого ничего вамъ смотрѣть не позволяютъ. Это, впрочемъ, и прекрасно. Если общество ничего лучшаго не стоитъ, такъ не зачѣмъ и заботиться ему давать что-нибудь лучшее.

— То-есть какъ же это — общество не стоитъ ничего лучшаго?

— Да такъ же: если не даютъ, — значить, считаютъ, что оно не стоитъ.

— Но это все зависитъ отъ неслучайнаго выбора завѣдующаго.

— А вы думаете, что болѣе удачный выборъ будетъ сдѣланъ ради толковъ въ обществѣ и въ литературѣ?

— Да... но такъ же нельзя...

— А выходить, что можно.

Онъ начиналъ ловить людей на этихъ мелочахъ, допекать ихъ распросами, лучше ли пошло то или другое дѣло вслѣдствіе несочувствія къ нему общества, произвело ли какую-нибудь перемѣну въ дѣлѣ настроеніе общественнаго мнѣнія. Особенное нерасположеніе начали вызывать тогда преподаваніе древнихъ языковъ и вызовъ для этого учителей-чеховъ. Орловъ иногда выводилъ изъ терпѣнія матерей и отцовъ, жаловавшихся на это въ тревогѣ за участь своихъ дѣтей.

— Что-жь, нужно принудительныя мѣры употреблять, чтобы заставить дѣтей учиться, — съ серьезнымъ видомъ говорилъ онъ.

— Да, но вы поймите, что мы сами сознаемъ бесплодность древнихъ языковъ и, кромѣ того, при такихъ учителяхъ трудно учиться.

— Ну, да вѣдь этихъ языковъ для вашихъ дѣтей не отиѣнять, учителей лучшихъ не заведутъ, дипломы же вашимъ дѣтямъ нужны, — значить, и надо пристращать дѣтей и заставить ихъ хорошо учиться во что бы то стало. А то вѣдь или выйдутъ изъ нихъ недоучившіеся агитаторы, или съ горя пулю они пустятъ въ лобъ себѣ, сорвавшись на экзаменахъ.

— Хладнокровно вы объ этомъ разсуждаете, потому что у васъ дѣтей нѣтъ.

— Ну, а вы что думаете сдѣлать? — насмѣшливо спрашивалъ Орловъ.

Въ такомъ настроеніи застало его событіе, отвлекшее его на время отъ общественныхъ интересовъ. Это событіе нужно было давно предвидѣть, но именно о немъ-то почти и не думалъ Орловъ. Старикъ Лампадовъ быстрыми шагами приближался къ могилѣ, по-прежнему упорно отказываясь отъ призыва докторовъ и священника. Орловъ нерѣдко посѣщалъ старика, но какъ-то не всматриваясь въ него, не обращалъ вниманія на измѣненія въ больномъ, все еще старавшемся бодриться. За то Анна Андреевна была на-сторожѣ, подмѣчала малѣйшія перемѣны въ больномъ, отмѣчала каждую новую морщинку на его лицѣ и устроила съ Магдалиной заговоръ противъ брата.

— Пусть братецъ говоритъ, что хочетъ, а нельзя же, Магдалинушка, такъ оставить челоуѣка умереть безъ покаянія и

бросить его имущество казнь, — говорила она, шушукаясь тайкомъ съ вѣрною домоправительницей Ламнадова.

— Что говорить, что говорить! — соглашалась добродушная и простоватая Магдалина. — Я и Дмитрію Андреевичу это говорила, такъ и слушать не захотѣлъ.

— Ну, да, братецъ тамъ какъ-то странно на это смотреть, я и не пойму, какъ... Но мы и безъ него обойдемся, если иначе нельзя.

Анна Андреевна вздыхала: ей было тяжело сознавать, что братъ ея сильно измѣнился, что онъ не такъ смотритъ на вещи, какъ она, что онъ не долюбливаетъ ея монахинь и странницъ, что онъ скорѣе за-одно съ отцомъ, чѣмъ съ ней. Еще ни разу не высказался Дмитрій Андреевичъ въ этомъ духѣ, но она это угадывала чутьемъ, по отрывочнымъ фразамъ, по досадливымъ восклицаніямъ брата:

— И что это къ намъ нынче эти плакальщицы шлятся!

Анна Андреевна молчаливо выносила эти замѣчанія, извѣдавъ по опыту, что объясненія по поводу разныхъ монахинь могутъ привести къ плачевнымъ результатамъ. Она какъ-то разъ попробовала вступиться за нихъ.

— Братецъ, надо же намъ и о душѣ подумать! — сказала она.

— А онѣ оттого-то, вѣрно, и думаютъ о чужихъ барманахъ, что о своихъ душахъ имъ ужъ нечего думать, — отвѣчалъ братъ и довольно рѣзко добавилъ: — Спасая душу, ты бы лучше подумала о тѣхъ, кто гнетъ спину, добывая деньги: отцу пора бы и отдохнуть.

— Ахъ, братецъ, — воскликнула она, — вы не знаете...

Онъ перебилъ ее тономъ, не терпящимъ возраженія:

— Я знаю только то, что отецъ несетъ въ домъ деньги не для того, чтобы ты ихъ тратила на эту саранчу. И въ одинъ прекрасный день ты дождешься того, что онъ броситъ домъ и уйдетъ.

— Отъ него и этого можно ждать! — съ горечью сказала она.

— Да и отлично сдѣлаетъ, потому что потагать твоимъ желаніямъ — кормить эту орду — ему не приходится. Еслибы ты, Аня, побольше о душѣ думала, такъ ты бы больше заботилась о старикѣ, чаще бы вспоминала предсмертныя слова матери о томъ, что мы должны беречь отца.

Анна Андреевна заплакала.

— Не я забыла маму, не я! — воскликнула она. — Вы не знаете, братец...

— Я знаю все и лучше всего знаю то, что старикъ никогда не слыхалъ отъ тебя ласковаго слова и все-таки кормить тебя, — твердо сказалъ Дмитрій Андреевичъ, не желая слышать отъ сестры никакихъ сплетенъ объ отцѣ.

Анна Андреевна какъ будто испугалась этого тона и молящимъ голосомъ проговорила:

— Еслибы вы, братецъ, выслушали, что я разскажу про него...

— И вѣрно что-нибудь дурное, саверное?

— Да... вотъ послушайте...

— Стыдись, Аня! Не дочери разсказывать про отца и не сыну это слушать, — перебилъ ее Дмитрій Андреевичъ. — Въ какихъ это священныхъ книгахъ ты вычитала, что ты, дочь, смѣешь судить отца? Да если ты созни лѣтъ будешь молиться, такъ Богъ тебѣ не проститъ именно того, что ты была дурною, очень дурною дочерью.

Анна Андреевна, вся взволнованная, со слезами на глазахъ, не ожидала такого оборота рѣчи и слушала брата съ широко открытыми глазами.

— И знай, Аня, что первое дурное слово объ отцѣ, которое ты мнѣ скажешь, заставитъ меня забыть все, все прошлое, — продолжалъ братъ. — Я многимъ обязанъ тебѣ; но если мнѣ придется выбирать между тобой и отцомъ, я, конечно, стану на его сторону, хоть бы тебѣ пришлось погибнуть. Слышишь? Я живу здѣсь, я не переѣзжаю отсюда только потому, что я вижу твои отношенія къ отцу и хочу коть немного оградить старика отъ вѣчныхъ шипѣній и нападковъ. Ты думаешь, я слѣпъ? Ты думаешь, я не увидалъ съ перваго раза, что ты заѣдаешь его жизнь? Святоша, отъ которой родной отецъ готовъ петлю надѣть на шею! Не за это ли Богъ наградитъ тебя?

Анна Андреевна, задѣтая за самыя чувствительныя мѣста, разразилась рыданиями. Не обращая на нее вниманія, братъ вышелъ изъ комнаты. Она долго не могла придти въ себя и коть немного успокоиться.

— Я же о нихъ, только о нихъ забочусь и убиваюсь и они же воѣ на меня возстаютъ! — думала она. — Что-жь, пусть, пусть! И святыя мученицы терпѣли. И ихъ гнали и мучили люди за

то, что онъ имъ же добра желали. Я, конечно, знаю, что и отцу, и братцу не легко добывать деньги, — сама добывала, всю молодость, всю жизнь на это убила. Но развѣ можно жалѣть на церковь, на то, чтобы за насъ молились? Да я послѣднее съ себя оборву, во всемъ себѣ откажу, чтобы свою душу и ихъ души спасти! Они-то этого не понимаютъ, о земномъ только думаютъ, оттого имъ и жаль денегъ на святое дѣло. Конечно, еслибы дядя Лампадовъ оставилъ намъ все, намъ бы легче было. И за его душу, и за свою было бы изъ чего приношенія дѣлать. Вотъ братецъ тоже и объ этомъ думать запрещаетъ. А куда деньги старика пойдутъ? Развѣ казна станетъ молиться за него? Тысячи возьмутъ, а одной панихиды не отслужатъ, безбожники! Тоже и причаститься старику не хочетъ, такъ въ грѣхахъ и умереть, если не настоять. Конечно, изъ ума выживаетъ, обдумать не можетъ, что его ждетъ. Такъ развѣ на это можно близкому-то человѣку равнодушно смотрѣть? У меня нутро все переворачивается, какъ я вспомню о старику.

Эти думы все сильнѣе и сильнѣе развивались въ ея головѣ. Она раздумывала: Сколько скоплено у Лампадова? Можетъ-быть и выигранные билеты есть? Тоже, имѣя билетъ, выиграть можно. Двѣсти тысячъ можно выиграть на одинъ билетъ! Господи, сколько бы можно вкладовъ сдѣлать въ храмы Божіи изъ двухсотъ тысячъ! Вѣчно, вѣчно поминали бы, и ко святымъ мѣстамъ можно бы съѣздить, въ Кіевъ, въ Соловки... Въ Іерусалимъ при такихъ деньгахъ-то можно бы съѣздить! А у дяди есть... Не даромъ же всѣ его крестники и крестницы и она сама никогда не получали отъ него отказа. То двадцать пять рублей сунетъ, то и пятьдесятъ. Не имѣя отложенныхъ денегъ, не станешь давать, — не изъ чего. Но гдѣ у него деньги? Еслибы причастить его, можно бы уговорить священника, чтобы онъ посовѣтовалъ старику сдѣлать духовную или такъ передать деньги изъ рукъ въ руки имъ, Орловымъ. Безъ духовной все можетъ пропасть: придетъ полиція, опечатаетъ. А получишь наследство, стало бы и имъ легче: братъ могъ бы и не давать денегъ на семью; отецъ... ну, пусть бы тогда несъ на сторону деньги, — она, Анна Андреевна, обошлась бы тогда и безъ его денегъ и замолила бы его грѣхи.

Старику Лампадову между тѣмъ становилось все хуже и Анна Андреевна, несмотря на его волненіе и раздражительные отвѣты, часто приставала къ нему съ предложеніями позвать священни-

ка. Старикъ не сдавался, сердился и запретилъ ей говорить ему объ этомъ. Но она не выдержала. Въ одно прекрасное утро она рано вышла изъ дому къ ранней обѣднѣ; послѣ обѣдни она по-видѣлась съ своимъ духовникомъ, отцомъ Павломъ, и потомъ прошла къ Лампадову. Старикъ былъ очень плохъ и сдѣлалъ недовольную гримасу при видѣ Анны Андреевны.

— Ну, какъ вы себя чувствуете?—заиспывающимъ тономъ спросила она, цѣлуя его руку.

— А ты докторомъ сдѣлалась, Аннушка?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, но...

— Ну, а не докторъ, такъ и толку мало выйдетъ изъ того, что я скажу тебѣ, какъ я себя чувствую,—отрывисто проговорилъ онъ и закрылъ глаза.

Она помолчала, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Она все утро на колѣняхъ молилась о томъ, чтобы Богъ вразумилъ ее насчетъ этого дѣла; она совѣтовалась объ этомъ и съ отцомъ Павломъ, но тѣмъ не менѣе ее охватывало смущеніе при видѣ суроваго старика.

— Вамъ бы могло гораздо лучше сдѣлаться, гораздо лучше,—начала она несмѣло.

— А ты думаешь, что я очень желаю, чтобы мнѣ лучше стало?—тѣмъ же насмѣшливымъ, слегка раздражительнымъ, тономъ спросилъ старикъ, на мгновеніе открывъ глаза.

— То-есть вы бы спокойнѣе стали, дядя, гораздо спокойнѣе, еслибы пригласить батюшку,—сказала Анна Андреевна.

— Ты что же это меня, Аннушка, опять сердить пришла?—сурово сказалъ старикъ, уже волнуясь и тяжело дыша. — Я, Аннушка, не дитя и знаю лучше тебя, что мнѣ нужно и отчего мнѣ лучше и спокойнѣе. Можетъ-быть мнѣ именно только то и нужно, чтобы ты не беспокоила меня.

— Дядя, голубчикъ, не сердитесь!... Я для васъ же...

Она со слезами на глазахъ нагнулась поцѣловать его руку. Онъ слегка сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Оставь! Мнѣ поцѣлуи не нужны!... Точно ребенка... раздражать, а потомъ приголубливаютъ,—проговорилъ онъ.

— Да отчего же вы не хотите, дядя?

— Что я тебѣ стану объяснять? Не поймешь меня, все равно. Ну, не хочу, потому что для меня это дѣло не шутка, не игра. Вы вонъ накуралесите и къ попу бѣжите каяться,—думае-

те, что грѣхи-то, какъ съ гуся вода, съ васъ сойдутъ... Вѣришь въ это, такъ нужно къ этому съ благоговѣніемъ приступать, приготовиться... А такъ-то, какъ вы, это кощунство одно.

— Дядя, да вѣдь нельзя же безъ покаянія.

— Передъ кѣмъ каяться?... Я можетъ-быть каждый день въ каждомъ грѣхѣ каюсь передъ Богомъ... А звать священника, игравшаго со мной въ картишки да ссорившагося изъ-за нихъ... Нѣтъ, Аннушка, ты не поймешь все равно этого... Никогда не поймешь...

Онъ нетерпѣливо махнулъ рукой, оборвавъ рѣчь. Ему было трудно говорить.

Но она рѣшилась идти къ своей цѣли.

— Вѣдь это не я одна говорю, дядя!—продолжала она.— Конечно, меня вы считаете глупой и неученой, но вѣдь это же говорятъ и почтенные люди, которыхъ нельзя не уважать...

— Аннушка!— чуть не съ угрозой произнесъ больной, постукая по ручкѣ кресла.

— Вотъ мнѣ отецъ Павелъ попался сегодня...

— А, такъ ты и къ священнику уже забѣгала?!—воскликнулъ старикъ обрывающимся голосомъ.

— Онъ, дядя, мнѣ попался...

— Не лги, не лги!—крикнулъ Лампадовъ. — Какъ тебѣ не стыдно... лгать умирающему!... Въ Бога-то вы не вѣрите, въ обряды одни вѣрите...

Онъ былъ внѣ себя отъ волненія. У него перехватывало дыханіе.

— Дядя, голубчикъ, не сердитесь! Я для васъ же, для вашей души!—со слезами воскликнула Анна Андреевна.

— Ступай, ступай!—махнувъ ей рукою, сказалъ старикъ.

Но она не уходила: ей нужно было кончить начатое дѣло, такъ какъ послѣ поздней обѣдни долженъ былъ придти къ Лампадову отецъ Павелъ.

— Вѣдь отъ этого вамъ не будетъ хуже, милый, дорогой!—заговорила она молящимъ тономъ.—Отецъ Павелъ умный человекъ,—ну, придетъ онъ...

Старикъ поднялъ голову.

— А, такъ ты ужъ и распорядилась? Да какъ ты смѣла, какъ смѣла?...

— Все же и распоряженіе сдѣлаете,—неволью сорвалось съ его языка.

Старикъ съ расширенными зрачками вдругъ поднялся съ мѣста.

— Хищники и фарисеи! — хрипло крикнулъ онъ. — Вонъ, вонъ отъ меня!... Слы-шишь?... Слы-шишь?...

Онъ зашатался и грузно, задыхаясь, схватившись рукой за воротъ рубашки, упалъ снова въ кресло. Анна Андреевна бросилась къ нему. Онъ съ трудомъ дышалъ, одна рука судорожно сжимала ручку кресель, другая трепетала около шеи, точно бессознательно ища воротъ рубашки, пуговицу у этого ворота, душившего шею. Анну Андреевну охватилъ ужасъ. Она въ тревогѣ, какимъ-то глухимъ крикомъ, позвала Магдалину. Служанка вбѣжала изъ кухни. Старикъ вдругъ запрокинулъ назадъ голову и едва внятно прошепталъ:

— Господи, прости мои согрѣшенія...

Потомъ изъ его груди вылетѣлъ широкій полный вздохъ, рука скатилась отъ шеи на колѣни и голова снова упала на грудь. Растерявшіяся женщины засуетились, схватили графинъ съ водою и стаканъ, стали ощупывать и тормошить старика: онъ былъ уже мертвъ.

— Умеръ, умеръ! — пронеслись воплемъ ихъ восклицанія... Надо дворника позвать... Въ полицію дать знать... Господи, все опишутъ, все разграбятъ...

Стукъ сброшенныхъ на полъ въ кухнѣ дровъ заставилъ ихъ очнуться. Онѣ выбѣжали въ кухню; тамъ дворникъ укладывалъ дрова въ деревянный ящикъ.

— Случилось что-нибудь? — спросилъ онъ, увидавъ женщинъ въ такой тревогѣ, въ слезахъ.

— Умеръ, умеръ Феопемптъ Григорьевичъ! — воскликнула Магдалина.

— Надо полиціи дать знать, — сказалъ дворникъ.

— Господи, сейчасъ придутъ... опишутъ! — воскликнула Анна Андреевна.

Дворникъ вышелъ. Черезъ минуту въ кухню уже вбѣжала какая-то баба-сосѣдка, услышавшая новость. Начались распросы.

— Опишутъ, опишутъ все! Разграбятъ грабители! — кричала почти бессознательно Анна Андреевна, хватаясь за голову и мечась по кухнѣ.

— Да вѣдь вы одни наслѣдники, — замѣтила женщина.

— Одни, одни; нигѣмъ никого нѣтъ больше, — сказала Магдалина.

— И хоронить намъ придется, а все въ казну, въ казну заберутъ,—плакала Анна Андреевна.

— Да ты посмотри, мать, что спасти можно! Не отдавать же такъ зря всего,—посоветовала баба.

— Онъ изъ бюро деньги доставалъ, тамъ бумажникъ, да портфель, да ящичекъ у него,—сказала Магдалина.

— Осмотрѣть нужно!—посоветовала сосѣдка.

Женщины бросились въ комнату покойника и столпились у бюро. У нихъ дрожали руки и ноги и ключи не сразу попадали въ замки. Начались обыскъ и осмотръ всего, торопливое доставанье бумажниковъ, портфелей,—всего, въ чемъ можно было предполагать деньги.

— Бери, бери, мать, покуда не пришли! Что казна-то ему—сестра родная, что ли, что ей отдавать!—говорила сосѣдка.

— Хоронить-то они же будутъ, а не казна,—замѣтила Магдалина.

— Охъ, тошно мнѣ! Охъ, тошно!—рыдала Анна Андреевна, забирая вещи.

А покойникъ все еще покоился въ креслѣ съ опущенною внизъ головой и, казалось, улыбаясь холодною улыбкой, смотрѣлъ полуоткрытыми глазами на этотъ гребешъ.

— Бѣги, бѣги, пока не пришли грабители - то! — говорила Аннѣ Андреевнѣ сосѣдка.

— А какже обмытъ-то, положить на столъ,—сказала Анна Андреевна, взглянувъ невольно на покойника и почувствовавъ вдругъ, что у нея пробѣгаетъ по спинѣ холодъ.

Полуоткрытые тусклые глаза, казалось, смотрѣли прямо на нее.

— Сдѣлаемъ все, безъ тебя сдѣлаемъ... Уноси только!—сказала сосѣдка, уже распорядившаяся и говорившая, какъ власть имѣющій человекъ.

Когда Анна Андреевна, пряча подъ верхней одеждой забранное имущество, ушла домой, сосѣдка проговорила:

— Слава тебѣ, Господи, хоть деньги-то спасли. Пусть рухлядь-то описываютъ. Тоже бѣдные люди, что осталось—пригодится...

Она и Магдалина принялись за покойника. Онъ уже остылъ.

Прошло нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ явился приставъ для описи. Онъ прежде всего спросилъ, кто былъ во время смерти старика, все ли въ цѣлости. Магдалина, сосѣдка и возвратив-

шаяся въ квартиру Лампадова Анна Андреевна объявили, что въ минуту смерти были въ квартирѣ только онѣ и что все находится въ цѣлости. Ихъ заставили расписаться. Сосѣдка-баба вдругъ заговорила жалобнымъ и плачущимъ тономъ, объявляя, что она, «вотъ тѣ Христось, неграмотная, пера въ рукахъ никогда отродясь не держала»; за нее расписался дворникъ и все время, покуда онъ расписывался, она крестилась и охала. Магдалина, когда пришла ея очередь, тоже не безъ страха взялась за перо и нацарапала дрожащею рукой очень неразборчиво свое имя и свою фамилію. Послѣ нея взяла въ руки перо Анна Андреевна и дрогнула. Ей стало вдругъ такъ жутко, такъ тяжело расписываться въ томъ, что было очевидно ложью. Она какъ-то растерянно поглядѣла въ уголокъ, гдѣ лежалъ покойникъ, на мгновенье отложила перо, перекрестилась дрожащею рукой и, снова взявъ перо, начала выводить какія - то каракули на бумагѣ. Ее била лихорадка. Внезапно у нея исчезло сознание, что она была въ правѣ такъ поступить, что безъ этого все взяла бы казна, что нужно же было хоть для того взять, чтобы схоронить старика; въ головѣ стучало, какъ молотъ, одно слово: «огрabila, ограabila!» И ей казалось, что всѣ уже это знаютъ, что приставъ глядитъ ей въ глаза какъ-то подозрительно и недобѣрчиво, что дворникъ не даромъ какъ-то многозначительно почесываетъ въ затылкѣ и вздыхаетъ. Всѣ страхи передъ полиціей, передъ судомъ, привитые къ ней еще съ дѣтства, вдругъ воскресли въ ея душѣ и кто - то точно нашептывалъ ей знакомыя бѣднякамъ слова: «затаскають, засудятъ, какъ липку оберутъ, съ полиціей только свяжись; отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся!» А покойникъ глядитъ на нее съ холодной улыбкой презрѣнія, точно хочетъ упрекнуть ее за то, что она глазъ ему не закрыла родственною рукой, принявшись за грабежъ, что она ради этого грабежа въ могилу его свела, на нѣсколько часовъ или дней сократила его жизнь... Она вернулась домой точно пришибленная, точно разбитая, съ помутившимися глазами...

Когда вечеромъ Дмитрій Андреевичъ вернулся домой и засталъ Анну Андреевну съ отцомъ еще не спящими, онъ чуть не вскрикнулъ. Сестра была неузнаваема. Она постарѣла на нѣсколько лѣтъ.

— Что съ тобой, Аня?—спросилъ онъ.

Андрей Ивановичъ махнулъ рукой.

— Дядя Лампадовъ приказалъ долго жить!—сказалъ онъ.

— Что ты? Ахъ, бѣдняга, бѣдняга!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ взволнованнымъ голосомъ.—Когда?... Разскажите, какъ...

Онъ присѣлъ къ столу. Андрей Ивановичъ коротко сообщилъ, что зналъ о смерти старика. Анна Андреевна тихо всхлипывала.

— Полно, Аня!—сказалъ ласково Дмитрій Андреевичъ.—Этого надо было ждать... Наконецъ, надо же было нашему доброму старику и успокоиться... Зачѣмъ себя разстраивать этою смертью: онъ самъ только ея и желалъ,—тоже не легко ему было жить въ послѣднее время одинокому, больному.

Анна Андреевна продолжала безмолвно плакать, не смѣя проронить ни слова. Она сознавала теперь вполнѣ, какия чувства взволнуютъ брата, когда онъ узнаетъ все и о ея грабѣжѣ, и о ложной подпискѣ...

— Митя,—сказалъ серьезно Андрей Ивановичъ,—Аннушка не о томъ плачетъ... Ты не сердись и выслушай... Она женщина и человѣкъ простой,—ни законовъ тамъ разныхъ не знаетъ, ничего...

— Отецъ, что случилось-то?—спросилъ нетерпѣливо Дмитрій Андреевичъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Да ты не волнуйся и не горячись,—сказалъ ласково Андрей Ивановичъ.—Какъ вотъ умеръ старикъ, прибѣжала тутъ какая-то сосѣдка,—извѣстно, всегда эти вороны во время слетятся,—стала она съ Магдалиной ахать да охать, убиваться, что, какъ молъ это духовной старикъ не оставилъ... Ихъ тоже это дѣло!... Ну, и сунули Аннушкѣ, Аннушкѣ-то нашей, какіе-то бумажники и портфели, гдѣ у старика деньги были... Ну, Аннушка растерялась... Да какъ, Митя, и не растеряться... И мы бы съ тобой растерялись,—вѣдь старикъ-то такъ вдругъ умеръ у нея на глазахъ...

Дмитрій Андреевичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Андрей Ивановичъ положилъ свою руку на его руку, какъ бы желая успокоить и остановить его на первомъ словѣ.

— Аннушка-то, говорю я, растерялась и принесла все это домой,—продолжалъ старикъ.—Меня не было, къ несчастью, дома не было, а то я разъяснилъ бы... Ну, а тутъ за ней прислали, такъ какъ приставъ пришелъ туда... Или нѣтъ, сама она пошла туда и застала тамъ пристава... Ну, онъ и опросилъ, все ли въ цѣлости, не бралъ ли кто чего, кто былъ при смерти, и заставилъ расписаться всѣхъ, что все въ цѣлости находится... Аннушка не знала, что ее могутъ заставить дать эту росписку...

Оно пустяки, но знаешь, женщины-то — трусихи, боится, что взяла, а расписалась, что не брала...

Дмитрій Андреевичъ не могъ ни слова выговорить. Въ его ухахъ звучалъ такой мягкій голосъ старика, его руку сжимала старческая рука отца, какъ будто прося молчать, не горячиться, не выговаривать несчастной дѣвушкѣ. Анна Андреевна сидѣла не шевелясь и тихо плача, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ братъ крикнетъ на нее. Дмитрій Андреевичъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Надо перебрать эти бумаги, — сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Награбленное сосчитать! — рѣзко произнесъ Дмитрій Андреевичъ.

Анна Андреевна сильнѣе залилась слезами.

— Лежачаго, Митя, не бьютъ, не бьютъ, голубчикъ... Не хорошо это, — сказалъ старикъ, покачавъ головою. — Считать много не придется, — у старика-то если есть пятидесяти-рублевка, такъ и то слава Богу... Я-то вѣдь видѣлъ, какъ онъ вещи продавалъ, чтобы людямъ помочь... Говаривалъ онъ мнѣ тоже часто, что у него ничего нѣтъ... Бабье разное, родственники разные не вѣрили этому, а я-то зналъ старика, зналъ... Не лгалъ онъ никогда... Я и вѣрилъ ему, и всѣхъ убѣждалъ, что у него точно ничего нѣтъ... Ну, да люди самому Христу не повѣрятъ, когда дѣло идетъ о деньгахъ...

Онъ взялъ сына подъ руку и вывелъ въ другую комнату, гдѣ лежали вещи, принесенныя отъ Лампадова, черный потертый портфель, красный облупившійся бумажникъ съ выцвѣтшей вышивкой, какая-то шкатулка безъ ключа, пара завернутыхъ въ бумагу тетрадей и т. п. Взглянувъ на эти вещи, занимавшія очень немного мѣста, Дмитрій Андреевичъ вдругъ что-то сообразилъ и спросилъ отца:

— Но вѣдь приставъ, вѣрно, не дѣлалъ еще описи?

— Не дѣлалъ... Что же при покойникѣ-то опись дѣлать...

— Такъ отнести, отнести все это назадъ!... Никто и не замѣтитъ. Не надо намъ этого...

Старикъ усмѣхнулся.

— Митя, Митя, — проговорилъ онъ, — это и сечь можно, — потери намъ не будутъ и казнь убытка не будетъ... Хламъ это... Толковъ не выжжешь, изъ совѣсти сознанія не выжжешь у чело-вѣка, что онъ о покойникѣ забылъ, а о грабехъ думалъ... Вотъ, Митя, чего не поправишь...

Старикъ взялъ сына за руку и посадилъ рядомъ съ собою на диванъ.

— Не узналъ я Аннушку, когда я сегодня домой пришелъ, — заговорилъ онъ тихо, держа Дмитрія Андреевича за руку. — Не узналъ! Не много часовъ прошло, а въ эти часы она десять лѣтъ пережила, — нѣтъ, больше, Митя, вѣка пережила... Сгоряча она все похватала, потому что ужь очень бѣдность-то ее пришибла, очень хотѣлось наслѣдство получить на разныя богомолья, а какъ пришлось ей расписаться, что никто ничего не бралъ; какъ пришлось передъ людьми ложь написать да увидать, что и эти люди, и Богъ — всѣ знаютъ, что она лжетъ... Да какъ увидала она мертваго старика, забытаго ею въ минуту его смерти ради денегъ, тутъ, Митя, все перевернулось въ душѣ, все позабылось, все отпало, кромѣ грѣха... Я вотъ, Митя, когда пришелъ домой да рухнула она къ ногамъ моимъ, стала мнѣ руки да ноги цѣловать, все понялъ... Четыре часа мы съ ней говорили, и понялъ я все, и все простилъ, Митя...

Старикъ положилъ на колѣни сына руку и продолжалъ:

— Вотъ я тебѣ говорилъ, почему я сошелся съ Марей... Въдь со стороны взглянешь — и дурно это, и смѣшно это, и не по моимъ лѣтамъ; а вникни во все — и увидишь, что изстрадався человекъ и въ забвеніи на грѣхъ пошелъ... Такъ и она, Аннушка-то наша, тоже изстрадавшийся человекъ... Нуждалась она, изъ чужихъ рукъ всю жизнь смотрѣла, — то у матери, то у меня, то у тебя должна была гроши выпрашивать, съ самой колыбели, до старости выпрашивать, и то выпрашивать, что даже и заработала сама, — а тутъ вдругъ — возможность разбогатѣть и это богатство вотъ-вотъ вырвать чужіе люди изъ рукъ, — ну, и согрѣшила, согрѣшила, забывъ всѣхъ и все... Согрѣшила въ минуту забвенія, а каяться... она, Митя, до самой смерти каяться будетъ... Теперь каждая сосѣдка ей будетъ напоминать о грѣхѣ; теперь, Митя, если мы дядю похоронимъ, ей будутъ говорить: «ограбить-то ограбили, а похоронить — то порядочно не могли»... И еще тяжелѣе ей будетъ то, что тутъ ничего нѣтъ, — Андрей Ивановичъ указалъ на вещи Лампадова, — а мы, ея родные, близкіе, разоряться должны, чтобы только ее не корили тѣмъ, что изъ награбленнаго и похоронить порядочно не хотѣли старика...

Старикъ поднялся съ мѣста и дѣловымъ тономъ сказалъ:

— Да, да, надо похоронить поприличіе, порастрастись... Тутъ-то, вѣрно, немного найдется...

Онъ подошелъ къ вещамъ Лампадова и сталъ разбирать ихъ. Денегъ нашлось около сорока рублей. Но за то тутъ было нѣсколько квитанцій на заложенные вещи, нѣсколько росписокъ, говорившихъ, что у Лампадова куплены такія-то и такія вещи. Дмитрій Андреевичъ неохотно приступилъ къ разбору этихъ бумагъ, записокъ, тетрадей, но мало-по-малу его заинтересовали невольно всѣ эти бумаги. Вотъ квитанція, помѣченная числомъ мѣсяца и года, говорившая о залогѣ въ пятидесяти рубляхъ дорогой старинной вещи. А вотъ тѣмъ же числомъ помѣчено самимъ Лампадовымъ: «Слава Богу, удалось спасти Мишу. Голодаетъ съ семьею бѣдняга. Досадно только, что больше пятидесяти рублей не дали за часы, а вѣдь вещь-то сотни рублей на охотника стоитъ». Въ другомъ мѣстѣ старикъ записалъ: «Аннушкѣ сунулъ деньжонокъ. Знаю, что на поповъ да на монашекъ истратить,—ну, да что-жь, если это ее утѣшаетъ. Самъ перебыюсь какъ-нибудь, завтра оборотъ сдѣлаю». А на слѣдующій день тутъ же было написано: «Вотъ и опять съ деньгами я. Продавъ подсвѣчники. Жаль было. Вещи памятные. Ну, да въ могилу, что ли, ихъ съ собой возьму. На что мнѣ». И этотъ списокъ продажъ и залоговъ, пособій и подарковъ тянулся безконечно. Кто зналъ, какую цѣну имѣли всѣ эти предметы въ глазахъ Лампадова, тотъ—и только тотъ—могъ вполнѣ понять значеніе всѣхъ этихъ продажъ и залоговъ того, съ чѣмъ связано было столько свѣтлыхъ воспоминаній въ душѣ старика. Въ одной изъ записныхъ тетрадей уже въ самомъ концѣ было написано: «Чувствую, что скоро умру. Всѣ напоминаютъ насчетъ духовной. Что завѣщать-то? Ничего нѣтъ. И для чего дѣлать оставшіяся хламъ? Будутъ только ругать, что одного забылъ, другаго обидѣлъ. Никому ничего не оставляю, можетъ-быть лучше будетъ: сообразять, что и оставлять-то нечего было. А хоронить—Магдалинѣ сказано, чтобы дала знать, какъ умру, Петру Васильевичу Хрущову. Слава Богу, никому въ тягость и послѣ смерти не буду». Эти строки поразили Дмитрія Андреевича и онъ быстро обернулся къ отцу:

— Вы не знаете, дала знать Магдалина Хрущову о смерти дяди? Онъ пишетъ тутъ.

— Не знаю, Митя, не знаю!... Такъ мы растерялись, что и не былъ я тамъ еще... Теперь поздно... Завтра ужъ спросимъ...

До поздней ночи просидѣли отецъ и сынъ надъ пожелтѣвшими отъ времени бумагами старика Лампадова, пересматривая

трогательныя записочки, сухіе цвѣты, какія-то ленточки и незнакомые портреты, все то, что имѣло, быть-можетъ, такое глубокое значеніе для покойнаго и что теперь потеряло уже весь смыслъ для живыхъ людей. За вечернимъ чаемъ Анна Андреевна появилась безмолвною, подавленою, но воздерживавшеюся отъ слезъ. Андрей Ивановичъ былъ съ ней ласковъ и мягокъ. Дмитрій Андреевичъ тоже не прорвался ни словомъ упрека. На слѣдующій день рано утромъ отецъ и сынъ были уже въ квартирѣ Лампадова. Они спросили Магдалину, дала ли она знать Хрущову о смерти Лампадова. Магдалина такъ и ахнула:

— Изъ ума вонъ! Изъ ума вонъ! — воскликнула она. — А вотъ и записочка у образа на память положена. Строго-настрога баринъ приказывалъ идти по адресу. Да, обезумѣла старая, совсѣмъ обезумѣла...

Дмитрій Андреевичъ рѣшился самъ ѣхать къ Хрущову. Черезъ полчаса онъ былъ уже въ гостиной барской квартиры и къ нему, застегивая на ходу форменный сюртукъ, вышелъ скорой, молодцеватою походкой генераль, не очень еще старый на видъ, живой и бойкій по манерамъ.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ онъ любезно и пригласилъ рукою Дмитрія Андреевича занять мѣсто.

— Мой дядя Феофантъ Григорьевичъ Лампадовъ скончался, — началъ Дмитрій Андреевичъ.

— Что вы! — воскликнулъ генераль и перекрестился. — Эхъ, два три вотъ собирался къ нему да все дѣла проклятыя... Ну, какъ, расскажите, тихо умеръ, уснулъ, я думаю?...

— Да, въ такіе годы всегда такъ умираютъ... Я каждый день его видѣлъ и все-таки не ждалъ еще наканунѣ этой смерти...

— Да, да, преклонные годы... Я уже почти старикъ, а онъ меня училъ... Какъ же, какъ же, любимый учитель былъ... Ну, честно прожилъ, такіе люди рѣдки... очень рѣдки... Когда вы хороните его? Панихиды когда? Надо дать знать его знакомымъ! Вы, конечно, не всѣхъ изъ его старыхъ учениковъ знаете, такъ это ужъ я распорядусь... Ахъ, да, я-то хорошъ, говорю о похоронахъ, а главное и забылъ... Извините, я сію минуту вернусь.

Онъ поспѣшно всталъ и той же молодцеватою походкой вышелъ изъ гостиной въ свой кабинетъ. Дмитрій Андреевичъ услышалъ шелканье замка, шуршанье денегъ и какъ-то безотчетно, въ волненіи, поднялся съ мѣста. Кровь отхлынула ему къ сердцу.

— Вотъ деньги. Тутъ полторы тысячи, — послышался голосъ хозяина, подававшего Дмитрію Андреевичу деньги.

— Я... не за помощью,—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ запинаясь.

Генералъ разсмѣялся.

— Я ее и не предлагаю,—отвѣтилъ онъ любезно.—Вы, вѣроятно, не знали, что у меня хранились деньги нашего покойнаго друга именно на этотъ случай...

Дмитрій Андреевичъ колебался. Ему показалось, что это была просто свѣтская любезность богача. Хрущовъ замѣтилъ это и любезно взялъ подъ руку Орлова.

— И я хорошъ! Даю деньги безъ росписокъ. Сознайтесь вътре- ннй генералъ!... Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ.

Онъ провелъ Орлова въ свой просторный кабинетъ, вынулъ изъ стола большую шнуровую книгу и началъ ее перелистывать.

— Вотъ,—проговорилъ онъ, указывая на страницу.—Потрудитесь расписаться въ полученіи.

Дмитрій Андреевичъ прочелъ указанную ему на страницѣ строчку:

«Принято отъ Феопемпта Григорьевича Лампадова тысяча пять- сотъ рублей (1.500 р.); выдать въ случаѣ его смерти Дмитрію Андреевичу Орлову или кому онъ прикажетъ».

У Дмитрія Андреевича точно тяжелый камень отвалился отъ сердца.

— Вы видите, что поддѣлать этого было нельзя. Да у меня имѣется кромѣ того и письмо нашего покойнаго друга объ этихъ деньгахъ,—сказалъ генералъ.—Онъ ихъ, какъ видите, давно оставилъ у меня. Въ послѣднее время онъ, правда, хотѣлъ ихъ было взять. Очень ужъ щедро онъ помогалъ направо и налѣво. Но я, признаюсь, на-отрѣзъ отказался ихъ выдать, увѣривъ, что онъ у меня въ дѣлѣ.

Генералъ разсмѣялся.

— Онъ такъ и былъ убѣжденъ, что я спекулирую на бир- жѣ на его капиталъ...

— И потому, когда ему было нужно, выдавали ему большіе проценты,—сказалъ Орловъ, вспомнивъ, что среди другихъ за- писей онъ видѣлъ и запись: «получилъ проценты отъ Петра Ва- сильевича».

— Ну, у насъ были свои счеты и кто у кого въ долгу остался, сочтемся на томъ свѣтѣ,—сказалъ Хрущовъ.

А. Михайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Эксплуатація артелей.

(Замѣтки и впечатлѣнія.)

Окончаніе *).

Перенесемъ на Оку. Бассейнъ ея интересенъ во многихъ отношеніяхъ, интереснѣе даже Волги, а для изслѣдователя народа—это чисто кладъ. Дѣло въ томъ, что Волга ниже Нижняго не русская рѣка: здѣсь проѣзжай сотни верстъ на лошадяхъ, сѣдла-другіе на пароходѣ, увидишь, конечно, много интереснаго, важнаго, оригинальнаго, увидишь черемиса, чуваша, татарина, армянина и т. д., но, къ сожалѣнію, рѣдко увидишь русскаго. Иногда, при массѣ пассажировъ на пароходѣ, просто не отыщешь русскаго мужика. Наконецъ, думаешь, вотъ мужикъ настоящій русскій, набрасываешься на него, стремишься душу отвести, но действительность скоро и безжалостно разбиваетъ иллюзію: оказывается, мы или совсѣмъ не понимаемъ другъ друга, или понимаемъ съ большимъ усиліемъ. Вообще говоря, Волга только до Нижняго—русская народная рѣка, а ниже она скорѣе инородческая.

Не то Ока: бассейнъ ея захватываетъ самыя коренныя, глубоко историческія, великорусскія области, какъ Рязанская, Владимірская, Суздальская, Нижегородская..., безъ всякой инородческой примѣси. Гвоздемъ вбитъ здѣсь только татарскій Касимовъ, но этотъ неважный диссонансъ въ такомъ стройномъ, могучемъ оркестрѣ ничтоженъ, тѣмъ болѣе, что онъ занесенъ искусственно, волею великаго князя, и съ великорусскимъ уѣздомъ мало имѣетъ общаго. Не разъ въ исторіи выступала впередъ на сцену то та, то другая изъ этихъ областей, становясь центромъ,

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

представителемъ, носителемъ идеи всего русскаго народа, рельефно обрисовывая свои особенности, бьющія въ глаза, но въ то же время и трудно уловимыя. Эти особенности остаются доселѣ и никогда не изгладятся. Здѣсь духъ народа сохранился въ болѣе патриархальномъ видѣ, болѣе цѣломудренномъ. Здѣсь встрѣтишь любопытные, замѣчательные типы. Самые замѣчательные рассказчики, знатоки пѣсенъ, пословицъ и пр., которыхъ встрѣчаешь и на Волгѣ, и на Камѣ, непременно отсюда; здѣсь живѣе преданія старины глубокой; здѣсь сильнѣе бьется пульсъ тысячелѣтней сѣдой Руси; здѣсь именно выросъ, созданъ самый замѣчательный, глубоко народный богатырь—Илья:

«Какъ изъ славнаго города Муромъ,
Изъ села того Барачарова».

Здѣсь и теперь живо преданіе о немъ, и теперь много вамъ расскажутъ объ этомъ чудо-богатырѣ. Словомъ, именно «здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ».

Но Ока интересна не только въ историческомъ бытовомъ отношеніи, она несомнѣнно интересна и въ обычно-экономическомъ. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ Волга въ значительной степени уже такъ - сказать окапитализировалась, вѣрнѣе окулачилась, шагъ за шагомъ уничтожая формы труда—народно-экономическія, бытовыя, Ока еще въ значительной степени сохраняетъ эти послѣднія. Правда, и здѣсь паръ и кулакъ производятъ значительный напоръ, и здѣсь прекрасные дары науки, цивилизаціи, самыя великія завоеванія въ области ума на благо человечества попадаютъ въ руки кулака, капиталиста и по крайней мѣрѣ въ настоящее время, обогащая его, не приносятъ мужику ничего, кромѣ вящаго разоренія.

Но вѣроятно нигдѣ эти блага цивилизаціи, пока полезныя только для капиталистовъ, не встрѣчаютъ такого энергическаго, рѣшительнаго отпора, какъ въ области Оки, со стороны экономическихъ формъ народно-бытовыхъ. Разумѣется, въ результатѣ послѣднія отступаютъ, оттѣсняются все болѣе и болѣе, но онѣ рѣшительно защищаются и отступаютъ съ честью. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, сколько лѣтъ уже существуютъ и пароводство по Окѣ, и желѣзная дорога Московско-Нижегородская—вдоль Клязьмы, а движеніе баржей бурлаками (рѣдко) и конскою тягой не только не прекращается, но нерѣдко довольно успѣшно конкурируетъ и съ пароходами, и съ желѣзною дорогой, потому

что доставка, говорят, обходится дешевле. Разумѣется, товары болѣе цѣнные и требующіе скорой доставки идутъ паремъ.

Трудно сказать, въ какомъ числѣ идутъ баржи конскою тягою теперь, такъ какъ точныхъ данныхъ, разумѣется, нигдѣ не найдешь; но есть вѣкоторые факты, говорящіе за то, что конская тяга значительно распространена. Чтобы судить объ этомъ, достаточно указать на тотъ фактъ, что только по Блязмѣ (находится нѣтъ) и только на одну знаменитую фабрику Морозова въ Орѣхово-Зуево идетъ ежегодно не менѣе 40 баржей... При этомъ нужно замѣтить, что Орѣхово-Зуево—самый высочайшій предѣльный пунктъ движенія судовъ, такъ какъ выше, въ посадь Павловѣ, Блязма уже запружена мельницей. Сколько же еще идетъ въ Ковровъ, Вязники, Хблуй, Владиміръ и т. д.? И всѣ эти пристани—Ковровъ, Вязники, Владиміръ, Орѣхово-Зуево—станціи желѣзной дороги. Движеніе особенно усиливается въ теченіе армарки. Не одинъ десятокъ милліоновъ пудовъ также идетъ по Москвѣ, Цнѣ, въ верховьяхъ Оли (въ нижнемъ теченіи значительно преобладаетъ пареходная тяга).

Понятно, эта отрасль труда даетъ значительный заработокъ населенію и имѣетъ для него серьезное значеніе. Комоводовъ выходитъ особенно много изъ Гороховенскаго уѣзда; организація у нихъ болшею частью артельная. Обыкновенно собирается нѣсколько одномочныхъ крестьянъ, т. е. могущихъ выставить приблизительно равную человѣческую силу и лошадей или по двѣ лошади (пара), и составляютъ артель сообразно съ величиною груза на баржѣ: чѣмъ больше грузъ, тѣмъ больше и артель. Впрочемъ артели въ 25 паръ лошадей рѣдко бываютъ, чаще паръ въ 8—12. Дѣло въ томъ, что даже такія рѣки, какъ Волга, Ола, все болѣе и болѣе мелѣютъ, доставляя въ лѣтніе мѣсяцы значительное препятствіе для большихъ судовъ. Разумѣется, притоки этихъ рѣкъ мелѣютъ еще болѣе и потому недоступны для большихъ судовъ, и притомъ суда нагружаются очень мелко. Напримеръ, на Блязмѣ нѣ встрѣчались суда не болѣе 20—28 саж., да и эти могутъ идти не глубже 7—8 вершковъ, т. е. съ грузомъ тысячъ 7—8 пудовъ.

Условія договора бываютъ различны. Иногда договариваются на пару лошадей, причемъ обычаемъ уже установлено, сколько пудовъ полагается на одну пару лошадей. Нѣ пришлось слышать такую цѣну: отъ Нижняго до Хблужа на одну пару 40 рублей. Чаще берутъ съ пуда, напримеръ, коп. 4, 8, 12, смотря

по разстоянію. Артели эти строго типичны, члены их совершенно равноправны. Мѣсто отправленія—съ одной стороны всѣ пристани Окскаго бассейна, съ другой—Нижній, куда на ярмарку стекаются товары съ Оки и откуда расплываются обратно самые разнообразные товары, главнымъ образомъ, Волжскаго бассейна. На этихъ мѣстахъ отправленія артели на взятый задатокъ закупаютъ возможно большее количество сѣна, овса и провизіи для себя: хлѣба, пшена, масла, говядины, водки и пр.

Безъ кулаковъ не обходится дѣло и здѣсь. И здѣсь, какъ и вездѣ, кулачество довольно разнообразно. Въ простѣйшемъ видѣ оно является такимъ: одинъ, два степенныхъ мужичка, заручившись благорасположеніемъ купца, берутъ у него ежегодно подрядъ на доставку товаровъ съ приличнымъ задаткомъ. Не рѣдко такіе мелкіе кулаки, не имѣя возможности взять подрядъ непосредственно, берутъ отъ болѣе крупнаго кулака, причемъ послѣдній за комиссію иногда беретъ съ нихъ процентовъ 40 — 50, т. е. отдаетъ почти за половину цѣны, которую взялъ самъ. Таковъ первый самый важный для кулака шагъ.

Затѣмъ онъ отправляется въ свою деревню, чтобъ организовать потребную двигательную силу, т. е. извѣстное количество людей и лошадей. Посчитавъ свои силы, онъ приглашаетъ на аудіенцію своихъ должниковъ. Одинъ взялъ у него на подати 5 рублей, другой двѣ мѣры овса,—на посѣвъ не хватило,—тотъ бралъ хлѣбомъ при нуждѣ, за инымъ съ прошлаго года оставался должокъ. Ну, и нельзя—иди въ кабалу; и кладетъ онъ имъ жалованье, смотря по длинѣ путины, мѣсячное или недѣльное. Кладетъ рублей 10 въ мѣсяць, а съ лошадыю и 20. Да рабочему-то мало остается, а болѣе случается, что рабочему не остается ничего, потому что «какъ начнетъ высчитывать,—говорятъ рабочіе,—долги да проценты, такъ только и думаешь, чтобъ еще въ долгу не остаться».

Типичнымъ представителемъ другаго рода кулака, кулака высшаго полета, можетъ быть рядчикъ, берущій подрядъ на всю поставку товаровъ на фабрику Морозова въ Орѣхово-Зуево. Этотъ рѣдкій счастливецъ, краса и гордость кулаковъ, уроженецъ Гороховецкаго уѣзда, дер. Разстригиной. Лѣтъ 15 назадъ онъ, говорятъ, былъ простой ямошникъ. «Съ нами же вотъ такъ въ лямкѣ ходилъ, значитъ самый маломочный былъ», говоритъ мнѣ одинъ изъ встрѣченныхъ его сотоварищей по лямкѣ,—да вишь попалъ въ такую статью, довѣріе значитъ получилъ отъ

Морозова, облюбилъ этотъ его-то! А донрежь мы все артелями у него брали, у Мороза-то,—куда справедливѣе было!»...

Теперь онъ—важная персона, капиталистъ, владѣлецъ, по общимъ отзывамъ даже кулаковъ, не менѣе какъ 300.000 руб. У него пропасть своихъ баржъ, огромныя дѣла... Самъ онъ, разумеется, доставкой не занимается, а передаетъ подряды по мелочамъ мелкимъ рядчикамъ или артелямъ.

Чтобы судить о томъ, какая малая толика перепадаетъ въ его туго набитую кошину, нужно имѣть въ виду слѣдующее: говорить, отъ Морозова и къ Морозову идетъ 40 баржъ, въ оба конца значить 80 баржъ; влады только по 7.000 пудовъ на баржу, получимъ болѣе полумилліона пудовъ. Одни говорятъ, что съ Морозова онъ беретъ по 12 коп. съ пуда, другіе доходятъ до 15 копѣекъ, а самъ онъ платитъ по 6—7 коп.

Возьмемъ минимальную цифру, которую онъ беретъ, и максимальную, которую онъ даетъ, т. е. возьмемъ минимум суммы, остающейся рядчику, получимъ съ пуда 5 копѣекъ, а съ полумилліона пудовъ составитъ изрядная сумма—25.000 рублей!... Нужно имѣть въ виду, что баржи принадлежатъ рядчику; но всѣ баржи онъ покупаетъ при случаѣ, поддержанныя, за безцѣнокъ, говорятъ, не свыше 500 рублей. Слѣдовательно этотъ капиталъ смѣло можно игнорировать, имѣя въ виду то, что при расчетѣ мы взяли минимум. Да, наконецъ, если положить на этотъ капиталъ 10%, то не Богъ вѣсть сколько будетъ—1½—2 тысячи рублей.

Иногда,—нельзя сказать, чтобы часто,—кулакъ прорывается даже въ глубоко устойчивыя, крѣпкія артели рыболововъ. Остановившись на этого рода эксплуатаціи не стану, въ виду того, что рыболовныя артели значительно уже изучены, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кулакъ въ нихъ достойно оцѣненъ. Скажу только, двѣ причины коренныя разъядаютъ рыболовную артель: это — откупная система на воды казенныя и частныя, въ связи съ бѣдностью народа, вслѣдствіе чего лучшія воды нерѣдко отбиваются кулакомъ и эксплуатируются или имъ самимъ на кулацкомъ началѣ, или арендуются у него исполу артелями. Вторая причина—менѣе важная—отсутствіе вблизи рынка. Артели много теряютъ, сбывая кулаку рыбу, особенно при отсутствіи конкуренціи.

Снова на Волгѣ. Уже издали, подъѣзжая со стороны Ярославля, по возвышенности и по склону ея почти до самой Волги, на значительномъ пространствѣ, широко расплзлось какое-то чудовище, просторно раскинувъ свои громадныя части, словно красные камни-великаны, набросанные какимъ-либо миѳическимъ богатыремъ. Эта гидра высоко подняла множество своихъ головъ, головы учащенно дышуть, испуская сирадь и клубы дыма, словно хотять задушить имъ само небо. Чудовище какъ будто шевелится, издали доносится какое-то отвратительное не то шипѣніе, не то хрипѣніе, на немъ замѣтны какія-то двигающіяся точки. Но успокойтесь! Мы живемъ въ очень прозаическое время, когда ни чудовищныхъ гидръ, ни миѳическихъ богатырей нѣтъ.

Показавшееся разстроенному воображенію, при помощи ненадежнаго органа зрѣнія, чудовище оказывается знаменитымъ заводомъ смазочныхъ минеральныхъ маслъ В. И. Рагозина.

Положеніе рабочаго на заводѣ г. Рагозина мало чѣмъ отличается отъ положенія фабрично-заводскаго рабочаго. Тамъ на горѣ цѣлый городокъ образовался изъ маленькихъ однообразныхъ домиковъ, расположенныхъ маленькими кварталами довольно широко. Въ каждомъ таковомъ коттеджѣ двѣ разгороженныхъ комнаты для двухъ семействъ. Бѣ сожалѣнію, комнаты очень малы. Далѣе тамъ направо больница; есть докторъ, фельдшеръ, акушерка; многого еще нѣтъ... Но дальше къ дѣлу.

Заводъ кишитъ рабочими, — ихъ тутъ нѣсколько тысячъ, — спѣшатъ закончить громадныя постройки, а потому большинство рабочихъ не постоянные, а временные. Вотъ каменьщики, плотники, штукатуры, печники и т. д.

— Какъ работаете, отъ рядчика, мѣсячно? — спрашиваю то въ тѣхъ, то въ другихъ группахъ.

— Отъ рядчика, мѣсячно, на лѣто, — отвѣчаютъ.

На вопросы о цѣнѣ получаешь разные отвѣты: 5 — 7 рублей въ мѣсяцъ, иногда 8 и очень рѣдко опытнымъ мастерамъ 12 — 15 рублей.

— Ну, а кормить хорошо ли рядчикъ?

— Какъ хорошо! Лядаца пища. У рядчиковъ не разжирѣешь. Вотъ въ артеляхъ дюже хорошо ѣдятъ. Артельная каша густая, бають, а у насъ такъ только лишь бы душа не улетѣла. А тѣло вишь какое у насъ — заправская шкура, одна кожа, вотъ что! Развѣ онъ тебѣ мяса въ щи дастъ, рядчикъ-то? — Какже, развѣвай ротъ шире. Нѣтъ, братъ, шалишь! Васъ гыть мясомъ

кормить, вы съ жиру сбьситесь. Его пищу не болѣ 5 рублей млади на человекѣ,—отвѣчают мнѣ почти одно и то же въ разныхъ группахъ.

Все кулаки и кулаки... Но вотъ землекопы.

Наконецъ-то, думаю, увижу и артели. Бѣ удивленію оказывается, что и землекопы работаютъ отъ рядчика. Я уже теряю всякую надежду увидеть хоть одну артель въ этомъ царствѣ капитала и кулака. Но вотъ вдали на окраинѣ видны пильщики. Это ужь, конечно, артели, они иначе не работаютъ; не одну тысячу пильщиковъ видѣлъ я и всегда не иначе, какъ артелями отъ 2 до 8 — 10 паръ. Наконецъ-то душу отведу, думаю, пробираясь къ нимъ. 21 пара, раздѣленные на 5 артелей, мѣрно, разъ за разомъ, то наклоняютъ, то поднимаютъ станъ свой, вмѣстѣ съ движеніемъ пилы вверхъ или внизъ. Каково же было мое удивленіе, когда узналъ, что и пильщики у г. Рагозина работаютъ отъ рядчика!... Обратимся къ рабочимъ постояннымъ. И эти, кромѣ чисто-заводскихъ, работающихъ прямо отъ конторы, зарендованы также рядчиками. Огромное количество разныхъ чернорабочихъ—отъ рядчиковъ. Возчики для передвиженія продуктовъ и разныхъ тяжестей—тоже отъ рядчика. Передвиженіе продуктовъ на судахъ въ Ярославль или Рыбинскъ (а изъ Балахны въ Нижній)—тоже отъ рядчиковъ. Громадное производство бочонковъ—100 бондарей—тоже отъ рядчиковъ и т. д.

Естественно, меня заинтересовало, во что обходится здѣсь рабочему ненужное посредничество. Но это такая трудная вещь, что положительно чортъ шею ломаетъ. Несмотря на усиленные распросы рабочихъ, несмотря на усиленное пристаиваніе къ рядчикамъ, несмотря даже на обязательную любезность директора завода, г. Попова, пришлось добиться далеко не всего. Дѣло въ томъ, что разнообразіе условій поразительно: одинъ беретъ извѣстную работу на подрядъ, огуломъ; другой работаетъ съ сажени, аршина (плотники, пильщики), и притомъ дѣны самыя разнообразныя, напримѣръ: на стѣну, потолокъ, крышу; третій подряжается доставить опредѣленное число рабочихъ по извѣстной платѣ поденно и т. д. У одного рабочіе—на своей пищѣ, у другого—на его.

Приведу нѣкоторые примѣры изъ того, что болѣе опредѣленно пришлось узнать. У рядчика землекоповъ 50 человекъ; за каждаго отъ конторы онъ беретъ по 90 коп. въ сутки, въ мѣсяцъ это выйдетъ 1.350 руб. Платить рядчикъ среднимъ числомъ по

8 рублей—400 руб. всёми. Пища, по общимъ отзывамъ, стоитъ не болѣе 6 рублей на человѣка — 300 рублей на всёхъ. Значить, 50 рабочимъ въ мѣсяцъ чистыхъ достанется 400 рублей, тогда какъ одному рядчику 650 рублей, т.-е. на долю труда идетъ немного болѣе $\frac{1}{3}$ чистаго заработка, кулаку же— $\frac{2}{3}$. Рядчикъ получить въ 81 разъ болѣе того, что получаетъ производитель—работникъ.

Слѣдующій расчетъ, но болѣе мелкаго кулака, относится собственно къ Балахнинскому заводу; но такъ же дѣло это поставлено и въ Константиновѣ. Какъ ничтожный остатокъ недавней старины, то тамъ, то здѣсь, на небольшихъ разстоянiяхъ, уцѣлѣла по Волгѣ тяга небольшихъ судовъ бурлаками. Такъ съ балахнинскихъ кирпичныхъ заводовъ идутъ въ Нижнiй кирпичи, а съ Рагозинскаго завода — масло. Съ Константиновскаго же завода тягой идетъ масло до Ярославля и Рыбинска. Дѣло это не большое, не великъ здѣсь и кулакъ, но въ массѣ онъ не менѣе важенъ, чѣмъ и крупный кулакъ, и нерѣдко ловче объегориваетъ рабочаго, а потому по праву онъ можетъ претендовать на вниманiе къ нему; тѣмъ болѣе, что пройдетъ 2—3 года и онъ станетъ виднымъ кулакомъ. Кулакъ здѣсь—капиталистъ; онъ владѣтель судна, стоящаго 400 — 500 рублей (подержанное—полцѣны). Подобное судно вмѣщаетъ 3 — 4 тыс. пуд., а на обратномъ пути—противъ теченiя—1.500 пуд. Обыкновенно рядчикъ беретъ 2 коп. съ 1 пуда. Значить за одинъ путь въ Нижнiй и обратно возьметъ 100 — 110 руб. За лѣто онъ сдѣлаетъ не менѣе 20-ти путинъ. Слѣдовательно, за лѣто рядчикъ возьметъ 2.000—2.200 рублей. Тянуть судно шесть рабочихъ, балахнинскiе мѣщане; у руля самъ кулакъ. Рабочимъ онъ платитъ за путину со свалкой и навалкой 5—6 руб., всего 30—36 рублей. Пища обойдется на путину (5—7 дней, ѣдятъ разъ въ день) не болѣе 8—10 рублей. Значить всѣ расходы рядчика на путину будутъ 38—46 рублей, а за 20 путинъ—760—920 рублей. Выходитъ, 6 рабочихъ за одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ родовъ труда получать за лѣто 600—720 рублей, а рядчикъ—1.200—2.240 руб., не считая 10% на капиталъ, т. е. кулакъ изъ общаго заработка беретъ $\frac{2}{3}$, а на долю труда остается $\frac{1}{3}$; одинъ рабочiй получить $\frac{1}{18}$, кулакъ— $\frac{12}{18}$.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. На обоихъ заводахъ существуютъ значительныя бондарни. Бондарное производство чрезвычайно несложно, просто. Бочонки выдѣлываются изъ приготовленнаго

материала, не выходя изъ рукъ одного рабочаго. Каждый выдѣлывается въ день два бочонка. Готовый материалъ по опредѣленной цѣнѣ доставляетъ заводъ. Казалось бы, къ чему здѣсь рядчикъ? Полюбуйтесь же, какъ прекрасно организованъ трудъ. Весь подрядъ на изготовленіе бочонковъ беретъ рядчикъ по 2 р. 50 к. съ бочонка. Г. директоръ Поповъ самымъ рѣшительнымъ образомъ увѣрялъ меня, что материалъ, доставленный заводомъ рядчику, стоитъ 1 р. 50 к. съ бочонка. Слѣдовательно за производство одного бочонка заводъ платитъ 70 коп. Не имѣя основанія не довѣрять г. Попову, я оставляю на его совѣсти этотъ расчетъ. Дѣло въ томъ, что въ Балахиѣ, по добытымъ мною даннымъ, рядчику должно оставаться за производство бочонка 75 коп., а между тѣмъ условія на обоихъ заводахъ одинаковыя. На обоихъ заводахъ рядчики платятъ одинаковую цѣну рабочему за производство 1 бочонка — 60 коп. на его (рабоचाго) пищѣ. Значитъ рядчику съ каждаго бочонка остается чистыхъ 10 коп. по расчету г. Попова и 15 коп. по расчету на Балахнинскомъ заводѣ. При сетѣ рабочихъ, производящихъ каждый два бочонка въ день, рядчику перепадетъ 20 руб., по второму расчету 30 руб. въ день, т. е. 600 — 900 руб. въ мѣсяць... Нельзя не сознаться, что подать, собираемая рядчикомъ неизвѣстно за что, слишкомъ обременительно-тяжела—6—9 рублей въ мѣсяць съ человѣка.

Въ заключеніе рассмотримъ еще одинъ типъ эксплуатаціи. Дѣло идетъ о мало извѣстномъ, или даже совершенно неизвѣстномъ, въ печати добываніи алебастра, которымъ щедро надѣленъ гористый берегъ Оки, особенно въ Муромскомъ и Горбатовскомъ уѣздахъ. Горбатовскій алебастръ отправляется обожженный по желѣзной дорогѣ въ Москву и Нижній. Онъ низшаго качества и цѣнится дешевле и, вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, удачно конкурируетъ въ Москвѣ съ алебастромъ высшаго сорта—муромскимъ. Особенно цѣнится жайскій. Въ данномъ случаѣ я буду говорить исключительно о муромскомъ.

Здѣсь алебастръ добывается во многихъ мѣстностяхъ, какъ села: Жайское, Клинь, Сапунъ, Болотниково, Базарово, Голянищцево, Караваево и т. д. Для добыванія крестьяне соединяются въ артели по 10, 15, 20 человѣкъ и болѣе. Такихъ артелей насчитываютъ до 100. Составляются онѣ изъ одnodеревенцевъ. Члены состоятъ какъ изъ взрослыхъ, такъ и изъ подростковъ,

у кого есть, получающих также пай. Эти выставляют артели могоарычъ. Каждый пай выставляет по женщинѣ для нагрузки алебаstra на баржи. Работаетъ артель сообща. Обѣдать ходить домой. Вырученныя за алебастръ деньги дѣлятъ на равныя пай, сообразно числу членовъ. Работы начинаются съ Николая (6 декабря), подготовительныя же ранѣе, и кончаются весною въ концѣ марта или даже въ началѣ апрѣля. Поэтому наблюдать самую работу мнѣ не довелось, но я былъ во многихъ мѣстностяхъ этого производства и подробно распрашивалъ.

Осматривая въ первый разъ мѣстность производства, видишь только, что горы во многихъ мѣстахъ осѣли, опустились, точно будто дождевыя ручьи размыли ихъ, видишь какія-то щели въ горахъ, преимущественно у подножія горъ; здѣсь же замѣчаешь какія-то словно искусственныя насыпи глины, иногда уже значительно поросшія травой, въ разныхъ мѣстахъ валяются куски жилистаго, нерѣдко съ розовымъ оттѣнкомъ, алебаstra. Горы покрыты дровянымъ лѣсомъ; вокругъ—глушь, тишина. Тамъ вспорхнеть птица, здѣсь изъ-подъ ногъ выпрыгнетъ заяцъ и пойдетъ прыгать по высокой горѣ. Никакихъ признаковъ человѣческой дѣятельности не замѣчаешь.

Артели, организовавшися, прежде всего дѣлаютъ входъ въ гору, на нѣкоторой высотѣ отъ подошвы ея, и поднираютъ его, чтобы не обваливался; потомъ начинаютъ рыть въ горизонтальномъ направленіи пещеру въ глубь горы, пока не встрѣтятъ слой алебаstra. Галереи приходится рыть длинныя, такъ какъ алебастръ залегаеть довольно глубоко; онѣ достигаютъ нерѣдко 100 саж. и болѣе. Ходить въ нихъ можно согнувшись и онѣ не широки. Иногда, прорывъ безуспѣшно ползими, артель бросаетъ съ проклятіями это мѣсто и ищетъ болѣе счастливое. Дойдя до слоя алебаstra, взрослые члены артели подкапываются подъ него, стоя на колѣняхъ, въ согнутомъ положеніи; подростки вывозятъ выбрасываемую глину на кобылкахъ (родъ саногъ) изъ пещеры. По мѣрѣ подкапыванія, подъ слой алебаstra ставятъ подставки, продолжая работу далѣе и увеличивая постепенно количество подставокъ, на случай обвала. Когда подкопаютъ слой, выбиваютъ постепенно подставки, начиная съ дальнихъ и переходя постепенно къ ближнимъ, и уходятъ. Въ теченіе ночи слой отваливается, упадетъ. Затѣмъ его разбиваютъ на небольшіе куски и нерѣдко для этого прибѣгаютъ къ дѣйствию пороха, послѣ чего алебастръ вытаскиваютъ и кладутъ въ бучи.

Трудъ этотъ ужаснѣйшій, истинно каторжный. Въ узкихъ, низкихъ, длинныхъ пещерахъ копошатся живыя существа, грязныя, голодныя, изнуренныя—это люди. При слабомъ мерцаніи въ непроницаемой темнотѣ дымной лучины они кажутся гномами, говорилъ мнѣ одинъ учитель. Тяжесть труда усугубляется убійственнымъ воздухомъ, такъ какъ никакой вентиляціи, разужбета, нѣтъ, безъ свѣта, да и дымъ лучины не имѣетъ выхода. Необходимость прибѣгать ко взрывамъ пороховъ довершаетъ мерзость воздуха; онъ становится невыносимъ даже для привычнаго рабочаго, который упадаетъ въ обморокъ и выносятся съ раскрытою грудью на снѣжокъ шатающимися товарищами и обильнымъ треніемъ снѣгомъ приводится въ чувство, для того, чтобы, прійдя въ чувство, снова начать невыносимо-убійственный трудъ, въ корнѣ подтачивающей его силы. Особенно ужасна участь подростковъ, работающихъ здѣсь съ 13 лѣтъ. Они должны непрерывно вывозить изъ пещеры землю и глину на кобылкахъ съ полозьями по голой землѣ. Для этого впрягаются въ кобылку, перекидываютъ лямку черезъ грудь и, чтобы везти значительный грузъ на большомъ пространствѣ, крѣпко упираясь ногами, въ наклонномъ положеніи, всѣми своими силами налегаютъ на грудь, такъ что грудь находится постоянно въ сильно сжатомъ, сдавленномъ положеніи. Понятно, какъ это должно отразиться на здоровьи будущаго работника. Сильно также страдаетъ шея,—она страшно растирается и постоянно находится въ воспаленномъ состояніи, такъ что бываетъ даже больно прикоснуться. Къ тому-жъ рѣдкая зима обходится безъ того, чтобы не задавило обваломъ нѣсколькихъ несчастныхъ.

Но какъ же вознаграждается этотъ трудъ? Вѣроятно, этотъ опасный, не человѣческій, отвратительный трудъ получаетъ должное вознагражденіе? Вѣроятно, высокая цѣна влечетъ сюда рабочаго—убивать силы, здоровье свое и своихъ семей? Посмотримъ.

Обыкновенно за зиму артель добываетъ алебаstra по 1.000 пудовъ на пай, случается по 800, часто и по 1.200 пудовъ и, какъ счастливое исключеніе, даже по 2.000 пуд. За 1.000 пудовъ съ нагрузкой на баржи благодѣтельный посредникъ платитъ имъ 15—20 руб. и рѣдко 25 руб. Это за цѣлую зиму такого труда на своей пищѣ!... Если положить только 120 рабочихъ дней, а ихъ болѣе, то и тогда придется рабочему 15 коп. въ день на своей пищѣ. И притомъ трудъ женщинъ отъ каждаго пая для нагрузки баржи не принимается во вниманіе. Но и

этотъ нищенскій заработокъ—фикція для рабочаго: онъ всецѣло идетъ на подати, недоимки и проценты на долгъ кулаку. Это ужасно!

Но можетъ-быть само производство не выгодно? Быть-можетъ оно болѣе такой нищенской подачи рабочему и не можетъ дать? Быть-можетъ сама судьба преслѣдуетъ несчастнаго?... Вотъ что мнѣ въ короткихъ словахъ пришлось узнать отъ рабочихъ и разныхъ лицъ по этому поводу (особенно искренно благодарю священника села Жайскаго, отца Пареевнѣя, къ которому я имѣлъ рекомендаціи, за его любезность). Почти всѣ горы здѣсь, не считая ломокъ Голицына, или приобрѣтены въ собственность купцомъ Быковымъ, живущимъ въ селѣ Жайскомъ, какъ Болотниково, Голянищево, или имъ арендуются. Считаю нужнымъ замѣтить, что горы покупались имъ не отдѣльно, а съ принадлежащими къ нимъ имѣніями,—покупались, разумѣется, по дешевой цѣнѣ, — такъ что въ покупку горъ никакой капиталъ имъ не вложенъ; съ другой стороны аренды за горы, нерѣдко крестьянскія, онъ платитъ ничтожныя. Такимъ образомъ собственникомъ или фактическимъ владѣльцемъ на огромномъ пространствѣ залежей алебаstra является купецъ Быковъ.

Эта крупно - капиталистическая персона — продуктъ «порформеннаго» хозяйства. Сынъ небогатаго крестьянина, онъ особенно разбогатѣлъ въ послѣднее десятилѣтіе. Теперь онъ—владѣлецъ нѣсколькихъ имѣній, значительныхъ залежей алебаstra, пароходовъ, множества баржей, ведетъ огромное производство, закабалилъ множество рабочихъ, получаетъ нѣсколько десятковъ тысячъ годоваго дохода. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ было два предпринимателя кромѣ Быкова въ алебастровомъ производствѣ; но, на счастье послѣдняго и на несчастье крестьянъ, оба предпринимателя,—говорятъ, совершенно не по экономическимъ причинамъ, а просто по семейнымъ обстоятельствамъ, или даже за смертью,—сократились и Быковъ зацарилъ деспотично одинъ. Теперь даже трудно новому предпринимателю вступить съ нимъ въ конкуренцію, такъ какъ горы онъ или скупилъ, или долгосрочно арендуетъ, рабочіе закабалены, дѣло поставлено умѣло и на широкую ногу—чуть ли не полумилліоннаго производства. Какъ отразилось на рабочемъ это воцареніе, самовластіе крупнаго кулака,—понять не трудно. При конкуренціи цѣны за 1.000 пудовъ алебаstra доходили до 70 руб. и даже выше, теперь онѣ спустились до 15—20 руб. и нельзя быть увѣреннымъ, что не

спустятся еще ниже. По крайней мѣрѣ Быковъ увѣряетъ рабочихъ, что сбытъ алебаstra идетъ туго, въ виду конкуренціи дешеваго дуденевскаго (Горбатовскаго уѣзда), что дѣла его вообще плохи и что онъ хочетъ даже бросить производство. Это онъ говоритъ не однимъ рабочимъ и въ этомъ нельзя не видѣть желанія Быкова подготовить народъ къ пониженію цѣнъ на трудъ. Сдѣлать это ему не трудно. Населеніе обездолено реформой, земли мало и плоха. Никакихъ производствъ и заработковъ кромѣ алебастроваго нѣтъ. Конкуренціи у Быкова нѣтъ и не можетъ быть. Осенью и зимою Быковъ даетъ рабочимъ задатки, но даетъ черезъ старостъ, которые, вычитая нужное на подати, остальное (!) выдаютъ рабочимъ. Старосты выдаютъ изъ волости обязательства отъ лица каждаго рабочаго работать у Быкова. Мало того, благодѣтель-кулакъ даетъ хлѣбъ и пшено,—бери, отработашь... Тагъ и запутывается несчастный. А создавъ кабалу, кулакъ можетъ уже все сдѣлать съ рабочимъ.

По словамъ лицъ знающихъ, въ томъ числѣ о. Пареевнн, который близокъ съ Быковымъ не менѣе 20 лѣтъ (на его глазахъ послѣдній и разбогатѣлъ), добываніе алебаstra Быковымъ простирается свыше 800 тыс. пудовъ ежегодно. Съ нагрузкой на свои же баржи, взявъ среднюю плату съ 1.000 пуд. 20 руб., весь алебастръ ему будетъ стоить 16.000 руб. Доставляется алебастръ въ Рязань, Коломну и Москву. Тагъ какъ ему не было бы расчета доставлять въ Рязань и Коломну, еслибы доставка въ Москву была значительно выгоднѣе, то, можно думать, московскій рынокъ опредѣляетъ цѣны и рязанскія,—разница будетъ лишь въ стоимости доставки. Поэтому буду вести расчетъ по московскому рынку. Во что обходится доставка, можно сказать только приблизительно. Какъ уже было сказано, за доставку товара изъ Нижняго до Орѣхова-Зуева берутъ по 7 коп. съ пуда и находятъ выгоднымъ; принимая путь отъ Муромскаго уѣзда по Окѣ до Коломны и далѣе по рѣкѣ Москвѣ до Москвы вдвое большимъ предыдущаго, причемъ доставка производится Быковымъ своимъ пароходомъ и на своихъ баржахъ, стало-быть обходится не вдвое болѣе предыдущей цѣны, а менѣе, положимъ 10 коп. съ пуда, то доставка всего количества обойдется въ 80.000 рублей. Стало-быть весь алебастръ при доставкѣ въ Москву будетъ стоить около 100.000 рублей. Въ Москвѣ низшая цѣна на горбатовскій алебастръ—220 рублей за 1.000 пудовъ, муромскій же 280—320 рублей и выше. Положимъ, что Быковъ

продаетъ мелкимъ торговцамъ только по 225 руб.; за 800.000 пуд. онъ возьметъ 180.000 рублей. Стало-быть чистыхъ у него останется 80.000 руб. Но сбросимъ, наконецъ, 20.000 рублей на разные непредвидѣнные расходы, и все-таки останется громадный кушъ—въ 60.000 рублей.

Для рабочихъ особенно тяжела была зима 188⁹/₁ года, когда неурожай довелъ цѣны на хлѣбъ до 1 руб. 80 коп. за пудъ.

— О-охъ, тяжело было зимой, —твердятъ въ разныхъ мѣстахъ бабы, —ужь такъ тяжело, такъ тяжело!.. Чуть было шкуру свою не съѣли. Хлѣбецъ-то, батюшка, испечешь—темнѣе земли, такъ только будто названіе одно; тамъ и мучицы-то въ немъ не видно, жмышку натолчешь, намѣшаешь, мякины подсыпешь, —ну, и чего тамъ еще... Придутъ это съ работы, умялись сердешные, а какой тутъ обѣдъ?—Пустыя щи да хлѣбушко. Похлебають, похлебають, да и бѣгутъ на работу, а хлѣбушка-то съ собой ужь и нельзя взять, —нѣту-ти. Вечеромъ-то придутъ, ужь на нихъ лица нѣтъ, еле дотащатся до избы. Тутъ бы поѣсть надоть маленько, да чего? Такъ сердешные упадутъ, гдѣ попало, и лежать какъ убитые, не двигаются, какъ безъ языка, только вздыхаютъ. А заглянешь, изъ глазъ слезы текутъ. То ли онъ спитъ, то ли такъ лежитъ, Господь его знаетъ. А дѣтишкамъ-то, бѣдняжкамъ-то, какъ? Вѣдь слабеньки еще, ребятки-то, а возить глину—ухъ какъ тяжело!... Всѣ силы вымотали. Ужь и не чаяли перебѣдовать. Эхъ, что ужь говорить, какъ-нибудь доживать до смерти надоть!

Этой дюжиной типовъ, разумѣется, не исчерпывается все разнообразіе кулацкой эксплуатаціи артелей. Но несомнѣнно, эта картинная галерея, выхваченная изъ самой жизни, нѣсколько уясняетъ значеніе ея въ народномъ хозяйствѣ. Вѣдь за каждымъ типомъ стоитъ цѣлое полчище подобныхъ кулаковъ, съ тѣми же приѣмами, съ тѣми же инстинктами, съ тою же жадностью, но, разумѣется, съ разными мелкими индивидуалистическими особенностями, нисколько впрочемъ не нарушающими стройности, цѣлостности типа. И если эти типы выведены не совсѣмъ цѣлостно, не съ должною полнотою, обстоятельностью какъ экономической, такъ и художественною, то нужно знать, какъ трудно, нерѣдко даже невозможно, изучить дѣянія кулака, даже просто проникнуть въ его маленькое царство, какія препятствія непреодолимая встрѣчаешь на этомъ пути. И никакихъ пособій, никакихъ облегченій. Въ печати этотъ вопросъ даже не

поставленъ (эксплуатація *артелей*), кромѣ, впрочемъ, отдаленной страны бѣлыхъ медвѣдей, да и то только относительно рыболовныхъ артелей. Мѣстная интеллигенція такая несчастная, такая убогая, что отъ нея позаимствоваться чѣмъ-либо въ этомъ родѣ странно думать. Мнѣ самому ранѣе не приходилось глубоко интересоваться этимъ вопросомъ, да и въ данное время существенный вопросъ для меня былъ—артельная организація. Вотъ почему нерѣдко приходилось основываться только на слухахъ, на общемъ говорѣ массы, строго провѣряя ихъ по возможности справками съ разныхъ сторонъ, даже отъ самихъ кулаковъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ почти всегда это было безуспѣшно. Самый вѣрный источникъ для оцѣнки эксплуатаціи—сама артель, въ чемъ мнѣ много разъ приходилось убѣждаться; но, къ сожалѣнію, часто и она сама многого не знаетъ, да нерѣдко и самъ кулакъ не въ состояніи точно опредѣлить свою добычу.

Кулачество сильно растетъ и крѣпнетъ. А на ряду съ развитіемъ кулачества, какъ бы параллельно ему, все растетъ бѣдность народная. То несомнѣнно, что кулачество—продуктъ новый въ русской жизни, продуктъ хозяйства такъ-сказать «порезформеннаго». До реформы при несвободномъ крѣпостномъ трудѣ не было благопріятныхъ для него обстоятельствъ, и кулачества, какъ грозной силы, не существовало. Нынѣшнее положеніе крестьянства дало сильный толчокъ его развитію, выдвинуло его едва не на первый планъ и оно пошло гигантскими шагами впередъ, съ ужасающею силой, и чѣмъ дальше, сила его растетъ все болѣе и болѣе. Много кулацкихъ типовъ пришлось мнѣ наблюдать, о многихъ пришлось слышать, иногда даже вскользь, и слишкомъ рѣдко, почти какъ исключеніе, въ крупныхъ типахъ, генеалогія кулака восходила къ дореформенному времени, когда онъ былъ очень мизернымъ кулакомъ. Огромное же большинство, подавляющее—продуктъ хозяйства «порезформеннаго», считающее себя 10, много 15 лѣтъ; а до того времени они—«простые лямомшники», «лядащи мужичонки», по словамъ нерѣдко встрѣчаемыхъ ихъ прежнихъ сотоварищей.

Судя по всему, развитіе кулачества не остановится; можно быть увѣреннымъ, что оно будетъ идти столь же быстро впередъ, какъ шло и доселѣ. За это говорятъ какъ все растущая масса мелкихъ кулаковъ, такъ и значительный резервъ еще некулаковъ, простыхъ рабочихъ, даже членовъ артели, сильно зараженныхъ кулацкими инстинктами,—это съ одной стороны; а

съ другой—отсутствіе рѣшительныхъ энергическихъ препонъ для увеличенія числа ихъ, и не только отсутствіе, но даже невозможность скоро ожидать таковыхъ. Главное же—непомѣрно растеть бѣдность народная. Такимъ образомъ кулакъ на просторѣ, на свободѣ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, растеть, развивается и проявляетъ свою мощь очень ощутительно для народа. Онъ закабалиетъ не только отдѣльныхъ рабочихъ, но, вступая въ отчаянную борьбу съ артелями, порабощаетъ огромныя артели, даже десятки артелей. И слабая, порабощенная, угнетенная артель уступаетъ крутой силѣ, нерѣдко уничтожаясь, чаще впрочемъ сохраняя неприкосновеннымъ весь свой строй, излюбленные, отъ старины ведущіеся, порядки, откупаясь огромною, баснословною данью. Дань эта превосходить всякіе размѣры. Мы уже видѣли, что нерѣдко эксплуатируемыя артели на очень выгодныхъ заработкахъ, при убійственномъ трудѣ, зарабатываютъ только горбы, да мозоли, уходя домой съ пустымъ карманомъ, даже Христовымъ именованъ питаюсь въ дорогѣ. Поэтому смѣло можно утверждать, что «кулачество, на ряду съ крупнѣйшими факторами обѣдненія народа, занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Гдѣ разгадка такому положенію? Почему артель на всѣхъ позиціяхъ разбивается кулакомъ? Не доказываетъ ли это безсиліе, негодность артели? Не есть ли это нѣчто фатальное, непреложное, не есть ли это какой-либо экономическій законъ? Чтобы правильно понять общественный фактъ, а тѣмъ болѣе такое крупное явленіе, нужно со всею осторожностію рассмотреть условія, причины даннаго явленія, постараться уяснить послѣдствія ихъ, и тогда только можно понять, оцѣнить явленіе. Посмотримъ, при какихъ условіяхъ происходитъ данное явленіе и какія причины вліяютъ на него. Къ сожалѣнію, рассмотреть обстоятельно вліянія и причины здѣсь нѣтъ возможности,—онѣ очень разнообразны и многосложны; въ совокупности—это весь нашъ строй современный съ значительною дозой послѣдствій прошлаго. Поэтому придется коснуться ихъ въ самомъ общемъ видѣ. Передъ нами два представителя противоположныхъ началъ. Кулакъ—хитрый, пронырливый—влезитъ въ довѣріе къ крупному капиталисту, умѣетъ иногда поставить себя такъ, что послѣдній неловко чувствуетъ себя безъ него. Алчность, хищническіе инстинкты въ немъ непомѣрно развиты. Онъ—владѣлецъ сотенъ душъ, «по закону» закабалившихъ къ нему подъ напоромъ голода. Съ другой стороны—сильная духомъ, могучая солидарностью товарищей, но

голодная, незащищенная, забитая артель. Ей не доверяет капиталист, косо смотрит на нее начальник. Голод—самый великий, самый беспощадный факторъ человеческихъ дѣйствій. Ничего нѣтъ удивительнаго, если артель подъ вліяніемъ его забалывается кулаку. Это тѣмъ болѣе понятно, что, кромѣ голода, есть еще могучій къ тому факторъ — обременительныя подати при отсутствіи доступнаго кредита. Но вотъ болѣе счастливыя рабочіе избѣгли кабалы, перебились кое-какъ, идутъ на заработки. И имъ не избѣжать кулака: этотъ, словно отвратительный паукъ, загородилъ своими сѣтями всѣ входы и выходы и только поджидаетъ незащищенную жертву, чтобы, дьявольски опутавъ ее, высосать изъ нея всѣ соки. Крупныя подряды уже захвачены кулакомъ и потому или сиди безъ работы, или иди опять въ кабалу. При такихъ неравныхъ условіяхъ борьбы иного конца и не можетъ быть. Нелѣпо ставить это въ вину артели, доказывать этимъ ея безсиліе, негодность.

Что касается значенія бѣдности въ данномъ случаѣ, то оно понятно. Но вотъ другой крупный факторъ, дѣйствующій въ томъ же духѣ,—тенденція капитализма,—требуетъ небольшого поясненія. Дѣло въ томъ, что у насъ и капитализмъ какой-то странный, словно бы самобытный. Въ то время, какъ основная тенденція европейскаго капитализма — концентрированіе капитала, переходъ его все въ меньшее число рукъ, но за то въ болѣе крупныхъ величинахъ, посредствомъ подавленія болѣе крупнымъ капиталомъ болѣе мелкаго,—у насъ пока этого не замѣчается, но за то проявляется интересная тенденція его—насажденіе, созданіе кулаковъ. Крупный капиталъ какъ-то фатально создаетъ около себя кулаковъ-рядчиковъ, которымъ и сдаетъ подряды, не желая имѣть дѣло непосредственно съ рабочими артелями, какъ бы не доверяя имъ. Дѣло въ томъ, что пронырливые кулаки, шнырающіе, толкущіеся во множествѣ, положительно монополизируютъ всѣ подряды; у нихъ уже установились съ хозяевами извѣстныя, изъ году въ годъ повторяющіяся, отношенія; они иногда при нуждѣ дадутъ и залогъ, и заключатъ условіе на поставку извѣстнаго числа рабочихъ. Хозяинъ доволенъ,—онъ знаетъ, что ему не придется думать о наймѣ рабочихъ, заботиться, чтобы рабочіе не сбѣжали, не бросили его въ самое горячее время. Не удивляйтесь, онъ не можетъ понять того, что если рабочій дорожитъ мѣстомъ съ нищенскимъ жалованьемъ даже у рядчига, то съ двойною платой отъ хозяина,

разумѣется, дорожилъ бы еще болѣе. Рядчикъ—человѣкъ знакомый, надежный, ему можно повѣрить. Не то—артель, разсуждаетъ онъ, впадая въ унисонъ съ кулакомъ: бросить какъ разъ въ горячее время. Иди, тягайся съ ней,—что съ нея возьмешь? Притомъ рядчикъ какъ ни-на-есть все-таки не мужикъ, скорѣе свой братъ, онъ ужъ и выглядить какъ купецъ, съ нимъ и чайку можно напиться, и бутылочку хересу испить,—пріятный человѣкъ, одно слово. А что, можетъ, онъ немного, какъ будто того... маловато платить артели, такъ вѣдь нельзя же,—изъ-за чего-нибудь хлопотать надо, даромъ никто не станетъ... Кромѣ того, тамъ, гдѣ рядчикъ зависитъ не прямо отъ хозяина, а отъ прикащика или управляющаго, интересы обоихъ еще тѣснѣе связаны,—отъ рядчика перепадаетъ и прикащику кое-что. Это не разъ приходилось слышать и убѣждаться въ этомъ.

Эта тенденція капитализма нашего наводитъ на нѣкоторые размышленія о немъ. 8 лѣтъ назадъ г. Пудовиковъ съ замѣчательною силой и убѣдительностію выставилъ нѣкоторые положенія, надъ которыми нельзя не задуматься. Вотъ что, между прочимъ, высказалъ г. П. Е. Пудовиковъ: «На ея заключительной страницѣ (исторія нашего земледѣлія) увидимъ общее полное истощеніе почвы въ каждомъ уголкѣ Русской земли и полное процвѣтаніе промышленности. Россія превратится въ сплошное село Павлово, въ которомъ и нищихъ будетъ столько же, сколько въ немъ, т. е. половина. Но гдѣ мы найдемъ рынокъ для своихъ издѣлій, когда Англія съ 10 милліонами не знаетъ куда дѣвать свои издѣлія? Но, кромѣ этого, гдѣ, въ какой странѣ, будутъ заготовлять хлѣбъ на 80 милл. голодныхъ ртовъ?» Въ послѣдніе два года вопросъ о капитализмѣ въ Россіи выступилъ съ новою силой и заинтересовалъ общество. Положенія, столь энергично выставленныя г. Пудовиковымъ, были убѣдительно развиты. Съ своей стороны и я вполне присоединяюсь къ мнѣнію, доказывающему невозможность капитализма у насъ. Но едва ли возможно ликовать вслѣдствіе этого. Дѣло въ томъ, что у насъ возможно нѣчто несомнѣнно худшее, ужасное: у насъ вполне возможенъ надвигающійся со всѣхъ сторонъ экономическо-кулацкій строй. Какая же разница между тѣмъ и другимъ? Капитализмъ прежде всего расширяетъ производство, руководясь наукой, умѣло эксплуатируетъ каждое новое открытіе, изобрѣтеніе. Онъ глубоко заинтересованъ открытіемъ все новыхъ и новыхъ рынковъ для расширяющагося производства; государство является

въ этомъ смыслѣ дѣятельнѣйшимъ пособникомъ, не отступая даже передъ войной. Вслѣдствіе этого сильно развивается торговля, выгодная для страны—производителя. Обширно эксплуатируются правильнымъ образомъ естественныя богатства страны; обращается огромное вниманіе на земледѣльческую культуру. Проявляются заботы о томъ, чтобъ облегчить участь рабочаго, къ чему уже сдѣланы многими серьезныя попытки. Ну, а кулачество?—Оно о такихъ пустякахъ не заботится. Купить ли кулакъ богатѣйшую землю, онъ какъ хищникъ накидывается на нее, варварски выжимаетъ изъ нея все, что возможно, и, обезсилить въ нѣсколько лѣтъ, взявъ сотни процентовъ на капиталъ, не прочь ее продать за тройную цѣну. Купить ли онъ вѣковой дѣвственный лѣсъ, тысячи десятинъ, и словно злая стихія, какъ пожаръ, въ нѣсколько лѣтъ не оставитъ и стебелька. Какое ему дѣло до правильныхъ научныхъ понятій? Какое ему дѣло до того, что, обезсилывая землю, уничтожая лѣса, а черезъ то уменьшая плодородіе страны, влияя на суровость климата, уменьшая количество необходимой влаги, создавая мелководіе рѣкъ..., онъ обрекаетъ родину на ужасную участь? Какое ему дѣло до того, что, обдирая, отнимая у народа прямо изо рта куски хлѣба, онъ создаетъ нищету народную, ведетъ народъ къ вымиранію? Какое ему дѣло до всего этого? «А хоть трава не расти! — вырывается изъ его ожирѣлаго брюха. — Какая такая родина? — разводитъ онъ руками. — Что такое народъ? — Извѣстно, хамъ! — рѣшаетъ кулакъ. — Что же съ нимъ церемониться, съ мужикомъ-то?»

Мы видимъ, что кулакъ, ничего не производя, не оказывая никакихъ полезныхъ услугъ, а только будучи бесполезнымъ посредникомъ, слишкомъ много беретъ себѣ, такъ много, что нерѣдко труженику не остается ничего. Два совершенно нежелательныхъ и въ высшей степени опасныхъ обстоятельства создается вслѣдствіе этого: обѣдненіе народа и его развращеніе очевидными примѣрами быстрого, легкаго обогащенія путемъ обдиранія ближняго.

Быть-можетъ самый крупный, самый важный вопросъ—гдѣ выходъ изъ такого положенія? Да и есть ли онъ, возможенъ ли вообще? Кулачество уже такъ разрослось, такъ окрѣпло, такъ въѣлось въ народный организмъ, настолько обезсилило его, закабалило, принизило, что дѣятельность отдѣльныхъ великодушныхъ лицъ, самоотверженно пожелавшихъ бороться противъ него, дастъ ничтожные результаты, вѣрнѣе—никакихъ. Земство тоже

мало может сдѣлать. Представьте себѣ, что рязанское, напримеръ, земство, воодушевясь патриотическимъ стремленіемъ, пожелало бы вырвать изъ рукъ кулаковъ закабаленныя спасскія артели. Но отъ желанія, отъ словъ до дѣла, а тѣмъ болѣе до успѣха—далеко. Представимъ самыя благоприятныя условія: представимъ, что земцы самоотверженны вполне, что они прониклись до мозга костей интересами народа,—положимъ, что ихъ энергіи нѣтъ предѣловъ,—положимъ, что они готовы на всевозможныя жертвы, что они не остановятся ни передъ чѣмъ, не задумаются ни передъ какими затратами... Итакъ, земство нашло и употребило огромный капиталъ на выкупъ артелей, и притомъ какъ отъ кулаковъ, такъ и отъ недоимокъ. Артели организуются и идутъ на заработки безъ кулаковъ; но кулаки уже ихъ обогнали и позахватили всѣ подряды на крупныя работы. Не сидѣтъ же артелямъ безъ работы; и онѣ идутъ къ кулаку и возвращаются домой по-прежнему почти ни съ чѣмъ. А дома хлѣба не хватаетъ, не хватаетъ на уплату податей—и артель снова въ кабалѣ у мѣстнаго кулака. Не единичныя, разбросанныя, мелкія попытки нужны и спасутъ насъ, а необходимо радикальное лѣченіе всего организма. Если можетъ что земство, такъ это что-либо совсѣмъ неважное, пустое, частное, нисколько не измѣняющее общее положеніе. Дѣло зашло ужь очень далеко и не пигмейскія попытки нужны. Смѣшно, конечно, ожидать чего-либо отъ городскихъ обществъ. Безсильны и общества всякія ученые и неученыя, послѣ сытнаго обѣда разсуждающія и вкривь и вкось о мужикѣ. Здѣсь нерѣдко можно услышать изъ устъ сытаго ландлорда, пускающаго искусныя клубы дыма отъ дорогой сигары, тяжкія обвиненія народа въ лѣности, пьянствѣ, безнравственности, энергическія доказательства чуть не многоземелія у крестьянъ. Самы артели безсильны.

Но гдѣ же, въ чемъ выходъ? Ужели нѣтъ спасенія? У насъ все привыкли сваливать на правительство, отъ него привыкли ожидать всѣхъ благъ, въ немъ видѣтъ спасеніе. И безспорно, правительство—именно та сила, которая единственно могла бы разрѣшить данный вопросъ правильно.

Возьмемъ для примѣра одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ типовъ эксплуатаціи—рыбинскихъ крючниковъ. Дѣло могло бы быть рѣшено безъ всякихъ комиссій и свѣдущихъ людей. Самы артели укажутъ прекрасный выходъ, только прислушайся къ нимъ. Вотъ какой планъ много разъ мнѣ приходилось слышать.

Артели выбираютъ приблизительно одного представителя на 20 человекъ, для чего мелкія артели соединяются. Всѣ представители избираютъ изъ себя очередныхъ человекъ по пяти, примерно, на недѣлю; они составляютъ дѣйствующихъ представителей всѣхъ рабочихъ, составляя постоянную контору при биржѣ. Весь смыслъ ея въ томъ, чтобъ имѣющіе потребность въ трудѣ *обязаны* были обращаться именно въ контору (для чего и нуженъ авторитетъ правительства), которая и выставляетъ потребное число рабочихъ къ извѣстному сроку. Капиталисты могутъ быть покойны: предложеніе труда всегда превышаетъ спросъ на него,—значитъ, безъ рабочихъ не остались бы. Представители же артелей сьумѣютъ повести дѣло по справедливости, лучше, чѣмъ кто-либо, установивъ, при постоянномъ избыткѣ предложенія труда, очередь между артелями, такъ что заработки артелей будутъ равномѣрны,—въ этомъ можно быть вполне увѣреннымъ. Вся трудность — въ авторитетномъ словѣ правительства. Для виѣшней же убѣдительности правительство могло бы поставить своего чиновника, нѣчто въ родѣ бухгалтера, подчинивъ его артелямъ. Содержаніе его для артелей могло бы быть совершенно необременительно. Въ цѣнахъ же разногласія между хозяевами и артелями не могло бы быть, такъ какъ артели вполне были бы довольны цѣнами, платимыми теперь батырямъ, и потому легко могла бы быть установлена такса.

Кулаки творятъ свое дѣло, нерѣдко прикрываясь и прибѣгая къ содѣйствію дружественной низшей власти. Понятно, какъ это вліяетъ на народъ. Уваженіе, святость закона подрывается; въ немъ мужикъ не видитъ своего защитника. Это ведетъ далѣе, и нерѣдко можно слышать горькія жалобы и на высшую власть.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести слѣдующія положенія: 1) кулакъ — продуктъ хозяйства «порекорменнаго»; 2) главнѣйшіе стимулы кулацкаго прогресса: бѣдность народная, создающая нерѣдко кабалу цѣлыхъ огромныхъ артелей, тенденція самобытнаго капитализма создавать около себя народныхъ вампировъ и потаканіе низшей власти; 3) на ряду съ крупнѣйшими факторами обѣдненія народа не послѣднее мѣсто занимаетъ кулачество; 4) вступая въ единоборство съ артелью, кулакъ побѣждаетъ, иногда уничтожаетъ даже ее; 5) онъ развращаетъ народную массу, наглядно показывая всю прелесть жизни, основанной на легкой, въ ущербъ народа идущей, наживѣ; 6) ничего не производя, кулакъ изнуряетъ, обезсиливаетъ рабочую

массу; 7) кулакъ не останавливается ни передъ чѣмъ и постоянно прибѣгаетъ къ незаконнымъ средствамъ наживы, даже къ мошенничеству; 8) въ борьбѣ съ нимъ безсильны земства и городскія общества, и послѣднія даже стимулируютъ кулачество; еще болѣе безсильны частныя лица; 9) дальнѣйшее возможное развитіе кулачества поведетъ къ образованію своеобразнаго государственно-экономическаго, кулацкаго строя, такъ какъ строй капиталистическій у насъ невозможенъ; 10) кулакъ подрываетъ все болѣе и болѣе въ глазахъ народа авторитетъ власти, высокій авторитетъ закона, такъ какъ, закуная расположеніе низшихъ властей, даетъ поводъ народу думать, что вообще власть противъ него; 11) успѣшную борьбу съ кулачествомъ можетъ вести правительство—государство.

Г. С.

НОЧИ.

Альфреда де-Мюссе.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.)

Октябрьская ночь.

Поэтъ.

Очнулся я, мои прозрѣли очи...
Умчалась скорбь, покой душѣ даря;
Она была сходна съ туманомъ ночи,
Что разгоняетъ свѣтлая заря.

Муза.

Какъ тяжелы разлуки годы!...
Какія тайны невзгоды
Такъ долго раздѣляли насъ?
Какая скорбь тебя терзала?
Я о тебѣ не разъ вздыхала
И горько плакала не разъ...

Поэтъ.

Напрасно я свои утратилъ силы...
О прошлой мугѣ больно вспоминать;
Пусть мысль о ней холоднымъ сномъ могилы
Въ моей груди на вѣки будетъ спать.

Муза.

О, не скрывай свое страданье!...
Зачѣмъ тоску свою таить?
Лишь спутникъ смерти богъ молчанья,—

Съ тобой хочу я слезы лить...
 Прибѣгни, другъ, къ моей опорѣ,
 Признаньемъ душу облегчи,
 И можетъ-быть утѣшать въ горѣ
 Участья свѣтлые лучи.

Поэтъ.

Еслибы муку свою я хотѣлъ рассказать,
 Я не зналъ бы, какое названье ей дать...
 Что открыло мнѣ тайну мучительныхъ ранъ:
 Безотчетная страсть, или жалкій обманъ?
 Ты со мною опять... Все заснуло кругомъ.
 Я съ тобою хочу говорить о быломъ
 И подъ пѣсню твою, вдохновеньемъ согрѣть,
 Расскажу тебѣ повѣсть промчавшихся лѣтъ.

Муза.

Когда горячій лучъ участья
 Во мнѣ ты хочешь пробудить,
 Поэтъ, ты долженъ безъ пристрастья
 О прежнемъ горѣ говорить...
 Забылъ ли ты свое страданье?
 Могу-ль внимать твоимъ словамъ?
 Лишь утѣшать мое призванье,—
 Я не могу служить страстямъ...

Поэтъ.

О, муза, не бойся, минута разлуки
 Съ страданьемъ настала! Мнѣ снится порой,
 Какъ будто не я перенесъ эти муки,
 Какъ будто страдалъ и томился другой...
 Навѣй на меня вдохновенье и грѣзы;
 Мы можемъ отдаться плѣнительнымъ снамъ;
 Отраднo дарить и улыбки, и слезы
 Прoшедшему горю, забытымъ мечтамъ.

Муза.

Надъ сердцемъ, объатымъ тоскою,
 Я вѣжно склоняюсь, какъ мать
 Надъ сыномъ больнымъ; предо мною

Ты муки не долженъ скрывать...
 Я пѣсню твою не забуду;
 Пусть сладко ползется она,
 На лирѣ я вторить ей буду,
 Любви и волненья полна...
 Какъ рой мимолетныхъ видѣній
 Въ сіяньи вечернихъ лучей,
 Ужъ носятся свѣтлыя тѣни
 Безслѣдно промчавшихся дней.

Поэтъ.

О, дни труда, дни счастья и веселья,
 Вы снова предо мной!...
 Опять вернулся я къ убогой кельѣ,
 Забытой и пустой,
 Гдѣ я провелъ, въ тиши уединенья,
 Такъ много свѣтлыхъ дней,
 Гдѣ я мечталъ и голосъ вдохновенья
 Звучалъ въ груди моей.
 О, муза, ты опять передо мною
 Стоишь въ ночной тиши!...
 Мы снова запоемъ,—тебѣ открою
 Я скорбь своей души.
 Узнаешь ты, какъ женщина до срока
 Сгубила жизнь мою;
 Какъ я любилъ и свято, и глубоко,
 Какъ горько слезы лью.
 Я отдалъ ей и молодость, и волю
 Съ покорностью раба;
 Не вѣдалъ я, какую злую долю
 Готовить мнѣ судьба...
 Въ груди моей лишь горе да сомнѣнья,—
 Я даромъ жизнь сгубилъ;
 За то порой бывали и мгновенья,
 Когда я счастливъ былъ.
 Мнѣ помнится тѣнистая аллея
 Близъ соннаго ручья,
 Гдѣ съ милою, отъ страсти пламенья,
 Сходился ночью я

И обвивалъ дрожащими руками
 Ея волшебный станъ.
 Песокъ хрустѣлъ подъ нашими ногами;
 Сребря ночной туманъ,
 Луна блестяла; блѣдный призракъ ивы
 Указывалъ намъ путь;
 Я съ милой шель, склоняясь къ ней ревниво;
 Вздыхалась сладко грудь...
 Она съ слезой горячаго участья
 Глядѣла на меня...
 Умчался сонъ. За то, что вѣрилъ въ счастье,
 Судьбой наказанъ я.

Муза.

Не все судьба тебя карала, —
 Отраду вѣдалъ ты порой;
 И, вотъ, передъ тобой предстала
 Бартина радости былой...
 Остановись на ней украдкой,
 Не проклинай былые дни;
 Забывъ тоску, улыбкой сладкой
 Минуты счастья помяни...

Поэтъ.

Нѣтъ, улыбаться судьбѣ не могу я...
 Слыша прошедшаго тягостный стонъ,
 Муза, тебѣ передамъ я, тоскуя,
 Жизни убитой безрадостный сонъ...
 Помню, какъ въ часъ безотраднaго горя,
 Темною ночью, я милую ждалъ.
 Думамъ моимъ неотвязчивымъ вторя,
 Вѣтеръ осенній уныло стоналъ.
 Помню, такъ было мнѣ горько и больно,
 Сердце такая щемила тоска,
 Что объ измѣнѣ я думалъ невольно...
 Бровь холодѣла, дрожала рука.
 Въ улицѣ жилъ я глухой и безлюдной,
 Рѣдко шаги раздавались по ней.
 Въ городѣ царствовалъ сонъ непробудный;
 Ночь становилась темнѣй и темнѣй.

Вѣтеръ носился вдали, завывая.
 Сердце томилось предчувствіемъ злымъ...
 Въ душу тоска западала нѣмая.
 Милую ждалъ я. Одинъ за другимъ
 Грустной чредою часы проходили;
 Время свиданья настало давно.
 Мрачныя думы мнѣ душу томили;
 Полонъ страданья, глядѣлъ я въ окно;
 Встрѣчи желанной все ждалъ я напрасно...
 Муза! я тайны тебѣ не открылъ:
 Милой отдавшись безумно и страстно,
 Только ее я на свѣтѣ любилъ;
 Хуже чѣмъ смерть мнѣ разлука казалась...
 Цѣпи старался я сбросить не разъ;
 Съ стономъ проклятье изъ устъ вырывалось,
 Съ воплемъ слеза ниспадала изъ глазъ...
 Если же обликъ ея сладострастный
 Мнѣ представлялся съ улыбкой любви,—
 Снова мирился я съ думой ужасной,
 Снова желанья кипѣли въ крови...
 Сномъ лихорадки, больной и усталый,
 Бѣ утру заснулъ я; но только заря
 Въ небѣ румянымъ лучомъ засверкала,
 Новыя силы природѣ дая,
 Очи открылъ я... Вдругъ робкой стопою
 Бѣ дому какая-то тѣнь подошла...
 Боже, что вижу!... Она предо мною...
 «Гдѣ ты всю ночь до утра провела?
 Съ кѣмъ ты улыбки и ласки дѣлила?
 Съ кѣмъ замирала, нѣма и блѣдна?
 Ночь сладострастья тебя истомила,—
 Въ бурномъ весельи промчалась она.
 Боже! ужасною жаждой объята,
 Снова ты ищешь восторговъ любви,
 Тѣломъ усталымъ, дрожа отъ разврата,
 Жадно стремишься въ объятія мои...
 Юность мою ты измѣной сгубила...
 Скройся на вѣки, зловѣщая тѣнь!...
 Если ты встала изъ темной могилы,
 Снова сойди подѣ могильную сѣнь!...»

Муза.

Уйми душевное волненье,
 Не предавайся прежнимъ снамъ...
 Объята ужасомъ, въ смятеньи
 Внимала я твоимъ словамъ...
 Струю алой кровь готова
 Изъ старой раны брызнуть снова...
 Не вспоминай унылыхъ дней;
 Забудь бездушную сирену;
 Ея коварную измѣну
 Изгладь изъ памяти своей...

Поэтъ.

О, срамъ тебѣ! Клеймомъ позорнымъ
 Измѣна ляжетъ на тебя...
 Коварствомъ и обманомъ чернымъ,
 Мнѣ жизнь безжалостно губя,
 Ты за любовь мнѣ отплатила.
 Черезъ тебя я чашу бѣдъ
 Узналъ; ты саваномъ покрыла
 Весну моихъ цвѣтущихъ лѣтъ...
 Съ тѣхъ поръ не вѣрю я въ участие;
 На мнѣ легла тоски печать;
 Я даже свѣтлый призракъ счастья
 Сталь, полонъ горя, проклинать...
 Убила ты свята грезы,
 Попрала свѣтлыя мечты,
 И если я не вѣрю въ слезы,
 Такъ оттого, что *плачешь* ты.
 Я жилъ безпечный и счастливый;
 Нѣмой тоски не знала грудь...
 Не трудно было рѣчью лживой
 Младое сердце обмануть...
 Оно, какъ нѣжное растенье,
 Цвѣло... Зачѣмъ сгубила ты
 Коварнымъ словомъ обольщенья
 Мои надежды и мечты,
 Души восторги молодые?
 Мою любовь сгубилъ обманъ.
 Я чрезъ тебя узналъ впервые

Тоску и боль сердечныхъ рань...
 Онѣ и тяжки, и глубоки...
 Увы, съ тѣхъ поръ изъ глазъ моихъ
 Горючихъ слезъ текутъ потоки!
 Я скорбь свою омою въ нихъ.
 Я знаю, снова не проглянетъ
 Отраднѣй лучъ въ моей судьбѣ,
 Но можетъ-быть въ тѣ слезы канетъ
 Воспоминанье о тебѣ...

Муза.

Умолгни, другъ! Хотя-бъ одно мгновенье,
 Ты съ женщиной коварной счастливъ былъ...
 Не проклинай минуты увлеченья,
 Не проклинай свой коношескій пылъ...
 Укоромъ ты бесплодно грудь тревожишь;
 Въ ней ненависть и злобу заглуши.
 Забвенья жди, коль ты простить не можешь;
 Оно разгонитъ мракъ твоей души...
 Томился ты; былыя муки святы;
 Усопшіе почіють вѣчнымъ сномъ
 Въ землѣ сырой; въ душѣ, тоской объятай,
 Пусть такъ же дремлетъ память о быломъ.
 Въ твоей груди страданій было много;
 Лишь поправныя грезы и мечты
 Ты видишь въ нихъ; но развѣ волю Бога
 И тайны Провидѣнья знаешь ты?...
 Безъ теплаго дождя не зрѣютъ нивы;
 Никто безъ слезъ прожить не можетъ вѣкъ.
 За каждый мигъ отраднѣй и счастливѣй
 Годами скорби платитъ человекъ.
 Страданья—участь смертныхъ. Рѣдко; рѣдко
 Блаженства часъ даруется судьбой.
 Эмблема счастья—сломанная вѣтка,
 Покрытая цвѣтами и росой...
 Ты позабылъ коварную измѣну...
 Ты счастливъ, юнъ, тебя ласкаетъ свѣтъ.
 Ты радостямъ земнымъ не зналъ бы цѣну,
 Когда-бъ не помнилъ горя прошлыхъ лѣтъ.
 Въ кругу друзей, въ минуту ликованья,

Тебя не веселилъ бы смѣхъ и шумъ,
 Когда бы ты не зналъ тоски страданья,
 Горючихъ слезъ и безотрадныхъ думъ...
 Ты любишь Микель-Анджело, Шекспира,
 Стихи Петрарки, звѣздъ дрожащій свѣтъ,
 Величье и красу земнаго міра —
 За то, что въ нихъ находишь ты отвѣтъ
 На скорбь свою. Не разъ, въ часы невзгоды,
 О смерти думалъ ты, смятенья полнъ;
 Съ тѣхъ поръ ты любишь жизнь, красу природы,
 И шумъ лѣсовъ, и сладкій ропоть волнъ...
 Скажи, о чемъ ты плачешь и вздыхаешь?
 Ты подарилъ другой свои мечты?...
 Когда бывое горе воспоминаешь,
 Еще милѣй любимыя черты...
 Съ подругою, въ свиданья часъ счастливый,
 Ты ходишь въ лѣсъ; отрадой дышетъ грудь,
 Какъ въ оны дни; вамъ блѣдный призракъ ивы
 Во тьмѣ ночной указываетъ путь...
 Въ твоихъ объятыхъ сладко замирая,
 Она къ тебѣ склоняетъ чудный станъ...
 Все спитъ кругомъ; унылый свѣтъ бросая,
 Луна блеститъ, сребря ночной туманъ...
 Въ душѣ твоей сіяетъ лучъ надежды, —
 О прошлыхъ дняхъ зачѣмъ вздыхать тебѣ?
 Отъ горькихъ слезъ твои прозрѣли вѣжды,
 Твой духъ окрѣпъ въ страданьи и борьбѣ...
 Слезою примиренья и участья
 Ты помани страданья прошлыхъ дней, —
 Черезъ тоску узналъ ты тайну счастья...
 О женщинѣ коварной пожалѣй...
 Печальный долгъ достался ей на долю...
 Тебя заставивъ горько слезы лить,
 Она судьбы лишь исполняла волю;
 Она тебя любила можетъ-быть...
 Повѣрь, поэтъ, ея не лгали слезы...
 Когда бы въ ней дышалъ одинъ обманъ,
 Все пожалѣй ее. Утихли грозы
 Въ твоей душѣ; какъ утренній туманъ,
 Какъ мрачный сонъ, бывая скорбь умчалась...

Въ тебѣ кипить избытокъ чувствъ и силъ;
 Тебѣ надежда свѣтлая осталась...
 Ты горе зналъ, но вѣрилъ и любилъ...

Поэтъ.

Страданья злота не умалить.
 Преступна ненависть моя,—
 Она больное сердце жалить
 Какъ ядовитая змѣя...
 О, муза, вновь я рвуся къ свѣту,
 Съ тобой разлуки не снесу,
 Вонми священному обѣту,
 Что я дрожа произнесу:
 Блянусь лазурными очами
 Моей любовницы молодой,
 Блянусь цвѣтущими полями
 И неба чудной синевою;
 Блянусь звѣздой благословенной,
 Что мы Венерою зовемъ,
 Которой лучъ, какъ перлъ безцѣнный,
 Сіяетъ въ небѣ голубомъ;
 Блянусь величьемъ мірозданья,
 Блянуся благостью Творца
 И славой вѣчнаго сіянья
 Его нетлѣннаго вѣнца;
 Блянусь блаженствомъ и свободой,
 Блянуся жизненнымъ огнемъ,
 Красой безсмертною природы
 И счастья трепетнымъ лучомъ,—
 Что о быломъ воспоминанье
 На вѣкъ въ душѣ моей умретъ!...
 Забвенье прошлое страданье
 Съ собою въ вѣчность унесетъ...
 Невѣрный другъ, бывшая мука
 Я повялся на вѣкъ забыть,
 Но часъ забвенья и разлуки
 Прощенья часомъ долженъ быть!...
 Простимъ другъ друга,—намъ съ тобою
 Однимъ путемъ ужь не идти;
 Прими съ послѣднею слезою

Мое послѣднее прости...
Забывъ тяжелыя невзгоды,
О, муза, вновь къ тебѣ лѣтять
Моя душа!... Какъ въ счастья годы
Пусть пѣсня радостно звучить.
Мы по лѣсамъ скитаться будемъ
И съ первымъ солнечнымъ лучомъ
Мы пѣсней милую разбудемъ
И для нея цвѣтовъ нарвемъ...
Природа сбросить сна оковы,
Лишь день настанетъ. вмѣстѣ съ ней
Воскреснемъ мы для жизни новой
При блескѣ солнечныхъ лучей.

И. Мезловъ.

МАЗЕПА.

XII *).

Видимое дружелюбіе гетмана къ царю и его вельможамъ. — Донось на гетмана, поданный козакомъ Мирономъ. — Довѣріе къ гетману. — Движеніе шведофъ въ Литву. — Вѣстіе Гродна шведами. — Карлъ въ Сморгоняхъ и Радосовицахъ. — Булавинъ и запорожцы. — Вунтъ Булавинскій. — Участіе козаковъ въ его укрощеніи. — Письмо къ Мазепѣ пана Тарла. — Мотря Кочубеевна. — Донось Кочубея и Искры на гетмана. — Розыскъ по этому доносу. — Волянь Мазепы во время производства розыска. — Колебаніе Орлина. — Старшины пристають къ замыслу Мазепы. — Выдача Кочубея и Искры Мазепѣ и казнь ихъ.

Рокбвой въ исторіи Малороссіи 1708 годъ начался при обоюдныхъ выраженіяхъ добрыхъ отношеній между гетманомъ и русскимъ правительствомъ. Царь прислалъ гетману врача, заботясь о здоровьи Мазепы, безпрестанно жаловавшагося на «подагричные и хирагричные» недуги; гетманъ въ своихъ письмахъ разливался благодарностію за вниманіе къ нему**).

Мазепа отправилъ Головкину «звѣрины» (дичины) своей охоты для царскаго стола, назначая часть изъ посланнаго для самого канцлера, и изъявлялъ ему желаніе кушать на здоровье¹⁾. Съ своей стороны и верховной власти представился случай показать образчикъ прежняго неизмѣннаго довѣрія и расположенія

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

**) ... О здравіи моемъ благосердствуя, благосердствуешь, неизрѣченную паче же реку равнобожескую монаршескую свою являя мнѣ милость, когда для уврачеванія моей немощи извоили въ ц. пресв. вел—ство милостивно указать лекаря мнѣ прислать. И что воздамъ в. ц. в—ству за всёхъ яже воздашь ми еси? А понеже по достоинству возблагодарить не возмогу, убо до кончины житія и истощенія силъ моихъ за толь премилосердое монарше прызрѣніе вѣрными своими непремѣнными услугами подданнически награждать должествоую, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ проняцающій сердца (Арх. Им. Дѣл. 1708 г., январь. Подлинник).

¹⁾ Арх. Им. Дѣл. 1708 г. Подлин. Письмо гетмана отъ 9 января.

къ гетману. Явился снова доносчикъ, обличавшій Мазепу въ намѣреніи измѣнить царю: это былъ новокрещенецъ рейтаръ Миронъ, освободившійся изъ турецкой неволи. Онъ, прибывши въ Кіевъ, сообщилъ, что въ Яссахъ видѣлся онъ съ проживающимъ тамъ Василиемъ Дрозденкомъ, сыномъ брацлавскаго полковника, который, нѣкогда будучи соперникомъ Дорошенка, былъ послѣднимъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. Этотъ Василій Дрозденко говорилъ Мирону: «прошлаго года находился я въ Польшѣ при королѣ Станиславѣ, именно тогда, когда присланъ былъ туда бусурманскій посланецъ. Въ это время явился къ королю Станиславу какой-то чернецъ съ письмомъ отъ гетмана Мазепы. Письмо это было читано при бусурманскомъ посланцѣ; говорили, что оно заключало такое обѣщаніе, что козація войска, вмѣстѣ съ польскими и крымскими, будутъ воевать противъ царскихъ войскъ». Доносчика отправили изъ Кіева въ Посольскій Приказъ. Тамъ говорилъ Миронъ, что Дрозденко велѣлъ ему довести это до свѣдѣнія царя ради единой православной вѣры и памятуя, что отецъ его былъ подъ державою московскаго государя брацлавскимъ полковникомъ. Въ Москвѣ не повѣрили доносу и государь послалъ гетману утѣшительную грамоту *). Такъ къ этому доносу отнеслось правительство, наученное по опыту недоказанностію прежнихъ многочисленныхъ доносовъ на Мазепу; между тѣмъ для насъ теперь видно, что сообщеніе Дрозда заключало въ себѣ истину, относясь именно къ посылкѣ отъ Мазепы къ Станиславу болгарскаго или сербскаго ексъ-архіерея.

Довѣряя во всемъ гетману, царь поручилъ ему разослать по полкамъ своего регимента приказъ ловить и пытатъ тѣхъ, которые бы явились съ «прелестными» письмами отъ шведскаго короля и Станислава, такъ какъ открывалось, что шведскій король приказалъ въ Гданскѣ печатать русскими литерами воззва-

*) ... вѣрность твоя свидѣтельствуется тѣмъ, что ты ни мало ничего у себя не задерживая намъ о всемъ доносишь. И такъ мы, в. государь, рассуждаемъ, что тотъ Василій Дроздъ, наслышавшись о чернецѣ и составныхъ его письмахъ, будучи при дворѣ королевскомъ въ то время, когда къ тебѣ гетману была злохитрая подсылка по нѣкоему злоумышленному ненавистныхъ людей подущенію, чтобъ въ Малой Россіи замѣшаніе учинить, вѣдая и видя то, и завиствуя тому, что мы, вел. государь, нволаемъ имѣть тебя гетманомъ съ генеральною старшиною и съ полковниками и со всѣмъ народомъ малороссійскимъ безъ всякаго подозрѣнія, и ты нашего цар. в—ства подданный служишь намъ вѣрно и въ Украинѣ все съ пожиткомъ войску и народу малороссійскому исправляется (Арх. Ив. Дѣл. Подл. 1708 г., январь).

ня и распространять въ Украинѣ черезъ русскихъ перебѣжчиковъ ^{*)}).

Послѣ того какъ посланники турецкій и гетманскій предлагали шведской сторонѣ надежду на содѣйствіе, Барль съ большею отвагой замыслилъ перенести войну къ рубежу Московскаго государства. Царь Петръ находился въ Гродно, въ срединѣ Великаго Бняжества Литовскаго. Шведскій король самъ лично съ небольшимъ отрядомъ ударилъ на двухтысячный отрядъ русскихъ драгунъ, поставленный у моста на рѣкѣ Нѣманѣ, и прогналъ его. Русскіе ушли въ противоположные городскіе ворота изъ города. Шведы вошли въ Гродно. Царь въ слѣдующую ночь попытался было ихъ выгнать, но это ему не удалось. Шведское войско овладѣло цѣлымъ городомъ, а царь ограничился только тѣмъ, что приказалъ опустошить огнемъ и мечомъ весь окрестный край, чтобы не допустить вошедшихъ въ Гродно шведовъ получать изъ окрестностей средства къ своему существованію въ чужой странѣ.

Король шведскій съ войскомъ двинулся далѣе. 11-го февраля заложилъ онъ свою главную квартиру въ Сморгоняхъ, а 18-го марта въ Радосовицахъ. Царь съ войскомъ сталъ въ Вильнѣ; его генералы съ военными силами расположились въ Полоцкѣ, въ Минскѣ, въ Могилевѣ ^{*)}).

Гетману указано было собрать полки и выступить за Кіевъ, въ правобережную Украину, съ цѣлію содѣйствовать по мѣрѣ надобности полякамъ партіи Сенявскаго, враждебной шведамъ, впустить въ Бѣлую Церковь польскій гарнизонъ ^{*)} и держать при Сенявскомъ малороссійскаго резидента. Февраля 6-го Мазепа съ половиною своего войска былъ уже въ Хвастовѣ. Сенявскій писалъ ему, что идти самому далѣе не-зачѣмъ, а требовалъ присылки шести тысячъ козаковъ въ Польшу, о чемъ Мазепа доносилъ, представляя неудобство такой посылки ^{**}).

^{*)} Ibid. Подл., февр.

^{*)} Nordberg, II, 206—209.

^{*)} ... вгарнизонъ свой когда поляки до Бѣлой Церкви пришлютъ и до мене з тымъ отзовутся, невозбранно впущу оныхъ туды до фортецы Бѣлоцерковской, а прочюю Украину по указу вашего царскаго величества держать буду и не отдамъ ее въ посессію полякамъ до воли вашего цар. величества (Госуд. Арх. Письмо Мазепы января 30-го 1708 года).

^{**}) ... по указу в. ц. в—ства рушивши я в походъ военный з Батурина и переправивши Днѣпръ послѣдшилъ до Хвастова немедленнымъ маршемъ, где и войска regimentу моего, которые могли в нынѣшнее великое распутіе послѣ-

Очевидно, Мазепа, замысливши измѣнить царю Петру и при возможности объявиться на сторонѣ противной, чувствовалъ себя крайне въ фальшивомъ положеніи, когда его принуждали посылать подчиненное ему войско противъ тѣхъ, которымъ онъ тайно обѣщалъ свое содѣйствіе, и оттого-то онъ изъ всѣхъ силъ старался подъ разными благовидными предлогами удерживаться отъ посылки козаковъ на помощь полякамъ враждебнымъ королю Станиславу. Царскій указъ предписывалъ отправить стародубскихъ полчанъ къ Быхову на соединеніе съ бывшими тамъ польскими военными силами; Мазепа пытался увѣрить правительство, что это будетъ небезопасно, потому что на искренность подяковъ нельзя положиться *)). Онъ извѣщалъ, что, по поводу сношеній шведовъ съ турками, надобно остерегаться отъ внезапнаго вторженія бусурманскихъ союзниковъ шведскаго короля, и потому недѣзя лишать Украину постояннаго войска. Сенявскій напрасно требовалъ и присылки козаковъ и возвращенія Украины, ссы-

довательно мнѣ належащаго мѣста достигнуть, около Хвастова разставленныя пребываютъ, а половина войска по повелѣнію в. ц. в — ства для люты своей в домахъ осталася, где зде въ Хвастовѣ получилъ я отъ г-на Синавскаго гетмана великаго короннаго трикратное писаніе в которомъ жаеаетъ, дабы я далечейшимъ походомъ и самъ не турбовался и войскъ не трудить, того ради что непріятельская потенція з Польши вышла и маршь свой до Литвы опредѣлила, токмо в Великой Польщѣ около Познаня малая нѣкая партія оставлена, на которую проситъ у мене суккурсу шесть тысячъ выборнаго войска туда жъ до Великой Полицы, а мнѣ совтуетъ около Бѣлой Церевы стоять, смотря неуспшно на поведенія бусурманскія, ибо получилъ онъ, гетманъ (яко до мене пишетъ), будто подлинную отъ зичливыхъ корреспондентовъ вѣдомость, что посель турецкій, посланный до короля шведскаго и до Станислава, обѣщалъ имъ именемъ Порты въ помощь по первой веснѣ 4000 турокъ и 6000 орды и будто и письмомъ тую свою ассекрацію утвердилъ. Я убо безъ именного в. ц. в — ства указу не знаю яко тымъ суккурсамъ желаніе его г-на гетмана великаго исполнить. Понеже отъ Днѣпра ажъ до Случи на сей пустыни не токмо сѣна но и соломы невозможно достать, а отъ Случи до Львова мало не тое же чинится для консистенціи войскъ обозовыхъ коронныхъ. И если въ такую далекую сторону 6000 выборнаго войска пошлю, то подлинно в нынѣшнее распутіе и крайнюю безкормицу отъ коней отпадутъ и пѣши поприходить (Ibid. Письмо Мазепы 6 февр.).

*) ... понеже тамъ около Быхова многіе корогвы войска литовскаго приближаются и волочатся, которые, яко непостоянные, Богъ вѣдаетъ что думаютъ и какиимъ намѣреніемъ тамъ собираются, и если бьоные, изъявляя сокровенную свою внутреннюю вражду, похотѣли нечаянное на полки моего регимента учинить нападеніе, а наши бы ихъ не одолѣли, то надежнѣе будетъ уступитъ и припертися для оборонительнаго отпору къ своимъ городамъ, гдѣ я скорѣе бы войсками регименту моего подаль помощь (Ibid. 1708 г. Письмо марта 9).

жаясь на объявленную волю царя. Мазепа все отговаривался неполученіемъ окончательнаго царскаго указа и Сенявскій писалъ къ царю, представляя доводы, что одна Бѣлая Церковь безъ территоріи не достаточна, и, жалуясь на малороссійскаго гетмана, просилъ приказать ему исполнить царскую волю объ отдачѣ Украины *). Мазепа, напротивъ, писалъ, что опасно посылать козацкое войско подъ команду ляхамъ, потому что они коварны **). Спустя немного времени, Сенявскій потребовалъ уже не шесть, а десять тысячъ козаковъ ему «въ сигурсь» и сверхъ того желалъ, чтобъ и самъ гетманъ Мазепа съ остальными козацкими силами шелъ къ нему къ Дубно, потому что противъ Сенявскаго шли военныя силы Станислава. Царь приказывалъ Мазепѣ исполнить требованіе Сенявскаго, потому что долженъ былъ содѣйствовать польскому войску, которому давалъ субсидію †). Мазепа долженъ былъ снарядить на помощь къ Сенявскому отрядъ козаковъ подъ начальствомъ кievскаго полковника Мокіевскаго †); но вмѣстѣ съ тѣмъ Мазепа не переставалъ увертываться и выдумывать всякіе способы, чтобъ, исполняя царскую волю, не дѣйствовать наперекоръ своимъ тайнымъ замысламъ.

Мазепа писалъ Головкину, что получилъ «пересторогу» отъ нѣкоторыхъ поляковъ, преданныхъ царю, что непріатели намѣрены вторгнуться въ Украину, а Сенявскій колеблется и подумываетъ пристать къ шведской сторонѣ. «Быть-можетъ,— писалъ Мазепа,—Сенявскій нарочно замыслилъ отвлечь отъ меня 10.000 козаковъ, чтобы раздѣлить мои силы и открыть непріателю нашему путь въ Украину». Мазепа повторялъ опасенія и со стороны сераскира и со стороны Запорожья: тамъ, подъ покровительствомъ запорожцевъ, которыхъ въ своемъ донесеніи онъ честилъ «псами», стекается разный сбродъ изъ Гетманщины, Слободской Украины, Польши и Волоцины,—люди готовые на всякое воровство и своеволіе †). Все это, по видимо-здра-

*) ... Господинъ гетманъ Мазепа указы в. в—ства паче разказами нежеи самгитъ дѣломъ исполняетъ, отсрочивая сигурсь, который нынѣ зѣло былъ бы потребенъ къ разорванію силъ непріятельскихъ, въ чемъ не жалуясь на персону его м—сти, дерзаю проситъ в. в—ство о дѣйствительномъ къ нему указѣ и'объ отдаваніи Украины (Арх. Ин. Дѣл. 1708 г., мартъ. Подл.).

***) ... ляхи повидному аще теперъ и являються быти вѣрными обаче внутръ сокрывають что невозможно того проникнути (Ibid.).

†) Госуд. Арх. Кабинетскія Дѣла. Отдѣленіе II, кн. № 8.

†) Арх. Ин. Дѣл. 1708 г., апрѣль. Подлин..

†) Ibid.

вымъ соображеніямъ гетмана, не допускало удалять его съ войскомъ изъ Украины. Сенявскій ни за что не хотѣлъ брать Бѣлой Церкви и вводить туда польскаго гарнизона, домогаясь непременно отдачи ей территоріи. Но Мазепа всѣми силами старался убѣдить царя, что если отдать Бѣлую Церковь съ уѣздомъ и дозволить тамъ стоянку польскихъ военныхъ силъ, то между поляками съ одной стороны и съ другой—бѣлоцерковскими козаками, а за ними и всѣми обывателями правобережной Украины начнется междоусобная драка. Это казалось чрезвычайно основательнымъ, судя по недавнимъ еще событіямъ, и притомъ все это сходилось съ тогдашними намѣреніями, возникшими у Петра. У царя велись тогда тайные переговоры съ королемъ Августомъ; царь пытался побудить Августа появиться въ Польшѣ и своимъ прибытіемъ поддержать противниковъ Станислава; поэтому Петръ воспользовался предостереженіями Мазепы, отложилъ до возвращенія Августа отдачу Польшѣ правобережной Украины, задержалъ движеніе Мазепы съ малороссійскими военными силами на Волинь къ Сенявскому и, наконецъ, выдачу обѣщанной денежной субсидіи на польское войско ⁷⁾. Подозрѣніе на Сенявскаго, которое набрасывалъ царю Мазепа, подтверждалось извѣстіями и изъ другаго пути. Царскій резидентъ, состоявшій тогда при Сенявскомъ, доносилъ царю, что этотъ панъ, въ минуты откровенности, высказывался такъ: «если придутъ такия обстоятельства, что мнѣ невозможно будетъ держаться царской стороны, то я отступлю къ противной сторонѣ, только *шелмой* никогда не буду, а заранѣе объявлю объ этомъ прямо» ⁸⁾. По извѣстію шведскаго историка ⁹⁾, Сенявскій въ это время сильно колебался и уже склонился было на сторону Станислава подъ вліяніемъ убѣжденій французскаго посланника маркиза де-Бонака, но потомъ опять отвернулся въ противную сторону. Причиною такого колебанія было то, что союзъ съ Петромъ щекоталъ честолюбивыя надежды Сенявскаго—сдѣлаться самому королемъ ¹⁰⁾, а его жена, черезъ посредство другихъ лицъ, искала милости у Станислава «про запасъ», чтобъ имѣть возможность пристать къ нему тогда только, когда уже станетъ

⁷⁾ Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Донесеніе царю Головина 9 мая.

⁸⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г. Польскія Дѣла.

⁹⁾ Nordberg, II, 210.

¹⁰⁾ Ibid., стр. 226.

ясно, что царскія дѣла пойдутъ худо ¹¹⁾). Польскіе наны въ то время такъ легко переходили съ одной стороны на другую, что никакихъ соображеній нельзя было составлять заранѣе ни о комъ: малѣйшее что-нибудь, манившее выгодною, или устрашавшее опасностію, располагало польскаго пана пристать къ той сторонѣ, которой онъ только-что предъ тѣмъ былъ противникомъ, и измѣнить той, которой недавно клялся въ вѣрности. Такъ въ эту пору братья Любомирскіе—обозный и подкоморій, отърыто ставшіе за Станислава, теперь обращались къ царскимъ министрамъ, изъявляли «униженность» и охоту служить общимъ интересамъ, прося возвратить свою маетность Лабунь, захваченную Меншиковымъ ¹²⁾). Съ Сенявскимъ могло быть что-нибудь подобное въ обратномъ смыслѣ.

Мазепа бросалъ подозрѣніе на Сенявскаго, выставляя свою вѣрность царю; но и Сенявскій не оставался въ долгу и бросалъ предъ царемъ подозрѣнія на Мазепу. Въ апрѣлѣ, жалуясь, что, вопреки царскому обѣщанію, Мазепа не отдастъ Украины и самъ не идетъ съ войскомъ къ Дубно, онъ сказалъ русскимъ резидентамъ Украинцеву и Дашкову: «охъ, смотрите, какъ бы гетманъ вашъ не имѣлъ со шведскимъ королемъ и съ Лещинскимъ тайнаго согласія!» Разомъ стольникъ Кантакузинъ сообщилъ Мазепѣ, что посланецъ турецкій, ѣздившій въ Польшу къ Станиславу и къ шведскому королю, слышалъ, какъ Станиславъ хвалился, что у него есть друзья въ Москвѣ, гетманъ съ Украиною съ нимъ за-одно и станетъ помогать ему противъ Москвы, когда Порты пошлетъ въ помощь Станиславу орду. Самъ Мазепа сообщилъ о такихъ слухахъ на счетъ себя Головкину и приписывалъ такую клевету противъ него сераскиру, который хочетъ затянуть Порту въ войну противъ русскаго царя. Въ маѣ ѣздилъ къ Сенявскому отъ Мазепы войсковою канцеляристъ Максимовичъ и съ нимъ Сенявскій прислалъ Мазепѣ какое-то письмо, «писанное невѣдомо отъ кого и до кого»: въ этомъ письмѣ желали склонить Сенявскаго къ переходу на сторону Станислава и указывали, какъ на примѣръ, что гетманъ Войска Запорожскаго уже къ нему склонился ¹³⁾). И объ этомъ Мазепа тотчасъ самъ извѣстилъ Головкина, признавалъ такое письмо произведеніемъ «адгерентовъ» шведскихъ, которые другъ съ другомъ ссорятся

¹¹⁾ Арх. Ин. Дѣл. Польскія Дѣла 1709 г.

¹²⁾ Арх. Ин. Дѣл. 1708 г., мартъ. Подлинн.

¹³⁾ Ibid., 23 мая.

и его, невиннаго, въ свои дразги мѣшаютъ. Мазепа горько жаловался, что клеветники не даютъ ему покойно окончить въ старости дней своихъ, и увѣрялъ, что гетманское званіе доставляетъ ему только муку *). Головкинъ, успокоивая «добраго» старика, писалъ къ нему: «Много такихъ разсѣянныхъ бездѣлицъ бываетъ не на одного васъ, но и на иныхъ многихъ вѣрныхъ слугъ царскаго величества; нечего тому вѣрить, ибо непріатели всегда для своей пользы ложь на вѣрныхъ сплетаютъ, дабы тѣмъ своихъ единомысленниковъ увеселить».

Сенявскій, долго домогавшійся всей правобережной Украины, въ маѣ отнесся къ русскому правительству съ готовностію взять одну Бѣлую Церковь съ ея уѣздомъ. Головкинъ по этому поводу писалъ къ гетману Мазепѣ, что это дѣло оставляется на его собственное усмотрѣніе: если гетманъ надѣется, что отдача Бѣлой Церкви не произведетъ волненія во всемъ малороссійскомъ народѣ, то можетъ исполнить требованіе Сенявскаго, а въ противномъ случаѣ можетъ подождать ¹⁴⁾).

Такимъ образомъ Мазепа успѣлъ-таки поставить дѣло съ поляками такъ, какъ ему было нужно до поры до времени. Онъ держалъ царя въ подозрѣніи относительно поляковъ, не шель самъ въ Польшу на помощь противникамъ Станислава, не посылалъ ужь туда болѣе козаковъ, не отдавалъ и Бѣлой Церкви Сенявскому, а стоялъ обозомъ у Бѣлой Церкви, куда перенесся изъ Хвастова еще 27 марта по причинѣ скудости въ конскихъ кормахъ. Стоя подъ Бѣлою Церковью, какъ будто дожидаясь дальнѣйшаго царскаго указа, Мазепа отправлялъ по царской волѣ козацкіе отряды въ другую сторону.

На Запорожьи появился предводитель донцовъ и украинныхъ удалцовъ Московскаго государства, Кондратій Булавинъ. Сначала

*... Благодарю Бога моего, что грѣхъ ради моихъ наказуетъ мя отовсюду скорбями, напастьми и клеветами, бѣдами и неудобнослыми печальми, которыя въ крайней моей немочи и ослабѣлой старости превосходятъ мои силы и не даютъ мнѣ спокойно сего уже короткаго житія докончить, но прежде времени въ гробъ жешуть! Богдай бы того никогда уряду гетманского не зналъ, на которомъ отъ начала его не живу, а мучусь, стражду и непрестанныя напасти и внутрь отъ своихъ знаемыхъ и лжебратій и извнѣ отъ чужестранныхъ терплю. Прошу вашей вельм—сти, сотвори милость съ ближнимъ своимъ горѣ нежели въ разбойники впавшимъ и милосердствуя о мнѣ, подаждь въ тяжкихъ печалѣхъ желаемую ограду, да не скончаюся безвременно (Арх. Ин. Дѣл. Подлин. 1708 г., май).

¹⁴⁾ Госуд. Арх. Кабинетскія Дѣла. Отдѣленіе II, кв. № 8. Письмо Головкина.

онъ заложилъ свой станъ въ урочищѣ Бленковѣ, на рѣкѣ Калшусѣ; къ нему набралось тамъ до 9.000 всякаго рода «гультаевъ»; донцовъ было съ нимъ до тысячи человекъ¹⁵⁾). Оттуда Булавинъ прибылъ въ Сѣчу, принесъ письмо отъ донскаго козацкаго войска къ низовому запорожскому и сталъ возбуждать запорожцевъ идти вмѣстѣ съ донцами на Русь—бить бояръ, прибыльщиковъ, дворянъ и подъячихъ. Три раза собиралась въ Запорожьѣ рада. «Молодыта» (т. - е. не долго еще жившіе въ Сѣчѣ) вошли въ задоръ и подняли обычный крикъ: идти бить арендарей и пановъ за то, что Украиною завладѣли. «Старики» удерживали ихъ и представляли, что въ то время никакъ нельзя было начинать такого похода: первое, оттого, что зима была теплая и рѣки не совсѣмъ замерзли; второе, въ Москву посланы были ихъ товарищи и могли тамъ пропасть, если Запорожье пристанетъ къ мятежу. Дозволили Булавину жить въ Бодакѣ, но не дозволяли приглашать татарскую орду¹⁶⁾). Это происходило въ срединѣ зимы. Мазеца отправилъ въ Сѣчь батуринскаго сотника съ приказаніемъ выдать Булавина. Сначала рада рѣшила исполнить требованіе гетмана, но на другой день пьяницы и «гультаи» взяли верхъ надъ стариками и закричали, что Булавина выдать невозможно, потому что издавна въ Сѣчу воленъ всякому приходъ и Сѣчь никогда никого не выдавала. Булавину, однако, послали въ Бодакѣ приказаніе жить смирно, распустить всякое гультайство и не затѣвать ничего противнаго государю¹⁷⁾). Но вслѣдъ затѣмъ въ Сѣчѣ произошелъ переворотъ: смѣнили кошеваго, избрали Костю Гордѣенка, «древняго вора и бунтовщика», какъ его называлъ въ своихъ донесеніяхъ Мазеца. Напрасно отъ гетмана приходили одно за другимъ требованія выдать, или, по крайней мѣрѣ, прогнать Булавина. Онъ продолжалъ сидѣть въ Бодакѣ и оттуда разослалъ 260 агентовъ въ украинныя страны Московскаго государства и на Донъ съ возмутительными грамотами¹⁸⁾). Онъ возбуждалъ донцовъ тѣмъ, что «дѣды и отцы положили старое поле и то старое поле держалось вѣрно, а нынѣ злые бояре и нѣмцы козаковъ ругаютъ и оскорбляютъ, жгутъ и казнятъ жестоко и старое поле переводится ни во что». Онъ, Булавинъ, возстаетъ за это старое поле и съ нимъ за

¹⁵⁾ Арх. Юст., кн. 104, л. 128 и 173.

¹⁶⁾ Ibid., л. 174 и далѣе.

¹⁷⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., январь. Подлинн.

¹⁸⁾ Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. I, кн. № 8.

одно всё запорожскіе козаки и бѣлгородская орда. Онъ даетъ такой приказъ войску донскому и всѣмъ городамъ украиннымъ: со всѣхъ станицъ половина жителей пусть идетъ къ нему, а половина остается дома. Всѣхъ начальныхъ и простыхъ черныхъ людей посадскихъ и волостныхъ, въ селахъ и деревняхъ украинскихъ городовъ, возбуждалъ онъ истреблять дворянъ, прибыльщиковъ, нѣмцевъ, но уговаривалъ между собой отнюдь не заводить вражды, никого безвинно не оскорблять подь страхомъ смертной казни, всѣхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ освободить и всѣмъ вездѣ устроиться по козацкому обычаю въ десятки, выбравъ атамановъ и асауловъ. При новомъ кошевомъ уже не только не запрещали Булавину приглашать татаръ, но рѣшали, что когда къ Булавину пристанутъ бѣлгородскіе татары, горскіе черкесы и калмыки, тогда и запорожцы не задумаются идти на великорусскіе города ¹⁹⁾. Булавинъ переправился черезъ Днѣпръ, сталъ на урочищѣ Вороное и оттуда кликнулъ кличъ: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! кто похочетъ съ походнымъ военнымъ атаманомъ Кондратіемъ Булавинымъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко поѣсть да попить, на добрыхъ коняхъ поѣздить—пріѣзжайте къ нему въ вершины самарскія!» ²⁰⁾.

Мазепа съ своей стоянки подь Бѣлою Церковью отправилъ противъ Булавина полтавскаго полковника Левенца и охотнаго полковника Кожуховскаго; но въ то же время писалъ Головкину, что не слишкомъ-то довѣряетъ искренности и вѣрности посланныхъ козаковъ *). Безъ сомнѣнія, посылая войско противъ Булавина, Мазепа и здѣсь принужденъ былъ поступать наперекоръ своимъ истиннымъ тайнымъ намѣреніямъ. Естественно, ставши сторонникомъ Карла и Станислава и врагомъ Петра, онъ долженъ былъ для цѣлей своихъ тайныхъ союзниковъ находить подходящими всякія смуты и безпорядки въ царской державѣ.

Однако посланка козацкихъ полковниковъ сдѣлала свое дѣло. Булавинъ ушелъ **) и перебрался въ украинныя страны Москов-

¹⁹⁾ Ibid., отд. II, кн. № 7.

²⁰⁾ Ibid., отд. II, кн. № 7. Письмо Долгорукаго.

*) ... если пристали къ Булавину своевольные запорожцы, то какъ воронъ ворону глаза не выклюнетъ, такъ и козакъ на козака смело наступать не будетъ, а чтобъ къ онимъ козакамъ приданы были великороссійскія войска, понеже при нихъ лучше будутъ козаки служить (Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Донесеніе Мазепы 9 мая).

**) ... для промыслу, надъ нимъ ординавалемъ полкъ Полтавскій и полкъ

скаго государства. Онъ установился съ своею вольницею въ Пристанномъ городкѣ на Хопрѣ, взволновалъ городки по рѣкамъ: Хопру, Битюгу, Медвѣдицѣ, Гайдарѣ и Сѣверному Донцу. Весь этотъ край, не съ давняго времени населенный бѣглою вольницею, сталъ тянуть къ Донскому Войску. Булавинъ изъ Пристаннаго грянулъ на Черкасскъ, убилъ атамана Лукьяна Максимова и былъ провозглашенъ атаманомъ всего козачества. Не малую надежду полагалъ онъ на Запорожье, а главное — на множество гультаевъ, скоплавшихся тамъ изъ Гетманщины и слободской Украины, только того и алкавшихъ, чтобы ворваться «въ города» и расправляться тамъ съ зажиточными людьми, владѣльцами дворовъ и земельныхъ угодій. Въ концѣ мая Булавинъ, овладѣвши Черкасскомъ, съ нѣсколькими тысячами удальцовъ прибылъ въ Бахмутъ и оттуда послалъ въ Сѣчь свой новый «прелестный» универсалъ. Онъ извѣщалъ, что князь Василий Долгорукій съ московскими ратными людьми пришелъ истреблять все козачество, побить старыхъ и малыхъ и сжечь всѣ козачьи городки. Онъ извѣщалъ, что, въ ожиданіи такой бѣды для всего козачества, Войско Донское призываетъ всѣхъ обитателей береговъ Дона, Медвѣдицы, Хопра, Гайдара, Сѣвернаго Донца, Днѣпра и всѣхъ его «запольныхъ» (впадающихъ въ Днѣпръ) рѣчекъ, гдѣ только обрѣтается козачій присудъ, — подниматься и идти противу грозящаго всѣмъ врага, «чтобы всѣ козачьи рѣки оставались по прежнему, какъ было тамъ козачество, и чтобы между всѣми козаками было побратимство»²¹⁾. Сборное мѣсто назначено подъ Ямполемъ *). Воззванія Булавина надѣлали болѣе крика и шума, чѣмъ оказали ему помощи на дѣлѣ. Въ Сѣчѣ, въ Кодакѣ и разныхъ степныхъ притонахъ кричали, что надобно идти разорять и убивать всѣхъ значныхъ и богатыхъ людей. Въ самой Запорожской Сѣчѣ 13 мая была шумная рада. Удалые и горячія головы сперва взяли верхъ. Но пріѣхавшіе изъ Кіева монахи вынесли изъ сѣчевой церкви крестъ и евангеліе и успѣли уговорить часть козаковъ²²⁾. Послѣ того хотя запорожцы и приставали къ Булавину, но отдѣльными ватагами, человекъ въ нѣсколько сотъ въ каждой.

компанейскій, о которыхъ приближенныя къ Самарѣ онъ бунтовщикъ увѣдавъ сватъ перестороженный отъ пасѣчниковъ увойшелъ, оставя куренѣ толко и невѣдомо куды зъ гультайствомъ своимъ удалися (Ibid).

²¹⁾ Арх. Юст., кн. 104, л. 188.

²²⁾ Нынѣ слобода Изюмскаго уѣзда, при рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ.

²³⁾ Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 7.

Такъ, напримѣръ, 30 мая пошло къ нему 300 удальцовъ съ красными кумачными знаменами ²³⁾, а 9 июня отправилась къ нему другая партія—500 пѣшихъ человекъ ²⁴⁾. Но самъ Булавинъ повредилъ себѣ тѣмъ, что раздѣлилъ свои силы. Онъ отправилъ одинъ отрядъ своихъ козаковъ въ 5.000 чел. къ Азову, а другіе два, подъ начальствомъ единомышленныхъ своихъ атамановъ, Дранаго и Голага, на западъ для привлеченія къ себѣ жителей и умноженія силъ своихъ. Голый, въ отрядѣ котораго было тысячи полторы запорожцевъ, удачно расправился съ слободскимъ Сумскимъ полкомъ. Булавиныцы напали на него въ распахъ на берегу рѣки Уразовой ^{*)}, убили всѣхъ старшинъ и самого полковника Андрея Герасименка, взяли весь обозъ ²⁵⁾. Другіе предводители—Семень Драный и Безпалый—двинулись къ Ямполу, гдѣ назначено было сборное мѣсто, но ихъ не допустили бригадиръ Шидловскій и полковникъ Брпотовъ: съ этими послѣдними дѣйствовали посланные гетманомъ полковники полтавскій и компанейскій, которыхъ, послѣ ухода Булавина съ урочища Вороное, гетманъ прикомандировалъ къ маіору гвардіи князю Долгорукому ²⁶⁾. Полтавскій полковникъ приказалъ заранѣе вывести изъ городковъ Тора ^{**)} и Маяковъ ^{***)} всѣ козацкія семьи въ Изюмъ, чтобы не допустить торскихъ и маяцкихъ козаковъ пристать къ мятежу ²⁷⁾. У Кривой Луки ^{****)}, недалеко отъ Тора, встрѣтилъ онъ идущаго Дранаго, съ которымъ было до пяти тысячъ донцовъ и 1.500 запорожцевъ. Бой былъ жестокій, продолжался пять часовъ—три часа дня и два часа ночи—и кончился совершеннымъ пораженіемъ мятежниковъ. Драный палъ въ битвѣ. Многіе потонули въ Сѣверномъ Донцѣ. Запорожцы ушли въ Бахмутъ. Шидловскій тамъ ихъ осадилъ. Запорожцы сдавались, прося пощады, но ихъ не слушали и истребили, — Бахмутъ былъ сожженъ ²⁸⁾.

Между тѣмъ прошелъ слухъ, что Булавинъ самъ стоитъ при

²³⁾ Арх. Юст., кн. 104, л. 220.

²⁴⁾ Ibid., л. 238.

^{*)} Воронежской губерніи, Валуйскаго уѣзда.

²⁵⁾ Ibid., л. 238.

²⁶⁾ Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Донесеніе Мазепы 9 мая.

^{**)} Нынѣ Торская слобода Купянскаго уѣзда, при рѣкѣ Жеребцѣ.

^{***)} Нынѣ слобода Изюмскаго уѣзда, при рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ.

²⁷⁾ Арх. Юст., кн. 104, л. 188.

^{****)} Слобода Изюмскаго уѣзда, при рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ.

²⁸⁾ Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. I, № 18; отд. II, № 7.—Арх. Юст., кн. 104, л. 260.

урочищѣ Деркулѣ *). Противъ него пошли полковники полтавскій и компанейскій и вступили въ бой съ «чатою» (высланнымъ передовымъ отрядомъ) въ 800 человекъ. Мятежники были разбиты **). Булавинъ поспѣшно ушелъ къ тому отряду козаковъ, который онъ еще прежде изъ Черкаска отправилъ къ Азову, но тамъ пришелъ ему конецъ. Онъ покусился ворваться въ Матросскую и Плотничью слободы, прилегавшія къ городу Азову; три часа была жестокая битва противъ четырехъ ротъ солдатъ; изъ крѣпостей Азовской и Петровской гремѣли пушечные выстрѣлы. Козаки держались упорно; наконецъ, были прогнаны, 423 изъ нихъ пало въ битвѣ, 400 утонуло во время бѣгства, 60—попалось въ плѣнъ. Солдаты овладѣли однимъ знаменемъ, побрали лошадей, достали много панцырей съ убитыхъ **). Булавинъ со срамомъ привелъ въ Черкасскъ остатки разбитыхъ. Тамъ поднялъ противъ него бурю атаманъ Зерщикъ, его единомышленникъ и вмѣстѣ соперникъ. По наущенію этого человека, козаки стали кричать, что Булавина слѣдуетъ убить за то, что онъ погубилъ войско. Булавинъ, съ небольшимъ кружкомъ вѣрныхъ его совѣтниковъ, убѣжалъ въ свой курѣнь. Козаки принялись доставать его изъ курѣня. Булавинъ, защищаясь, успѣлъ застрѣлить двоихъ изъ своихъ враговъ, но увидѣлъ, что ему никакъ нельзя отбиться... Его воображенію предстали страшныя муки казни, которая его ожидала, еслибы козаки его взяли и выдали, и онъ пустилъ себѣ въ лѣвый високъ пулю изъ пистолета. Козаки переловили его совѣтниковъ, въ числѣ которыхъ былъ братъ Булавина и сынъ Дранаго. Ихъ всѣхъ посадили на цѣпь, потомъ выдали азовскому губернатору Толстому. Тѣло Булавина отправлено было въ Азовъ: голову отсѣкли и отдали врачамъ сохранить ее на-показъ, а туловище, уже смердящее, было повѣшено за ноги на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило нападеніе на Азовъ **).

Возстаніе въ украинскихъ городахъ продолжалось еще до конца 1708 года и было угашено княземъ Долгорукимъ посредствомъ самыхъ жестокихъ, безчеловѣчныхъ мѣръ. Левенецъ, Божуховскій и сотники ихъ полковъ, числомъ 21, получили въ награжденіе по парѣ соболей и по обьяринному кафтану за по-

*) Нынѣ слобода Старобѣльскаго уѣзда, при рѣкѣ Деркулѣ.

***) Арх. Юст., кн. 104, л. 250.

**) Ibid., л. 260.

*) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣл. Отд. I, № 18; отд. II, № 7.

бѣду при Деркулѣ, подготовившую полное пораженіе мятежника ³²⁾). Но Мазепа не совсѣмъ одобрительно отозвался о полтавскомъ полковникѣ *).

Въ концѣ мая гетманъ получилъ отъ Ленчинскаго, польскаго короннаго подскарбія, увѣдомленіе, что ему не-зачѣмъ будетъ идти внутрь Польши. Мазепа сообщалъ, что по его соображеніямъ слѣдуетъ воротиться въ Украину и бережись съ одной стороны внутреннихъ смятеній въ краѣ **), а съ другой—помощи врагамъ изъ Турціи. Посоль гетманскій Згура ѣздилъ въ Бендеры къ сераскиру «съ комплиментомъ» и тамъ подлинно узналъ, что сторонникъ Станислава Лещинскаго, панъ Тарло, домогался въ Бендерахъ черезъ сераскира получить отъ Порты въ помощь хотя немного орды ³³⁾). Этотъ Згура родомъ грекъ, близкій совѣтникъ Мазепы, впоследствии явился однимъ изъ участниковъ измѣны гетмана, а потому вѣроятно, доставляя пугливыя реляціи, на самомъ дѣлѣ ѣздилъ къ сераскиру вовсе не съ такими полезными для царя видами, какъ о немъ показывалъ гетманъ въ своихъ донесеніяхъ Головкину. Панъ Тарло отъ 9 іюня писалъ гетману письмо, убѣждалъ пристать на сторону шведскаго короля и Станислава и увѣрялъ именемъ обоихъ королей, что Войско Запорожское и весь украинскій народъ будутъ оставаться при своихъ старинныхъ правахъ и вольностяхъ съ приумноженіемъ новыхъ, лишь бы только гетманъ, освободившись отъ тиранской власти, возвратился къ своему наследственному государю и къ общей матери—Рѣчи Посполитой.

Мазепа это письмо препроводилъ Головкину и испрашивалъ приказанія государя, какъ ему поступить. Царь приказалъ гетману дать отвѣтъ Тарлу по своему усмотрѣнію. Тогда Мазепа отъ 23 іюля отвѣчалъ Тарлу въ такомъ смыслѣ, что невозможно отклонить его, гетмана, отъ вѣрности своему государю, и притомъ украинскій народъ никогда не захочетъ соединиться съ поляками, испытавши отъ нихъ много несчастій ³⁴⁾). Мазепа при-

³²⁾ Арх. Юст., кн. 104, л. 250.

*) ... а полковникъ полтавскій издревле есть непостояненъ и въ ближайшемъ съ запорожцами сосѣдствѣ пребывая, всегда однимъ духомъ съ запорожцами дышетъ (Арх. Ин. Дѣл. Подлин. мая 30. Донесеніе Мазепы).

***) ... опасно чтобъ въ обозѣ роптаніе, смятеніе и бунтъ непостоянныхъ и малодушныхъ не произошелъ, или въ городахъ безъ полковниковъ и сотниковъ не начинали яего бунты (Ibidem).

³³⁾ Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8. Письма Головкина.

³⁴⁾ ... не могутъ мене никогда ни стрѣлы, ни огонь разлучить отъ любви пресвѣтлѣйшаго всемиловѣйшаго государя моего, котораго святобливымъ пред-

поминалъ пану Тарлу, какъ еще въ недавнія времена кievскій воевода Потоцкій справлялся съ возставшимъ народомъ: жолвѣры отнимали отъ матерней груди невинныхъ малютокъ и втыкали на копья, бросали ихъ въ ямы и душили огнемъ, загоняли въ избы женщины и сожигали *). Мазепа вспомнилъ, какъ принуждали народъ къ уни, какъ отдавали жидамъ-арендаторамъ право распоряжаться христіанскими таинствами **). Мазепа говорилъ, что «золотая вольность», которою такъ хвастались поляки, превращается у нихъ въ «железное самовольство». Мазепа обличалъ суетность обѣщаній вольностей малороссійскому народу, когда Станиславъ, котораго поляки называютъ своимъ королемъ, самъ не болѣе какъ невольникъ шведскаго короля. Мазепа объявлялъ польскому пану, что Украинѣ подъ царскимъ скипетромъ вовсе не худо ***), и потому никакія обѣщанія благъ, никакія ласкательства не въ силахъ ни теперь, ни впредь отвести малороссійскій народъ отъ русскаго царя и его наслѣдниковъ ****). Въ заключеніе, на просьбу Тарла объ отпускѣ Воль-

камъ пресвѣтлѣйшимъ царемъ московскимъ и его царскому величеству единожды во все со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ вѣру присягъ и оную свято содержать долженъ есмь по праву совѣсти... напрасный вашъ трудъ, неоптребные заводы, ненадежныя надежды и ожиданія суть; понеже въ тихъ своихъ вертоглавныхъ дѣйствахъ напрасно чрезъ толь многіе годы трудитесь, ибо первѣе на землѣ звѣзды будутъ, небо же сохою орано, нежели Украина мѣла бы когда возвратитися къ Коронѣ польской и народъ козацкій отъ вѣковъ къ польскому имѣющей ненависть, съ Рѣчью Посполитою соединенъ имѣлъ быть; покамѣстъ свѣтъ стоитъ свѣтомъ, не будетъ козакъ долаку братомъ, ожегшися на водѣ побратимства лядскаго (Арх. Ин. Дѣль. Подлин., июль).

*) ...безъ всякой пощады обоего пола и вѣку пролитая кровь чрезъ Потоцкаго воеводу кievскаго, который по Украинѣ невинныхъ дѣтей отъ грудей отнимая жолвѣрамъ велѣлъ на копья втыкать и въ яму побросавъ огнемъ дуть, женщинъ въ избы загнавъ жечь (Ibid).

**) ...вольный народъ къ проклятой уни принуждаете, которая не соединяетъ, а разлучаетъ, вольное отправление вѣры запрещаете, святыми Тайнами, крещеніемъ, супружествомъ, жидамъ волно располагать допущаете и оныя тому народу на аренду продаете, и они имѣя въ своемъ управленіи Тайны, потаихъ крестить дѣтей и вѣнчать священникамъ не дозволили, покамѣстъ аренда не удоволствовано, и часто прилучалось что тотъ ехидникъ въ приреждаемой ку христіанамъ ненависти для вящихъ своихъ прихотей вѣнчаніе и дѣтей крещеніе продолжалъ, отчего многіе дѣти умерли безъ крещенія... (Ibid).

***) ...вольные есмь отъ всѣхъ податей, обогачены доволными маетностями, вѣра святая насъ съ храбрымъ народомъ московскимъ соединяетъ и церкви Божіи повседневно прибавляются: какой еще вольному народу больше надобно вольности... (Ibid).

****) ...хотя бы оному землю пльвущую жлекомъ и медомъ давали, не прель-

сваго, присланнаго къ Мазепѣ отъ Станислава еще въ 1705 г., Мазепа отвѣчалъ, что этого человѣка онъ не отпуститъ, потому что онъ достоинъ висѣлицы.

Поступокъ съ письмомъ Тарла и отвѣтъ послѣднему, присланннй въ копіи Головкину, конечно должны были показаться московскому правительству новымъ доказательствомъ непоколебимой вѣрности гетмана и лживости всякихъ на него доносовъ. Замѣтимъ только, что для насъ нѣтъ доказательства, что именно такой отвѣтъ былъ въ самомъ дѣлѣ посланъ Мазепою, но во всякомъ случаѣ правительство другого не знало. Между тѣмъ тогда уже возникъ и разбирался доносъ самый крупный въ ряду всѣхъ доносовъ, которые въ продолженіе гетманства Мазепы сыпались на него такъ обильно. То было дѣло Кочубея, окончившееся въ то самое время, когда Мазепа велъ приведенную нами переписку съ Тарломъ.

Мазепа и Кочубей, какъ уже видѣли мы прежде, были издавна близкими пріятелями. Нѣкогда они служили вмѣстѣ у Дорошенка, потомъ—у Самойловича и вмѣстѣ выкапывали яму, въ которую удалось имъ свалить Самойловича. Послѣ того, какъ Мазепа сталъ гетманомъ, нѣсколько лѣтъ господствовало между ними согласіе; по крайней мѣрѣ можно это заключить изъ того, что гетманъ сочеталъ своего племянника Обидовскаго съ дочерью Кочубея Анною и самому Кочубею исходатайствовалъ у царя жалованныя грамоты на маестности. Кочубей былъ долго въ чинѣ генеральнаго писаря, потомъ сдѣланъ былъ генеральнымъ судьей, что составляло повышение въ козацкомъ урядѣ. Есть отрывочныя извѣстія, что между ними бывали временныя неудовольствія; самъ гетманъ, послѣ того, какъ уже разсорился съ Кочубеемъ, вспоминалъ въ письмѣ къ нему, что въ теченіе 16 лѣтъ прощалъ ему какіе-то проступки ³⁴⁾. Но событіе, положившее между ними роковую вражду, наступило въ 1704 году.

Мазепа отъ молодости до глубокой старости былъ большой женолюбецъ. Его супруга скончалась въ 1702 году. У Кочубея была красивая дочь по имени «Мотря» (Матрена), крестница гет-

стать его никакія ласкательства и не отвѣдутъ не токмо нынѣ, но и впродъ отъ неосиленнаго защищенія пресвѣтлѣйшаго царскаго величества всемилостивѣйшаго государя и непобѣдимыхъ наследниковъ его въ которомъ самъ душу часть набра... Того ради не належитъ того жалеть, него подгнать невозможно... (Ibid).

³⁴⁾ Читенія М. О. И. и Д. 1859 г., т. I., стр. 131.

манская. Существуют свидѣтельства, что Мазепа дѣлалъ ея родителямъ предложеніе, но получилъ отказъ, такъ какъ бракъ между нимъ и Мотрєю былъ невозможенъ по уставамъ церкви. Тотъ же Мазепа «подговаривалъ» Мотрью черезъ своего служителя Демьяна... но намъ неизвѣстно—прежде ли такихъ «подговоровъ» было сватовство его, или же послѣ, и сватать ее онъ началъ только послѣ того, какъ не успѣлъ соблазнить безъ брака. Какъ отецъ Мотри смотрѣлъ на сватовство гетмана,—показываетъ то негодованіе, съ какимъ онъ относился объ этомъ въ своемъ донесеніи государю *).

Какъ бы то ни было, но, по извѣстію Кочубея, 2 декабря 1704 года Мазепа, находясь въ Бахмачѣ, послалъ своего служителя Демьяна въ Батуринъ къ Кочубею со свѣжею рыбой на гостинець и далъ Демьяну тайное порученіе предложить Мотрѣ сначала три, потомъ десять тысячъ червонцевъ съ тѣмъ, чтобъ она пришла къ гетману. Мотря не соглашалась. Тогда Демьянъ отъ имени своего пана просилъ у нея прядь ее волосъ. Черезъ два дни, въ день Св. Николая, тотъ же Демьянъ явился снова и сталъ подговаривать Мотрью на свиданіе съ гетманомъ. Въ огородѣ ея отцовскаго двора была дыра въ частоколѣ: туда звали Мотрью для разговора съ гетманомъ... Нѣсколько разъ были къ ней подобныя подсылки. Старый грѣхпроводникъ просилъ ее прислать ему—то рубашку съ тѣла, то монисто съ шеи, посылалъ ей на гостинець какую-то книжечку и брилліантовый перстень **).

Между тѣмъ положеніе Мотри въ родительскомъ домѣ стало веселымъ: ея мать, какъ изъ многаго видно, была женщина крутого и суроваго нрава. Уклоняясь отъ родительскихъ преслѣдованій, Мотря убѣжала къ Мазепѣ. Родители стали бить тре-

*) ...Егда же предасть гробу жену свою, тогда новую изобрѣтаетъ на мя вражду, прельщая мя, устрашая, моля и смертію прецаше дабы вторую дщерь мою дѣвицу ему же воспріемлемую отъ св. крещенія духовную дщерь взяти мого въ супружество. Какую дьявольскимъ дѣйствомъ возбудити мнѣ печаль, дабы азъ явленъ быхъ всея вселенныя законопреступный отецъ и маловѣрный христіанинъ, како бы желаніе свое исполнити зѣло о томъ мнѣ насильству и много шатаюся явѣ не возмогхъ (Чт. М. О. И. и Д. 1859 г., т. I, стр. 125).

**) Моя сердечная коханая Мотроненько! Поклонъ мой отдаю вашей милости мое серденько, а при поклонѣ посылаю в. м. гостинца книжечку и обручѣкъ діамантовый, прошу тое завѣдиче принять, а мене въ любви своей неотпѣнно ховати нѣмъ дастъ Богъ з лишнимъ привитаю. За тимъ цѣлую уста коралевіи, ручки бѣленькіе и всѣ члонки тѣльца твоего бѣленького, моя любенко коханая (Чт. И. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I. Дѣло Кочубея. Письма Мазепы, стр. 127—130).

вогу ^{а)}). Мазепа не стерпѣлъ укоровъ Кочубея и отослалъ Мотрю къ родителямъ съ полковникомъ великороссійскаго отряда Анненковымъ, находившимся при гетманской особѣ. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Мотри, просилъ не гнѣваться на него за то, что такъ поступилъ съ ней, иначе ея родители безславили бы его; сверхъ того и онъ и она не могли бы воздержаться и стали бы жить по супружески, а за это постигло бы ихъ неблагословеніе отъ церкви и потомъ она сама бы на него роптала ^{б)}). Мазепа сносился съ Мотрею черезъ какую-то дѣвку Мелашку ^{в)}), писалъ къ Мотрѣ разныя нѣжности, увѣрялъ, что никого такъ не любилъ какъ ее, спорбѣлъ о злобѣ ея родителей и просилъ не измѣняться къ нему въ любви, сообразно данному ею слову въ то время, когда отъ него выходила, а онъ вручилъ ей такой дорогой перстень, которому подобнаго другого у него не было ^{г)}). Старога гетмана безпокоило, что Мотри, какъ онъ узналъ, терпѣла отъ своей матери, которую онъ, по этому поводу, называлъ мучительницею ^{д)}). Въ другомъ письмѣ онъ, сожалѣя, что

^{а)} Азъ же (слова Кочубея) не могій что творити въ колоколъ ударя, да всякъ видить бѣдство мое (Ibid. Дѣло Кочубея, 125).

^{б)} ... Мое серденько! Зажурилемся почувши отъ дѣвки такое слово же в. м. за зле на мене маешъ и же в. м. при собѣ не задержалемъ але одослалъ до дому. Уважъ сама щобъ з того выросло. Першая: щобъ твои родичи по всѣмъ свѣтѣ розголосили же взявъ у насъ дочку у ночи кывалтомъ и держитъ у себе мѣсто подложницѣ. Другая причина же державши в. м. у себе я бымъ не могъ жадною мѣрою витримати да и в. м. такъ же: мусѣлпбисьмо изъ собою жити якъ малженство кажетъ, а потомъ пришло бы неблагословеніе од церкви и клятва же бы намъ съ собою не жити. Где жъ бы я на тотъ часъ подѣлъ. И мнѣ бъ же чрезъ тое в. м. жалъ, щобъ есь на-потомъ на мене не плакала (Чт. 1858 г., т. I, стр. 127.—*Бант. Кам.*: „Ист. М. Рос.“, т. III. Примѣч. стр. 31).

^{в)} ... Посылаю теперь до в. м. Мелашку, щобъ о всѣмъ розмовилася съ в. м. не стережыся еѣ нѣ въ чемъ, бо есть вѣрная в. м. и менѣ во всѣмъ (Ibid).

^{г)} ... Сама знаешъ якъ я сердечне шалене люблю в. м.; еще нѣкого на свѣтѣ не любивъ такъ. Мое бъ то счастье и радость, щобъ нехай ѣхала да жила у мене, тилко жъ я уважавъ якій конецъ с того можетъ бути, а зважа при такой злости и заедлости твоихъ родичовъ. Прошу, моя любенко, не одмѣняйся нѣ въ чомъ, яко южъ не поеднокротъ слово свое и рученку дала есь, а я взаемне поки живу буду, тебе не забуду... Припомни тилко слова свои под клятвою мнѣ даніе, коли выходила еси з покою мурованого од мене коли далемъ тобѣ перстень діамантовій над которій найлѣпшого найдорогшого у себе не маю, же хочъ сякъ хочъ такъ будетъ, а любовь межн нами не одмѣнится (Ibid).

^{д)} ... Тяжко зафрасовалемся почувши же тая катувка не перестаетъ в. м. мучити... (въ другомъ письмѣ)... Не маючи вѣдомости о повоженю в. м., чи вже перестали в. м. мучити и катовати (Ibid).

не можетъ подробно поговорить съ нею, даетъ ей совѣтъ идти въ монастырь *). Онъ порывался даже мстить своимъ врагамъ, которые его съ нею разлучали, и только связываетъ ему руки не кто иной, какъ она сама; впрочемъ онъ не станетъ больше терпѣть и учинить своимъ врагамъ такое мщеніе, какое она сама увидитъ **). Но видно, что старикъ замѣчалъ уже въ Мотрѣ охлажденіе къ себѣ, какъ показываютъ его письма, въ которыхъ онъ дѣлаетъ ей укору и припоминаетъ обѣщанія вѣчной любви ***).

Мотря, находясь подъ строгимъ надзоромъ родителей, тайкомъ переписывалась съ гетманомъ и въ это время доходила до безумія—металась, плевала на отца и мать, а родители приписывали такія выходки влиянію чаръ ****). Кочубей писалъ къ гетману, не обличалъ его прямо, а только жаловался на судьбу свою: «дѣлалось ли подобное съ кѣмъ нибудь изъ тѣхъ, которые жилали при своихъ региментаряхъ чиновно и не чиновно! — выражался онъ. — Горе мнѣ мизерному и всѣми заплеванному! Обратилась въ грусть надежда моя найти себѣ въ дочери будущую утѣху! Омрачился свѣтъ очей моихъ; обошелъ меня кругомъ мерзостный студъ; не могу прямо смотрѣть людямъ въ лицо; срамъ и поношеніе обрываютъ меня передъ ближними и домашними! Всегда съ бѣдною супругою своею плачу отъ сокрушенія» **). Мазепа отвѣчалъ ему, что причиною его неприятностей—велерѣчивая жена

*) ...Тяжко богѣю на тое що самъ не могу зъ в. м. обширне поговорити що за отраду в. м. въ теперешнемъ фрасунку учинити... Коли они проклятіи твои тебе дураются, иди въ монастырь, а я знатиму що на той часъ зъ в. м. чинити (Ibid).

***) ...Богдай того Богъ з душею розлучитъ, хто насъ розлучаєть! Знавъ бы я якъ надъ ворогами помститися тилко ти мнѣ руки звязала.. Прошу и велце мое серденько, якимъ козвекъ способомъ обачься зо мною що маю зъ в. м. далей чинити, бо ужъ болшь не буду ворогамъ своимъ терпѣти, конечно одошченіе учиню, а яко: сама обачишь!... (Ibid).

****) ...Вижу же В. М. во всемъ одиѣнилася своею любовію прежнею ко мнѣ. Якъ собѣ знаєшь: воля твоя, чини що хочешъ! Будешъ на потумъ того жаловати... Моя сердечне кохана, наймильшая, найлюбезнѣйшая Мотроненко! Впередъ смерти на себе сподѣвася нѣжъ такой въ сердцу вашомъ одиѣни. Сномяни тилко на свои слова, спомни на свою присягу, спомни на свои рученки, которые мнѣ не поеднокротъ давала, же мене хочъ будешъ за мною, хочъ не будешъ, до смерти любити общала (Чт. 1859 г., т. I, стр. 129).

*****) ...егда не возмогъ лестію преклонися къ обаянію и чародѣванію и сотвори дѣйствомъ и обаяніемъ еже дщери моеи возбѣситися и бѣгати, на отца и мать плевати (Чт. Ibid., стр. 126).

***) Чт. М. О. И. и Д., стр. 131.

его, на которую надобно бы наложить мундштукъ, какъ на лошадь *). Онъ напоминаетъ Варвару великомученицу, убѣгавшую отъ злого отца **), совѣтуетъ Кочубею воздержаться отъ мятежнаго духа, угрожаетъ, что чрезъ его и жены его высокоуміе онъ доживетъ до какой-нибудь бѣды ***). Кочубей въ своемъ письмѣ къ гетману намекнулъ о *блудѣ*; гетманъ прикинулся, какъ будто не понимаетъ этого, и отвѣчаетъ, что блудить вѣроятно самъ онъ, слушая жены своей, сообразно пословицѣ: «гдѣ хвостъ всѣмъ заправляетъ, тамъ голова блудитъ»****).

Неизвѣстно, эта переписка между гетманомъ и Кочубеемъ, сохранившаяся въ дѣлѣ о Кочубей, происходила ли тогда, когда Мотря убѣжала къ гетману и находилась въ его домѣ, или уже послѣ того, какъ гетманъ возвратилъ ее въ родительскій домъ. Исторія съ Мотрею происходила въ 1704—1705 годахъ. Дошедшія до насъ черты достаточно показываютъ съ одной стороны стараго развратника, прибѣгавшаго къ самымъ пошлымъ мѣрамъ соблазна, съ другой стороны—очень ограниченное женское существо. Впрочемъ, все семейство Кочубея не переставало пребывать какъ бы въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Мазепѣ и нѣсколько времени послѣ приключенія съ Мотрею. Кочубей, какъ генеральный судья, постоянно находился въ приближеніи у гетмана, участвовалъ съ нимъ въ пирушкахъ, происходившихъ въ гетманскихъ дворцахъ то въ Бахмачѣ, то въ Гончаровкѣ. Самъ гетманъ посѣщалъ по пріятельски Кочубея, пировалъ у него и велъ съ нимъ и съ его женою интимные разговоры, которые потомъ послужили въ числѣ матеріаловъ для доноса *⁶). Когда гетманъ выступалъ въ походъ, то оставлялъ Кочубея, какъ генеральнаго судью, въ Батуринѣ вмѣсто себя наказнымъ гетманомъ, слѣдо-

*) ...рачій бы належало скаржитися на свою гордую велерѣчивую жену, которую якъ вижу не вмѣшь, чи не можешъ повстягнути и предложити тое же ровній муштукъ якъ на конѣ такъ и на кобылы кладуть (Чт., т. I. Дѣло Кочубея).

**) Утекала св. в.-м.-ца Варвара предъ отцомъ своимъ Діоскоромъ не въ домъ гетманскій але въ подлѣйшее мѣстце межи овчари въ розсѣлины каменія страха ради смертнаго (Ibid).

***) И если же зъ Бозского презрѣнія тебѣ и всему дому твоему зготувалася яка пагуба, то не на кого иншого нарѣкати и плакати тилко на свою и женскую проклятую пиху (Ibid).

****) ... а що взменкуешъ въ томъ своемъ пашквильномъ писмѣ, того я не знаю и не розумѣю, хиба самъ блудить коли жинки слушаешъ, бо посполите мовать: „gdzie ogon rzadzí tam pewnie głowa bładzi“ (Чт., I, стр. 131).

*⁶) Ibid., стр. 104.

вательно временнымъ хозяиномъ и правителемъ всей Украины. Такъ было въ 1706 и 1707 годахъ.

Въ одно изъ такихъ наказныхъ гетманствъ Кочубей, въ августѣ 1707 года проходили черезъ Батуринъ монахи Сѣвскаго Спасскаго монастыря, возвращавшіеся изъ Кіево-Печерской Лавры, куда ходили на богомолье. Они съѣли отдыхать на скамьѣ близъ шинка, построеннаго на базарѣ, который располагался тогда за землянымъ валомъ батуринскаго замка. Какой-то козакъ сказалъ имъ, что наказной гетманъ Кочубей очень милостивъ къ странникамъ и щедръ на подаваніе. Монахи пошли въ церковь къ вечернѣ и встрѣтили тамъ жену Кочубея; они подошли, поклонились ей и получили любезное приглашеніе ночевать во дворѣ у Кочубея. Это было наканунѣ воскреснаго дня. Въ этотъ день гостепріимный хозяинъ оставилъ ихъ у себя обѣдать; послѣ обѣда, по стариковскому обычаю, Кочубей легъ спать, а монахи часа два погуляли въ рощѣ, находившейся близъ двора; потомъ пришли въ домъ. Кочубей и жена его обдарили ихъ холстомъ, полотенцами, деньгами и дали пирогъ на дорогу. Но когда монахи, собираясь уже въ путь, стали прощаться съ хозяевами, Кочубей упросилъ ихъ остаться еще одну ночь ночевать. На утро, въ понедѣльникъ, они вмѣстѣ съ Кочубеемъ и его семьею отстояли заутреню и обѣдню, потомъ одинъ изъ монаховъ, по имени Никаноръ, былъ приглашенъ въ садъ, гдѣ засталъ Кочубея съ женою, но безъ дѣтей. Въ саду былъ разбитъ шатеръ. Туда ввелъ хозяинъ монаха. Тамъ находился въ черныхъ рамкахъ образъ Пресвятой Богородицы, писанный на полотнѣ. — «Можно ли тебѣ вѣрить?—сказалъ Кочубей.—Хотимъ съ тобой говорить тайное,—не разнесешь ли?» Монахъ, глядя на образъ, перекрестился и увѣрялъ, что никому не объявитъ повѣренной ему тайны. Тогда Кочубей и жена его стали бранить Мазепу, говорили, что онъ беззаконникъ, хотѣлъ жениться на ихъ дочери — своей крестницѣ, но когда она на то не согласилась, то зазвалъ ее къ себѣ и насильно осквернилъ блудомъ.

Въ это самое время позвали Кочубея слушать челобитчиковъ, приходившихъ къ нему, какъ къ исправлявшему обязанность гетмана. Жена его, прогуливаясь съ монахомъ по саду, рассказывала ему еще кое-что про гетмана. Кочубей, кончивъ свои дѣла съ челобитчиками, позвалъ въ домъ монаха, отдалъ ему дары и поручилъ просить пріѣхать къ нему самого сѣвскаго архимандрита, обѣщая дать вкладъ на монастырь. Монахи уѣхали, а 26 авгу-

ста того же года снова пріѣхали въ Батурино и привезли Кочубею и семью его просфоры отъ архимандрита, который извѣщалъ, что самъ онъ не можетъ пріѣхать за дѣлами по управленію монастыремъ. Монахамъ во дворѣ Кочубея отвели особыя свѣтлицы. Женщина изъ Кочубеевой прислуги позвала монаха Никанора къ хозяину дома и предупредила его, что какъ будетъ онъ проходить черезъ пансію свѣтлицы, то долженъ за собою затворять всѣ двери. Слѣдуя по указанному пути, монахъ прошелъ три покая, запирая за собою двери закладками и крючьями, и остановился передъ спальнею Кочубея, завѣшенною ковромъ. Вышелъ оттуда Кочубей, осмотрѣлъ всѣ двери и, удостовѣрившись, что въ комнатахъ нѣтъ никого, спрашивалъ монаха, можно ли ему вѣрить. Монахъ, разумѣется, далъ утвердительный отвѣтъ. Тогда явилась Кочубейка съ изображеніемъ распятія на деревянной доскѣ, подала его Никанору и сказала: какъ Богъ за насъ пострадалъ на крестѣ, такъ и намъ надобно умереть за великаго государя. Всѣ трое поцѣловали крестъ и обѣщали хранить въ тайнѣ то, что будетъ сказано. Тогда Кочубей произнесъ: «гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа хочетъ измѣнить великому государю и отложиться къ ляхамъ, чтобъ Московскому государству учинить нагость и отдать въ неволю Украину. Съ этимъ словомъ ты долженъ отъ меня немедленно ѣхать въ Москву». Кочубей далъ ему на наемъ подводъ 7 червоцевъ и 12 ефимковъ.

Никаноръ поѣхалъ въ Мосеву, явился сначала въ Монастырскій Приказъ, а оттуда былъ отправленъ въ страшный Преображенскій Приказъ. Эта посылка такъ и застряла. Петръ, занятый иными дѣлами и ничего не довѣряя никакимъ доносамъ на Мазепу, оставилъ это дѣло, хотя Никаноръ и былъ задержанъ въ Преображенскомъ Приказѣ ³⁷⁾.

Не дождавшись никакихъ послѣдствій, Кочубей въ началѣ 1708 года нашелъ себѣ другаго посыльнаго. Это былъ нѣкто Петръ Яценко, перекрестъ изъ іудеевъ; онъ жилъ въ Полтавѣ и занимался въ Ахтырскомъ полку арендовыми промыслами ³⁸⁾. Кочубей зналъ его давно и уговорилъ ѣхать въ Москву, чтобы тамъ сообщить царскому духовнику словесно, что гетманъ Мазепа сносится съ Станиславомъ Лещинскимъ чрезъ посредство ксендза Заленскаго съ цѣлью отдать Украину Польшѣ, что онъ даже

³⁷⁾ Ibid., стр. 61—68.

³⁸⁾ Ibid., стр. 69.

злоумышлялъ на особу самого государя: когда распространился слухъ, что царь самъ хочетъ прїѣхать въ Батуринъ, гетманъ разставилъ 300 сердюковъ и приказывалъ имъ стрѣлять въ прїѣзжихъ по данному знаку изъ гетманскаго дворца; но потомъ гетманъ отмѣнилъ свое распоряженіе, узнавши, что царь не прїѣдетъ ³⁹⁾).

Отправивши Яценка, Кочубей, вмѣстѣ съ своимъ прїятелемъ и своякомъ, бывшимъ полтавскимъ полковникомъ Искрою, заехали въ маѣстность Кочубей, Диваньку, священника полтавской Спасской церкви Ивана Святайла и поручили послѣднему сообщить по секрету ахтырскому полковнику Федору Осипову объ измѣническихъ замыслахъ Мазепы: нынѣ, собравъ полки, онъ идетъ на правую сторону Днѣпра съ тою цѣлью, чтобы въ соумышленіи съ Лещинскимъ и съ Вишневецкимъ начать войну противъ царской державы. Чтобы вооружить козаковъ противъ царя, онъ обложилъ козаковъ поборами по талеру съ каждаго коня и по «кошѣ» (полтинѣ) съ каждаго вола, распространяя слухъ, будто это дѣлается по волѣ царя, который намѣренъ всѣхъ козаковъ обратить въ солдаты. Кочубей и Искра, чрезъ посредство попа Святайла, поручили Федору Осипову сообщить объ этомъ кievскому губернатору на тотъ конецъ, чтобы онъ впору могъ взять въ руки Мазепу, иначе можно опасаться, что на правой сторонѣ Днѣпра явятся къ нему на помощь яхи, а на лѣвой — по его наущенію поднимутся гультаи, «хлбкій (непостоянный) народъ», настроенный гетманомъ противъ царя. Ахтырскій полковникъ долженъ былъ сообщить это князю Голицыну такъ, чтобы о томъ не знали другіе ближніе совѣтники царя, особенно Меншиковъ, потому что какъ только довѣдаются, то сообщать о томъ гетману ⁴⁰⁾).

Ахтырскій полковникъ исполнилъ порученіе и кievскій губернаторъ отправилъ его донесеніе въ Бѣшенковичи — тогдашнюю главную квартиру царя, гдѣ и получено было оно 27 февраля, но вслѣдъ затѣмъ пришло туда и письмо Мазепы отъ 24 февраля. Гетманъ провѣдалъ о послыжѣ Кочубеемъ доносовъ и поспѣшилъ написать къ царю объ этомъ самъ. Увѣряя въ своей догробной вѣрности государю, Мазепа находилъ, что сочиненная на него клевета достойна болѣе смѣха, чѣмъ вниманія, но умолялъ произвести надъ клеветниками розыскъ ⁴¹⁾).

³⁹⁾ Ibid., стр. 88.

⁴⁰⁾ Ibid., стр. 85—87.

⁴¹⁾ Ibid., стр. 69 и 70.

И на этотъ разъ Мазепа такъ былъ счастливъ, что царь, върившій преданности своего гетмана, прислалъ ему одно за другимъ два утѣшительныхъ письма: 1-го и 11 марта. Царь увѣрялъ гетмана, что «клеветникамъ, на него ложно навѣствующимъ, никакая вѣра не дастся, но и паче оныя купно съ наустителями воспримуть по дѣломъ своимъ достойную казнь». Царь поручалъ Мазепѣ самому какимъ нибудь удобнымъ способомъ поймать ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ царь изъяснялъ подозрѣніе въ участіи съ Кочубеемъ миргородскаго полковника Апостола и приказывалъ гетману зазвать его къ себѣ, какъ будто для команды надъ козацкимъ отрядомъ, а взявши его такимъ образомъ въ руки, отправить вмѣстѣ съ Кочубеемъ и Искрою въ оковахъ къ государю ⁴²⁾. Миргородскій полковникъ былъ отецъ невѣстки Кочубеевой — жены его сына. Царь зналъ, что этотъ полковникъ прежде не ладилъ съ гетманомъ; поэтому царь и подозрѣвалъ его въ участіи съ Кочубеемъ въ доносѣ. Но царь Петръ не зналъ того, что Апостолъ уже поладилъ съ Мазепою и сдѣлался его тайнымъ соумышленникомъ во вредъ Петру.

Вотъ такимъ-то образомъ отнесся Петръ къ этому дѣлу. И неудивительно: въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ подавались на гетмана доносы за доносомъ и ни одинъ не оправдался, а гетманъ между тѣмъ продолжалъ служить государю вѣрно, всегда исполнялъ царскую волю исправно и притомъ былъ такой милый и любезный человѣкъ, что и царю и всѣмъ близкимъ вельможамъ чрезвычайно правился своимъ обращеніемъ. Приманивать гетману Апостола ни въ какомъ случаѣ не было нужно: Апостолъ былъ тогда при гетманѣ въ Хвостовѣ, но гетману не приходилось также посылать въ оковахъ одного изъ своихъ сообщниковъ. Зналъ ли въ мартѣ Апостолъ о затѣваемой измѣнѣ, или Мазепа тогда еще не открывалъ ему замысла, но уже видѣлъ въ немъ человѣка готоваго пристать къ дѣлу, — только гетманъ съ этихъ поръ постоянно выгораживалъ Апостола въ своихъ письмахъ къ Головкину и не помѣшалъ ему послать къ Кочубею посланца предупредить его о грозящей опасности.

Кочубей жилъ въ своей маетности Диканькѣ и уже нѣсколько мѣсяцевъ не былъ въ Батуринѣ, устраниаясь нездоровьемъ. Мазепа, исполняя царскую волю столько же, сколько и выручая себя самого, отправилъ гадяцкаго полковника Трощинскаго съ

⁴²⁾ Ibid., стр. 71 и 72.

500 козаковъ и съ сотнею волоховъ, да охотнаго полковника Божуховскаго съ его конными полчанами поймать и доставить ему въ обозъ Кочубея и Искру. Но разомъ съ ними ѣхалъ туда же и посланецъ миргородскаго полковника съ запискою къ Кочубею. Въ ночь съ четверга на пятницу (18 марта) Трощинскій и Божуховскій съ своими отрядами ночевали въ Великихъ Будищахъ, а посланецъ Апостола перегналъ ихъ, явился въ Диванькѣ ранѣе и вручилъ Кочубею записку. Кочубей немедленно послалъ во всю ночь верхомъ своего слугу Завадовскаго въ Полтаву сказать Искрѣ, чтобъ онъ тотчасъ поспѣшилъ въ Диваньку. Въ ту же ночь передъ разсвѣтомъ пріѣхалъ въ Диваньку Искра, а съ наступленіемъ дня оба пріятели переѣхали черезъ Ворсклу по мосту устроенному противъ Диваньки, прибыли въ село Гавронцы на другой сторонѣ Ворсклы, потомъ отправились въ Красный Куть *)—городъ Ахтырскаго полка. Тамъ нашли они полковника Федора Осипова и отдались подъ его покровительство.

Едва успѣли Кочубей съ Искрою переправиться черезъ Ворсклу, какъ нагрянули Трощинскій и Божуховскій съ козаками въ диваньскій дворъ Кочубея, съ тѣмъ чтобы везти его въ Хвастовъ въ гетманскій обозъ.—Гдѣ хозяинъ?—спрашивалъ Трощинскій. Отвѣчали, что уѣхалъ, но куда—неизвѣстно. Трощинскій не повѣрилъ и сдѣлалъ въ домѣ обыскъ. Не нашли Кочубея. Трощинскій и Божуховскій отправились снова въ Великія Будищи; въ Диванькѣ не видѣли ихъ послѣ того три дни: пятницу, субботу и воскресенье ⁴³). Кто-то извѣстилъ полковниковъ, что Кочубей съ Искрою ушли на Коломакъ, гдѣ у Искры была пасѣна, но потомъ извѣстили ихъ, что Кочубей съ Искрою, одумавшись, ушли къ Самарѣ. Полковники послали было козаковъ зайти имъ дорогу, но тутъ пришло къ нимъ новое извѣстіе, что бѣглецы сидятъ въ Красномъ-Кутѣ ⁴⁴).

Тогда Трощинскій и Божуховскій опять поѣхали въ Диваньку и утромъ въ понедѣльникъ остановились въ Ковалювкѣ ⁴⁵), другой маестности Кочубея, въ новомъ дворѣ владѣльца, и оттуда послали волоховъ звать къ себѣ Кочубеиху. Была память свя-

*) Нынѣ Краснокутскъ, заштатный городъ Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи, при р. Мергѣ.

⁴³) Ibid., стр. 151.

⁴⁴) Гос. Ар. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Письма Головкина.

⁴⁵) Мѣстечко Зеньковскаго уѣзда, Полтав. губ., при рѣкахъ Ташанской-Груты и Стехѣ.

щенномученига Василя пресвитера 22 марта. Кочубейка, вмѣстѣ съ невѣсткою, была въ церкви (чуть ли это не былъ день именинъ ея мужа или сына, котораго также звали Василюмъ). Волохи стали около церкви, а ихъ ротмистръ Константинъ Великій съ тремя подчиненными вошелъ въ церковь и объявилъ Кочубейкѣ, что ее зоветъ Трощинскій. Кочубейка отвѣчала: «не пойду зъ церкви, нехай постражду межъ олтарежъ якъ Захарія!» Съ трудомъ убѣдили ее выйти изъ церкви *); тотчасъ волохи подхватили обѣихъ—ее и невѣстку—и посадили въ коляску. Ихъ повезли въ Ковалювку. Тамъ заставили хозяйку передъ собственнымъ дворомъ стоять добрый часъ и ждать пока доложатъ Трощинскому. Наскучивши долгимъ ожиданіемъ, Кочубейка встала изъ коляски и пошла къ воротамъ двора узкимъ путемъ, протѣсняясь между козацкими лошадьми, которыхъ тамъ стояло не мало.

Трощинскій вышелъ на крыльцо дома, одѣтый въ бѣломъ кафтанѣ, безъ пояса, въ желтыхъ туфляхъ. По тогдашнимъ обычаямъ, это былъ признакъ невѣжливости. Трощинскій былъ пьянъ. Кочубейка съ видомъ достоинства выступила впередъ къ нему и произнесла: «за тое-то Мазепа прислалъ васъ зъ такимъ войскомъ по мого пана, що зичливе и вѣрне Войску Запорожскому писарствомъ и судействомъ служивъ?» Трощинскій съ перепоя забылся, пришелъ въ ярость и крикнулъ на волоховъ: «стрѣлять!» Волохи уже было и курки пистолетовъ взвели, но Кожуховскій, который былъ въ памяти, крикнулъ на нихъ: «стоять смирно!» Что дальше тамъ говорилось—не знаемъ. Но Кочубейку отправили назадъ въ Диганьку въ сопровожденіи козаковъ. Тамъ, кругомъ ея двора и около самого дома во дворѣ, поставлены были караулы. Невѣстку Кочубей Трощинскій, сообразно гетманскому приказанію, отпустилъ въ домъ ея родителя, миргородскаго полковника, куда уже прежде уѣхалъ и мужъ ея Василій Вас. Кочубей. Ей дозволили забрать съ собою свое приданое.

24 марта Трощинскій прибылъ въ Диганьку съ Кожуховскимъ и съ прибывшимъ вновь отъ Мазепы посланцемъ Валмусомъ, который привезъ приказаніе гетмана объ имуществѣ Кочубей. Трощинскій собралъ всякое движимое имущество въ домѣ, все «скрини» со всякимъ добромъ, упаковалъ все въ «палубахъ»

*) ... черезъ силу рѣчей мусила зъ церкви выйти.

(большія воловьи повозки для тяжестей), а самую Кочубеиху съ дѣтьми и съ одною служанкою посадилъ въ карету и подъ карауломъ повезъ въ Батуринъ. Все привезенное съ нею имущество отвезено было на Гончаровку, въ гетманскій дворецъ; Кочубеиху помѣстили въ собственномъ дворѣ, находившемся на подворкѣ (посадѣ) батуринскомъ, гдѣ прежде Кочубеи обыкновенно проживали, когда пребывали въ Батуринѣ. Черезъ недѣлю ее перевели въ другой Кочубеевскій дворъ, старый, находившійся въ срединѣ города или замка: тамъ назначили ей помѣщеніе—одну только тѣсную хату. Во дворѣ поставлено было два караула: одинъ жолдатскій, другой московскій (великорусскій); запрещалось кому бы то ни было посѣщать узницу; недозволялось не только приходить во дворъ, но и приближаться къ огорожѣ двора.

Между тѣмъ въ Красный Куть, гдѣ скрылись Диганскіе бѣглецы, прибылъ великороссійскій офицеръ съ письмомъ къ Осипову отъ Головкина. Канцлеръ поручалъ Осипову увидѣться съ Искрою, сказать, что царь желаетъ лично отъ него слышать о такомъ важномъ дѣлѣ, и онъ, Искра, долженъ вмѣстѣ съ Осиповымъ ѣхать чрезъ Смоленскъ въ главную квартиру государя. Затѣмъ канцлеръ прибавлялъ, что Осиповъ и Искра должны быть благонадежны въ царской къ нимъ милости и оба они за свою вѣрность получаютъ себѣ отъ царя награду ⁴⁵⁾.

Осиповъ и Искра собрались ѣхать. Предполагалось Кочубею оставаться въ Слободскомъ краѣ, куда не простиралась власть гетмана и гдѣ поэтому не имѣлъ права самовольно добывать Кочубея Мазепа. Кочубей, однако, поѣхалъ проводить Осипова и Искру до Бѣлгорода, но едва всѣ доѣхали до Богодухова, какъ явился другой офицеръ съ письмомъ Головкина уже къ Кочубею ⁴⁶⁾. Канцлеръ сообщалъ, что государь указалъ и ему, Кочубею, какъ можно скорѣе пріѣхать въ ближнія мѣста къ Смоленску, для свиданія, разговора и совѣта о томъ, «какъ бы злое начинаніе возможно было утаить и какую бы вѣрную особу избрать на мѣсто того подозрительнаго неумѣшкавъ» ⁴⁷⁾. Доставилъ это письмо офицеръ гвардіи Озеровъ, переодѣтый въ польское платье для сохраненія дѣла въ секретѣ.

Всѣ поѣхали. Повидимому, счастье повезло доносителямъ. Письма Головкина показывали довѣріе къ нимъ. Сами они зара-

⁴⁵⁾ Чт. М. О. И. и Д., т. I., стр. 89.

⁴⁶⁾ Ibid., стр. 150.

⁴⁷⁾ Ibid., стр. 91.

нѣе выбрали нужныхъ свидѣтелей къ своему дѣлу и ѣхали въ надеждѣ свергнуть гетмана и вернуться съ царскими наградами за вѣрность законному государю.

Они прибыли въ Смоленскъ. Головкинъ находился тогда съ своею походною канцеляріею въ Витебскѣ и, узнавши о прибытіи доносителей, послалъ въ Смоленскъ подполковника привезти ихъ въ Порѣчье сухопутьемъ, а изъ Порѣчья въ Витебскъ воднымъ путемъ. Уже заранѣе, соображаясь съ образомъ возрѣнія самого государя, Головкинъ не ожидалъ по розыску найти Мазепу виновнымъ, а считалъ своимъ дѣломъ только вывѣдать, нѣтъ ли въ этомъ доносѣ непріятельскаго вліянія, а въ концѣ концовъ предполагалъ отправить доносчиковъ въ Кіевъ, въ удовольствіе гетману *).

18 апрѣля, въ сопровожденіи подполковника Левашова, прибыли къ Витебску Ѳеодоръ Осиповъ и двое главныхъ доносителей: Кочубей и Искра, а съ ними пріѣхали еще лица прикосновенныя къ дѣлу: священникъ Иванъ Святайло, сотникъ Кованько, перекрестъ Петръ Яценко, привезенный нарочно изъ Москвы, гдѣ содержался; кромѣ этихъ лицъ, прибыли тогда двое писарей, племянникъ Искры и 8 служителей. Всѣхъ малороссіянъ поѣхали въ пустомъ панскомъ загородномъ дворѣ въ разныхъ свѣтлицахъ.

На другой день 19 апрѣля Головкинъ и товарищъ его Шафировъ пріѣхали въ этотъ дворъ и обратились прежде къ Ѳеодору Осипову. Тотъ могъ сказать только, что, по приглашенію священника Святайло, онъ видѣлся съ Искрою въ своей пасѣгѣ на рѣкѣ Коломагѣ и отъ него услышалъ обвиненіе гетмана въ измѣнническихъ замыслахъ, а потомъ къ нему въ Красный Бутъ пріѣхали Кочубей и Искра. Съ Кочубеемъ онъ не былъ вовсе знакомъ, а Искру зналъ только по войсковымъ дѣламъ **).

Министры, снявши такое показаніе съ ахтырскаго полковника, приказали позвать изъ другихъ покоевъ Кочубея и Искру. Они приняли ихъ ласково и сказали: «Государь къ вамъ милостивъ, надѣйтесь на царскую милость и подробно изложите все дѣло, ничего не опасаясь».

*) ...А сыскавъ основаніе того дѣла по домогательству гетманскому и по вашему указу пошлемъ ихъ для публичнаго окончанія того розыску къ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну въ Кіевъ, чтобъ тѣмъ показать гетману доволство (Гос. Арх. Кабин. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Донес. царю Головкина 18 апрѣля).

***) Чт. М. О. И. и Др., т. I, стр. 96.

Головкинъ отпустилъ Искру, оставилъ при себѣ одного Кочубея, и тотъ, ободренный ласковымъ привѣтомъ, проговорилъ не короткую рѣчь, вспомнилъ измѣну Бруховецкаго, навлекшую на малороссійскій край смятеніе и кровопролитіе, вспомнилъ, какъ послѣ усмиренія края царь гнѣвался на генеральныхъ особъ за то, что, находясь близко къ гетману, не замѣтили его злокозненнаго намѣренія и заранѣе о немъ не сообщили. Теперь, замѣчая въ поступкахъ своего региментаря злое намѣреніе и услышавши собственными ушами такія слова отъ него: «подъ ляхами конечно будемъ»—они рѣшились объявить царскому величеству. Они поступаютъ такъ не ради какихъ нибудь выгодъ, а «единственно величая превысокое достоинство великаго государя».

Съ этими словами Кочубей подалъ доносъ, написанный въ 33-хъ пунктахъ, которые, по содержанію, сокращались въ 27.

1. Въ Минскѣ въ 1706 году гетманъ говорилъ ему Кочубею на-единѣ, что въ Бѣлой Криницѣ княгиня Дольская, мать князей Вишневецкихъ, передавала ему, что король Станиславъ хочетъ учинить гетмана княземъ черниговскимъ, а Войску Запорожскому даровать желанную вольность.

2. Гетманъ хулилъ князя Огинскаго, польнаго гетмана литовскаго, за то, что держится союза съ великимъ государемъ, тогда какъ всѣ уже наняты отъ этого союза отступили.

3. Когда Мазепа услышалъ, что Августъ уѣхалъ изъ Польши въ Саксонію, то произнесъ: «отъ! чего боялися, того не убоялися».

4. Въ 1707 году мая 10-го, возвратившись изъ похода и пріѣхавши въ Бахмачъ, Мазепа тихимъ голосомъ спрашивалъ его, Кочубея: справедливы ли слухи, что царскихъ ратныхъ людей побили поляки у Пропойска, и сказалъ, что къ нему не дѣшла почта, по которой это извѣстіе было ему сообщено въ обозъ отъ Кочубея.

5. 11-го мая того же года, въ своемъ дворѣ въ Гончаровкѣ, Мазепа бесѣдовалъ съ нимъ, Кочубеемъ, и со Сiorопадскимъ, сказавши, что получилъ вѣдомость объ избіеніи царскихъ ратныхъ у Пропойска, смѣялся и произнесъ: «але судья плачетъ о томъ, але-жъ у него слезы текутъ!» Потомъ въ тотъ же день приглашалъ гостей пить общее здорovie и, между прочимъ, здорovie княгини Дольской, говоря: «выпіймо за здорovie ксенжны ей мосцѣ, бо есть зацная и розумная пани, моя голубка!» Много тогда всѣ пили и онъ говорилъ шутивыя рѣчи.

6. Въ одинъ изъ послѣдовавшихъ затѣмъ дней гетманъ говорилъ мнѣ: «дошли до меня достовѣрные слухи, что шведскій король хочетъ идти на Москву и учинить тамъ иного царя, а на Кіевъ пойдетъ король Станиславъ съ польскимъ войскомъ и со шведскимъ корпусомъ генерала Реншильда. Я просилъ у государя войска оборонять Кіевъ и Украину, а онъ отказался, и потому намъ поневолѣ придется пристать къ Станиславу».

7. Того же года 17-го мая я просилъ дозволенія отдать дочь свою за сына Чуйкевича и въ слѣдующее воскресенье устроить сватовство. Мазепа совѣтовалъ повременить, пока малороссіяне соединятся съ ляхами^{*)}). Послѣ того мы на другой же день рѣшили съ Чуйкевичемъ поскорѣе обвинять нашихъ дѣтей.

8. Того же года 28 мая сербскій епископъ Рувимъ говорилъ намъ, что былъ онъ у гетмана на Гончаровкѣ и гетманъ при немъ печаловался, что государь обременяетъ его требованіемъ доставки лошадей.

9. Того же года 29-го мая дочь моя призвана была имъ на Гончаровку крестить жидовку и въ этотъ день за обѣдомъ онъ сказалъ: «Москва возьметъ въ крѣпкую работу малороссійскую Украину».

10. Того же года 30 сентября одинъ канцеляристъ писалъ записку: «былъ у гетмана въ Печерскомъ ксендзъ Заленскій, іезуитъ, ректоръ Винницкій и тотъ передъ знатными особами отозвался такими словами: вы, панове козаки, не бойтесь взглядомъ (относительно) шведа, который не на васъ готуется, а на Москву. Тотъ же ксендзъ говорилъ: никто не вѣдаетъ, гдѣ огонь крыется и тлѣетъ, ае якъ разомъ выбухнетъ (вспыхнетъ), чего уже не забаромъ сподѣватись (не долго ожидать), тогда хибá (развѣ) всякъ познаетъ; лечь (но) тотъ пожаръ не латво (не легко) угаситися можетъ».

11. Того же года 8 октября Мазепа въ Кіевѣ веселился съ полковниками миргородскимъ и прилуцкимъ; у него играла музыка; онъ всѣхъ заочинивалъ къ веселости, а на другой день послѣ того послалъ козака ко ксендзу Заленскому. Съ какою стати было ему оноситься письменно съ этимъ ксендзомъ, еслибъ у него не было злого намѣренія:

^{*)} ... Такъ мовачи: якъ будемъ зъ ляхами въ едности, тогда знайдеться твоей дочцѣ женихъ зъ тои стороны ляденой знатній якій шляхтичъ, который твоей фортунѣ доброму будеть подпорю, бо хочай бы мы ляхамъ по добро волѣ не поддалися, то они насъ завоюють и конечно будемо подъ ними (Дѣло Кочубея. Чт. 1869 г., т. 1).

12. Полковой писарь полтавскій говорилъ своему племяннику, что того же года 10 октября въ Печерскомъ монастырѣ онъ приходилъ къ гетману, а гетманскій служитель сказалъ, что гетманъ, запершись съ полковниками, читаетъ Гадяцкій договоръ Выговскаго съ поляками.

13. Того же года въ декабрѣ прїѣзжалъ въ Батуринь Александръ Кикинъ и Мазепа собралъ около себя 300 человекъ вооруженныхъ сердюковъ. Вѣроятно, это онъ сдѣлалъ услышавши, что за Кикинымъ прїѣдетъ въ Батуринь самъ государь, чтобы взять Мазепу съ собою въ Москву, и Мазепа намѣревался отстрѣливаться отъ государя.

14. Того же года на праздникъ Рождества Христова прїѣзжалъ къ гетману ксендзь Заленскій, и гетманскій писарь Орликъ проводилъ его тайно въ гетманскій хуторъ близъ Бахмача, а ночью ксендзь прїѣзжалъ къ Мазепѣ на Гончаровку.

15. Мазепа говорилъ, что если кто изъ старшинъ, полковниковъ или изъ какихъ бы то ни было особъ воспротивится ему, когда у него станеть «совершенное подручнымъ объявленіе и приговоръ на измѣну порядку», того онъ засадить въ тюрьму на смерть безъ всякой пощады *). Видно изъ этого, что Мазепа хочеть отклониться къ Станиславу.

16. Мазепа нѣсколько разъ посылалъ полтавскаго козака Бондаченка и другого человекъ, по прозванію Быевского, въ Крымъ и въ Бѣлогородчину къ татарскимъ салтанамъ и къ самому хану. Кажется, это онъ дѣлалъ для того, чтобы расположить ихъ къ себѣ и въ свое время употребить на свои услуги.

17. Въ концѣ іюня 1706 года, по возвращеніи изъ Минска, Мазепа былъ въ гостяхъ у меня, Кочубея, и, немного подгулявши, когда я, хозяинъ, провозгласилъ его здоровье; онъ, вздохнувши, сказалъ: «какая мнѣ утѣха, когда я всегда жду опасности, какъ волъ обуха **). Потомъ, обратившись къ женѣ моей, началъ хвалить измѣнниковъ Выговскаго и Брюховецкаго ***), го-

*) ... того взявши давати крѣпкимъ вазенемъ ажъ до смерти безъ пощады (Ibid.).

**) ... вздохнувши мовилъ: благодарствую за тую прїязнь! Але що мнѣ за утѣха, коли я живу никогда не маючи совершенной надѣи своєї цѣлости всегда не безпечень ждучи ажъ волъ обуха (Ibid.).

***) ... говорилъ до жены моей передъ нимъ стоячи и похваляючи гетмановъ въ измѣнѣ будущихъ Выговскаго и Брюховецкаго, добръ (мовилъ) почали быти Выговскій и Брюховецкій, що хотѣли и зачали быти зъ тою неволею вбиватися, але злине люди имъ въ томъ перешкодили (Ibid.).

ворилъ, что и онъ самъ промышлялъ бы о своей цѣльности и вольности, да никто не хочетъ помогать ему, а также и мужъ ея^{*)}).

18. Въ Кіевѣ въ сентябрѣ 1707 года гетманъ говорилъ полковникамъ: «не думайте, чтобъ я хотѣлъ послѣ себя возложить гетманство на Войнаровскаго. И теперь готовъ уступить свой санъ другому, лишь бы онъ могъ оборонять отчизну. Если же, по привычкѣ, хотите на мнѣ оставить эту тягость, то должны слушать меня. Я сношусь и съ ханомъ, и съ силестрійскимъ пашею, только отъ нихъ, кажется, мало надежды и придется намъ начинать свое дѣло съ иной бочки и братья за сабли». Вѣроятно, подъ этою бочкою онъ разумѣлъ короля Станислава^{**}).

19. Мазепа держитъ около себя слугъ людской породы и употребляетъ для посылокъ безъ царскаго указа, а это не годится.

20. Государь запретилъ пропускать людей съ лѣваго берега на правый, а гетманъ этого указа не исполняетъ. Мать гетмана, умершая игуменья, перевела много людей съ лѣваго берега на правый въ основанныя ею слободы. Да и кромѣ того, во всѣмъ опустѣвшимъ городамъ и селамъ правой стороны густо заселяются жители, уходя съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ, правая сторона становится многолюдною, а на лѣвой населеніе

*) ... И мы хотѣли бы о своей дальнейшей цѣлости и вольности войсковою помыслить, да не маемо теперь еще способу, а злыща же не всё наши въ одномыслии найдутся. О то (говоритъ) къ твоему мужу я килко разъ накидавъ слова о такихъ мысляхъ, якъ бы намъ безпечность въ цѣлости нашей въ потонніи часы учинити якъ для себе, такъ и тихъ, которіе по насъ будутъ, але онъ мовитъ, жаднимъ словомъ мнѣ не поможетъ и ни зъ кого не маю помощи и не могу нѣкому поуфати (Ibid.).

**) ... Може (каже) вашъ мосць розумѣте же я гетманъ намѣраю гетманство взяти на Войнаровскаго, то не есть такъ, я того не желаю. Вольно вашъ мосцемъ будетъ кого хотѣти зъ межъ себе обрати на той урядъ, а Войнаровскій и безъ того на своемъ отчизномъ кутку и на моемъ собраніи можетъ виховатися, а того уряду я и теперь вамъ готовъ уступити. А коли отказали: Боже, не дай того абсемо одного мѣли пожадати, повторивъ тое: „коли хто есть нежи вами жебы въ сей часъ смогъ отчизну свою ратовати, то я тому уступлю, а если на мене той тажаръ еще взвикли мнѣ будучи полагаєте, то извольте мене слухати и на мой поводъ смотрите“. А за тимъ говорилъ: Уже я (говоритъ) пробовалъ пріязнь ханской и былъ прихилень бывшій ханъ Казигирей, але того отставлено, а теперешній ханъ зъ початку пріятно до мене на мои листы отписовалъ, а теперъ (говоритъ) посилагъ я до Крыму своего послыщца, але далеко отіѣнился. А до наши силестрійскаго сєрасєкера якъ много послѣдаємъ, не получаю жаднокъ надѣи. А такъ зъ иншою бочкою треба намъ дѣло свое зачати (мнится тутъ бочка лишая владѣя короля Станислава), а уговаривши (говоритъ) и постановивши намѣреніе свое треба заразъ и за дяблѣ взятися (Ibid.).

умалилось и оставшимся жителямъ стало труднѣе содержать охотничіе полки и всѣ думаютъ уходить за Днѣпръ.

21. На Коломацкой радѣ постановлено стараться, чтобы малороссіяне съ великороссіянами вступали въ родство и свойство, а гетманъ до того не допускаетъ и даже не доволенъ, когда узнаетъ, что малороссіяне съ великороссіянами водятъ хлѣбъ-соль. Отъ этого между тѣми и другими увеличивается удаленіе и незнакомство.

22. Въ прежнія времена малороссійскіе города были хорошо укрѣплены, а теперь уже «не оправляются», и самъ Батуричъ 20 лѣтъ стоитъ безъ починки. Но свой подворокъ Гончаровку, гдѣ гетманъ самъ живетъ, онъ обнесъ значительнымъ валомъ. Люди думаютъ, что города нарочно не оправляются для того, чтобы не въ силахъ были обороняться отъ тѣхъ, которыхъ гетманъ призоветъ.

23. Гетманъ предостерегалъ запорожцевъ, что государь хочетъ ихъ уничтожить; а когда разнеслась вѣсть, что запорожцы хотятъ, согласясь съ татарами, сдѣлать набѣгъ на слободскіе полки, то сказалъ: «чай нецнотливые сыны оніи (пусть бы эти недобрыя дѣти) всѣ, коли що мають чинити, коли бъ уже чинили, а то тилько оголошаются (только разглашаютъ), аки дражняютъ!»

24. Одна близкая къ Мазепѣ особа въ разговорѣ выразилась о татарахъ: «дайте вы той речи теперъ покой (перестаньте говорить объ этомъ)! Тии люде будутъ намъ вскорѣ потребніи!»

25. Львовскій мѣщанинъ Русиновичъ привозилъ Мазепѣ письма отъ разныхъ польскихъ пановъ. Этотъ мѣщанинъ разсказывалъ, что гетманъ Сенявскій поручалъ сказать Мазепѣ, чтобы козаки были съ полябами, а Мазепа выразился, что онъ самъ шляхтичъ, природный полякъ, и жалѣеть, что царь утѣсняетъ Польшу *). Этотъ Русиновичъ говорилъ, что всѣ ляхи любятъ

*) ... Говорилъ тое онъ Русиновичъ же и Сенявскій гетманъ коронный мовилъ ему: вивѣдайся, що на Украинѣ дѣється а особливе чи склоніи къ намъ полякамъ козаки чили ни, и предложи (мовить) самому его милости пану Мазепѣ гетману: нехай намъ будуть зчливіи естли хотить жебы имъ же было добре, бо (мовить) мы певне вѣдаемъ же государь шведовъ не выдержитъ то тежъ и козаки если при немъ зоставатимуть погинуть; зъ нами бы зась будучи въ цѣлости и при своихъ вольностехъ найдовалися. Кгды теда я (мовить) доносилъ тое его милости пану гетману, отвѣтствовалъ въ тие слова: „Богъ мнѣ свидѣтель той нехай подасть мнѣ силу и крѣпность въ здровю моемъ, которое мнѣ слабое, же естемъ паномъ полякомъ зчливый, не былъ бымъ

Мазепу и надѣются, что онъ поможетъ Рѣчи Посполитой деньгами, а передавшійся къ шведамъ панъ Яблоновскій говорилъ: «маемъ добрую надѣю о Украинѣ, же въ ней найдутся шляхта, братья наши».

26. Гетманъ самовольно распоряжается войсковою казною, беретъ изъ нея сколько хочетъ и дарить сколько и кому хочетъ, изъ арендныхъ и индуктныхъ (со ввозныхъ торговыхъ пошлинь) сборовъ беретъ въ свою пользу 50.000 злотыхъ. Кочубей полагаетъ, что индуктный сборъ можно было бы обратить въ царскую казну. Съ гетмана довольно было десяти городовъ Гадяцкаго полка и нѣсколькихъ волостей: Шестаковской, Ропской, Быковской и Самборской. Онъ же беретъ себѣ еще не мало со всѣхъ полковъ изъ суммъ порукавичныхъ и арендовыхъ, отчего шинкари, платя высокія арендныя суммы, продаютъ дороже горѣлку и чрезъ то происходитъ народу отягощеніе.

27. Прежде полковники выбирались вольными голосами, а теперь за полковничьи уряды берутъ взятки и получаютъ урядъ не заслуженный товарищъ, достойный такой чести, а тотъ, кто въ силахъ заплатитъ. Умеръ кievскій полковникъ Солонина: онъ служилъ царямъ вѣрно отъ самаго поступленія Малой Россіи подъ царскую державу и былъ 20 лѣтъ на полковничьемъ урядѣ. Гетманъ отобралъ его сѣла и отдалъ своей матери, игуменьѣ Магдалинѣ, а оставшимся послѣ Солонины внукамъ и племянникамъ ничего не далъ. Умеръ обозный Борковскій, оставилъ вдову и двухъ несовершеннолѣтнихъ сыновей. Гетманъ отнялъ у нихъ село, которымъ покойникъ владѣлъ 30 лѣтъ по жалованной грамотѣ, и, громъ того, взялъ на гетманскій дворъ мѣстечко, принадлежавшее уряду генеральнаго обознаго.

Наконецъ, Кочубей, въ дополненіе ко всему, представилъ пѣсню, сложенную Мазепой, въ которой, по толкованію Кочубея, «значное противу державы великаго государя оказывается противленіе»^{*)}).

шляхтичомъ, не былъ бымъ сыномъ короннымъ естли бымъ всего добра коронѣ польской не зычилъ. Вижу я и самъ, якъ государь оскорбилъ Польшу, але тежъ и Украину натто обтяжилъ. Я и самъ не знаю, що зъ собою чинити, если до чою прійде; я не змогу удержати козаковъ якъ на которую сторону схотять удатись (Ibid.).

*) Всѣ покою щире прагнуть,
А не въ едень гузь тагнуть;
Той направо, той налѣво,
А всѣ браття: то-то диво!

Министры задумали сдѣлать придирку, очевидно, съ тѣмъ, чтобъ имѣть юридическое право, по обычаю тогдашняго судопроизводства, подвергнуть доносителей пыткамъ. Они нашли, что донесеніе Федора Осипова, доставленное прежде кievскому губернатору, въ одной чертѣ не сходится съ показаніемъ Кочубея.

Не машь любви, не машь згоды,
 Отъ Жовтой взявши Воды
 Презь незгду всѣ пропали,
 Сами себе зоевали!
 Ей, братица, пора знати,
 Що не всѣмъ намъ пановати,
 Не всѣмъ дано всеє знати
 И рѣчами керовати!
 На корабель поглядимо,
 Много людей полѣчимо,
 Однакъ стирникъ самъ керуеть,
 Весь корабель управуеть.
 Пчулка бѣдна матку маеть
 И оноє послухаеть.
 Жалься, Боже, Украини,
 Що не вкупѣ маеть сини!
 Еденъ живеть и съ поганы,
 Кличеть: „сюды, отаманы!
 Идѣмъ матки ратовати,
 Не даймо ей погибати“.
 Другій лихою за грошь служить,
 По Вкраинѣ и той тужить:
 „Мати моя старенькая!
 Чомъ ты вельми слабенькая?
 Розно тебе розшарпали,
 Кгды ажъ по Двѣбрь туркамъ дали.
 Все то фортель, щобъ слабѣла
 И ажъ въ конецъ силъ не мѣла“.
 Третій Москвѣ южь годдуеть
 И ей вѣрне услугуеть.
 Той на матку нарѣкаеть
 И недолю проклинаеть.
 „Лѣьше було не родити,
 Нежли въ тавихъ бѣдахъ жити!
 Отъ всѣхъ сторонъ ворогують,
 Огнемъ, мечемъ руинують,
 Отъ всѣхъ не машь зычливости,
 А ни слушной учтивости,
 Мужиками называють,
 А подданствомъ дорѣкають,
 Чомъ ты братовъ не учила,
 Чомъ отъ себе ихъ пустила?
 Лѣьше було пробувати,
 Вкупѣ лихо отбувати.

Въ донесеніи Федора Осипова, со словъ Искры, говорилось, что Мазепа, послѣ неудавшагося умысла на жизнь государя во время прѣзда въ Батуринъ Кикина, «всячески тщился, чтобъ его, государя, смерти предать или въ руки взять и непріятелямъ отдать, а въ мимошедшій Филипповъ постъ, совокупившись съ полками своими, хотѣлъ идти на великороссійскіе города» ⁴⁹⁾. Въ дополнительныхъ же статьяхъ Кочубея о намѣреніяхъ гетмана отдать государя въ руки непріятелей и о походѣ войною на великороссійскіе города не говорится ⁵⁰⁾. Спрошенный по этому поводу Искра показалъ, что все это слышалъ онъ отъ Кочубея при женѣ послѣдняго и тогда Искра совѣтовалъ Кочубею подождать съ доносомъ, пока не явятся очевидные признаки преступности Мазепы. Спросили объ этомъ Кочубея. Онъ показалъ, что отъ Искры ничего подобнаго не слышалъ ⁵¹⁾. Этого было довольно. Нашли разнорѣчіе между показаніями доносителей, развели ихъ по разнымъ покоямъ и приставили къ нимъ караулъ, а пожитки и письма ихъ описали.

Спрошенный потомъ полкъ Святайло показалъ, что о намѣреніяхъ Мазепы слышалъ отъ одного Кочубея и по просьбѣ послѣдняго приводилъ къ нему свояка своего Петра Яценка. Когда гетманъ послалъ взять Кочубея въ Диканьгъ, предувѣдомленный о томъ заранѣе Святайло поѣхалъ въ Красный Буть и оттуда,

Я самъ бѣдный не здолаю
Хиба тилко завою:
Ей, панове енералы,
Чому жь есте такъ оснали?
И вы, панство полковники,
Безъ жадной политики,
Озмѣтеся всѣ за руки,
Не допустѣть горкой муки
Матцѣ своей болшъ терпѣти!
Нуте враговъ, нуте бити!
Самопалы набувайте,
Острыхъ шабель добувайте,
А за вѣру хочъ умрѣте
И вольностей боронѣте!
Нехай вѣчна буде слава
Же презъ шаблю маемъ права.

Сію пѣсню читаючи и уважаючи одинъ всечестный и розумный отецъ архиандритъ далъ мнѣ оную и радилъ въ спрату добромъ держати (Ibid.).

⁴⁹⁾ Чт. М. О. И. и Д., т. I, стр. 86.

⁵⁰⁾ Ibid., стр. 103.

⁵¹⁾ Ibid., стр. 118.

по просьбѣ Кочубея и Искры, отправился съ ними въ Смоленскъ ⁵²⁾).

Сотникъ Кованько, на котораго указалъ Кочубей, какъ на свидѣтеля, слышавшаго слова ксендза Заленскаго въ Печерскомъ монастырѣ, показалъ, что видѣлъ какого-то ксендза у своего полковника, а какъ зовутъ ксендза—не знаетъ; козаки, бывшіе тамъ, спросили ксендза: гдѣ шведъ? Этотъ ксендзъ отвѣчалъ при немъ: «шведъ теперь притаился, но можетъ вдругъ поднять такой огонь, что не скоро затушишь!» Козаки спросили ксендза: «на кого пойдетъ шведъ, не на насъ ли?» А ксендзъ отвѣчалъ: «не на васъ». Кованько больше ничего не слышалъ, а Кочубей научилъ его говорить при царскихъ министрахъ объ этомъ «съ иными околичностями». Такимъ образомъ выходили не совсѣмъ тѣ рѣчи, какия приписывалъ этому ксендзу Кочубей въ своемъ донесеніи. 24-го апрѣля допрашивали Кованька вторично съ пристрастіемъ. Онъ объявилъ, что о невѣрности гетмана ничего не знаетъ и ни отъ кого не слышалъ кромѣ Кочубея ⁵³⁾).

Перекрестъ Петро Яценко объявилъ, что онъ былъ только передатчикъ, съ Кочубеемъ прежде не былъ знакомъ, былъ у него одинъ только разъ при посредствѣ священника Святайла и получилъ отъ него извѣтъ съ порученіемъ передать его протопопу, духовнику государеву въ Москвѣ.

Писцы, бывшіе съ Кочубеемъ, сказали, что они не болѣе какъ только переписывали то, что имъ давалъ Кочубей.

По поводу разнорѣчія въ показаніяхъ, перваго привели къ пыткѣ Искру. «Никакой измѣны за гетманомъ не знаю,—показалъ онъ,—слышалъ о томъ только отъ Кочубея».

Его все-таки подвергли пыткѣ и дали 10 ударовъ кнутомъ. Подъ пыткою Искра объявилъ: «слышалъ я отъ Кочубея, что у него былъ совѣтъ съ миргородскимъ полковникомъ Апостоломъ и съ генеральнымъ судьей Чуйкевичемъ противъ гетмана; думали они миргородскаго полковника избрать въ гетманы. Чуйкевичъ къ Кочубею присылалъ записку, гдѣ писалъ: «за Днѣпромъ огонь загорается, сохрани Богъ, какъ бы и у насъ не загорѣлся».

Тогда приведенъ былъ къ пыткѣ Кочубей. Не допуская себя до мученій, онъ объявилъ, что никакой измѣны за гетманомъ не

⁵²⁾ Ibid., стр. 119.

⁵³⁾ Ibid, стр. 124.

знаеть *)), что все это выдумалъ онъ по домашней къ гетману злобѣ, а Чуйкевичъ такой записки, какъ говорить Искра, ему не писывалъ.

Искру вторично подвергли пыткѣ на томъ основаніи, что Кочубей отрицалъ то, что показывалъ Искра. Дали Искрѣ еще восемь ударовъ. Искра подтвердилъ, что за гетманомъ ничего не знаетъ, кромѣ вѣрности его государю. Весь доносъ выдумалъ Кочубей по злобѣ на гетмана, а его Искру убѣдилъ пристать по свойству и по дружбѣ.

Привели къ пыткѣ Кочубей. Еще разъ, желая избѣгнуть мученій, онъ твердо увѣрялъ, что затѣялъ на гетмана ложный доносъ по злобѣ, а отъ миргородскаго полковника ничего не слышалъ, кромѣ того только, что тотъ запискою предостерегъ его въ то время, когда гетманъ посылалъ взять его въ Диканьгѣ. Но Кочубей все-таки подвергли пыткѣ и дали ему пять ударовъ. Допытывались отъ него: «не было ли ему подсылки отъ неприятелей, не затѣялъ ли онъ доноса по неприятельскимъ факціямъ, чтобъ низвергнуть гетмана и выбрать иного къ тому ихъ злому начинанію склоннаго и кто были еще его единомышленники?» Кочубей повторялъ все то же, что и прежде, — не знаетъ онъ никакой невѣрности за гетманомъ, не было никакихъ отъ неприятелей подсылокъ, не было у него единомышленниковъ, кромѣ Искры, и весь доносъ затѣялъ онъ на гетмана ложно **).

Головкинъ писалъ къ гетману, что слѣдуетъ, заковавши въ желѣзахъ, прислать миргородскаго полковника къ слѣдствію о дѣлѣ Кочубей и Искры. Нѣсколько разъ повторялось это требованіе. Мазепа всѣми способами старался выгородить Апостола и отписывался тѣмъ, что посылать его скованнымъ опасно, чтобы не произошло волненіе между козаками ***).

*) ... и спрашивали въ застѣнкѣ Кочубей противъ Искринныхъ словъ, и онъ сначала ялся, а Искра его въ томъ уличалъ, а потомъ Кочубей принесъ повинную, что онъ все то, что написалъ на гетмана, затѣялъ только съ одной злобы своей домашней за дочь и все что въ томъ объявленіи своемъ къ уликѣ гетмана писалъ, все то затѣялъ, хотя тѣмъ свое воровство утвердить (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Письма Головкина).

**) ... понеже Кочубей зѣло старъ и дряхлѣ безмѣрно, того ради мы еще болѣе пытать его опасались чтобы прежде времени не издохъ, о чемъ донесеть вашему величеству Озеровъ, который при томъ самъ былъ (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8. Письма Головкина).

***) ... миргородскаго полковника здѣсь въ войску прежде времени безъ очевиднаго обличенія взять, ковать и до Кіева за караулъ посылать нельзя никакою мѣрою покажѣсть очною ставкою онъ полковникъ не уличится и не

27-го апрѣля взяты въ бумагахъ Кочубея челобитная на имя государя, гдѣ изложена настоящая причина злобы къ гетману, письма гетмана къ Кочубеевой Мотри и письмо самого гетмана по этому поводу. Попъ Иванъ Святайло сознался, что челобит-

обличится, если онъ имѣлъ какое съ Кочубеемъ въ воровствѣ теперешнемъ согласіе, а наипаче нынѣ когда и самъ Кочубей зговорилъ и очистилъ его полковника миргородскаго отъ того согласія и если подь сее время а еще и въ войску возмется тотъ полковникъ, то можетъ учиниться матажъ и бунтъ, чего сохрани Боже, понеже его миргородскаго полковника всѣ въ войскѣ почитаютъ и любятъ, а если его полковника та токмо вина изъясняется, что онъ перестерегъ Кочубея отъ посланныхъ моихъ, и о томъ вашей вельможности объявляю, что онъ то учинилъ не нарочно, но сталося то въ пригоди нечаянно такимъ образомъ: когда я исполняя премошный его царскаго величества указъ собственноручный послалъ полковника гадацкаго и полковника компанійскаго въ трисотномъ числѣ компаніи тайно по Кочубея и Искру въ полкъ полтавскій и по отправкѣ той посылки удерживалъ въ собѣ тотъ секретъ чрезъ двѣ недѣли и никому о томъ указѣ не объявлялъ, тогда пришеде ко мнѣ господа сотники и полковники при боку моемъ обрѣтающіися, донесли мнѣ что козаки ходя собраніемъ и пьяные и терезвые переговариваютъ и говорятъ о нѣкакихъ противныхъ чести моей плевелахъ отъ Кочубея разсѣянныхъ, а одинъ изъ монастыря печерскаго схимонахъ мужъ словомъ и дѣломъ свята, у котораго для пользы духовной всегда бывають полковники и старшины прислалъ мнѣ осторожность, что отъ Кочубея приносятся вредительныя гонору моему разглашенія въ народѣ. Того ради видя я что воровство Кочубеево и Искрино въ явленіе приходитъ и предваряя дабы оттуды не учинился каковой матажъ а надѣясь что посланные мои компаніею имѣли уже стать въ полку Полтавскомъ, понеже той ихъ посылкѣ уже двѣ недѣли совершилося, призвалъ къ себѣ генеральную старшину и полковниковъ где былъ и полковникъ миргородскій, объявилъ имъ дѣло и сказалъ, что по именному его царскаго величества указу собственноручному послалъ компанію для взятъ Кочубея и Искры. Тогда полковникъ миргородскій падъ мнѣ въ ноги со слезами учалъ просить указу листовного къ посланнымъ моимъ, чтобъ они зята его, а сына Кочубеева не брали и не ковали дабы дочь его не испужалася и отъ печали не умерла, да и просилъ дозволенія дабы мочно было я ему, полковнику, написать до зята своего, чтобъ онъ, когда отца будутъ брать въ то не мѣшался, который какъ самъ затѣялъ, такъ чтобъ самъ и отбывалъ, а онъ зята чтобъ ѣхалъ съ своею женою до Сорочинцевъ въ домъ его полковничій. И потому его полковника слезному прошенію далемъ ему до посланныхъ моихъ листъ, чтобъ зята его не занимали и не возбраняли ѣхать въ Сорочинцы, я ему полковнику позволиемъ до того своего зята писать, съ которыми моимъ листомъ до зята а не до Кочубея послалъ онъ полковникъ слугу своего прямо до маетности Кочубеевой надѣясь, что тамъ уже посланныхъ моихъ застанеть, который слуга не зваючи дѣла и розминувши съ посланными моими (которые за многими переправами а наипаче на рѣкахъ Днѣпрѣ, Пслѣ, Ворсклѣ и прочихъ и обходя прямою трактой для порваныхъ гребель отъ роспаленія водного на Дубны, умедливъ въ томъ пути) прибѣжалъ въ маетность Кочубееву до Диканьки и явивши во дворѣ отдалъ сыну Кочубееву при самомъ отцѣ отъ полковника миргородскаго теста его листъ, а Кочубей писмо то взявши и прочеть того жъ часу ался бѣгству. И того жъ дня котораго онъ съ Искрою ушолъ, нападши по

ную составлялъ онъ, со словъ Кочубея, который просилъ его, какъ духовную особу, сочинить, «вынимая тексты изъ Священнаго Писанія» ⁵⁴).

30-го апрѣля Кочубей, Искра и всѣ прикосновенные къ дѣлу, исключая ахтырскаго полковника, отправлены въ оковахъ въ Смоленскъ. Ихъ везли подъ карауломъ до Порѣчья на суднѣ, а потомъ на повозкахъ въ Смоленскъ. Тамъ поразсаживали ихъ порознь, запретивши имъ видѣться и сноситься между собою. При Кочубеѣ и Искрѣ постоянно находились два офицера, перемѣняясь такъ, чтобы преступники не могли быть ни минуты безъ надзора. Хотя полъ Святайло, сотникъ Кованько, перекрестъ Яценко и писцы не обвинялись прямо въ доносѣ на гетмана, но министры нашли, что ихъ нельзя отпускать въ Украину, потому что тогда гетману будетъ это «не безъ сумнѣнія». Министры предоставляли окончательную судьбу всѣхъ преступниковъ царской волѣ, но представляли на утвержденіе царю приговоръ: Кочубея и Искру казнить смертію, по па Святайла сослать въ Соловки, а сотника Кованька въ Архангельскъ для поверстанія въ службу; Яценка и чернеца Никанора, которые собственно были только передатчиками доноса, за то, что впутались въ чужія дѣла, сочли неприличнымъ оставлять въ Украинѣ и приговорили ихъ сослать на жительство въ какіе-нибудь великороссійскіе города ⁵⁵). Ѳедора Осипова отпустили съ похвалою, нашедши его «человѣкомъ добрымъ, умнымъ и на нынѣшнее время потребнымъ». О немъ написана была похвальная грамота къ кievскому губернатору, которому указывалось распространить ее по всей Малороссіи.

славные мои нечаянно на дворъ, не застали уже Кочубея и Искры, а посланные за ними вслѣдъ гнали даже до Краснаго Кута, где уже не дерзая безъ вѣдома моего имъ чинить, возвратилися паки до Диканьки въ маѣтность Кочубееву и тамъ взяли было сына его зятя полковника миргородскаго и листъ до него писанный вышеупомянутый, изъ кармана вынявъ ко мнѣ прислали которой у себе имѣю и ничего въ немъ противнаго не обрѣтаю. Только внутренняя и тайная Богъ вѣсть, для сего надобно бы тутъ Кочубея на очную съ нимъ ставку поставить, которою бы или осудился или оправдался, а покаместъ Кочубей пришется, приказалъ я сотникамъ и полковникамъ политично миргородскаго полковника назирать да и самъ недримателное на оного имѣю око хотя овъ еще ничего не знаетъ, кромѣ того, что Кочубей на пыткѣ былъ и повинился (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кв. № 8. Письмо Мазепы къ Головкину, доставленное царю съ письмомъ Головкина отъ 9-го мая).

⁵⁴) Чт. М. О. И. и Д., 1869 г., т. I, стр. 124—133.

⁵⁵) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кв. № 8. Письма Головкина. Донесеніе царю 16-го мая.

Мазепѣ было не по вкусу, что дѣло о доносѣ на него разбиралось не въ Украинѣ, и онъ нѣсколько разъ письмами домогался отъ Головкина и Шафирова, чтобы враги его были прислашны къ нему на расправу. Узнавши, что послѣ первыхъ допросовъ обвиненныхъ отравили въ Смоленскъ до дальнѣйшаго указа, Мазепа ветревожился, такъ какъ это показывало, что дѣло еще не кончилось и можетъ повернуться иначе. Тогда Мазепа еще сильнѣе домогался приемыли Кочубея и Искры къ нему на казнь и пугалъ царскихъ министровъ, что въ Малороссіи происходятъ толки и расходятся слухи, будто Кочубей придетъ снова въ царскую милость и станетъ гетманомъ *).

Но царя Петра безпокоила въ то время мысль — не совершенъ ли былъ этотъ доносъ по непріятельскому подущенію. Время было военное и мысль эта естественно приходила царю въ го-

*) 23-го мая писалъ Головкинъ царю: „Кочубея и Искру отослали мы въ Смоленскъ и велѣли держать ихъ до указа вашего величества, только не было бы продолженіемъ того дѣла сунуться гетману. Многократно просить онъ прислать оныхъ въ войско для обличенія ихъ воровства и потомъ варанія какое ваше величество надъ ними учинить повелите. А въ народѣ малороссійскомъ отъ его, Кочубеевыхъ единомышленниковъ, разсѣваются многія клеветы: будто Кочубея и Искру изъ Смоленска въ Петербургъ препроводили и будто на него гетмана вашъ великій гнѣвъ; и нигдѣ де обозного генералнаго челядника въ Кіевъ ѣдучою въ одномъ маломъ мѣстечкѣ Оленовцѣ за то только, что проводилъ подводы, старшина тамошня била и изъ мѣстечка, отнявши лошадей, выгнавъ съ таковыми выгофорами: полно уже вашего гетманскаго паства! Придетъ на вашу всѣхъ гибель Кочубей! Тоже всюду въ простомъ народѣ безумные повѣсти разглашаются, будто Кочубей въ великой милости вашей здѣсь, а Искра будто посланъ гетманомъ города какого-то добывать, а когда добудетъ отпущенъ будетъ на гетманство. Такое де смущеніе и ятежь отъ клеветателей единомышленниковъ Кочубеевыхъ котамѣсть не можетъ искорениться, пока народъ не увидитъ ихъ привезенныхъ туда къ гетману въ оковахъ и достойную казнь по дѣломъ своимъ воспріемлющихъ, ибо хотя де оныхъ Кочубея и Искру и въ уголь здѣсь сожгутъ, никто отъ тамошнихъ не будетъ вѣдать и вѣрять. Да и честь его гетманская въ великомъ пониженіи и обруганіи обрѣтается, ибо оныя клеветники на него не только въ Великой Россіи письмами обругали и въ Малой Россіи много въ уши клеветали неправду, измѣнительскимъ порокѣмъ славу и честь его испраздня и возбуждая противъ него на бунтъ, но и по нимъ заграничнымъ землямъ, по Польшѣ, по Литвѣ и по нимъ то разсѣяли. Понеше гетманъ Синявскій резидента его о томъ вопрошалъ, и желательные его корреспонденты изъ Волохъ и Мульванъ до него гетмана писали соболѣзнула о немъ, о чемъ онъ гетманъ зѣле печалится и проситъ ваше величество о прислашѣ ихъ въ войско, дабы всякъ оныхъ увидя въ томъ увѣрился и гнѣвъ бы клеветы и возмущенія пресѣдился. А хотя къ нему грамоты царскаго величества съ объявленіемъ воровства ихъ посланы, но оныя ему въ простомъ народѣ повсюду внушить невозможно (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, кн. № 8).

лову. Ему казалось, что Кочубея и Искру допрашивали не достаточно строго. По отправлении ихъ въ Смоленскъ, когда министры прислали къ царю проектъ рѣшенія дѣла, Петръ приостановилъ утверженіе и написалъ Головкину, чтобы преступниковъ еще разъ допросили съ пыткой. Напрасно Головкинъ представлялъ государю письменно, что Кочубея по старости и дряхлости пытать невозможно*), — Петръ далъ указъ привезти ихъ снова и сдѣлать имъ послѣдній допросъ подъ пыткой.

По такому царскому указу 28-го мая всѣхъ ихъ привезли изъ Смоленска въ Витебскъ и подвергли допросу подъ пыткой. Кочубею дали три удара, Искрѣ — шесть, попу Святайлу — двадцать, сотнику Кованькѣ — четырнадцать. Всѣ стояли на прежнемъ. Кочубей увѣрялъ, что онъ, не совѣтуясь ни съ кѣмъ кромѣ Искры, затѣялъ ложный доносъ на гетмана по злобѣ; прочіе — что не знали ни о какихъ постороннихъ подущеніяхъ и повторяли только то, что слышали отъ Кочубея⁴⁶). Министры добивались отъ Кочубея, не сказывалъ ли ему чего-нибудь миргородскій полковникъ, не подавалъ ли ему по свойству какого-нибудь совѣта. Кочубей твердилъ, что ничего подобнаго не было, все онъ самъ затѣялъ на гетмана, единственно по старой къ нему злобѣ, на томъ твердо стоитъ и съ тѣмъ готовъ на смерть идти.

Во время производившихся пытокъ надъ доносчиками, по преданію, занесенному въ печатный міръ историкомъ Малороссіи Батышъ-Каменскимъ, попъ Святайло и сотникъ Кованько послѣ пытки лежали на полу прикрытые окровавленными рогожами. Кованько замѣтилъ, что московскій кнутъ такъ приятенъ, что его годилось бы купить женамъ на гостинецъ. Онъ, какъ кажется, разумѣлъ жену Кочубея, которая настроила своего мужа, а черезъ него и прочихъ завлекла въ доносъ. — «А чтобъ тебя! —

*) ... А о чемъ ваше величество повелѣвать изволите Кочубея еще спрашивать кѣтъ ли отъ непріятеля или отъ поляковъ или отъ запорожцевъ посылки въ гетманскомъ или иномъ дѣлѣ, и о томъ подлинно при пытѣ ихъ спрашивали и они въ томъ не признались и говорили, что такой подсылки не бывало, а затѣяли все по злобѣ на гетмана. И при отпускѣ въ Смоленскъ дави съ пристрастіемъ пытки накрѣпко ихъ спрашивали, вно ничего не могли отъ нихъ увѣдать, а бохѣй пытать Кочубея опаслись, чтобъ врежде времени не вздохъ, понеже зѣло дряхлъ и старъ и послѣ того былъ едва не при смерти, и писано намъ уже изъ Порѣчья, что зѣло оный тамъ боленъ былъ, и еслибъ его даки пытать, то чаемъ, чтобъ вонечно, вздохъ и опасно, чтобъ отъ того не произошло какое сумнѣніе въ народѣ (Ibid).

⁴⁶) Чт. М. О. И. и Д., 1859 г., т. I, стр. 144—146.

отвѣчалъ Кованькѣ Святайло. — Мало развѣ тебѣ спину исписали?» *)

Въ заключеніе допросили Кочубея о его сокровищахъ. Онъ показалъ, что у него въ домѣ осталось 4.000 червонцевъ въ одной «скрынкѣ», да въ другой—500 червонцевъ и 2.000 талеровъ, затѣмъ по долгамъ до 18.000 золотыхъ. Страдалецъ счелъ долгомъ присовокупить, что многіе думаютъ, будто у него великія богатства, но это не справедливо: все, что имъ ни получалось, тратилось на домашніе расходы **). Свое показаніе Кочубей подписалъ очень оригинально: «окаянный проступца и згубца дому и дѣтей своихъ» ⁵⁷⁾. Послѣ такого заявленія никто изъ производившихъ слѣдствіе не сомнѣвался въ томъ, что этотъ новый доносъ на Мазепу былъ также ложень, какъ и прежніе.

Головкину очень хотѣлось достать миргородскаго полковника и онъ ропталъ на гетмана, что тотъ, несмотря на неоднократныя требованія, не хочетъ прислать Апостола къ дѣлу. Мазепа, желая во что бы то ни стало спасти Апостола, доказывалъ, что наносить безчестіе такому лицу, какъ полковникъ Апостолъ—нельзя, и обѣщалъ приняться за него только тогда, когда будутъ доставлены къ нему главные доносчики ***).

*) Отче Иване! Якажъ московська пужка солодка! Купимъ ее жинкамъ на гостинець!—Богдай тебе, Петре, побиза лиха година, хйба трохи тоби спину исписали!—отвѣчалъ Святайло (*Бантышъ-Каменскій*: „Ист. Малой Рос.“, т. III, прим. III, стр. 37).

**) ... А що многіе особы розумѣють быти у мене великіе окарбы то тое кладуть рѣчь мнѣ тѣсную не розсуждаючи же мнѣ не дали того способу, абымъ умѣлъ з скарбу богатитися, воловъ гона до Гданска не отправляемъ и горѣлокъ такъ достати не робилемъ, абы разомъ тридцать або пятдесятъ куфъ продати и десятка никому не продаемъ и пяти гуртовою продаю; а що въ селахъ бывало горѣлка вышенкуется тое все оборочалося въ дворовые расходы; треба было опрочъ харчей и папитковъ себѣ и на дѣтѣи суконки и чоботки и ишіе охендоженъя купити и челядь одѣвати и плату давати а и духовнымъ особамъ, якъ чужеземскимъ такъ и тутешнимъ по прошенію и по зможности подлугъ моеи мелкой особы въ милостыню давалося больше твердо нежели келкою монетою. Бывало тежъ тое по многу, же когда бывало челоуѣкъ якій знакомитый талеремъ и другимъ поклонитъся, то и не принимаемъ, назадъ отдаваемъ. А що убогимъ бѣднымъ чеховою давалося, нехай тое не будетъ въ лицебріе, и на будованье вликихъ церквей деревяныхъ що выложидося, того грѣхъ споминати але по приказу докладю... (Чтенія, 1859 г., т. I, стр. 142).

⁵⁷⁾ Чтенія М. О. И. и Др., 1859 г., т. I, стр. 142.

***) ... До обличенія миргородскаго полковника очною ставкою тутъ при войскѣ безъ явственныхъ доводовъ жестоко и ревностно поступать, приниматься за него и обезчещивать его опасно, ибо онъ челоуѣкъ заслуженный и отъ всѣхъ полковниковъ старѣйшій и имѣющій повагу и любовь у всего войска,

Наконецъ, Кочубея и Искру, измученныхъ пытками, отпра- вили въ оковахъ въ Смоленскъ, а 13 іюня повезли ихъ водными путемъ по Днѣпру въ Кіевъ для отдачи гетману на казнь. Не- счастливыхъ провожалъ столичный Вельяминовъ-Зерновъ въ сопро- вожденіи роты солдатъ и достигъ Кіева 29 числа того же мѣ- сяца. Онъ помѣстилъ преступниковъ въ новой Печерской крѣпо- сти, сдавши ихъ по наказу князю Дмитрію Михайловичу Голи- цыну, а къ Мазепѣ, находившемуся съ обозомъ подъ Бѣлою Церковью, отправилъ гонца съ извѣстіемъ.

Доносъ Кочубея надѣлалъ Мазепѣ много страха; онъ чувство- валь, что если Кочубей не въ силахъ будетъ представить пра- вительству явныхъ доводовъ измѣны гетмана, то все таки ска- жетъ кое что такое, что будетъ на самомъ дѣлѣ правдою и мо- жетъ подтвердиться показаніями другихъ, если царь вздумаетъ вести это дѣло пошире. Изъ окружавшихъ гетмана старшинъ о его тайномъ замыслѣ зналъ пока только одинъ генеральный пи- сарь Орликъ. Мазепа, по собственному опыту съ Самойловичемъ, зналъ, какъ удобно можетъ старшина подкопаться подъ гетмана, и побаивался предательства отъ Орлика. «Смотри, Орликъ,—го- ворилъ онъ ему,—будь мнѣ вѣренъ: самъ вѣдаешь, въ какой на- хожусь я милости. Не промѣняютъ меня на тебя. Ты убогъ, я богатъ, а Москва гроши любитъ. Мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь».

Опасенія Мазепы не были напрасны. У Орлика, какъ онъ самъ послѣ сознавался, шевелилось искушеніе сдѣлать доносъ на своего гетмана. Но онъ заглушилъ въ себѣ это искушеніе: совѣсть воспрещала ему покуситься на своего господина и бла- годѣтеля, которому онъ присягнулъ въ вѣрности, тогда какъ для царя онъ былъ совсѣмъ чужой—иноземецъ, пришелецъ и даже не произносилъ царю присяги на вѣрность. Предъ нимъ являлся жалкій образъ Мокріевича, который предалъ Демка Многогрѣш- наго, а послѣ, по волѣ Самойловича, вмѣсто ожидаемой награ- ды, лишился писарскаго уряда, подвергся изгнанію и во всю остальную жизнь терпѣлъ поношеніе отъ мірскихъ и духовныхъ

до того съ генеральными особами какъ и съ полковниками спріятелься, повеже Ломповскій обозный и Чуйкевичъ судья и прилучкій полковникъ близкіе ему по снхъ своихъ и по его миргородскаго полковника дочеряхъ сваты, лубен- скій—дядя, нѣжинскій—швагеръ, и другіе съ нимъ близки. Надобно подо- ждать пока привезутъ Кочубея и Искру: тогда за него примемся (Гос. Архивъ. Письма Мазепы).

особь. «Устрашала меня,—говорить онъ,—страшная, нигдѣ въ свѣтѣ не бывавшая суровость великороссійскихъ порядковъ, гдѣ многіе невинные могутъ погибать и гдѣ доносчику дается первый гнѣтъ; у меня же въ рукахъ не было и письменныхъ доводовъ».

Въ то время, какъ Мазепѣ не удалось поймать Бочубея и Искру, когда они успѣли ускользнуть и пробраться къ верховному правительству, страхъ до того одолѣлъ Мазепу, что онъ раскаявался въ своемъ замыслѣ и говорилъ, что оставить его *). Тогда Мазепа, какъ кажется, на нѣкоторое время перервалъ свои тайныя сношенія съ царскими непріятелями; по крайней мѣрѣ о нихъ отъ первой половины 1708 года не сохранилось свѣдѣній. Не мудрено, что гетманъ былъ недоволенъ и тѣми, съ которыми велъ эти сношенія, такъ какъ ему стало извѣстно, что между поляками распространялись уже слухи о его склонности передаваться на шведскую сторону. Эти слухи исходили отъ самого Станислава и были большой поводъ порицать послѣдняго за недостатокъ скрытности. Но раскаяніе Мазепы скоро прошло, когда онъ съ одной стороны получалъ отъ Головкина и отъ самаго царя милостивыя обнадеживанія, что клеветникамъ не будетъ дано вѣры, а съ другой—между своими старшинами заиѣчалъ такое настроеніе, которое могло ободрить его замыслы. Еще онъ не открывалъ тайны никому кромѣ Орлика, а уже обозный Ломиковскій и полковники: прилуцкій Горменко, миргородскій Апостоль и лубенскій Зелемскій въ разговорахъ съ нимъ стали скорбѣть о нарушеніи москалями войсковыхъ правъ и заявлять желаніе воспользоваться текущими военными обстоятельствами, чтобъ утвердить цѣлость козачества и полную независимость всей Украины: выходило, что они сами предлагали то, что уже давно обдумывалъ Мазепа. Но гетманъ не только съ перваго раза имъ не поддавался, а, испытывая искренность ихъ, спорилъ съ ними, доводилъ ихъ до того, что они горячились и увѣряли въ своемъ доброжелательствѣ, въ готовности не отступать отъ своего вождя и региментаря въ случаѣ самаго наибольшаго несчастія; и довелъ ихъ Мазепа до того, что они стали принуждать его сойтись со шведами, твердя, что надобно ему промышлять о пользѣ всего края. Тогда Мазепа мало-по-малу сталъ показывать видъ, будто начинаетъ колебаться и поддается ихъ доводамъ и обѣщаніямъ—и они, обрадовавшись, просили дать имъ вѣтвенное обѣ-

*) ... видѣлъ его Мазепу великою болзнію одержимаго и въ словахъ кающагося того своего начинанія (Письмо Орлика).

щаніе въ вѣрности, а они дадутъ ему подобное отъ себя.— «Напишите сами,—сказалъ Мазепа,—какъ знаете, а я буду поступать какъ вы велите». Обозный Ломиковскій написалъ и подалъ Мазепѣ вмѣстѣ съ другими единомышленниками. Мазепа взялъ написанное, держалъ у себя, кое-что исправилъ, потомъ позвалъ всѣхъ къ себѣ. Подали крестъ и евангеліе. Сначала они цѣловали то и другое и произнесли присягу, потомъ также присягнувъ и онъ передъ всѣми. Въ этой присягѣ лежали, по соображенію обстоятельствъ, передаться на сторону Карла и Станислава и помогать имъ противъ московскаго царя съ тѣмъ, чтобы, при заключеніи мира, Украина была признана вполне независимую страню. И такъ выходило, будто все это дѣло исходить отъ старшинъ, которые къ нему понуждаютъ гетмана, тогда какъ собственно старшины, сами того не зная, исполняли давнее предрѣшенное желаніе своего гетмана и были его слѣпыми орудіями. Вотъ, въ силу такого согласія со старшинами, гетманъ такъ упорно отстаивалъ миргородскаго полковника, запутавшагося въ Кочубеевское дѣло.

Послѣ обоюдной присяги, данной гетманомъ четыремъ лицамъ и обратно послѣдними гетману, мысль объ отложеніи отъ царя стала распространяться между другими генеральными старшинами, полковниками и войсковыми товарищами. Такимъ образомъ, самъ собою формировался заговоръ. Орликъ говоритъ, что ему еще разъ въ эту пору приходила въ голову мысль, чрезъ посредство подъячаго, состоявшаго при войсковой канцеляріи для изученія малороссійскаго языка, сообщить тайно Меншикову, что по поводу доноса Кочубея гетманъ находится въ боязни и опасеніи, а между генеральными старшинами и полковниками возникаетъ ропотъ за обиды великороссіянъ и за нарушенія войсковыхъ правъ; по этой причинѣ не худо было бы прислать отъ царя знатную особу, чтобы отобрать присягу въ вѣрности царю отъ гетмана, отъ всѣхъ старшинъ, полковниковъ и сотниковъ. «Этимъ способомъ,—говоритъ Орликъ,—я намѣревался прервать Мазепины замыслы, отвратить отъ нихъ старшинъ и между тѣмъ исполнить это безъ поврежденія своей совѣсти и присяги». Намъ непонятно, что собственно могло произвести хорошаго это намѣреніе Орлика. Если Мазепа и его соумышленники уже твердо задумали сдѣлать крутой поворотъ въ такомъ политическомъ дѣлѣ, то едва ли остановила бы ихъ эта присяга, тѣмъ болѣе когда гетманъ, уже при самомъ своемъ избраніи, былъ связанъ

ю. Орликъ даяе говорить, что когда пришло извѣстiе о томъ, что Бочубея и Искру пришлютъ къ гетману для казни, онъ оставилъ свое намѣренiе дѣлать сообщенiе Меншикову, памятуя совѣтъ латинскаго поэта — научаться осторожности изъ чужой бѣды *).

Тогда какъ Мазена велъ у себя дѣло такъ, будто не онъ малороссiянь, а малороссiяне его увлекаютъ отступать отъ царя ради независимости Украины, — его тайный агентъ, старшинамъ, какъ видно, неизвѣстный, низложенный болгарскiй архiерей, переѣзжавшiй отъ Мазепы къ царскимъ непрiятелямъ и обратно отъ нихъ къ Мазепѣ, заключилъ по волѣ Мазепы тайный договоръ съ Барломъ и Станиславомъ. Съ первымъ условiя были временныя и касались только военныхъ дѣйствiй. Мазена просилъ Барла вступить въ Украину съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ и освободить козаковъ отъ московской тиранiи. Въ этихъ видахъ онъ обязывался передать шведамъ для зимнихъ еквартиръ укрѣпленныя мѣста въ Сѣверщинѣ: Стародубъ, Мглинъ, Новгородъ-Сѣверскъ и другiе города, причислявшiеся прежде къ Великому Княжеству Литовскому. Гетманъ обязывался доставлять изъ Украины провиантъ для разставленныхъ тамъ шведскихъ войскъ. Бромъ того онъ обѣщаль склонить на сторону шведовъ донскихъ козаковъ, которые также какъ и малороссiйскiе недовольны царемъ за стѣсненiе ихъ войсковыхъ правъ и вольностей. Наконецъ, Мазена обѣщаль употребить все старанiе, чтобы склонить къ союзу со шведами противъ московскаго царя калмыцкаго хана Аюку со всѣми подчиненными ему калмыцкими полчищами. Карлъ, тѣмъ временемъ, съ остальнымъ шведскимъ войскомъ направится на Москву, а между тѣмъ изъ Финляндiи пойдетъ съ иными шведскими силами генералъ Либекеръ, завоюетъ и разрушитъ Петербургъ и проникнетъ въ земли новгородскую и псковскую. Такимъ образомъ царь московскiй, стѣсненный съ разныхъ сторонъ, долженъ будетъ, покинувши свою столицу, удалиться къ сѣверной части Волги, гдѣ край не такъ плодороденъ, какъ лежащiя на югъ отъ Москвы области. Русскiя войска уже доказали на опытъ, что не могутъ устоять въ открытомъ полѣ противъ храбраго шведскаго войска и шведскiй король можетъ надѣяться предписать своему врагу законы, а московскiй царь долженъ будетъ или отдаться на волю побѣдителя, послѣ того,

*) Felix quem faciunt aliena pericula cautum (Письмо Орлика).

какъ увидить свое войско разбѣжавшимся во всѣ стороны, или же съ остатками своихъ военныхъ силъ погибать отъ голода и лишеній всякаго рода.

Со Станиславомъ, находившимся вмѣстѣ съ Карломъ, было заключено еще такое условіе. Вся Украина съ Сѣверскимъ княжествомъ, съ Черниговомъ и Кіевомъ, а также и Смоленскъ присоединялись къ польской Рѣчи Посполитой, а Мазепѣ, въ вознагражденіе за такую услугу, обѣщанъ былъ титулъ княжескій и предоставлялись ему во владѣніе воеводства Полоцкое и Витебское на такихъ правахъ, на какихъ владѣлъ герцогъ Курляндскій подвластнымъ ему краемъ. Заранѣе предполагался день, когда Мазепа созоветъ своихъ полковниковъ, объявить имъ договоръ и постарается уговорить ихъ добровольно принять его, такъ какъ этотъ договоръ даетъ имъ средства возвратить себѣ прежнюю вольность, отъ которой москали оставили имъ одну тѣнь *).

Въ исторіи Карла XII, составленной Фрикселемъ ⁵⁸), который пользовался дѣлами въ шведскомъ государственномъ архивѣ, говорится, что Мазепа былъ склоненъ на сторону Станислава преимущественно іезуитами, которымъ онъ поддакъ, потому что съ юности былъ привязанъ къ римской церкви, и хотя впоследствии изъ видовъ казался православнымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ только притворялся и внутренно не терпѣлъ православнаго исповѣданія. Подобное качество въ Мазепѣ признается въ манифестахъ царя Петра и въ универсалѣ гетмана Скоропадскаго ⁵⁹), гдѣ обличаютъ Мазепу въ намѣреніи отдать Польшу Мамую Россію съ цѣлью ввести римскую вѣру и унию. Такое же намѣреніе приписывается Мазепѣ въ исторіи Петра Великаго до Пол-

*) ... Sollte die ganze Ukraine imgleichen die Herzogthümer Severien, Kiow, Tchernikow und Smolensko wieder unter polnischer Herrschaft kommen und der Krone einverleibt werden, dahingegen versprach man dem Mazeppa zu seiner Vergeltung den Titel eines Fürsten beizulegen auch ihm die Woiewodschaften Witepsk und Polotzk auf die Art wie der Herzog von Curland sein Land, besetzt zu überlassen, endlich ward ein Tag anberaumet, an welchem Mazeppa seine Obristen zusammen ruffen ihnen diesen Vergleich vortragen und sie von freien Stücken darein zu willigen bereden sollte, welches letzere desto eher zu vermuthen stünde, wann er ihnen die unwidersprechlichen Vortheile vorstelle, so sie daraus zu gewarten hätten, in dem sie ihre vorige Freiheit wieder erlangten, wovon die Moscowiter ihnen nichts als den Schatten übrig gelassen (Адлерфельдъ, нѣмецкій переводъ, изд. 1742 г., ч. III, стр. 236).

⁵⁸) Нѣмецкій переводъ, стр. 78—79.

⁵⁹) Чт. М. О. И. и Д. 1859 г., т. I, стр. 183—184, 197—223.

тавской битвы Теофана Прокоповича. Въ договорахъ, сообщенныхъ Адлерфельдомъ, современникомъ близкимъ къ Карлу и много разъ видѣвшимъ Мазепу, о вѣрѣ нѣтъ ничего.

Само собою разумѣется, что Мазепа такого договора, заключеннаго польскимъ королемъ, не могъ объявлять никому изъ старшинъ: онъ хорошо зналъ, что никто изъ малороссіянъ не захотѣлъ бы добровольно отдаваться Польшѣ. Поэтому передъ земляками онъ выставлялъ цѣлю замысла независимость Украины. Въ этому давно уже стремились малороссійскіе патриоты. Это по видимому не было бы противно и посполитому народу, тѣмъ болѣе, что недовольство великороссіянами черезчуръ рѣзко вездѣ высказывалось и оно-то подавало Мазепѣ и его единомышленникамъ надежду, что ихъ замыселъ найдетъ себѣ благопріятный отзывъ въ народной массѣ.

29-го іюня Мазепа съ обозомъ стоялъ подъ Бѣлою Церковью. Въ этотъ день полученъ былъ имъ царскій указъ воротиться къ Кіеву и расположиться по близости его до дальнѣйшаго царскаго указа. Въ этотъ день было тезоименитство царя Петра и Мазепа отправилъ къ нему поздравительное письмо съ пожеланіями побѣдъ надъ врагами, что изумительно ставовилось въ разрѣзъ съ дѣйствительными чувствами малороссійскаго гетмана *).

Мазепа двинулся въ путь, какъ вдругъ прибѣжалъ къ нему изъ Кіева гонецъ отъ Вельяминова-Зернова съ извѣщеніемъ, что онъ привезъ Кочубея и Искру для совершенія надъ ними смертной казни. Гетманъ отправилъ туда своего генеральнаго бунчуковаго Максимовича съ сотнею компанейцевъ. Несчастныхъ осужденныхъ привезли скованными 11-го іюля въ гетманскій обозъ, находившійся въ Борщаговкѣ, въ восьми миляхъ отъ Бѣлой Церкви. На другой день Вельяминовъ-Зерновъ подалъ гетману въ

*) ... Благопріѣтствую убо вашему царскому пресвѣтлому величеству покорнымъ сердцемъ тезоименитаго ангела св. апостола Петра камени именнаго, желаю усердіемъ истиннымъ подданскимъ, дабы тотъ камень вѣры оружіе на поражение полчищъ непріятельскихъ изострилъ и горделиваго ивѣдскаго Голава обезглавилъ, а православнаго вашего царскаго величества монархію непоколебимымъ основаніемъ утвердилъ и во всѣхъ путяхъ ваше царское величество сохрავалъ, да не когда претянеша о камень ноги твоея. А яко тенаръ Божию милостию ордынованы отъ мене полки полтавскій и компанейскій противъ вора Булавина получили надъ партією его бунтовничюю одолѣніе, тако и впредъ за молитвами тезоименитаго вашего царскаго величества ангела, да покорить камень краеугольный сильный въ бранѣхъ Господь всякаго супостата жодъ нозѣ вашего царскаго величества и всякъ падый на семъ камени да разбіется... (Гос. Арх. Письма Мазепы).

присутствіи всѣхъ старшинъ царскую грамоту, что Бочубей и Искра, за ложный доносъ на гетмана, осуждены на смертную казнь. Грамота была прочтена всенародно. Бочубей еще разъ подвергли допросу объ имуществѣ, и онъ, въ дополненіе къ преж-
нему показанію, сообщилъ еще о 1.500 червонцахъ и 200 ефим-
кахъ, обѣщанныхъ имъ въ раздачу дѣтямъ, о 1.000 червон-
цахъ принадлежащихъ его умершей дочери Забѣлиной по мужу,
обѣщанныхъ на строеніе церкви въ Батуринѣ, о нѣсколькихъ
штукахъ серебряной посуды и объ украшеніяхъ, наконецъ о
нѣкоторыхъ суммахъ, состоявшихъ на долгахъ.

14-го іюля утромъ рано преступники выведены были передъ
собраніе всего Войска Запорожскаго и передъ толпы стекшагося
съ разныхъ мѣстъ малороссійскаго народа. Ихъ конвоировали
три великороссійскія роты съ заряженными ружьями. Прочитаны
были ихъ вины. Затѣмъ ихъ обоихъ подвели къ плахѣ и отру-
били головы. Тѣла ихъ лежали въ продолженіи всей литургіи
выставленными на позоръ. По окончаніи литургіи, положили ихъ
въ гробы и повезли въ Кіевъ. Тамъ они были погребены въ
Кіево-Печерской лаврѣ близъ трапезной церкви, гдѣ и теперь
можно видѣть надъ ними каменные плиты съ истершеюся отъ
времени надписью, сложенною, конечно, уже послѣ измѣны Ма-
зепы *).

Въ наказѣ, данномъ Вельяминову-Зернову, привезшему пре-
ступниковъ, велѣно было объявить волю государя, чтобы преступ-
ники были казнены; но если гетманъ станетъ просить, чтобы

*) Кто еси мимо градый о насъ невѣдущій
Елицы здѣ естесмо положены сущи!
Понеже намъ страсть и смерть поведегъ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати.
За правду и вѣрность къ монарсѣ нашу
Страданія и смерти исшіймо чашу.
Злуданіемъ Мазепы всевѣчно правы,
Посѣчены zostавше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семь мѣстѣ Матери Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Рочу 1708 мѣсяца іюля 15 дня посѣчены средѣ обозу войскового за Бѣлою
Церковью на Баршаговцѣ и Ковшевомъ благодарный Василій Кочубей судья
генеральный и Іоаннъ Искра полковникъ полтавскій, привезены же тѣла ихъ
іюля 17 въ Кіевъ и тогожъ дня въ обители святой Печерской на семь мѣстѣ
погребены.

Прим. автора: Свѣдѣнія о совершеніи казни 14 іюля взяты изъ до-
несенія столбника Вельяминова-Зернова; а по запискѣ диванскаго
священника и по надгробной надписи она совершилась 15 іюля.

ихъ оставить въ живыхъ, то Вельяминовъ-Зерновъ долженъ былъ ограничиться отвѣтомъ, что въ наказѣ у него нѣтъ о томъ ничего и онъ не смѣетъ ничего чинить безъ царскаго указа. Такого великодушія со стороны гетмана не послѣдовало. Мазепа, въ посланной тогда государю грамотѣ, выразился, что христіанское милосердіе побуждало его просить освобожденія отъ смертной казни «лжеклеветниковъ и всенародныхъ возмутителей», но такъ какъ они дерзнули «языкомъ льстивымъ и лживымъ бл...словить о превысочайшемъ вашего царскаго величества гонорѣ и здравіи, за которое всѣмъ намъ подъ высокою вашею державою и сладчайшимъ государствованіемъ пребывающимъ должно и достойно до послѣдней капли крови стоять и умирать, а не токмо противное что оному чинить и сочинять, но и помыслить страшно, ужасно и душепагубно»,—поэтому онъ не оказалъ милосердія клеветникамъ ⁶⁰⁾.

Въ письмахъ къ Головкину гетманъ показалъ желаніе оказать милость семействамъ казненныхъ и отдать женамъ ихъ и дѣтямъ Кочубеевымъ имущества, «понеже,—выразился онъ,—многіе наипаче духовные докучаютъ мнѣ многими прошеніями, дабы и жена Кочубеева и дѣти ихъ и жена Искрина могли безъ жадной бѣды и скорби въ домахъ своихъ проживати спокойно и мирно и своихъ имѣній употреблять, понеже мужи ихъ за свое преступленіе смертную уже казнь воспріяли» ⁶¹⁾.

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

⁶⁰⁾ Голіковъ: „Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго“, т. XV, стр. 131.

⁶¹⁾ Госуд. Арх. Письма Мазепы.

Крестьяне духовныхъ вотчинъ во второй половинѣ XVIII вѣка *).

I.

Статистическія свѣдѣнія о духовныхъ вотчинахъ.—Симодалыне, архіерейскіе, монастырскіе и церковные крестьяне.

Послѣ крѣпостныхъ крестьянъ второе мѣсто по многочисленности въ ряду всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія занимали во второй половинѣ XVIII вѣка крестьяне духовныхъ вотчинъ. Несмотря на то, что еще со времени Ивана III правительство стало принимать мѣры, чтобъ ограничить увеличеніе числа населенныхъ имѣній, принадлежавшихъ духовенству, владѣнія этого сословія все разрастались; да это и понятно, если принять во вниманіе, что даже тѣ государи, которые, какъ Иванъ Грозный или Алексѣй Михайловичъ, дѣйствовали наиболѣе энергично въ этомъ отношеніи, въ то же время продолжали, по примѣру своихъ предшественниковъ, жаловать вотчины различнымъ монастырямъ. Нужно замѣтить, однако, что владѣнія духовенства, до опредѣленія ихъ точнаго размѣра, казались еще болѣе обширными, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Монастырскій приказъ, въ вѣдѣніи котораго при Петрѣ Великомъ было около 150.000 дворовъ, считалъ населеніе своей области почти пятою частью всего крестьянства; между тѣмъ процентъ духовныхъ крестьянъ во всемъ сельскомъ населеніи государства былъ гораздо менѣе значителенъ, какъ это видно изъ точныхъ данныхъ второй и третьей

*) Этотъ историческій очеркъ, составленный, кромѣ печатныхъ источниковъ, по документамъ архивовъ министерства юстиціи, министерства иностранныхъ дѣлъ, межеваго, сенатскаго, II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и Вольнаго Экономическаго Общества, посвященъ духовнымъ вотчинамъ Великоросіи и Сибири.

ревизій. Во время второй ревизіи, окончившейся въ 1747 году, крестьянъ синодалныхъ (бывшихъ патріаршихъ) было 37.426, архіерейскихъ—116.376, монастырскихъ—728.736 и соборныхъ и церковныхъ—23.767 душъ мужскаго пола, всего же—906.305 душъ муж. пола (за исключеніемъ Малороссіи, въ которой, какъ и при слѣдующей ревизіи, переписи не производилось). Всего крестьянъ въ это время было около 6¹/₂ милл. душъ муж. пола, — слѣдовательно, крестьяне духовенства составляли 14⁰/₁₀₀ сельскаго населенія Великороссіи и Сибири. Во время третьей ревизіи (въ первые годы царствованія императрицы Екатерины) крестьянъ «духовныхъ вотчинъ» (бывшихъ синодалныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ) было 960.226, да еще соборныхъ и церковныхъ 31.535 душъ, итого—991.761 душъ муж. пола. Всего крестьянъ въ это время было болѣе 7 милл., такъ что крестьяне духовныхъ вотчинъ составляли 12,4⁰/₁₀₀ сельскаго населенія, т. е. нѣсколько менѣе, чѣмъ во время второй ревизіи. Территориальное распредѣленіе духовныхъ вотчинъ значительно отличалось отъ распредѣленія помѣщичьихъ имѣній. Въ то время, когда крѣпостныхъ на сѣверныхъ окраинахъ государства было самое ничтожное количество, а въ Сибири ихъ и вовсе не было, духовные крестьяне составляли въ этой мѣстности, особенно на сѣверѣ Европейской Россіи, значительный процентъ населенія *).

Для указанія размѣровъ земельныхъ владѣній отдѣльныхъ архіерейскихъ домовъ и монастырей единственнымъ полнымъ источникомъ служить вѣдомость, составленная въ 1744 году. Даныя ея не совершенно совпадаютъ со свѣдѣніями второй ревизіи, тѣмъ не менѣе изъ нея все-таки видно, какія учрежденія были наиболѣе крупными духовными вотчинниками.

Почти всѣ архіерейскіе дома имѣли весьма значительное количество крестьянъ. Такъ, на примѣръ, Велико-Новгородская каедрa имѣла сама по себѣ 19.763 д., а съ приписными монастырями по описи 1763 года—21.500 душъ муж. пола. Чудовъ каедральный монастырь (Московской епархіи) имѣлъ въ 1744 году 18.681 д., Ростовскій архіерейскій домъ—16.340 д., Тверской—11.980 д., каедральный Троицкій Ипатіевскій монастырь

*) Первое мѣсто по относительному количеству духовныхъ крестьянъ во время третьей ревизіи занимала Новгородская губ. (25,8⁰/₁₀₀); а затѣмъ въ убывающемъ порядкѣ слѣдовали губерніи: Московская (20,8⁰/₁₀₀), Архангельская (14,4⁰/₁₀₀), Нижегородская (10,2⁰/₁₀₀), Казанская (9,8⁰/₁₀₀), Смоленская (7,2⁰/₁₀₀), Бѣгородская (6,5⁰/₁₀₀), Оренбургская (5,8⁰/₁₀₀), Воронежская (5,3⁰/₁₀₀) и Сибирь (5,3⁰/₁₀₀).

(Костромской епархіи)—11.266 д., Базанскій архіерейскій домъ—10.009 д. и т. д. Всего за 22-мя архіерейскими каедрами было по вѣдомости 1744 года 164.419 душъ *),—слѣдовательно, среднимъ числомъ по 7.474 души на архіерейскій домъ.

Самый богатый изъ архіерейскихъ домовъ имѣлъ только 21.500 душъ крестьянъ; у богатѣйшаго изъ монастырей—Троицко-Сергіевской лавры—съ 12-ю приписными къ ней монастырями ихъ было впятеро болѣе, а именно около 106.000 душъ. Назовемъ нѣкоторые изъ монастырей особенно богатыхъ крестьянами. Троицкій Александро-Невскій монастырь имѣлъ въ 1744 году 25.464 д., Успенскій Трифоновъ (Вятской епархіи)—23.859 д., Кирилловъ-Бѣлозерскій съ 2-мя приписными къ нему (Вологодской епархіи)—21.590 д., Саввинъ-Сторожевскій монастырь—16.047 д., Вознесенскій женскій монастырь (Московской епархіи)—15.582 д., московскій Новодѣвичій монастырь—14.480 д., московскій Новоспасскій ставропигіальный монастырь—14.145 душъ, Спасскій ярославскій—13.981 душъ, Воскресенскій, называемый Новый Іерусалимъ—13.660 душъ, московскій Симоновъ монастырь—12.146 д., Іосифовъ волоколамскій (Переяславской епархіи)—11.422 д., Пафнутіевъ боровскій—11.067 душъ и т. д. Всего монастырей, имѣющихъ населенныя вотчины (за исключеніемъ каедральныхъ) было 457. Если принять во вниманіе, что за ставропигіальными монастырями числилось около 20 приписныхъ, а за остальными около 30, то всѣхъ монастырей, имѣвшихъ населенныя имѣнія, будетъ около 507. А такъ какъ общее количество монастырей въ тѣхъ же епархіяхъ было 822, то, слѣдовательно, значительно болѣе половины ихъ (61%) имѣли крестьянъ. Если же взять мужскіе и женскіе монастыри отдѣльно (первыхъ было всего 633, вторыхъ—189), то окажется, что изъ мужскихъ имѣли крестьянъ 60%, а изъ женскихъ—36%. Затѣмъ изъ общаго количества вотчинныхъ монастырей, не считая приписныхъ, т. е. изъ 457 монастырей, имѣвшіе менѣе 10 душъ составляли 6,4%, имѣвшіе отъ 11 до 30 д.—7%, отъ 31 до 60 д.—9,6%, отъ 60 до 100 д.—7%; слѣдовательно, всего менѣе, 30 д., крестьянъ имѣли 13,4% монастырей, отъ 30 до 100 д.—16,6%, а болѣе 100 д.—70%, въ

*) Значительная разница данныхъ объ архіерейскихъ крестьянахъ по вѣдомости 1744 г. и по свѣдѣнію второй ревизіи, вѣроятно, происходитъ отъ того, что вотчины каедральныхъ монастырей зачислены по вѣдомости 1744 года въ число архіерейскихъ, а по второй ревизіи—въ число монастырскихъ крестьянъ.

томъ числѣ однихъ монастырей, имѣвшихъ болѣе 5.000 д., было 5,7%. Если сравнить этотъ выводъ съ тѣмъ, который получается при изслѣдованіи помѣщичьяго землевладѣнія во вторую половину XVIII вѣка, то мы увидимъ, что между тѣмъ какъ среди помѣщиковъ преобладало мелкое и среднее землевладѣніе (имѣвшихъ менѣе 30 д. было 62,7%, а отъ 30 до 100 душъ—21,1%), монастыри были преимущественно крупными вотчинниками (помѣщиковъ имѣвшихъ болѣе 100 д. было лишь около 16%). Если раздѣлить общую сумму крестьянъ ставропигіальныхъ и епархіальныхъ монастырей на число этихъ монастырей, не считая приписныхъ, то на каждый изъ нихъ среднимъ числомъ придется 1.445 душъ.

Монастырскіе крестьяне принадлежали по преимуществу крупнымъ вотчинникамъ; но былъ разрядъ духовныхъ имѣній, въ которомъ преобладало, напротивъ, мелкопомѣстное землевладѣніе: мы говоримъ о соборныхъ и церковныхъ крестьянахъ. Милютинъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о недвижимыхъ имуществахъ духовенства полагалъ, что вотчины приходскихъ церквей составляли явленіе исключительное; но это несправедливо: какъ намъ уже извѣстно, по второй ревизіи соборныхъ и церковныхъ крестьянъ было 23.767 д., а по третьей—31.535 душъ *).

Бъ сожалѣнію, намъ неизвѣстно все число соборовъ и церквей, владѣвшихъ крестьянами. Въ «Духовныхъ штатахъ» мы имѣемъ только вѣдомость соборовъ и церквей, у которыхъ было болѣе 20 душъ крестьянъ. Такихъ въ 1764 году оказалось: соборовъ 27 и приходскихъ церквей 105, итого—132 **).

Что касается того, были ли вотчинные соборы, имѣвшіе менѣе 20 душъ крестьянъ, то если они и существовали, ихъ во всякомъ случаѣ было самое ничтожное количество,—по крайней мѣрѣ въ данныхъ генеральнаго межеванія мы не нашли ни одного подобнаго собора. Такимъ образомъ вотчинные соборы были разбросаны по всей Великороссіи. Что же касается приходскихъ

*) Во время третьей ревизіи соборныхъ и церковныхъ крестьянъ въ тогдашней Московской губерніи было 15.651 д., въ тогдашней Новгородской (въ составъ которой входила и Псковская провинція)—13.665 д., въ Воронежской—1.445, Нижегородской—613 и Бѣгородской—161 душа муж. пола.

**) Вотчинные соборы, имѣвшіе болѣе 20 душъ, находились въ слѣдующихъ городахъ: Псковѣ, Островѣ, Изборскѣ, Великихъ Лукахъ, Торопцѣ (2), Устюгѣ (3), Сольвычегодскѣ, Ярославлѣ, Кашинѣ, Устюжнѣ - Желѣзнопольской, Торжкѣ, Ржевѣ (2), Зарайскѣ, Муромѣ, Бѣлевѣ, Курскѣ, Путивлѣ, Брянскѣ (2), Трубчевскѣ, Чебоксарахъ, Арзамасѣ и въ селѣ Лысковѣ.

церквей, имѣвшихъ болѣе 20 душъ крестьянъ, общее число которыхъ, какъ мы уже знаемъ, доходило до 105, то наибольшая ихъ часть (а именно—три четверти всѣхъ такихъ вотчинныхъ церквей) находилась въ прежней Псковской провинціи, входившей въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II въ составъ Новгородской губ. *). Затѣмъ вотчинныя приходскія церкви были еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Устюгѣ Великому—14, въ Новгородѣ—6, Сольвычегодскѣ—4, Лихвинѣ—1, Темниковѣ—1. Кромѣ того мы нашли въ данныхъ генеральнаго межеванія еще около 40 вотчинныхъ церквей (не помѣщенныхъ въ списокъ тѣхъ, которыя имѣли болѣе 20 душъ); почти всѣ онѣ находились въ Псковской провинціи. Такимъ образомъ можно принять, что всѣхъ вотчинныхъ церквей было около 150, а такихъ же соборовъ, какъ мы уже знаемъ, 27,—слѣдовательно, всѣхъ вотчинныхъ соборовъ и церквей было около 177. Среднимъ числомъ на каждый соборъ или церковь приходилось 178 душъ крестьянъ, между тѣмъ какъ на одинъ монастырь пришлось 1.445 д., а на одну архіерейскую каѳедру—7.474 души.

Если мы возьмемъ всѣ разряды крестьянъ духовнаго вѣдомства (синодальные, архіерейскіе и церковные) и сопоставимъ ихъ съ частными владѣльцами Великороссіи, то мы найдемъ, что самымъ крупнымъ вотчинникомъ была Троицко-Сергіевская лавра (около 106.000 душъ); затѣмъ второе мѣсто принадлежитъ графу П. Б. Шереметеву, который въ Великороссіи имѣлъ болѣе 64.000 душъ (не считая того, что онъ далъ въ приданое за свою дочь болѣе 14.000 д.); третье мѣсто занимаетъ графъ К. Г. Разумовскій, который въ одной Великороссіи, не считая его огромныхъ малороссійскихъ вотчинъ, владѣлъ болѣе чѣмъ 34.000 душъ. Затѣмъ будутъ слѣдовать опять духовные вотчинники: синодальный домъ (по второй ревизіи 31.468 душъ), Александро-Невскій—(25.464 д.), Успенскій-Трифоновъ монастырь Вятской епархіи—(23.859 д.), Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь (21.590 д.), Велико-Новгородская каѳедра (21.500

*) А именно: въ городѣ Псковѣ ихъ было 38, въ Опочкѣ—7, въ Пусто-Ржевѣ (нынѣшній Ново-Ржевъ)—8, въ Вышгородѣ—7, въ Изборскѣ—5, въ Глозѣ—4, въ Кобыльѣ—3, въ Воронежѣ—3, въ Островѣ—2 и въ Вельѣ—3, итого—79 церквей. Сопоставимъ съ этимъ свидѣтельство митрополита Маркеда въ XVII вѣкѣ: „Здѣсь, во Псковѣ, — писалъ онъ, — всѣ церкви вотчинныя, и по древнему обыкновению церквами владѣютъ и тѣмъ вотчинами користуются мужики“, т.-е. мірскіе люди. *Бѣллетъ*: „Разказы изъ Русской исторіи“, т. III, стр. 92 и 93.

душъ) и только девятое мѣсто принадлежить опять частному лицу: графъ А. С. Строгановъ имѣлъ 19.000 д. муж. пола *).

II.

Положеніе духовныхъ вотчинъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. — Повинности крестьянъ. — Истязанія отъ духовныхъ властей и управителей. — Администрація духовныхъ вотчинъ. — Выводима деньги. — Рекрутчина.

Въ отношеніяхъ правительства къ имѣніямъ духовенства мы видимъ въ XVIII вѣкѣ не мало колебаній, прежде чѣмъ была окончательно признана необходимость ихъ секуляризаціи. Петръ Великій, учредивъ въ 1701 году монастырскій приказъ, лишилъ духовенство права непосредственнаго управленія патриаршими, архіерейскими и монастырскими вотчинами; на содержаніе чернаго духовенства велѣно было отпускать опредѣленное количество денегъ и хлѣба, а остальное употреблять на нужды благотворительности и просвѣщенія. Въ 1720 г. духовныя вотчины были по-прежнему переданы въ завѣдываніе духовенства, однако монастырскій приказъ, закрытый тогда, былъ вновь возстановленъ въ 1721 году, но уже какъ учрежденіе зависимое отъ синода, и былъ окончательно уничтоженъ въ 1724 году. Онъ былъ преобразованъ въ особое хозяйственное отдѣленіе подъ именемъ «камеръ-конторы». «Но, получивъ вотчины во свое управленіе, — говоритъ извѣстный историкъ церкви г. Знаменскій, — архіерей и монастыри все-таки не могли распорядиться своими доходами съ нихъ самостоятельно, по-прежнему должны были довольствоваться опредѣленнымъ окладомъ, затѣмъ все остальное предоставлять въ распоряженіе правительства... Всѣ хозяйственныя дѣйствія ихъ подчинены строгой отчетности; при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ заведены шнуровыя книги, велѣно подавать въ оцнодь ежегодно отчетъ, назначены наказанія за недоимки и начеты по сборамъ. Прежнее недовольство ихъ на монастырскій приказъ обратилось теперь на синодъ, который принялъ на себя и обязанности, и отвѣтственность приказа... Между тѣмъ самъ св. синодъ очень тяготился своею отвѣтственностью по недоимкамъ, которыя правительство приписывало единственно дурному хозяйству «духовной команды». За 1721—22 гг. недоимки возросли до 1.224.620 рублей». Въ 1726 году велѣно было учре-

*) Нужно замѣтить къ тому же, что относительно духовныхъ вотчинниковъ мы беремъ данныя 1744 года, а для свѣтскихъ — свѣдѣнія второй половины XVIII вѣка.

дить при синодѣ особый департаментъ изъ шести лицъ свѣтскаго званія, названный коллегіей экономіи синодальнаго правленія, которая по всѣмъ недуховнымъ дѣламъ должна была входить съ представленіемъ не въ синодъ, а въ сенатъ. Въ 1738 году при Аннѣ Ивановнѣ коллегія экономіи была совершенно передана въ вѣдѣніе сената; въ ея завѣдываніи велѣно быть и синодальнымъ вотчинамъ, такъ какъ на нихъ оказалась большая недоимка. Елизавета Петровна, по крайней мѣрѣ до послѣднихъ годовъ своего царствованія, держалась относительно духовныхъ имѣній совершенно другой системы. Всѣ дѣйствія ея относительно церковныхъ имуществъ, — говоритъ Милютинъ, — «клонились не столько къ сохраненію, сколько къ уничтоженію введеннаго Петромъ Великимъ устройства. Въ ея царствованіе не только возвращались монастырямъ отобранныя у нихъ имущества, но и давались новыя; императрица не только подтверждала жалованныя грамоты прежняго времени, но и предоставляла ихъ вновь нѣкоторымъ обителямъ. Она хотѣла прекратить даже разсылку отставныхъ солдатъ по монастырямъ для пропитанія». Понятно, что при ней въ 1744 г. коллегія экономіи была уничтожена и высшее управленіе церковными вотчинами было вновь поручено синоду: велѣно было «всѣ доходы синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ и проч., что были въ вѣдомствѣ той коллегіи, отдать въ вѣдомство и управленіе св. синода по-прежнему со всѣми расходами, на что было положено и употреблялось изъ тѣхъ доходовъ при... Петрѣ Великомъ». Устраненіе контроля свѣтскихъ властей развязало руки духовнымъ лицамъ, и скоро обнаружались печальныя для крестьянъ послѣдствія такого порядка, какъ это будетъ видно изъ слѣдующаго ниже очерка положенія крестьянъ въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія.

Повинности крестьянъ въ имѣніяхъ духовенства были чрезвычайно разнообразны и весьма неодинаковы по количеству, такъ что весьма затруднительно установить въ этомъ отношеніи среднія нормы. Относительно крѣпостныхъ крестьянъ это можно сдѣлать съ гораздо большею опредѣленностью. Крѣпостные рѣзко раздѣлялись на оброчныхъ и барщинныхъ. На основаніи общихъ современныхъ свидѣтельствъ и многихъ частныхъ указаній можно опредѣлить средній размѣръ оброка въ различные періоды Екатерининскаго царствованія; барщинная повинность опредѣлялась извѣстнымъ количествомъ дней въ недѣлю работы на помѣщика и о числѣ этихъ дней есть также много извѣстій.

Далеко не такъ ясно мы можемъ представить себѣ размѣръ крестьянскихъ повинностей въ вотчинахъ духовенства. Мы имѣемъ возможность перечислить всѣ роды повинностей и разнообразныхъ поборовъ, взимаемыхъ тамъ съ крестьянъ, но лишь въ немногихъ случаяхъ можемъ опредѣлить, какъ велико было бремя, ложившееся на каждаго крестьянина; между тѣмъ для крестьянъ, напримѣръ, дворцоваго вѣдомства такой выводъ можно сдѣлать съ большею точностью, вслѣдствіе того, что ихъ натуральныя повинности въ теченіе XVIII вѣка постепенно перелагались на деньги и процессъ этотъ въ разсматриваемую нами теперь эпоху почти окончательно завершился.

Тѣмъ не менѣе положеніе крестьянъ въ духовныхъ вотчинахъ будетъ для насъ довольно ясно изъ нѣсколькихъ примѣровъ. Въ вотчинахъ приписаннаго къ синодальному дому Николаевского Амвросіева Дудина монастыря, Нижегородскаго уѣзда, 940 д. до 1752 года пахали и убирали ежегодно 117 десятинъ въ каждомъ полѣ, слѣдовательно всего 351 дес. (нѣсколько болѣе $\frac{1}{3}$ дес. на каждую душу), сѣна косили 1.300 копенъ, ставили дровъ 480 возовъ и «прочее монастырское издѣліе исправляли», котораго, по словамъ властей, «исчислить не можно».—Крестьяне Шацкаго уѣзда Николаевского Чернева монастыря, отданнаго въ 1758 г. на содержаніе Тамбовскаго архіерейскаго дома, 1.763 души, обрабатывали по 110 дес. въ каждомъ полѣ, слѣдовательно всего 330 дес., кромѣ косьбы сѣна, ловли рыбы, починки разныхъ строеній и т. п.; да кромѣ того, по словамъ крестьянъ, 400 д. изъ нихъ ходили по очереди на работу при архіерейскомъ домѣ.—Крестьяне лихвинскаго Покровскаго мужскаго монастыря, 1.214 душъ, въ Лихвинскомъ и Чернскомъ уѣздахъ, пахали пашни на монастырь всего только 93 дес. во всѣхъ поляхъ, да косили сѣнныхъ покосовъ 940 волоковыхъ копенъ. Но кромѣ того съ нихъ взималось ежегодно вмѣсто столовыхъ припасовъ деньгами 112 руб., коноплянаго сѣмени 23 четверти, хмѣлю 47 четв., ржи столько же, куриныхъ яицъ 6.016, дровъ 188 сажень. Работниковъ они посылали въ монастырь, для различныхъ работъ, годовыхъ 6 человѣкъ и для суточного караула также 6 человѣкъ.—Крестьяне вотчины Новоспасскаго монастыря Шацкаго уѣзда, 2.194 души, пахали въ 50-хъ годахъ пашни на монастырь 504 десятины во всѣхъ поляхъ, слѣдовательно менѣе четверти десятины на душу, косили много сѣна, давали 16 четвертей ржи, столько же овса, оброка 90 рублей и разныхъ

денежныхъ поборовъ за погреба, за пеньку, холсты, яйца, орѣхи, за работниковъ около 30 копѣекъ съ души; кромѣ того давали 580 подводъ для отвоза монастырскаго хлѣба въ Москву или иногда, по предложенію властей, погунали хлѣбъ на мѣстѣ по московской цѣнѣ и такимъ образомъ избавлялись отъ подводной повинности, а монастырское начальство покупало хлѣбъ въ Москвѣ на полученныя такимъ образомъ деньги.—Крестьяне Троицкаго-Балазина монастыря, Башинскаго уѣзда, 7.222 души, наказали на монастырь пашни 772 дес. во всѣхъ поляхъ, накашивали на сѣнныхъ покосахъ сѣна 340 стоговъ (каждый въ обхватѣ по 10 саж.). Сверхъ того до 1755 г. они платили ежегодно 488 руб. деньгами и давали разные столовые припасы: грибы, ягоды, яйца, ставили работниковъ, приготавливали сани, телѣги и прочее. Въ 1755 году архимандритъ взыскалъ съ нихъ 720 руб.; въ 1756 г., по приказу монастырскихъ властей, они уплатили 5.900 рублей, т. е. около 81 копѣйки съ каждой души, и 143 барана; въ 1757 году съ нихъ велѣно собирать за грибы, ягоды, орѣхи, уголья и проч. по 40 коп. съ души. Крестьяне въ поданной ими челобитной просили объ опредѣленіи ихъ на оброкъ. Тяжелое положеніе ихъ еще ухудшалось злоупотребленіями прикащиковъ, о чемъ мы скажемъ ниже.—Крестьяне угличскаго Николо-Улейминскаго монастыря, 1.579 душъ, исполняли въ 1761 году на монастырь слѣдующія работы: обрабатывали и убирали поля, косили сѣно, рубили вапусту, варили пиво и квасъ, набивали снѣгомъ погреба, производили постройки. Вся эта работа требовала съ каждой ревизской души барщины по 7¹/₂ дней конныхъ и по 9¹/₂ дней пѣшихъ. Если оцѣнить этотъ трудъ по таксѣ, установленной правительствомъ для горнозаводскихъ крестьянъ (лѣтомъ за пѣшаго работника 5 коп., за коннаго—10 коп., зимою за пѣшаго—4 и коннаго—6 к., принявъ среднимъ числомъ за коннаго—8 коп., а за пѣшаго—4¹/₂ коп.), то мы получимъ, что стоимость работъ, приходившихся на долю каждой ревизской души, приблизительно равнялась одному рублю.—Весьма подробныя свѣдѣнія о сборахъ и повинностяхъ, существовавшихъ въ монастырскихъ вотчинахъ, мы находимъ въ наказѣ крестьянъ одного села, принадлежавшаго тобольскому Знаменскому монастырю. Прежде всего за пользованіе землею крестьяне вносили «пятинный хлѣбъ», т. е. пятый снопъ изъ урожая. Затѣмъ разную работу они работали по 13 дней; наказали пашни съ вѣнца на своихъ лошадяхъ по одной трети десятины и рвали конопля по два

дня; плели сѣтей для рыбной ловли по сажени изъ своей конопки, «неводы саджили и починивали и неводили недѣли по 2 и по 3»; жгли конопки по одному пуду и варили по одной четверти толокна. Кроме того съ нихъ собиралось съ каждаго вѣнца: сѣна по 20 печатныхъ копенъ (каждая копна равнялась возу), а у кого не было сѣна, съ тѣхъ брали отъ 2 до 5 рублей,—по полторы сажени дровъ, по два бревна, по двѣ кади угля, по 10 фунтовъ лыка и три скалы бересты, а кто не ставилъ всего этого, долженъ былъ платить по 72 коп. въ годъ. Кроме того съ крестьянъ взыскивали по однѣмъ санямъ и дровнямъ съ десяти вѣнцовъ (а кто не поставитъ, брали за сани по 50 к., а за дровни по 20 к.), по лопатѣ и одной лычной веревкѣ, смолы брали съ 10 душъ по одному печатному ведру, груздей по ведру, грибовъ по рѣшету. Они давали еще съ вѣнца по двѣ подводы въ городъ на разстояніи 63 верстъ и по двѣ подводы на мельницу (16 верстъ), возили хлѣбъ, живую рыбу, пиво, сѣно и проч. Старики 70—80 лѣтніе караулили запоры и рыбу въ садкахъ, собирали хмѣль, пряли по 10 фунтовъ пряжи на невода изъ монастырской конопки. Кроме того нанимали отъ міра по 15 человекъ плотниковъ, которымъ платили по 7—15 р. въ годъ *). Сверхъ всего этого крестьяне жали яроваго хлѣба до 40 и ржи по 20 сусноповъ, пшеницу отбирали въ теченіе 5 дней, ячмень сѣблили и чистили, колушали сѣру съ хвойныхъ деревьевъ; съ каждой дѣвушки, достигшей 15 лѣтъ, брали тонкаго холста по 5 аршинъ. Отъ всѣхъ этихъ работъ, по словамъ крестьянъ, они пришли въ такое «крайнее разореніе», что и чрезъ нѣсколько лѣтъ не могли оправиться. Дѣйствительно, нельзя не признать, что ихъ положеніе было крайне тяжелое.—Крестьяне Троицкаго тюменскаго монастыря (63 души), сообщая о тѣхъ повинностяхъ, которыя они исполняли (земледѣльческія работы, поставка дровъ, подводы и караулы), оцѣниваютъ ихъ на деньги; оказывается, что они отработывали ежегодно въ пользу монастыря на 1 руб. 72 коп. съ души.

Итакъ, въ названныхъ нами монастырскихъ вотчинахъ, состоявшихъ на барщинѣ, также какъ и въ другихъ имъ подобныхъ, крестьяне исполняли разныя земледѣльческія работы на

*) При другомъ архимандритѣ на этихъ крестьянъ былъ прибавлено еще нѣкоторое количество лѣсныхъ матеріаловъ, собирали со всей вотчины болѣе пуда масла, да въ теченіе трехъ лѣтъ послали изъ нихъ 19 человекъ по хлѣбъ къ митрополиту Павлу.

поляхъ и огородахъ, косили сѣно, возили лѣсъ и приготовляли кирпичъ *), производили различныя постройки, давали подводы, пасли монастырскіе табуны, приготовляли невода, ловили рыбу, набивали погреба льдомъ, варили пиво и квась, содержали караулы; съ крестьянъ собирали хлѣбъ, сѣно, дрова, бревна, уголья, лыко, коноплю, толокно, барановъ, яйца, орѣхи, ягоды, грибы, масло, сыръ, мясо, лопаты, веревки, сани, хомуты, дуги, оглобли, возжи, ведра, смолу и т. п. Кромѣ того, или въ замѣнъ нѣкоторыхъ взносовъ натурою, съ нихъ взымались различныя денежные сборы: на пропитаніе отставныхъ, за столовые запасы **). Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ барская запашка была гораздо значительнѣе; тамъ весьма умѣреннымъ урокомъ считалась обработка одной десятины въ полѣ на каждое тягло, — слѣдовательно, на душу въ 3-хъ поляхъ около полуторы десятины; но количество другихъ поборовъ и повинностей было, повидимому, умѣреннѣе.

Кромѣ барщинныхъ монастырскихъ вотчинъ были и оброчныя. Иногда крестьяне, состоявшіе прежде на барщинѣ, по ихъ просьбѣ переводились на оброкъ. Такъ, напримѣръ, крестьяне одного села Бѣлопесочнаго монастыря, Баширскаго уѣзда (124 души), пахали до 1757 г. въ трехъ поляхъ 106 дес. монастырской пашни, косили сѣно, чинили казенный домъ, находившійся въ ихъ селѣ, и дѣлали все, что нужно для «домоваго исправленія». Но съ этого года, по челобитью ихъ въ Троицко-Сергіевскую лавру, всѣ монастырскія земли и сѣнные покосы отданы были имъ за оброкъ по 2 рубля въ годъ съ каждой десятины, такъ что имъ приходилось вносить по 1 руб. 71 коп. съ души, причѣмъ они пользовались и тою землею, что прежде обрабатывалась на монастырь ***).

Въ оброчныхъ монастырскихъ вотчинахъ, кромѣ денежнаго взноса, крестьяне исполняли иной разъ различныя повинности и давали всевозможныя предметы натурою или соотвѣтственное количество денегъ. Двѣ волости, принадлежавшія Свѣискому Успен-

*) Крестьяне Воскресенскаго монастыря заявили, что они приготовляли для церковнаго строенія въ лѣто по 200—300 тысячъ кирпича.

**) Мѣстами на сѣверѣ Россіи крестьяне числились за монастырями и церквями въ половинцахъ; такъ было, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской губерніи.

***) Но просьбы крестьянъ о переводѣ на оброкъ часто и не удовлетворялись.

скому монастырю въ городѣ Брянскѣ (3.295 душъ), платили монастырю оброкъ по рублю съ души; да сверхъ того одна волость ставила въ монастырь лубьевъ липовыхъ 500, лопать 500, неводныхъ полотень 26 сажень, сканцовъ 52 мотка, лычныя веревки для невода; другая волость доставляла рогожъ 500, кульковъ рогожныхъ 500, также неводныя полотна, сканцы, лычныя веревки. Кромѣ того крестьяне той и другой волости работали на монастырскихъ огородахъ, чинили плотины и мельницы, отбывали караулы и т. д. Изъ челобитной крестьянъ Саввина-Сторожевскаго монастыря мы видѣли, что они платили оброка по 1 рублю съ души, но кромѣ того архимандритъ посылалъ ихъ всѣхъ поголовно на работу въ теченіе двухъ недѣль и болѣе. Однажды онъ заставилъ ихъ чистить прудъ въ самую страдную пору, и такъ какъ они не дали требуемой съ нихъ взятки (700 руб.), то продержалъ ихъ на этой работѣ болѣе мѣсяца. Такимъ образомъ, — говорятъ крестьяне, — «мы къ посѣву яроваго хлѣба допущены не были и многія наши крестьянскія тягла лежать впусѣ; а хотя нѣкоторыя тягла и засѣяны были, только оныя засѣяны были сторонними людьми, къ тому же и оставшими въ нашихъ домѣхъ съ женами и дѣвками, отчего причинился на оставшей нашей тяглой землѣ недосѣвъ и противъ прежнихъ лѣтъ въ хлѣбѣ недостатокъ». Ихъ заставили также ломать камни зимою въ самое неудобное время, такъ какъ они не дали архимандриту взятки въ 90 руб. Крестьяне приготовляли ежегодно семь неводовъ, вили канаты изъ своей пеньки, ставили плотниковъ и штукатуровъ, чинили ветхія монастырскія строенія, хотя на это были ассигнованы особыя деньги. Этотъ же архимандритъ велѣлъ крестьянамъ содержать отставныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, которые прежде пропитывались на монастырскій счетъ. Кромѣ того крестьяне вносили въ годъ за дрова, колеса и сани, коровье масло, хмѣль, на покунку ломовъ и рукавицъ, на нилы и проч. болѣе 1.300 руб. въ годъ.

Случалось, что изъ вотчинъ одного и того же монастыря одѣвъ состояли на барщинѣ, а другія — на оброкѣ, и неравенство положенія вызывало неудовольствіе въ барщинныхъ крестьянахъ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ очень трудно сдѣлать выводъ о среднемъ размѣрѣ повинностей крестьянъ въ духовныхъ вотчинахъ; есть однако же возможность указать, что считали высшія духовныя власти наиболѣе обыкновеннымъ доходомъ съ крестьянъ

Мы увидимъ ниже, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжесть повинностей, а еще чаще злоупотребленія мѣстныхъ духовныхъ властей вызывали волненія среди монастырскихъ крестьянъ. Такиа волненія происходили въ пятидесятыхъ годахъ, между прочимъ, въ вотчинахъ Новоспасскаго монастыря и Спасо-ярославскаго. Въ октябрь 1756 г. синодъ для успокоенія крестьянъ принялъ слѣдующую мѣру. Онъ предписалъ пахатную и сѣнокосную работы прервать и земли, обрабатываемыя прежде на монастырь, раздать во владѣнiе крестьянамъ по тягламъ; если же останется еще лишняя земля, то сдать изъ оброка своимъ крестьянамъ, кто взять захочетъ, на какой бы то ни было срокъ, а если свои не возьмутъ, то и постороннимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянъ перевести на оброкъ и собирать его ежегодно по рублю съ души. Въ дѣлѣ о крестьянахъ Новоспасскаго монастыря есть свѣдѣнiя, что указъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненiе; быть-можетъ онъ остался безъ результатовъ и для вотчинъ Спасо-ярославскаго монастыря, но введенiе синодомъ одинаковаго рублеваго оброка въ имѣнiяхъ различныхъ мѣстностей доказываетъ, что синодъ считалъ такой оборъ сѣотвѣтствующимъ среднему размѣру повинностей монастырскихъ крестьянъ. Напомнимъ, что стоимость повинности въ вотчинахъ угличскаго Николо - Улейминаскаго монастыря, по нашему вычисленiю, также приблизительно равнялась одному рублю. Крестьяне Саввина-Сторожевскаго монастыря платили рублевый оброкъ; архимандритъ требовалъ еще нѣкоторыхъ работъ и денежныхъ сборовъ, но крестьяне считали это незаконнымъ. Однимъ словомъ, стоимость наиболѣе обыкновенныхъ повинностей или нормальный оброкъ для пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтiя можно принять въ одинъ рубль (это подтверждается и тѣмъ, что при секуляризации духовныхъ имѣнiй въ царствованiе Петра III съ крестьянъ велѣно было взимать по 1 рублю съ души); несомнѣнно однако, что монастырскiя власти иной разъ значительно превышали эту норму.

Весьма обременительно для монастырскихъ крестьянъ было то, что изъ среды ихъ брались въ служители для монастырей и архiereйскихъ домовъ, которые составляли нѣчто въ родѣ крѣпостной дворни.

Какъ въ помѣщичьихъ вотчинахъ крестьяне не были ограждены закономъ въ пользованiи отведенною имъ землею, такъ было и въ духовныхъ вотчинахъ, и они нерѣдко жадовались въ своихъ челобитныхъ на отобранiе отъ нихъ монастырскими властями

земли, прежде находившейся въ ихъ пользованіи. Такъ, напримеръ, въ вотчинахъ Новоспасскаго монастыря было произведено значительное увеличеніе монастырской запашки; при этомъ у крестьянъ была отрѣзана часть ихъ пахатной «одворичной» земли. Правда, соотвѣтственное количество земли было отведено крестьянамъ изъ монастырскихъ дачъ, но эта мѣна возбудила ихъ сильное неудовольствіе; очевидно, они получили землю худшаго качества или вовсе еще нераспаханную. Крестьяне Троицко-калязинскаго монастыря жаловались, что «порозшіе тяглые ихъ поселки или пустоши», оставшіеся послѣ вышедшихъ или выморочныхъ крестьянъ, были взяты на монастырь и къ тому же ихъ заставили обрабатывать эти земли (772 дес. пашни во всѣхъ поляхъ и сѣнныхъ покосовъ на 340 стоговъ; всѣхъ крестьянъ въ этой вотчинѣ было 7.222 души). Крестьяне Мурожскаго собора жаловались, что протопопъ отнялъ у нихъ 45 дес. пахатной земли и еще покосы.

Несмотря на эту необезпеченность крестьянъ въ пользованіи своими надѣлами, нужно полагать, что въ большинствѣ случаевъ имъ отводилось достаточное количество земли. Правда, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ крестьянской запашки въ это время, но мы видѣли, что собственно монастырской пашни приходилось весьма небольшое количество на каждую душу, а между тѣмъ послѣ секуляризаціи духовныхъ вотчинъ въ ихъ пользованіи, какъ мы покажемъ ниже, на основаніи данныхъ генеральнаго межеванія, оказалось значительное количество пахотныхъ земель.

Не одно обремененіе работами и разными поборами вызывало неудовольствіе крестьянъ, принадлежавшихъ духовенству, — они нередко подвергались еще различнымъ мученіямъ и истязаніямъ, какъ и крѣпостные крестьяне. Такъ, наприм., крестьяне Николаевскаго Амвросіева Дудина монастыря жаловались, что ихъ архимандритъ «завсегда мужескій полъ въ цѣпи сажаетъ, мучить и плетью бьетъ безвинно». Въ вотчинѣ Новоспасскаго монастыря управитель, вымогая взятки, по словамъ крестьянъ, «держитъ ихъ въ цѣпахъ и желѣзахъ недѣль по пяти и больше и, державъ, бьетъ плетью, палками, пинками, смертными побоями и, бивъ паки, бросивъ въ тюрьму, мучить голодною и студеною смертью и... разглашаетъ, что въ вотчину за тѣмъ и съѣхалъ: разорить всѣхъ до конца и искоренить». Крестьяне Саввина-Сторожевскаго монастыря жаловались, что архиман-

дрить, заставивъ ихъ ломать камни зимой, безчеловѣчно бьеть ихъ палками, чтобы принудить къ работѣ. По словамъ крестьянъ Троицкаго-Балязина монастыря архимандритъ, пріѣхавъ къ нимъ для собиранія излишнихъ платежей, очевидно на вопросъ, по чьему указу имъ приходится платить болѣе, сказалъ: «Я пріѣхалъ самъ указъ!» — и нещадно билъ 30 человекъ. Отъ монастырскихъ властей не отставало и соборное духовенство. По словамъ крестьянъ, муромскій протопопъ съ братіей «чинить имъ разореніе и смертные побои... и въ торговые дни приказываетъ ихъ всѣхъ ловить и приводить въ муромскую воеводскую канцелярію и держать подъ карауломъ безвинно, похваляясь всѣхъ ихъ бить кнутомъ, и самъ ѣздитъ по рѣкамъ съ ружьями съ свойственниками своими, муромской воеводской канцеляріи подъячими, и на рѣкѣ Тешѣ, поймавъ на плотахъ крестьянина Никиту Данилова, билъ батожьемъ смертно». Муромскій же протопопъ, производя разные беззаконія во время рекрутскихъ наборовъ, мучить «не милостиво крестьянъ, а иныхъ и кнутами». Въ Сибири монастырскія власти являлись иногда суровыми вотчинниками не только относительно сборовъ съ крестьянъ (см. выше), но и относительно личной расправы съ ними. Вотъ что рассказываютъ крестьяне нѣкоторыхъ деревень тюменскаго Троицкаго монастыря. Въ 1756 году архимандритъ Софроній обложилъ ихъ тяжелыми сборами и барщиной; всѣ, начиная отъ 15-ти лѣтъ, должны были работать; старики наряжались въ караулы; словомъ, съ каждой окладной души приходилось въ годъ по 173 рабочихъ дня, да деньгами по 88 копейекъ, «кромя положенныхъ по силѣ указовъ помѣстныхъ денегъ», «а ежели когда изъ нашей братіи, — писали крестьяне, — платежемъ таковыхъ податей явятся кто не въ состояніи или за старостію и болѣзнію таковыхъ чрезвычайныхъ работъ снести не могутъ, то онъ, архимандритъ Софроній, повелѣваетъ таковыхъ всякими мучками мучить, немилостиво плетью билъ, въ студеные чуланы садилъ», отчего «пришли наши братья крестьяне почти многіе въ отчаяніе, что своихъ женъ и домовъ лишились, и многіхъ крестьянъ билъ плетью немилостиво, давалъ ударовъ ста по три и по пяти сотъ». Архіерейскіе крестьяне въ Сибири также выражали неудовольствіе на жестокое управленіе мѣстнаго митрополита Павла Конюсевича и особенно эконома архіерейскаго дома архимандрита Іоакима, называемаго въ жалобахъ «крово-

жаждущимъ». Справедливость этихъ жалобъ подтвердилъ и губернаторъ Соймоновъ *).

Конечно, не вездѣ крестьяне духовныхъ вотчинъ подвергались такимъ суровымъ истязаніямъ (которые и вообще не доходили до вопіющихъ жестокостей, совершавшихся въ иныхъ помѣщичьихъ вотчинахъ во второй половинѣ XVIII вѣка). Власти нѣкоторыхъ монастырей старались ограничить произволъ управителей и прикащиковъ. Такъ въ инструкціи, данной въ 1746 г. архимандритомъ Троицко-Сергіевской лавры прикащику, отправляемому въ одну изъ вотчинъ **), ему велѣно было наказывать крестьянъ не иначе, какъ при старостахъ и выборныхъ, и притомъ съ запиской, за что былъ наказанъ виновный. «По ссорамъ въ судебныхъ дѣлахъ, т. е. въ брани, въ бою, въ займахъ между собою и прочихъ тому подобныхъ» — прикащикъ долженъ былъ имѣть расправу по уложенію и указу; но и тутъ предписывалось «безъ пощади» наказывать при сходѣ плетями или батогами крестьянъ, виновныхъ въ ссорахъ и дракахъ съ посторонними; уголовныхъ же преступниковъ велѣно было какъ можно скорѣе представлять въ правительственныя учрежденія.

Считая необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на управленіи духовныхъ вотчинъ, мы возьмемъ для образца Троицко-Сергіевскую лавру, какъ самаго крупнаго вотчинника изъ всѣхъ монастырей: мы уже знаемъ, что съ приписанными къ ней монастырями она имѣла около 106.000 душъ, — слѣдовательно, ей принадлежала седьмая часть всѣхъ монастырскихъ крестьянъ и притомъ ея владѣнія были разбросаны въ 15 губерніяхъ Велико-россіи; такимъ образомъ порядокъ управленія ея вотчинами имѣетъ для насъ особенный интересъ.

Для завѣдыванія монастырскими и хозяйственными дѣлами въ лаврѣ былъ «соборъ» изъ почетныхъ старцевъ и при немъ канцелярія изъ монастырскихъ служекъ. Въ 1754 г. канцелярія эта была раздѣлена на 10 экспедицій, изъ которыхъ мы назовемъ лишь прямо относящіяся къ хозяйственному завѣдыванію вотчинами: 1) экспедиція — разрядъ или приказный столъ, въ

*) Иоаннѣ въ 1762 г. сдѣланъ былъ архимандритомъ Далматовскаго монастыря (нынѣ Пермской губ.) въ то время, когда тамъ уже началось волненіе крестьянъ, гдѣ и оставилъ по себѣ память какъ человѣкъ «права жестокаго». Въ 1791 г. онъ былъ убитъ, будучи уже архимандритомъ соликамскаго Пысдорскаго монастыря.

**) Такія же инструкціи, безъ сомнѣнія, получали и другіе прикащики въ вотчинахъ этого монастыря.

которомъ между прочимъ сосредоточивалось производство по уголовнымъ дѣламъ, судныя по челобитнымъ разныхъ людей на вотчинныхъ управителей, опредѣленіе служителей во всякимъ дѣламъ, производство о нетребованіи доходовъ съ погорѣвшихъ крестьянъ и о дачѣ имъ льготы и т. п.; 2) экспедиція о земляхъ спорныхъ съ посторонними и между крестьянами Троицкой лавры, о надѣленіи крестьянъ, скудныхъ землей, и отрѣзкѣ излишней, о поверсткѣ земли между крестьянами; 3) экспедиція о бѣглыхъ своихъ крестьянахъ и о пришлыхъ изъ постороннихъ вотчинъ; 4) экспедиція поселская—судъ между крестьянами, назначеніе работныхъ людей. Были еще экспедиціи, напр. счетная—о приходѣ и расходѣ денежной казны и друг. Въ другихъ монастыряхъ, менѣе богатыхъ вотчинами, центральное управленіе не было, конечно, до такой степени сложнымъ, какъ въ Троицкой лаврѣ, однако въ ней бывали особыя учрежденія для завѣдыванія хозяйственными дѣлами, которыя назывались то канцеляріей экономическаго правленія, наприм. въ Чудовѣ монастырѣ, то приказомъ вотчиннаго управленія, то просто приказомъ; подобное учрежденіе состояло изъ приказнаго, стряпчаго и канцелярскихъ служителей.

Управители или прикащики въ вотчинахъ Троицкой лавры назначались ежегодно монастырскимъ соборомъ обыкновенно изъ приказно-служителей. Въ началѣ новаго года 60 человекъ отправлялись на своихъ лошадяхъ въ опредѣленные имъ села, а прежніе управители, сдавъ дѣла своимъ преемникамъ, возвращались въ лавру и занимались тѣмъ, что было имъ указано, два года даромъ, не получая ни хлѣбнаго, ни денежнаго жалованья: очевидно, предполагалось, что прикащики могли достаточно нажитья во время своего управленія вотчиной. Иногда вмѣсто приказно-служителей посылались въ вотчины монахи—то въ качествѣ управителей, то лишь надзирателями за монастырскими работами, особенно въ тѣ села, гдѣ было обширное хозяйство: большія запашки, сѣнные покосы, конные заводы, скотные дворы и проч.

Размѣръ жалованья, а также обязанности и права прикащиковъ монастырскій соборъ точно опредѣлялъ въ уставныхъ грамотахъ и инструкціяхъ. Доходы ихъ были двоякаго рода: одни постоянные окладные сборы съ крестьянъ, а другіе—временныя или случайныя пошлины. Въ инструкціи, составленной въ 1743 году для одного изъ прикащиковъ, ему положено было «взять

съ крестьянъ и бобылей съ дымѣ по гривнѣ, да съ крестьянъ же, кромѣ бобылей, взять съѣзжихъ, банныхъ по 4 деньги, по куренку, да по поярку, или за куренокъ 2 деньги, за поярокъ тоже, вытнаго хлѣба—ржи по четверти съ полуосьминою, овса по тому-жь, по полуосьминѣ пшеницы». Въ 1705 г. Петръ В. предписалъ половину управительскаго жалованья присылать въ коллегію экономіи, а въ 1744 г. эти деньги велѣно было употреблять на содержаніе лаврской семинаріи. Другая половина, остававшаяся въ рукахъ прикащиковъ, простиралась въ 50-хъ годахъ въ разныхъ вотчинахъ Троицкой лавры отъ 4 до 67 рублей, среднимъ числомъ около 20 рублей. Кромѣ денегъ и хлѣба, собираемаго съ крестьянъ, прикащику была отведена земля, по 4 дес. въ каждомъ полѣ, и сѣнные покосы. Въ большія села прикащиками посылались приказные, въ меньшія — подъячіе. Для выѣзда въ городъ и другія мѣста по крестьянскимъ дѣламъ прикащику было позволено держать на своемъ корму пять лошадей, а для прокормленія семейства три коровы; подъячему же—на монастырскомъ корму 3 лошади и 2 коровы. Въ каждомъ управительствѣ для прикащиковъ были особые дворы съ готовымъ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугой. Приказный могъ взять дворника и двухъ сторожей, подъячій—дворника и одного сторожа *). Въ некоторыхъ монастырскихъ вотчинахъ не былъ точно опредѣленъ размѣръ жалованья прикащиковъ; но это должно было подавать поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Кромѣ содержанія прикащика крестьяне несли еще не мало расходовъ на мѣстное управленіе, на взятки разному начальству, на подарки командирамъ отрядовъ, присылаемыхъ на экзекуціи, и т. п.

На прикащикѣ въ вотчинахъ Троицко-Сергіевской лавры (также и въ другихъ) лежала обязанность собирать съ крестьянъ государственныя подати и монастырскій оброкъ, смотрѣть за монастырскимъ хозяйствомъ, наблюдать за нравственностью крестьянъ, защищать ихъ отъ постороннихъ людей, судить въ ссорахъ и тяжбахъ, подвергать виновныхъ денежному штрафу и тѣлесному наказанію. Впрочемъ, какъ мы уже упоминали выше, прикащикъ долженъ былъ наказывать крестьянъ не иначе, какъ

*) Въ вотчинахъ Новоспасскаго монастыря (3 села, во всѣхъ 2.194 д.) управитель получалъ въ годъ жалованья 30 р., хлѣба 15 четвертей, овса столько же; если же вмѣсто управителя былъ прикащикъ, то онъ получалъ по 12 р., ржи и овса по 6 четвертей. Пашни тому и другому давалось по 2 дес. въ полѣ. Копіистъ („для письма монастырскихъ и мірскихъ дѣлъ“) получалъ жалованья 6 р., ржи и овса по 3 четверти, пашни по 1 дес. въ полѣ.

при старостѣ и выборныхъ, поэтому соборъ лавры придавалъ большое значеніе тому, чтобы въ старосты выбирались хорошіе крестьяне, за выборъ же дурного велѣно было присылать для наказанія въ лавру старосту съ тремя лучшими крестьянами, а на мѣсто его выбирать другаго.

Крестьянъ въ ссорахъ между собою долженъ былъ судить управитель или прикащикъ по уложенію и указамъ. Пойманныхъ бѣглыхъ и помогавшихъ имъ въ побѣгъ должно было отдавать въ рекруты, а негодныхъ къ военной службѣ, жестоко наказавъ при всѣхъ крестьянахъ, опредѣлять на тяглый жребій по мірскому приговору съ поручными по нимъ записями. Если же кто изъ бѣглыхъ чрезъ годъ не явится домой, то его дворъ, скотъ, хлѣбъ и пожитки велѣно было продавать въ міръ. Прикащикъ долженъ былъ наблюдать, чтобы государственные и монастырскіе сборы располагались не по душамъ, а по тягламъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и землю должно было раздѣлять такимъ же образомъ; раскладка тяголъ производилась съ доклада прикащиковъ. Крестьяне и бобыли не должны были переходить изъ одной вотчины въ другую и даже изъ деревни въ деревню одной и той же вотчины; впрочемъ тѣхъ, которые перешли ранѣе изъ одной деревни въ другую и аккуратно уплачиваютъ повинности, велѣно было оставить на мѣстѣ. Самовольные семейные раздѣлы были запрещены подъ страхомъ отдачи въ солдаты; но прикащикъ могъ просить соборъ лавры о разрѣшеніи раздѣла въ случаѣ особенной многочисленности семьи или когда недостатокъ земли вызывалъ необходимость переселенія въ другую деревню. Малолѣтнихъ сиротъ, просящихъ милостыню, прикащикъ долженъ былъ «съ принужденіемъ» отдать зажиточнымъ крестьянамъ съ тѣмъ, чтобы они работали въ пользу своихъ воспитателей до двадцатилѣтняго возраста; съ этого времени міръ накладывалъ за нихъ лишнее тягло. На обязанности прикащика лежала также выдача паспортовъ крестьянамъ по ихъ прошеніямъ и по мірскимъ приговорамъ, но не иначе, какъ «съ добрыми поручками» въ томъ, что они возвратятся въ назначенный срокъ. Наконецъ прикащикъ долженъ былъ наблюдать по воскресеньямъ, праздникамъ и въ царскіе дни, чтобы крестьяне ходили въ церковь и не работали, ослушниковъ же велѣно наказывать при сходѣ.

Такъ во многихъ монастыряхъ права и обязанности управителей, размѣръ ихъ жалованья и пр. были опредѣлены точными

инструкціями; жаль только, что эти правила далеко не всегда исполнялись. Въ дѣлахъ, возникшихъ по поводу волненія крестьянъ духовныхъ вотчинъ, находится не мало жалобъ на взятки и другія злоупотребленія прикащиковъ. Уважемъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ. Крестьяне Новоспасскаго монастыря жаловались на своего управителя Серебрякова, что онъ беретъ съ нихъ взятки лошадами, птицами, одеждою, деньгами и пр.; для вынужденія ихъ онъ нещадно билъ крестьянъ и держалъ ихъ въ колодкахъ и оковахъ. Жена Серебрякова не уступала своему мужу: для нея онъ приказывалъ крестьянкамъ прять и бѣзить до 20 пудовъ льна. Справедливость жалобъ подтверждается тѣмъ, что этотъ правитель былъ смѣненъ и взятъ въ Москву. Крестьяне Троицкаго-Балазина монастыря (7.222 души) заявили, что въ 1757 году прикащики и подъячіе собрали съ нихъ къ масляной и Пасхѣ «для своихъ банкетовъ къ варенью пивъ» 167 четвертей хлѣба. Кромѣ того, вступая въ должность, прикащики взыскивали съ крестьянъ въ видѣ взятки шерсть, съѣстные припасы и хлѣбъ (последняго болѣе 300 четвертей). Челобитная крестьянъ Саввина-Сторожевскаго монастыря переполнена жалобами на то, что архимандритъ вынуждаетъ съ нихъ взятки истязаніями или назначеніемъ на особенно тяжелую работу. Онъ позволялъ себѣ и гораздо болѣе вредныя насилія. Въ 1759 г. выгорѣла цѣликомъ одна деревня; хотя изъ канцеляріи монастыря они получили разрѣшеніе рубить деревья для постройки, но архимандритъ остановилъ начатую рубку, взялъ съ нихъ взятку въ 50 руб. и запретилъ строиться, такъ что спустя два года большинство крестьянъ жило въ плетеныхъ, обмазанныхъ глиною, хижинахъ.

Крестьянскія свадьбы также подавали поводъ къ различнымъ злоупотребленіямъ со стороны духовныхъ властей. Между тѣмъ, какъ въ нѣкоторыхъ духовныхъ вотчинахъ съ крестьянъ собирали по случаю свадебъ весьма умѣренный сборъ*), протопопъ Муромскаго собора бралъ съ крестьянъ по 2 рубля, а не то и совсѣмъ не допускалъ свадебъ. Крестьяне жаловались также, что онъ женить ихъ нарней на купленныхъ имъ женщинахъ и держать ихъ у себя какъ холоповъ. Впрочемъ въ этой вотчинѣ творились вещи и похуже: по словамъ крестьянъ, одинъ священникъ съ согласія протопопа, «забывъ страхъ Божій и не чувствуя священства, имѣя законную жену, наглостью своею бе-

*) Въ имѣніяхъ Спасо-арславскаго монастыря брали съ жениха и невесты по 20 коп.

реть изъ деревень ихъ дѣвокъ и женъ молодыхъ, держить у себя недѣли по двѣ и по мѣсяцу и съ ними прелюбодѣйствуютъ».

При выходѣ замужъ крестьянокъ въ вотчины другихъ духовныхъ учрежденій или совершенно другаго вѣдомства, съ нихъ брались, какъ и въ помѣщичьихъ имѣнiяхъ, выводныя деньги. Соборъ Троицкой лавры установилъ въ данной имъ инструкци, чтобы за выводъ вдовъ и дѣвушекъ въ дворцовыя, синодальныя и монастырскiя вотчины брать по 2—3 рубля съ человѣка, а смотря по зажиточности и болѣе; иногда выводъ понижался даже до рубля; при выходѣ же замужъ велѣно брать выводу отъ 5 до 10 руб. Крестьяне и бобыли могли жениться на дѣвушкахъ и вдовахъ изъ помѣщичьихъ вотчинъ, разумѣется, не иначе, какъ получивъ на нихъ отпускныя. Въ вотчинахъ Спасо-ярославскаго монастыря брали обыкновенно выводу два-три рубля (а по словамъ крестьянъ даже отъ 5 и до 7 рублей); если же монастырскiе крестьяне брали себѣ женъ изъ помѣщичьихъ вотчинъ, то имъ приходилось платить за нихъ отъ 5 до 10 руб. Этимъ и объясняется предписанiе собора Троицкой лавры, чтобы при отпускѣ монастырскихъ дѣвушекъ въ помѣщичьи вотчины брали вывода гораздо болѣе, чѣмъ при выдачѣ замужъ за дворцовыхъ, синодальныхъ и другихъ монастырскихъ крестьянъ.

Исполняя различныя повинности въ пользу монастырей, архiерскихъ домовъ, синода и церквей, крестьяне духовныхъ вотчинъ несли, также какъ и крѣпостные, государственныя повинности, т. е. платили подушную подать, исполняли и другiя натуральныя повинности *). Относительно рекрутчины соборъ Троицкой лавры установилъ слѣдующiя правила. Прежде всего слѣдуетъ отдавать въ рекруты «гуляковъ» и безтяглыхъ бобылей, а въ случаѣ недостатка и тяглыхъ изъ «семьянистыхъ крестьянъ» по жребiю, считая въ семьѣ отъ 10 лѣтъ. Изъ тяглыхъ крестьянъ прежде всего подлежали этой повинности тѣ семьи, въ которыхъ было отъ 6 до 8 человѣкъ и болѣе; они должны были давать рекрута безъ жребiя съ меньшими семьями. Одинокихъ тяглыхъ крестьянъ, надежныхъ по платежу податей, велѣно было въ рекруты не отдавать, а лишь тѣхъ изъ нихъ, за кѣмъ числится недоимка. Кромѣ того отдача въ рекруты употреблялась какъ наказанiе за различныя провинности: побѣгъ, само-

*). Архiерейскiе и монастырскiе служители освобождались отъ рекрутской повинности, но не исключались изъ подушнаго овлادا, а только подати за нихъ, какъ за бѣглыхъ и умершихъ, платили наличные крестьяне.

вольный семейный раздѣлъ, самовольный переходъ изъ деревни въ деревню.

Отбываніе крестьянами рекрутской повинности также подавало поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ со стороны духовныхъ властей. Такъ крестьяне Саввина-Сторожевскаго монастыря жаловались, что съ одной деревни, въ которой было всего 90 д., архимандритъ незаконно сдалъ въ рекруты 3-хъ человекъ, взявъ съ тѣхъ крестьянъ, на комъ была очередь, по 150—200 руб. Въ другой разъ за подобную же неправильную замѣну одного рекрута другимъ онъ получалъ взятку—три мѣшка съ деньгами. Между тѣмъ всякая подобная несправедливость была тяжела не только для семьи, изъ которой былъ взятъ рекрутъ, но и для всей деревни, несущей подати и за отсутствующія ревизскія души. Муромскій протопопъ отличался не малыми беззаконіями и въ этомъ отношеніи. По словамъ крестьянъ, онъ «во время рекрутскаго набора очередныхъ по мірскому приговору къ отдачѣ въ рекруты изъ взятковъ распускаетъ и въ рекруты не отдаетъ, а у прочихъ крестьянъ дѣтей ловить и отцовъ и матерей забираетъ, и бьетъ своими руками, и мучитъ немилостиво, а иныхъ и кнутъями, чтобы они дѣтей своихъ поставили, и насильствомъ своимъ отъ того мученія отдаетъ въ рекруты за одного по два человека, и беретъ въ складку отъ другихъ помѣщиковъ не малые деньги и дѣлитъ съ братьями по себѣ».

III.

Жалобы крестьянъ на своихъ духовныхъ властей и управителей. — Учрежденіе слѣдственной комиссіи. — Волненія крестьянъ.

Всевозможныя злоупотребленія духовныхъ властей и управителей нерѣдко заставляли крестьянъ бить на нихъ челомъ, но ихъ жалобы сплошь и рядомъ не приносили никакой пользы и только вызывали наказаніе подателей челобитной. Самымъ обычнымъ средствомъ самозащиты со стороны духовныхъ властей было слѣдующее: выбраннымъ міромъ челобитчикамъ не давали паспортовъ и, какъ только они, несмотря на это, отправлялись въ путь, власти посылали заявленіе, что эти крестьяне бѣжали; ихъ ловили и подвергали наказанію. Остановимся на нѣкоторыхъ случаяхъ подачи крестьянами челобитныхъ.

Намъ извѣстны тѣ наслія, которымъ подвергались крестьяне Муромскаго собора со стороны мѣстнаго протопопа. Въ 1739 г.

они принесли на него жалобу рязанскому архіерею; тотъ приказалъ произвести слѣдствіе, но дѣло замыли. Крестьяне подали прошеніе въ синодъ, но, по жалобѣ протопопа на ихъ ослушаніе, воеводская канцелярія арестовала 40 человѣкъ и, продержавъ подъ карауломъ, наказала плетями, причѣмъ имъ приговаривали: «не просите нигдѣ на протопопа». Крестьяне все-таки не уgomонились и въ 1741 г. опять подали жалобу въ синодъ; приказано было произвести слѣдствіе, и оно было начато, но не окончено. Прошло 13 лѣтъ, злоупотребленія протопопа продолжались, и вотъ въ 1754 году крестьяне вновь подали прошеніе, но уже не въ синодъ, а въ сенатъ. Такъ какъ они жаловались на пристрастіе муромскаго воеводы и приказныхъ, то велѣно было произвести слѣдствіе владимірской провинціальной канцеляріи. Крестьяне Новоспаскаго монастыря еще въ 1744 г. жаловались въ коллегію экономіи на обиды и разоренія монастырскихъ служителей, излишніе поборы и проч., но жалоба не привела ни къ чему, и челобитчики были отосланы въ Новоспасскій монастырь, послѣ чего одинъ изъ нихъ, по настоянію властей, былъ отправленъ въ ссылку въ Оренбургъ. Въ 1752 и 53 годахъ крестьяне подавали письменныя прошенія архимандриту Новоспаскаго монастыря, но также безъ всякаго результата; архимандритъ впоследствии утверждалъ даже, что этихъ прошеній вовсе ему дано не было. Видя нежеланіе своихъ ближайшихъ властей защитить ихъ отъ злоупотребленій, крестьяне въ 1753 г. подали челобитную въ сенатъ съ просьбою произвести слѣдствіе, но она была возвращена имъ съ приказаніемъ жаловаться въ канцелярію экономическаго правленія, а затѣмъ въ синодъ. По указу синода монастырскія власти начали слѣдствіе, но не довели его до конца. А тутъ начались волненія въ этихъ вотчинахъ Новоспаскаго монастыря, аресты крестьянъ цѣлыми десятками, военная команда стала справляться съ ними съ помощію плетей: понятно, что крестьяне осыпали синодъ новыми челобитными.

Всего болѣе поучительна исторія съ челобитчиками отъ крестьянъ, принадлежавшихъ Саввину-Сторожевскому монастырю. Архимандритъ этого монастыря, Іоанникій Павлуцкій, былъ членомъ московской синодальной конторы, т. е. того самаго учрежденія, въ которое крестьянамъ приходилось жаловаться на злоупотребленія своихъ властей; понятно, что эти власти дѣйствовали особенно безцеремонно и что крестьяне не могли добиться правды. Лѣтомъ они всею вотчиной собрались на сходку, выбрали изъ своей среды

челобитчиковъ и снабдили ихъ деньгами на хлопоты съ тѣмъ, чтобъ они отправились не въ Москву, гдѣ жаловаться было бесполезно, а въ Петербургъ. Любопытно, что къ челобитчикамъ-крестьянамъ присоединились два монаха Саввина-Сторожевскаго монастыря, обвинившіе архимандрита въ растратѣ монастырскихъ денегъ и въ томъ, что онъ обдираетъ ризы съ образовъ *). Челобитчики тронулись въ путь, но на дорогѣ приказный Тихоновъ, ненавистный крестьянамъ своими злоупотребленіями, бросился на нихъ съ 15 солдатами и конюхами, избилъ ихъ, отнялъ письменное свидѣтельство о мирскомъ выборѣ, челобитную въ синодъ, 500 р., данныхъ на расходы, и повезъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ монахами въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь. Однако на пути онъ наткнулся на толпу крестьянъ, шедшихъ въ монастырь, которые и отбили челобитчиковъ, но самъ Тихоновъ успѣлъ ускокаться съ письменными документами и деньгами. Между тѣмъ какъ челобитчики и монахи путешествовали въ Петербургъ, не имѣя уже въ рукахъ документовъ, доказывающихъ, что они идутъ по порученію міра, архимандритъ послалъ въ синодъ донесеніе, что они бѣжали, и потому, какъ только они подали жалобу, ихъ арестовали и отправили въ Москву въ синодальную контору. Всѣ челобитчики, не исключая двухъ монаховъ, были наказаны плетью и оба послѣдніе были кромѣ того посланы въ заключеніе, закованные въ кандалы, одинъ въ Симоновъ, другой въ Донской монастырь **); главный же крестьянскій челобитчикъ содержался на цѣли и въ оковахъ при канцеляріи экономическаго правленія. Крестьяне выбирали и другихъ повѣренныхъ, но всякій разъ архимандритъ и служители Новоспасскаго монастыря захватывали ихъ въ Москвѣ и сажали въ тюрьму, вслѣдствіе чего они не могли подать новаго прошенія въ контору сената и учрежденную комиссію о монастырскихъ крестьянахъ. Въ 1761 году двое арестованныхъ челобитчиковъ были посажены въ Москвѣ въ тюрьму, гдѣ, по словамъ крестьянъ, одинъ изъ нихъ умеръ отъ голода; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ крестьянскимъ повѣреннымъ удалось наконецъ подать челобитную въ сенатскую контору.

*) Вслѣдствіи архимандриту удалось обвинить ихъ въ томъ, что они подстрекали крестьянъ къ бунту, и имъ пришлось дорого заплатить за свой простѣтъ.

***) Если вѣрить крестьянамъ, архимандритъ донесъ сенату, что эти монахи для свѣдѣнія не розскажи. Это весьма правдоподобно, такъ какъ сидѣль вѣдомъ на распросѣ сената духовныя власти отвѣчали, что дѣло превращено вслѣдствіе исчезновенія крестьянъ-челобитчиковъ.

Что челобитчикамъ отъ крестьянъ дѣйствительно было почти совершенно невозможно добиться правды, видно, кромѣ всего сказаннаго выше, и изъ слѣдующаго замѣчательнаго указа Петра III, даннаго синоду 26 марта 1762 года: «уже съ давняго времени, къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну, примѣчено, что приходящіе въ синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики, по долговременной сперва здѣсь волонитѣ, обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архіереевъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или же, и того хуже, дѣлается одна такмо потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ синодъ походить больше на онекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ были препровождены въ сенатъ челобитныя, по которымъ не состоялось рѣшенія, несмотря на именныя указы, данныя по этимъ дѣламъ еще въ 1754 году. «Мы видимъ,—сказано въ указѣ Петра III,—какія тому причины могутъ быть поводомъ, но оныя соблазнительнѣе еще самаго дѣла. Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подають о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ синоду... стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить». Указъ этотъ велѣно было не только напечатать, но и присоединить въ синодѣ къ настольнымъ указамъ.

Было упомянуто выше объ учрежденной правительствомъ комиссіи о монастырскихъ крестьянахъ. Дѣло было такимъ образомъ. Въ 1758 году сенатъ, вслѣдствіе продолжительнаго волненія крестьянъ Новоспасскаго монастыря, велѣлъ назначить комиссію, въ которой должно было засѣдать и духовное лицо. Синодъ утверждалъ, что никакой комиссіи не нужно, такъ какъ, по жалобамъ тѣхъ же крестьянъ, она имъ уже назначалась *), но она не явилась къ слѣдствію и мимо синода осмѣлились утруждать жалобами императрицу, — а потому нужно ихъ наказать безъ всякой комиссіи. Сенатъ отвѣчалъ, что слѣдственная комиссія

*) По указу 1754 года тогда она носила названіе „учрежденной въ Москвѣ ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря о приказномъ, управителяхъ и слугахъ комиссія“. Вѣроятно, она прекратила свою дѣятельность, потому что въ 1757 году опять была учреждена комиссія о крестьянахъ Новоспасскаго монастыря изъ двухъ штабъ-офицеровъ и двухъ духовныхъ лицъ.

необходима, что безъ нея нельзя узнать, кто «пущіе заводчики»; обвинять же крестьянъ за то, что они не пошли въ синодальную комиссію, нельзя, такъ какъ она засѣдала въ Новоспасскомъ монастырѣ, а крестьяне жаловались на монастырскаго управителя. Согласно желанію сената, комиссія была учреждена.—Въ началѣ 1760 года въ сенатъ поступили четыре жалобы крестьянъ разныхъ монастырей на незаконные поступки, разореніе и мучительства отъ монастырскихъ властей, управителей и служекъ. Крестьяне писали, что били челомъ архіереямъ и въ синодъ, но управы не получили. Потомъ изъ кабинета были пересланы въ сенатъ просьбы крестьянъ Кашинскаго уѣзда вотчинъ Бализина монастыря, Шацкаго уѣзда вотчинъ Новоспасскаго монастыря, Бѣлевскаго уѣзда вотчинъ Спасопреображенскаго монастыря, Ярославскаго уѣзда вотчинъ Спасо-ярославскаго монастыря, Муромскаго уѣзда вотчины Муромской соборной церкви. Отъ кабинета было сообщено, что челобитчики, выборные отъ міра крестьяне, должно-быть отъ нестерпимыхъ обидъ отважились съ великимъ крикомъ подать свои просьбы самой императрицѣ; государыня простила имъ это и приказала немедленно окончить ихъ дѣла. Кромѣ того поданы были жалобы отъ крестьянъ Іосифова Волоцкаго монастыря и другихъ. Сенатъ объявилъ синоду, что хотя жалобъ этихъ крестьянъ и нельзя прямо безъ изслѣдованія признать справедливыми, однако, еслибы не было имъ излишняго отягощенія, безъ причины они не стали бы жаловаться. Крестьяне Іосифова монастыря сами просили, чтобы по ихъ дѣлу была учреждена особая комиссія, и такъ какъ уже существовала комиссія по дѣлу о крестьянахъ Новоспасскаго монастыря, то рѣшено было передать ей же разсмотрѣніе жалобъ и остальныхъ монастырскихъ вотчинъ. Въ нее назначено было четыре свѣтскихъ члена, а синоду предоставлено было назначить туда духовныхъ лицъ по своему усмотрѣнію и въ какомъ угодно числѣ. Комиссія эта просуществовала до апрѣля 1762 года; въ ней были составлены обширные экстракты изъ дѣлъ по жалобамъ крестьянъ о ихъ волненіи, но никакихъ мѣръ въ ихъ пользу она не приняла. И самой комиссіи, вѣроятно, не составилось бы, еслибы недовольство крестьянъ выражалось одною подачею жалобъ. Но кромѣ этого града челобитныхъ, сыпавшихся на синодъ и сенатъ, были и симптомы гораздо болѣе опаснѣе: цѣлый рядъ волненій, которыя въ концѣ концовъ и заставили правительство измѣнить бытъ крестьянъ въ вотчинахъ духовенства.

Въ пятидесятихъ годахъ мы видимъ цѣлый рядъ безпорядковъ въ вотчинахъ той или другой иѣстности. Въ Вятской провинціи движеніе началось еще въ 1748 году. Крестьяне называли себя черносопными, отложились отъ архіерейскаго дома и монастырей въ количествѣ 11.582 душъ. Секретарь провинціальной канцеляріи, поддерживаемый воеводою, принялъ жалобы крестьянъ на неправильное заирѣпощеніе ихъ при ревизіи за архіереемъ и монастырями. Крестьяне перестали платить поборы съ нихъ въ пользу духовныхъ властей, рубили и продавали архіерейскіе лѣса. Слѣдователь рѣшилъ дѣло въ пользу духовенства и сенатъ согласился съ нимъ. Но дѣло на этомъ не кончилось. Въ 1751 году продолжали волноваться крестьяне Вятскаго архіерейскаго дома, а также Успенскаго Трифонова и другихъ монастырей. Когда для наказанія ихъ была прислана военная команда, они избили секретаря и восемь драгунъ, а послѣ того, какъ солдаты убили двухъ крестьянъ, остальные залегли по всѣмъ дорогамъ, чтобы не пропускать отряда, который былъ вырученъ только другою командой *). Въ 1752 году волновались олонечкія вотчины Хутынскаго монастыря. Три раза губернская новгородская канцелярія посылала ихъ уговаривать, но, по официальному донесенію, они посланныхъ прогоняли, команду били и бранили и единогласно кричали, что указа не слушаютъ и подписываться не будутъ. Въ томъ же 1752 году извѣстный намъ протопопъ Муромскаго собора жаловался, что крестьяне силою взяли у него изъ амбара 20 четвертей пшеницы, 25 четвертей овса и нѣкоторое количество льна и покосовъ. Мы видѣли выше цѣлый рядъ злоупотребленій этого протопопа; вѣроятно, крестьяне взяли то, что считали принадлежащимъ себѣ. Рязанскій архіерей въ донесеніи синоду обвинилъ ихъ во многихъ «озорническихъ продерзостяхъ и непослушаніяхъ», въ томъ, что они не разъ сопротивлялись посланнымъ изъ муромской воеводской канцеляріи, грабили соборный хлѣбъ и скоть и завладѣли рыбными ловлями и сѣнными покосами, жалованными въ церковь на свѣчи, ладанъ и вино. Сенатъ, по сообщенію изъ синода, приказалъ усмирить крестьянъ и взыскаъ съ нихъ убытки соборныхъ властей; но потомъ, получивъ подробную челобитную крестьянъ, съ изложеніемъ воѣхъ злоупотребленій протопопа, предписалъ владимір-

*) Но нѣкоторыя вотчины упорно называли себя государственными крестьянами, даже и при Екатеринѣ II, уже послѣ секуляризаціи, и не хотѣли состоять въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи.

ской провинціальной канцеляріи, чтобы тамошній воевода, вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ синода духовнымъ лицомъ, произвелъ слѣдствіе и разсмотрѣлъ, по какимъ грамотамъ крестьяне отданы собору, и если справедливо, что они были опредѣлены на одинъ денежный оброкъ, то почему ихъ заставляютъ работать.

Монастырскій приказъ, учрежденный при Петрѣ Великомъ въ 1701 году, принимая въ свое вѣдѣніе имѣнія многовотчинныхъ монастырей, раздѣлилъ ихъ на два разряда: одну часть онъ опредѣлилъ на содержаніе монастырей, а другая должна была поступить въ полную собственность государства. Отсюда произошли названія: *опредѣленные* и *заопредѣленные* (или оставшіяся за опредѣленіемъ) *вотчины*. Деньги и хлѣбъ съ вотчинъ, опредѣленныхъ на содержаніе монастырей, шли въ ихъ пользу; а съ остальныхъ взымались государствомъ. Съ уничтоженіемъ въ 1720 году монастырскаго приказа всѣ вотчины велѣно было вновь раздать въ монастыри; тѣмъ не менѣе названія: *опредѣленные* и *заопредѣленные*—долго существовали, и многимъ изъ крестьянъ базалось еще въ 50 годахъ, что они не должны исполнять никакихъ работъ на монастыри, а только платить оброкъ. Вслѣдствіе этого синодъ въ декабрѣ 1753 года нашелъ даже нужнымъ дать особый указъ, въ которомъ было сказано: синодъ усмотрѣлъ, что крестьяне монастырскихъ и архіерейскихъ «называемыхъ заопредѣленныхъ вотчинъ» только потому, «что они въ давнихъ предъ симъ годахъ» платили назначенные монастырскимъ приказомъ денежные и другіе сборы и доходы въ приказъ, а потомъ въ синодальную камеру-коптору и коллегію экономіи, а нынѣ платятъ въ канцелярію синодальнаго экономическаго правленія, возмечтали, будто бы они не подчинены архіереямъ и монастырскимъ властямъ, пренратили работы и только беспокоятъ своими жалобами синодъ, свѣтскія учрежденія и даже государыню. Имъ не слѣдуетъ называть себя заопредѣленными, такъ какъ они все не исключены изъ владѣнія архіереевъ и монастырей, которымъ они и должны быть въ полномъ послушаніи и безпрекословно исполнять всякія работы. Затѣмъ деньги, хлѣбъ и прочее, положенное по окладу съ крестьянъ бывшихъ заопредѣленныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, велѣно было отсылать въ канцелярію синодальнаго экономическаго правленія, для чего послѣдняя должна разослать окладныя статьи и доимочныя вѣдомости.

Къ числу вотчинъ, называвшихся до того времени заопредѣленными, принадлежали и нѣкоторыя села Спасо-ярославскаго

монастыря. Когда въ нихъ былъ присланъ указъ, содержаніе котораго мы только-что передали, жители ихъ разошлись со схода, не давъ подписки *). Затѣмъ они выбрали изъ своей среды 60 человѣкъ и послали ихъ въ монастырь, гдѣ «за упрямство и противность» всѣ они были наказаны плетью и тогда дали подписку исполнять указъ. Кромѣ того по жалобѣ монастырскихъ властей ярославская провинціальная канцелярія арестовала 188 человѣкъ и изъ нихъ 18 наказала плетью. Крестьяне не успокоились: они подавали прошенія и въ сенатъ, и самой государынѣ съ жалобами на обиды отъ монастырскихъ властей, управителей и служителей, взятки и побои; но по слѣдствію, произведенному въ Ярославлѣ, они признаны неправыми и потому челобитчики и упомянутые въ прошеніи были наказаны: негодные въ службу кнутомъ, а годные, также какъ и тѣ, которые прикладывали руки къ челобитной, плетью.

Въ 1753 году началось волненіе въ селахъ Новоспасскаго монастыря, Шацкаго уѣзда (2.194 д.). Крестьяне, недовольные различными злоупотребленіями своихъ властей, подали на нихъ челобитную въ синодъ, но она была отослана въ ихъ же монастырь и, конечно, не имѣла никакого результата. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, въ деревняхъ начались какія-либо замѣшательства, потому что управитель Серебряковъ обратился за помощію въ шацкую провинціальную канцелярію. Шацкій воевода сталъ посылать отъ себя команды человѣкъ по 10 и болѣе для взысканія съ крестьянъ положенныхъ сборовъ, которые захватывали нѣсколько десятковъ человѣкъ, сажали ихъ въ подполья или привозили въ Шацкъ и держали ихъ тамъ недѣли по три. Наконецъ для усмиренія крестьянъ явились болѣе значительные военные отряды. Драгуны били «ѣздовыми плетью» старосту, сотника, мужичинъ, даже женщинъ. Начальствовавшій отрядомъ капитанъ Гусевъ, какъ и другіе подобные ему усмирители, имѣлъ безтабачность отправиться обѣдать къ управителю, столь ненавистному крестьянамъ, и такимъ образомъ могъ только поддержать подорваніе, всегда являвшееся въ подобныхъ случаяхъ, что команда

*) Крестьяне имѣли основанія для своего неповиновенія. Въ 1741 году къ нимъ былъ присланъ указъ изъ коллегіи экономіи, которымъ было предписано имъ состоять только на оброкѣ, а пашни не пахать. Позднѣе въ 1752 году былъ полученъ другой указъ, въ которомъ было сказано, что распоряженіе 1741 г. было сдѣлано „проронкою“, т. е. по ошибкѣ, неправильно; но, разумѣется, крестьянамъ должно было казаться, что „проронка“ была сдѣлана во второмъ указѣ, а не въ первомъ.

подкуплена духовными властями. Между тѣмъ драгуны продолжали свою кровавую расправу. Разумѣется, крестьяне подали новую челобитную въ сенатъ. Возвращавшіеся изъ Петербурга привозили съ собою разные утѣшительные слухи, сплосшь и рядомъ совсѣмъ недостоверные. Такъ въ 1754 году одинъ изъ нихъ рассказывалъ на базарѣ, что ихъ село скоро должно быть отписано на государыню. Когда староста запрещалъ говорить ему вслухъ, челобитчикъ возражалъ:

— Чего ради вслухъ не говорить, коли имѣется указъ?

— Слава Богу,—замѣтилъ стоявшій тутъ же выборный,—чего міромъ желали, то Богъ и сдѣлалъ. Здравствуйте, православные, благодарите Бога!

Въ селѣ Спасскомъ на колокольнѣ и по всѣмъ переулкамъ днемъ и ночью стояли караулы. Всѣмъ дѣломъ руководилъ крестьянинъ Мерзинъ *). Такъ какъ монастырскія власти желали схватить его и выслать въ другую вотчину, то крестьянскій караулъ долженъ былъ, если увидитъ приближеніе команды, предупредить предводителя, чтобъ онъ успѣлъ скрыться.

Среди крестьянъ, однако, не было полного единодушія: нѣкоторые, болѣе зажиточные, «первостатейные» крестьяне желали прекратить сопротивленіе, но большинство было противъ этого. Борьба партій принимала довольно острый характеръ и дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ. Лѣтомъ 1755 года трое первостатейныхъ крестьянъ подали въ Новоспасскій монастырь прошеніе, въ которомъ жаловались на преслѣдованія со стороны Мерзина и его сообщниковъ: злосясь за то, что они не ходятъ къ нимъ на совѣты и не прикладываютъ рукъ къ ихъ приговорамъ, они наложили на нихъ двойное тягло, а на нѣкоторыхъ «малочныхъ» и впятеро; кромѣ того, по словамъ челобитчиковъ, ихъ сильно избивали вмѣстѣ съ женами, грозили отдачею въ репуты ихъ дѣтей, отняли у нихъ двухъ лошадей, не пускаютъ ихъ скота на пастьбу вмѣстѣ съ мірскимъ стадомъ и пр. Притомъ они жаловались, что мірскіе поборы (необходимые, очевидно, на подачу челобитныхъ) страшно увеличились: въ 1754 году такого мірскаго неуказнаго сбора было 512 р., а въ слѣдующемъ году уже 1.262 р. Челобитчики просили перевести ихъ въ другую вотчину Новоспасскаго монастыря.

*) По словамъ официальнаго донесенія, онъ „всѣхъ той волости крестьянъ такъ обольстилъ, что во всѣхъ чинимыхъ противностяхъ оные крестьяне съ великимъ азартомъ, единогласно, во все горло кричатъ, что „они всѣ міромъ за него готовы свои головы положить, а его не выдадутъ“.

Мы уже знаемъ, что по жалобамъ крестьянъ была учреждена слѣдственная комиссія; но такъ какъ она помѣщалась въ самомъ Новоспасскомъ монастырѣ, то крестьяне и не ждали отъ нея ничего, кромѣ Шемякина суда. Между тѣмъ 55 человекъ, арестованныхъ по просьбѣ монастырскаго служителя, томилась въ коломенской тюрьмѣ въ колодахъ и вандалахъ, гдѣ 12 изъ нихъ и умерло. Въ августѣ 1756 года, по приказу конторы сената (вслѣдствіе требованія отъ синода), въ шацкую вотчину Новоспасскаго монастыря былъ посланъ военный отрядъ драгунъ подъ начальствомъ капитана Сѣверцова, чтобъ арестовать Мерзина и другихъ крестьянскихъ коноводовъ. 22 августа команда (около 50 человекъ) вступила въ село Спасское и заняла квартиры *). На другой день весь отрядъ вышелъ на торговую площадь, и Сѣверцовъ хотѣлъ объявить данный ему указъ.

— Мы знаемъ, что пріѣхали брать Мерзина, — закричали крестьяне. — Ваша команда накупная (подкупленная), вы взяли тысячу рублей. Но вамъ не только Мерзина, но и послѣдняго крестьянина не дадимъ. Сколь указовъ такихъ къ намъ ни присылай, слушать не будемъ, а придется къ намъ именной указъ (вѣроятно объ ожидаемой отпискѣ ихъ вотчины на государыню).

Увѣщанія Сѣверцова не дѣйствовали; началась схватка между крестьянами и солдатами. Ударили въ набатъ и крестьяне съ крикомъ: «бей до смерти» — окружили команду и бросились на нее съ дубинками, цѣпами и шестами. Одинъ офицеръ, обороняясь, прорубилъ голову крестьянину **). Драгуны, подхвативъ Сѣверцова, вытащили его изъ толпы и онъ скрылся въ одной ближней избѣ. Крестьяне слѣдомъ прибѣжали на этотъ дворъ, начали отбивать двери и ломать кровлю, совали въ окна длинные шесты и били ими капитана съ драгунами, крича: «не отсидишься, достанемъ!» Наконецъ, подана была мысль, обложивъ соломой, зажечь избу. Сѣверцовъ выстрѣлилъ изъ окна и убилъ наповалъ одного крестьянина. Видя, что начали уже заваливать соломой окна, капитанъ вышелъ съ солдатами, обороняясь штыками, но въ нихъ бросали дровами и камнями и они при-

*) „Не объявля указъ, — жаловались потомъ жители села, — во-первыхъ стали всѣ по крестьянскимъ домамъ и у крестьянъ брали грабежомъ лошадей сѣно и овесъ, сколько имъ было надобно, а у кого того сѣна и овса не имѣлось, то разный хлѣбъ безденежно, и лошадыми, какъ казенными, такъ и собственными, потравили множество сноповъ“.

**) Еще одинъ крестьянинъ такъ прибитъ эфесами и прикладами, что чрезъ часъ умеръ.

нуждены были сдаться. Его захватили за волосы, били дубинами, приволокли къ трупу имъ убитаго крестьянина и среди базара приковали къ мертвому тѣлу его и двухъ прапорщиковъ. Тутъ всячески ругались надъ ними, и даже бабы и дѣвки били ихъ по щекамъ, драли за волосы, колотили палками.

— Если и полкъ придетъ, всѣхъ побьемъ до смерти, — говорили въ толпѣ. — У насъ въ томъ положенъ заговоръ: хотя всѣмъ помереть, только не даваться. У насъ людей много, — можетъ собраться тысячь до пяти.

— Всѣхъ бы бояръ перевели, чтобъ ихъ на свѣтъ не было! — говорили болѣе рѣшительные.

Сѣверцова съ двумя прапорщиками продержали около трупа безъ нищи и питья. Трупъ уже сталъ сильно разлагаться, когда офицеровъ, вслѣдствіе ихъ усиленныхъ просьбъ, отквали отъ него и посадили скованныхъ въ пустую лавку; драгуны также сидѣли подъ арестомъ на монастырскомъ дворѣ. Офицеры съ командою были освобождены только 1-го сентября, слѣдовательно послѣ восьмидневной неволи.

Вскорѣ затѣмъ былъ изданъ извѣстный уже намъ синодскій указъ 1756 года о переведеніи шацкихъ крестьянъ съ барщины на оброкъ; но, къ сожалѣнію, онъ не былъ исполненъ, между тѣмъ какъ эта мѣра, вѣроятно, скорѣе успокоила бы крестьянъ, чѣмъ всякія военныя команды, только еще болѣе раздражавшія ихъ своими насиліями.

Въ ноябрѣ 1756 года въ вотчины Новоспаскаго монастыря былъ командированъ секундъ-маіоръ Марковъ съ приказаніемъ арестовать виновныхъ «въ противныхъ и озорническихъ поступкахъ». Когда онъ сталъ приближаться съ своими командами къ селу Спасскому, то видно было, какъ въ нему скакали изъ села Введенскаго съ разнымъ дубьемъ на саняхъ и верхами. Затѣмъ въ Спасскомъ ударили въ набатъ. Когда отрядъ подошелъ къ селу, входъ въ него былъ загороженъ рогатками, а за ними виднѣлась огромная толпа мужиковъ. Крестьянамъ съ барабаннымъ боемъ былъ прочтенъ указъ, затѣмъ на ихъ требованіе дана копія съ него, получивъ которую, мужики объявили, что указъ не настоящій, и требовали печатнаго или за подписью самой государыни; изъ товарищей своихъ они никого не выдали. Въ виду ихъ упорства, Марковъ рѣшился отступить. Возвращаться ему приходилось чрезъ село Введенское; тамъ тоже ударили въ набатъ; масса крестьянъ прискакала обратно изъ села Спаскаго

и не хотѣла впустить къ себѣ команду. Солдаты выстрѣлили, 16 человѣкъ мужиковъ было убито и команда миновала село.

Въ началѣ января 1757 года противъ крестьянъ Новоспасскаго монастыря былъ отпращенъ подполковникъ Хатунскій съ военнымъ отрядомъ, вооруженнымъ пушкою. Подойдя съ одной стороны къ селу Спасскому, Хатунскій встрѣтилъ со стороны крестьянъ сильное сопротивленіе; онъ приказалъ стрѣлять изъ пушки и изъ «мартирцовъ», гренадеры бросали также и ручныя гранаты, но это не подѣйствовало, а войти въ село вслѣдствіе тѣсноты переулка было невозможно. Хатунскій обошелъ село съ другой стороны. Крестьяне и здѣсь не впускали его отрядъ, но когда выстрѣлами было убито изъ нихъ трое и смертельно раненъ одинъ, остальные обратились въ бѣгство. Хатунскій не могъ оцѣпить село, такъ какъ оно тянулось на 3 версты; поэтому крестьяне успѣли разбѣжаться, и было найдено въ кѣлѣхъ, погребкахъ и другихъ мѣстахъ только 33 чел., да еще явилось добровольно и было поймано 29, всего 62. Въ селѣ Введенскомъ онъ могъ захватить только 10 человѣкъ. Затѣмъ въ этихъ селахъ была поставлена на постой военная команда. Было арестовано и заковано нѣсколько сотъ душъ, изъ которыхъ умерло въ заточеніи 26 чел. изъ села Спасскаго. Вслѣдствіи крестьяне жаловались на величайшія злоупотребленія военной команды: по ихъ словамъ, солдаты, разставленные по квартирамъ, грабили и распродавали крестьянскіе пожитки, скоть и посуду, разбивали печи въ избахъ, насиловали не только крестьянскихъ женщинъ и дѣвушекъ, но даже малолѣтнихъ (былъ случай изнасилованія десятилѣтней дѣвочки), послѣ чего многія выкинули мертвыхъ младенцевъ, а одной дѣвушкѣ, сопротивлявшейся насилію, отрубили пальцы на ногахъ. Въ іюль 1757 года Хатунскій выступилъ изъ селъ Спасскаго и Введенскаго, оставивъ въ нихъ капитана съ 5-ю ротами. Вскорѣ послѣ того былъ арестованъ Мерзинъ, главный предводитель крестьянъ, и еще около 200 человѣкъ, которые и содержались по большей части въ Шацкѣ, а нѣкоторые въ Москвѣ. Крестьяне жаловались, что въ заключеніи ихъ морили голодомъ, да это и не мудрено при такой громадной массѣ арестованныхъ. Вслѣдствіе отвлеченія огромнаго количества крестьянъ отъ обычныхъ работъ, пашни въ 1757 году остались непаханными, подушныя подати были не заплачены. Въ это время уже дѣйствовала комиссія о крестьянахъ Новоспасскаго монастыря, однако толку отъ нея было мало. Въ 1757—59 годахъ крестьяне не

разъ подавали прошенія государынѣ, но велѣно было принудить ихъ дать подписку о послушаніи архимандриту и служителямъ безъ всякаго прекословія. На уговоры подписаться крестьяне отвѣчали: «Нѣтъ, не подпишемся,—не хотимъ быть двѣ тысячи душъ на каторгѣ; пускай вмѣсто насъ будетъ на каторгѣ одинъ чернецъ» (т. е. архимандритъ Новоспасскаго монастыря).

Однаго крестьянина, давашаго подписку, остальные односельчане морили въ холодной избѣ и били плетьюми.

Однако настало время, когда всѣ должны были смириться. Въ 1761 году крестьяне заявили, что не отрекаются платить требуемыя съ нихъ деньги и хлѣбъ, но что, вслѣдствіе крайняго разоренія и скудости, не только не могутъ вносить наложенныхъ на нихъ сборовъ, но даже не знаютъ чѣмъ и кормиться.

Въ вотчинахъ Новоспасскаго монастыря, какъ мы видѣли, еще въ 1754 году ходилъ слухъ, что ихъ отпишутъ на государыню. Черезъ нѣсколько лѣтъ среди другихъ монастырскихъ крестьянъ возникаютъ такіе же слухи уже съ большимъ основаніемъ. 30 сентября 1757 года императрица приказала сенату и синоду подумать о томъ, чтобы монастырскія вотчины отдать въ управленіе офицерамъ и ввести болъшую правильность въ распредѣленіи доходовъ; въ синодъ по этому дѣлу сообщенъ былъ экстрактъ изъ протоколовъ конференціи. Синодальный копистъ далъ копію съ него одному крестьянину синодальныхъ вотчинъ, а тотъ передалъ ее 5 крестьянамъ Троицко-Сергіевскаго монастыря. Крестьяне стали разглашать, что всѣ монастырскія вотчины отписаны на государыню; ихъ перехватили, и юстиць-коллегія произнесла весьма суровый приговоръ, но сенатъ смягчилъ его *).

Въ 1758 году крутицкій архіерей жаловался, что крестьяне бѣлевскаго Преображенскаго монастыря своевольничаютъ, не платятъ оброка и поселскаго монаха посадили въ воду. Въ 1759 году крестьяне, принадлежавшіе одному архангельскому монастырю, жалуются на обремененіе излишними поборами и работами, отказались повиноваться, столкнули съ крыльца келаря и вытолкали архимандрита.

*) Кописта велѣно было бить плетьюми и отдать въ солдаты, а на каторгу не ссылать, потому что онъ списалъ копію не ради взятокъ, а только по знакомству; крестьянъ же за то, что они возмущали своихъ товарищей, не казнить смертью, а высѣчь плетьюми. Въ 1756 году въ одной изъ вотчинъ Троицко-Сергіевской лавры, Бѣжецкаго уѣзда (около 5.000 д.), было волненіе, усмиренное только военною силой.

Мы указывали выше на то, что крестьяне Рузскаго и Звенигородскаго уѣздовъ не могли добиться никакого удовлетворенія по своимъ челобитнымъ, потому что ихъ архимандритъ Павлуцкій, которымъ они были особенно недовольны, былъ членомъ синодальной конторы, куда обыкновенно и пересылались ихъ челобитныя: такимъ образомъ Павлуцкій являлся судьей, или по крайней мѣрѣ однимъ изъ судей въ своемъ же собственномъ дѣлѣ. Мы видѣли также, какъ жестоко поплатились два монаха за попытку бороться съ архимандритомъ. Что Павлуцкій и его подчиненные не отступали ни передъ какими средствами, когда нужно было поставить на своемъ, видно изъ слѣдующихъ событій въ вотчинахъ Саввина-Сторожевскаго монастыря.

Лѣтомъ 1760 года онъ подалъ въ контору синода, членомъ которой онъ былъ, донесеніе, что монастырскіе крестьяне не только «пришли въ крайнее ослашаніе и учинились во всемъ противны», но что 24 іюня, послѣ обѣдни, они даже умышленно собрались толпою человекъ въ 300 и, придя къ заднимъ воротамъ монастыря, просили сторожей, чтобы тѣ пустили ихъ къ казначею. Когда же ворота были заперты на замокъ, крестьяне вломались въ нихъ и требовали, чтобы имъ выдали находящагося въ монастырѣ пѣвчаго и конюха, похваляясь убить ихъ, и стояли у монастыря до вечеренъ. Крестьяне же впоследствии объяснили въ своей челобитной, что все это архимандритъ всклепалъ на нихъ за то, что они подали въ синодъ жалобу на взятки и незаконные сборы; для него же, разумѣется, было выгодно, вмѣсто всякихъ оправданій, представить крестьянъ бунтовщиками. По словамъ крестьянъ, они не только не обнаруживали никакого непослушанія, но даже все время продолжали и продолжаютъ монастырскія работы, въ доказательство чего и ссылались на крестьянъ разныхъ помѣщичьихъ и монастырскихъ вотчинъ и на звенигородскихъ купцовъ. 24 іюня они вовсе не приступали къ монастырю и въ ворота не ломались, а еслибы хотѣли убить пѣвчаго и конюха, то очень легко могли бы это сдѣлать, когда тѣ возвращались въ свои дворы. Если на этотъ разъ архимандритъ просто наклеветалъ на крестьянъ, то въ слѣдующемъ эпизодѣ онъ дѣйствовалъ уже какъ настоящій іезуитъ, устроивъ дѣло такимъ образомъ, чтобы жалобы на непослушаніе монастырской вотчинѣ имѣли видимое основаніе.

Вслѣдствіе донесенія архимандрита въ синодальную контору, оттуда были посланы въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь служи-

тели и 40 человекъ отставныхъ солдатъ для ареста «иущихъ заводчиковъ». Было донесено, будто крестьяне продолжаютъ не слушаться, не даютъ для проѣзда команды подводъ и главное собрались подъ монастыремъ огромною толпой до 2.000 человекъ съ дубинами, топорами и каменьями, такъ что команда не смѣла даже выйти изъ монастыря. Между тѣмъ крестьяне заявляютъ въ своей челобитной, что при арестѣ 3-хъ ихъ товарищей ими не было оказано никакого сопротивленія, а собрались они большою толпою потому, что были созваны самими монастырскими властями. Въ то время, когда синодская команда находилась въ монастырѣ, власти назначили на работы почти поголовно всѣхъ своихъ крестьянъ мужскаго и женскаго пола Рузскаго и Звенигородскаго уѣздовъ для копанія пруда, косыбы и уборки сѣна; поэтому и явилось однихъ мужчинъ болѣе 2.000 человекъ съ косами, вилами, граблями, заступами и носилками. По приходѣ къ монастырю, всѣ они просили казначея и приказнаго Тихонова, чтобъ имъ опредѣлили смотрителей и десятскихъ, но тѣ велѣли ждать и никуда не отлучаться. Брестыяне расположились на лугу и на берегу пруда; скоро они догадались, что ихъ умышленно задерживаютъ безъ всякаго дѣла. Они не разъ требовали назначенія на работу, но имъ все приказывали ждать подъ предлогомъ, что еще не получено распоряженія отъ архимандрита. Брестыяне жаловались звенигородскому воеводѣ и бургомистру на словахъ, такъ какъ письменныхъ заявленій никто ни за какія деньги не соглашался имъ составить: очевидно, всѣ трепетали предъ всемогущимъ архимандритомъ, а церковно-служителямъ онъ даже прямо запретилъ писать жалобы для крестьянъ. Тѣмъ не менѣе и послѣ этого заявленія ихъ продержали близъ монастыря около 6 дней, хотя они продолжали жаловаться свѣтскимъ властямъ.

Однако же доносъ архимандрита произвелъ желанное дѣйствіе. Для выручки будто бы находящейся въ осадѣ команды и арестованія виновныхъ былъ отправленъ отрядъ около 150 человекъ подъ начальствомъ капитана Титова. Когда онъ приблизился 25 іюля 1760 года къ монастырю, крестьяне самымъ мирнымъ образомъ, по свидѣтельству капитана, работали на лугу, находившемся около 1½ версты. На требованіе капитана явиться для выслушанія указа они отвѣчали:

— Намъ съ работы идти къ монастырю незачѣмъ, — и такъ на насъ отъ архимандрита и отъ посланной синодской команды

показана напраслина, будто мы вокруг монастыря стоимъ въ великомъ азартѣ, и крикъ, и воровскомъ собраніи; намъ къ монастырю идти резону нѣтъ.

На другой день капитанъ собралъ свой отрядъ, да около 100 человекъ понятыхъ и до 50 монастырскихъ служителей и съ примгнутыми у солдатъ штыками и съ барабаннымъ боемъ двинулся на лугъ. Крестьяне долго не хотѣли собираться въ одну толпу и продолжали сѣнокосную работу. Когда же они сошлись, то, по прочтеніи указа изъ конторы севата, начались аресты по списку, въ которомъ было обозначено 40 человекъ. Было уже сдѣлано около 10 арестовъ и все шло мирно, когда, по разсказу крестьянъ, ненавистный имъ приказный Тихоновъ съ товарищами начали захватывать и не означенныхъ въ спискѣ. Тогда крестьяне кинулись на команду и требовали, чтобъ имъ выдали Тихонова съ помощниками и возвратили арестованныхъ, говоря, что если они виноваты, то виноваты всѣ, а зачинщиковъ и возмутителей у нихъ нѣтъ. По словамъ Титова, они требовали еще указа за подписью государыни. Когда двое изъ команды были ранены, Титовъ приказалъ солдатамъ выстрѣлить сначала пѣжами, а потомъ пулями, и въ то же время сталъ ретироваться къ монастырю. Изъ 12 человекъ арестованныхъ толпа успѣла отбить весьмерыхъ, но за то изъ крестьянъ было убито трое, да ранено около 30, а изъ военной команды ранено 13, въ томъ числѣ одинъ прапорщикъ.

Продолженіе этой исторіи было самое обыкновенное. Крестьянамъ была поставлена на постой еще болѣе многочисленная команда; начались и обычныя взятки и поборы. Кромѣ денегъ приходилось тащить на потребу военныхъ и ихъ лошадей сѣно, овесъ, мясо, птицъ, соленую и свѣжую рыбу, покупать салныя и восковыя свѣчи, писчую бумагу, чай и сахаръ. Челобитныхъ крестьянамъ никто не соглашался писать ни за какія деньги, «опасаясь архимандрита», такъ какъ семь священниковъ и двое дьячковъ, написавшихъ для нихъ заявленія о томъ, какъ въ дѣйствительности произошло столкновение съ монастырскими властями и командою, были, по словамъ крестьянъ, забраны въ Москву въ синодальную контору и долго содержались подъ арестомъ. Всего любопытнѣе, что крестьяне аккуратно продолжали работать и вносили сборы въ монастырь, въ чемъ и имѣли квитанціи, а только били челомъ въ синодъ на злоупотребленія архимандрита. Около 100 человекъ, отправленныхъ въ разное время

для подачи жалобы, были арестованы и содержались одни въ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ, а другіе въ Москвѣ въ различныхъ мѣстахъ. Военными командами было арестовано 79 человекъ, изъ которыхъ 12 умерло въ тюрьмѣ. Если вѣрить крестьянамъ, архимандритъ присылалъ къ нимъ съ предложеніемъ мириться, но они не согласились: этого, — говорятъ они въ челобитной, — «по правости нашей учинить ни по какимъ правамъ не можно».

В. Семеѣвскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.

А. М. СУЗНЕВАКА.

(Переводъ съ англійскаго.)

XXIII *).

Возстаніе.

Въ теченіе трехъ тяжелыхъ лѣтъ Ирландія испытывала опасности и тревоги тлѣющаго возстанія. Заявленіе Стефенса о «годѣ дѣйствія» не привело ни къ чему; 1865 годъ прошелъ довольно мрачно, но безъ ожидавшагося потрясенія. Однако-жь для всѣхъ было ясно, что опасность отнюдь не миновала. Хорошо было извѣстно, что феніи дѣлали смѣлыя усилія пополнить убыль въ своимъ рядахъ и собраться съ силами для новаго удара. Два года, слѣдовавшіе за первыми арестами, были не чѣмъ инымъ, какъ непрерывною борьбой между правительствомъ и тайной организаціей. Первое вело дѣло энергично, арестуя кружки, накрывая совѣты, хватая центры, прерывая сношенія, нападая повсюду на ряды «J. R. В.». Противная сторона, возбужденная гоненіемъ, отчаянно и упорно работала надъ своимъ переустройствомъ. Какъ только одни вожди арестовывались, другіе заступали ихъ вакантныя мѣста. Судъ, скамья подсудимыхъ и тюремная карета снова наполнялись и снова опоражнивались. Ассизы и комиссіи, комиссіи и ассизы монотонно смѣняли другъ друга. Происходилъ смертельный поединокъ и казался безконечнымъ. Т. С. Люби явился первый на скамьѣ подсудимыхъ. Его дѣло тянулось четыре дня — отъ 28 ноября до 1 декабря включительно. Его главнымъ защитникомъ былъ Исаакъ

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

Бэттъ, талантъ котораго, обнаруженный въ предыдущемъ политическомъ процессѣ и составлявшій уже національную гордость, выказался на этотъ разъ въ еще болѣе блестящей формѣ. Но борьба была положительно невозможна въ виду подавляющей массы документовъ. «Клонмельское письмо» и «Исполнительная коммиссія» рѣшили участь трехъ, безъ всякаго сомнѣнія самыхъ способныхъ и выдающихся, феніанскихъ вождей. Люби былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ двадцати годамъ каторжной работы. За нимъ слѣдовалъ Россса. Онъ отказался отъ защитника и объявилъ, что будетъ защищаться самъ. Въ этомъ зданіи суда еще никогда не было видано такихъ сценъ. Очевидецъ рассказываетъ, что Россса «допрашивалъ доносчиковъ самымъ свирѣпымъ образомъ: онъ пыталъ сыщиковъ, онъ допрашивалъ полицію, спорилъ съ прокурорами, оспаривалъ судей, — словомъ, сражался со всей обвинительною стороною. Но за настоящую работу онъ принялся только тогда, когда послѣдній свидѣтель ушелъ отъ стола. Онъ бралъ различныя публікаціи, выставленныя какъ улики противъ него, и настаивалъ на своемъ правѣ перечитать ихъ всѣ передъ судомъ. Въ числѣ ихъ была связка газеты *Irish People* за все время ея существованія. Ужасъ изобразился на лицахъ судей, присяжныхъ, шерифовъ, прокуроровъ, тюремщиковъ и всѣхъ, когда подсудимый серьезно объявилъ, что, въ видѣ уступки, онъ не будетъ настаивать на чтеніи объявленій. Битва продолжалась цѣлый день, и когда насталъ обычный часъ закрытія засѣданія, подсудимый самъ былъ доведенъ до полной усталости и изнеможенія. Замѣтивши, что огни зажжены и что судьи, повидимому, готовятся просидѣть всю ночь, онъ озабоченно обратился къ нимъ съ вопросомъ, не думаютъ ли они, что засѣданіе должно быть отложено до завтра. «Продолжайте, сэръ», былъ холодный отвѣтъ судьи, который хорошо зналъ, что физическія силы подсудимаго приходятъ къ концу. «Настоящій Норбюри!—стоналъ О'Донованъ. — Это судъ 98 года!» — «Вы лучше продолжайте, сэръ, вашу защиту»,—воскликнулъ судья.—«Но когда вы нахѣрены закрыть засѣданіе, лордъ?»— снова спросилъ подсудимый.—«Продолжайте, сэръ»,— снова отвѣтилъ судья. О'Донованъ не могъ больше держаться. Онъ читалъ и говорилъ въ теченіе восьми еъ половиною часовъ. Въ послѣдній разъ протестуя, онъ съелъ съ восклицаніемъ: «теперь пусть дѣйствуетъ англійскій законъ».

На слѣдующій день Росса былъ приговоренъ къ каторжной работѣ *на всю жизнь*. Вышею степенью наказанія, сравнительно съ своими товарищами, онъ былъ обязанъ тому факту, что въ 1858 году надъ нимъ уже былъ произнесенъ обвинительный приговоръ по подобному же дѣлу, отъ котораго онъ былъ освобожденъ вслѣдствіе «хорошаго поведенія» и съ обязательствомъ явиться по первому требованію суда.

Многіе изъ подсудимыхъ были военные, и имъ безжалостно было отказано въ гражданскомъ судѣ. Военные же суды производили ужасное впечатлѣніе, — плети составляли часть ихъ приговоровъ, — и возмутительное зрѣлище, которое никто добровольно не согласился бы видѣть, отъ времени до времени потрясало дублинское общество.

Не одна власть и оружіе британскаго правительства способствовали дезорганизациіи и неудачѣ феніанскаго движенія. Разногласія и раздоры между его вождями также подрывали его. Въ теченіе двухъ лѣтъ Стефенсъ былъ предметомъ свирѣпыхъ обвиненій со стороны его собственныхъ послѣдователей, а Джонъ О'Магони былъ смѣщенъ и разжалованъ сенатомъ американской вѣтви, которой онъ такъ долго былъ предсѣдателемъ. И хотя въ Ирландіи ему вѣрили и, какъ всегда, повиновались безпрекословно, но въ средѣ кружковъ другой стороны океана его способности и претензіи жестоко критиковались. Нашлись только нѣсколько человекъ, которые согласились повиноваться ему, когда онъ захотѣлъ быть диктаторомъ или ничѣмъ. Наиболѣе рѣшительная и вліятельная часть феніевъ въ Штатахъ вполнѣ разошлась съ нимъ. Въ то же время, исходя изъ политики «поражать Англію вездѣ, гдѣ можно», она сдѣлала попытку осуществить смѣлый планъ нападенія на Канаду. Попытка эта, конечно, была тотчасъ же самымъ рѣшительнымъ образомъ остановлена американскимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего среди ирландцевъ поднялся громкій крикъ, что вашингтонскія власти ихъ обманули. Объ обѣщаніяхъ и заискиваніяхъ, которыя расточались ими, когда нужны были рекруты для гражданской войны, теперь говорилось не иначе, какъ о приманкахъ для ловли людей горячей и воинственной расы, обладающей храбростью болѣе, чѣмъ благоразуміемъ. Неудача въ Канадѣ послужила для Стефенса предлогомъ къ упреку тѣхъ, кто отказался слѣдовать его указаніямъ, и онъ говорилъ, что теперь онъ имъ покажетъ настоящую дорогу. Онъ грозилъ вернуться въ Ирландію и тамъ развернуть знамя революціи. Еще

разъ онъ съ жаромъ провозгласилъ: «этотъ годъ!» На публичномъ митингѣ въ Джонсъ-Вудъ, въ Нью-Йоркѣ, онъ повторилъ свое увѣреніе, подтверждая его торжественною клятвой. Это заявленіе, сдѣланное осенью 1866 года, снова погрузило Ирландію въ водоворотъ тревожныхъ слуховъ и дикихъ смятеній.

Возстаніе или попытка къ возстанію 1867 года была однимъ изъ тѣхъ отчаянныхъ и безмысленныхъ предпріятій, въ какія съ большою охотою кидаются люди, безумно вовлеченные въ какое-нибудь безнадежное дѣло. Стефенсъ провелъ всю вторую половину 1866 года въ усиліяхъ добыть въ Америкѣ денегъ на вновь затѣянное возстаніе. Снова и снова онъ объявлялъ, что 1866 годъ не пройдетъ безъ призыва къ оружію и что онъ, Джонсъ Стефенсъ, появится въ Ирландіи, чтобы погибнуть или побѣдить. Уже начали появляться злобныя обвиненія на ту тему, что онъ не дѣлаетъ ровно ничего изъ того, что обѣщалъ, когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ появились извѣстія объ его отъѣздѣ въ Ирландію и инсинуаціи эти прекратились. Тогда ирландское правительство энергично взялось за дѣло. Тревога парализовала всѣ умы. Казалось, самая худшая дѣйствительность лучше, менѣе томительна этой продолжительной неизвѣстности и непрерывной паники. Военные пароходы крейсировали вокругъ острова. Всѣ гавани и мѣста, удобныя для высадки, тщательно стереглись. Всякая рыбацья лодка обыскивалась. Всякій пассажиръ осматривался. Каждое утро народъ хватался за газеты, съ нетерпѣніемъ ища извѣстій, найденъ ли вождь возстанія или нѣтъ. Съ приближеніемъ послѣдней недѣли 1866 года общественныя опасенія достигли почти невообразимыхъ размѣровъ. До тѣхъ поръ, пока большія часы главнаго почтамта не пробили полночь 31-го декабря и колокола церкви Христа не зазвонили уже въ новомъ году, невозможно было поколебать увѣренность, что взрывъ наготовѣ.

Стефенсъ не трогался изъ Америки. Все это время онъ скрывался въ домѣ одного пріятели въ Бруклинѣ. Онъ даже и не вступалъ на ирландскую почву, чтобы погибнуть или побѣдить. Онъ убѣдился въ безнадежности попытки, которую полагаясь предпринять, и предпочелъ лучше встрѣтить гнѣвъ и презрѣніе своихъ послѣдователей, чѣмъ опасности, ожидавшія его въ Ирландіи. Можно сказать, что въ этотъ моментъ глава ирландскихъ феніевъ сошелъ со сцены. Стыдясь защищаться, онъ съ тѣхъ поръ отвѣчалъ одинаковымъ молчаніемъ какъ на обвиненія, такъ

и на похвалы. Самъ нетерпимый, недобросовѣстный и безжалостный во времена своей силы, онъ при своемъ паденіи сдѣлался жертвой многихъ несправедливостей. Прежнее чудовищное преувеличеніе его способностей теперь смѣнилось невѣроятнымъ уменьшеніемъ ихъ. Онъ былъ рожденъ заговорщикомъ, и хотя его товарищи и послѣдователи и смѣнили свое поклоненіе на проклятіе, Стефенсъ все-таки долженъ считаться однимъ изъ самыхъ способныхъ, самыхъ искусныхъ и самыхъ опасныхъ революціонеровъ нашего времени.

Брики и насмѣшки, поднявшіеся по поводу *fiasco* Стефенса, какъ ножами рѣзали сердца тѣхъ людей въ Ирландіи и Америкѣ, которые упорно держались за дѣло вооруженной борьбы. По поводу всякой остановки или поворота въ феніанскомъ дѣлѣ англійскія газеты съ полною увѣренностью писали объ его «изнеможеніи» и «кончинѣ». «Его конецъ» провозглашался и комментировался множество разъ въ періодъ отъ 1865 до 1868 г., а по поводу всего прошлаго писались поученія и давались уроки. Межъ тѣмъ какъ пресса хорошо разсыпалась въ поздравленіяхъ по поводу «дѣйствительнаго и окончательнаго исчезновенія» феніанскаго зарева, до правительства дошло въ началѣ 1867 года извѣстіе, что феніи, живущіе въ самой Ирландіи, разочаровавшись въ помощи изъ Америки, рѣшили, наконецъ, нанести ударъ.

Въ тайномъ совѣтѣ, происходившемъ въ Дублинѣ, 12-е февраля было назначено днемъ возстанія. За одинъ или за два дня до этого числа оно было отложено до 5 марта. Командиръ феніанскихъ силъ въ Кагирсивенѣ не получилъ своевременно приказа объ отсрочкѣ и 13-го февраля распространилась вѣсть, что Западный Керри въ возстаніи. Изъ Билларней пришло извѣстіе, что всѣ проволоки на западъ перерѣзаны, что верховой полицейскій, везшій депеши, схваченъ и разстрѣлянъ, что станціи береговой стражи и полицейскія казармы обезоружены и что Иверахские холмы «кишатъ» людьми. Во всемъ этомъ многое было преувеличено; но въ то время вѣрили всему. Дворяне изъ окрестностей Билларней толпой стекались въ этотъ городъ вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми, а многіе такъ даже со своимъ серебромъ, брилліантами и другими цѣнностями. Они овладѣли желѣзнодорожною гостиницей и начали укрѣплять ее при помощи полиціи и военной силы. Былъ сдѣланъ запасъ провіанта. Дамы шли мѣшки, а джентльмены набивали ихъ вѣсомъ и закладывали въ окна. Оружіе было роздано, разставлены

часовые, разосланы лазутчики, въ Дублинскій замокъ посланы по телеграфу настоятельныя требованія помощи. Между тѣмъ войска уже слѣшили изъ Дублина, Корка и Лимерика; изъ Буррахагаго лагеря въ теченіе двадцати четырехъ часовъ были высланы три экстренные поѣзда съ войсками. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ случилось лишь слѣдующее. Багирсивенскій отрядъ инсургентовъ, не зная ничего объ отсрочкѣ возстанія, вышелъ ночью 12-го числа для встрѣчи, какъ предполагалось, съ отрядами сосѣднихъ округовъ. Инсургенты поняли, въ чемъ дѣло, только тогда, когда подошли къ Билларней, и, конечно, разсѣялись во всѣ стороны, кто куда могъ. Мѣстность въ этомъ округѣ настолько дика и гориста, что правительство только въ теченіе недѣли могло убѣдиться, что все кончено и что Иверахъ, какъ называютъ эту часть страны, совсѣмъ не находится въ рукахъ сильной инсurreкціонной арміи. Отряды полиціи и войскъ, предводительствуемые мѣстными дворянами, начали «окруженія» горъ и «избіенія» въ лѣсахъ, гдѣ предполагались спрятанными такія же многочисленныя и отчаянныя вражескія силы, какъ тѣ, которыхъ Родригъ Вичъ Альпинъ Дю вызывалъ своимъ свистомъ. Каждый разъ, какъ дикій олень то здѣсь, то тамъ выскакивалъ изъ своей засады, раздавались крики: «Вотъ они!» Рога трубили; войска сходились для нападенія на непріятеля и оказывалось, что это не кто другой, какъ рогатый лордъ долины.

Въ другихъ мѣстахъ гораздо болѣе серьезная работа слѣдовала за подобнымъ же фіаско феніанской отсрочки.

Было рѣшено, что ланкаширскіе кружки (въ Англіи) должны содѣйствовать дублинскому движенію такимъ маневромъ, который трудно было бы превзойти по смѣлости и дерзости. Было извѣстно, что въ Честерскомъ замкѣ находится до 20.000 оружія, кромѣ большаго запаса аммуниціи и припасовъ, между тѣмъ какъ гарнизонъ его былъ болѣе номинальный. Феніанскій военный совѣтъ въ Ливерпулѣ рѣшилъ напасть на замокъ, захватить оружіе, перерѣзать проволоки, взять силой подвижной составъ желѣзной дороги, нагрузить поѣзда людьми и оружіемъ и отправить въ Гелихедъ *). Здѣсь предполагалось захватить всѣ пароходы, стоявшіе въ портѣ, и быстро переправиться въ Ирландію, рассчитывая высадиться въ этомъ городѣ, прежде чѣмъ извѣстіе объ ихъ удивительной продѣлкѣ достигнетъ Ирландіи.

*) Гавань на западномъ берегу Англіи, черезъ которую лежитъ ближайшій путь въ Дублинъ.

Прим. перес.

Теперь позволительно думать, что они могли бы успѣть въ своемъ предпріятіи, по крайней мѣрѣ въ захватѣ Честерскаго замка, еслибы въ тайномъ совѣтѣ всего дѣла не засѣдалъ Джонъ Джозефъ Боридонъ, одинъ изъ наиболѣе интимныхъ агентовъ Стефенса и вполне довѣренное лицо среди заговорщиковъ — хорошо оплачиваемый агентъ правительства. Боридонъ снесъ проектъ нападенія на Честерскій замокъ къ майору Бреггу, главѣ ливерпульской полиціи. Впослѣдствіи оказалось, что властями былъ упущенъ цѣлый день, — такимъ невѣроятнымъ казался имъ весь этотъ сенсационный рассказъ. И только за нѣсколько часовъ до назначеннаго срока нападенія была признана его достоверность. Со всеми утренними поѣздами изъ Манчестера, Бонтона, Варрингтона и другихъ мѣстъ съѣзжались въ Честеръ дюжизе Ирландцы. Они беззаботно бродили здѣсь небольшими группами и, казалось, ожидали другихъ. Вдругъ глава честерской полиціи и гарнизонный полковникъ получаютъ телеграммы, способныя озадачить ихъ. Караулъ въ замкѣ немедленно удваивается, полиція поднимается на ноги, конные отряды рассылаются во всѣхъ направленіяхъ. А скоро начали прибывать и войска изъ Биркенхеда съ такою быстротой, какую только допускали экстренные поѣзда. Вскорѣ послѣ этого можно было видѣть, что праздныя группы начали расходиться, при шепотѣ о какомъ-то, только-что полученномъ, извѣстіи. Они устремились въ первые попадавшіеся поѣзда, чтобы возвратиться въ тотъ городъ, изъ котораго пріѣхали утромъ. Имъ данъ былъ сигналъ, что заговоръ выданъ какииъ-то измѣнникомъ и долженъ быть оставленъ. Нѣкоторые изъ нихъ nobросали свои револьверы въ Ди. Большая партія ихъ отправилась по желѣзной дорогѣ въ Голихедъ и на пароходѣ въ Дублинъ. Но какъ только они коснулись ирландской почвы, ихъ арестовали и увели въ Вильмангемскую тюрьму.

Прежде чѣмъ наши умы успѣли оправиться отъ потрясенія и смущенія по поводу этихъ событій, мы оказались среди давно обѣщаннаго и мрачно ожидаемаго «возстанія». Въ понедѣльникъ ночью 4-го марта или во вторникъ утромъ 5-го марта 1867 г. феніанскіе кружки выступили въ походъ. Коркъ, Типперари, Дублинъ, Льють, Лимерикъ, Блэръ и Вотерфордъ въ той или другой степени отозвались на революціонный призывъ. Уже за два дня мало для кого было тайной, что событіе готово совершиться. Молодые люди оставляли друзей; клерки подводили итоги счетамъ, желая предупредить всякія нареканія на ихъ чест-

вость; и вечеромъ въ понедѣльникъ толпы людей отъ семнадцати до пятидесятилѣтняго возраста стекались въ церкви. Но возстаніе было подавлено въ самомъ зародышѣ. Правительство заранѣе знало черезъ Коридона о всѣхъ самыхъ тайныхъ и важныхъ приготовленіяхъ. Смущеніе и деморализація въ рядахъ инсургентовъ, порождаемая ясными признаками и доказательствами того, что среди самыхъ высшихъ организаторовъ возстанія есть измѣнникъ, дѣлали для подавленія и усмиренія его больше, чѣмъ пули и сабли. Станція Лимерикскаго Соединенія на южной и западной желѣзныхъ дорогахъ была признана пунктомъ большой стратегической важности; а такъ какъ она расположена въ центрѣ самыхъ недовольныхъ округовъ Ирландіи—Типперари, Корка и Лимерика, то и представляла большія преимущества, какъ центръ всѣхъ операцій на югѣ. Бригадный генералъ Массей былъ назначенъ командующимъ инсurreкціей въ этомъ пунктѣ. Онъ ожидалъ сигнала къ дѣйствию въ Коркѣ. Вечеромъ 4-го марта онъ сѣлъ въ почтовый поѣздъ и прибылъ на станцію Соединенія около 12 часовъ ночи. Какъ только онъ вышелъ изъ вагона, его окружили четыре сыщика и въ его голову было направлено столько же револьверовъ. Онъ бросилъ торопливый взглядъ вокругъ и увидалъ, что платформа была занята вооруженными солдатами. Тогда этотъ человекъ, сто разъ встрѣчавшій смерть лицомъ къ лицу среди рѣзни америнанской междоусобной войны, упалъ въ обморокъ. Черезъ нѣсколько минутъ его поспѣшно везли обратно въ Дублинъ подъ сильнымъ конвоемъ; власти хорошо знали цѣну своей добычи *). Этотъ ударъ практически обезоружилъ югъ Ирландіи. Рано утромъ разнеслась вѣсть, что сборный пунктъ, къ которому стремились многія мѣстныя группы, былъ занятъ правительственными войсками—кавалеріей, пѣхотой и артилеріей; мало того, что генералъ Массей арестованъ, онъ заключенъ въ казематъ Дублинскаго замка. Сходившіяся группы разошлись; отряды поворачивались пути назадъ къ своимъ домамъ. Въ Кильмаллонѣ, въ графствѣ Лимерикъ, произошло серьезное столкновеніе. Вооруженный отрядъ,

*) Велико было всеобщее удивленіе, когда черезъ нѣсколько недѣль сдѣлалось извѣстнымъ, что генералъ Массей превратился въ свидѣтеля отъ короны. Въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ дѣйствительно сдѣлался имъ; но онъ не былъ шпиономъ, остававшимся въ организаціи, съ цѣлью выдавать. Дѣло было такъ: убѣдившись, что одинъ изъ пяти человекъ, въ рукахъ которыхъ находилась вся организація (онъ тогда еще не зналъ, что это былъ Коридонъ), выдалъ ее, онъ пришелъ къ заключенію въ своей камерѣ, что чѣмъ скорѣе все дѣло кончить, тѣмъ меньше будетъ жертвъ.

Прим. авт.

числомъ около 200 человекъ, овладѣлъ городомъ; полиція отступила въ казармы — крѣпкое зданіе, способное выдержать осаду. Пока одна часть инсургентовъ поддерживала огонь по казармѣ, другая ходила по городу, обыскивала каждый домъ и захватывала все оружіе, какое можно было найти. Достоинъ замѣчанія обстоятельство, памятное съ тѣхъ поръ въ этой мѣстности: въ городѣ было два банка и въ каждомъ изъ нихъ хранились большія суммы золота, серебра и бумагъ; и хотя изъ этихъ домовъ были взяты нѣсколько ружей и пистолетовъ, но не было тронута ни одной пени. Частная собственность, дѣйствительно, уважалась самымъ тщательнымъ образомъ, несмотря на то, что на нѣкоторое время городъ былъ вполне въ рукахъ инсургентовъ *).

Около десяти часовъ утра изъ Кильфайнена неожиданно пришелъ къ осажденной казармѣ отрядъ вооруженной полиціи и быстро заставлялъ осаждавшихъ бѣжать. Въ этомъ дѣлѣ было нѣсколько убитыхъ. Полиція, укрываясь за стѣнами, не понесла почти никакого урона. Управляющій одного изъ банковъ, какъ говорятъ, вынувшій револьверъ противъ командира инсургентовъ, подвергся выстрѣлу и былъ раненъ послѣднимъ. Одинъ изъ убитыхъ инсургентовъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ околѣдѣ и народъ поставилъ надъ его могилой «камень безъ имени». Это печальное столкновеніе при Кильмаллонѣ произошло несмотря на вѣсть о неудачѣ при ст. Соединенія желѣзныхъ дорогъ, заставившей разойтись огромное число инсургентовъ. Дѣйствительная причина его заключалась въ арестъ наканунѣ этого дня В. Г. О'Сулливана (теперешняго члена парламента отъ Лимерика), одного изъ самыхъ популярныхъ людей въ округѣ, вызвавшемъ въ народѣ сильное негодованіе и возбужденіе. Всѣ были увѣрены, что онъ не причастенъ къ феіанскому обществу, и смотрѣли на его арестъ какъ на дѣло напрасной и крайней жестокости. Изъ негодованія по этому поводу и возникло то ошибочное мнѣніе многихъ, что Кильмаллонъ дѣйствительно игралъ печально-выдающуюся роль въ возстаніи 1867 года.

Въ столицѣ попытка къ возстанію потерпѣла совершенное пораженіе. Отъ осьми часовъ вечера и почти до самой полуночи отряды людей, молодыхъ и старыхъ, стремились изъ города че-

*) На одномъ изъ захваченныхъ полицейскихъ было найдено письмо съ десятью фунтами денегъ, которые и были „конфискованы“; очевидно, дѣлалось различіе между правительственной и частною собственностью.

резь все южные выходы. Вдоль нѣкоторыхъ улицъ мирные жители выходили изъ дверей и съ удивленіемъ слѣдили за проходящими толпами, напрасно спрашивая другъ друга, что-бъ это могло обозначать. Впослѣдствіи оказалось, что главнокомандующій Гью Розъ рѣшился позволить всемъ выйти изъ города; онъ даже заботился о томъ, чтобъ это случилось. Иными словами, онъ предпочиталъ встрѣтить затрудненіе въ открытомъ полѣ, чѣмъ въ улицахъ многолюднаго города. Мѣсто въ четырехъ или пяти миляхъ на югъ отъ Дублина, расположенное у подножія горъ, развѣтвляющихся на Виклоу, Бильдаръ и Карлоу, и носящее имя Таллагтъ, было назначено сборнымъ пунктомъ, а генераль Геплингъ—вождемъ возстанія. Приѣмъ, которымъ придумали предупредить собраніе, состоялъ въ томъ, чтобы встрѣтить первую же партію инсургентовъ смертельнымъ залпомъ и такимъ образомъ дать знать всемъ остальнымъ, по мѣрѣ ихъ приближенія къ мѣсту, что собраніе окончательно разогнано. И дѣйствительно, онъ совершенно разстроилъ планъ инсургентовъ. Пораженіе было полное. До Таллагта не дошла и четвертая часть инсургентовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что разъ они собрались бы вмѣстѣ, ожесточенная борьба сдѣлалась бы неизбежной и могла бы окончиться потерей многихъ жизней. Теперь же убито было только двое, а дюжина другихъ ранена. Отряды, шедшіе изъ Бингстоуна, захватили полицейскія казармы въ Степесайдъ и Глинкулленъ, обезоружили полицейскихъ, но не причинили имъ никакого вреда. Этотъ отрядъ, какъ и все другіе, приближаясь къ Таллагту, встрѣтилъ бѣглецовъ, объявлявшихъ, что все уже кончено. Вскорѣ послѣ полуночи дальнѣйшія попытки повсюду были оставлены. Изъ двухъ-трехъ тысячъ инсургентовъ, вышедшихъ изъ Дублина, нѣсколько сотъ были арестованы на мостахъ черезъ каналъ, которыхъ они не могли миновать при возвращеніи, а остальные разбрелись по холмамъ, пытаясь скрыться въ Бильдаръ и Виклоу, но были преслѣдуемы во всѣхъ направленіяхъ уланами и драгунами.

Въ окрестностяхъ Корка возстаніе достигло болѣе грозныхъ размѣровъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, если вообще можно говорить объ его грозности. Въ Мидльтонъ, Кастельмартиръ, Баллинокенъ и другихъ мѣстахъ полицейскія казармы были атакованы. Въ большинствѣ случаевъ полиція защищалась съ большимъ мужествомъ, хорошо зная превосходство силъ нападающихъ, и обращала ихъ въ бѣгство. Однако-жь, въ нѣкоторыхъ случа-

яхъ инсургенты имѣли успѣхъ, и здѣсь опять слѣдуетъ отмѣтить фактъ, что они всегда пользовались своимъ короткимъ торжествомъ въ высшей степени человѣчно и благородно. Въ Баллинокенѣ, гдѣ командовалъ знаменитый капитанъ Маккей, они окружили казарму и требовали отъ осажденныхъ сдачи именемъ Ирландской республики.

«Полиція отвѣтила огнемъ, — рассказываетъ достовѣрный свидѣтель, — и получила обратно то же самое». Наконецъ инсургенты ворвались въ двери и заложили огонь подъ нижнюю часть казармы. Но полиція продолжала упорствовать. «Сдавайтесь! — кричали инсургенты. — *Вы хотите совершить самоубійство, но мы не хотимъ совершать убійства*». Одинъ изъ полицейскихъ тогда закричалъ, что внутри находится его дочь, маленькая дѣвочка, и спрашивалъ, не хотятъ ли осаждающіе позволить ей выйти вонъ. Они съ радостью согласились, и дѣвочка была взята въ окошко съ возможною нѣжностью и передана ей матери, которая случайно находилась около казармы, когда началась атака. Въ это время на мѣсто пришелъ католическій священникъ м-ръ Невилль. Онъ спросилъ вождя инсургентовъ, будетъ ли полиція причиненъ вредъ, если она сдастся. «Вотъ мой револьверъ, — сказалъ капитанъ Маккей, — и пусть зарядъ его пронизетъ меня насквозь, если хоть одному изъ нихъ будетъ что-нибудь сдѣлано».

Типперари должно было сдѣлаться главнымъ мѣстомъ движенія, еслибы дѣйствительная борьба началась. Здѣсь командовалъ генералъ Т. Ф. Беркъ. Но въ Типперари повторилась та же исторія, что и въ Дублинѣ, и въ Лимерикѣ, и въ Боркѣ, и въ Дрогедѣ. Инсургентамъ совершенно не доставало такого вооруженія и экипировки, которыя давали бы имъ возможность хоть на одинъ моментъ противостоять дисциплинированнымъ силамъ. Злополучный народъ несомнѣнно выказалъ мужество, твердость и выносливость; что же касается до приготовленій и средствъ, то свѣтъ мало видѣлъ болѣе сумасшедшихъ революціонныхъ попытокъ.

До сихъ поръ я приписывалъ легкое подавленіе этого возстанія исключительно тому факту, что правительство черезъ своихъ агентовъ знало о приготовленіяхъ и имѣло возможность заранѣе парализовать всякое движеніе врага. Но справедливость требуетъ указать на общезвѣстный и единственный въ своемъ родѣ фактъ, что стихіи природы въ значительной степени содѣйствовали такому исходу — обстоятельство, отмѣченное въ свое время. Вечеромъ 5-го марта по всей Ирландіи разразилась такая

снѣжная буря, какой не бывало подобной ни съ тѣхъ поръ, ни за полстолѣтія прежде. Въ теченіе пяти дней почти безъ всякихъ перерывовъ со свинцоваго неба валились хлопья снѣга, такъ что во многихъ мѣстахъ слой его достигалъ трехъ-четырехъ футовъ глубины. Дороги сдѣлались непроходимы. Дѣйствовавшія войска жестоко страдали; лошади кавалеріи падали въ огромномъ количествѣ. Но, какъ бы то ни было, войска имѣли для ночнаго отдыха безплатныя и удобныя казармы или квартиры, тогда какъ инсургенты были принуждены, ведя партизанскую войну, проводить ночи на открытыхъ склонахъ холмовъ. Не было сдѣлано ни малѣйшей попытки защищаться отъ этой ужасной погоды и сопровождавшаго ее урагана.

Вѣсти о возстаніи быстро долетѣли по атлантическому кабелю до Америки, и такъ какъ эта удивительная проволока никогда не уменьшаетъ сенсациі, то американскія газеты разразились необузданнымъ потокомъ преувеличеній и крайностей. «Ирландія возстала! Почти всѣ южныя провинціи въ рукахъ инсургентовъ! Боевой дымъ поднимается надъ всякимъ холмомъ Ирландіи! Красный крестъ Св. Георгія еще господствуетъ надъ Дублинскимъ замкомъ, но повсюду въ другихъ мѣстахъ, на востокѣ и западѣ, онъ снятъ!»

Несмотря на горькое разочарованіе, произведенное предыдущими Феніанскими попытками и неудачами, милліоны ирландцевъ въ Штатахъ были сильно возбуждены. Благоразумные друзья кричали: «Подождемъ недѣлю!» Спусти двѣ недѣли письменныя извѣстія значительно понизили тонъ телеграфныхъ новостей; тѣмъ не менѣе было много сердецъ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ сразиться.

12 апрѣля 1867 года на Сендигуѣ *) лежала бригантина въ 200 тоннъ, нагруженная и готовая выйти въ море. Ея грузъ состоялъ изъ «фортепьянъ», «швейныхъ машинъ» и «вина» въ «бочонкахъ»; по крайней мѣрѣ ея трюмы были наполнены ящиками изъ-подъ фортепьянъ и швейныхъ машинъ и бочками изъ-подъ вина. Всѣ эти товары направлялись и записывались на торговую фирму въ Кубъ. Это было судно «Jackpell», хорошо извѣстное въ вѣсть - индской торговлѣ, на главной мачтѣ котораго развѣвались звѣзды и полосы. Въ тотъ же день изъ Нью-Йоркской гавани вышелъ небольшой пароходъ съ компаніей въ сорокъ или пятьдесятъ человекъ, бывшихъ офицеровъ или солдатъ амери-

*) Нью-Йоркскій рейдъ.

канской арміи, направлявшейся какъ будто на прогулку по заливу. Съ ними не было никакого имущества и вообще въ нихъ отъѣздъ не было ничего, что могло бы обратить на себя особенное вниманіе. Они достигли Сендигука и подошли подъ корну «Jackpell». «Гуляющіе» вошли на нее, а пароходъ возвратился въ Нью-Йоркъ безъ нихъ. Въ ту же ночь «Jackpell» распустила паруса, направляясь въ Вестъ-Индію. Ея дѣйствительное назначеніе составляла Ирландія: ея цѣль — помогать возстанію. Въ ящикахъ не было фортепянь, въ винныхъ бочкахъ не было вина, — вмѣсто того въ нихъ были ловко упакованы пять тысячъ ружей, три полевыхъ орудія и 200.000 патроновъ. Компанія состояла изъ генерала Ж. Е. Корригана, полковника С. Р. Трезлиана, полковника Джона Варрена, полковника Нэгля, лейтенанта Августина Е. Кастелло, капитана Каванагъ и многихъ другихъ. Пройдя въ теченіе первыхъ двадцати четырехъ часовъ на югъ, они измѣнили курсъ и направились въ Ирландію. 29-го апрѣля, въ пасхальное воскресенье, запечатанные приказы были вскрыты, роли разданы, ирландское солнце *) поднято и прибито при салютѣ изъ трехъ полевыхъ орудій, имя судна было измѣнено на «Egip's Hope» («Надежда Ирина») и весь экипажъ принялъ участіе въ торжественномъ праздникѣ. Это было по-истинѣ удивительное предпріятіе — пуститься черезъ океанъ на маленькой бригантинѣ, намѣреваясь высадиться на ирландскій берегъ, охраняемый повсюду врейсерами съ моря и береговыми патрулями на сушѣ! Судно направлялось въ заливъ Сляго, котораго оно и достигло 20-го мая. Оно продержалось въ сторонѣ отъ берега въ теченіе одного или двухъ дней, пока на бортъ не высадился одинъ изъ ихъ друзей съ берега. Его отчетъ о положеніи вещей сильно разнился съ пламенными телеграммами *New-York Herald*, которыя торопили ихъ изъ Америки. Выгрузиться въ Сляго, — говорилъ онъ, — невозможно, но они должны попытаться выгрузить оружіе и аммуницію гдѣ-нибудь на южномъ берегу. Между тѣмъ до правительства дошло извѣстіе, что какое-то подозрительное судно бродитъ около западныхъ гаваней. Тотчасъ же были снаряжены двѣ канонерки, «Бвингстоунъ» и «Валенсія», и въ теченіе двухъ недѣль «Надежда Ирина» должна была днемъ и ночью избѣгать опасныхъ встрѣчъ. Въ этому времени она пробыла въ морѣ 62 дня, и ея запасы воды и провизіи были почти истощены.

*) Древне-ирландскій военный флагъ — солнечный блескъ на зеленомъ полѣ.

Прим. авт.

Ничего больше не оставалось дѣлать, какъ высадить большую часть людей и возвратиться въ Америку съ такимъ экипажемъ, для котораго могло хватить провизіи на обратный путь. Около Гельвижъ - Хеда, близъ Донгарвана, они остановили рыбацью лодку, и когда та подошла къ борту, тридцать человѣкъ экипажа, къ немалому удивленію рыбаковъ, вскочили въ нее. «Жакнелль» повернула въ море, а рыбаки повезли чужестранцевъ на берегъ. Ихъ высадка была замѣчена сторожевымъ постомъ; извѣстія были разсланы по всѣмъ полицейскимъ станціямъ вокругъ, и черезъ нѣсколько часовъ весь отрядъ «Жакнелль» до послѣдняго человѣка сидѣлъ въ тюрьмѣ. Однако - жь все, что знало правительство, это — таинственность и подозрительность происшествія. Люди были невооруженные. Гельвинская высадка еще не была связана съ появленіемъ судна въ заливѣ Слиго, но въ теченіе нѣсколькихъ недѣль дѣло это возбуждало великое недоумѣніе въ Дублинскомъ замкѣ. Наконецъ, молчаливость одного изъ пойманныхъ уступила искусному веденію дѣла, и онъ все раскрылъ правительству; скоро всѣ его товарищи предстали передъ специальной слѣдственной комиссіей въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи.

При послѣдовавшемъ судебномъ процессѣ возникли два важныхъ юридическихъ вопроса. Во-первыхъ, было ли совершено какое-нибудь противозаконное дѣйствіе въ предѣлахъ британской юрисдикціи и, во-вторыхъ, признавать ли американское подданство американскихъ гражданъ, родившихся въ Ирландіи, и допускать ли смѣшанное жюри. Первымъ судился полковникъ Варренъ, уроженецъ Клонакилти, въ графствѣ Коркъ, но натурализованный гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ. Когда начали составлять списокъ присяжныхъ, м-ръ Геронъ представилъ натурализаціонныя бумаги подсудимаго и потребовалъ для него жюри *mediate lingue*. Предсѣдательствующій судья вполне призналъ важность вопроса, который ему приходилось рѣшать; но тогдашній законъ гласилъ ясно: «ни одинъ подданный британской короны не можетъ отказываться отъ вѣрности ей»; такъ онъ и рѣшилъ. Обыкновенное жюри приняло присягу.

Подсудимый. — Какъ американскій гражданинъ, я заявляю о неподсудности моихъ дѣйствій этому суду.

Главный судья. — Мы не можемъ слушать теперь вашихъ заявленій; если окажется нужнымъ, вашъ защитникъ въ свое время заявитъ это.

Подсудимый. — Я отказываюсь отъ своего защитника. Теперь имъ становится правительство Соединенныхъ Штатовъ.

Защитникъ подсудимаго удалился, и полковникъ Варренъ отказался отъ какой бы то ни было защиты. Онъ былъ осужденъ и 16 ноября 1867 года приговоренъ *къ пятнадцати годамъ каторжной работы*. За нимъ слѣдовалъ его товарищъ лейтенантъ Августанъ Кастелло. Онъ такимъ же образомъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ *къ двѣнадцати годамъ каторжной работы*.

Эти событія повели къ одному изъ самыхъ важныхъ измѣненій послѣдняго времени въ британскомъ законѣ. Древній и основной принципъ неизмѣннаго вѣрноподданства рѣшительно удерживался Англійей въ теченіе многихъ столѣтій. Съ другой стороны правительство Соединенныхъ Штатовъ, хотя въ дѣйствительности и отказалось отъ полковника Варрена, находило необходимымъ настаивать на выставленномъ имъ на судѣ положеніи. И вотъ снова между Англійей и Америкой возникло серьезное столкновение по поводу его приложенія. Къ счастью, вмѣсто того, чтобы рѣшать его путемъ войны, какъ въ 1812 г., оба правительства вошли въ дѣятельные переговоры съ цѣлью устранить затрудненіе. Соединеннымъ Штатамъ было нечего жѣнить, Англии же приходилось измѣнить свой законъ о подданствѣ, что она и сдѣлала. Въ 1870 году черезъ парламентъ прошелъ актъ 33 и 34 Vict. cap. 14, извѣстный (по крайней мѣрѣ въ Ирландіи) подъ именемъ «акта Варрена и Кастелло»; и теперь британскій подданный, съ помощью извѣстныхъ формальностей, можетъ отказаться отъ своего подданства и сдѣлаться гражданиномъ другой страны.

Съ окончаніемъ процесса жакнельцевъ всѣ начали надѣяться, что насталъ конецъ безконечнымъ арестамъ, взрывамъ и тревогамъ. Но насъ ждало горькое разочарованіе.

XXIV.

Эшафотъ и тюрьма.

Во всей борьбѣ изъ-за ирландскаго недовольства въ теченіе этого столѣтія едва ли найдутся событія, которыя возмущали бы англійскій народъ такъ глубоко, какъ тѣ два, которыя произошли въ концѣ 1867 года. Это были манчестерское освобожденіе и клеркенвельскій взрывъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣд-

ное преступленіе оставило по себѣ такое горькое воспоминаніе *). Изувѣченные невинные граждане, оглушенные или обезображенные дѣти, осиротѣвшія семьи и разрушенные дома — о такихъ вещахъ нельзя вспоминать хладнокровно. Однако-жъ, какъ бы ни было ужасно преступленіе, нѣтъ цѣли дѣлать его отвратительнѣй, чѣмъ позволяетъ истина.

Грубое невѣжество нѣсколькихъ несчастныхъ ирландскихъ чернорабочихъ, не имѣвшихъ даже понятія о полной силѣ взрыва бочонка съ порохомъ, а не желаніе или мысль уничтожить жизнь или причинить увѣчья было причиной этой кровавой сцены. Еслибы человѣкъ, ради освобожденія котораго дѣлалось это «проламыванье дыры въ наружной стѣнѣ», былъ дѣйствительно около мѣста пролома изнутри, гдѣ, по словамъ освободителей, онъ долженъ былъ находиться, его разорвало бы въ куски. Воображенію жалкихъ исполнителей никогда не представлялись дѣйствительныя послѣдствія ихъ дѣянія, т. е. разрушеніе сосѣднихъ строеній.

Такъ-называемое «убійство сержанта Бретта» имѣло совсѣмъ другой характеръ. Что сержантъ Бреттъ лишился въ этомъ дѣлѣ жизни, это вполне вѣрно и достойно глубокаго сожалѣнія. Но что его смерть была дѣломъ случая, а не заранее обдуманнаго плана, за это ручаются показанія наиболѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ людей и глубокая въ томъ увѣренность ирландскаго народа.

Послѣ паденія Джемса Стефенса, какъ вождя феніанской партіи, его мѣсто было занято полковникомъ Томасомъ Ж. Келли, который принялъ на себя управленіе феніанскими дѣлами въ Ирландіи послѣ ареста въ Фейрфильдъ - гаузѣ. Мало того, онъ былъ авторомъ, руководителемъ и самоличнымъ главнымъ исполнителемъ освобожденія Стефенса изъ Ричмондской тюрьмы, а также и его бѣгства во Францію. Послѣ возстанія въ мартѣ 1867 года Келли оставался около шести мѣсяцевъ въ Дублинѣ, а затѣмъ около октября переѣхалъ въ Манчестеръ съ

*) 13-го декабря 1867 года, подъ наружную стѣну клеркенвельской тюрьмы въ Лондонѣ былъ подложенъ бочонокъ пороху съ цѣлью взорвать стѣну, образовать въ ней брешь и дать возможность бѣжать изъ тюрьмы фенію Борку, который долженъ былъ въ это время гулять во дворѣ. Все дѣло было устроено нѣсколькими ирландцами чернорабочими. Стѣна въ 60 футовъ высоты была взорвана, нѣсколько домовъ по другую сторону улицы, населенные бѣдными народомъ, были разрушены, двѣнадцать человѣкъ убиты и сто двадцать оглушены или ранены.

Прим. автора.

цѣлью присутствовать на совѣтѣ англійскихъ «центровъ». Незадолго передъ разсвѣтомъ, утромъ 11-го сентября, полицейскіе, стоявшіе на посту въ Оакъ-стритъ, въ Манчестерѣ, замѣтили четырехъ человекъ, подозрительно бродившихъ около лавки готоваго платья. Изъ нѣсколькихъ выраженій, долетѣвшихъ до слуха полицейскихъ, они сдѣлали заключеніе, что эти люди имѣютъ какія-то противузаконныя цѣли, и хотѣли ихъ арестовать. Во время послѣдовавшей борьбы двое успѣли скрыться, двое же другихъ на утро были представлены къ полицейскому судѣ; но противъ нихъ не было ровно никакихъ уликъ. Они назывались одинъ Вильямсомъ, а другой Уайтомъ, американскими гражданами, и требовали, чтобъ ихъ освободили. Судья уже готовъ былъ приговорить ихъ къ двумъ-тремъ днямъ тюремнаго заключенія за бродяжничество, когда одинъ изъ сыщиковъ потребовалъ удержатъ ихъ на недѣлю, такъ какъ онъ имѣлъ подозрѣніе, что подсудимые находятся въ сношеніяхъ съ феніями. Требованіе было удовлетворено; и прежде наступленія ночи полиція знала, что въ ихъ рукахъ подъ именами Вильямса и Уайта находятся вождь феніевъ полковникъ Белли и его помощникъ капитанъ Дизи.

Ихъ арестъ вызвалъ сильное волненіе между феніанскими кружками Манчестера и окрестныхъ городовъ. Держались тайные совѣты, и послѣ долгихъ обсужденій было принято отчаянное рѣшеніе остановить карету съ арестантами на ея пути изъ суда, одолѣть стражу и освободить ихъ. Въ среду 18-го сентября арестованные были опять приведены въ судъ, формально признаны за Белли и Дизи и удержаны тамъ на недѣлю. Прежде чѣмъ они были увезены изъ суда, изъ Дублинскаго замка и изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Лондонѣ были получены телеграммы, предупреждающія манчестерскія власти о томъ, что готовится заговоръ для освобожденія подсудимыхъ. Если это предупрежденіе не было осмѣяно, то во всякомъ случаѣ подвергнуто большому сомнѣнію. Однако-жь, такъ какъ судья зналъ, что эти люди имѣли въ Манчестерѣ много приверженцевъ, то онъ счелъ нужнымъ на всякій случай принять нѣкоторыя предосторожности. Белли и Дизи были посажены и заперты въ разные отдѣленія кареты, а вмѣсто обыкновенныхъ трехъ полицейскихъ ее сопровождалъ конвой изъ двѣнадцати. Пятеро сидѣли на козлахъ, двое—на запяткахъ и четверо слѣдовали за каретой въ кибѣ; одинъ сержантъ Бреттъ сѣлъ внутрь. Кромѣ двухъ феніевъ въ каретѣ находились еще три арестанта—двѣ женщины

и мальчикъ 12 лѣтъ. Въ половинѣ четвертаго карета тронулась по направленію въ городской тюрьмѣ въ Лонгсайтъ, около двухъ миль отъ города. Подъ аркой желѣзной дороги, перекинутой черезъ Гайдъ-Родъ въ Белльвию, на средину дороги выскочилъ человѣкъ, поднявъ пистолеть и закричалъ кучеру, чтобы тотъ остановился. Въ ту же минуту черезъ валъ позади дороги перескочили около тридцати дюжихъ и вооруженныхъ револьверами людей, схватили лошадей и убили одну изъ нихъ. Безоружные полицейскіе почти не сопротивлялись и скоро разбѣжались. Освободители вынули топоры, молотки и ломы, которыми и старались отворить или сломать карету. Эта работа оказалась болѣе трудной, чѣмъ они ожидали, и полиція скоро начала возвращаться въ сопровожденіи большой толпы. Около двадцати освободителей образовали кольцо вокругъ кареты и револьверами сдерживали полицію и толпу, отъ времени до времени стрѣляя черезъ головы, между тѣмъ какъ другіе продолжали дѣлать усилія отворить карету. Они кричали Бретту черезъ вентиляторъ, чтобы онъ передалъ имъ ключи, если имѣетъ ихъ. Онъ не могъ видѣть, что происходило снаружи, но съ самаго начала догадался, въ чемъ дѣло. Онъ мужественно отказался выдать ключи. Желая взглянуть на нападающую партію, онъ нагнулся и смотрѣлъ черезъ замочную скважину. Почти въ ту же минуту снаружи раздался чей-то командующій голосъ: «Вышиби его; вставь револьверъ въ замочную скважину и вышиби его!» Дуло револьвера было вставлено и курокъ спущенъ. Бреттъ упалъ смертельно раненнымъ. Женщина-арестантка громко закричала внутри: «Онъ убитъ!» и подняла его. Снова черезъ вентиляторъ раздавался голосъ, требовавшій ключей, которые одна изъ женщинъ вынула изъ кармана Бретта и передала наружу. Тогда «блѣднолицый молодой человѣкъ» вошелъ въ карету, отперъ отдѣленія, въ которыхъ были заперты Келли и Диззи, и вывелъ ихъ вонъ. Освобожденные арестанты торопливо нобѣжали черезъ поля въ сопровожденіи одного или двухъ спутниковъ, а остальные задерживали преслѣдованіе. Не прежде, чѣмъ вожди исчезли изъ вида, начали они заботиться о себѣ. Они разсѣялись во всѣхъ направленіяхъ. Полицейскіе и толпа преслѣдовали ихъ. Многіе изъ нихъ были пойманы и жестоко избиты разсвирѣпѣвшими преслѣдователями. Одинъ изъ нихъ, признанный за молодаго человѣка, входившаго въ карету, чтобы освободить Келли, и носившій, какъ оказалось впоследствии, имя Вильяма Филена Аллена, былъ сибиленъ съ ногъ ударомъ кирпича, потому избитъ ногами и камнями.

до потери сознания. Многие арестованные истекали кровью от нанесенных имъ побоевъ. Въ тотъ вечеръ Манчестеръ былъ объятъ ужасомъ. Разсказъ объ освобожденіи, со многими преувеличеніями, распространялся съ необыкновенною быстротой. Народъ ходилъ по улицамъ и обсуждалъ случившееся. Разгоряченная и уязвленная полиція шапала на ирландскіе кварталы города, арестуя въ порывѣ ярости цѣлыя массы людей. Раздраженіе и паника Манчестера на другое утро распространились и на всю Великобританію. Національная гордость была уязвлена; національная безопасность нарушена; національная власть оскорблена, поругана горстью ирландскихъ мятежниковъ въ самомъ сердцѣ англійскаго города. Отсюду раздавались требованія быстро, заслуженнаго и строжайшаго наказанія.

Всякій можетъ легко вообразить, что тогда происходило въ Англии. Паника и страсти буквально царили надъ всѣмъ. Слухи о новыхъ, еще болѣе дерзкихъ и опасныхъ, заговорахъ и нападеніяхъ наполняли каждый городъ. Гарнизоны усилены; тюремная стража удвоена; спеціальныя полицейскіе комплектовались и приводились къ присягѣ. Особенно были возбуждены Манчестеръ и окрестные города, извѣстные своимъ многочисленнымъ ирландскимъ населеніемъ; и послѣднее переживало въ нихъ особенно тяжелое время. Среди такой-то бури гнѣва, тревоги, возбужденія страстей была образована спеціальная коммиссія для суда надъ принимавшими участіе въ освобожденіи Белли и Диззи. Мы въ Ирландіи сразу увидѣли, что эти люди — виновные или невиновные — были одинаково обречены и что о справедливомъ, спокойномъ и безпристрастномъ судѣ въ такой моментъ не могло быть и рѣчи. До насъ долетали раздирающіе сердце вопли семействъ совершенно невинныхъ людей и даже ничего не знавшихъ о покушеніи, но арестованныхъ полиціей при ея набѣгѣ на ирландскіе дома въ слѣдующіе дни за событіемъ.

Надежды на справедливость было очень мало или не было совсѣмъ; господствовавшее настроеніе англійскихъ умовъ требовало «кровь за кровь». Многие обстоятельства усиливали эти опасенія. Когда арестантовъ привели для предварительнаго слѣдствія къ полицейскому судѣ 25 октября, они были *въ цѣпяхъ*. Такого зрѣлища въ англійскомъ судѣ не было видно уже въ теченіе очень многихъ лѣтъ. М-ръ Джонсъ, какъ англичанинъ и какъ защитникъ, съ негодованіемъ протестовалъ противъ этого самымъ энергичнымъ образомъ. Судья рѣшилъ, что ручныя кан-

даны должны быть оставлены, и публика разразилась аплодисментами. Джонсъ бросилъ свои бумаги и вышелъ изъ суда; однакожь младшій защитникъ остался.

Въ поведѣльникъ, 28 октября, Вильямъ Филиппъ Алленъ, Михаилъ Ларкинъ, Томасъ Мегайръ, Михаилъ О'Брайенъ (иначе Геудъ) и Эдуардъ Бондонъ (иначе Шоръ) обвинялись въ преднамѣренномъ убійствѣ сержанта Бретта. Что люди, принадлежавшіе къ партіи освободителей, юридически были виновны въ убійствѣ, все равно кто бы изъ нихъ ни сдѣлалъ выстрѣлъ, убившій Бретта, — это понятно и ясно для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ основными принципами закона; но нравственная виновность, достаточно тяжелая сама по себѣ, совершенно измѣняется, если убійству Бретта вмѣсто случайности будетъ приданъ характеръ преднамѣренности. Прокуратура настаивала, что въ него прямо цѣлили и стрѣляли черезъ открытый вентилляторъ надъ дверью кареты. Главнымъ, если не единственнымъ, свидѣтелемъ, поддерживавшимъ это обвиненіе, была женщина-воръ, находившаяся въ каретѣ на пути къ своему третьему тюремному заключенію за кражу. Всѣ присутствовавшіе единогласно утверждали, что Бреттъ былъ убитъ черезъ замочную скважину въ тотъ моментъ, когда онъ отворачивался отъ нея, посмотрѣвши на то, что происходило снаружи. Свидѣтельскія показанія на судѣ, особенно относительно удостовѣренія личностей подсудимыхъ, какъ потому сознало само правительство, были самаго безразсуднаго и опрометчиваго характера. Тѣмъ не менѣе пять человекъ были признаны виновными. Ихъ обвиняли и допрашивали вмѣстѣ, но одному обвинительному акту, они были осуждены въ одномъ засѣданіи и однимъ приговоромъ, — пунктъ, обратившійся впоследствии въ ихъ пользу. Всѣ пятеро были приговорены къ повѣшенію 23 ноября. Передъ произнесеніемъ приговора каждый изъ нихъ держалъ рѣчь къ суду. Всѣ подсудимые высказали сожалѣніе о смерти Бретта. Нѣкоторые же положительно отрицали даже свое присутствіе при происшествіи. «Едва ли найдется кто-нибудь другой въ этомъ судѣ, — сказалъ Алленъ, — кто сожалѣлъ бы о смерти сержанта Бретта больше, чѣмъ я, и я положительно утверждаю передъ лицомъ всемогущаго и вѣчнаго Бога, что я невиновенъ, — да, невиновенъ, какъ всякій другой въ этомъ судѣ. Я говорю это не ради помилованія: я не хочу его, и не жду его. Я умру, какъ умерли многія тысячи, за свою любимую страну и ея защиту». Мегайръ порицалъ легкомысленную клятву свидѣ-

телей и сказалъ, что онъ вѣрно служилъ королевѣ матросомъ и остался вѣренъ ей до сихъ поръ. Послѣднимъ говорилъ Кондонъ. Онъ торжественно поклонился, какъ умирающій человекъ, что не присутствовалъ при нападеніи. «Я не обвиняю присяжныхъ,—сказалъ онъ,—но я увѣренъ, что они предубѣждены. Я не обвиняю ихъ въ умысленномъ желаніи обвинить, но предубѣжденіе заставило ихъ обвинить въ такомъ случаѣ, гдѣ при другихъ обстоятельствахъ они не обвинили бы. Мы признаны виновными и мы принимаемъ смерть, какъ неизбѣжный фактъ. Мы не боимся умереть, но крайней мѣрѣ...—«И я, и я»,—вырвалось у всѣхъ остальныхъ. Онъ продолжалъ:—«Я увѣренъ, что тѣ, кто будетъ судиться послѣ насъ, подвергнутся болѣе справедливому приговору и что наша кровь удовлетворитъ существующую, какъ мнѣ кажется, жажду крови. Вы скоро пошлете насъ передъ лице Бога, и я вполне готовъ къ этому. Мнѣ нечего сожалѣть, не отъ чего отречься, нечего брать назадъ. Я могу сказать только: «Да хранитъ Богъ Ирландію».

Какъ только онъ сказалъ эти слова, всѣ его товарищи, какъ одинъ, выступили впередъ и, поднявши головы и руки вверхъ, громко воскликнули: «Да хранитъ Богъ Ирландію!». И съ тѣхъ поръ эти слова сдѣлались національнымъ паролемъ.

Не прошло послѣ суда и нѣсколькихъ дней, какъ въ Англіи начало распространяться сомнѣніе въ вѣрности вердикта. Репортеры лондонскихъ и провинціальныхъ газетъ, присутствовавшіе на судѣ, до того сильно чувствовали это относительно Мегайра, что рѣшились на совершенно необыкновенный образъ дѣйствій и послали въ министерство внутреннихъ дѣлъ документъ, выражавшій ихъ глубокое убѣжденіе, что и показанія, и вердиктъ относительно его крайне несправедливы. Послѣ нѣсколькихъ дней изслѣдованія правительство признало правильность этого заявленія и Мегайръ былъ помилованъ. Вооружились мужествомъ и заговорили друзья человѣчества и справедливости. Они говорили, что было бы чудовищною несправедливостью лишать людей жизни на основаніи показаній и вердикта, явно пристрастныхъ. Пусть подсудимые будутъ,—говорили они,—наказаны какъ угодно тяжело, но не слѣдуетъ лишать ихъ жизни, потому что ее нельзя возстановить, если позднее будетъ открыта неправомерность приговора. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что исполненіе приговора надъ Кондономъ оторочено. Распространилось всеобщее убѣжденіе, что будетъ сдѣлано то же и относительно другихъ; это приписыва-

лось стараніямъ филантроповъ Манчестера и Лондона. Тѣмъ не менѣе было ясно, что большая часть англійскаго общественнаго мнѣнія требовала жертвы. Прощеніе Мегайра и отсрочка казни Лондона назывались плачевною слабостью. И этотъ взглядъ восторжествовалъ.

Въ виду предстоящаго событія правительство отдало приказъ послать большіе отряды войскъ въ тѣ города Англіи, гдѣ ирландцы были многочисленны. Манчестеръ въ это время, казалось, былъ въ осадѣ. Всѣ стратегически важные пункты вокругъ и въ самой тюрьмѣ были заняты войскомъ. Уже съ вечера 22 ноября толпы начали собираться вокругъ тюремныхъ стѣнъ. Въ продолженіе ночи они вели себя крайне безпокойно; тюремныя власти нѣсколько разъ приказывали имъ отойти дальше, такъ какъ ихъ крики, шумъ и торжествующія пѣсни безпокойли осужденныхъ внутри тюрьмы и мѣшали имъ приготовиться къ смерти. Въ толпѣ плясали «побѣдные танцы» и пѣли комическія пѣсни въ перемежку съ гимномъ «Храни Богъ королеву!» или «Да царствуетъ Британія!», чтобы слышали «феніанскіе убійцы» внутри тюрьмы. Единственнымъ утѣшеніемъ этого послѣдняго вечера жизни осужденныхъ было письмо маркизы Квинсбурри со вложеніемъ 100 фунт. стерл. «для оставляемыхъ ими семействъ» и нѣсколькими теплыми словами участія. «Съ начала и до конца,—гласить опубликованный отчетъ,—приговоренные выражали глубокое и горячее религиозное настроеніе».

Въ холодное, сѣрое утро 23 ноября 1867 года Алленъ, Ларкинъ и О'Брайенъ должны были умереть. Еще никогда до этого дня казнь въ Манчестерѣ не привлекала такого громаднаго стеченія народа вокругъ тюрьмы. Длинные ряды штыковъ тянулись во всѣ стороны. Дикая толпа на минуту смогла при похоронномъ звукѣ колокола. Скоро неявилась и осужденные. Первый вышелъ Алленъ. Онъ былъ смертельно блѣденъ, но шелъ твердо и ровною поступью. Слѣдующимъ былъ Ларкинъ, сильно упавшій духомъ и дрожавшій отъ волненія. Послѣднимъ выступилъ О'Брайенъ, котораго твердый и полный достоинства видъ удивилъ всѣхъ, его знавшихъ. Прежде чѣмъ его поставили на скамейку, онъ повернулся къ двумъ своимъ товарищамъ, уже одѣтымъ въ саваны, связаннымъ и съ роковыми веревками на шеяхъ, и съ любовью поцѣловалъ ихъ. Всѣ они были сильно тронуты и нѣжно обняли другъ друга. Задвижка вынута, три тѣла упали, нѣсколько секундъ предсмертныхъ конвульсій и все было кончено.

Когда въ субботу утромъ извѣстіе объ этомъ долетѣло до Ирландіи, удивленіе, смущеніе, печаль и гнѣвъ наполнили собою сердца людей. Они вздыхали, удивлялись и спрашивали друга друга, неужели это ужасное извѣстіе вѣрно. Люди, враждовавшіе до сихъ поръ съ феніанизмомъ, были побѣждены этимъ ударомъ. Что такое, какъ не политическая месть—это манчестерское дѣло, какъ не жестокая трагедія въ долгой борьбѣ между ирландскимъ возмущеніемъ и англійскою властью?... Послѣ обѣда пришелъ болѣе полный отчетъ о казни, содержавшій одно извѣстіе, которое уязвило ирландскій народъ въ самое больное мѣсто. *Тѣла трехъ убійцъ были похоронены въ известкѣ, въ неосвященной могилѣ внутри тюрьмы*. Какое! Похоронены въ известкѣ!... Это было ударомъ каждому ирландскому дому, завубренная и отравленная стрѣла, пронизавшая сердце Ирландіи. Это обезчещеніе, этотъ отказъ въ христіанскомъ погребеніи въ освященной могилѣ, оскорбило самыя сокровенныя чувства ирландскаго народа. На слѣдующій день эта новость достигла провинцій и въ сотняхъ церквей за утреннею службой священникъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ приглашалъ свою паству просить у Бога милосердія для душъ трехъ жертвъ. Взрывъ скорби былъ отвѣтомъ; многіе рыдали, слушая разсказъ объ ихъ казни. Я никогда не видѣлъ Ирландію сильнѣе движимуую снѣжаннныи чувствами скорби и гнѣва. И не смерть осужденныхъ такъ возмущала ее, хотя причина ихъ казни вызывала крайнее удивленіе и казалась ужасною жестокостью. Когда люди рѣшаются съ оружіемъ въ рукахъ на такое дѣло, какъ освобожденіе Белли, они должны быть готовы ко всему. Но убѣжденіе, что эти люди, виновные или невинные, подверглись пристрастному суду, что дѣлу ирландской національности въ ихъ лицахъ нанесено оскорбленіе, а самое главное—желаніе поставить ихъ наравнѣ съ обыкновенными убійцами и, не считая политическими преступниками, отказать въ уваженіи ихъ останкамъ—вотъ что вызвало тогда во всемъ ирландскомъ народѣ взрывъ сильнѣйшаго негодованія.

По всей Ирландіи появились объявленія, что будутъ устроены процессіи въ воспоминаніе о «манчестерскихъ мученикахъ». Боркъ показалъ примѣръ другимъ городамъ, назначивши на 1 декабря громадную демонстрацію; и въ этотъ день въ большей части городовъ Ирландіи можно было видѣть одну и ту же картину «похоронъ»—погребальныя колесницы, факельщики, преповыя знамена, закутанные барабаны и отсутствіе покойниковъ. 8 де-

кабря было назначено днемъ для процессіи въ столицѣ, а также въ двадцати или тридцати другихъ мѣстахъ острова. Джонъ Мартинъ сѣвши въ Дублинѣ стать во главѣ тамошней процессіи. О'Доногью долженъ былъ руководить демонстраціей въ Билларней. Въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ, казалось, исчезло различіе между феніями и націоналистами не-феніями, и національный или народный элементъ дружно выступилъ впередъ во всей своей силѣ. Дублинская процессія была поразительнымъ событіемъ. День стоялъ холодный, сырой и пасмурный, и несмотря на это въ ней принимали участіе до 150.000 народа, изъ которыхъ 60.000 шли рядами на протяженіи трехъ или четырехъ миль въ длину. Когда три колесницы съ именами казненныхъ проѣзжали по улицамъ, толпы стоявшія по сторонамъ падали на колѣни съ обнаженными головами, и не было слышно ни одного звука кромѣ «похороннаго марша», да рыданій, по временамъ вырвавшихся изъ толпы. У воротъ кладбища устроилось огромное собраніе и м-ръ Мартинъ обратился къ нему съ рѣчью полною чувства и сильныхъ словъ, выразившихъ народное настроеніе по поводу манчестерской казни. Въ заключеніе еще разъ всѣ головы обнажились, была прочитана молитва и плачущія толпы спокойно разошлись по домамъ.

Та часть прессы, которая подстрекала правительство на крайности въ Манчестерѣ, требуя такъ-называемой политики «силы» (vigour), теперь громко зывала о подавленіи этихъ похоронъ, какъ «позорныхъ выставокъ сочувствія къ убійству». 12 декабря, спустя четыре дни послѣ дублинской процессіи, была издана прокламація вице-короля, объявлявшая такія процессіи противузаконными и призывавшая судей и блюстителей порядка подавлять ихъ. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней Джонъ Мартинъ и всѣ другіе члены комитета дублинскихъ похоронъ получили повѣстки явиться въ судъ. Обвиняемые были преданы суду особой комиссіей и съ нихъ были взяты залоги. Спустя двѣнадцать дней надъ предводителями демонстраціи разразился второй ударъ, и я, какъ шедшій во главѣ, рука объ руку съ м-ромъ Мартиношъ, былъ призванъ теперь занять свое мѣсто рядомъ съ нимъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Манчестерская исторія вызвала въ ирландской національной прессѣ бурное раздраженіе и свирѣпую брань. Казнь называлась не иначе, какъ «законное убійство». «Тюремщикъ и палачъ» были провозглашены «нынѣшними близнецами—стражами британскаго

правления въ Ирландіи». Мои изданія принадлежали къ числу выразителей самаго рѣзкаго раздраженія. Въ поэмахъ, прозѣ и рисункахъ мы продолжали относиться къ трагическому событію какъ къ преступленію и призывали ирландскій народъ отвѣчать на попытки клеймить жертвы именами «убійць» различными заявленіями своей скорби объ ихъ участи и удивленія въ ихъ героизму. Въ промежутокъ времени между отдачею меня подъ судъ и открытіемъ коммисіи дѣла заставили меня отлучиться въ Парижъ. Однажды ночью я былъ поднятъ съ постели телеграммой изъ Дублина, побуждавшей меня немедленно же возвратиться въ Ирландію, потому что въ противномъ случаѣ будетъ выданъ приказъ о моемъ арестѣ, какъ издателя газеты *Weekly News*, противъ которой возбуждено судебное преслѣдованіе. Я былъ собственникомъ, но не редакторомъ этого изданія. Какъ это ни странно, однако-жъ вѣрно, что до этого момента я не читалъ, что писалось въ немъ по поводу казней, — настолько я былъ заваленъ среди господствовавшего возбужденія работой по веденію *Nation*, редакція которой лежала на моей личной отвѣтственности. Я поспѣшилъ домой и пріѣхалъ какъ разъ во время, чтобъ явиться въ судъ. Я слушалъ статьи закона, читавшіяся въ обвиненіе противъ меня, и сознавалъ въ душѣ, что онѣ были «довольно сильны»; но скорѣй согласился бы взойти на самый эшафотъ, чѣмъ отказаться отъ того, что было уже разъ напечатано, — такъ сильно задѣвало меня это печальное дѣло. Я былъ еще разъ отданъ подъ судъ, и 15 февраля, вынужденный подъ залогъ, я явился въ Гринъ-стритъ предъ судомъ короны отвѣчать за свое поведеніе, какъ журналиста. Самые убѣдительные доводы способныхъ и талантливыхъ джентльменовъ, исполнявшихъ роль моихъ защитниковъ, были совершенно бесполезны. Послѣ продолжительнаго засѣданія я былъ признанъ виновнымъ, но приговоръ былъ отложенъ до окончанія преслѣдованія по другому обвиненію.

Въ четвергъ утромъ 20-го февраля 1868 года Джонъ Мартинъ, Александръ М. Сулливанъ, Джеймсъ Ж. Ланоръ и Томасъ Бреккенъ обвинялись передъ судомъ въ томъ, что, будучи злоумышленниками, бунтовщиками и возмутителями мира и спокойствія въ королевствѣ и такъ далѣе, устроили возмутительное собраніе. Мы судились вмѣстѣ. М-ръ Ланоръ и Бреккенъ имѣли защитниковъ. Рѣчь м-ра Михаила Крюна, защитника перваго изъ нихъ, заключала въ себѣ талантливое опроверженіе одного изъ

пунктовъ обвинительнаго акта, которымъ національная эмблема и знамя Ирландіи превращались въ партійную вывѣску, а ношеніе зеленаго крѣта считалось преступленіемъ. М-ръ Мартинъ и я, по многимъ причинамъ отказавшіеся отъ профессиональной защиты, рѣшили сами говорить за себя, и частнымъ образомъ условились между собой, что онъ будетъ говорить первымъ. Однако-жь, когда допросъ свидѣтелей окончился и для него насталъ моментъ встать и защищаться, силы, по видимому, оставили его; онъ попросилъ меня занять его мѣсто, а ему дать время до утра для отдыха и приготовления. Я, конечно, согласился. Его желаніе было для меня закономъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ мы съ нимъ работали рука объ руку. Я всталъ и на одно или два мгновенія не могъ сказать ни слова, едва находя выраженія, чтобы начать. Я чувствовалъ и слышалъ лишь біеніе своего сердца. Я съ горечью сознавалъ всю опасность и отвѣтственность своего положенія. Судъ былъ переполненъ народомъ. На галлерей, позади меня, сидѣли моя жена, мой отецъ, братья и преданные друзья, изъ которыхъ многие съ удовольствіемъ согласились бы стать на мое мѣсто, чтобы освободить меня. Наконецъ, я оправился и, вскорѣ, воодушевленный окружающими обстоятельствами, смѣло углубился въ разборъ обвиненія. Пока я говорилъ, наступила ночь; зажгли лампы. Подлѣ суда на улицѣ стояла огромная толпа, за неимѣніемъ мѣста въ судѣ. Несмотря на усилія полиціи, публика, сидѣвшая внутри, часто разражалась аплодисментами, которые подхватывались народомъ на улицѣ, знавшимъ лишь, что эти аплодисменты относятся къ одному изъ подсудимыхъ. Я говорилъ безъ замѣтокъ или какой бы то ни было помощи; моя голова была полна этимъ дѣломъ. Когда я закончилъ, то услышалъ, что раздавался оглушительный громъ рукоплесканій, что десятки рукъ хватили и обнимали меня, что Джонъ Мартинъ обвилъ меня своими руками. Выйдя наружу, я встрѣтилъ тысячу поздравленій и услышалъ многіе пророческіе голоса: «Обвиненія не будетъ».

Это пророчество оказалось вѣрнымъ. Судъ закончился на слѣдующій вечеръ. Присяжные молчали вопросы и удалились. Прошелъ часъ, прошелъ и другой. Они все-таки не возвращались. Наконецъ, они вернулись для того, чтобы задать вопросъ неблагоприятный для обвиненія. Какъ только они снова удалились, толпа разразилась рукоплесканіями. Немного погодя, за присяжными послали. Они «не могутъ согласиться и уволены», былъ отвѣтъ. «Побѣда!» — закричала съ энтузіазмомъ толпа на улицѣ, и

новость была сообщена по телеграфу по всей Ирландіи, Да, это была побѣда, но не освобожденіе для меня. На слѣдующее утро я явился въ судъ выслушать приговоръ по осужденію по дѣлу прессы. Судья Джюстисъ Фицгерольдъ произнесъ его въ выраженіяхъ настолько полныхъ доброты, насколько случай допускалъ это. Въ заключеніе короткой рѣчи онъ сказалъ:

«Увѣряю васъ, что я съ глубокимъ и великимъ сожалѣніемъ исполняю обязанность и объявляю вамъ приговоръ закона. И мой ученый товарищъ, и я—мы обсудили дѣло самымъ тщательнымъ образомъ. Если мы сдѣлали ошибку, то вполне увѣрены, что она повела къ смягченію, а не къ усиленію наказанія. Тѣмъ не менѣе приговоръ долженъ имѣть такой характеръ, что вы на долгое время будете удалены отъ общественной жизни. Я сожалѣю это тѣмъ болѣе, что вы въ этомъ самомъ судѣ доказали свои способности,—способности, которыя я хотѣлъ бы видѣть посвященными другому дѣлу. Мало того, мнѣ извѣстно изъ печати, что вы посвящали уже ваше время или часть его и ваши таланты общественной службѣ, развитію народнаго образованія и содѣйствію благотворительности. Несмотря на это, наша общественная обязанность побуждаетъ насъ подавлять подобные преступки. Я слишкомъ далекъ отъ желанія продлить эти крайне тягостныя для меня сцены или прибавить къ обвиненію хоть одно ненужное слово. Приговоръ состоитъ въ томъ, что вы должны быть подвергнуты тюремному заключенію на время шести мѣсяцевъ отъ сего дня, а по истеченіи этого срока вы должны дать залогъ за себя въ 500 фун. и представить двухъ поручителей по 250 фун. ст. съ каждаго въ обезпеченіе вашего хорошаго поведенія въ теченіе двухъ лѣтъ; въ случаѣ же неизмѣннѣя таковаго обезпеченія вы подвергнетесь новому заключенію на шесть мѣсяцевъ».

Меня увели въ камеру подъ судомъ, гдѣ я протиснулся съ своимъ семействомъ, а спустя нѣсколько часовъ я вошелъ въ ворота Ричмондскаго замка, какъ арестантъ.

Незадолго передъ тѣмъ, антомъ парламента было уничтожено всякое различіе между арестантами, такъ что журналистъ, осужденный за политическіе преступки печати, подвергался такому же обращенію, какъ и простой преступникъ. Это было большою жестокостью. Однако-жь въ моемъ случаѣ власти сдѣлали все возможное для того, чтобы смягчить для меня такое положеніе вещей. Всѣ служащіе въ тюрьмѣ, начиная отъ директора, капитана

Бойда, и кончая самымъ младшимъ тюремщикомъ, старались отнять у моего заключенія тяжелый характеръ. До меня дошло, что лордъ Мэйо, тогдашній секретарь Ирландіи, выразилъ живѣйшій личный интересъ въ усилахъ отстранить отъ меня тѣ оскорбленія и строгости, которымъ я въ противномъ случаѣ долженъ былъ бы подвергнуться какъ преступникъ. Тѣмъ не менѣе это было тяжелое время, продолжительное страданіе. Камерное (целлюлярное) заключеніе, особенно по «одиночной системѣ», какъ въ моемъ случаѣ, составляетъ пытку для людей съ привычкою къ дѣятельности и нервнымъ темпераментомъ.

Въ воскресенье, утромъ 31 мая 1868 года капитанъ Бойдъ вошелъ въ мою комнату; онъ держалъ въ рукахъ открытое письмо.

— Какъ прекрасны ноги, приносящія радостныя вѣсти о хорошихъ вещахъ!—воскликнулъ онъ. Его лицо сияло отъ удовольствія.

— Что это такое, капитанъ?

— *Приказъ о вашемъ освобожденіи*,—отвѣтилъ онъ.

О, благословенная свобода!... На слѣдующій день я снова вошелъ въ міръ. Въ эти нѣсколько мѣсяцевъ произошли большія перемѣны.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Государственная роспись на 1882 годъ.

(Продолженіе.)

П *).

Д о х о д ы.

Государственная роспись представляет собою неисчерпаемый источник свѣдѣній для различныхъ соображеній, а потому читатель, конечно, извинитъ меня, если я, прежде нежели буду продолжать въ разборъ, возвращусь опять назадъ къ доходу отъ крѣпостныхъ судебныхъ и канцелярскихъ пошлинъ, который я разсматривалъ въ юньской книжкѣ *Русской Мысли*. Дѣло въ томъ, что тогда я предложилъ читателю вѣдомость о поступленіи этого дохода только за 10 послѣднихъ лѣтъ, но впоследствии мнѣ случилось составить эту вѣдомость съ 1866 по 1880 годъ включительно, т. е. за 15 лѣтъ, и она дала мнѣ возможность придти къ новымъ выводамъ и заключеніямъ о причинахъ сильнаго возрастанія этого дохода. Вотъ эта вѣдомость:

Годы.	Сумма дохода въ рубляхъ.	+ болѣе предыдущаго года.	Годы.	Сумма дохода въ рубляхъ.	+ болѣе — менѣе предыдущаго года.
1866 ..	2.956.706	—	1874 ..	7.186.430	— 238.64
1867 ..	2.981.801	+ 25.095	1875 ..	7.637.630	+ 451.20
1868 ..	3.335.723	+ 353.922	1876 ..	6.978.744	— 658.88
1869 ..	3.813.690	+ 477.967	1877 ..	6.709.125	— 269.61
1870 ..	4.547.467	+ 733.777	1878 ..	7.735.399	+ 1.026.27
1871 ..	5.174.472	+ 627.005	1879 ..	8.971.524	+ 1.236.12
1872 ..	6.249.931	+ 1.075.459	1880 ..	9.736.381	+ 764.85
1873 ..	7.425.079	+ 1.175.148	—	—	—

*) *Русская Мысль*, вв. VI.

Хотя въ этихъ цифрахъ соединены крѣпостныя пошлыны съ судебными и канцелярскими, но такъ какъ два послѣдніе вида пошлынъ составляютъ не болѣе 10% общей суммы, то это нисколько не мѣшаетъ ни сравненію указанныхъ цифръ, ни тѣмъ выводамъ, которые можно сдѣлать изъ этой таблицы. Итакъ, въ 14 лѣтъ доходъ этотъ болѣе чѣмъ утроился, и притомъ безъ всякаго повышенія нормы и расширенія круга предметовъ обложенія, чему мы не видимъ примѣра ни въ одной статьѣ нашего бюджета. Это, конечно, должно указывать на рациональность основаній налога, на отсутствіе его обременительности и на возможность его дальнѣйшаго развитія не только путемъ естественнаго роста, но и путемъ обложенія всѣхъ видовъ перехода имущества изъ однихъ рукъ въ другія и возвышенія нормы обложенія съ увеличеніемъ стоимости имущества. Но какъ бы ни казались рациональны основанія этого обложенія, все же этимъ однимъ нельзя объяснить такое быстрое возрастаніе дохода, тѣмъ болѣе, что, во-первыхъ, всѣ другія экономическія явленія нашей жизни идутъ, повидимому, совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, на что указываетъ настоящій фактъ. Возрастаніе этого дохода, какъ слѣдствіе увеличенія числа сдѣлокъ на недвижимыя имущества, прежде всего можетъ указывать на развитіе сельскохозяйственной промышленности; на приливъ сюда новыхъ силъ и капиталовъ и, слѣдовательно, на увеличеніе количества продуктовъ этой промышленности. Между тѣмъ со стороны нашихъ землевладѣльцевъ мы слышимъ постоянныя жалобы на невозможность хозяйства, а сельско-хозяйственная статистика свидѣтельствуетъ, что за все десятилѣтіе семидесятыхъ годовъ наши урожан, при всемъ колебаніи изъ года въ годъ, въ среднихъ выводахъ по трехлѣтіямъ даютъ однѣ и тѣ же цифры, слѣдовательно общее количество продуктовъ земледѣльской промышленности нисколько не увеличивается; скотоводство же вообще положительно падаетъ. Какъ же объяснить это противорѣчіе фактовъ? Постарайтесь однако-жъ, читатель, взглянуть въ отношеніе указанныхъ цифръ и поискать причины этого, повидимому загадочнаго, явленія. Въ приведенной таблицѣ можно замѣтить нѣкоторую періодичность возрастанія этого дохода и, слѣдовательно, увеличенія имущественныхъ сдѣлокъ: такъ, въ первые три года мы замѣчаемъ неподвижность цифры, потому что увеличеніе дохода въ 1868 г. является слѣдствіемъ слиянія общегосударственнаго бюджета съ бюджетомъ Царства Польскаго. По-

томъ съ 1869 по 1873 г. мы видимъ сильное возрастаніе дохода, а затѣмъ наступаютъ годы колебанія, что указываетъ на достиженіе этимъ доходомъ его нормальной высоты; значительное же паденіе въ 1876—1877 году объясняется годомъ войны и ея ожиданіемъ, когда, конечно, нельзя было думать объ имущественныхъ сдѣлкахъ. Но вотъ наступаетъ 1878 годъ, въ началѣ котораго окончилась война, потребовавшая такихъ громадныхъ жертвъ отъ народа и деньгами, и людьми, и тѣмъ не менѣе имущественныя сдѣлки въ томъ же году усиливаются до такой степени, что поступленіе крѣпостныхъ пошлинъ возрастаетъ на миллионъ рублей, въ слѣдующемъ году—на 1.200.000 р., а въ 1880 году—на 760.000 руб.

Вглядываясь внимательно въ эту періодичность возрастанія, никакъ нельзя предположить, чтобъ оно зависѣло отъ тѣхъ общихъ постоянныхъ условій, въ которыхъ находится наша промышленность вообще и сельско-хозяйственная въ особенности, такъ какъ постоянныя условія могли вести къ постояннымъ и одинаковымъ послѣдствіямъ. Здѣсь, напротивъ, необходимо предположить, что толчокъ къ умноженію сдѣлокъ на недвижимыя имущества былъ данъ со стороны другаго порядка явленій, не относящихся прямо къ тѣмъ условіямъ, отъ которыхъ зависить успѣхъ сельско-хозяйственной промышленности. Сопоставляя эти два періода возрастанія количества сдѣлокъ на недвижимыя имущества съ другими событіями въ нашемъ отечествѣ, оказывается, что они зависятъ отъ однихъ и тѣхъ же причинъ съ нѣкоторою только разницею. Первый періодъ возрастанія слѣдуетъ какъ разъ послѣ операціи покупки государственнымъ банкомъ золота, — операціи, производившейся преимущественно въ 1868 и 1869 годахъ и бросившей на нашъ рынокъ болѣе 160 миллионъ руб. кредитныхъ билетовъ, — и совпадаетъ съ усилевою постройкой желѣзныхъ дорогъ, которая дала возможность переводить на законномъ основаніи значительныя капиталы изъ общественаго сундука въ карманы частныхъ лицъ. Затѣмъ въ 1877 году производится громадный выпускъ кредитныхъ билетовъ на покрытіе военныхъ расходовъ, а самое производство этихъ расходовъ создаетъ еще болѣе удобный случай для разнаго рода хищеній. Въ томъ и другомъ періодѣ являются и обиліе денежныхъ знановъ на рынкѣ, и возможность хищеній, продукты же послѣднихъ создаютъ средства для увеличенія спроса на недвижимую собственность въ значительныхъ размѣрахъ.

Если и существуетъ между двумя этими періодами какая-нибудь разница, то только въ томъ, что послѣдствія перваго періода хищеній обнаруживаются гораздо медленнѣе, чѣмъ послѣдствія втораго, что весьма понятно въ виду болѣе значительнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, болѣе быстрого производства расходовъ и менѣе сложнаго способа хищеній. Въ виду такихъ причинъ возрастанія этого дохода нельзя не замѣтить, что цифра его если и можетъ еще возрасти, то во всякомъ случаѣ не можетъ долго удержаться на той высотѣ, до которой она дошла, такъ какъ это возрастаніе зависѣло отъ причинъ случайныхъ и искусственныхъ, которыя повторяться не могутъ и не должны. На этомъ послѣднемъ основаніи сдѣлать этотъ доходъ возрастающимъ можно только распространеніемъ его на переходы недвижимыхъ имуществъ по наслѣдству, увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ процентъ обложенія съ возрастаніемъ стоимости имущества. Изключенія должны быть допущены только для тѣхъ случаевъ, когда земля пріобрѣтается съ цѣлю обработки ея собственными силами рабочей семьи и лишь въ такомъ размѣрѣ, обработка котораго не превышаетъ этихъ силъ. Такое изъятіе необходимо въ видахъ покровительства самостоятельному хозяйству крестьянина.

Послѣ этой замѣтки о крѣпостныхъ пошлинахъ продолжаю мою бесѣду съ читателемъ по поводу нашихъ государственныхъ доходовъ и переходу въ отдѣлу правительственныхъ регалій, между которыми первое мѣсто занимаютъ горныя подати. Почему эти подати причислены къ отдѣлу регалій, я положительно не понимаю, такъ какъ къ регаліямъ относятся сборы за удовлетвореніе такихъ общихъ потребностей населенія, которыя правительство считаетъ невозможнымъ или затруднительнымъ предоставить частной предпримчивости и, потому, оставляетъ за собою исключительное право и обязанность ихъ удовлетворенія. Поэтому сюда могутъ относиться сборы за чеканку монеты, за пересылку и перевозку почтовой и телеграфной корреспонденцій, а также сборы съ желѣзныхъ дорогъ, еслибы правительство оставило за собою право ихъ сооруженія и эксплуатаціи; но горныя подати не имѣютъ ничего сходнаго съ подобными операціями и ими облагаются продукты добываемые частными лицами на казенныхъ и частныхъ земляхъ и, слѣдовательно, скорѣе всего могли быть отнесены къ налогамъ на промыслы или акцизамъ.

На основаніи государственной росписи 1881 года, этого дохода предполагалось къ поступленію 533.347 руб., на настоящій же годъ предполагено 2.470.165 руб. Такая несоразмѣрность въ предположеніяхъ на два, одинъ за другимъ слѣдующихъ, года является вслѣдствіе возстановленія, на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, Высочайше утвержденаго 19-го мая 1881 года, вновь подати съ добыванія золота, которая въ 1877 году была вовсе отмѣнена. Такая отмѣна послѣдовала въ видахъ наибольшаго покровительства развитію этого промысла для снабженія нашего денежнаго рынка звонкою монетою. Подобная цѣль мнѣ кажется чрезвычайно наивною. Наше золото, хотя и обращенное въ монету, давно уже перестало играть роль денегъ на нашемъ рынкѣ, вслѣдствіе переполненія его бумажными деньгами, и обратилось въ товаръ, служащій только предметомъ вывоза. Поэтому, чѣмъ болѣе мы будемъ добывать золото, въ которомъ нашъ внутренній рынокъ не ощущаетъ никакой потребности, тѣмъ менѣе мы будемъ вывозить другихъ нашихъ товаровъ при данномъ количествѣ ввоза, или тѣмъ болѣе будемъ ввозить заграничныхъ товаровъ, при данномъ количествѣ другихъ предметовъ нашего вывоза. Казалось бы, что такой результатъ въ обоихъ случаяхъ вовсе не соотвѣтствуетъ тѣмъ протекціонистскимъ взглядамъ, которые господствовали до сихъ поръ въ нашей торговой политикѣ и, повидимому, продолжаютъ господствовать и теперь. Тѣмъ не менѣе такая мѣра принята была въ видахъ снабженія нашего рынка золотомъ, которое однако-жъ удержаться на рынкѣ не могло и государство лишилось 2¹/₂ милл. рублей дохода для достиженія какихъ-то проблематичныхъ цѣлей и становилось вмѣстѣ съ тѣмъ въ прямое противорѣчіе со всей системой своей торговой политики. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, и въ послѣднія 20 лѣтъ мнѣ не разъ случалось указывать читателю, какъ у насъ одною рукою дѣлалось то, что парализовалось другою, и какъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей употреблялись такия средства, которыя вели къ результатамъ прямо противоположнымъ. Но не буду болѣе говорить объ этомъ, благо сдѣланная ошибка исправлена и такой выгодный промыселъ, какъ разработка золотоносныхъ россыпей, обложенъ вновь податью въ пользу государства. Да проститъ мнѣ читатель выраженіе—*выгодный промыселъ*, которое я употребилъ по отношенію къ золотопрмышленности. Я, впрочемъ, не имѣю намѣренія утверждать, что развитіе этой промышленности

могло считаться выгоднымъ съ точки зрѣнія интересовъ общенароднаго или государственнаго хозяйства, а имѣю въ виду только выгоды предпринимателей, пользующихся громадными барышами. Барыши эти, при отдаленности края, гдѣ производится эти операціи, и, слѣдовательно, при отсутствіи правильного надзора, не только создаютъ возможность беззащитной эксплуатаціи рабочаго люда, но поражаютъ положительную деморализацію въ цѣломъ краѣ, вызывая пьянство, преступленія и значительную смертность среди рабочихъ, взяточничество среди чиновничества, развратъ и оргіи среди распорядителей и предпринимателей. Въ виду какихъ же благодѣтельныхъ послѣдствій пользуются терпимостью всѣ эти безобразія, что выигрываетъ черезъ нихъ наше народное или государственное хозяйство?—Ровно ничего, такъ какъ подобная промышленность вовсе не служитъ къ удовлетворенію какихъ бы то ни было народныхъ потребностей. Она просто бросаетъ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей отнюдь не нашъ рынокъ, на которомъ золото держаться не можетъ, а на рынокъ заграничный и тѣмъ расширяетъ спросъ на предметы роскоши заграничнаго производства, т. е. увеличиваетъ наши непроизводительныя траты. Теперь, по крайней мѣрѣ, можно порадоваться, что часть этихъ капиталовъ, такъ дорого обходящихся рабочему челювѣку, будетъ поступать въ доходъ государственнаго казначейства. И то слава Богу!

Обращаясь затѣмъ къ цифрѣ предполагаемаго дохода, я нахожу ее очень умѣренной. За тѣ годы, въ которые подать съ золота взималась, т. е. съ 1869 по 1877 годъ, общая сумма горныхъ податей представляетъ среднюю цифру въ 2.986.903 рубля (см. отчеты госуд. контр. за эти годы). Но съ тѣхъ поръ, въ виду вздорожанія у насъ золота, выгоды золотопромышленниковъ сильно возросли и добываніе золота увеличилось; поэтому не было бы ничего рискованнаго сохранить въ бюджетъ по крайней мѣрѣ эту цифру или круглымъ числомъ три милліона рублей. Мнѣ кажется, что дѣйствительное поступленіе должно превысить даже эту послѣднюю цифру. По словамъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, подать съ выплаваемой мѣди должна уменьшиться, но мнѣ кажется, что подобный выводъ сдѣланъ на основаніи предыдущихъ лѣтъ, и притомъ до передачи казенныхъ горныхъ заводовъ въ частныя руки, и потому въ расчетъ не принято то увеличеніе вылавки мѣди, которое послѣдовало вслѣдствіе этой передачи. По крайней мѣрѣ мнѣ извѣ-

стенъ фактъ, что съ поступленіемъ въ частныя руки одного казеннаго мѣдноплавильнаго завода полученіе мѣди, если не ошибаюсь, учетверилось. На этомъ основаніи нельзя не пожелать, чтобъ и остальные горные заводы перешли въ частныя руки: тогда правительство избавилось бы отъ значительныхъ убытковъ отъ производства подобныхъ операцій и стало бы получать чистый доходъ отъ подати съ добываемыхъ металловъ. Мысль эту горячо защищалъ покойный Валеріанъ Алексѣевичъ Татаринновъ, дѣйствительно понимавшій финансовыя интересы государства. На обязанности правительства можетъ лежать только производство такихъ операцій, которыя удовлетворяютъ потребности, общія всему населенію, и притомъ могутъ быть ведены только при существованіи монополіи, которая, конечно, не должна быть ввѣрена какому-либо частному обществу или лицу, которыя могутъ легко злоупотребить этимъ правомъ; но добываніе какихъ бы то ни было металловъ вовсе не требуетъ монопольнаго права и потому можетъ быть свободно предоставлено частной предпріимчивости. Правительству нечего усложнять свою, и безъ того довольно трудную, обязанность подобными чисто-коммерческими предпріятіями, тѣмъ болѣе, что оно не имѣетъ никакой возможности ни руководить ими, ни контролировать ихъ, въ особенности при сложившихся въ нашей административной практикѣ обычаяхъ. Бѣ сожалѣнію, во всѣхъ нашихъ операціяхъ, предпринимаемыхъ правительствомъ и требующихъ участія специалистовъ-техниковъ, а слѣдовательно и въ горныхъ заводахъ, главное руководство дѣломъ поручается техникамъ, тогда какъ между техникою дѣла и его администраціей представляется существенная разница. Цѣль каждаго подобнаго предпріятія есть удовлетвореніе извѣстныхъ потребностей общества съ выгодой для предпринимателя, т. е. чисто-коммерческая, которая требуетъ общаго образованія и положительна недоступна именно хорошему технику въ силу специальности его образованія. Хорошо устроенная техника дѣла отнюдь не есть цѣль предпріятія, а только средство для достиженія другихъ цѣлей хозяйственныхъ и коммерческихъ, которыя вовсе могутъ не сходиться съ интересами техники. Поэтому техникъ долженъ быть только орудіемъ администраціи, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть хорошимъ администраторомъ дѣла. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія, но, во всякомъ случаѣ, если изъ техника сдѣлался хорошій администраторъ, то онъ долженъ былъ забыть технику и принести ее въ жертву

другому порядку знаний. Но кромѣ того наша административная практика, имѣя обыкновеніе ставить во главѣ предпріятій техниковъ, выработала особый вредный для дѣла обычай: у насъ, чтобы быть назначену распорядителемъ дѣла, нужно не знаніе и умѣнье вести его, а извѣстное служебное положеніе, сопряженное съ извѣстнымъ чиномъ, что достигается лишь тогда, когда человѣкъ, охлажденный жизнью, перестаетъ уже слѣдить за наукой и успѣхами ея практическаго приложенія и въ качествѣ техника можетъ руководиться такими взглядами, которые давно уже устарѣли. Такой человѣкъ, весьма естественно, не можетъ довѣрчиво относиться къ молодымъ талантамъ, жаждущимъ дѣятельности и вносящимъ въ нее послѣднее слово науки. При подобномъ столкновеніи старыхъ и новыхъ взглядовъ, побѣда, конечно, остается за старшимъ, что обуславливаетъ не только рутинность въ нашихъ техническихъ приѣмахъ, но и равнодушіе къ дѣлу со стороны молодыхъ людей, вступающихъ въ жизнь. Еслибы техника въ нашихъ казенныхъ предпріятіяхъ была поставлена въ другія условія и сдѣлалась бы только орудіемъ администраціи на столько образованной, чтобы понимать, гдѣ кончается административный и начинается техническій вопросъ, то улучшения въ приѣмахъ производства не встрѣчали бы тормоза со стороны старыхъ рутинеровъ и апатія со стороны молодыхъ талантовъ была бы не мыслима: для образованнаго администратора въ техническомъ дѣлѣ, какъ въ дѣлѣ искусства, служебная іерархія не можетъ и не должна имѣть значенія.

Что касается монетнаго дохода, то право чеканки монеты безспорно должно принадлежать правительству, и только исключительно ему, какъ высшему авторитету въ странѣ, въ виду невозможности для каждаго частнаго лица удостовѣряться въ дѣйствительномъ достоинствѣ монеты; и еслибы доходъ этотъ состоялъ только изъ платы за перечебанку металловъ, то, конечно, противъ подобной платы, хотя бы она была выше дѣйствительныхъ расходовъ, никто не могъ бы сдѣлать никакого возраженія. Но дѣло въ томъ, что доходъ этотъ состоитъ далеко не изъ одной этой платы, а большею частію состоитъ въ томъ, что количество употребляемаго на монету металла по своей цѣнѣ далеко ниже номинальной стоимости выдѣланной изъ него монеты. Эта разница и составляетъ преимущественно такъ-называемый монетный доходъ. Такъ у насъ мѣдная монета чеканится по 50 руб. изъ пуда, тогда какъ дѣйствительная стоимость пуда крас-

ной мѣди не превышаетъ 15 руб., не считая лигатуры изъ чугуна, которая прибавляется къ мѣди для приданія ей надлежащей крѣпости и прочности. Точно также мелкая разнѣнная серебряная монета, соответствующая номинальной цѣнѣ, должна бы имѣть 84 доли чистаго серебра въ фунтѣ, а вмѣсто того она готовится изъ серебра 48 пробы. Низкій курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ оправдываетъ такое пониженіе пробы серебра, такъ какъ при 84 пробѣ оно не удержалось бы на нашемъ рынкѣ и было бы вывезено за границу; но обстоятельство это указываетъ только на вредъ излишняго выпуска кредитныхъ билетовъ, а отнюдь не говоритъ въ пользу этой мѣры. Относительно же мѣдной монеты такая мѣра оправдывается удобствомъ обращенія, что отчасти имѣетъ основаніе. Въ виду того обстоятельства, что приемъ какъ той, такъ и другой въ значительныхъ количествахъ по закону не обязателенъ, подобное несоответствіе номинальной и дѣйствительной цѣны монеты во внутреннихъ оборотахъ можетъ не вызывать особыхъ замѣтныхъ неудобствъ, облегчая только взаимные расчеты при мелкихъ расплатахъ; тѣмъ не менѣе объ эти мѣры могутъ быть приравнены къ выпуску кредитныхъ билетовъ, такъ какъ онѣ, удерживая избытокъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи, имѣютъ вліяніе на возвышеніе стоимости предметовъ потребления и на пониженіе цѣнности нашей валюты, — слѣдовательно, не могутъ оставаться безъ вредныхъ послѣдствій, незамѣтныхъ только для поверхностнаго наблюденія.

Если мы взглянемъ на причины, вслѣдствіе которыхъ чеканка монеты сдѣлалась не только правомъ, но и обязанностію правительствъ во всѣхъ государствахъ Европы, то увидимъ, что только авторитетъ и уваженіе, которыми пользовались правительства, могли внушить частнымъ людямъ ту степень довѣрія къ денежнымъ знакамъ, при которой они могли сдѣлаться средствомъ повсемѣстной расплаты и мѣриломъ цѣнности предметовъ. Разъ правительство какого-либо государства ставило свой штемпель на какой-либо монетѣ, свидѣтельствовавшей, что въ ней заключается такой-то вѣсъ золота или серебра, частные люди вѣрили этому безусловно и принимали монету безъ возраженія, чѣмъ, разумѣется, облегчались всѣ возможныя сдѣлки. Къ сожалѣнію, нѣкоторые западные государи, нуждаясь въ средствахъ для своихъ военныхъ расходовъ и не отдавая себѣ отчета въ томъ вредѣ, который они наносятъ не только своимъ подданнымъ, но и

своимъ финансамъ, нерѣдко прибѣгали къ фальсификаціи монеты. Но съ тѣхъ поръ, какъ бумажныя деньги представляютъ болѣе удобное средство покрыть дефицитъ въ бюджетъ, фальсификація звонкой монеты совершенно прекратилась. Къ чести русскаго правительства слѣдуетъ замѣтить, что оно никогда не прибѣгало къ этой мѣрѣ нарушенія общественнаго довѣрія и только значительное паденіе курса, вслѣдствіе ошибочной мѣры излишняго выпуска кредитныхъ билетовъ, заставило его, въ видахъ удержанія на внутреннемъ рынкѣ мелкой серебряной монеты, допустить болѣе низкую ея пробу. Такъ одинъ ошибочный шагъ въ финансовой политикѣ необходимо влечетъ за собою уже созвѣтные дѣйствія, не соотвѣтствующія достоинству власти.

Во всякомъ случаѣ за текущій годъ можно порадоваться, такъ какъ доходъ монетный предположенъ только въ 861.400 р., тогда какъ предположенія прошлаго года превышали 4 милл. руб., а бывали годы, когда доходъ этотъ превосходилъ сумму 11 милл. рублей. Отсюда я могу прямо заключить, что по крайней мѣрѣ въ теченіе настоящаго года выпускъ низкопробнаго серебра не предполагается.

Почтовый доходъ предположенъ въ текущемъ году въ 14.406.263 руб., болѣе 1881 года на 346.000 рублей. Возрастаніе этого дохода идетъ постоянно и этому, конечно, не мало содѣйствуютъ вниманіе почтоваго вѣдомства къ нуждамъ общества и тѣ удобства въ пересылкѣ корреспонденціи, которыя введены этимъ вѣдомствомъ: пониженіе таксы, пересылка бандеролей за пониженную плату въ сравненіи съ простыми письмами, замѣна страховой заказною перепиской и удобство ея отправленія и полученія, введеніе открытыхъ писемъ и т. д. не могли не увеличить доходовъ почтоваго вѣдомства. Вотъ таблица поступленія этого дохода за послѣднія 10 лѣтъ:

Годы.	Рубл.	Годы.	Рубл.
1871 .	9.702.796	1876 .	10.898.853
1872 .	9.282.385	1877 .	12.364.195
1873 .	9.833.290	1878 .	13.394.140
1874 .	10.449.708	1879 .	13.096.868
1875 .	10.727.477	1880 .	13.496.800

Конечно, нельзя выводить изъ этихъ данныхъ, что вся сумма почтоваго дохода составляетъ дѣйствительный доходъ, вносимый частными лицами за удовлетвореніе ихъ необходимой потребно-

сти, а должно имѣть въ виду, что часть этой суммы оплачена самимъ правительствомъ за страхование казенныхъ суммъ, пересылаемыхъ по почтѣ, а также за пересылку казенныхъ изданій. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что, вслѣдствіе сдѣланныхъ нововведеній, доходъ этотъ сильно возрастаетъ. Конечно, всѣ эти нововведенія зависѣли скорѣе отъ почтовыхъ конвенцій съ иностранными державами, чѣмъ отъ собственной инициативы почтоваго вѣдомства, но самая мысль о заключеніи этихъ конвенцій принадлежитъ бывшему директору почтоваго департамента I. Веліо, который нашелъ возможнымъ уменьшить значительно плату за почтовую пересылку и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить государственный доходъ.

Впрочемъ, сказанное о почтовомъ доходѣ можетъ относиться только къ статьѣ дохода за пересылку простой корреспонденціи. Что же касается страхового сбора за пересылку денегъ и вещей, то порядокъ, существующій у насъ въ этомъ отношеніи, остается прежній, а плата хотя и понижена въ 1879 г., но не настолько, чтобы удовлетворить потребность общества въ передвиженіи суммъ. Странно, что, устанавливая совершенно общеевропейскіе порядки по отношенію простой корреспонденціи, наше почтовое вѣдомство до сихъ поръ не замѣнило пересылку денегъ ихъ переводомъ. Такимъ образомъ значительныя суммы движутся въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, вслѣдствіе чего увеличиваются шансы потерь правительства отъ утраты и похищенія денегъ въ пути, частныя лица затрудняются разными формальностями при приѣмѣ и выдачѣ денежной корреспонденціи, вызываются особые расходы почтоваго вѣдомства на надзоръ и храненіе ихъ во время слѣдованія и, наконецъ, лишается правительство тѣхъ доходовъ, которые получаютъ частныя банки и другія коммерческія конторы, переводящія суммы изъ одного мѣста въ другое. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ страховой сборъ не можетъ быть настолько пониженъ, чтобы сравняться съ тою платой, которую взимаютъ банки за переводъ денегъ, и мелкія суммы оплачиваются гораздо болѣе высокимъ процентомъ, чѣмъ крупныя, такъ какъ, при выдачѣ ихъ, должны быть соблюдены однѣ и тѣ же формальности. Странно, что почтовое вѣдомство, будучи правительственнымъ учрежденіемъ, не считаетъ возможнымъ пользоваться услугами другаго правительственнаго учрежденія и пересылаетъ деньги въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ даже между такими городами, въ которыхъ имѣются кон-

торы и отдѣленія государственнаго банка, принимающія переводы отъ всѣхъ частныхъ лицъ. Устроить подобный порядокъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются учрежденія банка, было бы очень легко. Стоило бы только выдавать подателю денегъ квитанцію на полученіе ихъ изъ такой-то конторы или отдѣленія банка и заносить въ особый для каждаго города списокъ имя подателя и получателя и переводимую сумму денегъ. Списки эти по окончаніи приѣма передаются вмѣстѣ съ деньгами въ учрежденіе государственнаго банка, которое и высылаетъ первые по принадлежности для выдачи денегъ получателямъ при предъявленіи квитанцій почтовыхъ конторъ, по сличеніи ихъ съ полученными списками. Подобный порядокъ, конечно, сократилъ бы шансы потерь правительства за утраченную на почтѣ корреспонденцію и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ бы возможность уменьшить личный составъ почтовыхъ чиновниковъ, не говоря уже о тѣхъ удобствахъ, которыя возникали бы при этомъ для публики, которая не нуждалась бы тогда въ удостовѣреніяхъ полиціи о личности получателя. Квитанція почтовой конторы въ рукахъ послѣдняго была бы гораздо болѣе достаточнымъ удостовѣреніемъ, чѣмъ нынѣшнее удостовѣреніе полиціи, выдаваемое заочно при посредствѣ дворника. Впрочемъ, для большей гарантіи правильности выдачи, въ квитанціи можетъ быть означено только имя получателя, а въ списокѣ—какъ имя подателя денегъ, такъ и получателя. Такимъ образомъ, если предъявитель квитанціи знаетъ, отъ кого деньги переведены, то это можетъ служить доказательствомъ, что квитанція переслана дѣйствительно ему подателемъ денегъ. Впрочемъ, казначейства есть въ каждомъ городѣ и поэтому введеніе переводовъ вмѣсто пересылки возможно на всемъ пространствѣ нашего отечества и, слѣдовательно, возможно и пониженіе платы за переводъ денегъ и увеличеніе государственнаго дохода. Въ настоящее же время страховой сборъ въ почтовомъ доходѣ представляетъ довольно странное явленіе. Всѣ государственные и торговые обороты возрастаютъ значительно, сборы за пересылку простой и телеграфной корреспонденціи растутъ также весьма быстро; слѣдовало бы ожидать, что передвиженіе денегъ, а вмѣстѣ съ ними и страховой сборъ также должны возрасти, а между тѣмъ оказывается, что этотъ сборъ если и возрастаетъ, то далеко не въ той степени, какъ другія статьи почтоваго дохода. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что тамъ, гдѣ международная конвенція не затрогивала нашихъ почтовыхъ

правиль, они остались въ прежнемъ видѣ, вслѣдствіе чего пересылка денегъ, въ особенности мелкими суммами, обходится дорого и чрезвычайно хлопотлива. Между тѣмъ въ намъ отечествѣ, гдѣ банковыя операціи развиты только въ большихъ промышленныхъ центрахъ и взаимныя сношенія кредитныхъ учрежденій весьма ограниченны, переводы суммъ часто совершенно невозможны или потому, что мелкія суммы банки къ переводу не принимаютъ, или потому, что между существующими учреждениями кредита нѣтъ взаимныхъ счетовъ, или, наконецъ, потому, что и самыхъ кредитныхъ учрежденій въ извѣстныхъ мѣстностяхъ не существуетъ. Не далѣе какъ годъ тому назадъ пишущій эти строки имѣлъ необходимость перевести изъ столичнаго города Петербурга въ губернскій городъ Новгородъ сумму около 3.000 рублей и не нашелъ къ тому никакой возможности, по почтѣ же посылать обходилось дороже, чѣмъ стоитъ проѣздъ изъ Новгорода въ Петербургъ и обратно, такъ что получатель предпочелъ пріѣхать нарочно въ Петербургъ для полученія этихъ денегъ. При такихъ условіяхъ переводная операція, еслибъ она была введена почтовымъ вѣдомствомъ, сохранила бы публикѣ массу времени и избавила бы ее отъ многихъ, совершенно напрасныхъ, хлопотъ. А время, — какъ говорятъ англичане, — деньги.

Телеграфный сборъ также постоянно возрастаетъ и гораздо сильнѣе, чѣмъ почтовый: такъ въ 1871 году онъ представлялъ цифру въ 3.986.566 руб., а въ 1880 г. доходилъ до 7.736.392 руб., т. е. черезъ 8 лѣтъ увеличился на 94%; въ смѣту же нынѣшняго года онъ занесенъ въ суммѣ 8.445.500 руб., которая, въ виду постояннаго возвышенія этого дохода, не заключаетъ въ себѣ ничего преувеличеннаго. Такое сильное возрастаніе этого дохода слѣдуетъ приписать благоразумнымъ распоряженіямъ телеграфнаго вѣдомства, которое усвоило систему постояннаго и постепеннаго пониженія таксы, вслѣдствіе чего количество телеграфной корреспонденціи постоянно возрастаетъ. Къ сожалѣнію, этимъ практическимъ опытомъ не пользуется наше финансовое вѣдомство и продолжаетъ думать, что возвышеніе нормы обложенія можетъ вести къ увеличенію государственнаго дохода, хотя собственный опытъ этого вѣдомства съ таможеннымъ доходомъ могъ бы, повидимому, привести его къ совершенно иротивному заключенію.

Теперь я долженъ перейти къ доходу отъ казенныхъ имуществъ, играющему въ нашемъ бюджетѣ очень видную роль,

такъ какъ онъ, согласно смѣтнаго предположенія на нынѣшній годъ, представляетъ цифру въ 42.562.237 руб. Какъ ни значительна эта цифра сама по себѣ, но если вспомнить, какъ велико пространство казенныхъ земель, состоящихъ въ оброчномъ содержаніи, какъ велика площадь эксплуатируемыхъ казенныхъ лѣсовъ, какіе значительные капиталы потрачены государствомъ на устройство горныхъ заводовъ и желѣзныхъ дорогъ, то нельзя не удивляться, что доходъ съ казенныхъ имуществъ достигаетъ только этой цифры, такъ какъ по отношенію къ цѣнности ихъ подобная цифра дохода представляется ничтожною. Конечно, наши доходы отъ государственныхъ имуществъ не подлежатъ по многимъ условіямъ сравненію съ таковыми же въ Пруссіи, но съ доходами частныхъ лицъ той же мѣстности, гдѣ находится казенное имущество, было бы не бесполезно ихъ сопоставить и только при такомъ сопоставленіи можно сдѣлать заключеніе, насколько правильно эксплуатируются у насъ государственныя имущества.

Слѣдуя этому методу, мы возьмемъ для примѣра землевладѣльца, имѣющаго 1.000 десят. земли въ Самарской или Саратовской губерніи, гдѣ арендная плата за земли не настолько возвысилась, какъ въ другихъ черноземныхъ губерніяхъ. Человѣкъ этотъ представится намъ лицомъ вполне состоятельнымъ, имѣющимъ по меньшей мѣрѣ 5.000 рублей годоваго дохода для удовлетворенія своихъ потребностей, а если онъ самъ ведетъ свое хозяйство, то и гораздо болѣе этой суммы. Что же получаетъ правительство съ своихъ земель въ тѣхъ же мѣстностяхъ? Что касается самарскихъ земель, то въ общей сложности онѣ едва ли и въ настоящее время приносятъ болѣе 50 коп. съ десятины, а въ Саратовской губерніи до семидесятыхъ годовъ, какъ это мнѣ положительно извѣстно, онѣ приносили вообще около 70 коп. съ десятины и едва ли приносятъ теперь болѣе 1 рубля. Но при этомъ надо принять въ соображеніе, что эта цифра представляетъ валовой доходъ, изъ котораго слѣдуетъ исключить издержки взиманія, т. е. расходы управленія государственными имуществами. Если же мы изъ вышеприведенной цифры дохода, получаемого отъ казенныхъ имуществъ, исключимъ доходы, состоящіе въ вѣдѣніи другихъ вѣдомствъ, а также доходы отъ продажи казенныхъ имуществъ, которые отнюдь не могутъ представлять дохода, а напротивъ выражаютъ только уменьшеніе капитальной стоимости казеннаго имущества, то оказывается, что

весь доходъ, приносимый казенными землями и лѣсами, состоящими въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, составляетъ, согласно предположенной росписи на нынѣшній годъ, сумму въ 28.286.258 руб. Издержки же взиманія, т. е. управление этимъ министерствомъ, обходятся въ 19.244.882 рубля, т. е. государство предполагаетъ получить чистаго дохода съ своихъ громадныхъ недвижимыхъ имуществъ всего около 9 милл. рублей. Даже если мы изъ расходовъ министерства исключимъ 2 милл. руб., предположенныхъ на выдачу денежныхъ арендъ, какъ расхода, не имѣющаго никакого отношенія къ управленію государственными имуществами, то и тогда издержки взиманія будутъ стоить 17.244.882 руб., или около 61%, валоваго дохода. Но это при условіи, что предположенный по смѣтѣ доходъ будетъ дѣйствительно полученъ, чего, въ виду примѣровъ прежнихъ лѣтъ, ожидать довольно трудно. Вотъ таблица поступления всѣхъ доходовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, за послѣднія 10 лѣтъ:

Г о д ы.	Съ оброчныхъ статей.	Съ лѣсовъ.	Съ горныхъ заводовъ.	И Т О Г О.
1871 . . .	5.657.026 р.	8.643.791 р.	3.253.027 р.	17.553.844 р.
1872 . . .	5.213.209 »	9.553.802 »	4.576.481 »	19.343.492 »
1873 . . .	5.689.342 »	10.148.508 »	4.756.538 »	19.594.388 »
1874 . . .	6.052.332 »	10.412.694 »	3.694.262 »	20.159.288 »
1875 . . .	5.723.861 »	10.972.958 »	4.074.338 »	20.771.157 »
1876 . . .	6.065.784 »	9.491.755 »	3.000.718 »	18.558.257 »
1877 . . .	5.912.685 »	9.730.225 »	3.818.509 »	19.461.319 »
1878 . . .	6.170.963 »	11.264.961 »	3.888.564 »	21.324.488 »
1879 . . .	5.803.737 »	13.048.955 »	4.446.692 »	23.299.384 »
1880 . . .	6.125.773 »	14.280.970 »	4.548.745 »	24.955.488 »
				205.021.105 р.

Итакъ, дѣйствительное поступленіе въ среднемъ выводѣ за 10 лѣтъ даетъ 20¹/₂ милл., тогда какъ въ смѣтѣ предположено 28.286.258 рублей (отъ оброчныхъ статей 6.912.513 руб., отъ лѣсовъ 15.669.447 рублей и отъ горныхъ заводовъ 5.704.328 рублей). Присматриваясь къ цифрамъ указанной таблицы, не мудрено замѣтить, что дѣйствительно прогрессирующимъ доходомъ былъ одинъ лѣсной доходъ, и потому если и можно допустить предположенную цифру смѣтою, то только по одной этой статьѣ. Что же касается дохода отъ оброчныхъ статей, то здѣсь не

представляется никакой возможности предположить, чтобы цифра этого дохода могла увеличиться почти на 800.000 руб., такъ какъ она постоянно колеблется около 6 милл. руб. и нѣтъ никакого основанія предполагать ея значительнаго измѣненія. Быть-можетъ министерство, предполагая такое увеличеніе дохода, рассчитывало на тѣ мѣры, которыя оно приняло для того, чтобъ облегчить крестьянамъ самостоятельную на торгахъ съемку казенныхъ оброчныхъ статей. Но, во-первыхъ, еслибы даже ожиданія министерства осуществились вполнѣ, то и тогда значительнаго измѣненія въ цифрѣ поступления быть не можетъ, на томъ основаніи, что увеличеніе дохода можетъ произойти не ранѣе будущаго года и только отъ тѣхъ оброчныхъ статей, по которымъ истекають сроки въ настоящемъ. Не имѣя въ виду, какое количество казенныхъ земель подлежитъ переоброченъ въ текущемъ году, я, разумѣется, не могу сдѣлать никакого предположенія о будущемъ возрастаніи этого дохода, но могу положительно утверждать, что на доходы настоящаго года мѣры эти не могутъ имѣть никакого вліянія. Предполагать же естественный ростъ этого дохода, не зависящій отъ мѣропріятій министерства, въ виду постояннаго и очень незначительнаго колебанія дохода въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, также нѣтъ никакого основанія, въ особенности въ томъ размѣрѣ, какой предполагается смѣтой, а именно на 12,7%. Подобнаго примѣра мы не видимъ во всѣ 10 лѣтъ, несмотря на то, что въ эти 10 лѣтъ всѣ экономическія условія вели къ сильному возвышенію арендной платы. Если же эти условія имѣли мало значенія до сихъ поръ, то предполагать болѣе важное значеніе въ настоящемъ году положительно невозможно. Во-вторыхъ, я думаю, что облегченіе крестьянамъ доступа къ торгамъ вовсе не представляетъ собою такой дѣйствительной мѣры, которая могла бы доставить имъ возможность воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ и не только вступить въ серьезную конкуренцію съ нынѣшними содержателями оброчныхъ статей, но и одержать верхъ надъ ними на торгахъ. Право и возможность явиться на торги далеко еще не устраняють всѣхъ невыгодныхъ для крестьянъ условій, вслѣдствіе которыхъ они остерегаются вступать въ прямыя отношенія съ казною и предпочитаютъ платить значительно дороже казенному контрагенту.

Между тѣмъ этихъ условій очень много и притомъ весьма вѣсскихъ. Прежде всего слѣдуетъ указать на самый принципъ

торговъ, которые, вызывая конкуренцію, не допускаютъ положительной увѣренности, что оброчная статья дѣйствительно останется за крестьянами, въ особенности когда она достигаетъ значительныхъ размѣровъ, и притомъ положительно необходима для нихъ. Стоить только капиталисту возвысить оброчную плату до той цифры, при которой взаимное ручательство крестьянъ окажется недостаточнымъ залогомъ, и тогда результатъ торговъ будетъ имѣть очень невыгодныя для крестьянъ послѣдствія, такъ какъ они должны будутъ уплатить капиталисту не только всю надбавку, сдѣланную имъ на торгахъ, но и болѣе значительный барышъ. Пишущему эти строки не разъ приходилось присутствовать на торгахъ и видѣть, какъ крестьяне, дѣйствительные владѣльцы казеннаго участка, присутствуя на торгахъ, уступали право содержанія участка съемщику изъ опасенія, что онъ возвыситъ арендную плату выше той суммы, которую они считаютъ возможнымъ заплатить. Тогда они же вынуждены будутъ оплачивать съ лихвою все проторы и убытки съемщика, въ особенности когда крестьянамъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ, нужна именно эта, а не другая земля. Все подобныя обстоятельства очень хорошо могутъ быть извѣстны съемщику-капиталисту и вовсе неизвѣстны лицамъ производящимъ торги, которыя притомъ же, въ виду вызванной конкуренціи, должны быть только пассивными свидѣтелями происходящей борьбы. Неужели министерству государственныхъ имуществъ неизвѣстно, что при конкуренціи капитала и труда побѣда всегда остается за капиталомъ, такъ какъ послѣдній можетъ выжидать, нисколько не теряя, тогда какъ трудъ не имѣетъ этой возможности и время, оставленное безъ приложенія его къ какому-либо дѣлу, составляетъ безвозвратную потерю для рабочаго? Другое дѣло, еслибы вѣдомство государственныхъ имуществъ входило съ крестьянами въ прямыя сношенія безъ торговъ, тогда, конечно, крестьяне легко могли бы возвысить существующую арендную плату, имѣя въ виду, что земля во всякомъ случаѣ останется за ними; но безъ этой увѣренности они не будутъ надбавлять цѣну изъ опасенія, что эту цѣну все-таки перебьютъ на торгахъ и они останутся въ зависимости отъ съемщика, при болѣе невыгодныхъ условіяхъ. Я думаю, что принципъ отдачи казенныхъ земель въ оброчное содержаніе съ торговъ положительно несостоятеленъ и это доказывается тѣмъ, что ни одинъ частный чело-вѣкъ, будь онъ собственникъ земли, или арендаторъ частнаго

или казеннаго имущества, никогда не прибѣгаетъ къ этому способу передачи своего права эксплуатаціи, а входитъ въ прямыя сношенія съ лицами, желающими взять на себя эксплуатацію земли. При этомъ онъ обращаетъ вниманіе скорѣе на нравственную и матеріальную состоятельность лица, т.-е. на возможность и способность его исполнить данныя условія, чѣмъ на денежное обезпеченіе точнаго поступленія условленной платы. При системѣ же конкуренціи на торгахъ подобное отношеніе къ дѣлу становится невозможнымъ.

Но и кромѣ того есть и другія условія, по которымъ между казною и крестьянами втираются капиталисты-паразиты, набивающіе свой карманъ за счетъ государственнаго казначейства и трудящагося человѣка. Къ этимъ условіямъ слѣдуетъ отнести, во-первыхъ, слишкомъ значительную величину казенныхъ участковъ, которые въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ значительной степени превышаютъ и силы, и средства одного крестьянскаго общества. Соглашеніе же нѣсколькихъ крестьянскихъ обществъ достигается чрезвычайно трудно, въ особенности при неодинаковомъ качествѣ земли въ одномъ и томъ же участкѣ, и можетъ состояться только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Само собою разумѣется, что при внимательномъ отношеніи чиновъ министерства государственныхъ имуществъ къ подобнымъ мѣстнымъ условіямъ не составляло бы никакого затрудненія дробить такіе участки согласно потребностямъ и средствамъ крестьянъ, т.-е. дѣлать именно то, что обыкновенно дѣлаютъ контрагенты казны, за что и пользуются барышами. Говоря о величинѣ оброчныхъ статей, нельзя не замѣтить, что есть казенные участки, въ особенности въ Самарской губерніи, не только по нѣскольку тысячъ, но даже по нѣскольку десятковъ тысячъ десятинъ. Какое же крестьянское общество въ состояніи взять подобный участокъ въ содержаніе? Не помню, гдѣ, но мнѣ приходилось читать, что въ послѣднее время министерство государственныхъ имуществъ прибѣгало къ дробленію участковъ; но какое же это было дробленіе? Такъ, напримѣръ, прежде средняя величина одного участка была болѣе 1.000 десятинъ, а послѣ раздробленія оказалась менѣе 1.000 десятинъ. Очевидно, что подобное дробленіе оставляетъ все-таки слишкомъ крупныя участки, арендовать которые крестьянскія общества и товарищества очень часто не въ состояніи. Во-вторыхъ, круговое ручательство, которое принимается въ видѣ залога отъ крестьянъ, слишкомъ

ограничено, чтобъ оно могло доставить имъ возможность явиться на торгахъ серьезными конкурентами съемщикамъ-капиталистамъ. Оно принимается въ размѣръ 15 руб. на каждаго работника. Въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне особенно нуждаются въ землѣ и гдѣ арендная плата сильно возвысилась, такой залогъ даетъ возможность нанять двѣ или три десятины, тогда какъ работникъ, съ пособіемъ своего семейства, можетъ обработать сверхъ надѣла двойное количество. При подобныхъ условіяхъ и при величинѣ участка, не превышающаго рабочихъ силъ крестьянскаго общества, съемщикъ-капиталистъ легко можетъ предложить цѣну, которую и крестьяне охотно бы заплатили, не круговое ихъ ручательство оказывается недостаточнымъ для замѣны залога. Поясню примѣромъ эту мысль. Общество крестьянъ, состоящее изъ 100 человѣкъ работниковъ, желаетъ взять въ аренду участокъ въ 500 десятинъ казенной земли и готово дать за него 4.000 рублей; но оно имѣетъ круговое ручательство на 1.500 руб. и потому можетъ взять въ аренду статью, оброчная плата за которую не превышаетъ 3.000 руб. Капиталистъ, имѣющій въ виду тотъ же участокъ, можетъ устранить конкуренцію этихъ крестьянъ, предложивъ на торгахъ арендную плату въ 3.500 руб. Конечно, онъ не скроетъ этого отъ крестьянъ и заявитъ имъ, что если они будутъ торговаться и заставить его заплатить за эту оброчную статью 3.500 рублей, то онъ не отдастъ этой земли имъ, крестьянамъ, даже за 5.000 р. Весьма естественно, что въ виду подобной угрозы, если земля дѣйствительно нужна крестьянамъ, они пойдутъ на соглашеніе съ капиталистомъ и тотъ обяжется сдать землю за 4.000 руб., если они не будутъ торговаться. Такимъ образомъ, устранивъ серьезныхъ конкурентовъ, капиталистъ, при отсутствіи другихъ желающихъ, можетъ взять въ содержаніе статью за прежнюю цѣну, опредѣленную за 12 лѣтъ передъ симъ или съ самой ничтожною надбавкой, т.-е. быть-можетъ за половинную цѣну. Очевидно, что система торговъ вредитъ исключительно интересамъ казны. Въ-третьихъ, крестьяне тѣмъ охотнѣе идутъ на подобныя сдѣлки, что имѣютъ въ виду при взятіи въ оброчное содержаніе земли прямо отъ казны непремѣнное условіе уплаты первой половины арендныхъ денегъ 2 января каждаго аренднаго года и второй половины 1 іюля, т.-е. обязательство выплатить всю сумму оброка и положить свой трудъ на обработку земли прежде, чѣмъ успѣютъ воспользоваться чѣмъ бы то ни было съ

нанимаемой земли; между тѣмъ если они уступятъ аренду кулаку-съемщику, то онъ не потребуетъ съ нихъ денегъ до новаго урожая и, въ случаѣ неимѣнія ими денегъ къ этому времени, возьметъ арендную плату зерномъ. Въ виду несостоятельности крестьянъ въ денежномъ отношеніи, отсрочка взноса денегъ до новаго урожая составляетъ для нихъ очень важную приманку. Въ-четвертыхъ, многіе съемщики не только не требуютъ платежа арендныхъ денегъ впередъ, но сами дѣлаютъ ссуды своимъ арендаторамъ на уплату казенныхъ податей и другихъ сборовъ и рассчитываются съ ними также изъ новаго урожая. Хотя подобныя ссуды и очень выгодны для казенныхъ контрагентовъ, но при безденежности крестьянъ послѣдніе не могутъ не дорожить этимъ обстоятельствомъ. Наконецъ, въ-пятыхъ, болѣе состоятельные крестьяне неохотно соглашаются принять на себя круговое ручательство, такъ какъ въ этомъ случаѣ имъ приходится дѣлить арендованный участокъ по количеству рабочихъ силъ, между тѣмъ какъ у казеннаго контрагента они могутъ снять большее количество десятинъ, чѣмъ бы пришлось имъ по мірскому раздѣлу; для капиталиста же выгоднѣе имѣть дѣло съ болѣе состоятельными хозяевами и съ меньшимъ числомъ лицъ.

Изъ сказаннаго до очевидности ясно, что мѣры, принятія министерствомъ государственныхъ имуществъ къ облегченію доступа крестьянамъ на торги по отдачѣ въ содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей, далеко не создаютъ для нихъ практической возможности воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ и составляютъ, такъ сказать, полумѣру, которая можетъ осуществиться только въ очень рѣдкихъ случаяхъ и ужь конечно не въ состояніи возвысить замѣтнымъ образомъ доходъ отъ оброчныхъ статей. Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо пересмотрѣть вновь наше законодательство объ оброчныхъ статьяхъ, уничтожить положительно систему торговъ и замѣнить ее отдачей крестьянамъ въ пользованіе за опредѣленную, по взаимному соглашенію, плату, не ограничивая ихъ права извѣстною суммою на каждаго рабочаго, а соразмѣряя количество земли съ рабочими силами каждаго общества. При этомъ не слѣдуетъ стѣсняться размѣромъ участка, если послѣдній окажется слишкомъ большимъ, а отводить изъ него количество десятинъ согласно желанію общества. Другими словами, дробленіе участковъ слѣдуетъ производить не въ силу кабинетныхъ соображеній, а на основаніи мѣстныхъ условій и потребностей. Если такимъ обра-

зомъ, за удовлетвореніемъ потребности мѣстныхъ крестьянъ, будутъ оставаться свободные участки, то необходимо вызывать переселенцевъ изъ другихъ мѣстностей и наблюдать, чтобы казенныя земли поступали въ пользованіе тѣхъ лицъ, которыя прилагаютъ къ землѣ собственный, а не наемный трудъ.

Если мнѣ замѣтятъ, что подобная программа трудно выполнима для министерства государственныхъ имуществъ, то я противъ этого конечно спорить не буду, но замѣчу только, что оставлять дѣло въ томъ видѣ, какъ оно находится теперь, и довольствоваться доходомъ со всѣхъ казенныхъ оброчныхъ статей суммой около 6 милл. рублей не только трудно, но положительно невозможно, а потому надо что-нибудь дѣлать. Если же канцелярскимъ путемъ нѣтъ возможности добиться лучшихъ условій хозяйства, тогда слѣдуетъ передать послѣднее въ вѣдѣніе мѣстнаго земскаго управленія, которое, будучи знакомо со всѣми мѣстными условіями, конечно не затруднится выполнить подобную программу. Обстоятельство это напоминаетъ намъ предложеніе, которое дѣлало въ 1865 году правительству новоузенское земство. Оно предлагало выплатить правительству капитальную стоимость оброчныхъ статей, находящихся въ уѣздѣ, въ теченіе 20 лѣтъ, отбывая ихъ въ 20 милліоновъ рублей, съ платежомъ ежегодно 6% на недоплаченную сумму, между тѣмъ какъ государство не получаетъ и третьей доли этой суммы. Въ проектѣ, составленномъ по этому поводу, предполагалось отдачей въ аренду этихъ земель покрыть не только уплату капитала и процентовъ, но и взносъ всѣхъ прямыхъ податей и земскихъ сборовъ, взимаемыхъ съ Новоузенскаго уѣзда. Проектъ этотъ, какъ мнѣ извѣстно, былъ одобренъ покойнымъ Государемъ Императоромъ, но не состоялся, главнымъ образомъ, вслѣдствіе оппозиціи губернскаго земскаго собранія, которое, какъ видно, не успѣло еще понять дѣйствительной своей обязанности. Въ самомъ дѣлѣ, если земскія учрежденія должны представлять собою органы самоуправленія и, какъ таковыя, должны войти въ составъ общаго государственнаго управленія въ качествѣ мѣстныхъ органовъ центральной власти, необходимость чего положительно была доказана всѣми органами нашей печати, то этимъ учрежденіямъ безспорно должно быть не только присвоено право, но на нихъ должна быть возложена обязанность завѣдывать государственными имуществами, состоящими въ губерніи, какъ дѣломъ чьего хозяйственнымъ, которое должно быть ведено по соображенію съ

мѣстными условіями, подлежащими переменѣмъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать законной регламентаціи, а слѣдовательно учету и контролю бюрократическаго центрального управленія. Передъ такимъ учетомъ и контролемъ распорядители государственнымъ имуществомъ могутъ всегда скрыть не только безпечность и нераспорядительность, но даже беспорядки и злоупотребленія, такъ какъ всякая регламентація хозяйственнаго дѣла даетъ возможность прикрывать все это бумажною перепиской. Доказательствомъ этого прямо служитъ неподвижность цифры дохода отъ оброчныхъ статей, между тѣмъ какъ за тотъ же періодъ времени арендная цѣна на земли частнаго владѣнія едва ли не утроилась.

Точно также и доходы отъ горныхъ заводовъ не представляютъ не только никакого возрастанія, но, напротивъ, указываютъ на его пониженіе, такъ какъ даже возвысившіеся въ послѣдніе два года доходы все-таки не достигаютъ цифры поступлений бывшихъ въ 1872 и 1873 годахъ. Министръ финансовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ объясняетъ предположеніе объ увеличеніи этого дохода новыми правилами 1881 года о подесятинной платѣ съ золотыхъ приисковъ измѣненіемъ правилъ взиманія пробырнаго сбора и увеличеніемъ частныхъ заказовъ на горныхъ заводахъ. Главный доходъ горныхъ заводовъ составляютъ заказы другихъ вѣдомствъ, а цифра расхода, назначеннаго на этотъ предметъ въ настоящей росписи, составляетъ 3.456.786 рублей. Изъ отчетовъ же государственнаго контроля видно, что наши горные заводы не успѣваютъ выполнять дѣлаемыхъ имъ правительственныхъ заказовъ и за послѣдніе два года изъ назначенныхъ по смѣтамъ работъ на 7.400.000 рублей они успѣли выполнить только на 4.200.000 руб., или по 2.100.000 рублей въ годъ. Поэтому нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы дѣятельность нашихъ заводовъ увеличилась, а прочіе доходы, причисляемые къ этой статьѣ, возросли настолько, чтобы дойти до цифры 5.704.326 рублей, внесенной въ смѣту. Имѣя въ виду, что за несодѣланные горными заводами заказы другихъ вѣдомствъ въ 1880 году въ счетъ доходовъ съ горныхъ заводовъ поступила сумма въ 2.621.561 руб., и вычитая эту сумму изъ доходовъ этого года, по настоящей статьѣ получится 1.927.184 рубля другихъ доходовъ, отнесенныхъ къ этой статьѣ. Между тѣмъ если изъ предположенной цифры доходовъ вычесть среднюю сумму исполненныхъ заводами заказовъ, то приходится допустить, что поступ-

леніе прочихъ доходовъ возрастетъ до 3.604.000 руб., или увеличится болѣе чѣмъ на 1.677.000 руб., т. е. на 87%, что положительно невозможно.

Наконецъ, предполагать постоянное возрастаніе и лѣсныхъ доходовъ едва ли основательно, тѣмъ болѣе, что они не представляли и прежде постоянного возрастанія и въ 1876 и 1877 годахъ значительно понижались. Возвышеніе ихъ въ послѣдніе три года послѣ войны можетъ быть отчасти объяснено временными и случайными причинами, которыя, какъ мнѣ кажется, повториться не могутъ и не должны. Я говорю о громадномъ количествѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе въ теченіе 1877 и 1878 годовъ, и вызванномъ имъ временномъ оживленіи промышленности, которая въ послѣдніе два года переходитъ къ застою. Весьма естественно, что это оживленіе вызвало спросъ и на лѣсные продукты и отразилось на возвышеніи казеннаго лѣснаго дохода, но на такое же возвышеніе въ будущемъ разсчитывать трудно. Очень можетъ быть, что лѣсной доходъ не упадетъ ниже цифры 1880 года; но чтобъ онъ возросъ до цифры 15.669.000 рублей, назначенной по росписи, ожидать нельзя.

Итакъ, оптимизмъ, господствующій въ государственной росписи за нынѣшній годъ, отразился и въ доходной смѣтѣ министерства государственныхъ имуществъ; но насколько этотъ оптимизмъ разоидется съ дѣйствительностію, покажетъ будущее и я объ этомъ конечно ничего сказать не могу.

Что касается послѣдней статьи разбираемой мною рубрики доходовъ, а именно отъ желѣзныхъ дорогъ, то сюда могутъ относиться доходы желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ правительству, доходъ отъ Николаевской дороги за уплатою 7.200.000 руб. на проценты по облигаціямъ, доходы отъ Варшавско-Вѣнской и Тереснопольской дорогъ, а также валовые сборы съ Ливенской и Харьковско-Николаевской дорогъ. Если эта статья дохода и возросла въ сравненіи съ прошлогоднею смѣтой болѣе чѣмъ на 5 1/2 милліоновъ рублей, то фактъ этотъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ это есть послѣдствіе включенія въ смѣту доходовъ Харьковско-Николаевской дороги, которая, какъ извѣстно, не приноситъ никакого чистаго дохода, а напротивъ, въ виду необходимости увеличивать ея провозоспособность, должна давать дефицитъ, что, повидимому, и послужило для ея акціонеровъ побудительною причиною передать ее въ вѣдѣніе правительства. По

поводу этой статьи доходовъ можно замѣтить только одно, что наиболѣе доходная изъ нашихъ дорогъ, Николаевская, передана акціонерамъ главнаго общества и даже *съ правомъ* тратить въ свою пользу доходы, слѣдующіе по финансовымъ условіямъ правительству. Я говорю: *съ правомъ*—на томъ основаніи, что совѣтъ главнаго общества пользуется этимъ правомъ уже 12 лѣтъ и, какъ самъ онъ признается, употребилъ до 25 милл. рублей казенныхъ денегъ на такіе расходы, которые онъ долженъ производить на счетъ той доли дохода, которая ему предоставлена: между тѣмъ его не только никто не остановилъ и не останавливаетъ при подобныхъ тратахъ, но, сознавая неправильность дѣйствій совѣта, никто не рѣшается передать вопросъ на разсмотрѣніе суда, который одинъ компетентенъ разрѣшить этотъ вопросъ окончательно. Назначаютъ какую-то ревизіонную комиссію, которая къ какому бы заключенію ни пришла, все-таки не подвинетъ ни на юту вопроса къ разрѣшенію. Положимъ; что комиссія придетъ къ тому заключенію, что совѣтъ главнаго общества не имѣлъ права такъ дѣйствовать и что административныя власти вполнѣ согласятся съ такимъ взглядомъ. Но потомъ что же будетъ? Вѣдь не можетъ же совѣтъ общества согласиться съ подобнымъ заключеніемъ и общее собраніе конечно не рѣшится на самоубійство.—Иначе нельзя назвать признаніе своихъ собственныхъ распоряженій въ теченіе цѣлыхъ 12 лѣтъ незаконными. И совѣтъ, и общее собраніе, конечно, будутъ утверждать до конца, что они имѣли право дѣлать то, что они дѣлали, и притомъ на виду у правительственныхъ лицъ. Спрашивается, что же будетъ далѣе и какъ администрація можетъ выйти изъ подобнаго положенія? Вѣдь нельзя же оставить дѣла безъ послѣдствій, когда администрація убѣдится, что общество дѣйствительно нарушило условія передачи дороги; нельзя также и лишить общество права пользованія дорогой по распоряженію административныхъ властей,—подобный образъ дѣйствій называется произволомъ. Стало-быть въ концѣ концовъ все же придется передать спорный вопросъ на разсмотрѣніе суда и, только заручившись его окончательнымъ опредѣленіемъ, можно начать дѣйствовать противъ главнаго общества. На этомъ основаніи, если въ административныхъ сферахъ возникъ вопросъ о незаконности дѣйствій главнаго общества, то прежде всего нужно предъявлять къ обществу искъ объ убыткахъ по этому поводу, оставляя за правительствомъ право впоследствии доказывать цифру этихъ

убытковъ въ порядкѣ исполнительнаго производства. По разрѣшеніи этого вопроса въ принципѣ судебною властію, всякая коммиссія, назначенная для опредѣленія цифры нанесеннаго казнѣ ущерба, приступила бы къ изслѣдованію дѣла съ развязанными руками, не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, какъ будетъ разрѣшенъ вопросъ впослѣдствіи, и не присвоивая себѣ никакого права разрѣшать тотъ или другой юридическій вопросъ въ томъ или другомъ направленіи, — права, котораго она, какъ органъ административной власти, не имѣетъ и имѣть не можетъ; она явилась бы въ этомъ дѣлѣ исполнительнымъ органомъ судебнаго рѣшенія. Кроме того администрація могла бы требовать отъ суда, чтобъ онъ принялъ мѣры къ огражденію казеннаго интереса въ будущемъ и къ обезпеченію иска казны, по крайней мѣрѣ, въ той суммѣ, которая можетъ быть выведена ко дню иска на основаніи отчетовъ общества. Въ виду тѣхъ основаній, которыя имѣетъ администрація къ предъявленію иска, судъ, конечно, не могъ бы отказать правительству въ учрежденіи особаго контроля за доходами и расходами главнаго общества и въ арестѣ его чистаго дохода не только по Николаевской дорогѣ, но и по другимъ дорогамъ общества. Принятіе подобныхъ мѣръ является тѣмъ болѣе необходимымъ, что изъ балансовъ общества положительно видно, что чистый доходъ Николаевской дороги за истекшій годъ никогда не находится къ 1-му января слѣдующаго года на-лицо въ кассахъ общества или на текущихъ счетахъ въ банкахъ, а затраченъ на разныя работы и поставки; уплата съ дивиденда акціонерамъ и правительству производится изъ доходовъ текущаго года и поэтому общество находится въ постоянномъ дефицитѣ на значительную сумму—около 8 милл. рублей.

Такимъ образомъ оказывается, что заднее дѣло у насъ идетъ напередъ и напрасно задерживаетъ рѣшеніе вопроса, а время уходитъ, главное общество пользуется тѣмъ временемъ, прикрывая свою несостоятельность доходами Николаевской дороги и раздувая доходы другихъ дорогъ на счетъ тѣхъ же доходовъ. Между тѣмъ г. Уайнсенсу, какъ главному акціонеру главнаго общества, дается полная возможность продать свои акціи русскимъ покупателямъ по дорогой цѣнѣ, тогда какъ онъ при выкупѣ дорогъ въ 1887 году не могутъ имѣть никакой цѣны. Подобное положеніе дѣла тѣмъ печальнѣе, что все это происходитъ при стѣсненномъ положеніи государственнаго назначейства, въ виду котораго наиболѣе необходимы для народа реформы отлагаются за не-

достаткомъ средствъ и изыскиваются новые предметы обложенія. Такъ у насъ относятся къ дорогѣ наиболѣе доходной.

А вотъ другой примѣръ нашихъ отношеній къ дорогамъ несостоятельнымъ. Харьковско-Николаевская дорога, акціи которой не были гарантированы, не приносила никакого чистаго дохода, общество не могло поддерживать дорогу въ порядѣ и исполнять условіе, принятое имъ по концессіи, а именно—увеличивать провозоспособность дороги въ мѣрѣ дѣйствительной надобности. Правительство при такихъ условіяхъ, въ качествѣ главнаго акціонера, могло бы просто взять дорогу въ свое вѣдѣніе, не входя ни въ какія соглашенія съ остальными акціонерами. Но, повидимому, интересы послѣднихъ взяли верхъ и имъ были выданы, вмѣсто негарантированныхъ акцій, акціи государственныхъ дорогъ, пользующіяся 5% гарантіей правительства. Только по заключеніи этой сдѣлки дорога поступила въ вѣдѣніе правительства. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ интересы государственнаго казначейства приносятся въ жертву интересамъ акціонеровъ. Эти два примѣра далеко не одиноки: тѣ же взгляды преобладали при дарованіи гарантіи Югозападнымъ дорогамъ, а также при выдачѣ обществу Саратовской дороги четырехпроцентныхъ облигацій взаменъ гарантированныхъ земствомъ акцій. Если же принять въ соображеніе не одну юридическую сторону вопроса, но и нравственную, то наши акціонеры, конечно, не заслуживали бы ни малѣйшаго снисхожденія, въ особенности владѣльцы негарантированныхъ акцій или пользующіеся ограниченою гарантіей, такъ какъ эти акціи, не представляя вовсе биржевыхъ цѣнностей, спокойно хранятся въ портфеляхъ строителей желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что наши желѣзные дороги строились исключительно на суммы облигаціоннаго капитала, безъ копѣйки взноса по акціямъ: это доказано мною въ другомъ мѣстѣ самымъ положительнымъ образомъ (см. издан. мною книгу: «Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи», 1881 года). На этомъ основаніи вниманіе нашей администраціи къ интересамъ гг. желѣзнодорожниковъ и опасенія, что эти интересы пострадаютъ, являются совершенно излишними и, если можно такъ выразиться, положительно неумѣстными. Въ виду этой нравственной точки зрѣнія не можетъ быть сомнѣнія, что наши административныя власти обязаны строго держаться тѣхъ юридическихъ правъ, которыя предоставлены имъ договоромъ, нисколько не ослабляя ихъ значенія въ видахъ снисходительно-

сти къ интересамъ частныхъ лицъ, какія бы послѣдствія ни возникли отсюда для этихъ лицъ. Всякое снисхожденіе и уступка могутъ быть допускаемы, при исполненіи извѣстныхъ условій, только въ такомъ случаѣ; когда существуетъ въ этомъ отношеніи взаимность. Но я утверждаю, что не было примѣра, чтобы желѣзнодорожные канцессіонеры или казенные подрядчики не воспользовались въ своихъ интересахъ всеми логическими послѣдствіями ошибки, промаха административныхъ властей или неясности редакціи договора; на какомъ же основаніи они могутъ претендовать на другой способъ отношенія къ ихъ интересамъ и чѣмъ можетъ быть оправдываемъ этотъ способъ дѣйствій, если только онъ допускается со стороны администраціи? Вотъ вопросъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе каждому мыслящему человѣку.

Мнѣ случалось иногда слышать и даже читать въ официальныхъ бумагахъ такое мнѣніе, что это необходимо въ видахъ поддержанія нашего кредита за границей, въ видахъ привлеченія заграничныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ вообще и къ желѣзнодорожному дѣлу въ особенности, и т. п. банальности. Прекрасно, — отвѣчаю я, — положимъ, такъ; но затѣмъ я позволю себѣ одинъ вопросъ: какія же послѣдствія произошли отъ подобной снисходительной политики? — Отвѣтъ на-лицо: пятидесятимилліонная приплата правительства по гарантіямъ желѣзнодорожнаго дохода и по недоимкамъ въ счетъ процентовъ съ облигаціоннаго капитала, съ прибавкою тѣхъ безурядицъ, которыя господствуютъ на нашихъ дорогахъ, и катастрофъ, вродѣ недавно совершившейся на Московско-Курской дорогѣ. Нельзя не согласиться, что излишній ежегодный расходъ въ пятьдесятъ милл. рублей отнюдь не можетъ вести къ благоустройству нашихъ финансовъ и къ поддержанію нашего кредита за границей, гдѣ капиталисты понимаютъ всю суть дѣла не хуже, а можетъ-быть и лучше нашего.

Перехожу къ разсмотрѣнію четвертаго отдѣла государственныхъ доходовъ, а именно — поступления разнаго рода. Хотя сумма этихъ доходовъ представляетъ довольно видную цифру въ нашемъ бюджетѣ, а именно 49.158.117 руб., но двѣ статьи изъ этихъ доходовъ: пособія государственному казначейству и доходы разнаго рода, составляющіе вмѣстѣ сумму болѣе чѣмъ въ 24 милл. рублей, не могутъ вызывать какихъ-либо особыхъ соображеній, на томъ основаніи, что первая статья поступаетъ въ опредѣленномъ разиѣрѣ, а вторая представляетъ очень разнород-

ныя и случайныя поступленія. Изъ числа остальныхъ доходовъ этой категоріи обращаютъ на себя вниманіе поступления на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ и возвратъ ссудъ, сдѣланныхъ государственнымъ казначействомъ. Что касается первой статьи, то она предположена въ 10.931.124 руб. и чрезвычайно рельефно рисуетъ картину нашего желѣзнодорожнаго дѣла и тѣхъ выгодъ, которыя намъ сулили отъ постройки рельсовыхъ путей. Сопоставляя эту цифру съ суммой, опредѣленной по той же росписи на уплату процентовъ по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ и доходящей до 51.924.728 руб., можно опредѣлить съ точностію, какой убытокъ несетъ государственное казначейство отъ одного неплатежа процентовъ по облигаціонному капиталу, не считая тѣхъ 13.704.000 руб., которые назначены на платежъ гарантированнаго обществамъ дохода. Мнѣ конечно возразятъ, что государство не можетъ смотрѣть такъ узко на свои интересы и если оно производитъ траты изъ своего бюджета, то это съ лихвой вознаграждается тѣми выгодами, которыя приносятъ желѣзные дороги частнымъ лицамъ. Такое возраженіе было бы совершенно основательно, еслибъ у насъ государственный бюджетъ оплачивался тѣми же лицами, которыя имѣютъ выгоду отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ. Но дѣло въ томъ, что у насъ оплачиваютъ бюджетъ одни, а выгоды получаютъ другіе, поэтому и результаты выходятъ вовсе не тѣ, которыхъ ожидали. Гражданное большинство бѣднѣетъ, а отдѣльныя личности наживаются. Даже производительная промышленность наша развивается очень туго, что бы ни представляла собою наша выставка. Шила въ мѣшкѣ не утаишь и обманывать себя нечего. Въ обыденной жизни у насъ нѣтъ такихъ произведеній ни по качеству, ни по цѣнѣ, какія представляются на выставкѣ: это—казовый конецъ, который готовится нарочно для этой цѣли, а потому и нѣтъ ничего мудренаго, что онъ и хорошъ, и дешевъ. Еслибы наша промышленность дѣйствительно была тѣмъ, какъ она представляется на выставкѣ, то какимъ образомъ можно объяснить требованіе нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ о постоянномъ повышеніи ввозныхъ пошлинъ? Наша обрабатывающая промышленность не можетъ развиваться, потому что мы, при нашей бѣдности капиталами, совершенно забыли, что желѣзные дороги составляютъ только средство для развитія промышленности, и притомъ далеко не главное, и стянули въ очень короткій періодъ времени къ этому дѣлу всѣ средства страны, такъ что на раз-

вите самаго производства у насъ не осталось ничего или очень мало. Статистика подтверждаетъ эти выводы очень краснорѣчивыми цифрами, изъ которыхъ прямо видно, что, несмотря на возрастаніе суммы производства, количество рабочихъ рукъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и сумма заработной платы или вообще не увеличивается, или возрастаетъ очень медленно, далеко не въ той пропорціи, въ какой увеличивается стоимость продуктовъ производства. Такимъ образомъ часть, приходящаяся на долю рабочаго изъ общей стоимости продуктовъ, становится меньше, а слѣдовательно уровень благосостоянія большинства населенія, относительно меньшинства, понижается. Въ этихъ замѣткахъ по поводу государственной росписи не мѣсто приводить данныя нашей промышленной статистики въ подтвержденіе этого вывода; желающіе же его повѣрить могутъ найти цифры въ любомъ статистическомъ трудѣ о нашей заводской и фабричной промышленности. Я имѣю въ виду доказать только то, что наши желѣзныя дороги, требующія такихъ громаднхъ жертвъ со стороны государственнаго бюджета, оплачиваемаго преимущественно рабочимъ классомъ, приносятъ выгоду только землевладѣльцамъ и торговцамъ, платящимъ въ государственный доходъ относительно ничтожныя суммы. Но мнѣ быть-можетъ замѣтятъ, что наши крестьяне должны быть причислены также къ землевладѣльцамъ, такъ какъ они располагаютъ количествомъ земли даже большимъ, чѣмъ отдѣльные собственники. Разница, однако-жь, состоитъ въ томъ, что крестьянинъ получаемый имъ хлѣбъ употребляетъ на собственное продовольствіе и что поэтому онъ нисколько не заинтересованъ въ томъ, возвышится или нѣтъ стоимость его надѣла или доходъ съ него. Всякое возвышеніе стоимости полевой собственности и ея доходности отразится на немъ невыгодно настолько, насколько надѣлъ его ограниченъ и насколько онъ будетъ поставленъ въ необходимость, въ видахъ пополненія средствъ продовольствія, или нанимать недостающее ему количество земли, или приобрѣтать хлѣбъ покупкою. На этомъ основаніи наши желѣзныя дороги отнюдь не содѣйствовали развитію благосостоянія въ массѣ населенія, а напротивъ понизили его уровень. Но этого мало: онѣ не могли также содѣйствовать и развитію нашей обрабатывающей промышленности, такъ какъ отвлекали отъ нея тѣ капиталы, которые могли служить къ ея развитію, тѣмъ болѣе, что съ усиленіемъ постройки желѣзныхъ дорогъ всегда совпадаетъ развитіе банковыхъ и биржевыхъ спе-

куляцій, которыя конечно притягиваютъ къ себѣ всѣ накопляемыя сбереженія и не имѣютъ никакой надобности содѣйствовать развитію промышленнаго производства. Это явленіе общезвѣстное и не требующее доказательствъ.

Другая статья этой категоріи доходовъ, на которую я обратилъ вниманіе читателя, это—возвратъ ссудъ, сдѣланныхъ изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства по разнымъ случаямъ. По росписи поступленіе такихъ доходовъ предположено въ 5.456.786 руб., почти на два милліона болѣе чѣмъ въ прошломъ году и на 2.346.000 руб. болѣе противъ дѣйствительнаго поступленія этого дохода въ 1880 году. Министръ финансовъ объясняетъ это предположеніе въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ «причитающемуся назнѣ уплатой въ 1.437.354 руб. долга, числящагося на проданныхъ Сергинско - Уфалейскихъ заводахъ, увеличеніемъ на 321.239 руб. ожидаемыхъ уплатъ отъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ по гарантіи чистаго дохода, а также по среднему выводу поступленія въ послѣднемъ трехлѣтніи сверхсрочныхъ взносовъ бывшихъ Государевыхъ, дворцовыхъ, удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ за данныя имъ въ надѣль земли». Изъ этого объясненія видно, что поступленія эти слагаются изъ уплатъ не только по долгамъ государственному казначейству, числящимся по книгамъ распорядительныхъ управленій, но и по ссудамъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, отпущеннымъ изъ общихъ доходовъ государства. Посмотримъ же, какъ великъ долгъ государственному казначейству, числящійся по этимъ счетамъ, въ уплату котораго предположено на нынѣшній годъ поступленіе не многимъ болѣе 5 милл. рублей. Къ 1880 году по счетамъ распорядительныхъ управленій, какъ значитъ въ приложеніи къ отчету государственнаго контроля за 1879 годъ, оставалось 59.437.223 р.; да за желѣзнодорожными обществами числилось по ссудамъ на уплату процентовъ по гарантіи 190.353.155 руб., по ссудамъ на окончаніе постройки дорогъ 68.357.706 р. и за уступленныя обществамъ запасы и матеріалы 3.346.829 рублей. Кромѣ того по счетамъ казначейства значитъ долговъ государственному казначейству 94.812.966 руб., изъ которыхъ значительная часть образовалась также изъ разныхъ разнообразныхъ выдачъ приблизительно на сумму около 20 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ общая сумма ссудъ, сдѣланныхъ государственнымъ казначействомъ, составляетъ болѣе чѣмъ 340 милл. руб. и въ уплату этой громадной суммы разсчитывается полу-

чить только 5 милл. руб. *), или около 1 $\frac{1}{2}$ ‰. Что же слѣдуетъ сказать въ виду этихъ цифръ? Причиной такого неуспѣшнаго поступленія можетъ быть одно изъ двухъ: или въ счетахъ нашихъ казначействъ и распорядительныхъ управленій остаются записанными такіе долги, которые безнадежны къ поступленію и, слѣдовательно, напрасно обременяютъ счетоводство распорядительныхъ управленій, министерства финансовъ и государственнаго контроля, или же положительное невниманіе къ успѣшному поступленію этихъ долговъ. Если даже исключить долги желѣзнодорожныхъ обществъ по гарантіи и на окончаніе постройки дорогъ на сумму 258 милл. руб., такъ какъ уплата этихъ долговъ обуславливается извѣстнымъ размѣромъ доходности дорогъ, то и тогда правильность сказаннаго мною будетъ не менѣе очевидна. Такъ, на примѣръ, въ 1879 году въ уплату по этимъ двумъ счетамъ поступила сумма въ 1.784.054 рубля (Отчетъ государ. контроля, стр. 68 и 69). За исключеніемъ этой суммы, вмѣстѣ съ суммой, указанной мною въ подстрочномъ примѣчаніи, изъ суммы, предположенной по смѣтѣ, получается 3.132.355 р. Но, въ виду приведеннаго выше объясненія министра финансовъ, въ которомъ указывается на особое поступленіе въ размѣрѣ 1.437.354 руб., необходимо заключить, что долгъ за продажу Сергинско-Уфалейскихъ заводовъ не числился въ прежнихъ счетахъ распорядительныхъ управленій и ожиданіе такого поступленія не входило въ смѣты прежнихъ лѣтъ. На этомъ основаніи въ уплату ссудъ, сдѣланныхъ государственнымъ казначействамъ въ 82 слѣшкомъ милліона рублей, ожидается всего 1.695.000 руб. Очевидно, что въ правильности и своевременности возврата ссудъ у насъ никто не заинтересованъ.

Говоря о долгахъ государственному казначейству, позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе о беспорядочности счетовъ кредитной канцеляріи, по которымъ, какъ извѣстно, составляются вѣдомости въ приложеніи къ отчету государственнаго контроля безъ провѣрки ихъ со счетами казначействъ, служащихъ основаніемъ для самаго отчета. Такъ за 1879 годъ по приложенію къ отчету, стр. 108 и 109, значится поступившихъ въ возвратъ по ссудамъ на гарантію дохода и на постройку дорогъ 1.586.874 руб. 92 коп.,

*) И даже менѣе этой суммы, такъ какъ досрочные платежи Государевыхъ, дворцовыхъ, удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ въ 1880 году поступили въ количествѣ 529.945 рублей (Отчетъ государственнаго контроля, стр. 70 и 71) и долги эти не входятъ въ указанные мною счета.

между тѣмъ какъ въ отчетѣ по смѣтѣ особенной канцеляріи по кредитной части, по § 1, ст. 2 п. *а* и *б*, поступило 1.784.054 руб. 88 коп., т. е. оказывается разница почти на 200.000 руб. Затѣмъ по счету недоимокъ процентовъ съ облигаціоннаго капитала по приложенію къ отчету, стр. 110 и 111, значитъ поступившихъ въ металлической валютѣ 2.771.336 руб. 64 коп.; между тѣмъ по отчету, стр. 70 и 71, отъ обществъ желѣзныхъ дорогъ открытыхъ для движенія, по § 2 ст. 2 пункта *а*, поступило кредитныхъ 9.702.882 руб. 85 коп.

Если въ самомъ счетоводствѣ замѣчается подобная небрежность, то конечно нечего говорить о какой-либо заботливости о дѣлѣ по существу, т. е. о наблюденіи за правильностію и своевременностію поступления суммъ. Но мнѣ странно, какъ государственный контроль, печатая свои отчеты во всеобщее свѣдѣніе, не замѣчаетъ той разницы, которая оказывается между его собственными счетами и тѣми вѣдомостями, которыя онъ получаетъ изъ кредитной канцеляріи. А замѣтить эту разницу, повидимому, не трудно.

Объ остальныхъ доходахъ этой категоріи я говорить не буду, какъ по незначительности ихъ, такъ и потому, что не желаю утомлять вниманіе читателя. Но о доходахъ Закавказскаго края считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ, потому что, несмотря на возрастаніе этихъ доходовъ, они далеко не покрываютъ расходовъ на содержаніе одного гражданскаго управленія края, помимо расходовъ военнаго вѣдомства, и это черезъ двадцать лѣтъ послѣ совершеннаго замиренія края. Такого примѣра мы не видимъ не только на окраинахъ другихъ европейскихъ государствъ, но даже въ отдѣльныхъ колоніяхъ. Вотъ таблица этихъ доходовъ за десять лѣтъ:

Годы.	Рубли.	Годы.	Рубли.
1871	5.241.702	1876	7.492.059
1872	5.831.554	1877	7.122.120
1873	5.828.306 *)	1878	8.754.250
1874	6.505.355	1879	8.765.158
1875	6.539.646	1880	7.953.725.

*) Въ отчетѣ государств. контроля за 1873 годъ этихъ доходовъ показано 8.803.333 руб.; но такъ какъ въ эту сумму включено единовременное поступленіе за переданные въ частныя руки нефтяные источники въ суммѣ 2.975.027 рублей, то я не счелъ возможнымъ причислять его въ сравнительной вѣдомости къ обыкновеннымъ и постояннымъ доходамъ.

Изъ этой таблицы видно, что доходы Закавказскаго края возрастали только до 1879 года. Въ этомъ же году они стали понижаться, такъ какъ къ суммѣ, показанной за этотъ годъ, отнесены доходы Батумской и Карской областей за 1878 годъ (Объяснит. зап. къ отчету госуд. контр., стр. 21), слѣдовательно доходы этого года въ дѣйствительности были ниже доходовъ 1878 года, а въ 1880 году они понизились на 861 тыс. рублей. Причины этого пониженія не есть временныя или случайныя, такъ какъ, объясняя ихъ, государственный контроль указываетъ на пониженіе податнаго сбора, вслѣдствіе выселенія мусульманъ изъ Батумской и Карской областей, а также на пониженіе таможеннаго и питейнаго дохода, и недоборъ въ пособіи казнѣ изъ суммъ земскаго сбора. Такое общее пониженіе всѣхъ главныхъ статей дохода не можетъ зависѣть отъ причинъ временныхъ, а указываетъ на серьезное пониженіе уровня общаго благосостоянія края. Это мнѣніе, повидимому, раздѣляетъ какъ мѣстная администрація, такъ и центральное финансовое управленіе, потому что въ слѣдующіе два года они вовсе не увлекались значительнымъ возрастаніемъ доходовъ въ 1878 и 1879 годахъ и внесли въ смѣты на слѣдующіе два года умѣренные цифры, а именно: на 1881 годъ—7.182.934 р., а на 1882 г.—7.334.548 рублей. Такимъ образомъ сумма ожидаемаго дохода, несмотря на присоединеніе къ краю двухъ областей съ приморскимъ портомъ, производившимъ значительную торговлю, не только не увеличилась въ сравненіи съ 1876 годомъ, но сокращалась. Такое предположеніе смѣты, по всей вѣроятности, будетъ совпадать съ дѣйствительностью, такъ какъ усиленное поступленіе доходовъ въ 1878 и 1879 годахъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться нормальнымъ и есть слѣдствіе громадныхъ тратъ правительства въ незначительномъ районѣ Закавказскаго края въ военное время. Само собой разумѣется, что въ виду этихъ тратъ количество денежныхъ знаковъ сильно возросло на рынкѣ этой мѣстности и должно было необходимо явиться въ избыткѣ во всѣхъ каналахъ денежнаго обращенія, а въ томъ числѣ и въ кассахъ государственнаго казначейства. Но избытокъ денежныхъ знаковъ конечно долженъ былъ отхлынуть съ теченіемъ времени къ тѣмъ центрамъ нашего отечества, гдѣ болѣе развита промышленная и биржевая операція, оставивъ послѣ себя только пертурбацію, произведенную въ край всеобщимъ возрастаніемъ цѣнъ на предметы потребленія, то-есть понизивъ уровень благосостоянія всѣхъ

классовъ общества, что конечно и должно было выразиться уменьше-
ниемъ даже прежней доходности государства, несмотря на при-
соединеніе двухъ провинцій. Но къ этому необходимо еще при-
соединить и тѣ порядки, которые мы установили въ новопрі-
обрѣтенныхъ мѣстностяхъ, о которыхъ такъ много писали мѣст-
ные корреспонденты и отъ которыхъ жители переселяются въ
Турцію.

Впрочемъ къ подробностямъ смѣты доходовъ Закавказскаго
края я буду имѣть случай возвратиться въ концѣ разсмотрѣнія
государственной росписи, такъ какъ смѣта доходовъ и расходовъ
этого края составляетъ отдѣльно отъ общей смѣты. При раз-
смотрѣніи же подробностей расходной смѣты быть-можетъ полу-
чатся данныя, которыя разъяснятъ не только причины упадка
нѣкоторыхъ статей дохода, но и вообще ненормальнаго финан-
соваго положенія края.

Этимъ я оканчиваю разсмотрѣніе смѣты доходовъ на 1882
годъ и въ заключеніе считаю необходимымъ резюмировать сдѣ-
ланныя мною замѣчанія и выводы. Общая сумма государствен-
наго дохода предположена въ 654 милліона рублей, и хотя она
превышаетъ поступившую въ 1880 году всего на 3 милл. руб.,
но, какъ видѣлъ читатель, мною представлены довольно вѣсскія
соображенія, что она не лишена преувеличеній по многимъ стать-
ямъ. Дѣло въ томъ, что 1880 годъ несъ на себѣ еще въ зна-
чительной степени послѣдствія громаднаго выпуска кредитныхъ
билетовъ, сдѣланнаго въ теченіе 1877 и 1878 годовъ, вслѣд-
ствіе котораго были переполнены всѣ каналы денежнаго обра-
щенія, а въ томъ числѣ и кассы государственнаго казначества.
Но это переполненіе уже и въ томъ году стало собираться,
что и выразилось въ уменьшеніи доходовъ противъ 1879 года
почти на 11 милліон. рублей. Въ теченіе же настоящаго года, съ
возвышеніемъ цѣнъ на всѣ предметы потребленія и во всѣхъ
мѣстностяхъ нашего отечества, налоги въ прежнихъ размѣрахъ
обложенія должны бы возвратиться къ нормальному своему по-
ложенію, т. е. къ тому, въ которомъ они находились въ 1876
году. Но такъ какъ въ послѣдніе годы нѣкоторые налоги воз-
вышены и установлены новые, то, по всей вѣроятности, общая
сумма доходовъ не упадетъ настолько, чтобы сравняться съ ука-
заннымъ годомъ. Во всякомъ же случаѣ можно положительно ут-
верждать, что всѣ эти надбавки къ прежнимъ налогамъ и вве-

деніе новыхъ являются такими ничтожными палліативами, которые не въ состояніи будутъ пополнить недоборы, вслѣдствіе наденія цѣнности кредитнаго рубля и вздорожанія всѣхъ предметовъ потребленія, т. е. вслѣдствіе оскудѣнія того класса русскаго населенія, который несетъ на себѣ центръ тяжести нашего бюджета, такъ какъ его заработокъ или вовсе не увеличился, или увеличился далеко не въ той степени, какъ возросла стоимость удовлетворенія его безусловно необходимыхъ потребностей.

Такой выводъ имѣетъ за себя тѣмъ болѣе основаній, что надбавки, на которыя наиболѣе можетъ разчитывать наше финансовое вѣдомство, обращаются на прежнихъ плательщиковъ и притомъ наименѣ состоятельныхъ изъ всѣхъ классовъ общества. Сюда относится надбавка акциза на вино. Подобная мѣра если и дастъ излишній доходъ въ первый годъ (въ виду того обстоятельства, что заводчики будутъ продолжать винокурение въ прежнихъ размѣрахъ и, слѣдовательно, обязаны будутъ оплатить прежнее количество градусовъ), но понизитъ доходъ въ слѣдующихъ годахъ, на томъ простомъ основаніи, что возвышеніе налога на предметы потребленія необходимо ведетъ къ сокращенію ихъ потребленія, и притомъ въ большей пропорціи, чѣмъ послѣдовало возвышеніе, въ виду того обстоятельства, что всякій налогъ возвышаетъ стоимость предмета болѣе, чѣмъ на сумму налога. Такимъ образомъ подобную надбавку я считаю только проживаніемъ будущихъ доходовъ, получая ихъ впередъ изъ оборотнаго капитала страны, и безъ того ими бѣдной. Что бы вы сказали, читатель, еслибъ узнали, что такой-то хозяинъ продастъ урожай будущихъ лѣтъ для удовлетворенія своихъ житейскихъ потребностей текущаго года? То же можно сказать и о прибавкѣ акциза на вино, и безъ того настолько высокаго, что подобнаго примѣра нѣтъ ни въ одномъ государствѣ. Еще съ большимъ основаніемъ можно указать на бесполезность возвышенія нормы обложенія въ таможенномъ доходѣ, — возвышенія, предпринимаемаго въ видахъ увеличенія государственнаго дохода. При покровительственномъ и охранительномъ характерѣ таможеннаго тарифа возвышеніе нормы обложенія всегда даетъ не увеличеніе, а уменьшеніе дохода. Это показалъ даже нашъ собственный опытъ въ 1881-мъ году. Съ уничтоженіемъ налога на соль, наше финансовое вѣдомство предположило пополнить этотъ недоборъ возвышеніемъ тарифа на 10%; въ результатѣ же ока-

залось, что доходъ 1881 года не только не увеличился, но понизился на 20% противъ предыдущаго года. Такъ всегда бываетъ съ тѣми мѣрами, которыя не соотвѣтствуютъ общепринятымъ положеніямъ финансовой науки. При установленіи новыхъ налоговъ мы также не избѣгли ошибокъ, хотя и въ другомъ родѣ, но имѣвшихъ въ результатѣ тоже не совсѣмъ благопріятныя послѣдствія. Я говорю о налогѣ на пассажировъ и товары большой скорости. Если мы возьмемъ прогрессъ этихъ доходовъ на желѣзныхъ дорогахъ до установленія новаго налога и предположимъ, что они могли возрасти, по меньшей мѣрѣ, въ той же прогрессіи, то увидимъ, что разница между дѣйствительнымъ ихъ поступленіемъ и тѣмъ, которое было возможно при сдѣланномъ предположеніи, поглощаетъ большую половину дохода; а такъ какъ возрастаніе этихъ доходовъ съ развитіемъ движенія должно было въ послѣдствіи увеличиваться быстрѣе, чѣмъ прежде, то можно допустить, что эта разница долеко оставитъ за собою цифру приносимаго налогомъ дохода. Я не имѣю въ настоящее время готовыхъ цифръ для подтвержденія этого положенія, но, по нѣкоторымъ дорогамъ, съ отчетностію которыхъ я имѣлъ случай познакомиться подробно, цифры приводятъ именно къ такому заключенію. А такъ какъ наши желѣзныя дороги существуютъ на счетъ правительственныхъ гарантій и субсидій, то всякій недоборъ въ ихъ доходахъ отражается на приплатѣ правительства, и очень не далеко то время, когда эта прибавка приплатѣ будетъ поглощать всю сумму государственнаго налога, который даже въ лучшемъ случаѣ будетъ играть только ту роль, что будетъ напрасно возвышать цифру доходнаго и расходнаго бюджета.

Нѣтъ, такими полумѣрами нельзя поправить нашего финансового положенія: ими только затягивается крѣпче тотъ узелъ, развязка котораго предстоитъ въ будущемъ, и сдѣлается тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше мы потеряемъ драгоцѣннаго времени въ погонѣ замазать какъ-нибудь оказывающіяся трещины въ нашемъ финансовомъ зданіи, не прибѣгая къ радикальнымъ реформамъ. Не мало, кажется, подаетъ намъ исторія примѣровъ подобныхъ неудавшихся попытокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что реформа, желательная для всѣхъ въ извѣстный моментъ, можетъ предотвратить много бѣдствій; но, будучи отсрочена, становится недостаточною и не можетъ вызвать тѣхъ спасительныхъ послѣдствій, которыхъ можно было ожидать отъ нея прежде. Наша печать давно уже твердитъ, что намъ необходимо перестроить

казенныя начала нашего бюджета введеніемъ подоходнаго налога въ размѣрахъ, которые дали бы возможность разомъ уничтожить всѣ виды подушной подати и покрыть существующій дефицитъ, — не тотъ дефицитъ, который показанъ въ текущей росписи, а дѣйствительный. Я говорю это на томъ основаніи, что ни одинъ человѣкъ, знакомый съ исторіей европейскихъ финансовъ, не можетъ допустить, чтобы государство, безъ особенныхъ радикальныхъ реформъ, въ одинъ годъ могло перейти отъ дефицита слишкомъ въ 80 милл. руб. къ дефициту въ 3¹/₂ милл. руб. Такія чудеса въ практической жизни не совершаются: даже при радикальномъ преобразованіи нашего бюджета послѣдствія могутъ оказаться не вдругъ, тѣмъ болѣе, что они въ значительной степени будутъ зависеть отъ болѣе производительнаго употребленія государственныхъ средствъ. Но главное, что должно быть положено въ основу нашей финансовой политики, это — совершенное прекращеніе поддержки и поощренія крупной промышленности и торговли, изъ которыхъ первая вноситъ физическій и нравственный маразмъ въ среду нашего рабочаго класса *), со всѣми угрожающими его послѣдствіями для государственнаго организма, а другая создаетъ кулаковъ и міроѣдовъ, при посредствѣ которыхъ крупныя капиталы опораживаютъ крестьянскіе карманы отъ заронившихся туда копѣекъ и рублей и заставляютъ нашъ бѣдный людъ сплошь и рядомъ замѣнять хлѣбъ лебедой или подобными суррогатами. Необходимо создать такой порядокъ вещей, который прекратилъ бы возможность размноженія этихъ мелкихъ насосовъ, выкачивающихъ народныя средства въ большія цистерны, доступныя только нѣкоторымъ избраннымъ.

Но этого мало. Зло настолько проникло уже въ жизнь, что одно воздержаніе отъ покровительства крупному капиталистическому производству не спасетъ народа отъ угрожающей ему будущности: самъ по себѣ онъ не въ состояніи вести борьбу противъ знанія и капитала, для котораго такъ много сдѣлано нашимъ законодательствомъ. Теперь наступилъ моментъ, когда необходимо оказать дѣятельное содѣйствіе самостоятельному труду рабочаго класса рядомъ мѣропріятій, способныхъ уменьшить для

*) При этомъ я позволяю себѣ обратить вниманіе на труды гг. Эрисмана и Погожева, изданныя московскою земскою управой, или по крайней мѣрѣ на статью г. Абрамова, въ мартѣ и апрѣлѣ *Отечественныхъ Записокъ* за настоящій годъ. Въ виду указанныхъ въ этихъ трудахъ фактовъ мое выраженіе обижается слишкомъ блѣднымъ.

него значеніе двухъ перспективъ, открывающихся передъ нимъ: или голодать, или запродавать свой трудъ задолго впередъ. Въ числу такихъ мѣропріятій, помимо облегченій податныхъ тягостей и увеличенія крестьянскихъ надѣловъ, я отношу широкое развитіе народнаго кредита подъ круговою отвѣтственностію артелей, въ видахъ поощренія самостоятельному, но отнюдь не наемному производству всякаго рода. Только такая политика можетъ предохранить насъ отъ кризиса, который если и наступаетъ, то еще не разразился вполне. Мнѣ остается пожелать, чтобы наши руководители не потеряли напрасно остающагося имъ впереди времени. А времени этого немного!

А. Головачевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Новый портретъ В. Г. Бѣлинскаго.

До сихъ поръ не было сходнаго портрета *В. Г. Бѣлинскаго*. По какой-то странной случайности послѣ него не осталось даже дагерротипа. Въ публикѣ обращается, въ фотографическихъ снимкахъ, безобразнѣйшая передѣлка литографіи художника Горбунова. Последняя тоже не отличается сходствомъ, а только напоминаетъ Бѣлинскаго и теперь стала большою рѣдкостью. Съ покойнаго была снята маска, но болѣзнь и смерть такъ измѣнили его черты, что онъ по ней почти неузнаваемъ. Довольно удачный (конечно, я имѣю въ виду одно лишь сходство) бюстъ Бѣлинскаго сдѣланъ профессоромъ Ге гораздо позднѣе, въ шестидесятихъ годахъ, по этой маскѣ и по указаніямъ друзей покойнаго.

При помощи такихъ-то скудныхъ данныхъ, а также воспоминаній и разсказовъ нѣсколькихъ оставшихся еще въ живыхъ друзей и знакомыхъ Бѣлинскаго, задумалъ возсоздать его образъ и московскій художникъ И. А. Астафьевъ. Я видѣлъ выполненный имъ рисунокъ въ подлинникъ и въ фототипическомъ снимкѣ и, какъ бывшій ученикъ и другъ покойнаго, могу засвидѣтельствовать, что дорогія его черты переданы съ большою вѣрностью и очень живо его напоминаютъ. Рисунокъ И. А. Астафьева, по сходству, далеко оставляетъ за собою все, что мнѣ случалось до сихъ поръ видѣть, не исключая и бюста профес. Ге.

Нельзя довольно благодарить г. Астафьева за трудъ, который, какъ пойметъ всякій, дался ему не легко и не вдругъ. исполнилъ онъ его какъ разъ во-время. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и не станутъ современниковъ Бѣлинскаго, а съ ними замрутъ и устныя преданія, безъ которыхъ едва ли было бы возможно сохранить для будущаго времени живой образъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русской культуры во второй четверти девятнадцатаго вѣка.

К. Кавелинъ.

Май 1881 г.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Вокругъ свѣта. Сорокъ шесть тысячъ верстъ по морю и сушѣ. Путевыя впечатлѣнія. К. Скальковскаго. Сиб. 1881 г.

Какъ извѣстно, общество добровольнаго флота рѣшило установить торговыя сношенія между портами черноморскими и Восточной Сибири, Китая, Японіи. Съ этою цѣлью въ 1880 году оно послало въ Тихій океанъ свой пароходъ «Москва».

Г. Скальковскій, авторъ названной книжки, вздумалъ предпринять путешествіе на этомъ пароходѣ съ цѣлью изслѣдовать русскую торговлю въ Тихомъ океанѣ. Во время путешествія онъ писалъ корреспонденціи въ одну изъ петербургскихъ газетъ и, вернувшись, собралъ ихъ въ отдѣльную книжку и издалъ подъ названіемъ: «Вокругъ свѣта».

Данное названіе объясняется слѣдующимъ маршрутомъ автора: въ Тихій океанъ онъ выѣхалъ изъ Одесскаго порта черезъ Константинополь, Архипелагъ, Суэзскій каналъ, Красное море, Индійскій океанъ, Сингапуръ, во Владивостокъ. Побывавши въ Нанкинѣ, Шанхаѣ и Японіи, онъ направился въ обратный путь черезъ Америку.

Автору, разужьется, пришлось видѣть,—еслибы даже онъ и не особенно объ этомъ старался,—много любопытнаго, заслуживающаго занесенія въ записную книжку. Но надо замѣтить, что онъ не особенно разборчивъ на записи, нерѣдко вноситъ массу давно извѣстнаго, знакомаго, а часто и совсѣмъ безинтереснаго. Наприм., стоянка парохода въ Одесскомъ портѣ, да и вообще сообщенія объ Одессѣ, которую авторъ именуется «въ полномъ смыслѣ слова» *раемъ для мужиковъ* (стр. 3).

Корреспонденціи становятся несравненно интереснѣе, когда авторъ очутился въ Китаѣ. Здѣсь онъ, хотя слегка, даетъ нѣкоторое понятіе о жизни посѣщаемыхъ имъ народовъ, останавливается на любопытной дѣятельности католическихъ миссіонеровъ и рассказываетъ, что они свою ревность къ христіанству доводятъ иногда до смѣшнаго. Желая во что бы то ни стало сильнѣй распространить между китайцами христіанское

въресповѣданіе, миссіонеры прибѣгаютъ къ воровству китайскихъ дѣтей, крестятъ ихъ и воспитываютъ подъ особымъ надзоромъ. Съ послѣднемъ цѣлью у нихъ основано общество «De la sainte enfance». Чтобы ближе подойти къ китайцамъ и сильнѣй расположить ихъ въ свою пользу, католическіе миссіонеры подлаживаются къ нимъ даже во внѣшности—въ головной причесѣ. Въ Китаѣ можно видѣть католическихъ священниковъ съ косами и шапочками на головѣ. Мало этого: можно видѣть на иконахъ Иисуса Христа «въ китайскомъ костюмѣ съ косою на затылкѣ» (стр. 65).

Тѣ изъ своеобразныхъ китайскихъ обычаевъ, которые рѣзко бросаются въ глаза европейцу, авторъ не проходитъ молчаніемъ и обращаетъ на нихъ вниманіе читателя. Онъ рассказываетъ, что на улицахъ въ Китаѣ ходятъ джентльмены и предлагаютъ прохожимъ свои услуги стричь ногти и чистить уши. Для той и другой операціи существуетъ множество инструментовъ, да и самая операція обыкновенно совершается съ особою тщательностью и обстоятельностью.

Но всего интереснѣе рассказъ о собираніи и приготовленіи чая. Сборъ чая начинается съ ранней весны и продолжается вплоть до осени. Самымъ лучшимъ чаемъ считается чай ранняго сбора, худшимъ—осенній. Сложенный въ кучи, чайный листъ начинаетъ бродить, затѣмъ чернѣетъ и сохнетъ подъ вліяніемъ жаркихъ лучей солнца и, разумеется, свертывается. Тѣ же листья, которые по чему-либо не свернулись, «свертываютъ пальцами ногъ». Въ такомъ видѣ чай идетъ на фабрики. Здѣсь его поджариваютъ на жаровняхъ, затѣмъ просѣиваютъ и отбираютъ отъ него черешки и испорченные листочки. На фабрикахъ этимъ дѣломъ заняты женщины и дѣти. Затѣмъ уже его укладываютъ въ ящики, устланные свинцомъ. Чтобы больше помѣстить въ ящикъ, китайцы, совсѣмъ раздѣтые, уминаютъ чай голыми ногами, причемъ, какъ говоритъ авторъ, совершенно обливаются потомъ.

Изъ подробнаго описанія чайной операціи видно, что положеніе женщины на китайской чайной фабрикѣ крайне плачевно. Особыхъ помѣщеній для рабочихъ,—какъ, наприм., наши фабричныя каморки, замѣняющія спальни, — на китайскихъ фабрикахъ совсѣмъ нѣтъ, потому грудныя и вообще малолѣтнія дѣти вертятся тутъ же возлѣ матери, въ мастерской. Ея вниманіе отъ дѣла безпрестанно отвлекается, да и ребенокъ отъ этого не особенно выигрываетъ: мать руками разбираетъ чай, ногой раскачиваетъ люльку, а языкомъ даетъ нагоняй то тому, то другому изъ своихъ малолѣтнихъ. Отъ отсутствія особыхъ помѣщеній для фабричныхъ всего болѣе страдаетъ чистота приготовленія чая. Нерѣдко маленькія дѣти, зарывшись тутъ же въ чайные листья, спятъ крѣпкимъ сномъ. За неимѣніемъ особыхъ столовыхъ, обѣдать рабочимъ приходится тутъ же среди чайныхъ листьевъ, съ которыми обычно смѣшиваются и попадаютъ въ общую кучу остатка обѣда.

Изъ Ханькоу — главнаго центра чайной торговли китайцевъ съ русскими — авторъ уводитъ читателя въ Шанхай, гдѣ живетъ очень много англичамъ, гдѣ существуетъ клубъ съ газетами, биллиардомъ, разными играми, завтракомъ, обѣдами изъ нѣсколькихъ блюдъ. За все это удовольствие членъ платитъ всего какихъ-нибудь четыре доллара въ мѣсяцъ. Эта дешевизна, какъ оказалось потомъ, объясняется слѣдующимъ секретомъ. У входа устроенъ налѣво кабачокъ, или bar, гдѣ всегда застанешь нѣсколько членовъ, попивающихъ, стоя у прилавка, изъ длинныхъ стакановъ, въ которые жидкость наливается для приличія на два-три пальца отъ донышка. Это спасительное учрежденіе даетъ клубу чистаго барыша болѣе сорока тысячъ рублей въ годъ и дозволяетъ покрывать убытки по всѣмъ другимъ статьямъ бюджета (стр. 72).

Въ Шанхаѣ, кромѣ клуба, интересна также, по своему убійственному однообразію жизни, тамошняя тюрьма. Смотритель съ утра до вечера заставляетъ арестантовъ безустанно совершать такую работу, которая въ результатъ, кромѣ усталости, ничего не даетъ. Напримѣръ, онъ заставляетъ арестанта непрерывно переносить съ одного мѣста на другое двухпудовую гиру: «Неси туда!» «Неси сюда!» и т. д. безъ конца.

Одинъ изъ нашихъ матросовъ, просидѣвши въ этой тюрьмѣ три дня, по выходѣ оттуда вотъ съ какими словами обратился къ своему начальнику: «Лучше вы меня, ваше благородіе, въ другой разъ, если провинюсь, совсѣмъ убейте, только не посылайте къ этимъ проглатымъ англичанамъ» (84 стр.).

Но оставимъ Китай и посмотримъ, что говоритъ авторъ объ Японіи. Здѣсь больше всего его поражаетъ утонченная деликатность и честность, которая, по его словамъ, господствуетъ среди торговцевъ. «Не только въ лавкѣ, но и въ трактирѣ, — говоритъ авторъ, — японецъ часто не хочетъ отъ васъ взять всѣхъ слѣдующихъ ему денегъ изъ деликатности, — ему кажется почему-то, что онъ запросилъ слишкомъ дорого» (92 стр.).

Намъ же кажется, еслибъ у японца было дѣйствительно такое сознание, то не лучше ли бы, вмѣсто этой церемоніи — отказа принять всѣ слѣдующія деньги, въ самомъ дѣлѣ брать дешевле, т.-е. прямо назначать меньшую плату, а не отказываться отъ нея уже тогда, когда приходится получать? Послѣднее, должно-быть, есть одинъ изъ приемовъ установившейся церемоніи, одинъ изъ обычаевъ вѣжливости въ родѣ «здоровствуйте», или пожатія руки при встрѣчѣ и т. п.

Не менѣе курьезны оказываются, по описанію автора, и постройки японцевъ. Всѣ стѣны ихъ домовъ сдѣланы изъ картона, перегородки — изъ бумаги, такъ что разрушить, снести съ лица земли японское жилище не представляетъ затрудненія даже для малосильнаго. Вотъ одинъ изъ характерныхъ анекдотовъ для знакомства съ легкостью японскихъ построекъ. Случилось это съ нашей артисткой Леоновой въ Йогагамѣ. При

спускъ съ горы артистка не могла удержаться и полетѣла съ довольно большою скоростью. На пути поперекъ спуска ей встрѣтился японскій домъ, и она «пролетѣла черезъ перегородки по гладкимъ, какъ паркетъ, циновкамъ, обыкновенно выстилающимъ японскія комнаты, и вылетѣла черезъ другую стѣну, повредивъ себѣ лицо» (стр. 103).

Изъ приведенныхъ мѣстъ читатель достаточно видитъ, что въ книгѣ г. Скальковскаго попадаются любопытныя сообщенія о восточныхъ народахъ, которые въ настоящее время интересуютъ Европу. Что же касается до его описанія путешествія черезъ Америку, то эта часть книги совсѣмъ безынтересна. Объ Америкѣ писали такъ много, такъ обстоятельно, иногда такъ хорошо, что послѣ этого замѣтки автора объ этой части свѣта только утомляютъ.

Разумѣется, и при имѣющемъ знакомствѣ съ заатлантическою страной еще очень и очень можно заинтересовать русскую публику разсказами объ американцахъ, только, конечно, не проѣзжему туристу, набрасывающему свѣдѣнія вскользь, и главное—не г. Скальковскому. Почему не ему?—Да потому, что онъ больше привыкъ къ писанію торговыхъ трактатовъ и не обладаетъ совсѣмъ способностью наблюдать жизнь и еще меньше—живо изображать ее. Если первая половина его путешествія до отъѣзда въ Америку и названа нами не лишеною интереса, то единственно въ силу мало распространенныхъ у насъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ. Когда же сила интереса должна была нѣсколько стать въ зависимость отъ умѣнья изображать, отъ искуснаго пера, то тутъ г. Скальковскій съ своей казенной, сухою манерой писать оказывается совсѣмъ безынтересенъ и просто скученъ. У него не только нигдѣ не встрѣчается живаго изображенія жизни, а напротивъ есть такія мѣста, гдѣ при всемъ желаніи оказывается полная невозможность добраться до смысла. Пусть самъ читатель рѣшитъ, что авторъ хотѣлъ сказать хотя бы въ слѣдующемъ мѣстѣ: «Привозятъ изъ-за границы по возможности все, и здѣшніе лучшіе магазины—маленькіе базары, гдѣ продаются въ той же комнатѣ и гвозди, и кнуты, и конфеты, и дамскія шляпки» (стр. 38). Вотъ и все. За симъ слѣдуетъ точка и дальше идетъ совсѣмъ о другомъ.—Что хотѣлъ авторъ этимъ сказать—Богъ его вѣдаетъ. А у него бываютъ и такія формы: «За то и заплачутъ они очень скоро за неосторожное стремленіе водворить у себя крупную промышленность...» (стр. 121). Заплачутъ или заплачутъ—что на самомъ дѣлѣ хотѣлъ сказать авторъ въ данномъ случаѣ?

Мы не останавливаемся на тенденціозной сторонѣ книги г. Скальковскаго, такъ какъ описаніе жизни японцевъ и китайцевъ можетъ быть интересно само по себѣ, независимо отъ тенденціи автора, какова бы она ни была. Но для знакомства съ ея характеромъ достаточно будетъ сказать, что авторъ возставалъ противъ жителей Востока, когда они высказывались за необходимость высшаго женскаго образованія, и для подтвержденія своего мнѣнія указывалъ на «опытъ Петербурга»(!).

Авторъ, разумеется, сдѣлалъ бы несравненно лучше, еслибы, вмѣсто своихъ разсужденій о томъ, что совсѣмъ не касается описанія, постарался получше издать приложенныя къ книгѣ картинны и связать ихъ какъ-нибудь съ текстомъ. А то своею неожиданностью и безобразіемъ онѣ еще непріятнѣе поражаютъ читателя, чѣмъ вышеприведенныя бессмысленныя мѣста текста и разсужденія автора.

Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ. 1805—1850 гг.
А. Бяляева. Сиб. Изданіе А. С. Суворина. 1882 г.

Мы не разъ высказывали, что автобіографическія записи, хотя бы даже простаго смертнаго, но только непремѣнно много пережившаго и много передумавшаго человѣка должны быть и поучительны, и интересны. Въ сожалѣнію, старость весьма рѣдко оглядывается на прожитое прошлое съ тѣмъ, чтобы дать чистосердечную повѣсть о немъ слѣдующему поколѣнію. Въ большинствѣ случаевъ охота къ такому предпріятію отбивается мыслью, что говорить о себѣ, о своемъ пережитомъ, занимать собою можетъ только выдающаяся личность, чѣмъ-нибудь выдѣлившаяся изъ толпы. Но исключительныхъ людей немного, и обычно ихъ жизнь бываетъ поглощена ихъ исключительнымъ призваніемъ, а смерть выхватываетъ ихъ какъ разъ тогда, когда они всего менѣе рассчитываютъ на ея посѣщеніе. Не хватаетъ у нихъ времени на записи прожитаго, некогда бываетъ разобраться въ своей душѣ, некогда анализировать. На это можетъ хватить времени у людей менѣе занятыхъ, у людей толпы. А они-то и не осмѣливаются интересовать собою читателя, забывая при этомъ, что тутъ интересъ будетъ не въ личности, а въ ея внутренней, нелической жизни, въ тѣхъ комбинаціяхъ, которыя складывались на ея пути, въ отношеніи къ этимъ комбинаціямъ и т. д.

Прочитавъ недавно въ спискѣ нововышедшихъ книгъ заглавіе книги А. Бяляева: «Воспоминаніе декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ», естественно мы должны были порадоваться ея появленію. «Пережитое и перечувствованное» — именно вотъ этого и надо, думалось намъ. Пусть это пережитое и перечувствованное кажется автору ничтожнымъ; лишь бы онъ только подробно проводилъ психологическій анализъ своей душевной жизни, лишь бы только былъ искрененъ, остальное все приложится само собой, еслибы даже онъ не обладалъ никакимъ талантомъ. Искренность и неподдѣльно, безъ приправъ, изображенная длинная жизнь въ состояніи возбудить сильный интересъ въ каждомъ читателѣ.

Вотъ поэтому мы совершенно согласились съ авторомъ, когда онъ говорилъ въ предисловіи, что воспоминанія его, «хотя и ничтожнаго человѣка, могутъ показаться не безъинтересными для людей мыслящихъ и любознательныхъ», такъ какъ онъ, авторъ, долго жилъ, много видѣлъ, много испыталъ, «много размышлялъ о проходившихъ передъ его глазами необыденныхъ явленіяхъ, уже ставшихъ исторіей» (стр. 1).

Но это согласіе съ авторомъ насчетъ интереса его воспоминанія не пошло далѣе того, пока мы вѣрили ему на слово, пока вѣрили, что онъ «много размышлялъ о проходившихъ передъ его глазами необыденныхъ явленіяхъ». Совсѣмъ иныя мысли замелькали у насъ въ головѣ, какъ только намъ пришлось на самомъ дѣлѣ столкнуться съ его размышленіями «о мелькавшихъ передъ нимъ событіяхъ». Авторъ «о пережитомъ и перечувствованномъ» совѣстится названія «декабристы» и отказывается отъ своего прошлаго.

Но если мы оставимъ въ сторонѣ размышленія автора на эту тему, то даже и фактическая сторона воспоминаній—«много видѣнное», «много испытанное»—не возбуждаетъ въ читателѣ интереса, такъ какъ больше сводится на хронологическія записи событій, на самую безынтересную характеристику лицъ и на изліяніе чувствъ въ духѣ Карамзина, въ родѣ того, чѣмъ полны «Письма русскаго путешественника».

Авторъ сперва рассказываетъ о своихъ родителяхъ, расхваливая до небесъ и «папашеньку», и «мамашеньку», обладавшихъ всѣми добродѣтелями и ни единымъ недостаткомъ. Когда умеръ отецъ, авторъ былъ еще малъ, и его взяла къ себѣ на воспитаніе молодая чета кн. Долгорукихъ. Сперва онъ жилъ въ княжеской семьѣ, окруженный удобствами, потомъ его отдали въ корпусъ. По окончаніи курса онъ поступилъ въ морскую службу, совершилъ нѣсколько путешествій на кораблѣ. Ему предстояло еще одно дальнее путешествіе, но событія 14 декабря задѣли и его.

Главное участіе автора въ этой исторіи будетъ понятно изъ слѣдующихъ словъ:

«Когда Каховскій, испытывая рѣшимость офицеровъ, между прочимъ сказалъ:

— Можно и отложить возстаніе до болѣе благоприятнаго времени.

То въ безумномъ энтузіазмѣ я сказалъ ему:

— Нѣтъ, лучше не откладывать, если имѣются люди могущіе вести временное правленіе; другаго такого случая можетъ-быть и не будетъ.

— Въ такомъ случаѣ, — отвѣчалъ онъ, — станемъ дѣйствовать.

Такимъ образомъ рѣшено было дѣйствовать.

Если же я сказалъ бы: «да, конечно, лучше отложить дѣйствіе» — и предложимъ бы это другимъ, то — кто знаетъ? — можетъ-быть оно и не случилось бы и не было бы пролито столько крови!» (стр. 169).

Почти годъ онъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, а также и его братъ, потомъ выѣстъ съ другими былъ сосланъ въ Сибирь... Далѣе идетъ описаніе жизни въ Сибири, — описаніе болѣе или менѣе уже давно извѣстное, — о томъ, какъ декабристы занимались разными мастерствами, помогали другъ другу, читали лекціи и т. д. Эту часть воспоминаній можно назвать интересной, хотя факты, сообщаемые ею, уже не новы. Здѣсь авторъ съ особеннымъ сочувствіемъ говоритъ о чудныхъ женщинахъ, ко-

торыхъ не забудеть исторія: о Трубецкой, Волконской и др. Мы приведемъ это мѣсто:

«Кто, кромѣ всемогущаго Мздовоздателя, можетъ достойно воздать вамъ, чудныя, ангело-подобныя существа? Слава и красота вашего пола! Слава страны, васъ произростившей! Слава мужей, удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности, такихъ чудныхъ идеальныхъ женъ! Вы стали по-истинѣ образцомъ самоотверженія, мужества, твердости при всей юности, нѣжности и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши!» (стр. 216).

Видно, что г. Бѣляевъ несомнѣнно искренно высказываетъ свою благодарность этимъ незабвеннымъ героинямъ, но его манера благодарить какъ-то ужасно напыщенна и сильно напоминаетъ торжественный тонъ гимна, молитвы...

Съ каторги авторъ былъ переведенъ на поселеніе, а оттуда, благодаря ходатайству князя Долгорукаго, переведенъ въ солдаты на Кавказъ, гдѣ участвовалъ въ походѣ противъ чеченцевъ, воевалъ съ Шамилемъ, затѣмъ получилъ отставку и вернулся на родину.

Вотъ общій ходъ разсказа, который, благодаря разнымъ мелкимъ, иногда вовсе безынтереснымъ подробностямъ, растянулся на 500 страницъ. Подробности встрѣчаются такія ничтожныя и мелкія, какъ, напримѣръ: когда авторъ пріобщался, когда былъ у обѣдни, кто былъ его духовникомъ, какой былъ духовникъ—блондинъ или брюнетъ, высокій или низенькій и т. д.,—однимъ словомъ, такія подробности, какія возможны только при хранящихся записяхъ. Всякое лицо, какое ему встрѣчается на жизненномъ пути, онъ заноситъ въ свои воспоминанія, дѣлая ему самую безынтересную для читателя, чисто внѣшнюю, характеристику, и затѣмъ оставляетъ его въ сторонѣ съ тѣмъ, чтобы больше не встрѣчаться.

Вотъ образецъ его обычной характеристики:

«Густавъ Густавовичъ Аминовъ былъ высокій, стройный, тонкій или скорѣй худощавый человекъ съ правильными чертами красиваго лица, большими усами и добрыми голубыми глазами» (стр. 473).

Какое дѣло читателю знать ростъ, цвѣтъ волосъ, глазъ, толщину цѣлой сотни лицъ, которыхъ передъ нимъ проведутъ черезъ станицу съ тѣмъ, чтобы никогда больше къ нимъ не возвращаться? Для читателя важна не внѣшность, не форма, а жизнь внутренняя, скрытая отъ постороннихъ глазъ, жизнь человека... Ея-то авторъ и не даетъ, если не принимать за внутреннюю жизнь его сентиментальныя изліянія или ниже-слѣдующія разсужденія о порѣ дѣтства:

«Какая чудная пора въ жизни человека вообще, не разбирая бѣднаго и богатаго, развитаго и простаго, цивилизованнаго и дикаго! Въ смыслѣ физическаго развитія организма, это только ростокъ или почка цвѣтка, не имѣеть еще ни кра соты, ни благоуханія... Всмотриваясь въ эти глаза, черные или голубые, свѣтящіеся умомъ, какая полная и совершенная

красота, какое полное развитие! Кто же может сказать, в какой момент перед выходом из ложа матери вставлен этот глаз в полномъ совершенствѣ?...»

Познакомившись по этому небольшому клочку съ манерой автора разсуждать, читатель, надѣмая, не пожелаетъ больше такихъ разсужденій и готовъ будетъ въ крайнемъ случаѣ лучше ограничиться знакомствомъ съ фактами. Вѣдь, авторъ самъ говорилъ, что ему пришлось многое видѣть, что у него запасъ прошлаго большой... Но тѣмъ не менѣе вполне интересныхъ въ какомъ бы то ни было отношеніи разсказовъ изъ прошлаго г. Бѣляева выловить удастся весьма немного. Вотъ не безынтересна сказка о солдатѣ, которая характеризуетъ солдатскую службу того времени.

Солдатъ, чтобъ избавиться отъ своей тяжелой службы, нанялъ за себя чорта, обѣщавши, въ уплату за услугу, отдать ему свою душу. Но оказалось, что солдатская служба съ палками и розгами пришлась не по дѣлу даже самому чорту, и онъ бросилъ ранецъ, ружье, сумку и киверъ къ ногамъ солдата и отказался отъ его души, «только бы самому освободиться отъ службы» *) (стр. 160).

Не безынтересенъ также разговоръ офицера о радугѣ, характеризующій полное невѣжество офицеровъ того времени.

«Между разговорами, зная, что я прежде служилъ въ морской службѣ,—говоритъ авторъ,—онъ разспрашивалъ меня о морѣ, и когда я разсказывалъ ему о монхъ плаваніяхъ океаномъ, онъ вдругъ спрашиваетъ меня: «скажите, пожалуйста, Александръ Петровичъ, какъ вы на морѣ избавляетесь отъ радуги?» Не понимая, что онъ хотѣлъ сказать: «Какъ отъ радуги?»—«Да, вѣдь, радуга всасываетъ воду, а если попадетъ подъ нее корабль, то она, вѣдь, можетъ всосать его вмѣстѣ съ водой».—Тутъ только я понялъ вопросъ и объяснилъ ему, что такое радуга» (стр. 278).

Вотъ почти и всѣ любопытные разсказы, если упомянуть еще о кражѣ невѣсты, о куреніи табаку въ Минусинскѣ и сообщеніе о существовавшихъ въ то время въ Сибири цѣнахъ на землю, когда можно было пахатную и сѣнокосную брать въ аренду по 5 коп. за десятину (стр. 330).

Теперь не трудно читателю понять, съ какого рода «Воспоминаніями» онъ имѣетъ дѣло. Почти вся книга представляетъ повтореніе уже известнаго и затѣмъ каталогъ лицъ съ ихъ наружными примѣтами, въ родѣ тѣхъ, что отмѣчаются въ паспортахъ.

Прибавимъ къ сказанному, что мы крайне были рады, когда могли закрыть книгу съ тѣмъ, чтобы больше ея не раскрывать.

*) Сказка записана со словъ солдата.

О вліаніи направленія знанія на состояніе умовъ. *Ипполита Панаева*. С.-Пб. 1882 года.

Какъ бы ни абсурдна казалась съ перваго раза новая нарождающаяся мысль, она въ наше время непрямѣнно обратитъ на себя вниманіе, и если не привлечетъ поклонниковъ, то во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ пойметъ, не породитъ и противниковъ (разумеется, мы говоримъ о лучшей части нашего общества). Такъ страстно относится наше время къ отысканію истины; оно ищетъ и не пугается, не закрываетъ глазъ изъ-за боязни новаго. Но за то горе тѣмъ отсталымъ писателямъ, которые, стремясь къ истинѣ, и притомъ не менѣе искренно, идутъ для отысканія ея по тѣмъ дорожкамъ, которыя уже давно оказались несостоятельными. Горе имъ! Они наводятся по отношенію къ обществу въ положеніи алхимиковъ, отыскивающихъ философскій камень. Общество безнадежно машетъ рукой въ ихъ сторону и равнодушно проходитъ мимо. Они оскорбляются равнодушіемъ и толкуютъ его по-своему. Обычно у нихъ одно объясненіе въ подобныхъ случаяхъ: «въ равнодушіи къ нимъ виновато ложное направленіе вѣка».

Въ числу такихъ ревностныхъ искателей истины, напоминающихъ по направленію своего труда и его результатамъ древнихъ алхимиковъ, принадлежитъ Ипполитъ Панаевъ. Онъ занятъ «путями рациональной философіи», напоминающими отыскиваніе философскаго камня. Онъ думаетъ, пишетъ, издастъ съ цѣлью вызвать подтвержденіе или отрицаніе своихъ тезисовъ—и... встрѣчаетъ въ отвѣтъ «равнодушное молчаніе!» «Но тщетно,—говорятъ онъ,—я съ своими книгами ожидаю наступленія этой полемики. Въ нѣкоторыхъ журналахъ скажутъ, правда, нѣчто о содержаніи книги, но о положеніяхъ, въ нихъ приводимыхъ, нитя не начинается и рѣчи» (стр. 156).

Бѣдный авторъ! Несмотря на всю безнадежность своего положенія—когда-нибудь дождатся полемики, онъ неутомимо продолжаетъ писать, поддерживая себя мыслью о пользѣ отъ такого труда какъ для всего человѣчества, такъ и для собственнаго усовершенствованія въ частности, и, не понимая своего донкихотства, продолжаетъ работу.

Видно, что авторъ пережилъ свое время и не сумѣлъ ни понять, ни приспособиться къ новому. Положеніе крайне печальное! Его принадлежность къ «вѣкамъ минувшимъ» высказывается какъ въ сути самой книги, такъ и въ языкѣ, которымъ онъ напоминаетъ благовоспитанное общество стараго времени, когда по-русски писали болѣе на иностранномъ языкѣ, когда находили, что у насъ нѣтъ словъ для передачи «сенсовъ», «детерминаціи», и т. п. А если когда и пробовали на русскомъ языкѣ говорить по-русски, то выходило не болѣе понятно, такъ какъ на сцену тотчасъ являлись слова, въ родѣ «сочетовывая», и т. д.

Съ горя, что книгъ г. Панаева никто не читаетъ, онъ самъ перечитываетъ свои произведенія, дѣлаетъ изъ нихъ выписки—иногда большія,

огромныя—въ нѣсколько страницъ. Оказывается, что усерднѣ всѣхъ читаетъ себя онъ самъ. И въ будущемъ придется писать, конечно, опять только для самого себя.

Мы не входимъ въ разсмотрѣніе содержанія этой брошюры, такъ какъ оно стоитъ внѣ критики, какъ и фантазія отыскиванія философскаго камня. Здѣсь говорится обо всемъ, сдѣлано много выписокъ изъ разныхъ нововышедшихъ книгъ, много возраженій; есть признаніе за Гоголемъ великаго мыслителя, а послѣдній періодъ жизни и литературы этого писателя приводится въ примѣръ, которому должны слѣдовать люди. Въ особенности восхваляется Гоголь за подвигъ сожженія второй части «Мертвыхъ душъ», причемъ этотъ поступокъ порождаетъ въ авторѣ слѣдующія надежды: «Но вспомнимъ, что и уже одинъ преподанный Гоголемъ примѣръ (это сожженіе-то «Мертвыхъ душъ!») долженъ въ концѣ концовъ не сегодня, такъ завтра принести пользу немалую, и принести ее не одному русскому, но и всему человѣческому обществу» (стр. 77).

Думаемъ, что приведенной выписки достаточно для характеристики безсмысленнаго содержанія всей книжки.

Крестыанскій вопросъ. Исслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. *К. Д. Кавелина.* С.-Пб. 1882 года.

Въ нашей литературѣ есть нѣсколько почтенныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя интересамъ народа. Ихъ имена не допускаютъ никакого сомнѣнія въ искренности ихъ стремленій. Потому все, что говорятъ эти люди, заслуживаетъ общаго вниманія и подробнаго знакомства.

Къ числу такихъ именъ честныхъ дѣятелей принадлежить и уважаемое имя К. Д. Кавелина.

Въ своей книжкѣ: «Крестыанскій вопросъ»—онъ задается цѣлью свести итогъ всему, что дала наша современная литература по части экономической, умственной и нравственной жизни нашего крестьянства. На провѣрку оказывается, что положеніе народа, разсматриваемаго со всѣхъ этихъ трехъ сторонъ, въ данное время хуже, чѣмъ не удовлетворительно. И потому г. Кавелинъ останавливается на причинахъ, породившихъ такое положеніе, или, лучше, указываетъ средства отъ такого «горя-злосчастія», которое грозитъ въ будущемъ неминуемою бѣдой, разъ не будетъ принято мѣръ къ выходу изъ настоящаго положенія.

Читатель скажетъ: все это мы слышали чуть не сто разъ и все это наконецъ начинается до невозможности надоѣдать. Больному ужасно надоѣдаетъ принимать лѣкарства, и тѣмъ не менѣе для того, чтобы выздоровѣть, принимать лѣкарства оказывается необходимо. Такъ и въ данномъ случаѣ: если выслушивали рѣчи о подобныхъ вопросахъ сто разъ, а дѣло еще не двинулось впередъ, то приходится выслушать и сто первый, и сто

второй, и т. д., до тѣхъ поръ, пока что-нибудь выйдетъ изъ этихъ рѣчей. Всякому дѣлу необходимо должно предшествовать слово.

Итакъ, будемъ слушать старыя рѣчи!

Всѣмъ извѣстно, каково въ настоящее время экономическое положеніе крестьянъ: недонки и голодуха съ каждымъ годомъ увеличиваются. Крестьянинъ при первой возможности охотно сдаетъ свой надѣлъ на руки міру и уходитъ въ отхожіе промыслы. Оказывается, земля не тянетъ къ себѣ, сидѣть возлѣ нея становится все тяжелѣе и тяжелѣе. Отчего?—Мало земли, и она въ большинствѣ случаевъ не въ силахъ оплатить налоги.

Потому авторъ предлагаетъ слѣдующія мѣры—для избѣжанія указанного положенія: «оказать крестьянамъ со стороны государства пособие на приобрѣтеніе того количества земли, какого имъ теперь не достаетъ до высшаго размѣра по «Положенію 19 февраля 1861 года» и по числу ревизскихъ душъ» (стр. 53).

Второй способъ — дозволить свободно крестьянамъ переселяться изъ густо-населенныхъ мѣстъ въ малонаселенные завоеванные края. Эта мѣра весьма выгодна будетъ для правительства, какъ самое лучшее средство закрѣпленія и обрусенія новой мѣстности. Но для того, чтобы крестьянину не приходилось, какъ зачастую приходится теперь, пропутешествовать въ отдаленный край, напримѣръ, изъ Полтавской губерніи въ Сибирь, въ надеждѣ встрѣтить тамъ тѣ-то и тѣ-то блага, и затѣмъ по совершеніи такого великаго подвига ошибиться во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ,— для избѣжанія этого авторъ требуетъ, чтобы правительство руководило переселенцевъ, руководило ихъ черезъ свѣдущихъ людей, которые давали бы желающимъ переселяться необходимыя свѣдѣнія, указывало бы маршрутъ, направляло и т. д.

Весьма долго останавливается авторъ на существующемъ землевладѣніи, рѣшительно высказывается за форму общиннаго владѣнія, которая одна можетъ спасти наше крестьянство отъ положенія пролетарія, въ какомъ очутился, напримѣръ, низшій классъ на Западѣ, гдѣ крупныя капиталы забрали земли въ свою собственность. «Положеніе 19 февраля» не усматривало въ будущемъ готовящейся гибели, потому и допустило нарушение общиннаго землевладѣнія.

Г. Кавелинъ упорно настаиваетъ на сохраненіе общиннаго владѣнія землею съ допущеніемъ условій, которыя бы не препятствовали усовершенствованію земледѣлія. По его мнѣнію, эти условія явятся тогда, когда «земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ», будутъ признаны «за неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельскихъ обществъ и предоставлять членамъ обществъ лишь права наследственнаго владѣнія и пользованія этою землею безъ права ее закладывать или какимъ-либо образомъ отчуждать на правахъ собственности» (стр. 80).

Указывая на цѣлый рядъ способовъ, какими можно поднять экономическое положеніе народа, которое съ каждымъ годомъ становится все

плачевнѣе, авторъ предупреждаетъ, что всѣ эти мѣры только тогда будутъ имѣть значеніе, когда будетъ поднятъ нравственный и умственный уровень крестьянъ; когда вопросъ: «необходимо ли народу просвѣщеніе» — не будетъ больше вопросомъ, а будетъ всеміи признанъ, какъ рѣшеніе въ смыслѣ неизбѣжнаго пути, какимъ должна идти Россія къ тому, чтобы сослужить свою историческую роль въ ряду другихъ европейскихъ государствъ.

Для достиженія этого авторъ указываетъ на болѣе удобныя въ настоящее время средства, когда молодежь и большинство лучшаго общества охвачены самой искреннею любовью къ народу. Необходимо, — говоритъ онъ, — воспользоваться такимъ направленіемъ и состояніемъ общества, чтобы дать народу именно то, чего у него недостаетъ послѣ крѣпостнаго права, а именно — честныхъ, любящихъ его руководителей и охранителей, которыхъ во времена крѣпостничества они имѣли въ лицѣ лучшихъ изъ помѣщиковъ. Послѣ паденія крѣпостнаго права помѣщики не только отъ него отошли, а сдѣлались его врагами и отдали его, непривычнаго, неразвитаго, съ дѣтскимъ взглядомъ на жизнь и на міръ, — отдали въ руки стаимъ вороновъ и воронятъ, которые отовсюду слетѣлись его клеветать. И теперь стоитъ онъ беззащитный и неумѣлый въ общественной жизни, словно ребенокъ, но менѣе ребенка гарантированный отъ внѣшнихъ грозныхъ вліяній, — съ ребенка не требуютъ, напримѣръ, знанія законовъ и условій жизни, тогда какъ крестьянинъ за все это незнаніе призывается къ отвѣту. Ну, и выходить, что отъ такого положенія ему тяжело, тяжело не въ моготу.

Необходимо облегчить его, если не ради него, то ради насъ самихъ, — говоритъ г. Кавелинъ, — ради всего общества, ради самого государства, которое, разумѣется, живетъ народомъ и сильно имъ: бѣденъ народъ — бѣдно и государство.

Кромѣ указанныхъ мѣръ г. Кавелинъ требуетъ для народа и умственныхъ удовольствій — читаленъ, библиотекъ. Онъ также, какъ и баронъ Корфъ, видитъ въ послѣднихъ одно изъ лѣкарствъ противъ многихъ золъ.

Желая, чтобы сказанное имъ какъ можно больше распространилось, г. Кавелинъ не ограничился напечатаніемъ своихъ статей по крестьянскому вопросу въ *Вѣстникъ Европы*, а издалъ ихъ отдѣльною книжкою, приложивъ въ концѣ свой отвѣтъ на возраженіе *Рижской Газеты*, а въ началѣ — предисловіе, писанное, впрочемъ, еще въ январѣ прошлаго года.

Европейскіе писатели и мыслители. IV — *Вольтеръ* и Екатерина II. Изданіе В. В. Чуйко. Сиб. 1882.

На этотъ разъ г. Чуйко нѣсколько отступаетъ отъ начертанной имъ программы выпусковъ «Европейскихъ писателей и мыслителей». Книжка «Вольтеръ» представляетъ значительно большій объемъ, чѣмъ первые три

выпуска. Но главные измѣненія не въ этомъ. Наконецъ, издатель самъ создалъ бесполезность хрестоматическихъ изданій, какими вышли «Свифтъ», «Боккаччіо», «Ренанъ». Для того, чтобы хотя нѣсколько познакомить съ французскимъ мыслителемъ XVIII вѣка, г. Чуйко находитъ необходимымъ дать нѣчто цѣльное изъ произведеній Вольтера. Омъ намѣревается, кромѣ даннаго выпуска, занятаго перепиской Вольтера съ Екатериной II, посвятить этому философу еще четыре книги, изъ которыхъ въ первую должны войти—«Сказки», во-вторую—философскія статьи («Dictionnaire philosophique»), въ третью—отрывки изъ историческихъ сочиненій, въ четвертую—памфлеты и публицистическія статьи.

Мы не сочувствуемъ въ этой программѣ только отрывкамъ изъ исторій, которые издатель обѣщаетъ дать въ третьемъ выпускѣ. Отчего, вмѣсто отрывковъ, не дать чего-нибудь цѣльнаго? Это было бы несравненно интереснѣе для читателя, да наконецъ несравненно пріятнѣе имѣть что-нибудь цѣльное изъ произведеній этого мыслителя, чѣмъ хрестоматическіе отрывки его сочиненій.

Мы съ большимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ обѣщаніе издателя дать полную біографію Вольтера, написанную Кандареэ, и посвятить ей цѣлый выпускъ. Это будетъ много цѣлесообразнѣе, чѣмъ приглядывать жалкія «нѣчто», которыя г. Чуйко именуетъ «критико-біографическими статьями». Мы уже говорили о несостоятельности этихъ статей и даже высказывали пожеланія, чтобы издатель не приглядывалъ ихъ къ своимъ выпускамъ, такъ какъ онѣ не только не даютъ никакого намека на личность издаваемого автора, а обладаютъ способностью сквернѣе спутывать читателя.

При четвертомъ выпускѣ: «Вольтеръ и Екатерина II»—нѣтъ совсѣмъ «критико-біографической статьи», за что слѣшимъ выразить издателю нашу благодарность и высказать пожеланіе, чтобы эта благодарность осталась за нимъ и при изданіи слѣдующихъ выпусковъ «Европейскихъ писателей и мыслителей».

Данный томикъ содержитъ исключительно переписку Вольтера съ Екатериной II, начиная съ 1765 года и кончая 1777—годомъ смерти французскаго писателя.

Переводъ переписки сдѣланъ, по словамъ г. Чуйко, съ самаго полнаго изданія Вольтера, изданія Гошета (1876 г.). Но, несмотря на сравнительную полноту этого изданія, все же оказывается, что многія изъ писемъ Вольтера, а также и императрицы Екатерины не вошли въ него, т.-е. многія изъ нихъ до сихъ поръ не напечатаны. Этотъ пробѣлъ весьма сильно ощущается во время чтенія интересной переписки обоихъ великихъ корреспондентовъ.

Императрица Екатерина не пропускала случая, чтобы не подѣлиться съ своимъ фернейскимъ обожателемъ хотя бы малѣйшимъ успѣхомъ въ своей политической жизни; она извѣщала его о каждомъ новомъ шагѣ, своего

войска, когда вела борьбу съ турками, о каждом новомъ предпріятіи по части внутренняго благоустройства. Всякая новая инструкція, всякая новая бумага, исходящая изъ-подъ ея пера, переводилась по ея приказу на французскій языкъ и отсылалась фернейскому отшельнику. Ему первому дѣлались на Западѣ извѣстны тѣ изъ ея поступковъ, за которые она считывала на славу у европейцевъ. Въ каждомъ письмѣ она дѣлилась съ нимъ своими подвигами, какъ бы красуясь ими. Только рѣдко приходилось ей похвалиться передъ французскимъ писателемъ какимъ-нибудь русскимъ произведеніемъ литературы. Но и тутъ она пользовалась случаемъ—хвалилась произведеніями Сумарокова и, снисходя къ просьбѣ Вольтера, разъ даже переслала ему двѣ трагедіи, переведенныя по-французски. Къ несчастію, въ письмахъ Вольтера не встрѣчается отзыва объ этихъ произведеніяхъ русскаго «генія».

Екатерина не искала у Вольтера поддержки или совѣта,—пѣтъ, напротивъ, ей пріятно было красоваться передъ французскимъ мыслителемъ, получать отъ него похвалы, какъ отъ дорогаго, любимаго, европейскаго таланта. Всего только разъ въ одномъ письмѣ мы встрѣчаемъ ея обращеніе за совѣтомъ: она спрашиваетъ у него, что дать институтамъ для представленія на домашнемъ театрѣ, какія изъ французскихъ пьесъ, въ которыхъ бы дѣло не вертѣлось исключительно на любви? Вольтеръ взялъ на себя трудъ выбрать пьесы и сдѣлать въ нихъ надлежація измѣненія и сокращенія. Исполнилъ ли онъ это обѣщаніе, изъ писемъ не видать.

Всѣ письма Екатерины дышатъ чувствомъ глубокаго уваженія къ Вольтеру; говоря съ нимъ, она не рѣдко забывала о своемъ царскомъ санѣ. Сколько искренняго чувства проглядываетъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ отрывкѣ ея письма, отъ 22-го октября 1774 года: «Не знаю, будете ли вы меня также сильно бранить за то, что я съ 14-лѣтняго своего возраста всегда сообразовалась съ этимъ установленнымъ обычаемъ. (Дѣло идетъ о цѣлованіи руки у священниковъ.) Во всякомъ случаѣ я не одна заслужила таки это. Еслибъ вы пріѣхали сюда и сдѣлались бы священникомъ, я попросила бы у васъ благословенія, и когда вы дали бы его мнѣ, я *отъ всего сердца процрѣловала бы ту руку, которая написала столько прекрасныхъ вещей и столько полезныхъ книгъ*» (стр. 230—231).

Но не всегда императрица бывала такъ искренна съ своимъ любимцемъ. Случалось, что она утаивала, ради славы Россіи, отъ фернейскаго отшельника настоящую правду. Такъ, когда Вольтеру очень хотѣлось знать, справедливы ли ходившіе во Франціи слухи насчетъ московской чумы, она писала ему, что въ Москвѣ нѣтъ чумы и не было, а что тамъ свирѣпствуетъ только лихорадка и т. д. Съ несравненно большей искренностью сообщала она обо всемъ, что могло возвысить ее самое, ея народъ и ея государство. Она въ своихъ письмахъ не унижала ни Россіи, ни русскихъ, и не разъ говорила о превосходствѣ и богатствѣ русскаго

языка передъ французскимъ, защищала русскіе обычаи, оправдывала русскихъ отъ напрасныхъ нареканій, сложившихся на Западѣ и доходившихъ до ушей фернейскаго отшельника.

А иногда, съ цѣлью сложить хорошую славу о своемъ государствѣ и возбудить къ нему удивленіе, вотъ какъ рисовала она положеніе народа въ Россіи:

«Надо вамъ замѣтить сверхъ того, что вообще наши повинности столь малы, что въ Россіи нѣтъ крестьянина, который бы не ѣлъ курицы, когда это ему угодно, а съ нѣкотораго времени въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они стали даже предпочитать курицамъ индюшекъ» (стр. 34).

Отвѣтныя письма Вольтера представляютъ образецъ игривости. Въ нихъ не замѣтно и тѣни намѣренія вліять на императрицу, на ея взгляды и образъ мыслей. Онъ ей сильно кадитъ и этимъ заставляетъ ее хотѣть быть лучше. Онъ постоянно въ своихъ письмахъ выставляетъ ее настолько передовою женщиной, что передъ ней и подвластной ей страной Французы, напримѣръ, оказываются варварами, и безпрестанно разсыпаетъ ей комплименты, расхваливаетъ, признаетъ совершенствомъ. Все это выражается у него такъ своеобразно, какъ можетъ быть своеобразенъ гениальный человѣкъ. Слогъ его въ письмахъ отличается замѣчательною картинностью и мѣстами просто неподражаемъ. Мы вырвемъ нѣсколько ключковъ изъ его писемъ:

«Два вашихъ драгоценныхъ камня,—пишетъ онъ отъ 2-го сентября 1769 года,—Азовъ и Таганрогъ, выпавшіе изъ короны Петра Великаго, послужатъ наилучшимъ украшеніемъ вашего вѣнца, и, какъ я полагаю, Мустафѣ никогда не удастся испортить ихъ въ вашемъ головномъ уборѣ» (стр. 38).

Отъ 16-го марта 1770 года:

«Мнѣ остается просить васъ еще объ одной милости, а именно: поторопитесь окончить эти двѣ великія работы (т.-е. сводъ законовъ и войну съ турками), чтобъ я имѣлъ удовольствіе сообщить о нихъ Петру Великому, которому я думаю скоро представиться на томъ свѣтѣ» (стр. 55).

Отъ 9-го августа 1774 года:

«Государыня, положительно я лишился милостей при вашемъ дворѣ. Ваше императорское величество промѣняли меня или на Дидро, или на Гримма, или на какого-нибудь другаго фаворита; къ моей старости у васъ нѣтъ ни малѣйшаго вниманія. Пусть бы еще ваше величество были французской кокеткой, но какимъ образомъ могла сдѣлаться непостоянною государыня — побѣдительница и законодательница?»

«Ради васъ я перессорился со всѣми турками и даже съ самимъ маркизомъ Пугачевымъ, и за все это въ награду получилъ отъ васъ только забвеніе. Такъ вотъ же за то: отнынѣ я перестаю любить государыню» (стр. 224).

Но нѣкоторыя его письма до того игривы и остроумны, что дѣлать изъ нихъ выписки клочками—значить ихъ портить. Пусть лучше читатель прочтетъ ихъ всѣ въ четвертомъ выпускѣ изданія г. Чуйко.

Этотъ выпускъ, впрочемъ, тоже не безъ недостатковъ. Какъ на одинъ изъ нихъ, мы укажемъ на непрактичное размѣщеніе писемъ, которое раздробляетъ вниманіе читателя и не оставляетъ по себѣ никакой цѣльности. Отчего бы издателю не растасовать письма такъ, чтобъ отвѣтныя слѣдовали непосредственно за тѣми, въ отвѣтъ на которыя были написаны? А то не рѣдко только—что успѣешь заинтересоваться однимъ вопросомъ, какъ, не получивъ на него отвѣта, замелькають уже другіе, и только тогда, когда успѣешь позабыть первое, вдругъ натываешься на такія рѣчи, которыя служатъ отвѣтомъ на одно изъ давно преслѣдовавшихся писемъ. И такіе неприятные сюрпризы преслѣдуютъ читателя во всей книгѣ.

Другой недостатокъ касается чисто-стилистической стороны перевода: она не вездѣ безукоризненна. Встрѣчаются, напримѣръ, такія мѣста: «Я даже не почувствовала потомъ ни малѣйшаго чувства» (стр. 1). Или: «Маленькій графъ Шуваловъ, вернувшись на родину, передалъ мнѣ то участіе, съ которымъ вы такъ любезно» и т. д. (стр. 13).

А въ слѣдующемъ мѣстѣ положительно трудно понять, что сказано въ оригиналѣ: «Къ вашему пріѣзду въ Константинополь,—пишетъ Екатерина,—я позабочусь приготовить роскошное женское платье, подбитое богатѣйшими сибирскими мѣхами, въ которомъ я выйду навстрѣчу вамъ. Этотъ покрой (?) и удобенъ, и значительно красивѣе» (стр. 26).

Будемъ ждать появленія обѣщанной біографіи Вольтера, а также въ дальнѣйшихъ выпускахъ сочиненій этого писателя, лишь бы они не представляли хрестоматическихъ сборниковъ.

Переломъ. Правдивая исторія. Б. М. Маркевича. Въ двухъ книгахъ, четырехъ частяхъ. Спб. Изданіе книжнаго магазина *Новаго Времени*.

Существуютъ писатели, которые считаютъ возможнымъ изображать жизнь, заранѣе опредѣляя себѣ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ должна представиться эта вымышленная жизнь читателю. Обычно за этимъ угломъ скрывается тайное желаніе автора—поучить, наставить... Но можетъ ли поучать чему-нибудь искаженіе, карриатура? Нѣкоторые писатели думаютъ, что можетъ.

Къ такимъ принадлежитъ и г. Маркевичъ. Онъ искажаетъ жизнь, событія, лица, и все съ благонамѣренною цѣлью—поучить, исправить.

Вся эта двухтомная пародія озаглавлена — «Переломъ». *Правдивая исторія* создана въ назиданіе для современныхъ горячихъ ушвъ и головъ. Взято время до освобожденія крестьянъ и тотчасъ послѣ освобожденія. Разумѣется, всенепремѣнно упоминается о Герценѣ, объ его *Колоколь*. Только какъ упоминается?... Какою грязью забрасывается покойникъ,

бессильный теперь, чтобъ отвѣтить на взводимыя на него клеветы!... Г. Маркевичъ даетъ въ сотрудничии Герцену, какъ редактору *Колокола*, какихъ-то проидохъ, жуликовъ, «ходатаевъ по дѣламъ». Одинъ изъ такихъ «ходатаевъ» жилъ на Драчевнѣ и въ его комнатѣ можно было видѣть номера *Современника* и *Колокола*, говорить авторъ. Онъ же, этотъ ходатай, обираетъ свою любовницу изъ простыхъ, обманомъ вытягиваетъ у нея деньги, которая потомъ отказывается отдать, и онъ же, этотъ ходатай, состоитъ корреспондентомъ *Колокола*!... Можно ли представить себѣ еще болѣе безцеремонное отношеніе къ публикѣ?!

И чего здѣсь не приписываетъ г. Маркевичъ Герцену, совершенно, новидимому, забывая, что искаженіе истины меньше всего прощается беллетристу, и притомъ еще искаженіе съ предвзятою цѣлью... Онъ забываетъ, что это можетъ заставить читателя отшвырнуть его романъ, прежде чѣмъ онъ будетъ дочтенъ до конца, еслибы даже онъ и отличался всѣми прочими достоинствами, которыхъ въ данномъ случаѣ въ немъ нѣтъ... Но обыкновенно такіе писатели, какъ г. Маркевичъ, могутъ сознавать только одно: «надо переть», несмотря на то, что «переть» придется какъ разъ лбомъ въ стѣну. Ну, и разумѣется, въ результатѣ останется только шишка на собственномъ своемъ лбу...

Мы не будемъ входить въ разборъ изображаемой авторомъ жизни, такъ какъ она вся по своему искаженію дѣйствительности стоитъ ниже всякой критики. Авторъ самъ какъ бы предчувствовалъ, что у читателя съ первыхъ же страницъ появится сознаніе фальши, и вотъ онъ на оберткѣ еще предупреждаетъ, что рассказываетъ «правдивую исторію». Въ чему такая предупредительность? Правдивая исторія будетъ несомнѣнно принята за правду сама по себѣ, безъ предупрежденій и комментарій. Правду вовсе не такъ легко принять за ложь, равно какъ и преднамѣренное искаженіе правды, несмотря на всѣ постороннія увѣренія, принять за правду...

Читателю можетъ показаться страннымъ, къ чему рецензентъ останавливается на такомъ романѣ, какъ «Переломъ» г. Маркевича, если романъ по своему искаженію жизни стоитъ ниже всякой критики... На это мы вотъ что отвѣтимъ. Г. Маркевичъ пишетъ романы большіе, длинныя, въ которыхъ есть и любовь, и свадьба, и измѣна, и страданія, есть и женщины добродѣтельныя, чуть не ангелы, есть и красавицы-кошечки, предназначенныя для свободной любви, etc. etc.,—есть все, чѣмъ занять празднаго, скужающаго читателя. На такіе романы при бѣдности нашей современной беллетристики спросъ большой,—читателей находится много. Не даромъ же г. Маркевичъ назначилъ за свой «Переломъ» такую невозможную цѣну—6 рублей: ясно, что онъ понимаетъ «свой моментъ».

Вотъ въ силу «этого момента» мы и остановились на невозможномъ романѣ г. Маркевича. Насколько онъ невозможенъ, пусть посмотритъ самъ читатель безъ нашихъ комментарій, пусть пробѣжитъ любую изъ сценъ,

наполняющих романъ. Вотъ сцена встрѣчи Троерукова съ однимъ изъ революціонеровъ, Иринархомъ Овцынымъ.

«— Потрудитесь сойти!—проговорилъ глухимъ, сдержаннымъ голосомъ Троеруковъ, вперяя глаза въ Иринарха.

— Это что значить?—воскликнулъ, храбрясь, тотъ, съ широко раскрывшимися глазами.

— Пожалуйте сюда!—повторилъ Борисъ Васильевичъ, и въ этихъ двухъ словахъ зазвучала нота такой желѣзной рѣшимости, что Овцынъ почувствовалъ себя сразу безвластнымъ противиться ей...

Иринархъ соскочилъ съ телѣжки, все также держа свою палку обѣими руками.

— Ну-съ, что вамъ угодно?—уронилъ онъ, все шире и шире раскрывая зрачки: «я, молъ, братъ, тебя не боюсь!...»

Троеруковъ спрыгнулъ съ лошади.

— Подержи,—сказалъ онъ, кидая поводья на руки все тутъ же стоявшаго мужичка, и отошелъ шаговъ на десять въ сторону, приглашая кивкомъ Овцына идти за нимъ.

Тотъ, махая своимъ орудіемъ, поплелся за нимъ... Троеруковъ остановился, обернулся на него и, вытащивъ его письмо изъ кармана, *протянулъ его прямо ему подъ глаза.*

— Это вы писали?

— А хоть бы и я!...

— Понимали вы, что писали?...

— Значить понималъ, когда писалъ.

— Что вы понимали?...

— А понималъ, что слѣдуетъ,—отвѣтилъ онъ,—и что сами вы лучше меня знае....

Онъ не успѣлъ договорить. Троеруковъ ухватился за висѣвшую у него на рукѣ плеть и съѣздилъ ею съ размаха разъ и два по нагло хихикавшему его лицу...

Ж-жи! словно *эломъ* (?) удару взвизгнулъ неудержимо стоявшій подлѣ съ лошадью косарь...

Иринархъ выронилъ палку изъ рукъ и схватился ими за исполосанные свои щеки...» (т. II, стр. 160—161).

Троеруковъ успѣлъ ухватить, а Иринархъ такъ все и стоялъ, безмолвно принявши удары плетью,—хоть бы слово какое промолвилъ. Вотъ каковы были революціонеры 60 годовъ!

Но если взять и картины болѣе знакомой автору жизни, напримѣръ, разговоръ въ лакейской, то и тутъ выходитъ чортъ знаетъ что—не разговоръ, а какое-то кривлянье,—не жизнь, а карриатура на жизнь... Однимъ словомъ, выходитъ какое-то представленіе, которымъ авторъ хочетъ потѣшить читателя. И потому читатель чуть не на каждомъ словѣ чувствуетъ, что авторъ передъ нимъ ломается, представляетъ. Такое чув-

ство испытываетъ онъ во все продолженіе романа, какъ при изображеніи прислуги, мужиковъ, такъ одинаково и высшаго общества, и революціонеровъ.

Романъ, предназнренное представленіе, съ цѣлью поучить, отвратить, предупредить—вотъ суть и задача «Переломъ».

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ. 1842—1877 годовъ. Второе изданіе. Спб. 1882.

Наша публичка en masse, т. е. включая сюда не только читающую газеты и журналы, а и посѣщающую театры, увеселенія,—весьма мало знакома даже съ тѣми немногими изъ нашихъ писателей, которые заслуживаютъ названія выдающихся, каковы Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Некрасовъ и друг. Такое полнѣйшее незнакомство не только съ произведеніями, но даже и съ именемъ Пушкина прекрасно объявилось въ Москвѣ въ 1880 году, въ день открытія ему памятника.

Когда собралась на площади передъ Тверскимъ бульваромъ многоголовая толпа, когда заколебалось скрывавшееся памятнику бѣлое покрывало, мы видѣли, какъ въ толпѣ многіе благоговѣнно сняли шапки и преклонились. Мы слышали, какъ въ этой толпѣ раздавались вопросы: «Кто-жь онъ такой, этотъ человекъ?» «Генералъ что ли какой, что ему памятникъ ставить?» Пушкина не знаютъ! Не знаютъ даже въ Москвѣ!...

Не знаютъ также и Гоголя, не читали его «Мертвыхъ душъ».

Разъ намъ пришлось быть лѣтомъ на одномъ изъ загородныхъ публичныхъ спектаклей. Спектакль былъ устроенъ въ чью-то пользу,—кажется, въ пользу неимущихъ учащихся. Въ такихъ случаяхъ обычно билеты расходятся по знакомымъ, ближайшимъ и дальнимъ родственникамъ устроителей и рѣдко заходятъ куда дальше въ верхъ или внизъ.

Въ афишѣ на этотъ разъ стояло: «Мертвыя души», разговоръ двухъ дамъ, прочтутъ такая-то и такая-то».

Когда поднялся занавѣсъ и на сценѣ оказались двѣ дамы, заговорившія о «глазкахъ и лапкахъ», мы слышали слова недоумѣнія: «А гдѣ же мертвыя-то души?»—спрашивала хорошо одѣтая, въ кружевахъ дама, обращаясь къ своему сожителю.—«А вотъ погоди,—онъ еще выйдутъ»,—отвѣчалъ тотъ вполне увѣренно. И какъ эта парочка оказалась огорченною, когда было уже бесполезнымъ надѣяться на появленіе *объщанныхъ* мертвыхъ душъ!.. Они оба бранили устроителей за обманъ въ афишѣ!...

А чья тутъ вина?

Чтобы предотвратить подобныя казусы или сдѣлать рѣже ихъ появленіе, для этого необходимы удешевленныя, всѣмъ доступныя, изданія нашихъ первоклассныхъ писателей. На что похожа, напримѣръ, цѣна за полное собраніе сочиненій Пушкина, Толстаго, Тургенева? Да и Гоголь вовсе не дешевъ, а о Достоевскомъ и говорить нечего.

Первый опыт такого дешевого издания достался на долю Некрасова. И такой жребий вовсе не случайность. Подтверждение этому находимъ въ предисловіи ко второму изданію. «Въ новомъ компактномъ изданіи 1881 года,—говорится тамъ,—всѣ четыре тома стихотвореній были соединены вмѣстѣ, исключая примѣчаній къ нимъ, а біографическія свѣдѣнія помѣщены въ сокращеніи. *Это изданіе въ количествѣ 10.000 экземпляровъ разошлось ранѣе конца того же года.*»

Значитъ менѣе чѣмъ въ годъ разошлось 10 тысячъ экземпляровъ сочиненій Некрасова! Нельзя не порадоваться такому явленію и не посмотрѣть на него, какъ на прекрасно удавшійся опытъ, который вполне достоинъ подражанія.

Правда, никто, кромѣ Кольцова, не бралъ такихъ близкихъ для русскаго человѣка нотъ, никто не отзывался такъ въ своихъ пѣсняхъ на «слезы народныя», какъ Некрасовъ. Въ этомъ, разумѣется, надо искать объясненія удачи опыта, объясненія таковаго быстрого распространенія его сочиненій.

Некрасовъ, какъ извѣстно, умеръ въ одинъ изъ страшныхъ моментовъ нашей общественной жизни—въ моментъ войны. Испытывая невыносимыя муки своей ужасной болѣзни, Некрасовъ тѣмъ не менѣе не переставалъ откликаться на общественныя событія, не переставалъ подмѣчать тѣ идеальныя стремленія и порывы, которыми тогда кипѣла русская жизнь, но которыя терялись въ общемъ массовомъ движеніи. Когда прошелъ острый моментъ, когда положено было оружіе и «водворенъ миръ», тогда много писали объ этихъ порывахъ. Надъ могилами жертвъ стали строить памятники. Много оказалось потомъ могилъ, къ которымъ такъ чудно шли дивные стихи поэта, созданные имъ во время страданій:

«Я сбросила мертвящіе оковы
Друзей, семьи, роднаго очага,
Ушла туда, гдѣ чтутъ пути Христовы,
Гдѣ стерегутъ опаснаго врага...
.
Слова... слова... красивые рассказы
О подвигахъ...; но гдѣ же ихъ дѣла?
Иль нѣтъ людей, идущихъ дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла».

Нѣтъ сомнѣнія, что и второе изданіе разоидется не съ меньшею быстротой, и надо надѣяться, что теперь въ кругъ читателей 2-го изданія войдетъ и молодая крестьянская Русь, въ читальнѣ и библиотекѣ которой сочиненія Некрасова должны будутъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ.

Темная вода. Романъ въ трехъ частяхъ. II. Лѣтнева. С.-Петербургъ 1882 г.

Бываетъ такъ, что заглавіе произведенія уничтожаетъ въ читателѣ манящую впередъ иллюзію, даетъ разгадку раньше, чѣмъ онъ познакомился съ загадкой. Благодаря этому, произведеніе нерѣдко утрачиваетъ большую долю интереса. Но, случается, бываютъ и такія неопредѣленные заглавія, отъ которыхъ въ одно и то же время можно и ждать много, и ничего не ждать. Человѣкъ же такъ созданъ, что онъ способенъ больше ждать—и ждать.

Этою чертой человѣка «ждать и надѣяться» нерѣдко весьма искусно пользуются писатели, подстрекая читателя манящимъ впередъ заглавіемъ. Случается, что съ этою цѣлью измышленное заглавіе представляетъ мало связи съ содержаніемъ и въ концѣ концовъ поселаетъ въ читателѣ только одно недоумѣніе.

Вотъ, хоть бы данный романъ г. Лѣтнева. Озаглавленъ «Темная вода». Романъ прочтенъ, а «темная вода», несмотря на все желаніе усмотрѣть ее въ самомъ романѣ, такъ и остается безцѣльною загадкой для читателя.

Весь романъ представляетъ рядъ неожиданностей не только для самихъ героевъ, но и для читателя. Можетъ быть «Темная вода» и означаетъ ту слѣпоту, которою страдаетъ человѣкъ по отношенію къ дѣйствительности, т.-е. ту долю иллюзіи и надежды, съ которою онъ смотритъ на жизнь и на людей. Последніе нѣтъ-нѣтъ да и промелькнутъ передъ нимъ въ своемъ надлежащемъ видѣ, а онъ, не привыкшій видѣть ихъ въ наготѣ, поражается и принимаетъ дѣйствительность за неожиданность.

Это единственное толкованіе, какое мы могли бы дать заглавію даннаго романа, хотя и въ этомъ толкованіи чувствуется натяжка.

Независимо, какого же рода неожиданности встрѣчаютъ читателя въ романѣ г. Лѣтнева?—Жизнь, правда, нерѣдко представляетъ сюрпризы; послѣдніе бываютъ несравненно чаще для того; кто мало жилъ, мало наблюдалъ, кто вообще мало вглядывался и вдумывался въ жизнь. Такъ, напримѣръ, для 20-тилѣтней героини названнаго романа, Лиды, буря въ степи могъ быть неожиданностью, несмотря на зловѣщія тучи, носившіяся по небу. Но г. Лѣтневъ подтасовываетъ своимъ героямъ и читателю такія неожиданности, въ которыхъ прямо чувствуется ходульность, подмостившія неизвѣстно для какой цѣли возведенныя.

Молодая дѣвушка Лидя ѣдетъ изъ Петербурга, гдѣ она съ каждымъ днемъ разочаровывалась «въ своихъ надеждахъ (пусть не забудетъ читатель, что ей всего только 20 лѣтъ) устроить себѣ настоящую (?) дѣловую (?) колесную жизнь въ столицѣ» (стр. 17). Отъ всего этого она отказалась, надо замѣтить, не только безъ борьбы, безъ сожалѣнія, но даже нигдѣ не сказала, въ чемъ заключались эти надежды, желанія: она ни разу о нихъ не вспомнила, не намекнула... «Лидія Сергѣевна Юрнкова кончила тѣмъ (надо прибавить, кончила, не начинавши), что всѣми

своими помышлениями обратилась къ деревнѣ, къ отцу, котораго горячо любила» (стр. 17). Въ чемъ заключалось это обращеніе къ деревнѣ, мы также не знаемъ, такъ какъ она, пріѣхавши въ деревню, и думаетъ, и говоритъ только о любви, что, разумѣется, съ не меньшимъ удобствомъ можно бы было практиковать и въ городѣ, а тѣмъ болѣе въ сѣверной столицѣ.

Лидія рассчитывала встрѣтить отца одного: онъ былъ вдовецъ и дѣтей, кромѣ нея, у него не было. Но ее встрѣтила неожиданность: отецъ женатъ на одной изъ злыхъ, самолюбивыхъ, тщеславныхъ женщинъ, которая, въ силу любви ко злу (другой причины нѣтъ), портитъ жизнь падчерицы.

Когда Лида замерзала въ степи, настигнутая бураномъ, ее встрѣтила еще большая неожиданность: ее спасли отъ смерти—повстрѣчавшійся на дорогѣ молодой человекъ Аргинскій (неизвѣстно чѣмъ занимающійся), котораго она любила и съ которымъ видалась въ Петербургѣ ежедневно, и его товарищъ, докторъ Замятинъ, влюбленный въ Лиду безъ взаимности.

Лидя никакъ не ожидала встрѣтить Аргинскаго, такъ какъ онъ былъ въ экспедиціи (?), и тѣмъ болѣе встрѣтить вдаль отъ Петербурга среди степи.

«— Стало быть,—сказала она съ затаенной горечью, когда они очутились на постояломъ дворѣ, — еслибы метель не свела насъ такъ печально, я и не знала бы даже о вашемъ возвращеніи въ Россію? Видно, хлопотливая жизнь заставляетъ забывать старыхъ друзей.

— Могу ли я забыть такого друга, какъ вы, — сказалъ Аргинскій и взялъ ея руку такъ просто и вѣстѣ такъ нѣжно, какъ будто все между ними было сказано...

— Помните ли, — продолжалъ онъ (уже нѣсколько спустя), — какъ въ Петербургѣ мы съ вами иногда толковали о томъ, что для каждого человека долженъ наступить когда-нибудь праздникъ жизни..., т.-е. ощущеніе полноты бытія? И мнѣ чудится, что этотъ праздникъ близко, что онъ наступилъ для меня... Какъ вы думаете, заслуживаю я его? — прибавилъ онъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ...

— Что это за кольцо у васъ? — спросила она робко, указывая на гладкое, золотое кольцо на безымянномъ пальцѣ?

Онъ, молча, снялъ его и подалъ ей; на внутренней сторонѣ его было вырѣзано—Л.

— Что это я какъ глупъ сегодня! — сказалъ онъ внезапно покраснѣвъ. — Я самъ себя не узнаю. Простите, что я все говорю загадками; завтра я пріѣду къ вамъ въ Корниловку, — вѣдь вы будете дома?... Инѣ надо говорить съ вами, исповѣдаться вамъ во всемъ и все объяснить, — тихо сказалъ онъ» (стр. 24—32).

Разумѣется, онъ пріѣдетъ ей объясняться въ любви и дѣлать предложеніе, — думаетъ читатель. То же думаетъ и Лида. Она ждетъ Аргинскаго

съ вполне понятнымъ нетерпѣніемъ. Но онъ... хотя и заѣхалъ въ назначенный часъ, но только затѣмъ, чтобы сказать, что быть сегодня не можетъ,—его звали къ себѣ Калантаевы.

Однако неожиданность не въ этомъ. Она впереди. Ночью, вернувшись отъ Калантаевыхъ, у которыхъ былъ званый вечеръ, мачиха будить Лиду и объявляетъ ей, что у Калантаевыхъ свадьба: ихъ племянница Магдалина выходитъ замужъ за Аргинскаго.

Читатель недоумѣваетъ: зачѣмъ же была вся комедія со стороны Аргинскаго? Зачѣмъ этотъ вензель Л., когда невѣсту зовутъ Магдалина?... Все это безцѣльно, капризъ самой Магдалины. Но что всего неожиданнѣе — это, что самъ Аргинскій не видалъ въ своемъ поведеніи никакой комедіи, что онъ не подозрѣвалъ, что его любитъ Лида... Ужь какъ это могло случиться, чтобы молодой человѣкъ такъ-таки и не замѣтилъ, что любимъ женщиной, съ которой видался каждый день,—одному только автору извѣстно. Потому всѣ эти неожиданности превращаются въ чистую невозможность или, говоря прямо, въ галиматью, которая, цѣпляясь одна за другую, идетъ вереницей черезъ весь романъ.

Лида отъ всѣхъ неожиданностей занемогла. Изъ ея горячечнаго бреда Аргинскій узналъ, что она его любитъ...

Наконецъ отпраздновали свадьбу Аргинскаго съ Магдалиной, и молодые люди поселились на хуторѣ неподалеку отъ имѣнія Лиды. Послѣдняя жила теперь одна: отецъ ея умеръ, а мачиха переселилась въ городъ. Калантаевъ, Аргинскій и Замятинъ часто бывали у Лиды, которая неизвѣстно зачѣмъ жила въ деревнѣ и неизвѣстно чѣмъ занималась.

Аргинскій со дня горячечнаго бреда Лиды жаждалъ сближенія съ ней; разъ онъ даже завелъ ее въ аллею и тамъ спросилъ: любить ли она кого-нибудь? Когда она отвѣтила: да,—онъ бросился ее цѣловать. Она вырвалась и ушла. Онъ былъ теперь увѣренъ, что она любитъ его. Но теперь и его въ свою очередь ждалъ цѣлый рядъ неожиданностей.

Разъ Лида является къ Аргинскимъ и объявляетъ имъ о своей свадьбѣ съ Калантаевымъ. Аргинскій пораженъ. Но Лида теперь не щадитъ его: при Магдалинѣ она напоминаетъ Аргинскому о разговорѣ въ аллеѣ. «Помните, Левъ Александровичъ, когда мы съ вами послѣдній разъ гуляли вечеромъ въ саду, вы спросили у меня: люблю ли я кого-нибудь,—и я отвѣчала: да, люблю. Еслибы вы имѣли терпѣніе немножко дождаться, я высказала бы вамъ откровенно мою тайну» (стр. 245).

Но данная неожиданность для читателя не представляется загадкой: хоть и не высоконравственный мотивъ, но все же онъ находитъ его для подобныхъ дѣйствій со стороны Лиды Сергѣевны.

Съ этого момента Аргинскій чуть не до безумія дошелъ въ своей страсти къ Лидѣ, именно съ того момента, когда между ею и имъ выросла преграда, образовалась стѣна.

Эта капризная сторона въ человѣкѣ—давай именно то, что уходитъ—довольно вѣрно схвачена, и о ней авторъ ужь, кажется, слишкомъ много говоритъ въ своемъ романѣ. На капризѣ въ жизни дѣйствительно многое построено, по крайней мѣрѣ—большая доза поэзіи любви, той поэзіи, которой лишены люди прямые, открытые, неспособные вести игру, неспособные шутить своимъ чувствомъ, каковъ, наприм., докторъ Замятинъ. На долю такихъ хорошихъ людей выпадаетъ только горькая участь смотреть на чужую радость, на чужую жизнь и очищать путь для людей счастливыхъ.

Но самая главная неожиданность (какъ кажется автору) должна встрѣтить читателя въ концѣ романа, въ эпилогѣ, когда Калантаевы послѣ пятилѣтней замужней жизни въ Петербургѣ ѣдутъ въ деревню съ своими дѣтьми и заѣзжаютъ къ Аргинскимъ, гдѣ живетъ и Замятинъ съ женой (онъ женился—должно-быть, только въ силу инерціи—на акушеркѣ).

Хрупкая, нѣжная жена Аргинскаго, когда-то похожая на тонкую, нѣжную былинку, превратилась въ бабеху-хозяйку, которая трясется на каждое яблоко, которая съ головой ушла въ наживу, въ собиранье, въ вылачество, ушла до того, что потеряла чувство приличія и гостеприимства: она даже поѣсть не даетъ своимъ гостямъ. Разумѣется, такое изображеніе—утрировка со стороны автора: до такихъ размѣровъ Магдалинѣ довольно трудно было дойти въ такой сравнительно короткій промежутокъ; но что она должна погрузиться въ прозу жизни, и погрузиться глубоко, въ этомъ нѣтъ никакой неожиданности. Что представляла раньше до замужества эта женщина (да и самъ Аргинскій) и какіе имѣлись прочные задатки къ лучшему, которые бы должныствовали развиться, окрѣпнуть и уберечь ее отъ мелкихъ интересовъ и расчетовъ? Авторъ говоритъ, что она была на курсахъ, готовилась въ медицинскую академію, работала. Но это, вѣдь, говоритъ авторъ. Мы же сами видѣли ее постоянно распростертою на диванѣ, слабую, съ флакономъ у носа и т. д. Это была, что называютъ, нервная женщина, вѣрно опирающаяся на свою нервность и слабость, пока онѣ ей были нужны, чтобъ ими привлечь къ себѣ Аргинскаго. А теперь, когда Аргинскій всецѣло принадлежалъ ей, когда ея соперница Лидія уѣхала въ Петербургъ, тогда слабость оказалась лишней и ее замѣнили хозяйскими способностями, которыя дѣйствительно при своемъ развитіи могутъ легко принять омерзительные размѣры.

«Темная вода», заволакивающая глаза зрячаго человѣка, влечетъ его вдаль и не позволяетъ рассмотреть съ перваго раза тотъ пустой орѣхъ, который въ концѣ концовъ оказывается на мѣсто мантии иллюзіи.

Но, вѣдь, не всегда же бываетъ такъ,—попадаются въ скорлупахъ и настоящіе, свѣжіе орѣшки; но не о нихъ говоритъ авторъ. Онъ на этотъ разъ выбралъ какіе-то свищи. Впрочемъ, въ романѣ «Темная вода» задѣтъ одинъ весьма жгучій современный вопросъ—это дѣти нашего времени и ихъ «разумное» воспитаніе. Этотъ вопросъ такъ важенъ, такъ

настоятеленъ для нашего времени, что требуетъ большой и подробной обстановки, которая въ данномъ случаѣ невозможна.

Безобразное воспитаніе дѣтей въ старой семьѣ Балантаевыхъ обращаетъ сильно вниманіе автора, но онъ по обычаю утрируетъ это изображеніе. Надо думать, онъ пользуется этою манерой въ видахъ большей рельефности. Но, по нашему мнѣнію, приемъ усиленія есть плохой приемъ, мало достигающій цѣли, такъ какъ подрываетъ довѣріе къ фактамъ подобнаго рода вообще, дѣлаетъ ихъ въ глазахъ читателя фальшивыми, невозможными.

А г. Лѣтцевъ, надо замѣтить, весьма часто прибѣгаетъ къ этому приему и этимъ напоминаетъ намъ манеру старыхъ писателей, напримеръ, Сумаронова, Фонъ-Визина и др., рисовавшихъ не человека всецѣло со всѣми его дурными и хорошими сторонами, а только какую-нибудь одну изъ его сторонъ, какой-нибудь недостатокъ. Такова первая жена Балантаева, такова мачиха Лиды: это какъ будто не люди, а одна — гадкая мать и больше ничего, а другая — злючка-мачиха.

Н.

Археологія Россіи. Каменный періодъ. *Графа А. С. Уварова*. 2 тома, съ 4 и 19 табл. литогр., 3 картами, 7 табл. фототипій и картою Россіи. Москва. 1881 г. 8°.

Обширное предпріятіе нашего знаменитаго археолога, стоявшее ему столь многихъ лѣтъ работы, самостоятельныхъ изслѣдованій, мелочнаго собранія, увѣнчалось теперь столь же капитальнымъ изданіемъ, какъ и само предпріятіе. Первые вводныя главы изслѣдуютъ существенные общіе вопросы, касающіеся каменнаго періода, его двухъ эпохъ, ихъ подраздѣленій, отношенія геологическихъ данныхъ къ первобытной археологіи, значенія восточнаго и западнаго нагорій азіатскаго материка для археологіи каменнаго періода въ Россіи, которая, по доказательствамъ автора (стр. 101), «можетъ начать свои изслѣдованія съ такихъ древнихъ памятниковъ, которые должны быть современны самымъ первымъ народамъ Азіи». Первобытная археологія Россіи начинается съ древнѣйшихъ временъ палеолитической эпохи или съ періода мамонта и мамонтовой фауны, какъ то доказывается новѣйшими открытіями и находками въ Полтавской губерніи, Каменецъ-Подольскомъ, и Владимірской губерніи, Муромскомъ уѣздѣ, у села Карачарова. Принявъ мнѣніе Брандта о постепенномъ переходѣ мамонта изъ сѣверной Сибири въ южную Азію, а потомъ въ Европу (стр. 159), иначе — о постепенномъ охлажденіи климата Сибири, авторъ приходитъ затѣмъ къ выводу, что «палеолитическія орудія, найденныя въ Россіи вмѣстѣ съ мамонтовыми костями, принадлежатъ къ гораздо болѣе глубокой древности, чѣмъ тѣ же орудія во всей остальной Европѣ». Главы книги о мамонтовыхъ находкахъ въ Россіи и мамонтовой фаунѣ отличаются богатой и крайне точною эрудиціей. Главы VIII и IX

изслѣдуютъ тотъ общій вопросъ о первобытномъ жилищѣ, въ которомъ авторъ является однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ лицъ въ современной наукѣ, благодаря собственнымъ изслѣдованіямъ пещерныхъ жилищъ и селеній Крыма и Кавказа. Обзоръ палеолитической эпохи заканчивается разсмотрѣніемъ быта, орудій для охоты, началъ гончарнаго искусства, костяныхъ издѣлій, иглъ, предметовъ пищи, рыболовства, переселеній человека изъ Азіи въ Европу и т. д. По послѣднему вопросу авторъ полагаетъ, что путь этихъ переселеній пролегалъ черезъ Европейскую Россію, и притомъ прямой и кратчайшій для направленія представляли горы на югѣ Кавказскаго перешейка, который представлялъ первобытному человеку всѣ тѣ условія жизни, которыми онъ пользовался въ центральной возвышенности Азіи. Переходъ отъ отбивныхъ орудій палеолитической эпохи къ шлифованнымъ орудіямъ неолитической указываетъ авторомъ въ открытіи гончарства, котораго развитіе затѣмъ учреждаетъ искусство шлифовки; нѣсколько находокъ подали автору (стр. 254) мысль, что начатки гончарнаго производства заключались, быть-можетъ, въ желаніи человека замѣнить трудную отбивку орудій изъ камня имитациями изъ глины. Равно начала гончарства въ Азіи встрѣчаются задолго до первыхъ его слѣдовъ на европейскомъ материкѣ, вообще же отличительныя черты переходной эпохи въ Азіи выясняются у автора описаніемъ находокъ въ Тункинской котловинѣ, лежащей между отрогами Алтайскаго хребта въ Иркутской губерніи, въ Европейской же Россіи находками въ Бирюловскихъ пещерахъ (профес. Антоновича въ 1876 г.) близъ Кіева, на берегу Днѣпра, и въ крымскихъ пещерахъ (г. Мережковскаго) близъ Ялты, на склонѣ Чатыръ-Дага, и др. Описаніе *стоянокъ* въ долинѣ Оки сопровождается прекрасною наглядною картою, точно также какъ отдѣльныхъ *стоянокъ* въ этихъ мѣстностяхъ. Наконецъ, неолитическая эпоха, занимающая въ книгѣ главы XV и XVI, описывается сперва по общимъ ея признакамъ: сверленію каменныхъ орудій, подборомъ для того наиболѣе пригодныхъ матеріаловъ (серпентинъ въ особенности, кварцъ, граниты и пр. и пр.), оброннымъ украшеніямъ и изваяніямъ на топорахъ, чашечнымъ камнямъ (на Кавказѣ) и пр. и пр., исключительно по находкамъ въ Россіи, и заканчивается описаніемъ поселеній у береговъ Ладожскаго озера, изслѣдованныхъ г. Иностранцевымъ, и Фатьяковской стоянки близъ Уткина на Ярославско-Вологодской желѣзной дорогѣ. Въ послѣдней стоянкѣ попались уже слѣды бронзы, и она можетъ считаться, по мнѣнію автора, крайнимъ предѣломъ каменнаго періода въ Россіи.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, общее содержаніе этого капитальнаго сочиненія, которое, конечно, требуетъ и болѣе компетентной критики, на что, конечно, потребуется много труда и отъ специалистовъ. Но всякій, кто знаетъ, трудность построения въ русской наукѣ подобныхъ общихъ системъ, можетъ оцѣнить значеніе труда графа Уварова. Второю томъ его сочиненія представляетъ каталогъ болѣе 6.300 каменныхъ ору-

дѣй, найденныхъ въ Россіи. Не можете не сказать, даже съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, что подобнаго счастья не выпадало и историческимъ памятникамъ Россіи. За этимъ изслѣдованіемъ послѣдуетъ, видимо, бронзовый періодъ, для котораго нашъ знаменитый ученый собралъ уже столь много. Въ заключеніе не можемъ не заявить желанія, чтобы содержаніе вышедшаго сочиненія явилось въ болѣе популярной формѣ или даже просто краткомъ извлеченіи, пользу чего признаютъ, конечно, всѣ слѣдующіе за возрастающимъ значеніемъ археологическихъ изслѣдованій въ русской исторіи.

Н. Н.

Гомеопатія въ Россіи. Историческій очеркъ. Составилъ докторъ *К. Болмусъ*. Изданіе *Ө. К. Флеминга*. Москва. 1882 г.

Пишущій эти строки—не гомеопатъ, не врачъ и съ медициною ничего общаго не имѣетъ, тѣмъ не менѣе прочелъ выше названную книгу съ большимъ интересомъ. Это не специально-научное изслѣдованіе, а вполне популярно и объективно изложенный очеркъ тѣхъ чиновническихъ преслѣдованій, коимъ подвергалась гомеопатія въ Россіи, несмотря на покровительство, оказанное ей императоромъ Николаемъ I и нѣкоторыми высокостоявшими правительственными лицами, видѣвшими въ ней лучшей, наиболѣе удобный, доступный и дешевый способъ народнаго лѣченія. Читатель невольно дѣлаетъ выводъ, что и сфера науки не ограждена у насъ отъ чиновническихъ продѣлокъ, способныхъ парализовать ибры, предпринимаемыя правительствомъ, ежели только ибры эти грозятъ уничтоженіемъ источника жизни. Уже въ предисловіи къ книгѣ встрѣчаемъ слѣдующее:

«Въ февралѣ прошлаго года мы имѣли честь обращаться за содѣйствіемъ намъ къ начальству тѣхъ учреждений, въ архивахъ которыхъ надѣялись найти необходимый для насъ матеріалъ, а именно: къ д. с. с. Дубицкому — главному доктору московскаго военнаго госпиталя, гдѣ, какъ намъ извѣстно, должны храниться свѣдѣнія о гомеопатическомъ лѣченіи, предпринятомъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ по иниціативѣ московскаго коменданта генерала отъ кавалеріи Барла Густафовича Стаала; къ т. с. Розову—директору медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, куда несомнѣнно должны были поступать свѣдѣнія о гомеопатическомъ лѣченіи, производившемся съ 1847 по 1855 г., въ теченіе восьми лѣтъ, въ женскомъ отдѣленіи с.-петербургской больницы чернорабочихъ, и, наконецъ, къ т. с. Козлову — главному инспектору главнаго военно-медицинскаго управленія, въ архивѣ котораго должны были находиться свѣдѣнія объ опытахъ гомеопатическаго лѣченія, производившагося въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ д-ромъ Германомъ въ тульчинскомъ и с.-петербургскомъ военныхъ госпиталяхъ, и объ опытахъ д-ра Грауфогля въ гельсингфорскомъ госпиталѣ.—Просьба наша удостом-

дась вниманія одного только г. Козлова. Благодаря его любезности, мы имѣли возможность ознакомиться съ перепиской, неоднократно возникшею въ военномъ министерствѣ по поводу ходатайствъ д-ра Чермн-скаго о введеніи въ военныхъ госпиталяхъ гомеопатическаго лѣченія и съ дѣломъ объ опытахъ д-ра Грауфогеля въ гельсингфорскомъ госпиталѣ. Что касается дѣла объ опытахъ Германа, то его въ архивахъ не оказалось: оно когда-то было отослано въ медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ и тамъ осталось. Несмотря на послѣднюю неудачу, мы считаемъ долгомъ выразить г. Козлову нашу искреннюю и глубокую признательность, тѣмъ болѣе, что ни г. Дубицкій, ни г. Розовъ не отвѣтили намъ ни единымъ словомъ. Такъ какъ мы не сомнѣваемся, что условія вѣжливости и приличія вполнѣ извѣстны какъ г. Дубицкому, такъ и г. Розову, то молчаніе ихъ мы объясняемъ другою причиною, которую отгадать не трудно...»

Дѣйствительно, не трудно: канцелярская тайна — средство не только удобное, но и необходимое для прикрытія чиновнической лжи и неправды.

Ученіе Ганемана проникло въ Россію въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Въ 1824 году пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Германіи докторъ Адамъ, только-что за годъ передъ тѣмъ познакомившійся съ Ганеманомъ, и слышанное отъ него передалъ доктору Шерингу, бывшему впоследствии главнымъ штабъ-докторомъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. «До того времени, — говоритъ авторъ очерка, — въ Петербургѣ не было слуха о гомеопатіи. Одновременно съ тѣмъ, какъ петербургское общество прислушивалось къ толкамъ о гомеопатіи и мало-по-малу знакомилось съ идеями Ганемана, на западныхъ окраинахъ Россіи, въ губерніяхъ Прибалтійскихъ и въ Царствѣ Польскомъ, новый способъ лѣченія уже практиковался двумя врачами, ревностными приверженцами Ганемана и дѣятельными распространителями его ученія. То были доктора: въ Лифляндіи — Штегеманъ, а въ Польшѣ — Бижель. Имя перваго изъ нихъ достойно намъ не только потому, что жители Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи обязаны ему введеніемъ и распространеніемъ гомеопатіи, но и потому, что его практическая дѣятельность въ первый разъ вызвала у насъ со стороны официальной медицины возраженіе противъ новаго ученія». Трудъ этотъ былъ предпринятъ врачомъ при клиникѣ Дерптскаго университета, докторомъ Заменомъ. «Въ сочиненіи Замена: «Ueber die gegenwärtige Stellung der Homöopathie zur bisherigen Heilkunde», появившемся въ 1825 году, достоинства и недостатки гомеопатіи разобраны, — говоритъ авторъ разсматриваемой нами книги, — съ такимъ безпристрастіемъ, съ такою примѣрною сдержанностью, что въ ряду всего появившагося въ литературѣ противниковъ гомеопатіи трудъ Замена можетъ назваться *единственнымъ* произведеніемъ, достойнымъ вниманія и уваженія людей науки. Въ сочиненіи своемъ, между прочимъ, онъ такъ говоритъ о значеніи гомеопатіи: «Присоединяясь въ видѣ вѣтви или отрасли ко всѣмъ знаніямъ, составляю-

щину медицину, гомеопатія займетъ мѣсто, конечно, болѣе достойное, нежели то, которое занимаетъ теперь, находясь въ враждебномъ положеніи къ господствующей школѣ, и даковъ бы ни былъ результатъ изслѣдованія гомеопатическаго отношенія лѣкарственнаго вещества къ болѣзни, она въ настоящемъ послужитъ къ освѣщенію нашего искусства, а въ будущемъ, можетъ-быть, поведетъ къ болѣе глубокому и совершенному пониманію органической жизни человѣка». Приведа довольно обширныя выдержки изъ сочиненія Замена, авторъ очерка, пользующійся заслуженною извѣстностью, врачъ-гомеопатъ говоритъ: «Мы съ своей стороны должны сознаться, что все, что было сказано имъ противъ гомеопатіи болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ еще сохраняетъ силу и значеніе».

Распространитель гомеопатіи въ Царствѣ Польскомъ, Бижель, состоялъ лейбъ-медикомъ великаго князя Константина Павловича, который и поручилъ ему санитарную часть въ открытой въ 1829 году и состоявшей изъ 500 человекъ школѣ кантонистовъ.

Слухи объ успѣхахъ гомеопатіи на нашихъ западныхъ окраинахъ дошли до Петербурга и усилили интересъ, возбужденный ею вначалѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и вызвали оппозицію новому ученію, во главѣ которой стоялъ Зейдлицъ, бывшій въ то время главнымъ докторомъ морскаго госпиталя, а впоследствии профессоромъ Петербургской medico-хирургической академіи.

Покойный государь Николай Павловичъ, также какъ и братъ его, великій князь Михаилъ, относились къ гомеопатіи благосклонно. Въ 1826 году въ Петербургъ пріѣхалъ изъ-за границы докторъ Германъ. Онъ былъ гомеопатъ и успѣшнымъ лѣченіемъ въ окрестностяхъ Ораніенбаума эпидемическаго кроваваго поноса обратилъ на себя вниманіе великаго князя Михаила Павловича, который и возымѣлъ мысль примѣнить гомеопатію къ подаванію помощи войскамъ, дѣйствовавшимъ въ то время въ Турціи, въ числѣ которыхъ былъ и ввѣренный ему гвардейскій корпусъ. По докладу о томъ Государю, состоялось Высочайшее повелѣніе—военно-медицинскому департаменту заключить съ Германомъ контрактъ на годъ и командировать его въ Тульчинъ, гдѣ въ то время находилось до 1.000 человекъ больныхъ. Герману вмѣнялось въ обязанность употреблять свои собственныя лѣкарства, а въ вознагражденіе назначалось 12.000 рублей. Нечего и говорить, что контрактъ этотъ не могъ нравиться врачамъ. Такъ Зейдлицъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», говоря о командировкѣ Германа въ Тульчинъ, не одинъ разъ и особенно настойчиво старается обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что Герману было назначено 12.000 руб. жалованья, «тогда какъ онъ и его товарищи за какіе-нибудь 700 рублей должны были приносить въ жертву ужасамъ войны и жизни, и свои познанія, съ такимъ трудомъ и такой дорогою цѣной приобретенныя». «И вотъ, — говоритъ авторъ очерка, — начинается махинація. Герману отводятъ для госпиталя сырое зданіе, ли-

шенное всякой вентиляціи, кромѣ той, которая совершается при помощи непрікрытыхъ оконъ и дверей; въ гомеопатическій госпиталь назначаютъ больныхъ, изъ которыхъ половина переведена изъ аллопатическихъ больницъ, гдѣ они уже наглотались всякой дряни, осложнившей первоначальную болѣзнь; между присланными больными были и такіе, которые самими же аллопатами признаны неизлѣчимыми: «на-по, молъ, выдѣчи...» Для извѣстныхъ потребностей больные должны были переходить черезъ большой дворъ и подвергаться простуднымъ болѣзнямъ; присмотра за ними со стороны начальства—никакого: они свободно курятъ, нюхаютъ, жуютъ табакъ; съ огородовъ приносятъ хрѣнъ, лукъ, чеснокъ, полынь, по мнѣнію ихъ—цѣлительные въ лихорадкѣ, и все это съѣдается съ тѣмъ наслажденіемъ, которымъ у русскаго простолюдина сопровождается аппетитъ къ подобнымъ лакомствамъ, а что не съѣдалось, то пряталось подъ кроватями про запасъ. Въ аллопатическомъ отдѣленіи за такое своеволие нижніе чины подвергались строгой отвѣтственности, но на больныхъ Германа госпитальное начальство смотрѣло съ преднамѣренною снисходительностью, какъ будто такъ и быть должно. Вотъ въ какой обстановкѣ и при какихъ условіяхъ долженъ былъ Германъ доказывать превосходство гомеопатическаго лѣченія. Медицинское начальство, наблюдавшее за результатами его дѣйствій, донесло, что гомеопатическое лѣченіе не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ аллопатическимъ и опыты Германа, послѣ трехъ мѣсяцевъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Тульчинѣ были прерваны».

И такъ всегда. Какія бы мѣры правительство ни предпринимало съ цѣлью опытною убѣдиться въ пригодности гомеопатіи для лѣченія народа и войска, было ли дѣлаемо это по инициативѣ Императора или высокопоставленныхъ лицъ (великихъ князей, министровъ, управляющаго удѣлами), какіе бы блистательные результаты ни получались, какъ, напримѣръ, при лѣченіи холеры въ 1831, 1848 и пятидесятыхъ годахъ, страхъ потерять источникъ наживы, мѣста, оклады, потребление массы медикаментовъ, нежеланіе вникнуть въ дѣло—возбуждали во врачебномъ мірѣ предвзятую, корыстную, а потому и тѣмъ сильнѣйшую вражду къ новому ученію. Дѣло доходило до того, что въ 1832 и 1833 годахъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ существовало предположеніе о запрещеніи гомеопатическаго лѣченія. Вопросъ объ этомъ запрещеніи возникъ по инициативѣ медицинскаго департамента—этого высшаго у насъ медицинскаго учрежденія—и поддерживался особенно настойчиво извѣстнымъ въ свое время медикомъ, баронетомъ Вилліе, и только благодаря министру народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, и государственному контролеру, Хитрову, государственный совѣтъ ограничилъ это запрещеніе недопущеніемъ гомеопатіи въ больницы правительственныя и общественныя и тѣмъ же постановленіемъ (26 сентября 1833 года) узаконилъ частную практику врачей-гомеопатовъ.

Тѣмъ же интригамъ, проискамъ, подтасовкамъ, доходившимъ до представленія ложныхъ вѣдомостей, подвергся еще очень недавно одинъ изъ ученѣйшихъ гомеопатовъ въ Европѣ, д-ръ Грауфогель, вызванный изъ Нюрнберга финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Н. В. Адлербергомъ, для чтенія лекцій въ Гельсингфорскомъ университетѣ и завѣдыванія особо устроенной въ Гельсингфорсѣ гомеопатическою больницей. Благодаря этимъ проискамъ, болѣзни графа Адлерберга и отъѣзду съ нимъ за границу, по Высочайшему повелѣнью, доктора Грауфогля, дѣятельность послѣднго въ Россіи осталась безъ особенныхъ результатовъ.

Но въ то время, когда люди науки, стоявшіе во главѣ медицинскаго управленія Россіи, съ немовѣрнымъ чиновничьимъ усердіемъ напрягали всѣ свои силы на борьбу съ гомеопатіей, послѣдняя, хотя и медленно, пробивала себѣ путь, благодаря усиліямъ своихъ приверженцевъ — либо частныхъ лицъ, видѣвшихъ въ ней дѣйствительный, практически удобопримѣнимый и до крайности удешевленный способъ лѣченія народныхъ массъ, изъ числа коихъ особенно выдвигаются своею благотворною дѣятельностью С. Н. Корсаковъ, Н. Н. Муравьевъ и адмиралъ Мордвиновъ, — либо врачей, опытомъ, научнымъ изслѣдованіемъ дошедшихъ до вѣры въ ученіе Ганемана. Изъ числа послѣднихъ особенно выдается прежде бывшій гонитель гомеопатіи, извѣстный знатокъ русскаго языка, составитель «Толковаго словаря» и врачъ В. И. Даль. Написавъ въ 1833 году статью: «Самуилъ Ганеманъ всеразводитель», помѣщенную въ *Смѣль Отчества*, въ которой онъ прямо глумится надъ гомеопатіей, — Даль, живя затѣмъ въ Оренбургѣ, случайно былъ поколебленъ въ своемъ недо- вѣрїи къ гомеопатіи, а затѣмъ рядомъ научно-произведенныхъ опытовъ и наблюденій обращенъ въ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ приверженцевъ ея.

Въ 1841 году Л. А. Перовскій, бывшій въ то время товарищемъ министра удѣловъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, пригласилъ Даля къ себѣ на службу. Занимая въ теченіе восьми лѣтъ при министрѣ мѣсто правителя канцеляріи, Даль считался правою рукой Перовскаго. Такое положеніе дало ему возможность оказать дѣлу гомеопатіи существенную услугу: онъ не только убѣдилъ самого Перовскаго въ пользу гомеопатическаго метода, но и склонилъ къ открытію при петербургской больницѣ чернорабочихъ особаго отдѣленія въ 50 кроватей для лѣченія больныхъ исключительно гомеопатическимъ способомъ, а для лучшаго сравненія этого лѣченія съ аллопатическимъ открытъ для 50 больныхъ другое параллельное отдѣленіе — аллопатическое. Пріемъ больныхъ въ то и другое отдѣленіе былъ безвыборный, очередной, по мѣрѣ поступления ихъ въ больницу. Оба отдѣленія существовали 8 лѣтъ (съ 1847 по 1855 годъ), и вотъ результаты практики въ нихъ за все это время:

	Отдѣленіе аллопатич.	Отдѣленіе гомеопатич.
Поступило больных	2.782	5.900
Выздоровѣло	2.360	5.119
Умерло	413	756
Смертность	14%	12%
Среднее время пребыванія одного больного въ лѣченіи равнялось дней	27 ¹ / ₂	24 ¹ / ₄
Расходы на медикаменты за всѣ 8 лѣтъ.	5.660	960

Но выходѣ Дала изъ министерства и послѣ смерти графа Перовскаго (1856 г.) гомеопатическое отдѣленіе стало приходить въ упадокъ и за-вѣдывавшій имъ докторъ Штендеръ вышелъ въ отставку.

Оставивъ службу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Даль получилъ мѣсто управляющаго удѣльною конторой въ Нижнемъ-Новгородѣ и занималъ эту должность десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ больницѣ удѣльнаго вѣдомства другаго лѣченія, кромѣ гомеопатическаго, не было.

Въ концѣ книги мы находимъ слѣдующія данныя для сужденія объ успѣшности распространенія гомеопатіи въ Россіи:

«Въ двадцатыхъ годахъ, когда впервые она стала у насъ извѣстна, врачей-гомеопатовъ во всей Россіи, со включеніемъ Привислянскихъ губерній и Прибалтійскаго края, было всего только 5 человѣкъ, изъ которыхъ двое (Адамъ и Тришусъ) почти не практиковали. Успѣшное лѣченіе холеры въ первую эпидемію обратило многихъ врачей старой школы къ гомеопатіи, такъ что въ теченіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мы могли назвать болѣе сорока врачей, практиковавшихъ по гомеопатическому способу. Въ настоящее время ихъ въ Петербургѣ 12, въ Москвѣ 4, въ Ригѣ 4, въ Привислянскихъ губерніяхъ 5, въ провинціальныхъ городахъ Россіи 56, всего 81 человѣкъ.

«Въ началѣ была одна аптека — центральная въ Петербургѣ, теперь онѣ заведены въ Москвѣ — центральная и особое отдѣленіе при одной изъ аллопатическихъ аптекъ, въ Варшавѣ и Ригѣ. Изъ находящихся у насъ свѣдѣній о расходѣ гомеопатическихъ лѣкарствъ въ трехъ аптекахъ — петербургской, московской и рижской — видно, что изъ первой въ первый годъ ея существованія (1834 — 1835) отпущено было всего только по 2.000 рецептовъ, теперь же цифра эта дошла до 16.000; изъ московской аптеки въ первый годъ по учрежденіи ея, въ 1835 году, было отпущено по 3.026 рецептовъ, затѣмъ до 1839 цифра эта дошла до 6.613, потомъ до 1843 года она нѣсколько понизилась, но съ 1850 г., постепенно возрастая, доходить въ настоящее время до 10.000 номеровъ; въ рижской аптекѣ, учрежденной въ 1834 году, въ первое десятилѣтіе число поступившихъ рецептовъ съ 2.953 возросло до 9.309, затѣмъ въ 1855 г. до 13.021, въ 1865 г. до 14.718 и въ настоящее время доходитъ до 23.420. *Общество с. петербургскихъ врачей-гомеопатовъ*, въ настоя-

щее время, насчитываетъ дѣйствительныхъ членовъ 53 и членовъ-соревнователей 81. Въ другомъ обществѣ — *последователей гомеопатіи* — около 200 членовъ.

«Вотъ факты,—говоритъ авторъ книги,—которые доказываютъ несомнѣнный ростъ гомеопатіи въ Россіи, несмотря на упорное противодействіе ей со стороны медицинской администраціи. Большинство врачей Россіи—аллопаты, но число гомеопатовъ, открыто практикующихъ, увеличивается; мы говоримъ *открыто* практикующихъ, потому что есть и такіе врачи, которые, причисляя себя къ старой школѣ, въ практикѣ прибѣгаютъ и къ гомеопатическому лѣченію. Большинство публики лѣчится также аллопатически, но и тутъ видимъ, какъ это доказываетъ возрастающій съ каждымъ годомъ отпускъ гомеопатическихъ лѣкарствъ, что пациенты начинаютъ все болѣе и болѣе предпочитать гомеопатію».

Свой очеркъ, эту по-истинѣ эпопею борьбы науки въ сферѣ одной изъ ея отраслей, встрѣтившей поддержку общества и правительства, съ чиновническою частью нашего медицинскаго міра, съ его корыстью и боязнью утратить свое нынѣшнее значеніе и находящіяся въ его рукахъ источники жизни, авторъ заканчиваетъ такъ: «Но чего же мы хотимъ?—спросить насъ.—Развѣ не было опытовъ, возобновлявшихся почти каждое десятилѣтіе?... Мы хотимъ свободнаго преподаванія медицины и свободныхъ опытовъ; мы хотимъ, чтобы молодое поколѣніе врачей знакомилось съ великою идеей Ганемана и новою терапіей не по лекціямъ аллопатовъ, но по положеніямъ, выработаннымъ современною гомеопатическою наукой; мы хотимъ опытовъ не скороспѣлыхъ, не для вида только, но многолѣтнихъ и свободныхъ, доступныхъ лишь *наблюденіямъ* противниковъ гомеопатіи, но безъ всякаго съ ихъ стороны *административнаго вмешательства*; мы хотимъ, чтобы гомеопатія имѣла каедрю и клинику, какъ имѣетъ ихъ и аллопатическая медицина. Вотъ наше желаніе. Если ученіе новой медицины построено на пескѣ, если въ основаніи его ложъ и заблужденіе, то, будучи подвергнуто публичному обсужденію и публичной повѣркѣ на опытѣ, оно падетъ, какъ пали въ свое время и другія прославленныя ученія, вышедшія изъ нѣдръ аллопатической школы».

Закончимъ и мы нашъ отчетъ объ этой очень интересной, богатой свѣдѣніями и поучительной книгѣ обращеніемъ вниманія читателя на ту роль, на то значеніе, которыя, при дальнѣйшемъ распространеніи и развитіи, можетъ имѣть гомеопатія, столь удобопримѣнимая и экономная въ дѣлѣ земской медицины, въ дѣлѣ охраненія здравія народныхъ массъ, въ этой одной изъ важнѣйшихъ задачъ и наиболѣе серьезныхъ и трудныхъ обязанностей земства.

Б.

Иностранная библиографія.

Деревенское училище во время революціи. *Альберта Бабо.* (L'école de village pendant la révolution. *Albert Babeau*).

Съ тѣхъ поръ, какъ Франція сбросила съ себя позорное иго второй имперіи, признаки умственного и нравственного возрожденія все болѣе и болѣе множатся въ этой странѣ. Увлеченіе лживою славой кровавыхъ побѣдъ уступаетъ мѣсто дѣятельной работѣ для внутренняго благосостоянія. Само собою разумѣется, что просвѣщенное правительство республики обратило особенное вниманіе на распространеніе и улучшеніе народнаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ оживился интересъ и къ исторіи народной школы во Франціи.

Въ министерство г. Поля Берта, директоръ первоначальныхъ училищъ, г. Бюиссонъ, представилъ министру докладъ, въ которомъ указывалъ, что одинъ періодъ въ исторіи общественнаго образованія во Франціи до сихъ поръ остается мало изслѣдованнымъ: время съ 1789 года до консульства. Между тѣмъ эта эпоха въ высокой степени важна въ дѣлѣ развитія народнаго просвѣщенія. Г. Бюиссонъ предлагаетъ министру учредить правительственную комиссію для изданія всѣхъ относящихся къ официальной исторіи образованія документовъ, напоминая о приближающейся столѣтней годовщинѣ великой революціи. Г. Поль Бертъ вполнѣ одобрилъ предложеніе директора начальныхъ училищъ и немедленно учредилъ комиссію, въ своемъ предсѣдательствѣ. Вице-президентами комиссіи назначены знаменитые историки—Луи Бланъ и Анри Мартенъ, и извѣстный своими педагогическими трудами академикъ Греаръ. Занятія комиссіи начались въ январѣ нынѣшняго года прекрасною рѣчью бывшаго министра народнаго образованія, въ которой онъ указалъ на долгъ

современнаго общества по отношенію къ трудамъ людей, положившихъ прочныя основы новаго политическаго строя.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, слѣдовательно, Франція будетъ имѣть изданіе, достойное страны и людей, такъ много думавшихъ и работавшихъ для народнаго образованія. Но частныя лица уже приступили, вполне самостоятельно, къ изученію состоянія французской школы во время первой революціи. Къ числу работъ подобнаго рода относится сочиненіе Альберта Бабо подъ вышеназваннымъ заглавіемъ. Г. Бабо приобрѣлъ извѣстность своими изслѣдованіями о деревнѣ и городѣ во Франціи стараго порядка. Его новый трудъ представляетъ значительный интересъ.

Если всѣ согласны, — говоритъ авторъ, — въ томъ, что народное образованіе составляетъ одну изъ благороднѣйшихъ заботъ современнаго общества, то въ вопросѣ о средствахъ для достиженія этой высокой цѣли обнаруживается, наоборотъ, большое разногласіе. Причиной такого разногласія служитъ зависимость средствъ отъ принциповъ, которые кладутся въ основаніе народной школы, и здѣсь — то философскій духъ, свобода, религиозное чувство и стремленіе къ власти вступаютъ въ борьбу между собою. Поэтому скромная, повидимому, исторія начальнаго образованія имѣетъ въ дѣйствительности глубокое значеніе.

До 1789 года элементарное училище зависѣло отъ духовенства, общины, семьи. Революція, — говоритъ Бабо, — захотѣла подчинить это училище политическимъ и философскимъ ученіямъ.

Школы, гдѣ учили читать, писать и считать, были по всей Франціи. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ Лотарингія, почти въ каждомъ приходѣ находилось училище; въ другихъ, наоборотъ, школъ почти не существовало. Замѣчательно, что наиболѣе невѣжественными были и таковыми (сравнительно) остаются тѣ изъ французскихъ провинцій, кельтское населеніе которыхъ особенно мало смѣшалось съ другими племенами. Такова Бретань, гдѣ *охранительный духъ*, по формѣ и содержанию, напоминаетъ соответствующій духъ нашихъ самобытниковъ.

Французскій крестьянинъ XVIII вѣка все болѣе и болѣе чувствовалъ необходимость образованія. Онъ начинаетъ приносить имущественныя жертвы для того, чтобъ его дѣти посѣщали школу. На встрѣчу этому стремленію изъ глубины народа правительство не шло, и усилія духовенства (не особенно настойчивыя) облегчались только дѣятельностью немногихъ благотворительныхъ обществъ и частныхъ лицъ. Народные учителя были въ большинствѣ случаевъ плохо подготовлены.

Ихъ главнѣйшая забота состояла въ томъ, чтобъ угодить приходскому священнику, чтобы жить съ нимъ въ добромъ согласіи. Печальныя послѣдствія такой зависимости сказывались постоянно и возбуждали справедливыя жалобы современниковъ. Съ другой стороны начинаютъ слышаться требованія о томъ, чтобъ уровень народныхъ учителей былъ поднять, чтобы съ этою цѣлью были учреждены учительскія семинаріи. Хорошимъ въ старинномъ устройствѣ французскихъ народныхъ училищъ можно признать только избраніе учителей самою общиной (ищущій мѣста долженъ былъ имѣть одобрительное свидѣтельство отъ церковныхъ властей). Государство не вмѣшивалось въ это дѣло. Бургундскій интендантъ писалъ въ 1780 году, что школьные учителя должны зависѣть отъ мѣстныхъ жителей, которые платятъ учителю вознагражденіе.

Около 1760 года президентъ Ролланъ и многіе другіе выдающіеся люди выступили въ защиту *національнаго образованія*, которое они справедливо противопоставляли господствовавшей системѣ, отдавшей школы въ руки католическаго духовенства. Дидеро и другіе энциклопедисты потребовали, чтобы народное образованіе стало дѣломъ правительства, какъ выразился Вольтеръ, чтобъ оно было исключительно гражданскимъ, свѣтскимъ. Философская мысль пробуждала любовь къ ближнему, человѣчность. Провинціальныя академіи предлагаютъ темами для сочиненій на преміи и на другія почетныя награды вопросы о народномъ образованіи. Наказныя тетради, которыя привезли съ собою въ Парижъ депутаты въ генеральныя штаты, настойчиво говорятъ о необходимости умноженія и улучшенія школъ. Одна только община (Peirip, въ сенешальствѣ Э) выступила съ чудовищнымъ требованіемъ повсемѣстнаго закрытія училищъ.

Что же сдѣлала для народнаго образованія революція?

Національное собраніе, одушевленное самыми высокими намѣреніями, сдѣлало, по мнѣнію Бабо, ошибку, потребовавши присяги отъ священниковъ. Многіе изъ послѣднихъ отказывались исполнить требованіе правительства, учителя приходскихъ школъ ихъ поддерживали — и народное образованіе было дезорганизовано. Декретъ 15-го апрѣля 1791 года требуетъ гражданской присяги и отъ учителей. Тѣ, которые не подчинялись декрету, лишались мѣста; принявшіе присягу лишались учениковъ, такъ какъ крестьяне, подстрекаемые духовенствомъ, оказывали противодѣйствіе правительственнымъ распоряженіямъ и не пускали своихъ дѣтей въ школу, гдѣ учителемъ былъ неугодный духовенству человекъ.

Конвентъ, несмотря на угрожающія затрудненія, въ которыхъ находилось государство, съ особенною внимательностію и любовью занялся вопросомъ объ общественномъ образованіи, въ особенности о начальныхъ народныхъ школахъ. Но предписанія конвента, объявлявшія обученіе свободнымъ, бесплатнымъ и обязательнымъ, не могли получить дѣйствительнаго осуществленія въ странѣ, потрясенной изъ конца въ конецъ, раздираемой междоусобіями и принужденной въ то же время защищаться отъ иноземныхъ враговъ. Поэтому революція не могла почти ничего сдѣлать въ области народнаго (начальнаго) образованія, но за то она подготовила основы, на которыхъ консульство и имперія возвели бюрократическую систему образованія, а третья республика, разрушивъ все казарменное и лживое въ этой системѣ, на тѣхъ же основахъ воздвигаетъ величественную систему дѣйствительно народнаго, дѣйствительно свободного воспитанія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что революціонное правительство Франціи совершило не мало ошибокъ. Болѣе того: оно вступало иногда въ противорѣчіе идеямъ, во имя которыхъ велась самая революція, и спускалось до насилій, до преступленій. Но отъ этого, конечно, не уменьшается великое значеніе идей свободы, равенства и братства. Смѣшныя преувеличенія, которыми страдала бурная эпоха, отразились, разумѣется, и въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Извѣстно, какое громадное значеніе придавали многіе революціонные дѣятели установленію общественныхъ праздниковъ, которыми думали замѣнить въ душѣ народа праздники католической церкви. Безъ сомнѣнія, общественные праздники, на которыхъ вспоминаются свѣтлые историческіе дни и великіе люди, имѣютъ большое воспитательное значеніе. Но революціонное правительство впало въ этомъ отношеніи въ неслѣпую крайность. М. Ж. Шенье восклицалъ, что въ нравственномъ воспитаніи первое дѣло заключается въ учрежденіи національныхъ праздниковъ. Воскресенье уничтожается декретомъ, и днемъ отдыха назначается десятый день *декады*, долженствовавшей замѣнить недѣлю стараго порядка. Дѣти непремѣнно обязаны посѣщать республиканскіе праздники и выслушивать на нихъ длинныя рѣчи политическаго содержанія, и т. д.

Въ общемъ выводѣ революція, по мнѣнію Бабо, если не просвѣтила, то пробудила крестьянина. Многія идеи и общепользныя свѣдѣнія получили широкое распространеніе, и это отразилось, конечно, увеличеніемъ числа словъ, т. е. понятій, составляющихъ умственное содержаніе народа. Современныя демократы,—такъ кончаетъ свою книгу Бабо,—ча-

сто ищутъ для себя девиза; онѣ взываютъ къ свободѣ, къ равенству, къ братству, которыя могутъ быть политическими и общественными добродѣтелями, но которыхъ недостаточно для правильной жизни государства. Для Бабо девизомъ народа должно быть: *уваженіе и свобода*. Уваженіе вѣрованій, правъ, личной свободы должно быть поставлено во главу угла въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ.

Россія и русскіе. *Виктора Тиссо (La Russie et les russes, indiscretions de voyage. Victor Tissot. Troisième édition).*

Наше отечество все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ. Роль, которую Россія будетъ играть въ европейской исторіи, и событія внутренней жизни государства, поражающія необычайностію и ужасомъ, возбуждаютъ живой интересъ и въ нашихъ друзьяхъ, и въ нашихъ недругахъ. Исслѣдованія о Россіи, ея общественномъ строѣ и литературѣ такихъ писателей, какъ Анатолий Леруа-Больѣ, Мекензи Уоллесъ, Рамбо и нѣкоторые другіе, имѣютъ большое значеніе даже для русскихъ читателей.

Книга Тиссо подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ не принадлежитъ къ числу подобнаго рода сочиненій. Она написана занимательно, безъ вопиющихъ промаховъ, безъ нелѣпыхъ ошибокъ; но теперь это не составляетъ уже большой заслуги. Неточности встрѣчаются, однако, въ значительномъ количествѣ. Отмѣтимъ нѣкоторыя погрѣшности талантливаго автора «Путешествія въ страну миллиардовъ». Г. Тиссо называетъ Жуковскаго—le célèbre poète Shukosiki, Козьму Минина—Minime. Нашествіе монголовъ произошло, по мнѣнію легкомысленнаго писателя, въ XII столѣтіи; въ Малороссіи Тиссо открываетъ земельную общину съ ежегоднымъ передѣломъ полей. Священники, — утверждаетъ нашъ авторъ, — не посылаютъ дѣтей въ семинаріи, говоря, что мѣста ихъ все равно наследственны; духовенство будто бы не имѣетъ никакой юрисдикціи въ дѣлахъ догматическаго характера, и т. д.

Тиссо былъ порядочно напуганъ своими друзьями передъ путешествіемъ въ Россію. Но, благодаря разумнымъ предосторожностямъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимало почти полное отсутствіе книгъ и газетъ въ его багажѣ, благодаря рекомендаціямъ и, конечно, своей литературной извѣстности, Тиссо путешествовалъ съ большими удобствами. Послѣ живаго описанія грязи и вони Бердичева, авторъ съ особенною любовью останавливается на Малороссіи. Онъ набрасываетъ сравнительную характеристику великороса и малоросса, отчасти всѣмъ извѣстную, отчасти невѣрную, и

справедливо восхищается многими прекрасными свойствами южно-руссомъ. Нѣтъ народа,—говоритъ онъ,—душа котораго была бы болѣе поэтична, чѣмъ душа малоросса. И иначе быть не можетъ въ присутствіи величественныхъ степей и чуднаго неба. Жаль только, что Тиссо недостаточно внимательно отнесся къ племени, которое возбудило его вполне законныя симпатіи. Иначе онъ не говорилъ бы, напримѣръ, что малорусскій языкъ занимаетъ средину между польскимъ и чешскимъ. Малороссъ, по мнѣнію Тиссо, болѣе живъ и подвиженъ, чѣмъ великороссъ (*Svelte et élancé, il est plus souple et plus agile que le Grand-Russien*).

Французскій путешественникъ относится съ сочувствіемъ и къ великорусскому крестьянину, хотя и рассказываетъ про него нелѣпости, или обобщая единичные факты, или повѣривъ на слово своимъ, не всегда, оказывается, надежнымъ, руководителемъ. Какъ торопливый писатель скорѣ на выводы, можно судить изъ того, что, осмотрѣвъ одну фабрику въ Кіевѣ, онъ утверждаетъ, что русскій рабочій находится въ лучшемъ матеріальномъ положеніи, чѣмъ нѣмецкій, французскій и англійскій.

Бѣдный мужикъ, — восклицаетъ Тиссо, — что стало бы съ святою Русью безъ тебя? Не ты ли представляешь устой громадной и тяжелой имперіи? Не твоя ли грубая и сильная рука съѣтъ хлѣбъ? Не твоя ли кровь орошаетъ поля сраженій? Тебя упрекаютъ въ лѣности, но ты — сынъ спящей матери-природы. Но твоя весна придетъ и развѣтетъ.

Естественно, что такое сочувствіе русскому народу возбуждаетъ благодарное чувство въ русскомъ читателѣ. Только напрасно Тиссо первымъ дѣломъ пробужденія нашего крестьянина, его появленіемъ въ исторіи, считаетъ побѣдоносную, въ недалекомъ будущемъ, схватку съ германцемъ. Антипатія къ нѣмцамъ проходитъ замѣтною нитвою въ книгѣ Тиссо.

Прост имъ любознательному, стремительно любознательному французу такое толкованіе пословицы: «гусь свинѣ не товарищъ», по которому ею характеризуются будто бы отношенія у насъ между мужичной и женщиной, и скажемъ ему спасибо за теплый все-таки отзывъ о нашемъ крестьянинѣ. Тиссо справедливо указываетъ на вопіющіе недостатки русскаго бюрократическаго строя и на негодность нашей податной системы, вида въ нихъ главную причину упадка благосостоянія, столь замѣтнаго въ Великороссіи.

За описаніемъ Кіева, послѣ длиннаго отступленія о Демидовыхъ, Тиссо описываетъ Москву, дѣлая при этомъ прогулки въ нашу исторію, — прогулки, не всегда удачныя. Онъ говоритъ, напримѣръ, о царствованіи *Натальи, сестры Петра Великаго*, съ чѣмъ мы знакомимся впервые

изъ книги любознательнаго путешественника. Но за то гостиницы, трактиры и увеселительныя мѣста самаго разнообразнаго характера описаны авторомъ «Россіи и русскихъ» съ изумительными подробностями, съ богатствомъ красокъ, для русскаго писателя недоступнымъ.

Въ общемъ книгу Тиссо всего болѣе отличаетъ отъ названныхъ нами серьезныхъ сочиненій серьезныхъ писателей самодовольно-покровительственный тонъ представителя высшей культуры, который одобряетъ,—и одобряетъ искренне,—радушіе, встрѣчаемое имъ у русскихъ. Г. Тиссо намѣренъ еще разъ посѣтить Россію и написать сочиненіе о нашихъ религіозныхъ сектахъ. Желаемъ, чтобы въ этой будущей книгѣ обнаружилось болѣе пристальное изученіе русскаго народа, чѣмъ въ первомъ сочиненіи. Намъ не нужны любезности и заискиванія, насъ не введутъ въ заблужденіе двусмысленныя похвалы; но мы скажемъ сердечное спасибо за суровую правду и теплый отзывъ.

В. Гольцевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Картины родной дѣятельности.

Уже нѣсколько лѣтъ сряду у насъ продолжается упадокъ торговли, и чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ положеніе дѣлъ становится все хуже и хуже. Съ особенною ясностью этотъ упадокъ торговой дѣятельности замѣтенъ въ области нашихъ торговыхъ сношеній съ заграницею. Изъ «Обзора внѣшной торговли Россіи за 1880 г.» видно, что отпускъ товаровъ въ этомъ году, судя по общей цѣнности торговыхъ оборотовъ, былъ весьма неудовлетворителенъ, за исключеніемъ развѣ отпуска по азіатской границѣ. Въ самомъ дѣлѣ, было отпущено товаровъ:

	По европей- ской границѣ.	Въ Финлян- дію.	По азіатской границѣ.
Въ 1871 году на	352.758	7.609	8.904
» 1872 » »	311.552	6.156	9.331
» 1873 » »	345.858	8.824	9.757
» 1874 » »	411.211	10.296	10.303
» 1875 » »	360.601	11.709	9.503
» 1876 » »	379.257	12.027	9.414
» 1877 » »	508.282	12.751	6.901
» 1878 » »	596.544	12.331	9.290
» 1879 » »	606.414	10.847	10.506
» 1880 » »	476.365	9.602	12.704

Общій итогъ отпуска за это время составляетъ по всѣмъ тремъ границамъ:

	Въ тысячахъ рублей.
Въ 1871 году	369.271
» 1872 »	327.040
» 1873 »	364.439
» 1874 »	431.811
» 1875 »	381.951
» 1876 »	400.700
» 1877 »	527.935
» 1878 »	618.165
» 1879 »	627.768
» 1880 »	498.672

Между тѣмъ, какъ въ 1880 году нашъ отпускъ столь значительно уменьшился, привозъ иностранныхъ фабрикатовъ возросъ весьма значительно. Возрастаніе это замѣчается по всѣмъ тремъ границамъ. Вообще, привозъ товаровъ составляетъ:

	По европейской границѣ.	Изъ Фин- ляндіи.	По азіатской границѣ.	ИТОГО.
	Въ тысячахъ рублей.			(Въ рубляхъ.)
Въ 1871 г.	344.570	8.008	15.929	368.508.632
» 1872 »	407.657	8.333	19.235	435.226.202
» 1873 »	412.475	9.535	20.957	442.960.773
» 1874 »	440.153	10.678	20.549	471.381.055
» 1875 »	498.886	11.330	20.839	531.056.406
» 1876 »	442.789	10.328	24.464	477.581.561
» 1877 »	291.461	9.029	20.545	321.036.987
» 1878 »	557.714	9.762	28.104	595.582.192
» 1879 »	548.212	9.195	30.305	587.713.236
» 1880 »	578.333	11.442	33.035	622.811.871

Общій торговый оборотъ (считая въ томъ числѣ вывозъ и привозъ товаровъ, монеты и слитковъ, а также транзитный провозъ товаровъ) за 1880 годъ, сравнительно съ 1879 годомъ, представляетъ: по европейской границѣ уменьшеніе на 7,20%, по торговлѣ съ Финляндіей увеличеніе на 13,96%; въ общемъ же представляется уменьшеніе на 6,16%.

Въ слѣдующемъ году наша заграничная торговля не только не улучшилась, но упала еще болѣе. Вѣдомость департамента таможенныхъ сборовъ о движеніи торговли въ 1881 году указываетъ на общее ослабленіе нашихъ торговыхъ сношеній съ заграницею какъ по привозу иностранныхъ товаровъ, такъ и по отпуску за границу русскихъ продуктовъ. Впрочемъ, въ нашемъ отпускѣ главная статья его, хлѣбъ, достигаетъ почти той же цифры, въ какой онъ былъ вывезенъ и въ предшествовав-

шесть 1880 году (23.805.000 противъ 23.832.000 четвертей); по родамъ же хлѣба вывозъ пшеницы возросъ слишкомъ на два милліона четвертей (8.226.000 противъ 6.139.000 четв.) и ячменя на 840.000 четв. ($2\frac{2}{3}$ противъ $1\frac{3}{4}$ милл. четв.), тогда какъ отпускъ ржи уменьшился на 1.707.000 четв. ($4\frac{1}{2}$ противъ шести милліон. четв.), овса на 688.000 четв.; всѣ остальные виды хлѣбныхъ продуктовъ тоже дали болѣе или менѣе значительное уменьшеніе, равно какъ и сѣмя льняное, конопляное и масляничное. Но особенно поразительное сокращеніе отпуска представляеть спиртъ, котораго въ 1881 году вывезено всего 623.488 пудовъ противъ 1.495.120 пуд. въ 1880 году, т. е. почти на 140% меньше. Вывозъ табака упалъ еще больше, почти на 250% (41.581 противъ 142.995 пуд.). Изъ другихъ статей пониженіе отпуска дали: скотъ крупный (23.822 противъ 33.944 штукъ), мелкій скотъ (650.000 противъ 1.106.000 шт.), сало скотское (284.785 противъ 426.531 пуд.), шерсть (1.141.000 противъ 1.663.000 пуд.), лѣсной товаръ (29.648.000 противъ 32.906.000 руб., т. е. $3\frac{1}{4}$ милл. руб.); наконецъ, отпускъ желѣза упалъ съ 8.142.000 на 187.000 пуд. За то всѣ растительныя прядильныя вещества и издѣлія изъ нихъ представляютъ довольно значительное увеличеніе вывоза; въ этомъ отношеніи укажемъ, прежде всего, на ленъ, вывезенный на $3\frac{2}{3}$ милл. пуд. болѣе (около 13 милл. противъ $9\frac{3}{8}$ милл. пуд.), пеньку ($4\frac{3}{4}$ противъ $3\frac{3}{8}$ милл. пуд.), пеньку, пряжу пеньковую, холстъ, веревки и канаты, тряпье. Мягкая рухлядь тоже дала приращеніе съ 80.215 на 91.310 пуд. Въ привозной торговлѣ изъ 36-ти статей увеличеніе ввоза представляютъ только восемь; изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе соль, привезенная на 2.314.000 пуд. болѣе противъ 1880 года ($11\frac{2}{3}$ противъ 9 милл. пуд.). На ряду съ солью возросъ также привозъ соленыхъ сельдей и другой рыбы на 1 милл. слишкомъ пудовъ. Затѣмъ, хлопчатая бумага дала приращеніе ввоза почти вдвое (8.217.000 противъ 4.886.000 пуд.). По остальнымъ 28-ми статьямъ вѣдомость представляеть повальное пониженіе ввоза. Наиболѣе выдающіяся въ этомъ отношеніи статьи суть: чай (626.000 противъ 1.146.000 пуд.), масло деревянное (1 противъ $1\frac{1}{2}$ милл. пуд.), вино виноградное (700.000 противъ 1.144.000 п.), шампанское (365.000 противъ 1.100.000 бут.), желѣзо разное ($6\frac{1}{2}$ противъ $9\frac{2}{3}$ милл. пуд.), рельсы (900.000 противъ $3\frac{1}{16}$ милл. пуд.), паровыя машины и локомобили (1.418.000 противъ 4.015.000 пуд.) и проч.

Вслѣдствіе сокращенія граничныхъ торговыхъ сношеній послѣдовало уменьшеніе таможенного дохода. Отчетъ таможенного сбора за 1881 годъ указываетъ на весьма неудовлетворительные результаты поступленія этой отрасли государственныхъ доходовъ, несмотря на то, что именно съ 1-го января 1881 года вошелъ въ силу вновь установленный десятипроцентный добавочный къ таможеннымъ пошлинамъ сборъ. Въмѣсто естественнаго, вслѣдствіе возвышенія пошлинъ, увеличенія дохода, въ пропорціи хотя бы и меньшей противъ надбавленныхъ 10%, получился весьма оцу-

тительный недоборъ. Дѣйствительно, въ 1881 году поступило всего: металлическихъ рублями въ наличныхъ деньгахъ 48.047.786 руб. и въ за-
логахъ 7.093.636 руб. и кредитными рублями 1.569.048 рублей, или, перечисляя металлические рубли въ кредитные по курсу, принятому для государственной росписи, т. е. по 25 пенсовъ на Лондонъ, всего 84.281.181 руб. кредитныхъ. Сборъ этотъ представляетъ пониженіе противъ сбора 1880 г. на 19.500.000 руб.

Всѣмъ извѣстно, что наша внутренняя торговля въ 1880 и 1881 годахъ пострадала еще болѣе, чѣмъ заграничная торговля, а неурожай и общее обѣдненіе сдѣлали населеніе несостоятельнымъ къ покупкѣ обычныхъ продуктовъ обрабатывающей промышленности и повели къ значительному сокращенію промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ. Какъ торговля, такъ и промышленность находились въ полномъ застоѣ и бездѣйствіи до осени прошлаго года, когда, благодаря урожаю, послѣдовало нѣкоторое оживленіе въ дѣлахъ. Нашимъ читателямъ изъ предыдущихъ обзорѣннй ужь извѣстно, что это торговопромышленное оживленіе было весьма непродолжительно и къ концу года снова водворился прежній застоѣ и неподвижность.

Скучно встрѣчалъ торговый людъ въ обѣихъ столицахъ новый 1882 годъ. Обращаясь назадъ къ прожитымъ годамъ, онъ видѣлъ безостановочно продолжающійся упадокъ торговли, а въ будущемъ ему рисовались однѣ лишь ужасныя картины банкротства. Настоящее въ обѣихъ столицахъ было совершенно одинаково, такъ что, читая тогдашнія газетныя извѣстія изъ Москвы и Петербурга, невольно приходитъ въ голову мысль, что эти сообщенія представляютъ одну лишь перефразировку. Напримѣръ, по словамъ корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, «взглядъ на экономическое положеніе Москвы въ концѣ 1881 года приводитъ къ весьма неутѣшительнымъ результатамъ. Благодаря повсемѣстному застою въ торговлѣ, наша промышленность замѣтно падаетъ, возрастающая дороговизна на всѣ предметы затрудняетъ существованіе; торговля въ магазинахъ передъ рождественскими праздниками никогда еще не отличалась такою вялостью, какъ въ нынѣшнемъ году, и это явленіе совершенно понятно: благодаря общему экономическому недугу—застою въ торговлѣ, доходы у всѣхъ сокращаются». Новый годъ въ Москвѣ начался банкротствомъ банкира Блюха, который бѣжалъ за границу, оставивъ въ конторѣ всего лишь 1.200 руб. кредитными билетами и бумагами разныхъ лицъ. Вслѣдствіе паденія торговаго дома Блюха, банковская контора Крапоткина и К^о приостановила платежи по взносамъ и Крапоткинъ объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ.

Положеніе дѣлъ въ Петербургѣ наканунѣ новаго года было охарактеризовано въ газетѣ *Порядокъ* слѣдующими чертами: «Промышленность падаетъ, вслѣдствіе увеличивающагося повсемѣстно застою въ торговлѣ. Никогда еще городская магазинная, детальная торговля не шла передъ

рождественскими праздниками такъ худо, какъ въ нынѣшнемъ году. Обороты громаднаго большинства магазиновъ сократились болѣе чѣмъ на половину противъ прошлаго года. Немудрено поэтому, что количество нестоятельствъ начинаетъ принимать обширные размѣры и что единственные въ мірѣ «русскія мѣста для заключенія несправныхъ должниковъ» — долговныя отдѣленія — уже теперь несполнены. Въ Петербургѣ, точно также какъ и въ Москвѣ, новый годъ открылся банкротствомъ. Такъ, напримѣръ, передъ новымъ годомъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ одинъ изъ выдающихся коммерсантовъ, г. Н — въ, ведшій обширную заграничную торговлю желѣзомъ, скупаемымъ имъ по всѣмъ южнымъ заводамъ Урала. Банкротство его, простирающееся на сумму въ 2.600.000 рублей, произвело въ петербургскомъ торговомъ мірѣ подавляющее впечатлѣніе, такъ какъ г. Н — въ пользовался всегда репутаціей честнаго и осторожнаго дѣльца. Причиной банкротства считаютъ повсемѣстный застой въ дѣлахъ. Печальное положеніе дѣлъ въ Петербургѣ ясно выражается въ прекращеніи постройки новыхъ домовъ. Извѣстно, что, въ послѣдніе годы, Петербургъ быстро разрастался и въ немъ ежегодно воздвигалось множество новыхъ, громадныхъ домовъ. Но въ нынѣшнемъ году постройки вдругъ пріостановились. Въ строительную комиссію Петербурга представлено въ нынѣшнемъ году всего только 27 архитектурныхъ проектовъ новыхъ построекъ. Цифра эта, въ первые три мѣсяца нынѣшняго года, сравнительно съ предшествовавшими годами, не исключая и прошлаго, поражаетъ своею незначительностью. Кромѣ того, по банковымъ даннымъ, недвижимая собственность въ Петербургѣ сильно падаетъ въ цѣнѣ. На заложенные въ кредитныхъ учрежденіяхъ и, за неуплатою своевременно выданныхъ ссудъ, поступающіе въ продажу дома почти не находятъ покупателей. *Русскія Вѣдомости* сообщаютъ, что въ одномъ Петербургско-Тульскомъ банкѣ, въ настоящее время, имѣется въ продажѣ до 400 домовъ, но желающихъ пріобрѣсти ихъ — нѣтъ. Вслѣдствіе этого и полученіе денегъ подъ залогъ домовъ въ Петербургѣ весьма затруднительно, въ особенности у частныхъ лицъ, подъ вторыя закладныя. Но и подъ первыя закладныя банки начинаютъ уже отказывать многимъ въ пріемъ въ залогъ домовъ, ссылаясь на крайне неудовлетворительную постройку послѣднихъ. Спекулировавшіе же на этомъ поприщѣ частныя лица рѣшительно воздерживаются теперь отъ всякихъ сдѣлокъ, въ виду того, что и по первой закладной не представляется возможнымъ выручать сумму, выданную въ ссуду. Въ виду всего этого не только Петербургско-Тульскій, но и другіе банки намѣрены значительно уменьшить оцѣнку принимаемыхъ въ залогъ домовъ. Упадокъ благосостоянія и недостаточность обычныхъ средствъ къ жизни, вслѣдствіе непомерно увеличившейся дороговизны на все, заставили жителей Петербурга отказываться отъ удовольствія провести на дачѣ нынѣшнее жаркое лѣто. Весьма значительная часть дачъ въ окрестностяхъ столицы остались въ

нынѣшнемъ году незаняты. Такъ, въ Павловскѣ, Царскомъ-Селѣ, Шуваловѣ, Озернахъ и Лѣсномъ можно было нанять дачи со всѣми удобствами за половинную противъ прежнихъ лѣтъ плату; въ Петергофѣ также существуетъ множество дачъ, несмотря на то, что пожаръ въ Ораніенбаумѣ истребилъ цѣлый рядъ домовъ. Вообще Петербургъ столь замѣтно сталъ пустѣть, что даже дровяники сокращаютъ запасы топлива. Такъ, по словамъ *Русскихъ Вѣдомостей*, подвозка лѣса и дровъ изъ лѣсныхъ дачъ, прилегающихъ къ притокамъ озеръ Ильмена и Ладожскаго, для сплава въ Петербургъ, производилась въ нынѣшнемъ году въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ; поэтому и приходъ барокъ съ дровами будетъ значительно меньше противъ прошлогодняго. Еслибы не огромные запасы дровъ, образовавшіеся благодаря теплой зимѣ, то можно бы ожидать значительной дороговизны топлива въ Петербургѣ.

Въ Одессѣ положеніе торговыхъ дѣлъ не лучше, если еще не хуже, чѣмъ въ столицахъ. Одесскій корреспондентъ *Голоса* сообщаетъ: «общій экономическій застой на всѣхъ европейскихъ торговыхъ рынкахъ, въ прошломъ году, отразился и на нашей отпускной торговлѣ. Благодаря урожаю, мѣстные экспортеры рассчитывали на большой вывозъ зерна, но надежды ихъ далеко не оправдались: прошлый годъ оказался нѣсколько удачнѣе предшествовавшаго 1880 года, но гораздо ниже двухъ предыдущихъ годовъ. Судя по таможеннымъ вѣдомостямъ, въ прошломъ году изъ одесскаго порта вывезено за границу товаровъ на 45.452.600 рублей, въ томъ числѣ зерновыхъ продуктовъ около 4.830.000 четвертей, на сумму свыше 35.530.000 руб.,—слѣдовательно, на долю остальныхъ предметовъ вывоза, каковы: шерсть, спиртъ, сахаръ, домашнія животныя, шелкъ сырецъ и проч. и проч.,—приходится менѣе 10.000.000 руб. Какъ въ 1880 году, такъ и въ 1881 году, нашъ отпускъ на нѣсколько милліоновъ рублей менѣе привоза, и хотя сумма отпуска показана на 10—15% ниже дѣйствительной, что происходитъ отъ низкой оцѣнки нѣкоторыхъ предметовъ (напримѣръ, четверть пшеницы оцѣнивается въ 10 руб., хотя средняя цѣна ея при отпускѣ за границу 12—13 руб.; ленъ—тоже; волъ оцѣнивается въ 30 руб., а въ дѣйствительности стоитъ отъ 40 до 50 руб. и т. д.), но такой же процентъ слѣдуетъ прибавить и къ суммѣ привоза, такъ что выйдетъ одно и то же. По сравненію съ 1880 годомъ, въ прошломъ году отпуска болѣе на 3½ милл. руб. (42.000 000 руб.), а по сравненію съ привозомъ за 1881 же годъ (49½ милл. руб.) менѣе на 4.000.000 руб. Сумма привоза въ 1881 году—49.516.000 руб.—почти на 2.000.000 руб. превышаетъ привозъ 1880 года (47.774.000 р.)». Еврейскіе погромы на югѣ нанесли громадный ущербъ торговлѣ Одессы. Множество крупныхъ и мелкихъ торговцевъ изъ евреевъ разорились, а другіе ликвидируютъ свои дѣла и оставляютъ Россію. Такъ, напримѣръ, банкирскій домъ «Игнатій Ефруси и К^о» разослалъ своимъ агентамъ циркуляръ, извѣщающій, что

съ перваго іюля онъ ликвидируетъ свои дѣла въ Одессѣ и переноситъ свою дѣятельность за границу. По словамъ *Голоса*, этотъ банкирскій домъ существуетъ съ 1834 года, совершаетъ обороты на сотни милліоновъ рублей въ годъ и извѣстенъ не только въ Россіи, но и повсюду за границу. Мотивомъ для ликвидаціи дѣлъ фирмы «Ефруси», какъ говорятъ, послужило слѣдующее: много лѣтъ назадъ, во время бывшихъ въ Одессѣ антиеврейскихъ беспорядковъ, у одного молитвеннаго дома были задержаны многіе евреи, какъ участники драки съ нападавшими на нихъ греками, или какъ свидѣтели происходившаго; въ числѣ свидѣтелей былъ задержанъ и отведенъ въ полицію какой-то старикъ, оказавшійся впоследствии банкиромъ Іоахимомъ Ефруси, котораго продержали въ полиціи безъ пищи около десяти часовъ и потомъ освободили; послѣ этого старикъ Ефруси переѣхалъ на жительство въ Вѣну и тамъ умеръ. Банкирскимъ домомъ продолжалъ управлять Игнатій Ефруси, къ которому потомъ присоединились сыновья умершаго его брата Леона. Еврейскіе погромы въ Елисаветградѣ, Кіевѣ, Одессѣ, бывшіе въ 1881 году и повторившіеся въ нынѣшнемъ году въ Балтѣ, Дубосарахъ, Александріи и въ другихъ городахъ, напомнили И. Ефруси случай съ его отцомъ, и онъ рѣшился ликвидировать свои дѣла въ Россіи. Весною, послѣ беспорядковъ въ Балтѣ, Одесса дошла до такого же печальнаго положенія, какое мы наблюдали въ Петербургѣ. Въ апрѣлѣ *Одесскій Вѣстникъ* сообщалъ, что нѣсколько крупныхъ христіанскихъ фирмъ въ Одессѣ по мануфактурной торговлѣ, а также табачные фабриканты понесли значительные убытки, выражающіеся суммами въ десятки тысячъ руб. Торговыхъ дѣлъ почти никакихъ, кредитъ самый ограниченный, отправка товара на комиссію изъ Одессы во внутрь сузилась до minimum'a. Весьма многіе владѣльцы магазиновъ въ Одессѣ совершенно ликвидируютъ и ждутъ только окончанія наемныхъ сроковъ, для того чтобы прекратить дѣятельность. Фактъ этотъ повліялъ нѣсколько на уменьшеніе цѣнъ на квартиры и магазины въ Одессѣ. Цѣны упали приблизительно на 25%. Такое печальное положеніе дѣлъ не измѣнилось къ лучшему съ теченіемъ времени: напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ становится все хуже и хуже. Въ іюнѣ одесскій корреспондентъ *Голоса* писалъ слѣдующее: «По всѣмъ отдѣламъ торговли и промышленности застой какъ у насъ въ Одессѣ, такъ и вокругъ насъ на большое разстояніе. Перспектива же, въ виду вообще плохого урожая, а по всему побережью Чернаго моря полнаго неурожая—заставляетъ задумываться всѣхъ. Новыхъ дѣлъ нѣтъ. У насъ, въ Одессѣ, сильно ликвидируютъ прежнія сдѣлки. Бывшее большое депо хлѣба истощается. Въ нынѣшнемъ году, по 4 іюня, полукопѣчнаго сбора поступило 167.227 руб. 53 коп., т.-е. отправлено уже за границу хлѣба 33.045.506 пуд., или почти въ три раза болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Усиленному вывозу хлѣба способствуютъ паденіе курса и небывалое пониженіе фрахтовъ». Послѣ того въ іюлѣ писали изъ Одессы

Русскимъ Вѣдомостямъ, что послѣднія событія въ Египтѣ не мало тревожатъ одесскій торговый міръ. Сношенія Одессы съ Александріей были регулярны, и если не такъ значительны, какъ сношенія съ Марселью и Лондономъ, то все же и немаловажны. Прекращеніе этихъ сношеній нанести порядочный убытокъ мѣстной торговлѣ.

Еврейскіе погромы съ одной стороны, а съ другой — стѣснительныя мѣропріятія противъ евреевъ, практиковавшіяся во время министерства графа Игнатіева, нанесли громаднй ущербъ торговлѣ въ южной Россіи. Для примѣра мы укажемъ, какое губительное вліяніе на экономическое положеніе дѣлъ въ Кіевѣ оказалъ, бывшій тамъ въ прошломъ году, ужасный погромъ евреевъ и затѣмъ выселеніе ихъ изъ Кіева по требованію полиціи. Благодаря разоренію евреевъ, кіевскіе контракты въ нынѣшнемъ году прошли чрезвычайно вяло: съѣздъ иногородныхъ торговцевъ былъ очень незначителенъ; мануфактурныхъ и мѣховыхъ товаровъ, готовой одежды и серебряныхъ и золотыхъ издѣлій, особенно галантерейныхъ товаровъ и бѣлья—продано на половину меньше, чѣмъ въ прошломъ году; торговля въ послѣдніе три ярмочные дня, составляющіе главную основу торговцевъ, обманула ихъ ожиданія. Весною, въ апрѣлѣ, началось выселеніе изъ Кіева тѣхъ евреевъ, которые вовсе не имѣютъ права проживать тамъ, и переселеніе въ Лыбедскій и Плосскій участки тѣхъ, которые не имѣютъ права проживать въ остальныхъ участкахъ. Цѣлыя тысячи были высланы изъ Кіева и изъ нихъ только немногіе выѣхали въ близлежащія мѣста, а остальные выселились въ Америку и Палестину. Домашнее хозяйство выселяемыхъ евреевъ продавалось за безцѣнокъ, чуть не даромъ. Послѣдствіемъ этой высылки было то, что въ Лыбедскомъ и Плосскомъ участкахъ квартиры переполнились евреями и поднялись въ цѣнѣ вдвое и втрое, а въ Подольскомъ участкѣ, гдѣ по преимуществу жили евреи, сразу опустѣло болѣе 600 квартиръ. Въ тѣхъ участкахъ, гдѣ евреямъ запрещено жить, цѣна на дома упала, вслѣдствіе чего городской банкъ потребовалъ, на срокъ платежа процентовъ, вноса 10% на капиталъ; но домовладѣльцы не только не платятъ проценты, но многіе сами нуждаются въ средствахъ къ жизни. «Банкъ,—по словамъ *Голоса*,—ежедневно протестуетъ венселя и дома назначаются въ продажу. Построекъ въ Кіевѣ почти никакихъ не производится и по этой причинѣ дѣсной матеріалъ потерялъ въ цѣнѣ 30%, а кирпичъ—10 руб. на каждую тысячу. Многіе дѣсопромышленники и кирпичезаводчики желаютъ продать свои склады и заводы за 50% настоящей ихъ стоимости». Разореніе евреевъ и изгнаніе ихъ изъ Кіева весьма замѣтно отразилось нынѣшнимъ лѣтомъ на оборотахъ Онуфріевской ярмарки въ Кіевѣ. «Всякаго, кто бывалъ на нашихъ ярмаркахъ, — рассказываетъ кіевскій корреспондентъ *Голоса*, — невольно поражаетъ на нынѣшней ярмаркѣ отсутствіе всякаго движенія, даже обычнаго, скудость внѣшней ярмарочной обстановки, не говоря уже о торговлѣ. Представьте себѣ нѣсколько балаганчиковъ съ

нѣсколькими полупустыми полками, оберегаемыми нѣсколькими полудремлющими зѣваками—вотъ вамъ и Онуфріевская ярмарка. Нашъ Александровскій рынокъ, на которомъ ежедневно самая кипучая жизнь, самое живое движеніе, теперь пустъ; весь рыночно-торговый людъ, весь собирающийся здѣсь ежедневно рабочій людъ перешелъ въ другую сторону и очистилъ мѣсто для «Онуфріевской ярмарки», чтобы дать просторъ ярмарочному движенію. А между тѣмъ прикащики отъ бездѣля на ярмаркѣ скучаютъ. Пріѣзжіе торговцы, числомъ до полудюжины, выражаютъ сожалѣніе о напрасной тратѣ времени и денегъ. Они едва ли продадутъ товара настолько, сколько придется издержать на необходимыя ярмарочныя издержки, количество которыхъ вовсе не такъ велико. Торговцевъ извѣстныхъ фирмъ ни изъ Варшавы, ни изъ Одессы, ни изъ Москвы нѣтъ; эти торговцы составляли почти все движеніе ярмарки. Вышній видъ и изящество разнородныхъ товаровъ привлекали массу лицъ, которыхъ волей-неволей покупали; пріѣзжали также изъ другихъ городовъ и дѣлали громадныя покупки. Сумма платежей на Онуфріевской ярмаркѣ за одни сукна, трико и другіе мануфактурные товары, нѣсколько лѣтъ назадъ, достигала до 150.000 руб.; теперь же она не достигаетъ и одного десятка тысячъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ярмарка всегда открывалась 15 іюня. Съ 15 мая уже законтрактывывались дома (квартиры), преимущественно на Подолѣ. Ближайшія улицы были биткомъ набиты пріѣзжими, ярмарочными гостями. Одинъ домъ Киселевскаго, стоящій ближе другихъ къ ярмарочной площади, заключающій до 23 комнатъ, извлекалъ ежегодно, во время Онуфріевской ярмарки (за шесть семь недѣль), болѣе 3.000 руб. дохода, въ видѣ наемной платы. Съ 1 іюня начинали транспортировать громадныя количества товаровъ, часть которыхъ хранилась въ подвалахъ и погребкахъ въ видѣ запасовъ. Съ 10 іюня начиналось кипучее ярмарочное движеніе. Александровскій рынокъ съ этого дня, въ продолженіе пяти-шести недѣль, будто кипѣлъ какъ днемъ, такъ и ночью; нельзя было пробиваться сквозь густую толпу публики. Теперь же бѣдный Александровскій рынокъ облеченъ въ какой-то трауръ; нѣтъ ни товаровъ, ни людей, нѣтъ и движенія. Отчего это? Чѣмъ объяснить все это? — Отвѣчать, очень нетрудно. Фабрикъ не уменьшилось, промышленниковъ и потребителей не только не уменьшилось, но даже увеличилось; Кіевъ, по отношенію къ сообщенію, также не измѣнился: тотъ же Дняпръ, то же шоссе, та же дорога. Причины такого поразительнаго упадка нужно, слѣдовательно, искать въ чемъ-нибудь другомъ— въ отсутствіи кредита, въ полной неувѣренности за завтрашній день, въ потерѣ довѣрія. Нечего и говорить, что избиеніе евреевъ и изгнаніе ихъ съ мѣста жительства играютъ въ данномъ случаѣ видную роль. Что по-сѣбѣли, то и пожинаемъ».

Преслѣдованіе евреевъ до такой степени губительно отразилось на торговыхъ оборотахъ даже далеко за чертой еврейской осѣдлости, что, наконецъ,

вызвало громкій протестъ со стороны нервостатейныхъ русскихъ купцовъ, которые высказывали опасеніе «весьма грозныхъ послѣдствій», если продолжится гоненіе евреевъ. 5 го мая П. И. Рябовъ, глава известной фирмы и предсѣдатель серпуховской земской управы, вмѣстѣ съ директоромъ даниловской мануфактуры, Н. И. Шукнинымъ, представили министру финансовъ, подписанную представителями 50-ти значительныхъ московскихъ фирмъ, петицію объ охранѣ интересовъ русской торговли, страдающихъ отъ разоренія торговцевъ евреевъ. Въ этой петиціи слѣдующими чертами выяснены убытки русской торговли отъ продолжавшагося цѣлый годъ гоненія на евреевъ. «Дѣятельность евреевъ въ отношеніи московской торговли выражается двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, въ чертѣ ихъ постоянной осѣдлости, если въ тѣхъ мѣстахъ оптовая торговля распределена между евреями и христіанами болѣе или менѣе равномерно, то торговля розничная тамъ почти вся въ рукахъ евреевъ. Событія послѣдняго времени не только отразились на непосредственныхъ жертвахъ погромовъ, но поселили страхъ и неувѣренность во всемъ классѣ розничныхъ торговцевъ изъ евреевъ: они сократили покупки и остановили платежи—многіе поневолѣ—мѣстнымъ оптовымъ купцамъ, которые, въ свою очередь, суть покупатели и дебиторы московскихъ фирмъ. Уже на бывшихъ въ прошедшую зиму украинскихъ ярмаркахъ замѣтно было подавленное состояніе торговли, вызванное паникой, овладѣвшею еврейскимъ населеніемъ. На послѣдней же харьковской ярмаркѣ еврейскіе торговцы брали только 1/4 часть противъ прошлагодныхъ закупокъ. Весьма замѣтное теперь въ Москвѣ сокращеніе покупокъ и заказовъ для тѣхъ мѣстъ нельзя не приписать той же причинѣ и вызываетъ серьезныя опасенія. Во-вторыхъ, проживающіе въ Москвѣ евреи суть въ значительномъ числѣ посредники между московскою промышленностью и западными и южными губерніями Имперіи. Посредничество это выражается въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: они являются или агентами мѣстныхъ купцовъ, крупныхъ и мелкихъ, или ихъ компаніонами, или комиссіонерами, и, притомъ, такими, которые принимаютъ на себя ручательство предъ московскими фирмами за своихъ мѣстныхъ комитентовъ, такъ что московскій фабрикантъ, отпуская товаръ какому-нибудь купцу изъ тѣхъ мѣстъ, не рѣдко его и не знаетъ, а довѣряетъ ему лишь потому, что такой-то изъ живущихъ въ Москвѣ евреевъ его комиссіонеръ. Въ продолженіе 10—20 лѣтъ, съ того времени, какъ евреямъ былъ открытъ болѣе или менѣе легкій доступъ въ Москву, торговля сношенія Москвы съ западными и южными губерніями получали обширное развитіе: этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія правительства еще и потому, что московская промышленность въ тѣхъ краяхъ встрѣчаетъ сильную конкуренцію польскихъ и иностранныхъ, австрійскихъ и германскихъ, фабрикъ. Помянутому классу посредниковъ принадлежитъ не послѣдняя роль въ установленіи прочнаго рынка въ томъ краѣ для про-

изведеній московской промышленности. Вотъ почему удаленіе евреевъ изъ Москвы, стѣсненіе ихъ сюда прїѣзжать и селиться—вредно отзовется на ходъ этой торговли. Прочныя и правильныя торговыя сношенія не могутъ образоваться съ лицами лишь случайно и временно прїѣзжающими, пребываніе которыхъ въ Москвѣ будетъ обставлено разными стѣсненіями. Напротивъ, стремленіе къ Москвѣ, къ пріобрѣтенію въ ней осѣлости, заслуживаетъ, съ точки зрѣнія интересовъ московской торговли, поощренія, ибо самый фактъ осѣлости такого лица въ Москвѣ, веденіе дѣла, такъ сказать, у насъ на глазахъ служить уже въ огромномъ числѣ случаевъ ручательствомъ въ его благонадежности или средствомъ для оцѣнки его кредито-способности. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что правительство приняло уже самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы впредь не повторялись эти еврейскіе погромы, но не можемъ не повторить передъ вашими высокопревосходительствомъ, что отъ нихъ терпятъ не только мѣстные жители, евреи и христіане, но что они приносятъ весьма ощутительный вредъ всей русской торговлѣ. Если теперь уже испытывается застой въ дѣлахъ, который долженъ быть приписанъ бывшимъ въ тѣхъ мѣстахъ неурядицамъ, то должно, при повтореніи ихъ, предвидѣть для московской торговли весьма грозныя послѣдствія, ибо Москва кредитуетъ тамошній край на десятки милліоновъ». Вслѣдъ за московскимъ купечествомъ высказались въ томъ же смыслѣ и представители харьковскихъ торговыхъ фирмъ. 16-го мая, на обѣдѣ въ коммерческомъ клубѣ, купеческій староста Н. А. Жевержеевъ предложилъ ходатайствовать предъ правительствомъ, по примѣру московскаго купечества, о благопріятномъ разрѣшеніи еврейскаго вопроса, согласно требованіямъ гуманности и достоинству русскаго народа. Мысль эта была встрѣчена полнымъ сочувствіемъ. Присутствовавшіе представители харьковскаго купечества: гг. Акименко, Орловъ, Рыжовъ, Пономаревъ, Фришъ, Горбуновъ, Каревъ и другіе—высказали, какъ вредно отзываются на интересахъ купечества еврейскіе погромы и стѣсненіе евреевъ въ правѣ избирать себѣ мѣсто жительства.

Торговля въ приазовскихъ портахъ потерпѣла крушеніе и находилась почти въ полномъ бездѣйствіи со времени открытія злоупотребленій въ таганрогской таможнѣ. Злоупотребленія заключались въ систематическомъ пропускѣ чрезъ таможню громаднаго количества товаровъ, неоплаченныхъ пошлиной. Провозили безпошлинно такіе товары, какъ чай, масло, вино и проч. За масло брали пошлину только за половину, за чай—за четверть подлежащаго оплатѣ товара. Отъ этого казна терпѣла большіе убытки. Но еще вреднѣе и убыточнѣе отражались таможенныя злоупотребленія на ходъ торговыхъ дѣлъ. Купцы, находившіеся въ стачкѣ съ таможенными чиновниками и провозившіе изъ-за границы товары съ уменьшенной пошлиной, тѣмъ самымъ были поставлены въ привилегированное положеніе, исключающее возможность для другихъ торговцевъ конкурировать съ ними. Убивая всякую конкуренцію и не давая чрезъ это раз-

вителья шире нашей заграничной торговлѣ, эти купцы забрали въ свои руки турговлю цѣлаго края и накопили громадныя богатства, которыя при иныхъ порядкахъ распредѣлялись бы между гораздо большимъ числомъ лицъ. Самымъ выдающимся лицомъ изъ числа купцовъ, замѣшанныхъ въ таможенныхъ злоупотребленіяхъ, является обладатель многомилліоннаго состоянія, М. А. Вальяно. Онъ прибылъ въ Таганрогъ изъ Греціи вскорѣ послѣ Крымской кампаніи. Единственнымъ достояніемъ его въ то время было небольшое судно, которое онъ продалъ за 4.000 руб. и на эти деньги занялся хлѣбною торговлею. Теперь у Вальяно болѣе 50.000.000 наличнаго капитала, кромѣ недвижимаго имѣнія, паровыхъ баржъ, судовъ и пароходовъ, совершающихъ заграничное плаваніе. Вальяно имѣетъ отдѣленія своей конторы въ Астрахани, Симбирскѣ, Ростовѣ на Дону, въ Азовѣ, Мариуполѣ, Бердянскѣ и Ейскѣ. Главный предметъ его отпускнуой торговли—хлѣбъ. Благодаря огромнымъ своимъ оборотамъ, онъ сдѣлался властелиномъ всей приазовской хлѣбной торговли. У Вальяно четыре брата и два сына. Изъ братьевъ одинъ только «у дѣлъ»; онъ завѣдываетъ лондонскою конторой, дѣлаетъ на биржѣ огромные обороты и имѣетъ тамъ громадныя склады. Сынъ лондонскаго Вальяно—кассиръ ростовскаго отдѣленія конторы Вальяно. Старшій сынъ М. А. Вальяно имѣетъ въ Лондонѣ самостоятельную банкирскую контору, а младшій только въ прошломъ году женился въ Константинополѣ и занялся тѣмъ же дѣломъ, какимъ занимается братъ его въ Лондонѣ. Другой таганрогскій богачъ, самый крупный изъ здѣшнихъ русскихъ купцовъ, г. Глобинъ, разбогатѣлъ слѣдующимъ образомъ. Лѣтъ десять тому назадъ, онъ, будучи тогда еще только компаніономъ и сотрудиномъ купца Перушяна, умудрился вывозить за границу воду вмѣсто спирта и за эту воду получать отъ правительства обратно акцизную пошлину, какъ бы съ вывозимаго спирта. Въ отверстіе бочекъ онъ вставлялъ трубки, наполняя ихъ дѣйствительнымъ спиртомъ, а остальное пространство бочекъ сплошь наполняя водою. Акцизный надзоръ, провѣряя число бочекъ и провѣряя спиртъ (въ трубкахъ), всегда находилъ его въ должномъ количествѣ и надлежащей крѣпости. Бочки потомъ вывозились на судахъ въ море, яко бы за границу; тутъ слѣды преступленія уничтожались, а акцизная пошлина изъ государственнаго казначейства переходила въ карманъ г. Глобина. Два года тому назадъ эта плутня была случайно открыта, но дѣло замаялось, пока, наконецъ, снова не было возбуждено послѣ того, какъ Глобинъ привлеченъ къ отвѣтственности по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ таможнѣ. Исторія богача Вальяно и купца Глобина представляютъ далеко не единственныя прихѣтры въ таганрогскомъ коммерческомъ мѣрѣ. Почти всѣ тамошніе богатые купцы, замѣшанные въ таможенныхъ злоупотребленіяхъ, начали свою карьеру такъ же скромно, какъ и Вальяно, и столь же быстро разжились. «Многіе знали лично этихъ господъ, — рассказываетъ корреспондентъ *Русскаго Курьера*, — когда они явились въ Таган-

рогъ оборванными, грязными нищими, не обращавшими на себя никакого вниманія; прошли немногіе годы, когда оборванцы-хищники, для которыхъ нѣтъ ничего святаго, кромя наживы, стали людьми, гражданами города, богачами; двери для нихъ открывались вездѣ и всюду; выходцы изъ-за границы даже сдѣлались друзьями представителей власти въ Таганрогѣ. Говоря о многомилліонныхъ убыткахъ, вслѣдствіе таможенныхъ злоупотребленій въ Таганрогѣ, корресподентъ *Голоса* дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Лишь теперь мѣстное населеніе вполне уяснило себѣ тѣ загадочныя пути, посредствомъ которыхъ нѣкоторые выходцы изъ Архипелага, прибывшіе сюда простыми матросами, почти нищими, въ сравнительно короткій промежутокъ легко наживали громадныя богатства. Предъ этими богатствами склонялось все, начиная отъ простыхъ смертныхъ и кончая представителями власти, благодаря чему, этимъ ловкимъ сынамъ Эллады удавались и сходили съ рукъ благополучно всѣ, часто самыя дерзкія, проделки». Въ качествѣ обвиняемыхъ въ безпошлинномъ провозѣ товаровъ, привлечены къ слѣдствію слѣдующія лица и на слѣдующія суммы:

	Сумма пош- лины.	Пятикратное взысканіе казны.
М. Вальяно на	21.000 руб.	105.000 руб.
А. Сфаэло >	15.000 >	75.000 >
А. Муссури >	14.000 >	70.000 >
С. Гире >	4.240 >	21.000 >
М. Векслеръ >	3.800 >	19.000 >
Ф. Вубашъ около	2.700 >	13.500 >

Затѣмъ обвиняются въ укрывательствѣ того самаго товара, за который истребовано обезпеченіе пятикратной пошлины отъ Вальяно и Гизи:

	Стоимость товара.	Двукратное взысканіе:
А. Симоновичъ на	21.000 руб.	42.000 руб.
И. Муссури >	21.000 >	42.000 >

Кромѣ этихъ восьми лицъ, привлечены къ отвѣтственности еще другіе таганрогскіе купцы—Вураки, С. Фаэло, Писсани, Сифнео, Дорженди, Сакелариди, Луци, Глобинъ—представитель крупной русской торговой фирмы «Перушкинъ и К^о». Изъ числа лицъ, торгующихъ на таганрогской биржѣ привозными товарами, осталось только человѣка четыре непривлеченныхъ къ суду. Привлеченные къ отвѣтственности обвиняются въ безпошлинномъ провозѣ товаровъ на сумму пошлины до 64.000 руб., за что причитается штрафа въ пользу казны до 320.000 руб. По этому дѣлу обвиняемые, какъ, напримѣръ, миллионеръ Вальяно, были подвергнуты аресту, но затѣмъ были отпущены на свободу, внеся денежное обезпеченіе. Отъ Вальяно, кромѣ 1.000.000 руб., взятыхъ въ видѣ залога, принято судебнымъ слѣдователемъ еще въ обезпеченіе начета за безпошлинный провозъ товаровъ 500.000 руб., отъ А. Муссури 200.000 руб.,

отъ С. Фазла 100.000 руб., отъ Гизи 50.000 руб., отъ Ильи Муссури 40.000 руб., отъ Глобина 108.000 руб., отъ Луши 50.000 руб., отъ Савеларида 27.000 руб., отъ Писсани 200.000 рублей. Такимъ образомъ 2.200.000 руб. отняты у торговли и лежатъ безъ оборота. Открытіе таможенныхъ злоупотребленій и привлеченіе къ суду всѣхъ крупныхъ коммерсантовъ произвело весьма сильное дѣйствіе въ коммерческомъ мірѣ. Такъ, напримѣръ, *Голосу* писали, что на купца Глобина «привлеченіе къ слѣдствію и требованіе обезпеченія въ 108.000 рубл., которыя онъ представить не могъ и потому подвергнуть домашнему аресту, такъ по дѣйствовало, что онъ, подъ вліяніемъ бессонныхъ ночей и галлюцинацій, рѣшился на самоубійство и принялъ большую дозу мышьяка. Хотя ему была подана немедленно врачебная помощь, но жизнь его еще не въ опасности. Глобинъ, самый крупный русскій купецъ въ Таганрогѣ, велъ обширную торговлю и пользовался большимъ кредитомъ въ банкахъ, особенно въ государственномъ, а также и у частныхъ лицъ. Пользуясь самъ кредитомъ, Глобинъ кредитовалъ и другихъ, а потому его банкротство угрожаетъ банкротствами и другимъ торговцамъ, связаннымъ съ нимъ по торговлѣ». Въ другой корреспонденціи той же газеты изъ Таганрога мы находимъ слѣдующую замѣтку о послѣдствіяхъ раскрытія таможенныхъ злоупотребленій: «въ торговлѣ совершенный застой; привоза и сдѣлокъ нѣтъ, благодаря разразившемуся надъ головами здѣшнихъ коммерсантовъ погрому; работъ нѣтъ; дороговизна на все страшная». Вслѣдъ за раскрытіемъ таможенныхъ злоупотребленій, а именно въ концѣ мая, было открыто въ Таганрогѣ въ Азовско-Донскомъ коммерческомъ банкѣ крупное хищеніе, которое также не могло остаться безъ вліянія на ходъ торговыхъ дѣлъ. Г. Ненцель, только-что поступившій директоромъ банка на мѣсто Церестіани, вступивъ въ управленіе дѣлами банка, подвергъ всѣ документы и кассу его тщательной повѣркѣ, результатомъ которой было ужасное открытіе, что банкъ ограбленъ. Генеральная повѣрка баланса и всѣхъ счетовъ Азовскаго банка обнаружила въ рубрикѣ «счетовъ съ корреспондентами» разницу въ 134.000 рубл. При изслѣдованіи причины этой разницы оказалось, что контролеръ банка Фейгушъ, по уговору съ однимъ изъ кліентовъ, Григоровымъ, увеличивалъ текущій счетъ его посредствомъ неправильныхъ записей въ «дневномъ журналѣ». Выемка излишне записанныхъ суммъ съ текущаго счета производилась обыкновеннымъ порядкомъ. Скрывалась эта растрата такимъ образомъ: Фейгушъ, для облегченія занятій бухгалтера, принялъ на себя веденіе конкурентнаго счета Волжско-Камскаго банка и счета переходящихъ суммъ и разныхъ лицъ. Григоровъ давалъ Азовскому банку порученія на покупку полумперіаловъ и процентныхъ бумагъ въ Петербургѣ. Принимая заказанныя цѣнности, Григоровъ не платилъ наличными, а предоставлялъ банку право списывать ихъ стоимость съ своего текущаго счета. Фейгушъ, приводя операцію по оборотной вѣдомости дневной записи, списывалъ

каждый разъ съ текущаго счета Григорова неполную стоимость исполненнаго заказа, а менѣе на нѣсколько тысячъ рублей, скрывая эту неправильность фививными записями въ счетъ переходящихъ суммъ и разныхъ лицъ. Затѣмъ, Фейгушемъ выписывался ордеръ на кассу относительно выдачи цѣнности Григорову, причеиъ объяснялось, что стоимость ея списана съ текущаго счета Григорова. Управляющій банкомъ, г. Перестіани, довѣряя правильности написаннаго въ ордеръ, дѣлалъ на немъ поимѣту, и касса выдавала означенную въ ордеръ цѣнность.

Вообще нынѣшній годъ очень богатъ болѣе или менѣе значительными растратами денежныхъ суммъ въ банкахъ и даже крупными банковыми крахами, повлекшими за собою массу торговыхъ банкротствъ. Такъ, напримеръ, въ Московскомъ торговомъ банкѣ произведена растрата кассиромъ Власовымъ, у котораго не оказалось въ наличности, по словамъ однихъ газетъ, болѣе 50.000, а по словамъ другихъ—слишкомъ 100.000 руб. Послѣдствіемъ этой растраты была тревога между акціонерами, которые бросались сбывать свои акціи, понизивъ цѣнность ихъ на 25 руб. Изъ Николаевскаго общественнаго банка похищено до 100.000 руб. Въ Минскомъ коммерческомъ банкѣ одинъ изъ служащихъ, занимавшій тамъ видное мѣсто и завѣдывавшій векселями и фондами, укралъ бумагъ на 32.000 руб., да сверхъ того остался долженъ банку до 20.000 руб. по учетнымъ векселямъ. Директоръ Ярославскаго городского общественнаго банка растратилъ до 32.000 руб., за что преданъ суду. Въ Михайловѣ, Рязанской губерніи, въ апрѣлѣ повѣсился купецъ Коноваловъ, основавшій въ 1876 году городской банкъ на пожертвованные имъ 10.000 руб. Впослѣдствіи, потерпѣвъ неудачи въ торговлѣ, онъ растратилъ почти всѣ капиталы банка на сумму, какъ говорятъ, свыше 100.000 руб. и затѣмъ окончилъ жизнь самоубійствомъ. Въ городѣ Ковровѣ, Владимірской губ., по словамъ *Современныхъ Извѣстій*, весь оборотный капиталъ городского общественнаго банка, простирающійся до 600.000 руб., находится въ четырехъ рукахъ, и это обстоятельство заставляеть гласныхъ городской думы сильно опасаться банковаго краха.

Среди подобнаго рода мелкихъ растратъ въ крупныхъ банковыхъ учрежденіяхъ и, наоборотъ, крупныхъ несчастій съ мелкими банками—особенно рельефно выдѣляется своими грандіозными размѣрами крахъ Саратовско-Сибирскаго земельного банка. Уже въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ обороты банка давали постоянно дефицитъ, но онъ тщательно маскировался по отчетамъ, для чего въ обращеніе были пущены вкладные листы, или представленные заемщиками на погашеніе долговъ, или же не взятые ими же изъ банка при назначеніи ссуды, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, и слѣдовательно подлежашіе уничтоженію, какъ уже не обезпеченные никакимъ залогомъ. 19-го марта текущаго года происходило общее собраніе членовъ банка, которые благополучно утвердили отчетъ, хотя и не получили дивиденда. Только одинъ акціонеръ, г. Неморов-

скій, требовалъ на собраніи назначенія комиссіи для обрѣзаванія дѣлъ общества, но ему въ этомъ было отказано. Тогда онъ вручилъ прокуратурѣ нѣкоторые документы, касающіеся положенія дѣлъ въ банкѣ, послѣ чего на другой же день прокуроръ мѣстнаго окружнаго суда произвелъ внезапную ревизію въ банкѣ, опечатавъ книги и назначилъ слѣдствіе. Правленіе банка принесло жалобу на это окружному суду, который призналъ нецѣлѣвыми и отмѣнилъ всѣ слѣдственные дѣйствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ. Однако, вскорѣ опредѣленіе саратовскаго окружнаго суда о прекращеніи слѣдствія было отмѣнено рѣшеніемъ казанской судебной палаты и прерванныя слѣдственные дѣйствія возобновились. Въ настоящее время слѣдствіе по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ почти окончено производствомъ и, по собраніи кое-какихъ справокъ, должно поступить на заключеніе прокурорскаго надзора. Всѣхъ обвиняемыхъ привлечено къ слѣдствію пять человекъ: члены правленія—Алфимовъ, Якунинъ и Борисовъ, бухгалтеръ Марциновскій и кассиръ Иловайскій. При самомъ началѣ слѣдственныхъ дѣйствій члены правленія банка употребили всевозможныя усилія, чтобы склонить акціонеровъ къ прекращенію дѣла. Въ этихъ видахъ между прочимъ въ Петербургѣ происходили частныя совѣщанія акціонеровъ при участіи двухъ членовъ правленія, Борисова и Якунина. Эти совѣщанія интересны тѣмъ, что не привели даже къ полному выясненію истиннаго положенія дѣлъ въ банкѣ: акціонеры равно ничего не знали, а члены правленія скрывали отъ нихъ истину.

Одинъ изъ акціонеровъ, г. Семеновъ, сообщаетъ въ *Голосъ* слѣдующія интересныя подробности объ этихъ курьезныхъ совѣщаніяхъ: «Члены правленія банка объяснили намъ, что банкъ имѣетъ дефицитъ, приблизительно, около 778.000 руб., но что они на точность этой цифры не вполне полагаются и, въ дѣйствительности, она можетъ оказаться нѣсколько болѣе, что будетъ извѣстно впослѣдствіи. При этомъ тѣ же члены правленія банка добавили, что кромѣ суммы въ 778.000 руб., въ прошломъ году былъ обнаруженъ дефицитъ въ 477.000 руб., который, по заявленію г. Борисова, лично имъ пополненъ, для того, чтобы сохранить доброе имя и не подрывать довѣрія къ банку. Впослѣдствіи же изъ разговоровъ выяснилось, что это пополненіе было только фиктивное, потому что г. Борисовъ не платилъ 477.000 руб., а лишь совершилъ вторую закладную банку на имѣніе свое, заключающееся въ 113.000 л. Оренбургской губерніи, Орскаго уѣзда, принадлежавшее прежде г. Загряжскому, и на которомъ до того уже состояло долгу 780.000 руб. Слѣдовательно, дефицитъ банка, по заявленію самихъ членовъ правленія, опредѣляется приблизительно въ $778.000 + 477.000 = 1.255.000$ руб., т.-е. болѣе $\frac{3}{5}$ основнаго акціонернаго капитала банка, состоящаго всего изъ 1.500.000 руб. При обсужденіи въ томъ же частномъ собраніи петербургскихъ акціонеровъ вопроса, какое средство избрать банку для выхода изъ нынѣшняго критическаго положенія, нашлись, правда, великодушные

акціонеры, находившіе нужнымъ прежде всего позаботиться о сохраненіи добраго имени членовъ правленія банка, но не интересовъ акціонеровъ или владѣльцевъ закладныхъ листовъ, и предложившіе просить г. Борисова пополнить послѣдній дефицитъ въ 778.000 руб. такимъ же фиктивнымъ способомъ, какимъ былъ, будто бы, поподненъ и дефицитъ въ 477.000 руб., т.-е. увеличеніемъ долга на имѣніе до 2.035.000 руб. Присутствовавшій на собраніи г. Борисовъ великодушно изъявилъ согласіе на такую сдѣлку». Но понятное дѣло, что никакого соглашенія между акціонерами и членами правленія не могло состояться. Члены правленія въ концѣ концовъ были вынуждены отказаться отъ своихъ должностей и собраніе акціонеровъ, происходившее 16 мая, избрало новое правленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядилось приостановить выдачу новыхъ ссудъ подъ имѣнія, впредь до приведенія въ ясность всѣхъ дѣлъ банка. Первымъ дѣломъ новаго правленія была ревизія дѣлъ банка и опредѣленіе истинной суммы понесеннаго банкомъ убытка. «Въ засѣданіи новаго правленія банка,—читаемъ мы въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*,—утвержденъ балансъ банка на 1 іюля сего года, представляющій положеніе дѣлъ банка въ настоящемъ ихъ видѣ. При складочномъ капиталѣ банка въ 1.500.000 р. и запасномъ 81.228 руб. 86 коп., а всего въ 1.581.228 руб. 86 коп., понесенный банкомъ убытокъ исчисленъ новымъ правленіемъ въ 1.911.764 рублей. 61 коп., превышая такимъ образомъ средства акціонеровъ на 330.535 руб. 75 коп. Подобнаго печальнаго результата не ожидалъ и самый ярый пессимистъ. Для акціонеровъ банка, такимъ образомъ, все кончено и имѣющіяся въ ихъ рукахъ акціи представляютъ стоимость одной только маклатуры. Говоря о положеніи дѣлъ Саратовско-Симбирскаго земельного банка, можно отнынѣ имѣть въ виду одни только интересы владѣльцевъ закладныхъ листовъ этого банка. Насколько пока удалось новому правленію опредѣлить, — сумма находящихся въ обращеніи закладныхъ листовъ Саратовско-Симбирскаго земельного банка составляетъ 12.283.225 руб., между тѣмъ какъ долгосрочныхъ ссудъ банкомъ выдано всего 11.469.330 рублей 91 коп.; къ послѣднему обезпеченію можно причислить 14 имуществъ, оставшихся за банкомъ, капитальный долгъ по которымъ составляетъ 305.107 руб. 60 коп. Въ результатѣ оказывается, что закладнымъ листамъ недостаеетъ обезпеченія на 508.787 руб. 49 коп., т.-е. около 5% нарицательнаго капитала. Правленіе банка исчисляетъ, что непокрытый полугодовой платежъ процентовъ по купонамъ закладныхъ листовъ составляетъ 24.805 руб. 49 коп. при общей потребности въ платежѣ 374.514 рублей 93 коп.; также не покрыты 10.366 руб. 61 коп. для полугодичнаго погашенія при общей потребности для этой цѣли 105.087 руб. 77 коп.; такимъ образомъ для купона не хватаетъ $\frac{1}{13}$ части всей суммы, а для погашенія— $\frac{1}{11}$ части. Если государственный банкъ не поможетъ, то въ этой пропорціи придется владѣльцамъ листовъ понести ежегодную жертву».

Виновиномъ паденія Саратовско-Симбирскаго банка считаютъ члена правленія его, бывшаго директора тульскаго поземельнаго банка, известнаго коммерсанта г. Борисова. Про него между прочимъ рассказываютъ слѣдующую исторію. Въ Орскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, есть Каноникольская дача, состоящая изъ 112.000 десятинъ, изъ числа которыхъ до 80.000 десятинъ занято лѣсомъ, отчасти крупнымъ мачтовымъ и карабельнымъ. Эта дача принадлежала прежде камеръ-юнкеру г. Загряжскому, который устроилъ въ ней мѣдно-плавильный заводъ. Такъ какъ владѣлецъ большею частію проживалъ въ Москвѣ и за границею, тратя цѣлыя сотни тысячъ, то скоро онъ задумалъ продать это имѣніе за 1.000.000 руб., но, не найдя покупателя на такую сумму, заложилъ его въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ за 780.000 руб. Въ концѣ концовъ Загряжскій успѣлъ задолжать казнѣ до 300.000 руб. Наконецъ, дѣйствіе завода приостановилось за неимѣніемъ свободнаго капитала и казна назначила своего опекуна къ имѣнію. Опекуномъ къ имѣнію попался хорошей хозяйинъ, который, съ затратою небольшого капитала, сумѣлъ ежегодно выгонять смолу и деготь изъ негодныхъ пней на сумму до 40.000 руб. Со смертію опекуна дѣла по имѣнію г. Загряжскаго совсѣмъ запутались и Каноникольская дача два раза назначалась въ публичную продажу за неплатежъ процентовъ банку. Такъ какъ оба раза покупателей на имѣніе не нашлось, то банкъ, на основаніи устава, долженъ былъ продать его въ теченіе шести мѣсяцевъ, хотя бы съ уступкою и по добровольному соглашенію. Въмѣсто шести мѣсяцевъ банкъ продавалъ имѣніе пять лѣтъ и все-таки покупателей не было. Наконецъ, въ 1879 году членъ правленія банка, г. Борисовъ, купилъ это имѣніе безъ всякой приплаты съ переводомъ на себя одного лишь банковаго долга въ 780.000 руб. Вслѣдъ за тѣмъ онъ, пользуясь своимъ вліятельнымъ положеніемъ въ банкѣ, совершилъ вторую закладную банку на то же имѣніе, получивъ въ ссуду 477.000 руб., такъ что весь долгъ его банку дошелъ до 1.257.000 руб. Получивъ изъ банка деньги и сплавивъ въ первый же годъ изъ купленной дачи лѣсу на сумму 30.000 руб., Борисовъ построилъ въ Оренбургѣ, близъ станціи желѣзной дороги, паровую механическую мукомольную мельницу и заложилъ ее въ томъ же Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ за 600.000 руб., такъ что теперь сумма долга банку дошла до 1.857.000 р. Между тѣмъ мѣстные коммерсанты очень обрадовались появленію въ оренбургскихъ палестинахъ такого крупнаго коммерческаго туза, какъ г. Борисовъ. Они стали сбывать къ нему на мельницу всю залежавшуюся у нихъ въ послѣднее десятилѣтіе пшеницу, а вмѣстѣ съ тѣмъ открыли ему кредитъ въ полумилліона. Однако, расчетъ Борисова на милліонные барыши отъ мельницы оказался невѣренъ. Потребности населенія остались прежнія, а экспортъ пшеницы въ зернѣ увеличивается съ каждымъ годомъ; нельзя потому ожидать, чтобы помолъ увеличивался и достигъ тѣхъ размѣровъ,

которые можно признать выгодными для механизма, приводимаго въ движеніе паромъ и обрабатывающаго въ день 3 — 4 тысячи пудовъ зерна. Послѣдовавшее за паденіемъ Саратовско - Симбирскаго банка банкротство г. Борисова причинило громадныя убытки коммерсантамъ, имѣвшимъ съ нимъ дѣла. Такъ одни лишь оренбургскіе купцы заплатились на сумму не менѣе 300.000 руб. Особенно сильно пострадали фирмы: Скворцовъ на 150.000 руб., Хусайновъ купецъ на 100.000 руб., Горинъ на 30.000 руб., Мякинниковъ на 15.000 руб. и другіе; сверхъ того Борисовы прихватили изъ городскаго общественнаго банка до 30.000 руб. *Русскія Вѣдомости* рассказываютъ, между прочимъ, слѣдующую характерную исторію, случившуюся съ лѣсопромышленниками Скворцовыми. Борисовы купили у нихъ хлѣбъ для мельницы подъ вексель на сумму 28.000 руб., а тѣ, въ свою очередь, у Борисовыхъ лѣсу изъ Каноникольской дачи на сумму 120.000 руб., также подъ векселя. Борисовы по бланковымъ надписямъ тотчасъ же заложили эти послѣдніе въ суммѣ 100.000 руб. и когда обнаружилась ихъ несостоятельность, весь лѣсъ, сплавленный изъ Каноникольской дачи, засекуестрованъ, и Скворцовы обязаны будутъ уплатить всѣ 100.000 руб. и лишатся, кромѣ того, и 28.000 рублей, слѣдующихъ имъ съ Борисовыхъ за пшеницу.

Почти одновременно съ Саратовско-Симбирскимъ банкомъ послѣдовало крушеніе Либавскаго коммерческаго банка, просуществовавшаго около 10 лѣтъ. Въ послѣднее время въ банкѣ кредитовался на весьма значительную сумму нѣкто Шнейдеръ, который объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ. Оказалось, что этотъ Шнейдеръ ровно ничего не имѣлъ у себя: имѣніе свое онъ продалъ брату, товаръ заложилъ въ банкѣ, а въ амбарахъ не оказалось ни зерна. Подобно Шнейдеру поступили и другіе торговцы, что и было причиною разоренія банка. Бывшее въ апрѣлѣ общее собраніе акціонеровъ рѣшило ликвидировать дѣла банка. Эта ликвидация отозвалась самымъ неблагоприятнымъ образомъ на положеніи торговыхъ дѣлъ. По словамъ *Рижской Газеты*, мѣстное отдѣленіе банкирскаго дома «Тякитинъ и К^о» прекратило свои операціи и закрылось. Два, считавшіеся зажиточными, купца скрылись; одинъ купецъ первой гильдіи засажень за долги въ тюрьму; одна значительная мануфактурная торговля прекратила платежи. Точно также *Русскимъ Вѣдомостямъ* пишутъ изъ Виндавы, Курляндской губ., что тамъ банкротства принимаютъ эпидемическій характеръ и что либавскія банкротства, авившіяся слѣдствіемъ крушенія тамошняго коммерческаго банка, видимо отражаются и на сосѣднихъ торговыхъ городахъ Прибалтійскаго края.

Въ ту же злополучную весну нынѣшняго года разразился крахъ надъ первымъ виленскимъ обществомъ взаимнаго кредита. По словамъ *Голоса*, это учрежденіе, основанное девять лѣтъ тому назадъ, «вело въ началѣ дѣла свои хорошо; но потомъ правленіе его увлеклось размѣрами выдаваемыхъ ссудъ, что и привело его къ катастрофѣ. Слухи о ненадежности

дѣлъ общества ходили уже давно, а съ мѣсяць назадъ послѣдовало усиленное и спѣшное востребованіе вкладовъ. Поставленное въ критическое положеніе, правленіе отказывало въ выдачѣ и назначило на 10 марта чрезвычайное собраніе всѣхъ членовъ (которыхъ до 800). Результатомъ было назначеніе ревизіонной комиссіи. Но многіе вкладчики не пожелали ждать постановленія новой комиссіи и обратились къ властямъ; тогда послѣдовали нѣкоторыя выдачи. Сперва казалось, что дѣла не очень плохи, такъ какъ здѣшняя палата гражданскаго и уголовнаго суда отказала кому-то въ искѣ на прекратившее платежи общество; но недавно прокурорскій надзоръ наложилъ руку на это злополучное общество, и надо полагать, что теперь будетъ обнаружено истинное положеніе его дѣлъ. Очень интересно прислушаться къ толкамъ, ходящимъ въ городѣ про подвиги лицъ, заправлявшихъ дѣлами общества. Рассказываютъ, какъ одинъ воротила записалъ своего слугу въ купцы, какъ потомъ былъ учтенъ на крупную сумму вексель вновь испеченнаго купца, причемъ векселедатель, имѣя мѣсто жительства на предмѣстьи «Новгородъ», росписался «новгородскій купецъ». Вспоминаютъ бывшее лѣтъ шесть назадъ приключеніе съ фельдшеромъ, который, забравъ въ обществѣ крупную сумму подъ какія-то дутыя бумаги, бѣжалъ въ Берлинъ. Вступивъ отсюда въ переговоры, фельдшеръ добился разсрочки сдѣланнаго долга на десять лѣтъ, а потомъ спокойно вернулся въ Вильну, гдѣ проживаетъ и по настоящее время. Повѣствуютъ о способѣ переписыванія векселей, о выпущенныхъ какихъ-то билетахъ на вклады: билеты, приносившіе хорошіе проценты, были распроданы съ значительною скидкой. Невольно является вопросъ: неужели никто не зналъ подобныхъ расточительныхъ дѣйствій правленія? Неужели не было оппозиціи противъ неурядицы?— Оппозиція была постоянно, да только она проявлялась въ слабой степени. На первыхъ же порахъ сформированія общества, часть членовъ выдѣлилась и образовала второе общество взаимнаго кредита, существующее благополучно и до сего времени. Осторожные люди просто покидали общество, а на смѣну имъ новыхъ членовъ не являлось, что видно изъ сопоставленія слѣдующихъ чиселъ: къ 1-му января 1876 года показано членовъ 899, къ 1-му февраля 1882 года ихъ значится 795. Протесты переходили и въ печать. Такъ, еще въ 1876 году, въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, одинъ изъ членовъ, рассказывая про бывшее годичное собраніе, указывалъ на то обстоятельство, что ревизіонная комиссія не была допущена правленіемъ къ повѣркѣ наличной кассы и денежныхъ цѣнностей. Мало того; когда въ этомъ же собраніи кто-либо возбуждалъ по этому предмету вопросъ, то предсѣдатель собранія, онъ же и членъ правленія, отнималъ у говорившаго право голоса. Такой порядокъ или, лучше, произволь, надо полагать, существовалъ и во всѣ послѣдующіе годы. Даже теперь, когда общество дошло до краха, чрезвычайное собраніе 10 марта было созвано правленіемъ для рѣшенія единственнаго вопроса о допол-

нительномъ взносов членской платы, и только особыя усилія нѣсколькихъ членовъ, недовѣрявшихъ правленію, достигли постановки въ это собраніе и другихъ вопросовъ, что и привело къ отказу предложенія правленія и къ назначенію ревизіонной комиссіи. На этомъ собраніи обнаружилось, что въ портфель общества векселей на сумму около полумилліона, изъ которыхъ половина была уже протестована, тогда какъ по послѣднему балансу на 1-е февраля показано протестованныхъ векселей всего на пять тысячъ. Послѣ этого можно ли довѣрять публикуемымъ годичнымъ отчетамъ и ежемѣсячнымъ балансамъ?» Слѣдствіе о растратѣ суммъ производится чрезъ особо командированнаго изъ Петербурга судебного слѣдователя г. Смита. При самомъ началѣ слѣдствія были арестованы—предсѣдатель правленія общества г. Якубовичъ и главный бухгалтеръ г. Вербловскій. Растрата, какъ до сихъ поръ выяснилось, простирается до 400.000 рублей. Крушеніе кредитнаго общества, какъ и слѣдовало ожидать, не осталось безъ вліянія на мѣстную торговлю. Въ половинѣ мая писали *Русскимъ Вѣдомостямъ* изъ Вильны, что «торговля, несмотря на теперешнюю Георгіевскую ярмарку, идетъ очень вяло; ярмарка въ этомъ году крайне плоха какъ по числу участвующихъ въ ней продавцовъ, такъ и покупателей. Много попортилъ торговлѣ обанкротившійся виленскій банкъ взаимнаго кредита, въ которомъ торговые люди имѣли порядочный кредитъ. Вообще всюду и во всемъ застой въ дѣлахъ».

Въ Воронежѣ общественное вниманіе всецѣло поглощено крупными банкротствами мѣстныхъ коммерсантовъ, эпидемически слѣдовавшими одно за другимъ и доведшими одинъ изъ мѣстныхъ банковъ до самаго отчаяннаго положенія. Банкротства начались еще весною въ концѣ апрѣля, когда одинъ изъ самыхъ видныхъ тузовъ мѣстнаго коммерческаго міра, г. Веневитиновъ, отказался отъ платежа по долговымъ обязательствамъ. Это былъ коммерсантъ первой величины, державшій въ своихъ рукахъ весьма значительныя отрасли торговой и заводской промышленности. Онъ имѣлъ водочный и винокуренный заводы, велъ обширную торговлю шерстью и саломъ, состоялъ въ крупныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ московскими мануфактуристами и производилъ въ Воронежѣ большую торговлю мануфактурными товарами. Онъ пользовался репутаціей энергичнаго, предприимчиваго и надежнаго человѣка и, благодаря этому, имѣлъ громадный кредитъ. Что же касается воронежскихъ кредитныхъ учреждений, то въ нихъ Веневитиновъ былъ своимъ человѣкомъ и стоялъ во главѣ кредитной администраціи. Въ отдѣленіи государственнаго банка онъ былъ членомъ учетнаго комитета, въ городскомъ общественномъ банкѣ—кандидатомъ на должность товарища директора банка, въ обществѣ взаимнаго кредита—депутатомъ совѣта. Благодаря такимъ близкимъ связямъ съ кредитными учрежденіями, онъ могъ пользоваться ими, какъ своимъ сундукомъ, и, дѣйствительно, кредитовался въ нихъ болѣе чѣмъ на 300.000 рублей. Давно уже въ Воронежѣ ходили слухи, что дѣла Веневитинова сильно

разстроены и что онъ близокъ къ банкротству, но этому никто не хотѣлъ вѣрить. Наконецъ, банкротство было объявлено, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что несостоятельность Веневитинова по Воронежу и другимъ городамъ простирается на сумму до 800.000 р., причеиъ болѣе половины этой суммы приходится на долю Воронежа. «Такая крупная несостоятельность,— по словамъ *Голоса*,—зацѣпила много несчастныхъ людей и людшекъ. Паника на базарѣ; паника въ мѣстныхъ банкахъ; паника и въ частныхъ домахъ, такъ какъ остающееся имущество Веневитинова оказывается закрѣпощеннымъ на имя жены и взрослыхъ дѣтей. Слѣдовательно, ликвидировать дѣла нечѣмъ и приходится теперь платить тѣмъ, кто имѣлъ несчастье ставить свои бланковыя надписи на векселяхъ, выпускавшихся Веневитиновымъ. А такихъ лицъ чрезвычайно много!» Несостоятельность Веневитинова повлекла за собою цѣлый рядъ другихъ. Вслѣдъ за нимъ Трофимовъ, торговавшій мануфактурными товарами, прекратилъ платежи на сумму до 300.000 руб. Въ этой несостоятельности, какъ говорятъ, большая половина потери падаетъ на долю московскихъ мануфактуристовъ, съ которыми Трофимовъ велъ дѣла. Немало также волновался Воронежъ по поводу несостоятельности здѣшняго купца Вахирева. «Въ виду такого, можно сказать, эпидемическаго банкротства воронежскихъ купцовъ,—замѣчаетъ корреспондентъ *Голоса*,—становится даже страшно, какъ бы эта эпидемія не увлекла за собою и другихъ нашихъ коммерческихъ тузовъ, а изъ-за нихъ, конечно, болѣе всѣхъ пострадаютъ наши банки».

Банкротства воронежскихъ купцовъ, и въ особенности самаго крупнаго изъ нихъ, Веневитинова, страшно всполошили все мѣстное общество и обратили общественное вниманіе на положеніе дѣлъ въ мѣстныхъ банкахъ. Тамъ во всѣхъ банкахъ дѣла находятся въ рукахъ небольшой кучки воротилъ, которые главнымъ образомъ и пользуются кредитомъ. Всѣ выборныя должности въ банкахъ захвачены небольшимъ кружкомъ лицъ, безъ которыхъ никакая кандидатура не можетъ пройти благополучно. «Банки,—по словамъ *Голоса*,—свободно вѣнчаютъ и развѣнчиваютъ своихъ приближенныхъ, смотря по тому, насколько эти приближенные служатъ ихъ чисто личнымъ интересамъ. Надобно еще прибавить, что воронежскіе обыватели, благодаря изобилію мѣстныхъ банковъ, окунулись въ нихъ совсѣмъ съ головой; взятые деньги пустили на непроизводительныя затраты и теперь не имѣютъ возможности расплатиться по векселямъ и переписываютъ ихъ изъ года въ годъ. Переписка же векселей находится всецѣло въ рукахъ заправителей банковъ; спрашивается: кто же пойдетъ въ разрѣзъ съ заправителями, когда они могутъ заставить каждого произвести уплату по векселю, которому наступаетъ срокъ?» Въ особенности мало возбуждало довѣрія положеніе дѣлъ въ мѣстномъ обществѣ взаимнаго кредита. Это общество было основано восемь лѣтъ тому назадъ и, какъ рассказываетъ корреспондентъ *Голоса*, «на первыхъ же порахъ своего существованія оно привлекло къ себѣ членовъ изъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго

населенія, стянуло въ свою кассу болѣе милліона вкладовъ отъ постороннихъ вкладчиковъ и столько же текущихъ счетовъ; другими словами, каждый изъ мѣстныхъ обывателей съ удовольствіемъ тащилъ въ общество взаимнаго кредита свои сбереженія и никому въ голову не приходило, что черезъ восемь лѣтъ наступитъ страшный кризисъ.... Съ теченіемъ времени администрація общества стала силой не только денежной, но и общественной; къ сожалѣнію, однако, этою силой администрація воспользовалась въ ущербъ интересамъ банка. Она настояла, чтобы высшая норма кредита, вмѣсто 30.000, была въ 60.000, и оттого послѣднею воспользовались, прежде всего, всѣ тѣ лица, которые или состояли въ рядахъ администраціи общества, или были близки къ ней по разнаго рода отношеніямъ. Такимъ образомъ сразу разобрана была почти половина всего капитала общества только двумя съ небольшимъ десятками лицъ, и этотъ капиталъ послѣ того уже никогда не возвращался обратно въ кассу общества: началась нескончаемая переписка векселей, перемежавшаяся ежегодно нѣсколькими случаями банкротствъ и списываніемъ крупныхъ суммъ протестованныхъ векселей, какъ безвозвратныхъ потерь общества. Въ восемь лѣтъ это составило сумму въ 335.000 р. На образовавшіяся, такимъ образомъ, хроническія потери администрація общества не обращала равно никакого вниманія. Члены правленія, въ своемъ такъ-называемомъ «чайномъ» комитетѣ, вели рѣчи и споры о городскихъ выборахъ, вели интриги противъ городского и коммерческаго банковъ и т. п., а свое банковое дѣло вели чисто путемъ канцелярскимъ, поддерживаемые своими кліентами, закабалившими себя перепискою векселей. На общихъ собраніяхъ никакой голосъ противъ такихъ порядковъ не могъ встрѣтить поддержки и все шло по наклонному пути разложенія. Всѣ общія собранія были однѣ только пикировки совѣта съ ревизіонною комиссіей. Такъ шли дѣла взаимнаго кредита, пока одинъ изъ членовъ правленія не сошелъ со сцены, оказавшись неплательщикомъ; за нимъ сошелъ со сцены другой членъ правленія, оставивъ за собой массу векселей, переписанныхъ какъ попало; потомъ банкротится членъ пріемнаго комитета, далѣе слѣдуетъ банкротство члена совѣта и т. д. »

Вся эта исторія общества взаимнаго кредита припомнилась какъ разъ въ то время, когда Веневитиновъ объявилъ себя несостоятельнымъ. Подъ тревожнымъ впечатлѣніемъ этого крупнаго банкротства сразу возникло недовѣріе къ обществу взаимнаго кредита и охватило собою какъ членовъ этого общества, такъ и постороннихъ вкладчиковъ. Тѣ и другіе поспѣшно стали вынимать изъ банка свои деньги и въ двѣ недѣли совсѣмъ опустошили кассу банка такъ, что, наконецъ, пришлось отказывать въ выдачѣ текущихъ счетовъ и безсрочныхъ вкладовъ. На 13 мая въ кассѣ осталось всего 6.000 р. Въ виду такого отчаяннаго положенія дѣлъ, остальные воронежскіе банки пришли въ тревогу и начали сообща обдумывать, какъ предотвратить грозу, которая готова была разразиться надъ ними, если

общество взаимнаго кредита объявить себя несостоятельнымъ. Въ то же время совѣтъ этого послѣдняго общества непрерывно собирался въ теченіе цѣлой недѣли, просиживая ночи надъ рѣшеніемъ трудной задачи спасти банкъ отъ конечнаго крушенія. Результатомъ такой усиленной и тревожной дѣятельности банковыхъ дѣльцовъ было рѣшеніе обратиться за помощью къ государственному банку. Совѣтъ общества просилъ управляющаго государственнымъ банкомъ разрѣшить обществу взаимнаго кредита переучетъ векселей на 150 тыс. руб. сверхъ установленной нормы, на что послѣдовало полное согласіе. Сверхъ того совѣтъ назначилъ на 3-е іюня экстренное общее собраніе членовъ общества, а для предварительныхъ совѣщаній пригласилъ членовъ собраться неофициальнымъ образомъ на 13-е мая. Это частное собраніе было искусственною подготовкой членовъ къ принятію на общемъ собраніи рѣшеній въ смыслѣ отсрочки той грозы, которая собралась надъ всѣми воронежскими банками и капиталистами, имѣвшими дѣла съ ними. Какъ всегда, бываетъ на многочленныхъ собраніяхъ, и здѣсь настоящіе банковые дѣльцы дали волю горячимъ, увлекающимся головамъ высказать въ желчныхъ и страстныхъ рѣчахъ благородное негодованіе по поводу практиковавшейся до сего времени системы, которая привела къ разоренію общество взаимнаго кредита. Ораторы шумно толковали, что «такъ нельзя вести дѣла, что нужно положить предѣлъ кумовству и пріятельству заправителей, чтобы на будущее время дѣла не находились въ безконтрольномъ вѣдѣніи маленькой, но сильно сплоченной своими личными интересами, группы». Въ залѣ собранія, вмѣщавшей въ себѣ 140 членовъ, стоялъ гулъ отъ голосовъ. Собраніе увлекалось пылкими рѣчами ораторовъ, которые жестоко порицали администрацію банка и требовали устраненія правленія отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлахъ. Всѣ, казалось, были согласны, что правленіе общества должно сойти со сцены и уступить мѣсто вновь избраннымъ лицамъ, иначе дѣла общества не поправятся и кредитъ его въ общественномъ мнѣніи никогда не будетъ возстановленъ. Таково было впечатлѣніе, произведенное рѣчами тѣхъ честныхъ говоруновъ-энтузіастовъ, которымъ на роду написана судьба Донъ-Кихота, воюющаго съ вѣтреными мельницами. Въ то самое время, когда благородные ораторы требовали смѣны всей администраціи банка и когда собраніе членовъ вполне согласилось съ ними, — въ это самое время банковые заправилы потирали отъ удовольствія руки, ни слова не возражая противъ увлекающихся говоруновъ. Банковые заправилы хорошо понимали, что энтузіасты своими пылкими рѣчами спасаютъ, а совѣтъ не губятъ администрацію банка. Дѣльцы молчали, но очень хорошо знали, какъ важно для нихъ то обстоятельство, что перспектива спасенія банка, посредствомъ перемѣны личнаго состава администраціи, воскресила упавшую бодрость въ членахъ и возродила въ нихъ готовность на новыя жертвы для спасенія банка. Тутъ банковые дѣльцы вздохнули свободно; ихъ дѣло было выиграно и ужасная перспектива полнаго разоренія ото-

двинулась вдаль на такое разстояніе, которое опредѣляется русскимъ «авось». Возродившаяся бодрость въ членахъ общества привела ихъ, и въ особенности мѣстныхъ купцовъ и промышленниковъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ поддержкѣ кредита, къ рѣшимости, во что бы то ни стало, спасти общество взаимнаго кредита. Въ этихъ видахъ они рѣшили сдѣлать добавочный членскій взносъ, что составитъ около 200.000 р. Результатомъ такого рѣшенія была счастливая перспектива: члены общества взаимнаго кредита видѣли, какъ въ самомъ близкомъ будущемъ касса банка снова наполнится деньгами и дѣла пойдутъ по-прежнему гладко и хорошо. Они любовались этою картиной, созданною въ ихъ воображеніи, а банковые воротилы съ торжествомъ потирали руки, видя, какъ члены общества успокоиваются, страсти утихаютъ и на минуту всплывшая энергія смѣняется обычнымъ у насъ безопаснымъ спокойствіемъ въ ожиданіи, когда опять грянетъ громъ и заставитъ мужика перекреститься.

Въ ожиданіи назначеннаго на 3-е іюня общаго собранія членовъ общества взаимнаго кредита, въ Воронежѣ господствовало сильное оживленіе. Всѣ интересы, всѣ разговоры вращались около банковыхъ дѣлъ. Даже дамы увлеклись банковской горячкой, толковали о дѣлахъ общества взаимнаго кредита и съ интересомъ слѣдили по мѣстнымъ газетамъ за скучными и малопонятными отчетами банковъ. А банковые дѣльцы, пользуясь общественнымъ возбужденіемъ, все подготовляли для себя почву въ ожиданіи общаго собранія. У нихъ былъ прямой и вѣрный расчетъ, что, коль скоро члены общества взаимнаго кредита ободрятся въ надеждѣ на возможность поправить покачнувшіяся дѣла банка, то значить, при помощи преданныхъ лицъ, можно будетъ составить въ свою пользу большинство на общемъ собраніи, удержать въ своихъ рукахъ управленіе дѣлами кредитнаго учрежденія, ими же доведеннаго чуть не до полной гибели. Этотъ расчетъ на незлобивость и безопасность русскаго человѣка вполне оправдался. «Засѣданіе общаго собранія 3 іюня, — по словамъ корреспондента *Голоса*, — открылось чтеніемъ доклада совѣта общества, изъ котораго обнаружилось, что банкъ пришелъ въ страшное разстройство. Члены бегутъ, забирая свои вклады и снимая текущіе счета; постороннихъ вкладчиковъ не является; въ балансѣ на 3-е іюня стоитъ внушительная цифра 88.000 руб. въ протестованныхъ векселяхъ, несмотря на то, что въ эту сумму еще не вошли векселя по банкротству Веневитинова, которымъ еще не наступилъ срокъ для протестовъ. Въ ближайшемъ будущемъ цифра эта угрожаетъ, по меньшей мѣрѣ, удвоиться. Члены общества, подъ страхомъ полицейскихъ мѣръ, привлекаются къ дополнительному членскому взносу; сверхъ того, тѣмъ же членамъ рисуется перспектива нѣсколько лѣтъ не получать никакого дивиденда, а питать лишь одно платоническое чувство къ этому кредитному учрежденію и т. п. Словомъ, собравшимся членамъ представилась самая мрачная картина банка, въ солидность и прочность котораго такъ еще недавно многіе изъ членовъ

вѣровали.... Казалось, что это собраніе сорветъ, наконецъ, маску съ дѣйствующихъ лицъ и поставить дѣло «на чистоту», но, увы, и тутъ оказалась осѣчка. При баллотировкѣ вопроса, насколько нынѣшняя администрація отвѣчаетъ довѣрью къ ней членовъ общества, оказалось: недоувѣряющихъ 101 и довѣряющихъ 110». Такого сюрприза совсѣмъ не ожидали ораторы, увлекавшіе бывшее недавно собраніе членовъ общества взаимнаго кредита своими рѣчами о необходимости измѣнить личный составъ банковской администрація и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести новую систему въ управление дѣлами банка. Эти честные и пламенные энтузіасты теперь увидали, что они остались въ дуракахъ и что на частномъ собраніи они своими руками загребали жаръ для виновниковъ разоренія банка. Понятное дѣло, что въ городѣ начались весьма неслестные толки о результатахъ бывшаго 3-го іюня общаго собранія членовъ общества взаимнаго кредита. «Въ городѣ, — рассказываетъ корреспондентъ *Голоса*, — пошли толки, что взаимный кредитъ вовсе не заботится о поправленіи своихъ дѣлъ, а имѣетъ въ виду исключительно округлить свои дѣлишки. Администрація общества, видимо, имѣетъ въ расчетъ только свои интересы, а объ интересахъ своихъ 450 членовъ и знать не хочетъ». Но банковые воротилы очень хорошо знали, что людская молва, какъ морская волна, пережѣнчива, что городскіе толки скоро замолкнутъ и ловкіе люди съумѣютъ въ свою пользу распорядиться дополнительнымъ членскимъ взносомъ въ 200.000 руб.

Эпидемія банковыхъ краховъ далеко еще не окончилась. Теперь очередь стоять за Скопинскимъ городскимъ общественнымъ банкомъ. Благодаря многочисленнымъ рекламамъ и высокому проценту на вклады, этотъ банкъ привлекъ множество самыхъ мелкихъ сбереженій со всѣхъ концовъ Россіи. Онъ пользовался громадною популярностью среди небогатыхъ и простодушныхъ людей, обладавшихъ маленькими сбереженіями. Поэтому крушеніе Скопинскаго банка должно повлечь за собою разореніе множества семействъ и ужасный переполохъ во всей Россіи. Дѣла этого популярнаго кредитнаго учрежденія разстроились уже давно, такъ что оно болѣе года перебивается кое-какъ, встрѣчая затрудненія въ удовлетвореніи даже самыхъ ничтожныхъ требованій о возвратѣ вкладовъ. Наконецъ дѣло приблизилось къ развязкѣ. «Вкладчики за послѣднее время, — рассказываетъ въ *Русскомъ Курьерѣ* одинъ изъ гражданъ города Скопина, близко знакомый съ дѣлами мѣстнаго банка, — усиленно осаждаютъ управленіе банка требованіемъ возврата вкладовъ и жалобы объ ихъ невыдачѣ слышатся всюду. Гражданскими кипами банкъ получаетъ вкладные билеты, заявленія и просьбы съ каждою почтой, совершенно одинаково, какъ прежде получалъ денежныя суммы на вкладъ. По словамъ самихъ «банковыхъ заправителей», отъ вкладчиковъ отбою нѣтъ. Многіе изъ вкладчиковъ, потерявъ терпѣніе и надежду получить обратно вклады, обратились уже съ просьбой къ начальнику губерніи, а менѣе смѣлые при-

бѣгаютъ къ хитрости, возбуждающей насмѣшку со стороны тѣхъ же «банковыхъ заправителей», въ родѣ слѣдующей, напримѣръ, штука: ходитъ рассказъ про одного священника, который въ послѣдней изъ многочисленныхъ просьбъ своихъ пишетъ въ правленіе банка, что онъ имѣетъ 11 взрослыхъ дочерей—дѣвицъ, младшей изъ которыхъ 27 лѣтъ, что за эту послѣднюю сватается женихъ, а такъ какъ единственные средства для выдачи ихъ въ замужство есть тѣ деньги, которыя положены имъ въ банкъ и которыхъ послѣдній не возвращаетъ, то онъ усерднѣйше проситъ правленіе банка выслать ему деньги, дабы не лишитъ возможности сбыть съ рукъ хотя одну изъ многочисленныхъ дочекъ. Неизвѣстно, обратило ли правленіе банка особое вниманіе на просьбу отца-многодѣда и выслало ли ему деньги. Съ тѣмъ же самымъ усердіемъ, съ какими вкладчики требуютъ возврата вкладовъ, и директоръ банка Рыковъ разсылаетъ рекламы. Чуть не въ каждомъ № періодической печати фигурируютъ, на видныхъ мѣстахъ, рекламы Скопинскаго банка, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, предлагающія публикѣ всевозможныя услуги и высокіе % на вклады». Чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, каково большинство вкладчиковъ Скопинскаго банка и въ какое критическое положеніе поставлены многіе изъ этихъ бѣдныхъ людей, ввѣрившихъ банку свои послѣднія крохи, мы приведемъ напечатанное, въ началѣ августа, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* письмо священника села Березицъ, Козельскаго уѣзда, Калужской губерніи, о. Іюна Покровскаго. «Вѣренной мнѣ церкви деньги 500 р. положены изъ процентовъ безсрочно въ Скопинскій городской общественный банкъ, на что имѣется пять билетовъ банка. Весною нынѣшняго года необходимость заставила истребовать эту сумму на подѣлки церковныя. Четвертаго апрѣля послано требованіе, съ приложеніемъ билетовъ. Между тѣмъ получено разрѣшеніе епархіальнаго начальства приступить къ дѣлу. Работы уже начались въ надеждѣ, что вотъ будутъ присланы деньги. Но вотъ уже конецъ іюля, а Скопинскій банкъ и на самое требованіе, и на всѣ слѣдующія побужденія не шлетъ ни прѣвѣта, ни отвѣта. Молчитъ и самъ Скопинскій голова Иконниковъ, къ которому я обращался, 8-го сего іюля, по тому же предмету. Потерявъ терпѣніе и надежду получить обратно вкладъ, вынужденнымъ нашелся я послать вчерашній день докладную записку г. рязанскому губернатору».

Въ послѣднее время нѣсколько гражданъ города Скопина и кромѣ того шесть гласныхъ скопинской думы сдѣлали заявленіе по поводу безпорядковъ и злоупотребленій правленія Скопинскаго городского общественного банка. Въ этихъ заявленіяхъ, какъ передаютъ въ *Русскомъ Курьерѣ*, «кромѣ указаній на противозаконность многихъ поступковъ правленія банка, поставлено также и требованіе о немедленной ревизіи дѣлъ банка, чрезъ посредство не той ревизіонной комиссіи, которая ежегодно ревизовала, или, вѣрнѣе говоря, «подписывала» отчеты банка. Требуется назначеніе ревизіонной комиссіи изъ людей болѣе свѣдущихъ въ бан-

ковомъ дѣлѣ и, притомъ, не обязанныхъ кредитомъ банку. Разумѣется, это требованіе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ желаніемъ не только директора банка, но и тѣхъ гласныхъ, для которыхъ вопросъ этотъ является обоюдоострымъ. Допустить до ревизіи банка — значить отереть такія закулисныя стороны изъ дѣятельности банка, за которыя не поглядятъ по головкѣ ни директора банка съ братіей, ни большинство упомянутыхъ гласныхъ. Отвергнуть ревизію дѣлъ банка и признать, какъ два года тому назадъ, все печатанное и писанное по поводу банка ложью и клеветою представляется одинаково невозможнымъ, — каждый убѣжденъ, что не нынче-завтра за такой поступокъ къ суду все-таки потянутъ». Между тѣмъ было получено предписаніе рязанскаго губернатора о томъ, чтобы для обсужденія сдѣланныхъ заявленій по поводу положенія дѣлъ въ общественномъ банкѣ было назначено засѣданіе городской думы непременно въ десятидневный срокъ. Городской голова г. Игонниковъ долженъ былъ подчиниться этому требованію и разослалъ гласнымъ повѣстки о назначеніи засѣданія думы въ 11 часовъ утра 17 іюля. Засѣданіе это, какъ рассказываютъ въ *Русскомъ Курьерѣ*, не состоялось вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ: «во-первыхъ, большинство гласныхъ, какъ крупныхъ должниковъ банка, по предупрежденію директора банка, въ собраніе не явились; во-вторыхъ, предсѣдатель собранія, городской голова, ранѣе 11-ти часовъ оставилъ засѣданіе, лишивъ возможности собраться и остальныхъ гласныхъ, о чемъ, въ тотъ же день, губернаторъ извѣщенъ телеграммой, посланной шестью гласными, подавшими заявленіе. По послѣднимъ извѣстіямъ, прокуроръ московской судебной палаты, г. Гончаровъ, лично отправился въ Скопинъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ общественномъ банкѣ и убѣдиться, насколько справедливы обвиненія правленія банка въ злоупотребленіяхъ и беспорядкахъ. Результатомъ поѣздки г. Гончарова было данное имъ 1-го августа предложеніе рязанскому губернскому по городскимъ дѣламъ присутствію обсудить вопросъ о возбужденіи предварительнаго слѣдствія по злоупотребленіямъ въ Скопинскомъ городскомъ общественномъ банкѣ. Между тѣмъ 13 августа состоялось засѣданіе скопинской городской думы, на которомъ, для повѣрки дѣлъ банка, избрана ревизіонная коммиссія изъ пяти гласныхъ, которые, по словамъ *Русскаго Курьера*, представляютъ собою должниковъ банка и къ тому же малонадежныхъ плательщиковъ. Изъ нихъ купецъ Арефьевъ, перемѣняя въ банкѣ 7 августа свои векселя на сумму 120.000 руб., приписалъ къ капитальному долгу проценты. Другой членъ ревизіонной коммиссіи, мѣщанинъ Заикинъ, состоитъ на службѣ у директора банка, г. Рыкова, въ качествѣ посыльнаго. Кроме того, всѣ члены коммиссіи — люди малограмотные и ничего не смыслятъ въ бухгалтеріи. Понятное дѣло, что нельзя возлагать добрыхъ надеждъ на такой составъ ревизіонной коммиссіи и остается только пожелать скорѣйшаго назначенія слѣдствія о банковыхъ дѣлахъ.

Отъ банковыхъ краховъ мы переходимъ теперь къ замѣчательному во многихъ отношеніяхъ банкротству акціонернаго промышленнаго учрежденія «Товарищества минеральныхъ маслъ подѣ фирмою В. И. Рагозинъ и К^о». Это, какъ оказалось теперь, чисто мошенническое предпріятіе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пользовалось репутаціей весьма солиднаго и выгоднаго дѣла. Общество находилось въ такомъ сильномъ заблужденіи относительно истиннаго положенія дѣлъ товарищества, наглая ложь отчетовъ и мошеннически выведенные дивиденды до такой степени ослѣпили всѣхъ, что, даже послѣ крушенія товарищества, *Голосъ* въ слѣдующихъ словахъ описывалъ возникновеніе этого промышленнаго предпріятія и «блистательное» положеніе дѣлъ его въ первое время: «Три года назадъ, въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, возникло новое, чисто русское предпріятіе по производству минеральныхъ маслъ, подѣ фирмой В. И. Рагозинъ и К^о. Новизна самаго производства, громадное, сразу сказавшееся потребленіе минеральныхъ маслъ, вытѣснившихъ прежде употреблявшіяся растительныя и животныя масла, и, наконецъ, избытіе и дешевизна сырого матеріала, нефти, доставляемой изъ Баку по Волгѣ — все это сулило новому предпріятію широкое развитіе и богатые барыши. Дѣйствительно, дѣло это въ рукахъ небольшой группы лицъ, соединившихся въ «товарищество на вѣрѣ», съ В. И. Рагозинымъ во главѣ, оказалось блистательнымъ и по производству, и по сбыту, а слѣдовательно — и по барышамъ. Рынокъ, можно сказать, шелъ на встрѣчу новой фабрикаціи минеральныхъ маслъ. Не упоминая объ обширномъ запросѣ на нихъ со стороны всевозможныхъ техническихъ производствъ, укажемъ только, что во всей русской арміи, какъ намъ передавали знающія лица, нѣтъ солдата, который на свои кровныя 15 или 18 коп. не купилъ бы, каждые два-три мѣсяца, баночку рагозинскаго масла для чистки оружія и амуниціи». Предпріятіе всѣмъ казалось весьма удачнымъ и выгоднымъ, потому что, въ первый же годъ своего существованія, «товарищество на вѣрѣ» заявило, что оно получило громадный барышъ по 670 рублей на каждый пай въ 1.000 руб. Этотъ громадный до невѣроятія барышъ послужилъ въ рукахъ ловкихъ спекулянтовъ блестящею приманкой для простаковъ, которые довѣрчиво переложили свои капиталы въ карманы членовъ «товарищества на вѣрѣ». Для этого было исходатайствовано разрѣшеніе превратить «товарищество на вѣрѣ» въ товарищество на паяхъ съ выпускомъ акцій на 1.600.000 руб. Учредители товарищества записали на себя всѣ выпущенныя акціи и начали продавать ихъ въ свою пользу, пользуясь весьма большою преміей. Полученный, будто бы, въ первый годъ существованія «товарищества на вѣрѣ», громадный дивидендъ по 670 руб. на 1.000 руб. соблазнилъ весьма многихъ и акціи перваго выпуска были быстро разобраны съ уплатою весьма крупной преміи по 400 и 500 руб. на каждый пай въ 1.000 руб. Такимъ образомъ учредители товарищества, оставивъ за собою всѣ акціи на сумму

1.600.000 руб. и распродавъ ихъ по возвышенной цѣнѣ, положили себѣ въ карманъ до 7—8 сотъ тысячъ рублей. Разлакомившись такою удачей, они въ томъ же 1880 году рѣшили увеличить капиталъ товарищества посредствомъ втораго выпуска паевъ на 1.900.000 руб., чтобы снова воспользоваться преміей отъ продажи паевъ втораго выпуска. Вскорѣ послѣ открытія подписки на пай втораго выпуска правленіе товарищества донесло министру финансовъ, что всѣ пай разобраны, а между тѣмъ пайщиками оно заявило, что осталось неразобранныхъ паевъ втораго выпуска 189 и даже 4 пая перваго выпуска. Снова началась продажа паевъ, которая успѣшно производилась чрезъ петербургскую контору товарищества. Въ общемъ собраніи пайщиковъ, происходившемъ 16 и 17 мая нынѣшняго года, между прочимъ были высказаны обвиненія въ томъ, будто бы петербургская контора товарищества есть не болѣе какъ синекура, выдуманная для брата Виктора Ивановича Рагозина; будто бы управляющій петербургскою конторой, Е. И. Рагозинъ, получаетъ содержаніе въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ и, сверхъ того, деньги на наемъ экипажа; будто бы всѣ расходы по найму магазина и содержанію прикащиковъ петербургскаго склада товарищества упадаютъ полностью на это товарищество, тогда какъ магазинъ преимущественно занятъ продажей спичекъ Евгенія Ивановича и т. п. Какъ бы то ни было, но только Евгеній Рагозинъ занялся продажей паевъ, причемъ дѣйствовалъ какъ агентъ товарищества. Хотя въ кассѣ правленія оставался еще запасъ неразобранныхъ паевъ, которые и должны были идти въ продажу по номинальной цѣнѣ безъ преміи, тѣмъ не менѣе Евгеній Рагозинъ продолжалъ брать премію, которая поступала не въ кассу товарищества, какъ были увѣрены простодушные покупатели, но въ карманы членовъ правленія. Неблаговидный характеръ этихъ продажъ всего яснѣе можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Въ прошломъ году, когда уже начали ходить слухи о печальномъ положеніи дѣлъ товарищества, нѣкто Д. С. Дятковъ купилъ у г. Евгенія Рагозина три пая, заплативъ за каждый по 1.500 руб., т. е. съ преміей по 500 руб. на пай. Послѣ этой покупки, являсь, въ первый разъ, на общее собраніе пайщиковъ и узнавъ изъ предъявленнаго правленіемъ списка, что неразобранныхъ паевъ имѣется въ кассѣ правленія около 200 и что они могутъ быть приобретены безъ всякихъ премій, г. Дятковъ потребовалъ телеграммой возвратить ему премію, хотя бы не деньгами, а паями, съ предвареніемъ, что онъ намѣренъ предъявить свое требованіе въ судъ. Въ отвѣтъ на это послѣдовала присылка г. Дяткову двухъ паевъ товарищества безплатно, при письмѣ В. И. Рагозина, съ просьбой прекратить претензію. Члены правленія товарищества клали въ свои карманы крупныя преміи отъ продажи паевъ; между тѣмъ не только въ кассѣ общества оставались еще неразобранные пай, но и записанные на имя членовъ правленія пай нельзя было считать принадлежавшими имъ въ полную соб-

ственность. На общемъ собраніи пайщиковъ 16-го и 17-го мая нынѣшняго года, по словамъ г. Семененко, выяснилось, что заправили товарищества: братья Рагозины, Зайцевы отецъ и сынъ, Шиповъ и Вяхиревъ— поступили слѣдующимъ образомъ: «Чтобъ удержать за собою бразды правленія, сохранить за собою право получать выгоды отъ предпріятія въ свою пользу, они подписались на пай втораго выпуска въ такомъ количествѣ, чтобы большинство голосовъ на общихъ собраніяхъ, по утвержденію отчетовъ и выбору членовъ правленія, членовъ ревизіонной и другихъ комиссій, было бы на ихъ сторонѣ. Сдѣлавъ первоначальные взносы, назначенные публикаціей на первый срокъ, Рагозины, Зайцевы, Шиповъ и Вяхиревъ послѣдующихъ суммъ, опредѣленныхъ тою же публикаціей, не уплатили. Но, чтобы не потерять права участія въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ на общихъ собраніяхъ въ свою пользу, они выдали себѣ пай и росписали ихъ на имена разныхъ служащихъ, прикащиковъ, артельщиковъ и рабочихъ изъ Нижняго-Новгорода, а также на имена нѣкоторыхъ друзей и пріятелей. Слѣдующія же для взноса по паямъ суммы члены правленія записали долгомъ на себя. Вся ли сумма записана за ними—съ достовѣрностью утверждать нельзя, потому что къ обзору книгъ правленіе не допускаетъ пайщиковъ, находя для того разныя причины. Между тѣмъ записанные за ними пай, какъ неоплаченные вполнѣ въ шестимѣсячный срокъ, подлежали уничтоженію. Члены правленія признали невыгоднымъ для себя подчиниться требованіямъ этого закона и въ печатныхъ спискахъ, предъявленныхъ на общихъ собраніяхъ пайщиковъ, именовали пайщиками себя и тѣхъ лицъ, на имя которыхъ распорядились росписать пай. Введя, такимъ образомъ, въ обманъ дѣйствительныхъ пайщиковъ, т. е. такихъ лицъ, которыя полною суммой оплатили пріобрѣтенные ими пай, члены правленія дозволили избрать себя въ эти званія, созывали общія собранія, принимали дѣятельное участіе въ рѣшеніи вопросовъ, подлежащихъ сужденію лишь пайщиковъ, сполна оплатившихъ свои пай, и все это благодаря тому обстоятельству, что они, какъ распорядители, имѣли возможность скрыть утрату ими правъ на владѣніе паями. Забравъ въ свои руки все дѣло, они распоряжаются имъ по своему личному усмотрѣнію, при участіи своихъ нижегородскихъ прикащиковъ, артельщиковъ и разныхъ друзей, на имена которыхъ росписаны пай, рѣшаютъ на общихъ собраніяхъ пайщиковъ всѣ вопросы въ такомъ смыслѣ, какъ имъ заблагоразсудится: сами себя выбираютъ въ члены правленія, въ члены ревизіонной и другихъ комиссій; сами себѣ назначаютъ разныя вознагражденія подъ названіемъ комиссіонныхъ, учредительскихъ и другихъ. Хотя правленіе и приглашало пайщиковъ на общія собранія, но участіе пайщиковъ было всегда фиктивное, потому что владѣльцевъ паевъ, полностью оплаченныхъ, оказывается очень незначительное число, и большинство голосовъ всегда на сторонѣ недействительныхъ пайщиковъ, сгруппированныхъ около правленія». Бывшее 6 и 7 мая

общее собраніе пайщиковъ обнаружило такія злоупотребленія и безпорядки въ дѣлахъ товарищества, которые должны подлежать разсмотрѣнію уголовнаго суда. Нѣсколько пайщиковъ обратились къ прокурорскому надзору съ особымъ заявленіемъ, обвиняя бывшихъ и настоящихъ членовъ правленія товарищества—Виктора и Леонида Рагозиныхъ, Зайцевыхъ отца и сына, Выхирева и Шипова—въ слѣдующихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ:

«1) На основаніи § 11-го устава товарищества, правленіе обязано вести книги для записки суммъ, внесенныхъ за пай, причемъ книги предъявляются для приложенія къ шнуру казенной печати, а также для скрѣпы по листамъ и надписи, въ мѣстную контрольную палату. Такой книги, какъ объявили члены правленія, ими ведено не было. Пай выдавались произвольно и опредѣлять дѣйствительное число выданныхъ паевъ, помимо судебнослѣдственной власти, не представляется возможнымъ. 2) На основаніи § 28-го устава, правленіе должно вести счетоводство по книгамъ, формѣ и правиламъ, присвоеннымъ торговымъ учрежденіямъ. На общемъ собраніи пайщиковъ, 16-го мая, выяснилось, что правленіе вело счетоводство на какихъ-то клочкахъ, предъявленныхъ пайщикамъ; изъ клочковъ этихъ сдѣланы выборки въ особую тетрадь, сшитую бѣлыми нитками такъ, что каждый листъ бумаги можетъ быть безъ труда замѣненъ другимъ. Въ предъявленныхъ же пайщикамъ книгахъ: главной, журналь, меморіаль и кассовой—не оказалось вписанною ни одной статьи съ 1-го мая прошлаго 1881 года, между тѣмъ пайщикамъ были разосланы печатные экземпляры отчета на срокъ по 1-е января 1882 года. Отчетъ этотъ оказался составленнымъ изъ свѣдѣній, заключающихся въ предъявленныхъ пайщикамъ клочкахъ бумаги, которая, по справедливости, можно назвать бумажнымъ хламомъ. И это дѣлалось въ правленіи, завѣдывающемъ дѣлами товарищества съ основныи капиталомъ въ 3.500.000 рублей! 3) На основаніи § 23-го устава, въ директоры правленія могутъ быть избираемы лица, владѣющія не менѣе какъ десятью паями, между тѣмъ на общемъ собраніи пайщиковъ, происходившемъ 7-го марта, по настоянію членовъ правленія товарищества, допущенъ къ баллотировкѣ въ члены правленія нѣкто Поллакъ, владѣлецъ всего пяти паевъ, а на общемъ собраніи, бывшемъ 16-го мая, къ баллотировкѣ въ члены ревизионной комиссіи предложенъ нѣкто Кульчицкій—совершенно постороннее лицо, назначившееся въ спискѣ пайщиковъ. Оба эти лица, несмотря на протесты пайщиковъ, оказались выбранными потому только, что произвольно засѣдающіе члены правленія, какъ имѣющіе за собою ложное большинство голосовъ, пожелали того. 4) На основаніи того же § 23-го устава, каждый членъ правленія, при вступленіи въ должность, обязанъ представить въ кассу правленія десять паевъ. По частнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ кассѣ правленія ни одного пая членовъ его не находится». По всѣмъ этимъ обвиненіямъ въ настоящее время производится слѣдствіе.

27 и 28 іюля вновь происходило общее собраніе пайщиковъ товарищества Рагозинъ и К°. На этомъ собраніи, между прочимъ, были прочтаны—докладъ ревизіонной комиссіи и записка французскихъ пайщиковъ товарищества, выяснившія такія почти невѣроятныя обстоятельства, что невольно становишься въ тупикъ отъ поразительно-гнуснаго мошенничества, которое, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, имѣло дерзость величать себя «товариществомъ минеральныхъ маселъ подѣ фирмою В. И. Рагозинъ и К°». Теперь оказывается, что минеральныя масла тутъ были совсѣмъ не причемъ, а ими прикрывались самый безсовѣстный обманъ и наглое мошенничество; что баснословныхъ дивидендовъ въ 67% товарищество никогда не получало, а напротивъ, вмѣсто выводимыхъ по отчетамъ барышей, оно давало громадные убытки; что товарищество Рагозинъ и К° было не что иное, какъ правильно организованная воровская и мошенническая шайка. Вотъ какія свѣдѣнія объ этомъ товариществѣ сообщаетъ Пл. Поповъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, на основаніи доклада ревизіонной комиссіи и записки французскихъ пайщиковъ. «Въ настоящее время, дѣло, на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ означенными двумя докладами, представляется въ такомъ видѣ: пассивъ товарищества простирается до суммы 2.700.000 руб., дефицитъ же его опредѣляется правленіемъ и ревизіонною комиссіей—въ 1.150.000, а докладною запиской французскихъ пайщиковъ—въ 1.600.000 руб., что составило бы, въ послѣднемъ случаѣ, почти половину всего складочнаго капитала. Причинами, образовавшими такой дефицитъ, являются выдачи, въ продолженіе четырехъ отчетныхъ годовъ, не существовавшихъ дивидендовъ и расхищеніе, въ продолженіе этого же времени, кассы товарищества членами правленія, управлявшими дѣломъ. Дивиденды за первые три года существованія товарищества не превышали, согласно французской докладной запискѣ, 10—15% годовыхъ, между тѣмъ выдавались они въ количествѣ 50 и полѣе проц. За четвертый годъ, т. е. за отчетный періодъ 1880—81 г., выведено было и выдано пайщикамъ 12%, тогда какъ, въ дѣйствительности, за это время не только не было никакой прибыли, но, согласно исчисленію докладной записки, былъ убытокъ въ 368.000 рублей. Одновременно съ этимъ совершилось расхищеніе товарищескихъ суммъ директорами товарищества, оказавшимися, вслѣдствіе этого, въ настоящее время его дебиторами на весьма большую сумму, которая вся, или почти вся, должна считаться безвозвратно утраченною для товарищества. Главнымъ дебиторомъ товарищества въ этомъ смыслѣ является самъ В. И. Рагозинъ, который, какъ оказалось теперь, черпалъ изъ кассы товарищества въ разныя времена разныя суммы и перебралъ такимъ образомъ у товарищества, согласно доклада ревизіонной комиссіи, — до 140 тыс. руб. Цифра эта была выведена на декабрь 1881 года; но послѣ этого были обнаружены еще другія суммы, взятыя г. Рагозинымъ, такъ что въ настоящее время долгъ его товариществу превышаетъ сумму

200 тыс. руб. Вся эта сумма должна быть списана прямо въ убытокъ, ибо г. Рагозинъ самъ заявилъ въ собраніи, что возвратитъ ее товариществу, онъ не имѣетъ возможности. Какъ велись книги и какой былъ порядокъ бухгалтеріи въ товариществѣ при прежнемъ правленіи—можно видѣть изъ того, что сумма долга за г. Рагозинымъ значилась не въ 140 тыс. и не въ 200 тыс. рублей, какъ оказалось впоследствии, а всего въ 12 тыс. руб.; это происходило отъ того, что всѣ остальные суммы, состоящія за г. Рагозинымъ, показываемы были въ счетъ переходящихъ суммъ и растасованы по разнымъ другимъ счетамъ, что было обнаружено при ревизіи книгъ только прошлой зимой. Точно также въ прошломъ году былъ совершенъ товариществомъ заемъ процентными бумагами на сумму 170 тыс. рублей. Для уменьшенія видимости долга за г. Рагозинымъ былъ придуманъ такой приемъ: деньги, поступившія по означенному займу, заприходованы были не со счета того мѣста, откуда онъ получались, а съ личнаго счета В. И. Рагозина, хотя заемъ этотъ былъ совершенъ товариществомъ, и самое обязательство по этому займу было выдано товариществомъ, а не г. Рагозинымъ. У товарищества наличными деньгами за нимъ оказывается еще долгъ по паямъ, такъ какъ хотя онъ и значится пайщикомъ товарищества, но никакой видимости относительно оплаты имъ паевъ въ книгахъ не имѣется. Изъ принадлежавшихъ ему въ прошломъ году 400 паевъ 1-го и 2-го выпусковъ—165 паевъ отданы были имъ въ прошломъ году обратно въ правленіе. Почему правленіе товарищества сочло себя въ правѣ допустить возвращеніе г. Рагозинымъ разъ взятыхъ имъ паевъ, мы не знаемъ, но фактъ тотъ, что пай эти возвращены были уже въ то время, когда дѣла товарищества были въ плохомъ положеніи и, слѣдовательно, когда они потеряли до известной степени цѣнность; вслѣдствіе чего продать ихъ въ другія руки правленіе уже не имѣло возможности, и пай эти и до сихъ поръ лежатъ въ кассѣ товарищества, фигурируя въ числѣ 189 паевъ, значащихся неразобранными и упоминаемыхъ во французской запискѣ. Другіе директоры были только помощниками г. Рагозина, а потому и пользовались они, въ этомъ случаѣ, относительно немногимъ: такъ, г. Ковалевскій изъ 49 паевъ, принадлежавшихъ ему и его женѣ, оплатилъ только часть, другая же осталась неоплаченною и до сего времени, несмотря на многократныя обращенія къ нему требованія объ оплатѣ ихъ, или хотя о возвращеніи самыхъ паевъ. Фактъ, что директоры товарищества не оплачивали своихъ паевъ, хотя и замѣчательнъ самъ по себѣ, но еще замѣчательнѣе то, что они ими не только владѣли, но и пользовались всѣми правами такового владѣнія наравнѣ со всѣми другими пайщиками. Такъ, они получали по нимъ дивиденды, а на общихъ собраніяхъ пользовались по нимъ правомъ голоса».

Мы уже не мало привели случаевъ несостоятельности, характеризующихъ собою крайній упадокъ торговой дѣятельности въ переживаемое

нами время. Въ длинномъ списку банкротствъ можно еще прибавить несостоятельность харьковскаго купца Соломенцева, простирающуюся до 500.000 руб.; самъ Соломенцевъ скрылся въ Вѣну. Въ Могилевѣ Подольскомъ, какъ сообщаютъ газетѣ *Русскій Курьеръ*, въ послѣднее время банкротства приняли почти эпидемическій характеръ: въ теченіе трехъ недѣль обанкротились пять крупныхъ купцовъ. Главная причина этого—застой въ торговлѣ, которая уже нѣсколько лѣтъ сряду не цвѣтетъ, а только прозябаетъ. Кромѣ ростовическаго промысла здѣсь едва ли есть какое-нибудь ремесло или какая-нибудь отрасль промышленности, которая не была бы болѣе или менѣе въ затруднительномъ положеніи въ послѣдніе годы. Точно также изъ Вязьмы, Смоленской губерніи, пишутъ *Голосу*, что повсюду слышатся жалобы на застой торговли. По словамъ корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей* изъ г. Сапожка, Рязанской губерніи, тамъ чувствуется общее затишье въ торговыхъ дѣлахъ. Изъ Гуслицъ, Богородскаго уѣзда, сообщаютъ той же газетѣ, что, по отзывамъ фабрикантовъ, торговля на ярмаркахъ въ Полтавѣ и Харьковѣ шла такъ вяло, какъ никогда; на постоянномъ рынкѣ въ Москвѣ также нѣтъ спроса на бумажные товары. Изъ Томашева Ровскаго, этого маленькаго Манчестера Царства Польскаго, по сообщенію *Голоса*, получены весьма неутѣшительныя извѣстія о полномъ застоѣ въ торговлѣ; дѣло дошло до того, что нѣкоторые русскіе купцы отказываются отъ данныхъ ими томашевскимъ фабрикамъ заказовъ.

Изъ Тамбова въ концѣ января сообщали газетѣ *Голосъ* слѣдующія интересныя свѣдѣнія о положеніи торговыхъ дѣлъ: «Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ здѣсь стала развиваться въ громаднхъ размѣрахъ спекуляція хлѣбомъ. Непомѣрное возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ въ послѣдніе три года, когда зимнія и весеннія цѣны на земледѣльческіе продукты въ три-четыре раза превышали осеннія, обогатило многихъ торговцевъ. Въ виду этихъ примѣровъ, стремленіе къ легкой наживѣ овладѣло людьми самыхъ разнообразныхъ профессій: въ 1880 и прошломъ годахъ хлѣбъ закупали такіа лица, которые до этого времени никакого отношенія къ торговлѣ не имѣли. Осенью прошлаго года, въ надеждѣ на возвышеніе цѣнъ зимою, спекуляція создала громадный спросъ на рожь. Хлѣбъ скупали даже на корню, платя отъ 90 коп. до 1 руб. 20 коп. за пудъ. Вслѣдствіе этого и отчасти вслѣдствіе дороговизны уборки, замѣтнаго пониженія цѣнъ на хлѣбъ послѣ уборки не послѣдовало. Большая часть сѣлокъ съ рожью состоялась по 80—90 коп. за пудъ. Въ расчетѣ, что зимою рожь пойдетъ до 1 руб. 50 коп. за пудъ, какъ это было въ прошлые годы, торговцы воспользовались въ мѣстныхъ банкахъ всею суммой своего кредита; не обошлись безъ кредита, въ усиленныхъ противъ обыкновенныхъ размѣрахъ, и землевладѣльцы, которымъ нужны были деньги на уборку хлѣба. Но расчетамъ спекуляціи не суждено было осуществиться: рожь не только не поднялась въ цѣнѣ, но упала до 60—65 коп. за пудъ. Та-

кимъ образомъ спекулянты очутились въ весьма критическомъ положеніи: продавать хлѣбъ въ убытокъ нельзя, между тѣмъ наступаютъ сроки платежей по векселямъ, частный же кредитъ весь исчерпанъ. Вслѣдствіе того, что всѣ свободные капиталы вложены въ хлѣбную спекуляцію, во всей торговлѣ наступилъ небывалый застой и кризисъ распространился на всѣ отрасли промышленности. Какъ онъ разрѣшится—трудно сказать: во всякомъ случаѣ, онъ отразится на нашихъ банкахъ — городскомъ и общества взаимнаго кредита». Изъ города Козлова, Тамбовской губерніи, въ ту же газету писали въ январѣ, что въ минувшемъ сельско-хозяйственномъ году хлѣбная торговля, которою славится этотъ городъ, шла такъ вяло, что не запомнить ничего подобнаго. Особенно рѣзко чувствовалась эта вялость сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, когда хлѣбная торговля, оживленная спросомъ и высокими цѣнами, какъ говорится, кипѣла. «Козловъ—городъ своеобразный, даже, можно сказать, странный городъ. Это своего рода паразитъ, живущій на счетъ какъ производителя, такъ и потребителя. Потому для него самымъ выгоднымъ положеніе бываетъ такое, при которомъ, съ одной стороны, является, вслѣдствіе хорошаго мѣстнаго урожая, большое предложеніе, а съ другой, вслѣдствіе неурожая, большой спросъ. Нѣчто, вполне къ этому подходящее, было въ предшествующемъ году, и хотя непомерно-высокія цѣны за хлѣбъ и дошли до производителя-крестьянина и землевладѣльца, но дошли только отчасти. Сливки были сняты посредникомъ-купцомъ. Нынѣ, пожалуй, вышло, какъ говорится, «совсѣмъ напротивъ». Съ осени и съ перевозимыя цѣны были хотя и ниже прошлыхъ, но все же, сравнительно съ существовавшими до прошлаго года средними цѣнами, очень высоки, и хлѣбъ ссынался охотно. Кунецъ, помня прошлый годъ, покупалъ охотно и партіями у землевладѣльцевъ, и повозно у крестьянъ. Ходили смутныя свѣдѣнія о недородѣ въ Америкѣ, о недородѣ противъ средняго сбора въ Англіи и Германіи, о неурожаяхъ въ той и другой мѣстности изъ отечественныхъ. Все давало поводы и представляло данныя къ спекуляціи на повышение. А ожиданія не оправдались. «Обожжешься на молоко, будешь дуть и на воду», говоритъ пословица, и она какъ нельзя лучше сбылась на представителяхъ нашей хлѣбной торговли. Въ послѣднее время, уже и по цѣнѣ на 25% и даже 30% дешевле противъ цѣнъ, существовавшихъ съ начала мѣстнаго торговаго сезона, продать мало-мальски крупную партію даже такихъ фундаментальныхъ хлѣбовъ, какъ рожь и овесъ, почти невозможно. А тутъ еще, едва ли не какъ разъ къ началу торговаго сезона, линія отъ Москвы до Козлова прибавила въ своемъ тарифѣ 21 рубль на вагонъ». Затѣмъ послѣдовалъ новый ударъ для торговыхъ людей: въ февралѣ въ козловскомъ отдѣленіи государственнаго банка было объявлено всѣмъ кредитуемымъ лицамъ, что, по распоряженію министра финансовъ, предписывается сократить открытый имъ кредитъ. Въ силу этого распоряженія, было не-

медленно приступлено къ ограниченію выдачи денегъ подѣ всякаго рода документы. Понятное дѣло, что мѣстное купечество было поставлено этимъ въ весьма затруднительное положеніе и рѣшилось отправить къ министру финансовъ депутацію съ просьбою о возобновленіи прежняго кредита въ виду того, что торговыя дѣла неизбежно должны пасть по случаю неизмѣнія свободныхъ денегъ. Корреспондентъ *Голоса*, сообщая объ этомъ, прибавляетъ отъ себя желаніе, чтобы депутація не имѣла успѣха въ своемъ ходатайствѣ. «Въ нашемъ городѣ,—говоритъ онъ,— все купечество одержимо одною маніей — втереться въ банкъ и брать деньги безъ мѣры. Лишь только прослышится свободная выдача денегъ, купецъ начинаетъ строить едва не дворцы, покупаетъ крупные участки,— словомъ, не знаетъ, куда убитъ эти деньги. Когда же приходитъ срокъ платежа, купецъ уже не заботится о своемъ долгѣ: есть деньги—несетъ ихъ, а нѣтъ—идетъ переписывать векселя. Сначала при перепискѣ уплачиваетъ слѣдующіе проценты, а потомъ уже и проценты начинаютъ переписываться вмѣстѣ съ капиталами. И ведется эта процедура едва ли не изъ рода въ родъ. Въ концѣ концовъ являются злоупотребленія. Масса ихъ была обнаружена въ городскомъ общественномъ банкѣ, въ которомъ оказалось, что сумма въ 600.000 рублей была роздана банкомъ подѣ ненадежныя векселя».

Прошлою осенью хлѣбная торговля понесла миллионныя убытки вслѣдствіе мелководья и ранняго закрытія навигаціи на Волгѣ. По случаю мелководья каждую барку приходилось паузить, т. е. разгрузить товаръ на двѣ, на три барки. Затѣмъ ранніе морозы такъ внезапно сковали рѣку, что многіе пароходы и баржи едва попали въ затоны, кому куда ближе. Хлѣбъ, собранный дорогими цѣнами въ Самарской и Саратовской губерніяхъ, остался на зиму въ разныхъ мѣстахъ между Казанью и Нижнимъ и между Нижнимъ и Рыбинскомъ. Насчитываютъ зазимовавшаго въ этихъ двухъ районахъ хлѣба до 1.100.000 четвертей, до 80 пароходовъ и болѣе 200 баржъ, не считая паузковъ. Между тѣмъ съ этимъ хлѣбомъ торговцы торопились въ мѣста сбыта, платя за него, напримѣръ, въ Самарѣ за рожь 95—98 коп., за пшеницу русскую—1 руб. 20 коп., за размольную, переродъ и кубанку—отъ 1 р. 60 коп. до 1 р. 70 коп. за пудъ, а пароходчики, готовясь къ осенней перевозкѣ хлѣба, съ 1 іюня расходовали деньги, ожидая возмѣщенія отъ осеннихъ рейсовъ, и, вдругъ, кто гдѣ шелъ, гдѣ стоялъ, тутъ и замерзъ съ своими пароходами. Хлѣботорговцы, у которыхъ хлѣбъ въ баржахъ зазимовалъ на Волгѣ, потерпѣли миллионныя убытки. Въ нынѣшнемъ году мелководье на Волгѣ опять грозитъ торговлѣ миллионными убытками. Въ началѣ августа изъ Нижняго - Новгорода писали *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что на тамошней биржѣ царитъ полное уныніе по случаю мелководья на Волгѣ. Отъ Нижняго къ Рыбинску на перекатахъ воды всего 4 четверти, въ Казани—6 четвертей. Вода убываетъ по вершку въ сутки, вслѣдствіе чего придетъ

шіе въ Рыбинскѣ пароходы, имѣвшіе 5 четвертей осадки въ водѣ, не могутъ пройти въ Нижній. Пассажирскіе пароходы, бывшіе на линіи между Нижнимъ-Новгородомъ и Рыбинскомъ, также прекратили свои рейсы; пассажиры въ Рыбинскѣ отправляются изъ Нижняго-Новгорода по желѣзной дорогѣ. Пароходы американской системы, ходившіе между Астраханью и Нижнимъ-Новгородомъ, давно уже не доходятъ до Нижняго, а сдаютъ пассажировъ и грузъ въ Казани. Другой нижегородскій корреспондентъ той же газеты сообщаетъ, что начальникъ округа путей сообщенія, г. Красовскій, лично дѣлалъ промѣръ на перекатахъ между Нижнимъ-Новгородомъ и Рыбинскомъ и нашелъ необходимымъ радикальное исправленіе фарватера, вмѣсто палліативныхъ мѣръ, какими преобладаютъ въ настоящее время инженеры, командированные для улучшенія судоходства на Волгѣ. Пока они очищаютъ въ одномъ мѣстѣ перекать, съ другой стороны его опять затѣгиваетъ пескомъ; тратятся громадныя суммы на это дѣло, а толка не выходитъ никакого. А между тѣмъ финансовыя тузы воспользуются отсрочкою расчета по векселямъ вмѣсто 6 въ 9 мѣсяцевъ до открытія новой навигаціи 1883 года, когда хлѣбъ будутъ продавать въ половину цѣнъ, существующихъ въ настоящее время. Точно также изъ Рыбинска пишутъ *Русскимъ Выдомостямъ*, что все уменьшающійся караванъ находится въ неизвѣстности относительно своего будущаго: вверхъ, при настоящемъ мелководьѣ, суда идти не могутъ, а внизъ, понятно, нежелательно. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, снизу идетъ послѣдній караванъ; но едва ли онъ достигнетъ Рыбинска. По мнѣнію свѣдущихъ людей, караванъ остановится въ Сызрани, откуда грузъ и пойдетъ по желѣзной дорогѣ, минуя знаменитую Рыбинскую пристань и оставивъ безъ работы сильно въ ней нуждающуюся Рыбинско-Бологовскую дорогу, на которой, въ настоящее время, грузится только по 90 вагоновъ въ сутки, несмотря на то, что, по послѣднимъ телеграммамъ, полученнымъ на рыбинской биржѣ изъ Лондона, Бельгій и Амстердама, требованія хлѣба туда должны быть огромныя. Если обильные дожди поднимутъ воду, то весь караванъ направится въ Рыбинскъ, чтобы хлѣбъ направить преимущественно водой. За доставку отъ Рыбинска до Петербурга берутъ съ пуда по Маринской системѣ 12 коп., по Тихвинской 22 коп., по Вышневолоцкой 6 коп., что выходитъ дешевле, чѣмъ по желѣзной дорогѣ, хотя баржи отъ Рыбинска до Петербурга идутъ около двухъ мѣсяцевъ, въ виду различныхъ остановокъ на перекатахъ, гдѣ суда, для прохожденія, ведутъ свою очередь. Въ послѣдніе дни на мѣстной биржѣ дѣла идутъ особенно вяло. Точно также изъ Ярославля *Казанскому Листку* пишутъ, что для хлѣбопромышленниковъ и судовладельцевъ едва ли когда-либо въ другое время бывало столь критическое положеніе, какъ переживаемое ими теперь. Паденіе воды въ Волгѣ и ея притокахъ приняло такіе ужасающіе размѣры, что не только грузныя пароходы и суда не могутъ идти, но даже и пассажирское сообщеніе со-

вершается съ большимъ трудомъ и не безъ риска. Общество «Дружина», пожертвовавъ двумя пароходами, затонувшими въ районѣ Ярославль—Рыбинскъ, прекратило свои рейсы; между тѣмъ приблизилось время самой горячей закупки хлѣбовъ на пристаняхъ, поставщики же или вовсе отказываются отъ взятія поставокъ, или ограничиваютъ доставку такими условіями, какія никогда не практиковались въ договорахъ о доставкѣ, ставя себя внѣ всякой ответственности за послѣдствія. По словамъ напечатанной въ *Голосъ* телеграммы изъ Рыбинска, между этимъ городомъ и Тверью прекратилось движеніе пассажирскихъ пароходовъ и грузовъ. Глубина Волги у Твери доходитъ всего до 9 вершковъ. Вышневолоцкій округъ, водныхъ сообщеній не сберегъ воды въ хранилищахъ, очень часто выпуская ее безъ нужды, и теперь, когда она необходима, они остаются безъ должнаго запаса воды, чрезъ что торговопромышленники несутъ громадныя убытки.

Что касается торговли на ярмаркахъ, она почти повсемѣстно идетъ вяло; вездѣ замѣчается недостатокъ наличныхъ денегъ; торговля сдѣлки большею частью производится въ кредитъ. Такъ, наприимѣръ, обороты на Ирбитской ярмаркѣ были ниже среднихъ. Сѣздъ былъ незначительный, такъ что многія гостиницы недовыручили тысячи по двѣ рублей и болѣе; денегъ было мало, старые платежи не состоялись, покупка шла въ долгъ. Мануфактуристы просто раздавали товары, лишь бы сбыть ихъ; были сдѣлки на 18 мѣсяцевъ съ денежной разсѣлкой. Чайми торговали безъ барыша, воскомъ, мѣдью, щетиною — въ убытокъ, бѣлкою — съ небольшимъ барышомъ. Послѣдняя Маргаритинская ярмарка въ Архангельскѣ, имѣющая чрезвычайно важное значеніе для экономической жизни сѣвера, не можетъ быть отнесена къ числу удачныхъ. Товаровъ привезено было на полтора милліона рублей, продано же только на половину этой суммы. На ярмаркѣ чувствовался большой недостатокъ въ деньгахъ у главнѣйшихъ покупателей — поморовъ. Булаки и промышленники пользовались этимъ обстоятельствомъ и ссужали поморовъ незначительными суммами подъ будущій уловъ. Изъ Рыбинска пишутъ *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что въ нынѣшнемъ году мѣстная Петровская ярмарка фактически доказала, какъ съ каждымъ годомъ падаетъ у насъ торговая производительность. Нѣкогда знаменитая мѣстная Петровская ярмарка, всегда совпадавшая съ прибытіемъ каравана, отличалась оживленностью торговли, чего въ настоящее время совершенно не было замѣтно, несмотря на то, что съ небывалымъ до сихъ поръ огромнымъ караваномъ прибыло и много торговцевъ. На послѣднюю ярмарку привезено было различныхъ—мануфактурныхъ, галантерейныхъ, шляпныхъ, полотняныхъ, мѣловыхъ, книжныхъ, оптическихъ, мраморныхъ и другихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ—издѣлій на 349.350 р., продано же только на 109.735 руб.; слѣдовательно, осталось непроданныхъ товаровъ на 239.615 руб. Въ прошломъ году товару на ярмаркѣ

было продано болѣе противъ настоящаго на 30.000 руб. Въ нынѣшнемъ году городъ и дохода получилъ отъ ярмарки только 2.000 руб. Такимъ образомъ упадокъ торговли очевиденъ. Изъ села Општы, Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, пишутъ *Голосу*, что въ прежнее время на тамошнихъ четырехъ ярмаркахъ производились крупныя обороты, а теперь, вслѣдствіе матеріальнаго оскуднѣнія въ народѣ, ярмарки постепенно падаютъ и одна изъ нихъ «Нижегородская» въ послѣдній разъ совсѣмъ не состоялась, а окончившаяся 26 января Аванасьевская ярмарка прошла тихо. По словамъ той же газеты, на Петропавловскую ярмарку въ Екатеринославѣ привезено товаровъ самое незначительное количество и вообще въ послѣдніе годы обороты этой ярмарки все болѣе и болѣе сокращаются. Въ Алексинѣ, Тульской губ., обычная годовая ярмарка, въ прежніе годы очень бойкая и оживленная, въ настоящемъ году едва привлекла третью часть прїѣзжихъ коммерсантовъ. На Брещенской ярмаркѣ въ Харьковѣ, какъ сообщаетъ *Голосъ*, торговля табакомъ была крайне плоха, хуже прошлогодней, пушной товаръ былъ въ застоѣ. Мануфактуристы, отчаявшись продать товаръ на наличныя деньги, открыли продажу въ кредитъ, довольствуясь уплатою только половинной цѣны наличными деньгами. Газета *Южный Край* передаетъ, что ожиданія, возлагавшіяся мѣстнымъ торговымъ міромъ на благопріятный исходъ Проводской ярмарки, къ сожалѣнію, не оправдались. Дѣла идутъ очень плохо. Хотя срочныя платежи по вексямъ, писаннымъ въ прошломъ году, еще не наступили, но мало надеждъ на исправное поступленіе ихъ, въ особенности изъ Новороссійскаго края. Сѣхавшіеся въ очень ограниченномъ числѣ покупатели, оплативъ часть долговъ по вексямъ, взяли въ кредитъ товару на несравненно меньшую сумму, чѣмъ прежде. Было не мало случаевъ, когда оптовые торговцы предлагали своимъ постояннымъ и солиднымъ покупателямъ товары въ кредитъ на выгодныхъ условіяхъ, но тѣ отказывались. Ильинская ярмарка въ Полтавѣ хотя прошла гораздо лучше, чѣмъ въ прошломъ году, но страдала недостаткомъ сдѣлокъ на наличныя деньги. Мануфактуристы торговали больше въ кредитъ, а не на наличныя деньги. Относительно знаменитой Нижегородской ярмарки мы имѣемъ мало свѣдѣній, да и тѣ далеко не утѣшительнаго свойства. Такъ изъ Гуслиць, промышленнаго округа въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, въ началѣ іюля писали *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что въ прежніе годы въ это время отсюда начиналась уже отправка товаровъ на Нижегородскую ярмарку. Къ ближайшимъ станціямъ Нижегородской желѣзной дороги, Павлову и Орѣхову, тянулись длинныя транспорты вошиковъ съ товаромъ. Въ настоящее время совсѣмъ не то: упадокъ фабричной промышленности въ здѣшнемъ краѣ настолько очевиденъ и чувствителенъ для мѣстнаго, преимущественно фабричнаго, населенія, что на поправку дѣлъ покуда нѣтъ возможности разсчитывать. Многіе фабриканты совсѣмъ прїостановили

свои дѣла. Затѣмъ, по открытіи Нижегородской ярмарки, оттуда сообщали *Русскимъ Вѣдомостямъ* болѣе утѣшительныя свѣдѣнія, что московскіе и подмосковные мануфактуристы торгуютъ не плохо, спросъ на ситцы, шерстяные и бумажные товары даетъ фабрикантамъ возможность поддерживать цѣны, которыя въ послѣднее время были сбиты до невозможности. Особенно бойко торгуютъ крупныя фирмы: Морозовъ, Мещеринъ, Каретниковъ, Елагинъ, Зиминъ. Съ фабрикъ затребованы остальные запасы товаровъ и отданы нѣкоторыми приказанія о повышеніи заработной платы. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого сообщенія въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* вновь появилось тревожное извѣстіе изъ Нижняго-Новгорода, что торговля мануфактурными товарами на ярмаркѣ замялась и притомъ въ самый разгаръ ярмарочныхъ дѣлъ. Болѣе дешевыя бумажныя ткани подмосковныхъ фабрикъ идутъ вообще плохо. Цѣны покуда держатся, и то потому, что, по отзывамъ фабрикантовъ, не изъ чего складывать, такъ какъ польза, взимаемая фабрикантами, благодаря конкуренціи, существовавшей въ послѣдніе годы, урѣзана до невозможности. На нижегородской биржѣ, какъ сообщаетъ мѣстный *Биржевой Листокъ*, продолжается затишье, вслѣдствіе мелководья на Волгѣ; много персидскихъ товаровъ находится еще въ пути, вслѣдствіе чего сдѣлки на хлопокъ, вино и даже бузунную соль, задержанную паузками, почти приостановились. Эти же причины поддерживаютъ и цѣны на хлѣба, которыхъ вывезти на нижегородскую пристань къ распродажѣ невозможно, не сдѣлавъ лишнихъ тратъ на паузки и за доставку. По отзыву *Московского Листка*, на нынѣшней ярмаркѣ кредитомъ воздерживаются, а *Русскія Вѣдомости* утверждаютъ даже, что расчеты по долговымъ обязательствамъ, которые непременно оканчиваются 25 августа въ 12 часовъ дня, въ настоящую ярмарку, если не отсрочатся до сентября, по случаю мелководья на р. Волгѣ, поведутъ къ громаднымъ протестамъ векселей. Впрочемъ, какъ справедливо замѣчаетъ финансовый обозрѣватель *Голоса*, о ходѣ дѣлъ на Нижегородской ярмаркѣ положительныхъ свѣдѣній еще нѣтъ; во всякомъ случаѣ въ биржевыхъ кружкахъ не совсѣмъ еще увѣрены, чтобы размѣры оборотовъ ея сравнялись съ прошлогодними итогами. Провинціальныя ярмарки на шерсть всюду дали благоприятные результаты, какъ относительно цѣнъ, такъ и по успѣшности сбыта. Съ одной стороны иностранные покупатели, пользуясь паденіемъ нашего кредитнаго рубля, могли платить высокія цѣны за шерсть въ кредиткахъ; а съ другой стороны и отечественные фабриканты охотно дѣлали покупки въ виду повышенія пошлины на привозную изъ-за границы шерсть-сырецъ вмѣсто 24 коп. до 1 руб., на непряденную, крашенную шерсть — вмѣсто 48 коп. до 2 руб., на пряденную не крашенную — вмѣсто 4 р. 95 к. до 7 р. 50 к. и на пряденную крашенную до 9 руб. съ пуда.

Въ заключеніе мы снова возвратимся къ заграничной торговлѣ. Какъ извѣстно уже читателямъ, въ предшествующіе два года наша внѣшняя

торговля сильно упала. Заграничный отпускъ составлялъ въ 1879 году 627.768.000 р., а въ 1880 году только 498.672.000 руб., т. е. уменьшился на 129.096.000 руб. Затѣмъ въ 1881 году послѣдовало новое сокращеніе заграничныхъ торговыхъ оборотовъ столь значительное, что таможенные сборы уменьшились противъ 1880 года на 19.500.000 руб. Въ нынѣшнемъ году также незамѣтно серьезнаго улучшенія въ нашей внѣшней торговлѣ. Изъ обнародованной правительствомъ вѣдомости о поступленіи государственныхъ доходовъ въ нынѣшнемъ году видно, что съ 1-го января по 1 іюня 1882 года поступило таможенныхъ сборовъ 30.091.501 руб., тогда какъ за то же время въ 1881 году поступило 28.990.819 р. Слѣдовательно, въ теченіе пяти мѣсяцевъ нынѣшняго года таможенные доходы возросли всего на 1.700.000 руб., что представляетъ собою весьма незначительную сумму сравнительно съ уменьшеніемъ таможенного дохода въ 1881 году на 19.500.000 руб., въ особенности если принять въ расчетъ значительный упадокъ нашихъ заграничныхъ сношеній и въ предшествующемъ 1880 году сравнительно съ 1879 годомъ. Ясное дѣло, что прибылью въ 1½ милл. далеко не покрывается убыль въ 19½ милл. и слѣдовательно о прочномъ и серьезномъ оживленіи нашей заграничной торговли не можетъ быть и рѣчи. Но, къ сожалѣнію, нѣтъ ничего невозможнаго для русской ежедневной прессы, когда она захочетъ обманывать читателей и въ радужномъ свѣтѣ представлять печальныя картины родной дѣйствительности. Вотъ что говоритъ *Новое Время* о положеніи нашей заграничной торговли въ нынѣшнемъ году: «Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя торговля въ текущемъ году, сравнительно съ прошлымъ, значительно оживилась; въ этомъ отношеніи производитъ отрадное впечатлѣніе разсматриваніе вѣдомости о количествѣ иностранныхъ товаровъ, выпущенныхъ изъ таможенъ, а также и русскихъ товаровъ, вывезенныхъ за границу по европейской торговлѣ съ 1-го января по 1-е іюня сего года. Сравнивая данныя текущаго года съ прошлогодними за тотъ же срокъ, прямо бросается въ глаза громадный перевѣсъ въ пользу настоящаго года почти по всѣмъ статьямъ. Такъ въ группѣ иностранныхъ товаровъ, выпущенныхъ изъ таможенъ, только по семи статьямъ привезено меньше, и притомъ на незначительную цифру, за исключеніемъ соли (на 764.344 п.) и сырца бумаги (392.344 пуд.), которыхъ выпущено меньше. Каменнаго угля привезено больше на 8.602.074 пуд., паровиковъ, локомотивовъ и принадлежностей машинъ—больше на 398.306 пуд., сельдей соленыхъ—на 414.866 пуд., соды—на 304.225 пуд., желѣза полосоваго, сортированнаго и прокатнаго—на 249.703 пуда, чаю—на 154.599 пуд., масла деревяннаго—на 153.245 пуд., вина винограднаго—на 130.805 пуд., масла летучаго для освѣщенія—на 161.823 пуда, свинца—на 115.709 пуд., полотна льнянаго на 142.555 руб. Особенно усилилась наша отпускаемая торговля: такъ, разныхъ сортовъ хлѣба вывезено въ текущемъ году болѣе на 9.974.951 четв., причемъ пшеницы болѣе на 4.073.367 четв., овса

на 2.276.353 четв., ржи болѣе почти на 1½ милл. четв. и ячменя болѣе чѣмъ на 1 милл. четвертей. По другимъ отдѣламъ отпускной торговли также превалируетъ вывозъ, кромѣ четырехъ случаевъ, гдѣ вывезено менѣе на десятки тысячъ пудовъ; спирта и вина вывезено болѣе на 89.928.563 град., лѣснаго товара болѣе на 2.767.358 руб., льна—на 1.314.258 пудовъ, сѣмьян льняного и коноплянаго больше на 532.182 четв., спирта и вина—на 705.274 пуда, выжимокъ изъ сѣмянъ—на 304.591 пудъ, льняной пакли—на 130.700 пуд., сѣмянъ масляничныхъ—на 130.510 четв. и шерсти-сырца—на 116.360 пуд. Въ общемъ итогъ замѣтно значительное оживленіе какъ вывозной, такъ и привозной торговли. Приведенныя цифры могли бы свидѣтельствовать о «значительномъ оживленіи торговли» въ такомъ случаѣ, еслибъ и въ предшествующіе годы замѣчалось постоянное увеличеніе торговыхъ оборотовъ. Въ дѣйствительности же мы видимъ, что въ нынѣшнемъ году произошло довольно незначительное увеличеніе ввоза и вывоза, которое далеко не въ состояніи возмѣститъ громадное уменьшеніе торговыхъ оборотовъ въ предшествующіе два года. Оказывается, что нынѣшній годъ, по величинѣ оборотовъ нашей заграничной торговли, столь же неудаченъ сравнительно съ 1879 годомъ, какъ и прошлые 1880 и 1881 годы. Возьмемъ для большей очевидности тѣ предметы отпускной торговли, вывозъ которыхъ въ нынѣшнемъ году увеличился противъ прошлаго года. Хлѣбныхъ растеній вывезено болѣе на 10 мил.,—увеличеніе, дѣйствительно, весьма значительное, но неимѣющее рѣшительнаго значенія въ смыслѣ оживленія хлѣбной торговли, такъ какъ въ предшествующіе 1880 и 1881 годы вывозъ хлѣба равнялся ежегодно 23.800.000 четв., причежъ онъ упалъ противъ 1879 года на 14.800.000 четв., а противъ 1878 года на 17.000.000 четв. Лѣснаго товара вывезено болѣе на 2.700.000, тогда какъ въ прошломъ году было вывезено сравнительно съ 1880 годомъ менѣе на 3.300.000 р.; слѣдовательно увеличеніе не покрываетъ послѣдовавшаго уменьшенія. Спирта и вина вывезено болѣе на 705.274 пуда, тогда какъ въ прошломъ году было вывезено на 871.632 пуда менѣе противъ 1880 года и на 1.281.991 пудъ менѣе противъ 1879 года. Отпускъ шерсти увеличился на 116.360 пуд., тогда какъ въ прошломъ году онъ уменьшился на 522.000 пуд. сравнительно съ 1880 годомъ. Привозъ паровиковъ, локомотивовъ и принадлежностей машинъ увеличился на 398.306 пуд., тогда какъ въ прошломъ году онъ уменьшился на 2.597.000 пуд. противъ 1880 года. Привозъ желѣза увеличился на 249.703 пуда, тогда какъ въ прошломъ году онъ уменьшился почти на 3 мил. пуд. противъ 1880 года. Масла деревяннаго привезено болѣе на 153.245 пуд., тогда какъ въ прошломъ году привозъ былъ менѣе на полмилліона пудовъ сравнительно съ 1880 годомъ. Чаю привезено болѣе на 154.599 пуд., тогда какъ въ прошломъ году на 520.000 пуд. менѣе противъ 1880 года. Вина привезено болѣе на 130.805 пуд., тогда какъ въ прошломъ году менѣе

противъ 1880 года на 444.000 пуд. Такимъ образомъ сравненіе цифръ, выражающихъ собой обороты нашей внѣшней торговли, приводитъ къ тому заключенію, что въ нынѣшнемъ году мы весьма недалеко ушли впередъ противъ неудачныхъ для торговли двухъ предшествующихъ годовъ, такъ что не послѣдовало почти никакого серьезнаго оживленія въ нашей заграничной торговлѣ, которая не скоро достигнетъ того положенія, какое она занимала въ 1879 году. Впрочемъ годъ еще далеко не окончился, итоги не подведены окончательно и трудно предугадать, какъ именно завершатся обороты нашей заграничной торговли въ нынѣшнемъ году.

— сій.

Хроника французской жизни.

Египетскій вопросъ. — Паденіе кабинета Фрейсине. — Его ничтожество. — Несостоятельность Клемансо. — Министерство Доклерка. — Декларация новаго кабинета. — Открытіе ратуши и празднество 14 іюля. — Дѣло Фенейру. — Новыя книги: „Рахель въ ея письмахъ“ (Rachel d'après sa correspondance), Жоржа д'Ейли.— „Пятьдесятъ лѣтъ литературной жизни“ (Cinquante ans de vie littéraire), Мари-Лафонъ.— Обзоръ періодической печати.—Выставка союза декоративныхъ искусствъ.

Вопреки протоколу, подписанному всѣми державами наканунѣ открытія константинопольской конференціи, Англія распоряжается въ Египтѣ почти не скрывая цѣли—прочно утвердиться въ этой странѣ. Присоединеніе совершится конечно не сейчасъ; быть-можетъ, теперь Англія и не объявитъ своего протектатора,—пока съ нею довольно самовластно управлять страной; сперва власть, а тамъ и титулъ. Какое униженіе для французскаго народа видѣть господство Англіи въ Египтѣ, въ этой странѣ, которую Франція пробудила отъ вѣковаго усыпленія, которую она вывела своимъ вліяніемъ на путь цивилизаціи, подобно тому, какъ въ прошломъ столѣтіи она подняла Индію, создавъ индійское товарищество (compagnie des Indes). Суэзскій каналъ, это созданіе Франціи, перейдетъ въ руки англичанъ такъ же точно, какъ французское товарищество въ Индіи захватилось англійскою компаніей. И сорокъ вѣковъ съ вершинъ пирамидъ будутъ взирать не на славу Франціи. Вотъ чѣмъ терзается духъ французскаго народа, именно—народа, но не французскаго правительства.

Мнѣ пришлось присутствовать на томъ засѣданіи палаты, въ которомъ произошло паденіе кабинета Фрейсине. Тяжело было видѣть это полное незнаніе дѣла, это отсутствіе патріотизма при единственной заботѣ сохранить или приобрести министерскіе портфели. Фрейсине былъ ниже всякой посредственности. Замѣтно было, что и Клемансо (за нимъ осталась честь этого дня) также неясно сознавалъ, что дѣлалъ. Палата сочувственно отнеслась къ словамъ Марсера: «какъ могу я одобрить ваше соглашеніе съ Англіей, когда вы не хотите разъяснить въ точности, въ чемъ оно состоитъ!» Фрейсине попытка было дать нѣкоторыя разъясненія, изъ которыхъ ясно было одно, что если дать волю министерству, то Франція

попадется на удочку. Тутъ Клемансо не стоило ужь никакого труда доказать всю нелогичность кабинета. «Министры начали съ заявленія, что вмѣшательства не понадобятся, а копчили тѣмъ, что просили утвердить такія мѣры, которыя неминуемо къ тому приведутъ». Рѣчь Клемансо принята была съ такимъ сочувствіемъ, что у Фрейсине и его товарищей пропало даже желаніе возражать. Слѣдовавшее затѣмъ вотированіе было поразительно: за министерство высказалось только 75 голосовъ, а противъ 416. Министерство подало въ отставку. Замѣна его представляла не мало затрудненій: большинство, испровергнувшее кабинетъ, состояло или изъ тѣхъ, которые, подобно Клемансо, стояли за воздержаніе отъ всякаго вмѣшательства, или изъ такихъ, которые, какъ Гамбетта, напротивъ требовали его. Чуть было не вернулись къ старому составу кабинета, съ нѣкоторыми только перемѣнами, что было бы какъ разъ на руку тѣмъ депутатамъ, которые, подавая голоса противъ министерства, рассчитывали воспользоваться однимъ-двумя портфелями. Но это оказалось невозможнымъ. Разъ палата отвергла устроенное Фрейсине соглашеніе съ Англіей, она тѣмъ самымъ вынуждала и его отставку. Иначе какое же правительство согласилось бы входить съ нимъ въ договоры. На Жюля-Ферри и Леона Сэ палата была еще болѣе недовольна, чѣмъ на Фрейсине: доказано было, что въ совѣтѣ министровъ они прямо подавали голоса за вмѣшательство, тогда какъ Фрейсине сначала былъ противъ него и только впоследствии присоединился къ партіи, требовавшей дѣйствій въ Египтѣ, да и то подъ условіемъ соблюденія возможной умѣренности. Относительно Жюля-Ферри основательны были всякія подозрѣнія: по его милости совершилась тунисская экспедиція, онъ испросилъ на нее утвержденіе палаты, подъ предлогомъ простой военной прогулки, а потомъ сознался, что хрумиры служили только предлогомъ,—правительство не могло, видите ли, объявить прямо, что оно рѣшилось дѣлать. Леонъ Сэ особенно расположенъ къ Ротшильду, которому Египетъ долженъ 200 милліоновъ; это обстоятельство и вызвало главнымъ образомъ вмѣшательство Франціи въ финансовыя дѣла Египта.

По обычаю, для составленія новаго кабинета, президенту республики слѣдовало обратиться къ Марсеру изъ лѣваго центра и къ Клемансо изъ лѣвой крайней, такъ какъ большинство палаты примкнуло къ ихъ оппозиціи. Но эти два лица, принадлежа къ слишкомъ разнымъ партіямъ, не могутъ войти въ составъ одного и того же кабинета, да, въ добавокъ, Марсеръ былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и принужденъ былъ выйти въ отставку по поводу какихъ-то сплетенъ. Газеты тотчасъ напомнили объ этомъ. Клемансо же выжидаетъ. По всей вѣроятности, онъ принялъ бы предложеніе, еслибы президентъ предоставилъ ему право требовать распушенія палаты, на что едва ли бы согласился сенатъ. Итакъ, воскрешать министерство лѣваго центра поздно, составлять министерство крайней лѣвой преждевременно,—что же остается

дѣлать?... Вручить власть главѣ *великаго министерства*?—Но оно у всѣхъ еще въ свѣжей, хоть и не въ доброй, памяти. Во время всей этой сумятицы Гамбетта прятался. Онъ сознавалъ, что стоитъ ему войти на трибуну, и большинство присоединится къ Фрейсине,—такъ боится палата снова подпасть подъ ферулу Гамбетты. Все время засѣданія онъ провелъ въ корридорѣ, куда клеветы приносили ему вѣсти о ходѣ дѣла. Во время голосованія онъ явился въ залъ и друзья его подали голосъ противъ министерства.

Нынѣшняя палата есть плодъ политическаго брака, болѣе или менѣе законнаго, умѣренной республики Ферри съ поддѣльнымъ радикализмомъ Гамбетты, иначе бракъ лѣвой съ группой республиканскаго союза,—можно ли было ожидать отъ него иного министерства, какъ Гамбетта и Ферри видѣтъ, или порознь? Еслибъ они дѣйствительно руководились интересами Франціи,—что бы помѣшало имъ и ихъ друзьямъ проводить сообща тѣ реформы, въ которыхъ они были согласны, судя по ихъ избирательнымъ декларациямъ? Порознь же каждая партія могла добиваться того, за что стояло большинство палаты. Между тѣмъ министерство Гамбетты просуществовало едва 6 недѣль, а министерство Ферри-Фрейсине 6 мѣсяцевъ. Для удовлетворенія большинства пришлось составить новый кабинетъ, мало чѣмъ отличающійся отъ стараго: члены его—тѣ же гамбеттисты и ферристы, и всѣ одинаково безцвѣтны. Президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ—Дюклеркъ, Генералъ Бильо, адмиралъ Журекибери, Бошери и Магю сохраняютъ свои прежніе портфели: военный, морской, почтъ и телеграфовъ и земледѣлія. Тираръ изъ министра торговли превращается въ министра финансовъ, а Дюво изъ главнаго секретаря—въ министра народнаго просвѣщенія; Фальеръ, Девесъ и Пьеръ Легранъ дѣлаются министрами внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и торговли. Такимъ составомъ кабинета удовлетворяются группы, въ которыхъ названныя лица были если не главами, то вліятельными членами. При всемъ томъ о новомъ министерствѣ можно сказать то же, что говорили о Бурбо; когда этотъ никому неизвѣстный человекъ сталъ министромъ имперіи, уличные мальчишки рисовали на него каррикатуры съ подписью: «у Бурбо нѣтъ престижа». Дюклеркъ, кажется, республиканецъ отъ рожденія. Онъ зять Гарнье Пажеса и когда послѣдній сдѣлался во время учредительнаго собранія однимъ изъ пяти правителей Франціи, то Дюклеркъ получилъ портфель министра финансовъ, но оставался въ этой должности всего нѣсколько недѣль. Вспыхнуло іюньское возстаніе 1848 года, и Дюклеркъ, какъ частный человекъ, сталъ заниматься своими дѣлами во Франціи и за границей. 4 сентября 1871 года Гарнье снова принялъ участіе въ управленіи Франціи—и Дюклеркъ назначается президентомъ комиссіи для провѣрки министерскихъ счетовъ 1870 года, потомъ его избираютъ депутатомъ, а затѣмъ несмѣняемымъ сенаторомъ. Онъ состоитъ вице-президентомъ сената и членомъ совѣта администраціи многихъ финансовыхъ обществъ, между прочимъ парижскаго и голландскаго банковъ.

По окончаніи вотированія прямыхъ податей у палаты начались ваканціи. По открытіи засѣданій борьба несомнѣнно возобновится, а до тѣхъ поръ кабинетъ постарается ничего не дѣлать ни внѣ, ни внутри страны.

Въ самый день паденія министерства, вечеромъ, состоялся митингъ въ манежѣ, близъ Бельвиля. Давно небывалое явленіе: публика была въ лихорадочномъ состояніи прежде, чѣмъ начались рѣчи. Засѣданіе продолжалось отъ 8¹/₂ до 11³/₄ часа, т. е. слишкомъ 3 часа; многочисленное собраніе (манежъ былъ полонъ) мужчинъ и женщинъ стоя слушало ораторовъ, которые излагали исторію развитія египетскаго вопроса. Обыкновенно считаютъ народъ матеріалистомъ, да онъ и самъ считаетъ себя такимъ; здѣсь же онъ проявилъ большое участіе къ страданіямъ феллаховъ. Въ собраніи высказывалось и заслужило одобреніе мнѣніе, что для государства унизительно тратить свои силы на служеніе финансовымъ обществамъ и для защиты ростовщическихъ займовъ.

На другой день, въ воскресенье, на другомъ концѣ Парижа, въ кварталѣ Saint - Antoine происходилъ митингъ рабочихъ. И тутъ выражались тѣ же чувства симпатіи къ египтянамъ и сознаніе униженія въ томъ, что Франція не находитъ средствъ помочь имъ. Два дня спустя въ собраніи въ залѣ Эрмитажа, около Jardin des plantes, публика съ величайшимъ интересомъ слѣдила за разъясненіемъ всѣхъ фазисовъ развитія египетскаго вопроса, съ самаго момента его возникновенія во время Берлинскаго конгресса. Какъ тогда легко было предотвратить нынѣшнее постыдное для Франціи положеніе дѣлъ, еслибы только французское правительство поняло настоящимъ образомъ свою задачу и поддержало нарождающуюся въ Египтѣ національную партію. Англія не могла бы дѣйствовать тогда ни противъ самой страны, ни противъ Франціи. Въ собраніи указывалось на теперешнее положеніе Франціи, отстраненной отъ Италіи Тунисомъ, а отъ Англіи—египетскимъ вопросомъ, во славу и удовольствіе Бисмарка.

Общественное мнѣніе приняло министерство Дюлгерка еще холоднѣе, чѣмъ палата, холодно выслушавшая прочтенное ей сообщеніе. Тѣ, кто не признаетъ за Парижемъ способности вести дѣла свои хуже, чѣмъ ведетъ ихъ любой городъ, недовольны вступленіемъ въ министерство Девеса, автора предложенія, недавно вотированнаго палатой и направленнаго противъ учрежденія центральной меріи въ Парижѣ. Можно предвидѣть столкновеніе между министерствомъ и муниципальнымъ совѣтомъ Парижа; поговариваютъ даже о возможности распущенія совѣта. Флоке, саяскій префектъ, подалъ въ отставку, мотивируя ее вступленіемъ въ министерство Девеса; онъ видитъ въ этомъ назначеніи возможность отнятія муниципальныхъ правъ у Парижа. Министръ просилъ его взять отставку обратно, и Флоке временно согласился на это.

Открытіе новой ратуши, возникшей изъ груды развалинъ прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, произвело на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Иллюминація на площади и на мосту, соединяющемъ оба берега Сены, была чрезвы-

чайно эффектна. Улица Риволи, примыкающая къ ратушѣ, представляла собою галерею, увѣшанную безчисленнымъ множествомъ люстръ, такъ же точно какъ и сосѣдняя съ площадью Avenue Victoria. Послѣ банкета въ салонахъ ратуши былъ устроенъ приемъ болѣе чѣмъ на 10.000 человекъ. Кромѣ должностныхъ лицъ всѣхъ сословій, муниципальные совѣтники разослали приглашеніе членамъ своихъ избирательныхъ комитетовъ. Многие были въ черныхъ галстукахъ и даже въ сюртукахъ. Чтобы устроить открытіе въ нынѣшнемъ году, понадобились крупныя дополнительные расходы, такъ какъ не всѣ постройки были готовы. Многие порицали эти лишнія траты,—ихъ можно было избѣжать, отложивъ открытіе до будущаго года. Праздникъ удался и публика осталась довольна. Празднованіе 14 іюля, совершившееся на другой день, носило и въ нынѣшнемъ году характеръ Кермеса (храмовой праздникъ въ Голландіи), но нашли, что этого недостаточно и въ будущемъ году сюда примѣшаются затѣи. Уже и въ нынѣшнемъ году дефилировали баталіоны воспитанниковъ коммунальныхъ школъ. Ихъ приучаютъ владѣть оружіемъ. Дѣти эти смотрятъ молодцами; пріятно было видѣть, какъ они маршировали и маневрировали.

Въ двухъ случаяхъ министры всегда могутъ рассчитывать на согласіе палаты: это—кредитъ на армію и кредитъ на воспитаніе. Къ сожалѣнію, сдѣланныя преобразованія не принесли еще тѣхъ плодовъ, которыхъ мы въ правѣ ожидать отъ принесенныхъ жертвъ. У насъ, во Франціи, военный духъ падаетъ и въ силу реакціи противъ милитаризма имперіи, и отъ пренебреженія, оказываемаго коммерческимъ классомъ и людьми такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, къ военному ремеслу, а также и отъ страха рабочихъ массъ передъ постоянными арміями, которыя чаще употреблялись противъ самихъ рабочихъ, чѣмъ противъ иноземцевъ.

Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія доходитъ до 120 милл. франковъ, но онъ долженъ еще возрасти, ибо для дѣвочекъ предполагаютъ сдѣлать то, что уже сдѣлано для мальчиковъ. Недовольные составомъ новаго кабинета тѣмъ не менѣе одобрительно относятся къ назначенію Дево министромъ народнаго просвѣщенія. Изъ секретаря министерства онъ сталъ его главой и въ этомъ всѣ видятъ залогъ прочности прежняго направленія.

Въ судебныхъ процессахъ часто разоблачаются такіе ужасающіе факты, какихъ не найдешь въ самомъ невозможномъ романѣ. Теперь въ судѣ идетъ дѣло Фенейру. Обманутый мужъ убилъ любовника своей жены, заманивъ его въ западню при ея же посредствѣ. Что ревность доводитъ иногда человѣка до мщенія, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но чтобы женщина хладнокровно помогала мужу, котораго она никогда не любила, убійтъ любовника, когда-то ею любимаго, заманивъ его въ ловушку, это превосходитъ всякое вѣроятіе. Она имѣла въ то время уже другаго любовника и не была подъ вліяніемъ страсти; какъ сама утверждаетъ, она искала у любовниковъ своихъ «простой ласки, слова утѣшенія».

Передъ соверше́ніемъ преступленія она провела полчаса въ часовнѣ на молитвѣ. Приѣхавъ съ дачи, гдѣ она видѣла всѣ приготовленія къ убійству, она встрѣтила свою жертву въ назначенномъ мѣстѣ и отвезла его на дачу; для себя она взяла билетъ туда и обратно, для него же только въ одинъ конецъ. Она ввела его въ залу, гдѣ уже ожидалъ мужъ. При соверше́ніи возмутительнаго убійства она держала свѣчу, а когда мужъ обезси́лѣлъ въ борьбѣ, она оттащила любовника за плечи; потомъ помогла скрыть слѣды преступленія и вернулась въ Парижъ вмѣстѣ съ мужемъ и его братомъ. Когда полиція, по указанію сестры убитаго, напала на слѣдъ преступленія, Фенейру во всемъ сознался, всю вину взялъ на себя и мотивомъ преступленія выставилъ месть. По его словамъ, жена и братъ его не принимали непосредственнаго участія въ убійствѣ; онъ совершилъ его одинъ. Подробности дѣла ужасны. Сначала Фенейру намѣревается выколоть Оберу глаза при помощи особенно для того устроеннаго лорнета съ пружинами. Затѣмъ этотъ изобрѣтательный негодай придумалъ пригласить Обера къ обѣду и посадить его на искусно прикрытый капканъ, который оторвалъ бы ему обѣ ноги, что дало бы полную возможность зарѣзать его. «Я оставилъ этотъ проектъ,—говоритъ Фенейру,—потому что онъ былъ слишкомъ жестокъ, и рѣшился убить Обера просто. Этотъ простой способъ оказывается однако очень сложнымъ, но приводится въ исполненіе безъ всякой помѣхи. Въ день перваго причащенія старшаго сына, вечеромъ, Фенейру сговаривается съ братомъ; а самое убійство назначаетъ на Вознесенье, день праздничный,—это дало имъ возможность воспользоваться поѣздомъ, который проходитъ мимо Шатонъ въ 12 час. 40 мин. ночи. Передъ самымъ преступленіемъ супруги обѣдаютъ у Pège Lathuile, послѣ чего прохлаждаются и пьютъ пиво. Повозка, на которой свезли трупъ къ рѣкѣ, служитъ потомъ игрушкой дѣтямъ Фенейру. Два дня спустя Фенейру прохаживается по дачѣ и замѣчаетъ составъ, насыпанный на полу для просушки пятенъ. «Дорого обошелся мнѣ Оберъ!»—воскликаетъ онъ. Еслибы соперникъ стоилъ ему дешевле, онъ былъ бы совершенно удовлетворенъ, а то пришлось нанять дачу, заплатить за треть впередъ.

Присяжные приговорили Фенейру: мужа—къ смерти, жену его—къ вѣчной каторгѣ, а брата—къ каторжнымъ работамъ на семь лѣтъ. Думаютъ, что смертную казнь замѣнятъ каторгой. Жена Фенейру строитъ уже планы будущаго своего житья-бытья. Вотъ что она сообщила инспектору тюремной администраціи Сены и Уазы: ея мужа простятъ и отправятъ въ Новую Каледонію; черезъ годъ за хорошее поведеніе ему позволятъ перевезти къ себѣ жену, дѣтей и тещу. Они будутъ жить счастливо, какъ жили бы за границей, еслибъ ихъ не арестовали передъ самымъ отъѣздомъ. Она постарается сдѣлать совершенно счастливымъ этого бѣднягу мужа, который ее такъ любилъ и такъ много для нея сдѣлалъ. Въ трудѣ они забудутъ о несчастномъ, который довель ихъ до преступленія.

Жоржъ д'Ейли пытается возсоздать намъ Рашель по ея корреспонденці. Трудъ интересный, но онъ такъ же мало воспроизводитъ Рашель, какъ всѣ ея статуи и портреты, которые представляютъ ее въ минуты покоя, а не преобразенную на сценѣ. Изъ угожденія къ близкимъ Рашели, г. д'Ейли отказался воспользоваться тѣми скорбными письмами ея, которыя стали извѣстны публикѣ почти съ самаго ея дебюта. Какою дорогою цѣной въ нашихъ извращенныхъ столицахъ приходится покупать директора театра, вліятельнаго критика, всѣ эти власти, стоящія между дебютантомъ и публикой!... Когда впоследствии друзья убѣждали Рашель шадить силы, она отвѣчала, что движеніе развлекаетъ ее, помогаетъ ей отдѣлаться отъ мучительныхъ воспоминаній прошлаго. Эрнестъ Легуве, печатающій въ газетѣ *Тешрз* свои «Очерки и воспоминанія», сообщаетъ намъ нѣкоторыя прискорбныя свѣдѣнія, слышанныя имъ изъ устъ самой Рашели: нравственные мученія ея болѣе физическихъ укоротили ея существованіе. Однажды Легуве спросилъ Рашель, отчего она такъ вдругъ оставила роль Полины въ «Полиевктѣ». Вотъ поучительный ея отвѣтъ: «Я перестала играть эту роль изъ уваженія къ ней; какъ и почему, расскажу вамъ. О, я дѣвушка болѣе странная, чѣмъ вы полагаете. Роковая случайность столкнула меня въ жизни съ человѣкомъ низкимъ по чувствамъ и понятіямъ, но сильнымъ по уму; онъ забралъ меня въ руки, я проклинала его власть надъ собой, но подчинилась ему». — «Зачѣмъ же вы подчинились?» — «Зачѣмъ, зачѣмъ?... Вы, умные люди, воображаете, что у васъ глаза рыси, а вы просто кроты; когда вамъ вздумается читать въ нашемъ сердцѣ, въ сердцѣ женщинъ и актрисъ, вы въ немъ ничего не видите. Правда, мы и сами часто ничего въ немъ не понимаемъ. Зачѣмъ я подчинилась власти человѣка, котораго презирала, ненавидѣла? — а потому, что онъ былъ сильнѣе меня; онъ владѣлъ тайной, которая служила ему орудіемъ противъ меня. Онъ увѣрилъ меня, что можетъ сдѣлать многое для моей будущности въ театрѣ. Говорить ли вамъ все до конца? Я не убѣждена, не была ли самая его извращенность силою въ моихъ глазахъ. Злоба, которую я къ нему чувствовала, была такъ сильна, что однажды на представленіи «Марія Стюартъ» я положила въ карманъ маленькій пистолетъ съ твердымъ намѣреніемъ приблизиться къ первой ложѣ бенеуара, въ которой онъ нагло возсѣдалъ въ дни моихъ представленій, и убить его у всѣхъ на глазахъ. Какой эффектъ!...» Слово это такъ живо напоминало актрису, что я улынулся. — «Я васъ понимаю: вы думаете, что это не болѣе какъ театральная сцена... Какъ бы то ни было, — добавила она съ необычайною силой, — это истинная правда. Я внезапно оставила роль Полны, потому что чувствовала себя недостойной играть ее. Порой меня охватывала такая ненависть къ себѣ, что я не въ силахъ была изображать это благородное созданіе, выражать эти чистыя чувства. Эти дивные стихи терзали мои уста, я не могла произносить ихъ, не могла...» Въ звукахъ ея голоса было столько правды, столько глубины, что я пересталъ

улыбаться. Она продолжала тѣмъ же голосомъ и съ выраженіемъ, котораго я никогда не забуду: «Все это очень неправдоподобно, я знаю; но что бы вы сказали, еслибы видѣли самую душу мою?... Вы удивляетесь мнѣ, не правда ли?... Вы всё приходили въ восторгъ отъ моей игры. Ну, такъ знайте же: во мнѣ жила Рашель въдесятеро выше той, которую вы знаете; я не была и четвертою частью того, чѣмъ могла быть. У меня былъ талантъ, а могъ бы быть и гений. Ахъ, еслибы меня воспитали иначе, еслибы иные люди окружали меня, еслибы я жила иначе,—какимъ бы я была художникомъ!... Какъ только подумаю объ этомъ, меня охватываетъ такое сожалѣніе...» Тутъ она вдругъ остановилась, закрыла лицо руками и оставалась такъ нѣсколько минутъ. Я видѣлъ, какъ по ея пальцамъ текли слезы. Рашель не знала даже съ точностію годъ своего рожденія. Она родилась въ 1820 или 1821 году. Въ 1837 г. она дебютировала въ театрѣ Gynpase, а въ слѣдующемъ году выступила въ théâtre Français. «Если,—писала она въ 1843 году брату своему Рафаэлю,—призваніе твое, какъ я предвижу, быть актеромъ, старайся возвысить искусство, относись къ своему дѣлу добросовѣстно—не ради того только, чтобы создать себѣ положеніе. Изъучай свое дѣло изъ любви и страсти къ великимъ произведеніямъ, которыя питаютъ умъ и сердце». Природный умъ дополнялъ въ ней недостатокъ воспитанія.

Она была очень сострадательна. Въ 1852 году по поводу смерти Сентъ-Едма, автора первой ея біографіи, она пишетъ слѣдующія строки: «Я не съумѣю выразить вамъ достаточно сильно, какое впечатлѣніе произвела на меня смерть Едма; я прочла въ газетахъ его горестную исповѣдь и какъ мнѣ больно, что я ничего не знала о его положеніи. Три ночи сряду я вижу этого несчастнаго человѣка, висящаго на полѣнѣ, сбереженномъ отъ топлива; оно просунуто въ дверцы пустой бібліотеки. Я перечла вновь въ его книгѣ «Біографіи свѣтилъ дня»—похвалы, которыя онъ расточаетъ маленькой Рашели Феликсъ. Я спрашивала и даже упрекала себя, какъ могло случиться, что человѣкъ, пришедшій такъ рано мнѣ на помощь, самъ долженъ былъ умереть отъ холода, голода и нищеты... Передъ нимъ у меня одно оправданіе: я ничего не знала. Повидимому, у него не достало денегъ даже на покупку пистолета. Несчастный!... Послѣ него осталось четверо дѣтей—и у него хватило мужества, или слабости умереть. Отыщите мнѣ его дѣтей, я пошлю имъ пятьсотъ франковъ—плату (feu) за мой вчерашній спектакль въ роли Камиллы» (тутъ игра словъ). Въ 1848 году Рашель пришла фантазія посѣтить въ тюрьмѣ отравительницу м-мъ Лафоржъ. Она описываетъ, какъ эта женщина умираетъ отъ грудной болѣзни, причины ея собственной смерти въ послѣдствіи. «Она угасаетъ медленно,—пишетъ Рашель сестрѣ своей Сарѣ,—отъ самой страшнѣйшей болѣзни—болѣзни груди. Она чувствуетъ, какъ разматывается ея жизнь, и будетъ видѣть, чувствовать это до конца мотка. Это ужасно! Лучше бы пуля сразила эту слабую грудь, чѣмъ слѣзливый порывъ

вѣтра убилъ бы ее смесенною съ крыши трубой. Здоровье Рашели разстроилось во время ея поѣздки въ Америку. «Я больна,—читаемъ мы въ письмѣ ея изъ Гаванны отъ 7 января 1855 года,—я совершенно больна; тѣло и духъ мой одинаково изнемогаютъ. Я искала себѣ славы такъ далеко отъ родины, насколько хватило моихъ силъ, сердцемъ же ищу тѣхъ, кого люблю». 11 марта 1856 года она пишетъ: «18 лѣтъ страстной декламациі въ театрѣ, безумныя странствованія по всему свѣту, московскія зимы, ватерлоскія измѣны, вѣроломное море, неблагоприятная земля—вотъ что старитъ такую женщину, какъ я. Но храбрымъ помогаетъ самъ Богъ». Она все еще надѣялась. Скоро и надежда покинула ее. «Другъ мой,—пишетъ она въ 1857 году,—я совершенно больна; страдаетъ мой духъ и весь организмъ; надо передѣлать заново все мое бѣдное тѣло, если еще не поздно. Порой мнѣ кажется, что меня внезапно охватываетъ мракъ; я чувствую страшную пустоту въ головѣ и мозгу, все вдругъ гаснетъ и ваша бѣдная Рашель исчезаетъ. Ахъ, это бѣдное я,—это я, которымъ я такъ много, быть-можетъ даже слишкомъ много, гордилась!... Сегодня оно такъ слабо, что едва существуетъ. А это неумолимое страданіе, которое я не могу сбросить... Какъ легко было предупредить болѣзнь! Но я слишкомъ понадѣялась на свои физическія силы, слишкомъ довѣрила своей звѣздѣ и безъ всякой предосторожности пустилась въ этотъ безконечный путь изъ Нью-Йорка въ Гаванну. Эта послѣдняя станція въ моей предсмертной Одиссеѣ. Прощайте, другъ мой! Письмо это будетъ быть-можетъ послѣднее. Вы знали Рашель блестящей, вы видали ее среди роскоши и великолѣпія, вы не разъ аплодировали ей,—какъ мудро вамъ будетъ признать ее въ томъ безплотномъ привидѣніи, какимъ она стала теперь». Врачи послали Рашель сперва въ Египетъ. Письма ея полны горестнаго предчувствія близкой кончины. «Болѣе 8 мѣсяцевъ,—пишетъ она изъ Оивъ отъ 1857 года,— стараются приготовить ящикъ, чтобы доставить меня въ немъ на тотъ свѣтъ. Столяръ работаетъ не хотя; я давно ужъ не стою на ногахъ и жажду на вѣки улечься». Она умерла 3-го января 1858 года въ Канѣ, повторяя стихъ молитвы, которую надъ ней читали: «нѣтъ, ты не умираешь, ибо ты переходишь въ новую жизнь».

Мари-Лафонъ—талантливый писатель, извѣстный своею «Исторіей литературы Востока», въ недавно вышедшихъ воспоминаніяхъ своихъ, озаглавленныхъ: «Пятьдесятъ лѣтъ литературной жизни»—знакомитъ насъ съ обстоятельствами своей личной жизни. Желаніе поговорить о себѣ на закатѣ дней своихъ—явленіе нерѣдкое: «Въ началѣ,—говоритъ Лафонъ,— жизнь представляется намъ въ видѣ аллея, окаймленной великолѣпными деревьями и кустами розъ. Мало-по-малу чистое голубое небо окутывается облаками, омрачается. Дыханіе времени суровѣе и холоднѣе дыханія зимы; оно также обнажаетъ деревья, сушитъ цвѣты и отъ свѣжей зелени, отъ благоухающихъ румяныхъ розъ, украшавшихъ эту аллею, остаются одни желтые, увядшіе листья. Еслибы художникъ, видѣвшій ее вес-

ною, вздумалъ воспроизвести ея красоты, она воскресла бы подъ его кистью полная, какъ прежде, прелести и граціи. Въ жизни людей художникъ этотъ — воспоминаніе; оно снова возстановляетъ прожитые годы и воспроизводитъ идеи, чувства, событія, труды, наполнявшіе жизнь». Какъ бы мы были благодарны авторамъ мемуаровъ, еслибъ они оставались вѣрны задачѣ возстановлять впечатлѣнія, благородныя стремленія юности! Къ несчастью, душа старика—часто зеркало невѣрное и ей не передать свѣтлые образы юности: человѣкъ вообще дольше сохраняетъ въ памяти испытанное страданіе, чѣмъ выпавшія на его долю радости; такъ и Мари-Лафонъ. Онъ такъ заканчиваетъ свое предисловіе: «пространствовавъ на жизненномъ пути двѣ трети вѣка, не безъ удовольствія, хотя меланхолическаго, оглядываешься назадъ и, вздыхая, какъ будто отправляясь въ дальній путь, хочешь еще разъ взглянуть на кровлю родительскаго дома». Послѣ этихъ строкъ вы въ правѣ ждать отъ автора свѣтлыхъ страницъ, страницъ свѣжей, веселой, трепетной юности, въ родѣ тѣхъ, какія оставилъ намъ Гёте. Но Гёте — гений, а Мари-Лафонъ—только талантъ, и воспоминанія его часто вздорны и придиричавы.

Мари-Лафонъ попадаетъ въ Парижъ въ самой ранней юности. Рекомендательныя письма, необыкновенная способность къ труду и большое самоимѣніе открываютъ ему доступъ къ свѣтиламъ 1830 года. Увлечательно изображаетъ онъ ихъ смѣшныя стороны. Онъ рассказываетъ, на примѣръ, до какой степени Дюма-отецъ жаждалъ стать членомъ академіи: «прямо съ похоронъ одного академика онъ является къ его товарищу просить себѣ голосъ въ будущемъ избраніи. «Однако, какъ вы торопитесь,—восклицаетъ тотъ.—Вы, навѣрное, вернулись на катафалкѣ?» Александръ Дюма не зналъ, что отвѣтить; это случилось съ нимъ рѣдко». Рассказываютъ, что на одномъ вечерѣ у герцога флорентійскаго на вопросъ лакея: «какъ о немъ доложить?»—Дюма отвѣчалъ: «Первый врагъ (blagueur) Франціи». Интересна находчивость Лафона; вотъ какъ онъ добился изданія своего перваго романа. Французскіе издатели тогда, какъ и теперь, неизвѣстныхъ въ литературѣ авторовъ третировали весьма нелюбезно. Амбруазъ Дюпонъ, извѣстный въ то время издатель, отнесся такъ же и къ Лафону; когда тотъ принеся свою рукопись, онъ, не прочитавъ, возвратилъ ее обратно, сказавъ, что произведеніе нигуда негодится. Другаго бы это обезкуражило, но не Лафона. Нѣсколько времени спустя, онъ снова является къ Дюпону и предлагаетъ ему напечатать его переводъ неизданнаго романа Манцони, автора «Женяха и невѣсты». Дюпонъ пошелъ на приманку и попросилъ тотчасъ же прочесть рукопись. По прочтеніи первой главы издатель спросилъ переводчика объ условіяхъ и приобрѣлъ рукопись за тысячу франковъ, съ обязательствомъ вынести ихъ по выходѣ произведенія изъ печати. Романъ былъ напечатанъ черезъ 18 дней. Когда же дѣло дошло до заглавія, Лафонъ открылъ Дюпону, что произведеніе вовсе не было переводомъ изъ Манцони, а тѣмъ

самым собственным его сочинением, которое издатель отвергъ за негодность. «Местъ была нѣсколько зла, — говоритъ авторъ воспоминаній, — однако Дюпонъ покорился ей, — онъ былъ слишкомъ уменъ. По совѣсти, я считалъ долгомъ возратить ему обязательство, но онъ отказался его уничтожить».

Вотъ интересный спичъ, произнесенный Лафономъ на банкетѣ общества литераторовъ въ 1864 г.: «Древніе христіане открыли въ одномъ изъ греческихъ городовъ храмъ съ надписью: «Невѣдомому Богу» (au Dieu inconnu). Существой этотъ храмъ и донынѣ, пришлось бы сдѣлать въ ней ничтожное измѣненіе: «Непризнаваемому Богу» (au Dieu méconnu). Никогда общество не относилось къ духу съ такимъ пренебреженіемъ, какъ теперь. Матерія торжествуетъ; она господствуетъ надъ нами; ее одну мы изучаемъ съ любовью; ей исключительно воздаемъ всѣ почести. Промышленность, торговля, банкъ, биржа, земледѣліе — владыки міра. Но какъ бы ни рѣшались великіе міра, я всегда буду признавать, что авторъ хорошей книги оказалъ большую услугу отечеству, чѣмъ тотъ, кто откормилъ самаго крупнаго быка. Ибо слѣдуетъ открыто и громко заявлять, безъ всякаго страха передъ матеріей, что цѣль человѣческаго существованія — не одно сжиганіе дровъ, добываніе денегъ, откармливаніе скота, выѣздка рысаковъ. Такой интеллигентный народъ, какъ французы, долженъ имѣть высшія, лучшія стремленія. Я понимаю, что австро-германская раса можетъ удовлетвориться животною жизнью. Каждый народъ повинуется своей природѣ. Несмотря на дурныя наклонности вѣка, у французовъ сердце всегда будетъ преобладать надъ желудкомъ. Протестуя горячо, единодушно, противъ матеріалистическихъ тенденцій вѣка, мы, вѣрные поклонники духа, въ «непризнаваемомъ» Богѣ признаемъ Бога Рабле, Мольера, Паскаля и Вольтера».

Мы не будемъ цитировать сужденій Лафона о политическихъ дѣятеляхъ. Упрекая Гизо, какъ государственнаго человѣка, въ черной неблагодарности, самъ авторъ лѣзетъ къ нему за милостями. При нуждѣ у этого хвастливаго южанина никогда не бывало недостатка въ гибкости. Руэръ выхлопоталъ ему орденъ; его также наградили орденомъ Викторъ-Эммануиль, но это нисколько не помѣшало ему заискивать передъ епископомъ орлеанскимъ. Онъ попрошайничалъ у Тьера и въ то же время рассказывалъ, какъ извѣстный журналистъ, республиканецъ, Арманъ Карель, не задолго до своей смерти на слова Тьера: «я знаю, если настанетъ република, я погибну на эшафотѣ» — отвѣтилъ ему: «Ты?... Ты погибнешь отъ пинка погой цониже спиной!» Тьеръ въ свою жизнь получилъ не мало такихъ пинковъ, но не погибъ. Вообще воспоминанія Лафона свидѣтельствуютъ, что нашъ старичокъ-авторъ не брезгалъ ничѣмъ, лишь бы не умереть, не отомстивъ тѣмъ, кто ему насолилъ.

Въ *Revue des Deux Mondes* Максимъ Дюнанъ развѣнчиваетъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» многихъ великихъ современниковъ,

начиная съ Ламартина. Поэтъ въ своихъ произведеніяхъ, Ламартинъ въ дѣлахъ житейскихъ былъ ультрапрозаикомъ. Его звучные, краснорѣчивые возгласы подавляли въ Европѣ всякое благородное движеніе. Вотъ почему Франція разочаровалась въ немъ. Остатокъ дней своихъ онъ провелъ пользуясь милостями буржуа, которые остались признательны ему за то, что онъ сдерживалъ французскій народъ лестью, пока буржуазный эгоизмъ, обузданный на время февральскою революціей, не воспрянулъ снова, чтобы раздавить массу.

Въ дѣтствѣ Максимъ Дюканъ видѣлъ Талейрана. Онъ сидѣлъ на рукахъ у какого-то родственника, старика-генерала, который сказалъ ему: «Взгляни на этого человѣка: онъ присягалъ четырнадцать разъ. Это—Талейранъ. Онъ вмѣстѣ съ Фуше продалъ Францію союзникамъ, а императора—Англіи». И Дюканъ прибавляетъ: «Я увидѣлъ высокаго старика, напудренного; голова его показалась мнѣ головой жертвеца; взглядъ его былъ тусклый, но высокоумный. Снеговая блѣдность покрывала его лицо, нижняя губа отвисла, плечи подались впередъ; онъ хромалъ такъ сильно, что тѣло его раскачивалось изъ стороны въ сторону, какъ будто готово было упасть».

Относительно Прудона Дюканъ замѣчаетъ: «Какъ часто судьба смѣется надъ нашими желаніями. «Ради Бога, — пишетъ Прудонъ къ одному изъ своихъ друзей, — жгите мои письма, не то я перестану вамъ писать. Не выдавайте тайнъ дружбы, сохраняя секретные лоскутки. Величайшее счастье для меня думать, что послѣ меня не останется бумагъ». — Бѣдный Прудонъ! Переписка его составляетъ 14 томовъ».

Въ томъ же журналѣ Каро разсматриваетъ «Цѣну человѣческой жизни и вопросъ о счастьѣ съ точки зрѣнія позитивизма». Онъ освѣщаетъ намъ нѣкоторыя туманныя формулы позитивистовъ. Такъ онъ говоритъ, что, по мнѣнію Литре, умершіе живутъ въ тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя они оставляютъ потомству.

Альбертъ Дежарденъ перечисляетъ всѣ опасности, которыя произойдутъ для Франціи отъ «Избираемой магистратуры». Его рѣчь столь же убѣдительна, какъ рѣчь Пюргона въ «Мнимомъ больномъ». Пюргонъ предсказываетъ своему пациенту, что при несоблюденіи его предписаній брадапепсія перейдетъ въ диспепсію, диспепсія въ апепсію, апепсія во всѣ роды болѣзней на *ia*, которыя окончатся смертью. Франція, какъ и мольеровскій герой, не побоятся этихъ предсказаній, и тѣмъ лучше для нея.

Полюа продолжаетъ въ Revue Nouvelle свои «Спеціальныя очерки». Онъ доказываетъ, что рабочій классъ не зависимъ отъ своихъ трибуновъ, — что онъ покидаетъ ихъ очень скоро. Далѣе онъ говоритъ: «Въ 1792 г. Парижъ устремился къ границамъ. Послѣ Седана онъ не вдохновляетъ, а повинуется. Гдѣ же причина этой слабости Парижа? — Въ нравственной раздробленности, которая все усиливалась, пока умственная централизація не была окончательно уничтожена оюртюнизмомъ. Постоянными отсрочками и отлагательствомъ дѣлъ, политикой систематически разслаблен-

ной—опортюнизмъ совершенно подорвалъ значеніе палаты». Знаменательное признаніе буржуазнаго органа!...

Въ томъ же журналѣ помѣщена первая глава изъ «Мемуаровъ барона Витроля», которые скоро выйдутъ отдѣльнымъ изданіемъ. Витроль, ярый приверженецъ Бурбоновъ, оставался до конца другомъ Ламене, крайняго республиканца. Эти два человѣка діаметрально противоположныхъ политическихъ убѣжденій были связаны любовью Ламене къ м-ль Витроль,—любовью несчастной, которая заставила страстнаго бретонца пойти въ монахи; онъ никогда не могъ вырвать ее изъ своего сердца. Витроль служилъ солдатомъ въ арміи Конде. Въ 1814 г. его послали къ союзникамъ, которые обманывали Наполеона I подобіемъ конгресса въ Шатильонѣ, чтобы сообщить имъ, что для полнаго торжества они должны объявить императора стоящимъ внѣ закона и отказаться отъ всякихъ переговоровъ съ нимъ. Стадіонъ и Метернихъ поняли его съ полуслова и Витроль, прѣхавшій къ нимъ съ устнымъ порученіемъ Талейрана, съ пропускомъ герцога Дальберга, попалъ въ число воспріемниковъ реставраціи. Онъ умеръ при Наполеонѣ III въ глубокой старости, переживъ своего друга Ламене.

Маркъ Мунье, французъ, поселившійся въ Женевѣ, знакомитъ насъ съ итальянскимъ поэтомъ Кардучи. Кардучи родился въ 1836 г. Онъ профессоръ въ Болоньѣ. Особенной извѣстностью пользуется его гимнъ къ сатанѣ. «Да здравствуетъ сатана—возмутитель, сила ищенія воспринувшаго разума! Матерія, возстань! Сатана побѣдилъ»,—вослицаетъ онъ; но лучше ли человѣчеству отъ торжества матеріи, отъ обаятельной силы круповской пушки? Кардучи не увѣренъ въ своей правотѣ; онъ старается объяснить, что, по его мнѣнію, сатана не есть принципъ зла. «Это—мысль, свободная въ своемъ полетѣ, наука въ своемъ изслѣдованіи и сердце пылкое». Несмотря на красоту и мощь стиха, Кардучи ничего не вноситъ въ поэзію. Десятки нѣмцевъ до него писали гимны сатанѣ; но эти заносчивыя выходки не облегчили ни единой души, не утѣшили ни единой скорби.

Во Франціи существуютъ *центральный союзъ декоративныхъ искусствъ*, который ежегодно устраиваетъ выставки. Цѣль его — основать музей, подобный Кенсингтонскому. Этотъ громадный англійскій музей открытъ ежедневно по вечерамъ для рабочихъ; въ немъ находится собраніе всевозможныхъ произведеній искусства. Англійскіе богачи часто отдаютъ туда свои роскошныя коллекціи, съ правомъ взять ихъ обратно, когда имъ вздумается. *Союзъ декоративныхъ искусствъ* также обратился за помощью къ составителямъ коллекцій и въ нынѣшнемъ, какъ и въ предыдущихъ годахъ, частныя лица выставили предметы достойные музеевъ Лувра и Кляюни. Правительство дозволило устроить лотерею, которая дастъ 14 милліоновъ франковъ, и, кромѣ того, намѣрено испросить у палаты позволеніе воспользоваться для будущаго музея старымъ дворцомъ государственнаго совѣта, который со времени коммуны стоитъ въ развалинахъ.

Парижъ.

10/22 авг. 1882 г.

W***.

Международный литературный конгрессъ 1882 года.

Годичный международный литературный конгрессъ состоялся 20 мая текущаго года въ Римѣ. Дѣло уладилось не безъ нѣкоторыхъ затрудненій: противъ конгресса въ Римѣ очень сильно орудовала католическая партія, желавшая исключить Римъ изъ всѣхъ международныхъ сношеній и наказать этимъ итальянское правительство за недружелюбныя отношенія къ папѣ; да къ тому же тунисскій вопросъ вселилъ неудовольствія между французами и итальянцами и осложнилъ дѣло, тѣмъ болѣе, что французы составляютъ главный контингентъ конгресса. Кончилось однако тѣмъ, что мирныя цѣли литературнаго общества, чуждаго всякой политической пропаганды, одержали верхъ надъ прочими соображеніями и 20-го мая величественныя залы Капитолія гостеприимно отверзались для чествованія иноземныхъ гостей. Соображаясь съ древнимъ римскимъ обычаемъ, надъ входною дверью была сдѣлана слѣдующая надпись: «XIII Kal. Jun. anni MDCCCLXXXII qui ex desitis terrarum orbis vivi clarissimi rei litterariae provehendae auctorum juribus explicandis firmandis hic convenitis vos Roma salvare jubet Capitolium hospitis excipit hinc auspicata responsa et placita vestra legiferae Urbis sapientiam fatalis, Arcis majestatem in orbem referant». (Въ тринадцатый день передъ іюньскими календами 1882 года, васъ, доблестные мужи, собравшіеся изъ разныхъ странъ для поднятія дѣла литературы, разъясненія и утвержденія авторскихъ правъ, привѣтствуетъ Римъ и Капитолій принимаетъ васъ своими гостями. Да распространятся отсюда по всему свѣту ваши разумныя постановленія, мудрость законодательнаго града и величіе судьбою избраннаго Акрополя.) Въ первомъ предварительномъ засѣданіи секретарь общества Жюль Лермина ознакомилъ членовъ съ вопросами, стоящими на очереди, причемъ была утверждена программа засѣданій. Торжественное открытіе конгресса послѣдовало 21-го мая подъ предсѣдательствомъ профессора Поля Феррари и принца Торлонія, синдика города Рима. Въ своей вступительной рѣчи профессоръ Феррари сказалъ на французскомъ языкѣ нѣсколько любезныхъ словъ, относившихся къ отсутствовавшему Виктору Гюго, какъ къ почетному президенту

общества, и передалъ конгрессу сожалѣніе министровъ, отсутствовавшихъ по случаю открытія С.-Готтарскаго туннеля. Далѣе, продолжая рѣчь по-итальянски, онъ указалъ, что Римъ принадлежитъ исключительное право быть центромъ распространенія идеи всемірнаго единенія, и заключилъ рѣчь восхваленіемъ народовъ, водружающихъ знамя просвѣщенія и свободы. Принцъ Торлонія сказалъ нѣсколько словъ въ томъ же духѣ и предложилъ отправить привѣтственную телеграмму Виктору Гюго. Романистъ Луи Ульбахъ сказалъ рѣчь отъ имени французскихъ членовъ конгресса. Онъ провозгласилъ Римъ столицей умственного движенія, а упоминая о политическомъ перерожденіи Италіи, весьма краснорѣчиво выразился, что «народъ, обновившій свои судьбы, вліяетъ на другіе народы такъ же благотворно, какъ лучи восходящей зари на природу». Стиль Ульбаха очень изященъ, хотя подчасъ немного вычуренъ. «Чѣмъ больше распространяется печатное слово,—сказалъ онъ,—тѣмъ легче становится читать живую грамоту человѣческихъ сердець». Чуждаясь спорныхъ вопросовъ, Ульбахъ призывалъ слушателей къ сближенію. Англичанинъ Спенслей заявилъ, на весьма плохомъ французскомъ языкѣ, намѣреніе своихъ соотечественниковъ строго придерживаться всѣхъ правъ литературной собственности. Полякъ Шимановскій коснулся въ своей рѣчи вліянія Италіи на умственное развитіе польскаго племени, черпавшаго свою культуру изъ латинскихъ источниковъ. Секретарь Ебейингъ прочелъ объяснительныя письма отсутствующихъ членовъ. Нѣмецъ докторъ Енгель указалъ въ своей рѣчи на дружеское рукопожатіе Германіи и Италіи при только-что состоявшемся открытіи С.-Готтарскаго туннеля; онъ распространялся о теплыхъ симпатіяхъ, постоянно выражаемыхъ Германіей всѣмъ иноземнымъ племенамъ. Слова его, не воплію подтверждаемыхъ фактами, и рѣвкій тонъ его рѣчи произвели на присутствовавшихъ непріятное впечатлѣніе. Говорили еще нѣкоторые другіе члены конгресса, между прочимъ испанецъ Дзіазъ, весь увѣшанный орденами, и норвежецъ Бецманъ, пользующійся большою извѣстностью въ ученомъ мірѣ; всѣ они придерживались исключительно общихъ мѣстъ и рѣчи ихъ представляютъ мало выдающагося. Секретарь общества Жюль Лермина произнесъ съ большимъ воодушевленіемъ нѣчто въ родѣ защитительной рѣчи противъ обвиненій общества въ корыстныхъ и меркантильных цѣляхъ; онъ старался оправдать намѣренія общества, выставляя всю важность огражденія правъ литературной собственности. Въ общемъ его доводы тѣ же, какіе были уже изложены въ рѣчахъ на предъидущихъ конгрессахъ: выставлены тяжелое положеніе литературы, не огражденное закономъ, и необходимость независимаго существованія для самостоятельнаго развитія таланта; изложены различныя формы посягательствъ на литературную собственность, какъ-то: даровые переводы, даровое перепечатаніе сочиненій въ странахъ, гдѣ говорятъ на томъ же языкѣ, напр. португальскихъ авторовъ въ Бразиліи, англійскихъ— въ Соединенныхъ Штатахъ. Ораторъ находитъ, что такой порядокъ вещей

вредно отзывается не только на матеріальных интересах авторовъ, но и на развитіи самородныхъ талантовъ тѣхъ странъ, гдѣ это допускается. Въ слѣдующемъ за тѣмъ докладѣ были изложены проекты уполномоченныхъ разныхъ странъ, которымъ было поручено изысканіе лучшихъ средствъ для огражденія литературной собственности; пренія по этому поводу не лишены интереса. Г. Францескантио де-Марки, адвокатъ при римской апелляціонной палатѣ, составилъ проектъ общаго для всѣхъ странъ законоположенія для огражденія правъ литературной собственности. Проектъ этотъ напечатанъ отдѣльною брошюрой. Брошюра чересчуръ пространна. Дѣло конгресса—отстаивать принципъ и проводить свою идею въ ясной и опредѣленной формѣ; указаніе различныхъ статей закона, которыя относятся къ этому закону, дѣло тѣхъ правительственныхъ учреждений, которыя будутъ разрѣшать его въ законодательномъ порядкѣ. Обширный проектъ г. де-Марки поражаетъ читателя нѣкоторыми абсурдами въ родѣ § 16, лишающаго права собственности автора произведеній, подвергшихся какому-нибудь судебнымъ взысканіямъ. По этому пути можно уйти очень далеко. Въ царствованіе Наполеона III нѣкоторыя сочиненія Виктора Гюго «les Châtiments» и друг. подвергались судебнымъ преслѣдованіямъ; по теоріи г. де-Марки, Викторъ Гюго потерялъ бы право собственности на эти произведенія. Конгрессъ отказался дать этому проекту дальнѣйшій ходъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи 23-го мая докторъ Енгель прочелъ очеркъ положенія литературной собственности въ Германіи; вопросъ разработанъ весьма подробно, но, въ своемъ рвеніи оградить авторскіе интересы, авторъ доклада впалъ въ другую крайность: онъ доказывалъ вредъ, наносимый библіотеками для чтенія, уменьшеніемъ розничной продажи книгъ. Это заявленіе вызвало негодованіе почти всѣхъ членовъ конгресса. Одинъ изъ нихъ, г. Владиславъ Мицкевичъ, возразилъ докладчику, что конгрессъ обязанъ заботиться не о сокращеніи, а о повсемѣстномъ учрежденіи библіотекъ для чтенія, какъ средства къ распространенію просвѣщенія между немущими классами. Оппонентъ старался внушить докладчику, что наилучшіе принципы рушатся отъ крайностей и что вопросъ о литературной собственности, доведенный до абсурда, можетъ только возбудить къ себѣ недоброжелательство и повредить дѣлу. Конгрессъ на-отрѣзъ отказался слѣдовать этимъ узкимъ воззрѣніямъ.

Въ засѣданіи 24 мая обсуждался проектъ устройства международнаго литературнаго музея. Общество уже основало библіотеку въ своемъ помѣщеніи въ Парижѣ—rue Vivienne. Первая мысль о музеѣ принадлежитъ г. Альфонсу Пажесъ, предложившему пополнить библіотеку автографами и портретами писателей разныхъ странъ. «Намъ пришлось убѣдиться по опыту послѣднихъ лѣтъ,—говоритъ онъ,—сколь полезно наглядное обученіе въ дѣлѣ общаго образованія. Прошло то время, когда художники руководствовались собственной фантазіей при изображеніи историческихъ лицъ, костюмовъ и мѣстностей. У насъ явилась потребность болѣе точнаго

ислѣдованія настоящаго характера минувшихъ временъ и событій. Ученые и литераторы, подстрекаемые не пустымъ любопытствомъ, а сознательнымъ побужденіемъ къ восстановленію истины, обращаются къ историческимъ документамъ, разъясняющимъ, въ ихъ настоящемъ видѣ, лица, характеры и произведенія знаменитыхъ литературныхъ дѣятелей. Во всѣхъ странахъ существуютъ музеи, гдѣ собраны портреты великихъ авторовъ, ихъ автографы и первыя изданія ихъ сочиненій. Въ Стратфордѣ, на Авопѣ, есть музей Шекспира, во Флоренціи и Римѣ хранятся коллекціи Данта, въ Германіи мы видимъ музеи Шиллера, Гёте, Лессинга, въ Испаніи—Сервантеса, въ Португаліи—Камоенса, во Франціи—Мольера. Международное литературное общество обязано не только сочувствовать этимъ частнымъ проявленіямъ національной гордости, но также способствовать дальнѣйшему развитію этого движенія, поощряя группировки въ духѣ международнаго единенія».

Комитетъ общества постановилъ учредить международный литературный музей, въ составъ котораго должны войти: 1) портреты, оригиналы или копии и фотографіи всѣхъ древнихъ и современныхъ авторовъ всѣхъ странъ, 2) точные снимки первыхъ изданій съ заглавіями и политипажами, 3) автографы, 4) гравюры, относящіяся до литературныхъ событій, какъ, напримѣръ, триумфъ Петрарка, Вольтеръ на представленіи Ирены и др., 5) документы и гравюры, относящіяся къ исторіи литературъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ (снимки съ азбукъ, гіероглифовъ и т. д.). Международное литературное общество призываетъ къ содѣйствію для учрежденія музея не только своихъ членовъ, но и всѣхъ интересующихся литературой, любителей, собирателей древностей, издателей, художниковъ, фотографовъ, литературныя общества, публичные музеи, имѣющіе дублилаты, и проч.

Нѣкоторые члены желали бы, чтобы музей представлялъ нѣчто въ родѣ международной литературной выставки и переезжалъ бы въ тѣ города, гдѣ собираются конгрессы; но большинство высказалось за постоянный музей въ Парижѣ, опасаясь, что такое передвиженіе окажется слишкомъ затруднительнымъ.

Послѣ засѣданія члены конгресса отправились осматривать музей, посвященный памяти Коперника. Онъ устроенъ нѣкимъ полякомъ, Артуромъ Волинскимъ, подъ вліяніемъ національнаго самолюбія, уязвленнаго тѣмъ, что нѣмцы ложно присвоиваютъ германскому племени славу происхожденія Коперника. Съ терпѣніемъ средневѣковыхъ тружениковъ, посвящавшихъ цѣлую жизнь изученію какаго-либо одного любимаго автора, Волинскій сталъ собирать все относящееся до гениальнаго соотечественника и поднесъ свою коллекцію итальянскому правительству, которое отвело ей помѣщеніе въ залахъ римской обсерваторіи. Тутъ собраны, наприм., снимки съ автографовъ Коперника, его портреты, медали, относящіяся къ нему, и всѣ сочиненія, писанныя имъ или о немъ. Волинскій избралъ

Римъ какъ центральный пунктъ, гдѣ стекаются путешественники всѣхъ странъ; онъ надѣется этимъ путемъ поддержать настоящую національность Коперника и сдѣлать отпоръ нѣмецкимъ претензіямъ.

Доклады дѣлавшіеся о положеніи разныхъ литературъ представляли мало интереснаго. Мыслимо ли сдѣлать въ какой-нибудь часъ времени полный обзоръ цѣлаго ряда литературныхъ произведеній? Въ одной изъ римскихъ газетъ сказано довольно остроумно, что доклады эти напоминаютъ мясной экстрактъ Либиха.

Въ засѣданіи 26 мая обсуждалась вопросъ о пользѣ введенія одного общаго алфавита для всѣхъ языковъ. Употребленіе латинскаго алфавита облегчило бы иностранцамъ изученіе тѣхъ языковъ, которыхъ алфавиты своеобразны и мало извѣстны. Представитель Румыніи сообщилъ, что его соотечественники вернулись къ употребленію латинскаго алфавита, и находятъ, что латинскими буквами весьма легко выражаются всѣ звуки славянскаго и греческаго языка, такъ что въ Бухарестѣ многіе греки стали писать латинскими буквами. Одинъ голландецъ вдался въ очень мудреное филологическое разсужденіе о необходимости уравнивать произношеніе одной и той же буквы въ различныхъ нарѣчіяхъ, происходящихъ отъ одного общаго корня. Конгрессъ нашелъ этотъ вопросъ слишкомъ спеціальнымъ и отложилъ его до будущаго года.

Въ засѣданіи 27 мая обсуждалась необходимость одного общаго законодательства для установленія правъ литературной собственности и въ заключеніе избраны почетными членами общества королева румынская Елизавета, извѣстная въ литературномъ мірѣ, подъ псевдонимомъ *Sylva Camen*, и профессоръ Поль Феррари, драматическій писатель, предсѣдательствовавшій въ засѣданіяхъ конгресса. Въ заключительной рѣчи романистъ Ульбахъ высказалъ упованіе, что въ недалекомъ будущемъ настанетъ время, когда народы откажутся отъ стремленія властвовать другъ надъ другомъ и будутъ искать болѣе высокаго удовлетворенія въ исполненіи взаимныхъ человѣческихъ обязанностей.

Нѣкоторыя работы остались неразматрѣнными, какъ не относящіяся къ программѣ конгресса; нѣкоторыя изъ нихъ очень интересны, особенно замѣчательна докладъ графа Жозефа Цербони, генераль-контролера королевства Италіи, «о пользѣ введенія общаго счетоводства». «Нѣкоторыя стремленія нашего вѣка, — говоритъ авторъ, — съ каждымъ годомъ развиваются все болѣе и болѣе въ одною опредѣленнымъ направленіемъ. Укажу на стремленіе къ единенію въ наукахъ; оно должно установить единство мысли, ведущее къ постепенному братству всѣхъ народовъ. Мы видимъ явное доказательство этого стремленія въ образованіи международнаго литературнаго общества; оно задалось высокою цѣлью — оградить во всѣхъ странахъ права литературной собственности, установить прочныя и дружескія отношенія между писателями и литературными обществами разныхъ странъ, хлопотать объ учрежденіи литературныхъ курсовъ, бесѣдъ, би-

биотекъ, коллекцій, способствующихъ къ обоюдному знакомству писателей всѣхъ странъ и распространенію ихъ произведеній. Конгрессы, собирающіеся ежегодно въ различныхъ столицахъ міра, налагаютъ на каждаго труженика мысли святую обязанность внести свою лепту въ приношеніе общему благу. Проникнувшись этою мыслию, при чтеніи статутовъ общества, я позволилъ себѣ, господа, обратить ваше вниманіе на важность введенія общаго для всѣхъ счетоводства. Вопросъ съ перваго взгляда весьма скромный, но заключающій въ себѣ много полезнаго для жизни народовъ и частныхъ лицъ». Въ запискѣ своей графъ Цербони разбираетъ системы бюджетовъ, узаконенныя въ различныхъ государствахъ, и доказываетъ ихъ несостоятельность въ различныхъ отрасляхъ; онъ указываетъ между прочимъ, что въ Пруссіи соль и табакъ входятъ въ число прямыхъ налоговъ, въ Австріи же они считаются косвенными, и многое тому подобное. Запутанность нѣкоторыхъ бюджетныхъ системъ затрудняетъ проверку и часто показываетъ излишекъ тамъ, гдѣ въ сущности есть дефицитъ. Разсматривая бюджетъ Россійской имперіи, графъ Цербони доказываетъ, что вмѣсто выставленнаго излишка въ 783.736 фр. оказывается дефицитъ въ 37.168.676 фр. Авторъ рекомендуетъ итальянскую бюджетную систему, какъ самую усовершенствованную во всей Европѣ. Итальянское правительство, озабоченное кореннымъ преобразованиемъ экономической организациі государства, ввело у себя упрощенное счетоводство, заимствованное изъ различныхъ бюджетныхъ системъ другихъ странъ, что весьма важно для правильнаго парламентскаго контроля. Несмотря на рвеніе, съ которымъ почтенный графъ ратуетъ о преимуществахъ итальянской системы, сомнительно, чтобы другія государства, придерживающіяся болѣе сложныхъ системъ, скоро согласились измѣнить существующій у нихъ порядокъ вещей. Нельзя однако не отдать справедливости замѣчательному труду графа Цербони, заключающему много полезныхъ указаній.

Затѣмъ остается сообщить объ увеселеніяхъ, предложенныхъ конгрессу. Вѣщность Рима такъ величественна, что нѣтъ города въ мірѣ, въ которомъ было бы легче устроить эффектный праздникъ безъ особенныхъ денежныхъ затратъ. Принцъ Торлонія, синдикъ города, устроилъ въ театрѣ Constanzi парадное представленіе «Сивильскаго цирюльника». На слѣдующій день для гостей была устроена иллюминація скульптурныхъ залъ Капитолія. Искусно разставленные факелы бросали волшебный свѣтъ на безсмертныя художественныя произведенія. Общій эффектъ былъ неподражаемый. Мраморъ оживалъ отъ этой игры свѣта и тѣней.

Вѣнцомъ всѣхъ увеселеній была поѣздка въ Тиволи.

Паровикъ помчалъ насъ черезъ Римскую Кампанію, гдѣ у подножія горъ рисуются виллы Катулла и Горація и возвышается неподражаемый храмъ Сивиллы. Мы посѣтили сперва огромную и запущенную виллу d'Este, принадлежащую кардиналу Гогенлое. Сюда часто удаляется Листъ, чтобы

въ уединеніи предаваться музыкальному вдохновенію. Эта вилла—настоящій райскій уголокъ: исполинскіе кипарисы возвышаются между группами экзотическихъ деревьевъ, античныя статуи выглядываютъ изъ зелени, вода журчитъ вдали, разстилается Римская Кампанія, а на горизонтѣ виднѣтся куполъ Св. Петра.

Вечеромъ мы любовались иллюминаціей знаменитыхъ тиволійскихъ водопадовъ. Картина была самая фантастическая: воображеніе невольно переносило зрителя въ Дантовъ адъ при видѣ этихъ огненныхъ водопадовъ, темныхъ ущелій и силуэтовъ крестьянъ, бродившихъ какъ черныя тѣни между деревьями; грохотъ выстрѣловъ, стократно повторяемыхъ горнымъ эхо, поддерживалъ иллюзію; подъ конецъ, вся, въ огненномъ свѣтѣ, явилась Тиволійская гора, изображавшая собою пылающій Везувій. Обратный путь тянулся черезъ вѣковую оливковую рощу. Лунный свѣтъ бросалъ причудливыя тѣни на блѣдную зелень деревьевъ, а за рощей—опять та же пустынная Кампанія съ табунами лошадей, буйволовыми стадами и широкимъ безмолвнымъ просторомъ. Каждый римлянинъ питаетъ какую-то врожденную вѣжность къ этой мрачной, но величавой пустынѣ; это чувство невольно вырвалось изъ устъ одного изъ сопутствовавшихъ намъ итальянцевъ: «хотѣлъ бы умереть, — сказалъ онъ, — прежде, чѣмъ культура опоплять Кампанію».

На слѣдующее утро члены конгресса прощались съ Римомъ, любясь имъ въ послѣдній разъ съ высоты купола Св. Петра. На горизонтѣ съ одной стороны голубою лентой развертывалось море, съ другой—синѣли Аbruцкія, Сабинскія и Албанскія горы, а у ногъ нашихъ лежалъ Вѣчный Городъ, силой соединившій подъ своимъ владычествомъ весь древній міръ. Миновала пора грубаго насилія, и современный міръ, стремясь къ единенію, идетъ къ нему мирными путями.

Членъ конгресса.

Римъ.
28 мая 1882 г.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

Лиръ.

Га! Гонерила—съ сѣдою бородой! Онѣ меня ласкали какъ собаку и говорили, что бѣлые волосы въ бородѣ моей явились прежде черныхъ.—На все, что бы ни сказалъ я, одинъ отвѣтъ: и да и нѣтъ. Гм... Да и нѣтъ въ одно и то же время—плохое богословіе!—Вотъ, какъ промочилъ меня дождикъ, да продулъ вѣтеръ и я затрясся точно въ лихорадкѣ, а громъ не смогъ, несмотря на мое приказаніе, тутъ-то я и увидѣлъ, тутъ-то я и понялъ, что онѣ такое.—Подите прочь,—не люди они честнаго слова: онѣ мнѣ говорили, что будто я все могу.—Ложь! Я не выдержу и лихорадки.

Глостеръ.

Припоминаю голоса оттѣнки...

Да не король ли это?

Лиръ.

Да, король.

И каждый мой вершокъ—король! Смотри.
Взгляну вотъ такъ, и поданный трепещеть.—
Дарую жизнь тебѣ! Вина какая?
Развратъ.—Ты не умрешь.—Какъ за вину
Такую умирать! Нѣтъ, нѣтъ. Нельзя.—
Грѣшить вѣдь тѣмъ же каждый воробей,
И даже крошка мушка золотая
Въ развратѣ утопаетъ на моихъ
Глазахъ. Да здравствуетъ развратъ и съ нимъ
Безпутная любовь! Вѣдь незаконный
Сынъ Глостера добрѣе оказался
Къ отцу, чѣмъ обѣ дочери мои,
Зачатыя въ законномъ самомъ бракѣ.
Ну, такъ работой сладострастьемъ гдѣ
И какъ попало;—нужны-жъ мнѣ солдаты!—
Смотрите на нее, на эту даму!
Она такъ добродѣтельна, горда,
Что кажется все льдомъ, что есть у ней,
И тотчасъ закачаетъ головой,
Какъ только маленькій намекъ услышитъ
На наслажденія страстныхъ любви;
Но ни хорежъ, ни конь весной въ лугу

Такъ жадно не выдаются на нихъ,
Какъ эта госпожа. Отъ головы
До поясицы—женщины онѣ,
А далѣе—лишь дикіе кентавры.—
До пояса—наслѣдія боговъ,
А ниже—дьяволовъ онѣ жилища!

Тамъ адъ, тамъ мракъ, тамъ бездна сѣрная, пылающая,
влобочущая какъ кипятокъ, смрадная, заразительная! Фи, фи,
па, па!... Дай мнѣ, добрый аптекарь, хоть унцію выхухоли ос-
вѣжить мое воображеніе!—Вотъ тебѣ за это деньги.

ГЛОСТЕРЪ.

Позволь мнѣ поцѣловать эту руку.

ЛИРЪ.

Постой, дай мнѣ прежде ее вытереть, —она пахнетъ мертве-
чиной.

ГЛОСТЕРЪ.

О, разрушенное созданіе природы! Такъ и весь великій міръ
износится и обратится въ ничто.—Меня ты знаешь?

ЛИРЪ.

Твои глаза я помню очень хорошо.—Ты косо смотришь на
меня?... Нѣтъ, это не поможетъ, слѣпой кунидонъ, —я не полюблю
тебя.—Прочти этотъ вызовъ, обрати вниманіе на почеркъ, какимъ
онъ написанъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Еслибы всѣ эти буквы разомъ стали солнцами, и тогда бы
я не увидалъ изъ нихъ ни одной.

ЭДГАРЪ.

Я этому не вѣрилъ по рассказамъ,
А вотъ на дѣлѣ оправдалось все
И сердце разрывается на части.

ЛИРЪ.

Читай!

ГЛОСТЕРЪ.

Развѣ ямками однѣми, въ которыхъ прежде были глаза.

Лиръ.

А! Такъ-то ты со мной?—Нѣтъ глазъ у тебя во лбу и монетки въ карманѣ? Твои глаза въ тяжеломъ положеніи, а кошелекъ въ легкомъ!—Видишь однако, какъ все теперь идетъ на свѣтъ.

Глостеръ.

Вижу чувствомъ.

Лиръ.

Что-жь, ты съ ума сошелъ? Можетъ ли человѣкъ не глазами видѣть, какъ все идетъ на свѣтъ?!—Смотри же ушами, какъ вотъ этотъ судья смѣется надъ тѣмъ вонъ глухимъ ворихкой. Послушай,—шепну на ухо,—переставь ихъ одного на мѣсто другаго и отгадай, кто судья и кто воръ. Видалъ ты, какъ собака мызника лаетъ на нищаго?

Глостеръ.

Видалъ, сэръ.

Лиръ.

Ну, что-жь? Бѣдняга вѣдь бѣжить отъ пса? Теперь вотъ и любуйся великою картиной власти, смотри, какъ повинуются и псу, когда онъ при должности.

Палачъ, мерзавецъ, стой, остановись!
Зачѣмъ своей кровавою рукой
Стегать развратницу ты эту хочешь?
Ты съ нею самъ натѣшиться бы радъ
Грѣхомъ, который такъ нараешь здѣсь!—
Хлещи-жь скорѣ собственную спину!—
Плуть ростовщикъ на висѣлицѣ давить
Другаго плута за обманъ его!—
Сквозь дыръ одежды ветхой бѣдняка
Сквозить и малый недостатокъ; платье-жь
Богатаго и драгоценный мѣхъ
Прикроютъ все! Ты золотомъ одѣвъ
Порокъ, и строгое судьи копье
Сломается предъ нимъ, а рубище
Пронзятъ соломенка гнилая.—Нѣтъ,
Никто быть обвиненъ не можетъ! Да.
Никто, я говорю, никто, никто!—
Я оправдаю всѣхъ!—Ты это знай,

Дружокъ, и отъ меня ты это знай.—
Имѣю силу запечатать ротъ
У всѣхъ, кто лишь помыслить обвинять.—
Достань себѣ очки и видъ прими,
Какъ подлый дипломатъ, что видишь все,
Хоть ты не видишь ничего. Теперь,
Теперь,—ну, ну!—Снимайте-жь сапоги
Съ меня скорѣй, скорѣе; такъ вотъ, такъ.

Эдгаръ.

Какая смѣсь немощей и дѣла
И разума съ безумьемъ.

Лиръ.

Хочешь плакать

О горестяхъ моихъ, возьми мои
Глаза. Тебя я знаю хорошо.
Ты—Глостеръ. Надо терпѣливымъ быть.
Родимся съ плачемъ мы. Ты знаешь вѣдь,
Что въ первыя минуты, лишь коснется
Насъ воздухъ, жалобно пищимъ и воимъ.—
Я буду проповѣдывать. Внимай.

Глостеръ.

Какой—о, боги, боги!—день ужасный!

Лиръ.

Родимся мы и плачемъ, что неожиданно
Вдругъ очутились на аренѣ этой
Шутовъ и дураковъ... А хороша
Для проповѣдниковъ такая шляпа?—*)
Вѣдь хитрость славная: на бой собираясь,
Ковать коней пояркомъ, не желѣзомъ.—
Попробую на самомъ дѣлѣ это:

*) Въ подлинникѣ This a good block? Block означаетъ чурбанъ. Стивенсъ говоритъ, что во времена Шекспира block означало и болванъ, имѣвшій форму головы, на которомъ расправлялась шляпа, и самую шляпу, и описываетъ ходъ мыслей и дѣйствій Лира такимъ образомъ: Лиръ, сказавъ, я буду проповѣдывать, снимаетъ съ головы шляпу, потомъ смотритъ на нее и говоритъ: „А хороша для проповѣдниковъ такая шляпа“. Замѣтивъ, что шляпа сдѣлана изъ поярка, переходитъ къ мысли, что было бы хорошо сдѣлать подковы для лошадей не изъ желѣза, а изъ поярка.

Прим. терса.

Въ зятьямъ неслышно подойду и вдругъ —
Бей-бей, бей-бей, бей-бей.

(Входитъ дворянинъ съ солдатами.)

Дворянинъ.

Вотъ онъ. Берите. —

Мой сэръ, дочь ваша дорогая...

Лиръ.

Что-жь,

Никто не защититъ? Какъ, плѣнникъ я? —
На, то и созданъ я, чтобъ быть игрушкой! —
Ахъ, обходитесь со мной получше.
Я выкупъ дамъ. — Ахъ, лѣкаря зовите, —
Я раненъ въ мозгъ.

Дворянинъ.

Вамъ все доставятъ, сэръ.

Лиръ.

И нѣтъ помощниковъ?! И все я самъ? —
Да эдакъ можно обратиться въ соль,
И очи стануть лейками воды
Соленой, чтобы осенью сухой
Пыль по дорогѣ прибивать...

Дворянинъ.

О, сэръ.

Лиръ.

Умру я бравымъ молодцомъ! Хочу
Веселымъ быть, какъ радостный женихъ.
Ну, что-жь, идемъ. Идемте. — Я — король!
Извѣстно ли вамъ это, господа?

Дворянинъ.

Вы — нашъ король, и мы послушны вамъ.

Лиръ.

А если такъ, — ничего не потеряно. Хотите поймать, — ловите. — Са, са, са, са... (Убѣгаетъ; за нимъ и солдаты.)

Дворянинъ.

Такимъ и нищаго увидѣть тяжко,
А короля? — и высказать нѣтъ силъ! —
Но у тебя есть дочь, она любовью
Съ природы сниметь то небесъ проглятье,
Боторое призвали на нее
Другія двѣ.

Эдгаръ.

Привѣтствую васъ, сэръ.

Дворянинъ.

Скорѣ говорите. — Что угодно?

Эдгаръ.

Вы не слышали-ль, скоро будетъ битва?

Дворянинъ.

О, безъ сомнѣнья, скоро. Знають всѣ. —
Бто только звуки можетъ различать,
Тотъ слышалъ ужь объ этомъ.

Эдгаръ.

Но позвольте
Спросить васъ, сэръ, далеко ли отсюда
Другое войско?

Дворянинъ.

Близко. Скорымъ маршемъ
Спѣшить сюда. Съ часу на часъ мы ждемъ,
Что силы главныя врага увидимъ.

Эдгаръ.

Благодарю васъ, сэръ, — мнѣ только это
И нужно было знать.

Дворянинъ.

Хоть королева
Пока задержана случайно здѣсь
Особою и важною причиною,
Но войско уже двинула она.

Эдгаръ.

Благодарю васъ, сэръ.

Глостеръ.

О, боги, боги!

Вы боги милосердые, возьмите
Скорѣ духъ мой отъ земли, не дайте
Вы духу злобы снова искусить
Меня желаньемъ страстнымъ умереть,
Пока моей не захотите смерти.

Эдгаръ.

Хорошая, отецъ, молитва эта.

Глостеръ.

Кто-жь вы?... Да кто же вы, мой сэръ?

Эдгаръ.

Бѣднякъ,

Котораго фортуна усмирила
Ударами своими.— Тотъ, кто горе
Узналъ, извѣдавъ на себѣ, лишь можетъ
Почувствовать чужое горе.— Дайте
Мнѣ вашу руку. Я васъ поведу,
И мы найдемъ тутъ гдѣ-нибудь жилище.

Глостеръ.

Отъ всей души я васъ благодарю.
Да ниспошлетъ святое небо вамъ
Благословеній много и наградъ.

(Входитъ Освальдъ.)

Освальдъ.

Провозглашенная награда!—Славно!—
Твое безъ глазъ лицо живеть на то,
Чтобъ счастье мое поднять.—Ну, ты,
Измѣнникъ жалкій, вспоминай скорѣй
Твои грѣхи!—Мечъ обнаженъ!—Онъ здѣсь
Тебя и уничтожить.

Глостеръ.

Пусть рука

Твоя, мой другъ, теперь дастъ мощь и крѣпость
Удару твоему. Бончай скорѣй!

(Эдгаръ становится между ними противъ Освальда.)

Освальдъ.

Что это? Дерзкій ты мужикъ! Ты смѣешь
Въ защиту брать того, кто всенародно
Измѣнникомъ объявленъ? Прочь отсюда!
Не то тебя захватить, какъ зараза,
Та участь, что назначена ему.
Скорѣе брось его.

Эдгаръ.

Не брошу, сэръ,
Пока другой причины не найдется.

Освальдъ.

Ты бросишь, рабъ, или умрешь немедленно.

Эдгаръ.

Ступайте, добрый сэръ, дорогой вашей; не мѣшайте намъ
идти, куда хотимъ. Еслибъ можно было однимъ хвастовствомъ
выгнать меня изъ этой жизни, такъ удалось бы вамъ это; дней
четырнадцать тому назадъ.—Нѣтъ, не смѣйте подходить близко
къ старику, не то, берегитесь, я попробую, что крѣпче—ваша
башка или моя дубина. Слышите, я прямо говорю, на-чистую.

Освальдъ.

Прочь, навозная гуча!

Эдгаръ.

Ну, такъ я пересчитаю зубки ваши, сэръ. Не странины мнѣ
всѣ эти штуки вашего меча!...

(Бьются. Эдгаръ ударомъ дубины сваливаетъ Освальда
на землю.)

Освальдъ.

Убилъ меня ты, рабъ проклятый.—На!
Возьми мой кошелекъ, и, если хочешь,
Ты быть вполне счастливымъ, закопай
Мой трупъ и графу Глостеру Эдмонду
Доставь письмо, которое на мнѣ

Найдешь.—Эдмонда въ войскѣ англичанъ
Ищи.—Онъ тамъ.—О, смерть неожиданная!...

(Умираеть.)

ЭДГАРЪ.

Тебя я знаю очень хорошо,
Услужливый подлець, слуга пороковъ,
Какого только можетъ пожелать
Развратъ гнуснѣйшій...

ГЛОСТЕРЪ:

Умеръ онъ?

ЭДГАРЪ.

Присядь,

Отець, и отдохни. Я осмотрю
Его карманы. О письмѣ сейчасъ
Онъ говорилъ; оно, быть-можетъ, намъ
Сослужить службу.—Умеръ онъ; но жаль,
Что не другой, а я былъ палачомъ
Его. (Вынимаетъ письмо) Посмотримъ... (Распечатываетъ письмо)

Добрый воскъ, позволь.—

Не упрекай меня за это честь.—
Чтобы узнать, что думаютъ враги,
Вскрываютъ даже ихъ сердца, а вскрыть
Письмо законнѣе, конечно, будетъ.

(Читаеть.)

«Вспомни наши взаимныя клятвы.—У меня найдется много случаевъ, чтобъ устранить его навсегда; если только не измѣнить тебѣ рѣшимость. Найдутся и время, и мѣсто. Ничего не будетъ сдѣлано, если онъ вернется побѣдителемъ: тогда я — въ плѣну и ложе его — моя тюрьма. Избавь же меня отъ ея отвратительной теплоты и, въ награду за трудъ, займи его мѣсто.—

Твоя жена (хотѣла бы я сказать) и любящая служанка
Гонерила».

О, произволь, незнающій границъ,
Разнузданнаго пыла женской страсти!
Тутъ заговоръ на мужа жизнь и замыслъ
Распутный—мужа чести и добра
Моимъ милѣйшимъ братомъ замѣнить!—
А ты, посолъ проклятый и поганый

Разбойниковъ развратныхъ, я тебя
Здѣсь завалю кой-какъ пескомъ; затѣмъ,
Когда приспѣетъ время, поражу
Взоръ герцога письмомъ, его на смерть
Приговорившимъ. Счастливъ онъ безмѣрно,
Что я могу сказать, что ты убить,
И объявить ему, съ чѣмъ былъ ты посланъ!

(Уходитъ, вытаскивая Освальда.)

ГЛОСТЕРЪ.

Король съ ума сошелъ, а какъ же крѣпокъ .
Разсудокъ мой подлѣйшій: все держусь,
Хоть чувствую мучительно-глубоко
Невыразимѣйшее горе. Лучше,
Когда-бъ мой умъ разшибенъ былъ и мысль,
Отъ горя отдѣлясь совсѣмъ, игрой
Воображенія туманясь часто,
Самосознанье потеряла!

(Входитъ быстро Эдгаръ.)

ЭДГАРЪ.

Дайте

Мнѣ вашу руку. Кажется, я слышу
Тамъ, вдалекѣ, ужь барабаны бьютъ.
Въ путь, въ путь! Я подарю вамъ друга тамъ. (Уходитъ.)

Сцена VII.

Палатка въ лагерѣ французовъ.

(Дверь снята въ постелѣ. Врачъ, дворяне и другіе изъ свиты Корделии.—
Входятъ Корделия и Бентъ.)

КОРДЕЛИЯ.

О, Бентъ мой добрый, что должна я дѣлать
И, даже, какъ устроить жизнь мою,
Чтобы достойно заплатить тебѣ
За все, что сдѣлалъ ты? Жизнь коротка;
И что-бъ я ни придумала, все мало,
Ничто передъ твоею добротой!

БЕНТЪ.

Признаніемъ, государыня, однимъ

Признаніемъ того, что одѣлалъ я,
Заплачено съ лихвой. Повѣрьте мнѣ,
Все, что я вамъ сказалъ, все—истина
Лишь скромная, и ничего въ разсказѣ
Я не прибавилъ, не убавилъ.

Борделия.

Другъ,
Прошу, одѣнься лучше. Это платье
Напоминаетъ о часахъ тяжелыхъ.—
Я умоляю, сбрось его съ себя.

Бентъ.

Простите, дорогая госпожа.—
Быть узаннымъ теперь въ мой планъ не входить,
Вредить ему. Прошу, въ награду мнѣ,
Признать меня не раба, какъ я
И время—мы найдемъ къ тому возможность.

Борделия.

Пусть будетъ такъ, мой добрый лордъ. (Врачу) Ну, что
Бороль?

Врачъ.

Изволить почивать еще.

Борделия.

О, боги милосердые, спасите
И язву страшную въ его природѣ,
Жестоко оскорбленной, умъ его
Разбитый, превращенный въ страшный хаосъ
Въ борьбѣ съ самимъ собою, исцѣлите,
И нѣжно убаюкайте его,
Въ ребенка обращеннаго отца!

Врачъ.

Какъ вашему величеству?... Угодно-ль,
Чтобъ короля теперь мы разбудили?
Онъ ужъ довольно почивалъ.

Борделия.

Прошу
Васъ, руководствуйтесь наукой вашей

И дѣлайте, какъ сами вы рѣшите.
Его переодѣли?

Дворянинъ.

Точно такъ:

Совсѣмъ переодѣли, королева.
Мы, пользуясь его глубокимъ сномъ,
Все чистое надѣли на него.

Врачъ.

Прошу васъ, королева, будьте здѣсь,
Когда его разбудимъ. Я ручаюсь,
Что будетъ онъ спокоенъ, тихъ.

Борделия.

Прекрасно.

Врачъ.

Вамъ не угодно-ль ближе подойти.
Гей, музыка, начни!—Играйте громче *).

Борделия.

Отецъ мой дорогой, пускай всѣ силы
Цѣлѣбныя сольются на устахъ
Моихъ и поцѣлуй мой исцѣлитъ
Твои жестокия страданья,—всѣ,
Какія старости твоей почтенной
Могли нанести двѣ дочери твои!

Бентъ.

О, добрая, о милая принцеса!

Борделия.

И еслибъ даже ихъ отцомъ ты не былъ,
Такъ эти пряди бѣлыхъ волосъ,—
Онѣ однѣ должны бы пробудить
Въ нихъ чувство состраданья!—Можно-ль было
Отдать вотъ это самое лицо
На волю буйную стихій и злобныхъ,
Свирѣпныхъ вѣтровъ?! О, возможно-ль было

*) По замѣчанію Стивенса, врачъ хочетъ разбудить Лира музыкой и по-
тому велитъ играть громко. *Черес.*

Отдать его подъ страшные удары
Всепотрясающаго грома, бросить
Подъ грозный пламень молній перекрестныхъ,
Сверкающихъ со всѣхъ сторонъ? Возможно-ль
Тебя, бѣднягъ мой, выкинутый въ ночь,
Заставить всю ее пробыть подъ ливнемъ
И съ головой, прикрытою такъ плохо?!—
Собака даже моего врага,
Хотя бы искусила всю меня,
Лежала-бъ у камина моего
Всю эту ночь; а ты, отецъ мой бѣдный,
Былъ радъ лачугѣ нищей и соломѣ
Гнилой между свиной и межъ воровъ
Неисправимыхъ!—Боги, боги!—Чудо,
Какъ жизнь твоя и умъ не сгибли сразу!...
Проснулся!—Ахъ, заговорите съ нимъ!

Врачъ.

Заговорите вы,—такъ будетъ лучше.

Борделия.

Здоровье ваше, повелитель мой?
Что вашему величеству угодно?

Лиръ.

Не хорошо обманывать меня!—
Зачѣмъ вы подняли меня изъ гроба?—
Ты—духъ блаженный, я же къ колесу
Изъ пламени привязанъ. Лютятъ слезы
Мои же на него, князь на немъ,
Какъ бы расплавленный въ огнѣ свинецъ!

Борделия.

Меня вы узнаете, сэръ?

Лиръ.

Ты—духъ.

Я знаю.—Ты когда же умерла?

Борделия.

О, какъ еще далѣко онъ отъ насъ
Своимъ умомъ блуждаетъ!

Врачь.

Не совѣмъ

Еще проснулся онъ, и будетъ лучше
Оставить на минуту одного.

Лиръ.

Гдѣ былъ я? Гдѣ я? Свѣтъ дневной вѣдь это?—
Какъ былъ обмануть я!—Я-бъ даже умеръ
Отъ жалости, когда бы увидалъ
Такимъ, какъ я, другаго.—Нѣтъ, я, право,
Не знаю, что и говорить.—Никакъ
Не поклонюсь, что руки эти вотъ—
Мои.—Посмотримъ.—Чувствую уколъ
Булавки.—Я увѣрится-бъ хотѣлъ,
Въ какомъ я положеньи.

Борделія.

Сэръ мой добрый,

Взгляните на меня и, руки ваши
Поднявъ надъ головой моею дочерней,
Благословите...

(Лиръ падаетъ на колѣни передъ Борделіей.)

Падать на колѣна...

Нельзя вамъ, мой отецъ и государь!

Лиръ.

Прошу, не смѣйся надо мной! Старикъ
Я въ самомъ дѣлѣ сумасбродный, глупый,
Восьмидесяти лѣтъ или даже больше
И, просто, откровенно говоря,
Боюсь, не въ полномъ я теперь разсудкѣ.—
Мнѣ кажется, я долженъ знать тебя...
И вонъ того! А все же сомнѣваюсь...
Все не могу никакъ взять въ толкъ, гдѣ я...
И какъ я ни ломаю головы,
Не въ силахъ вспомнить даже платье это
И гдѣ провелъ послѣднюю я ночь...
Не смѣйтесь надо мной; но мнѣ, какъ вѣрно,
Что я мущина, кажется; что лѣди...
Дитя мое, Борделія!

Борделия.

Я, я!

Лиръ.

А!—Слезы?—Да, ты плачешь.—Нѣтъ не плачь,
Прошу тебя, не плачь!... Скажи: есть ядъ
Съ тобою для меня? Я выпью.—Знаю,
Меня не любишь ты; вѣдь обѣ сестры
Твои меня, насколько помню я,
Обидѣли жестоко, а у нихъ
Бъ тому причины не было совсѣмъ...
А у тебя причина есть, большая!

Борделия.

О, никакой! Нѣтъ, никакой!

Лиръ.

Гдѣ я?

Во Франціи?

Бентъ.

О, нѣтъ, мой государь.—
Вы въ королевствѣ, вамъ принадлежащемъ.

Лиръ.

Ахъ, не обманывай меня!

Врачъ.

Ну, вотъ
Утѣштесь, ободритесь, королева!
Онъ исцѣленъ, какъ видите, совсѣмъ
Отъ бѣшенства припадковъ... Все-жъ опасно
Ему бывшее время вспоминать.
Старайтесь больше не смущать его,
Пока не успокоится совсѣмъ.

Борделия.

Угодно ли пройтись вамъ, государь?

Лиръ.

Ахъ, будь ты снисходительна ко мнѣ!
Прошу: забудь, прости! Я—старъ и глупъ...
(Уходятъ Лиръ, Борделия, врачъ и свита.)

Дворянинъ.

А правда-ль, сэръ, что герцогъ Борнвалійскій
Убить, и такъ, какъ говорятъ?

Бентъ.

Да, правда,
И правда несомнѣнная, мой сэръ.

Дворянинъ.

А кто-жь теперь ведетъ его войска?

Бентъ.

Да, говорятъ, сынъ Глостера побочный.

Дворянинъ.

Есть слухи также: выгнанный Эдгаръ,
Другой сынъ Глостера, и съ графомъ Бентомъ
Въ Германіи теперь.

Бентъ.

Да, слуховъ много
И всѣ измѣнчивы они. Пора
Намъ осмотрѣться. Войско герцогини
Спѣшитъ и приближается къ намъ быстро.

Дворянинъ.

Какъ видно, все рѣшится кровью, сэръ.
Прощайте. (Уходитъ.)

Бентъ.

Дѣло сдѣлано вполнѣ,
Приведено къ конечной цѣли. Дурно
Иль хорошо—рѣшить все этотъ день.

ДѢЙСТВІЕ V.

Сцена I.

Лагерь британскихъ войскъ.

(Входятъ съ распущенными знаменами Эдмондъ, Регана, офицеры и свита.)

Эдмондъ.

Отъ герцога узнайте-жь ~~какого-то~~ ~~узнаю~~ ~~онъ~~
Остался-ль ~~при~~ ~~последнемъ~~ ~~мѣсяцѣ~~ ~~онъ~~ ~~или~~ ~~нѣтъ~~
Иль что-нибудь ~~еще~~ ~~онъ~~ ~~придумалъ~~?
Измѣнивъ онъ до-нельзя. Самъ себѣ
Ни въ чемъ не доверяетъ. Принесите
Намъ неизмѣнное его рѣшеніе.

РЕГАНА.

Не доброе случилось что-нибудь
Съ слугой сестры, — навѣрно.

Эдмондъ.

Надо думать.

РЕГАНА.

Теперь, прекрасный ~~лордъ~~, ~~известно~~ ~~вамъ~~,
Что сдѣлать я ~~намѣрена~~ ~~для~~ ~~васъ~~?
Прошу, скажите-жь мнѣ, — но только правду,
И правду сущую, — вы любите-ль
Сестру мою?

Эдмондъ.

Почтительной любовью.

РЕГАНА.

Не пролагали-ль вы себѣ пути,
Куда онъ строго запрещенъ для ~~всѣхъ~~?
Помимо мужа Гонериллы?

Эдмондъ.

Леди! —

Вы ошибаетесь жестоко.

РЕГАНА.

Боюсь: были съ нею вы, Эдмондъ,
Въ связи, и въ самой близкой...

Эдмондъ.

Никогда;

Клянуся!

РЕГАНА.

Не могу ее терпѣть!—
Мой милый лордъ, не будь же съ ней веротомъ!

Эдмондъ.

Не безпокойся.—Вотъ она и герцогъ.

(Входятъ герцогъ Альбанскій, Гонерила и солдаты.)

ГОНЕРИЛА (въ сторону).

Я лучше битву проиграть готова,
Чѣмъ уступить, чѣмъ дать, чтобъ у меня
Сестра похитила Эдмонда.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Радъ,

Любезная сестрица, встрѣтить васъ.
Я слышалъ, сэръ, къ Борделии король,
Отецъ нашъ, уже прибылъ и со всѣми
Возставшими на наше управленье
Жестокое.—Я никогда не могъ
Быть храбрымъ въ дѣлѣ съ честью несогласномъ.—
Теперь вооружаюсь на бой
Не противъ короля, но противъ тѣхъ,
Кто поднялъ знамя бунта за него,—
Боюсь, сэръ, что правы всѣ они.—
Я обнажаю мечъ мой на французовъ,
На чужеземцевъ, вторгнуться дерзнувшихъ
Въ предѣлы Англійской земли и нашей.

Эдмондъ.

Вы говорите благородно, сэръ.

РЕГАНА.

ко-же, къ чему все это?

ГОНЕРИЛА.

Бросьте
Домашніе и частные вы споры,—
Объ нихъ теперь не можетъ быть и рѣчи.
Соединимся всѣ противъ враговъ.

Герцогъ Альбанскій.

Обсудимъ все со старшинами войскъ,
Какъ дѣйствовать намъ нужно.

Эдмондъ.

Буду, герцогъ,
Васъ непремѣнно ждать въ палаткѣ вашей.

РЕГАНА.

А ты, сестра?—Конечно, съ нами?

ГОНЕРИЛА.

Нѣтъ.

РЕГАНА.

Приличнѣй было бы такъ!... Прошу, пойдемъ.

ГОНЕРИЛА (въ сторону).

Ого! Загадку эту знаю. (Громко) Ну,—
Иду.

Какъ только Регана, Гонерила и Эдмондъ хотѣтъ уходить, входитъ Эдгаръ переодѣтый.)

ЭДГАРЪ.

Когда вамъ, герцогъ, съ бѣднякомъ
Такимъ, какъ я, случалось говорить
Хоть разъ, прошу васъ выслушать меня.

Герцогъ Альбанскій (Реганѣ, Гонерилѣ, Эдмонду).

Идите,—догоню васъ. (Эдгару) Говори.

ЭДГАРЪ.

Не начинайте битвѣ, пока письмо
Вы это не прочтете. Побѣдите,
Немедленно трубой велите звать
Того, кто вамъ его вручилъ. Кажусь

Я очень жалкимъ и презрѣннымъ, герцогъ;
Но вамъ я рыцаря тогда представлю,
Который все, что тутъ прочтете вы,
Докажетъ. Если-жъ будете разбиты,
Тогда конецъ для васъ всему, а также
И всѣмъ дѣламъ и кознямъ противъ васъ. —
Счастливы будьте!

Герцогъ Альбанскій.

Подожди, пока

Прочту письмо.

Эдгаръ.

Запрещено мнѣ ждать.

Когда придетъ пора, ведите тотчасъ
Герольду вызовъ протрубить. — явлюсь.

(Уходитъ.)

Герцогъ Альбанскій.

Коль такъ, прощай. Я просмотрю письмо.

(Входитъ Эдмондъ.)

Эдмондъ.

Враги уже въ виду. Повстроятъ войско. —

Вотъ перечень всѣхъ нашихъ силъ и передовыхъ.

Весьма старательно составленъ онъ.

Отъ вашей быстроты зависитъ все.

Герцогъ Альбанскій.

Готовъ я встрѣтить всякую случайность.

(Уходитъ.)

Эдмондъ.

Появляя я въ любви обѣимъ сестрамъ

И обѣ обѣшено меня ревнуютъ.

Другъ къ другу, съ яростью эхиднъ

Уязвленныхъ жестоко. Что-жъ, возьму-ль

Обѣихъ или одну, или ни одной? —

Пока во здравьи вождя нашимъ обѣ

Мнѣ ни съ одной изъ нихъ нельзя связаться

Возьму вдову, такъ взбѣжится тотчасъ

Съ ума сойдетъ сестрица Гонерила.

А съ ней и при ея супругѣ миломъ
Я крѣпко сбить съ моей прямой дороги—
Ну, что-жь? Пока воспользуемся этимъ
Супругомъ мягкосердымъ, нужнымъ мнѣ
Для битвы; а потомъ—кому угодно
Себя избавить отъ него—и думай
Смахнуть его скорѣй. Что-жь до того,
Что носится онъ съ мыслью о пощадѣ
Корделии и Лирю послѣ битвы?
Такъ этого и въ жизнь имъ не видать,
Лишь только попадутся къ рукамъ мнѣ.—
Моя теперь главнѣйшая задача—
Не разсуждать, а за себя стоять.

Сцена II.

Поле между двумя лагерями.

(За сценой шумъ.—Проходятъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами Корделия, Лиръ и ихъ войска. Входятъ Эдгаръ и Глостеръ.)

ЭДГАРЪ.

Вотъ дерево... Пусть будетъ тѣнь его
Хозяиномъ тебѣ гостеприимнымъ.
Садись, отецъ.—Молю я у боговъ,
Побѣды полной дѣлу правды. Если-жь
Вернусь, такъ вѣстью моею тебя
Утѣшу.

ГЛОСТЕРЪ.

Милость всѣхъ боговъ съ тобой.

(Эдгаръ уходитъ.)

(Шумъ битвы; слышатся отступленіе, Эдгаръ возвращается.)

ЭДГАРЪ.

Скорѣе уходи, старикъ. Дай руку
И уходи.—Лиръ проигралъ сраженіе!—
И онъ, и дочь его уже въ плѣну!

ГЛОСТЕРЪ.

Нейду я дальше,—сгнить могу и здѣсь.

ЭДГАРЪ.

Опять болѣзненные думы! Человѣкъ

Все долженъ перенести—и день рожденья,
И смерти день. Все дѣло только въ томъ,
Чтобы быть готовымъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Да, и это правда.

(Уходить.)

Сцена III.

(Входятъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами Эдмондъ торжествующій, Лиръ и Корделія, какъ пѣвники, офицеры и солдаты.)

ЭДМОНДЪ.

Увезть отсюда и стеречь ихъ крѣпко,
Пока властителей высокихъ воля
Не изречетъ имъ приговора.

КОРДЕЛІЯ.

Мы

Не первые себѣ находимъ гибель,
Стремясь къ правдѣ и добру.—Сломали
Меня страданья за тебя, несчастный;
Не то иной дала бы я отвѣтъ
Грозамъ судьбы предательской и лживой!—
Увидимъ что ли этихъ дочерей,
Сестрицъ прекрасныхъ этихъ?

ЛИРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Идемъ скорѣй въ тюрьму. Вдвоемъ оставшись,
Тамъ будемъ распѣвать, какъ птички въ клеткѣ!—
Ты будешь у меня, какъ дочь, просить
Благословенія отца, а я
Паду передъ тобою на колѣни
И стану о прощеньи умолять.
Такъ будемъ жить вдвоемъ, молиться, пѣть,
И старья рассказывать былины;
На бабочекъ смѣяться золотыхъ
И слушать разныхъ нищихъ болтовню
О томъ, кто выигралъ, кто потерялъ,

Кто въ милости, а кто попалъ въ опалу...
И будемъ смѣло мы рядить, судить
О самыхъ сокровенныхъ тайнахъ міра,
Какъ будто мы въ боговъ совѣтахъ были!
Переживемъ и переможемъ мы
Въ стѣнахъ темницы тѣсной смуты всѣ
И всѣ волненія народныхъ партій!
Они, какъ волны бурныя морей,
Гремящія по волѣ сильныхъ міра,
То землю заливаютъ, то назадъ
Бѣгутъ, какъ бы луною управляясь.

Эдмондъ.

Убрать отсюда ихъ скорѣй.

Лиръ.

Мы—жертвы

Съ тобой; но на такія приношенья
Бросають сами боги омиамъ!—
Моя ли снова ты?—Кто разлучить
Захочетъ насъ, тотъ пусть съ небесъ пожаръ
На землю принесетъ и насъ огнемъ
Изъ міра выжжетъ, какъ лисицъ изъ лѣса.
Смотри, не плачь.—Скорѣй проказа злая
Источить и сожретъ ихъ мясо съ кожей,
Чѣмъ мы съ тобой заплачемъ. Да, скорѣй
Отъ голода подохнуть всѣ! Идемъ.

(Лиръ и Корделія уходятъ подъ стражей.)

Эдмондъ.

Сэръ капитанъ, на пару словъ! Послушай,
Возьми записку эту и (отдаетъ записку капитану) иди
Въ тюрьму за ними.—Я тебя повесилъ
На степень ужь одну; когда-жъ исполнишь,
Что здѣсь предписано, себѣ отроешь
Бъ блестящей будущности путь. Ты знаешь,
Что человекъ всегда быть долженъ тѣмъ,
Чѣмъ время быть ему велить, и нѣжность
Съ мечомъ непримирима.—Это дѣло—
Внѣ всякихъ возраженій: или скажи

«Исполню», или инымъ путемъ, не здѣсь,
Ищи ужь счастья себѣ.

Капитанъ.
Исполню,

Милордъ.

Эдмондъ.

Такъ къ дѣлу. Кончено оно —

Считай себя счастливейшимъ на свѣтѣ

Кончай сейчасъ, не медля ни минуты,

И точно такъ, какъ здѣсь я написалъ

Капитанъ.

Я не могу возить телѣги, ѣсть

Овесъ сухой; но если что велѣть

Теперь исполнить — въ силахъ человѣка,

Я въ точности исполню, не дамъ обману. (Уходитъ.)

(Трубы. Входятъ герцогъ Альбанскій, Порриши, Регана, офицеры и солдаты.)

Герцогъ Альбанскій.

Вы намъ, сегодня, показали, сэръ,

Что значить ваша храбрость: да и счастье

Вамъ помогло; вы взяли въ плѣнъ тѣхъ самыхъ,

Противъ кого мы бились, сейчасъ.

Ихъ требуемъ у васъ! — Поступимъ, сэръ,

Мы съ ними такъ, какъ намъ поведѣваютъ

О нашей безопасности заботы.

И уваженъ къ нимъ и сану ихъ.

Эдмондъ.

Я счелъ не лишнимъ, сэръ, чтобы король,

Старикъ несчастный, тотчасъ былъ отправленъ

Подъ вѣрною охраною въ заключенъе

Его лѣта, а санъ его тѣмъ болѣ,

Имѣютъ силу привлекать къ себѣ

Сердца простыхъ людей и могутъ копать

Послушныя движенью нашихъ глазъ,

Мгновенно острыми повернуть

На насъ самихъ. А съ нимъ отправилъ я

И королеву, по тому-жъ разсчету.

Они готовы завтра или, позже...
На судъ явиться вашъ, куда угодно
Вамъ будетъ ихъ призвать. — Теперь мы всё
Покрыты кровію и потомъ. Другъ
Лишился друга. Послѣ битвы найдѣи,
Бто только испыталъ ея жестокость,
Готовъ виновниковъ ея проклясть,
И для суда надъ Лиромъ и Кордельей
Приличнѣе иное выбрать мѣсто.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Позвольте, сэръ, замѣтить: въ этомъ дѣлѣ
Вы для меня лишь подданный, — не братъ.

РЕГАНА.

Не братъ! — А этимъ самымъ и хотимъ
Его мы наградить! — Мы вѣкажемся,
Что прежде, чѣмъ сказать такое слово,
Не худо было-бъ у меня спроситься.
Онъ — предводитель нашихъ войскъ и насъ
И нашей власти представитель здѣсь;
Стать высоко онъ, и вашимъ братомъ
Онъ смѣло можетъ называть себя!

ГОНЕРИЛА.

Не горячися такъ! Онъ самъ себя
И только доблестью своею, поднявъ
Гораздо болѣе, чѣмъ въ силахъ ты
Его возвысить.

РЕГАНА.

Властію моею
Онъ облеченъ и равенъ всѣмъ высокимъ!

ГОНЕРИЛА.

Еще бы несравненно выше сталъ
Когда бы на тебѣ женился онъ!

РЕГАНА.

Шуты пророками бываютъ!...

ГОНЕРИЛА.

Э!

Такъ глазъ, который это подсказалъ,
Мигалъ тебѣ не даромъ, видно! *)

РЕГАНА.

Лэди,

Больна я, а не то отъ полноты
Всѣхъ чувствъ моихъ отвѣтила-бъ какъ надо...
(Эдмонду) Возьмите, генераль, моихъ солдатъ
И плѣнниковъ и все, что я имѣю,
И всѣмъ располагайте, какъ хотите,
И мной самой.—Тебѣ сдалася крѣпость!
Блянуса здѣсь я цѣлою вселенной:
Отнынѣ ты—мой мужъ и повелитель!

ГОНЕРИЛА.

И думаешь, что насладишься имъ?

Герцогъ Альбанскій (Гонерила).

И не въ твоей же власти помѣшать
Тому!

Эдмондъ (герцогу Альбанскому).

И не въ твоей, милордъ.

Герцогъ Альбанскій.

Въ моей,

Бездѣльникъ полукровный!

РЕГАНА (Эдмонду).

Бей же сборъ

И докажи имъ, что моя права—
Твоя.

Герцогъ Альбанскій.

Опомнися, молчи!—Эдмондъ,
Тебя я арестую за измѣну,
За преступленье противъ государства!—

*) Взято изъ англійской пословицы: „влюбленные не даромъ мигаютъ другъ другу“.

Съ тобой и эту (указывая на Гонерилу) въ золотѣ змѣю!—
(Реганъ) А что до вашихъ притязаній, лэди,
Обязанъ я, любезная сестрица,
Взять подъ мою защиту интересы
Моей супруги. Съ этимъ самымъ лордомъ
Она помолвилась ужъ прежде васъ,
И допустить никакъ я не могу,
Чтобъ вы вступили въ соглашенье съ нимъ.
Богда угодно выйти замужъ вамъ,
Меня вы можете избрать супругомъ,—
Жена моя ужъ отдалась другому.

ГОНЕРИЛА.

Комедія какая!

Герцогъ Альбанскій.

Глостерь, ты
Вооруженъ! Трубите-жь вызовъ! Если
Не явится никто, чтобъ на тебѣ
Самомъ предъ всѣми доказать, что ты
Отъявленный злодѣй и много разъ
Предатель,—здѣсь залогъ бросаю съ клятвой,
(Бросаетъ перчатку.)

Что хлѣба не коснусь, пока на сердцѣ
Твоемъ не докажу, что ты—мерзавецъ
Не менѣе того, какимъ тебя
Провозгласилъ я здѣсь.

РЕГАНА.

Какая боль!

Какъ больно, тяжело!

ГОНЕРИЛА (въ сторону).

А если-бъ нѣтъ,—
Я-бъ въ ядѣ усомнилась!

Эдмондъ.

На обмѣнъ
Возьми. (Бросаетъ перчатку.) Кто-бъ ни дерзнулъ меня назвать
Измѣнникомъ,—солгалъ, какъ негодяй.
Пусть явится. Трубите вызовъ, трубы!

На земь и на тебѣ, на помь угодно,
Я докажу и честь мою и правду.

Герцогъ Альбанскій.

Герольда, го!

Эдмондъ.

Герольда, го! Герольда!

Герцогъ Альбанскій.

Теперь надѣйся только на себя,
Твоихъ солдатъ не существуетъ больше:
Я ихъ собралъ, и я ихъ распустилъ.

Регана.

О, боль меня совсѣмъ одолеваетъ!

Герцогъ Альбанскій.

Она больна, — въ шатеръ мой отведите.

(Уводятъ Регану. Входитъ герольдъ.)

Сюда, герольдъ! Прочти вотъ это громко.

И пусть трубятъ. (Передастъ герольду листъ.)

Фиделъ.

Трубите-жь трубы! Эй! (Трубы.)

Герольдъ (читаетъ).

«Если найдется въ нашемъ войскѣ человекъ, надлежащаго званія и происхожденія, который захочетъ доказать, что Эдмондъ, принимаемый за графа Глостера, — много разъ предатель, то пусть явится по третьему звуку трубы. Противникъ здѣсь и готовъ защищаться».

Эдмондъ.

Трубить!

(Трубятъ.)

Еще!

(Трубятъ.)

Еще!

(Трубятъ. Въ отвѣтъ трубятъ за стеной. Входитъ Эдгаръ. Впереди его идетъ трубачъ.)

Герцогъ Альбанскій.

Спросить, зачѣмъ онъ здѣсь? Зачѣмъ явился.

На трубный вызовъ?

Герольдъ.
Кто вы? Ваше имя
И ваше званье? Почему, скажите,
Явились вы теперь на этотъ вызовъ?

Эдгаръ.

Мое погубило имя. Изглодалъ
И съѣлъ его измѣны острый зубъ,
Измѣны злой и ядовитой! — Но
Я такъ же благородень, какъ и тотъ,
Съ кѣмъ въ бой вступить хочу.

Герольдъ Альбанскій.

Кто твой противникъ?

Эдгаръ.

Кто здѣсь за графа Люстера Эдмондъ?

Эдмондъ.

Онъ самъ. Что-жь дальше будетъ?

Эдгаръ.

Обнажи мечъ!

Твой мечъ, чтобъ могъ онъ наказать меня,
Когда мою рѣчью оскорблю
Я сердце благородное твое!
Мой мечъ готовъ. Внимай! По праву чести,
По праву клятвы твоей произнесенной,
По праву моего призванья въ жизни,
И несмотря на молодость и силу
На храбрость и величье твои,
На твой побѣдннй мечъ и на твое
Недавно ярко вспыхнувшее счастье,
Предъ всѣми объявляю: ты — предатель
И плутъ, обманщикъ и подлый предъ богами,
Передъ отцомъ твоимъ и передъ братомъ,
Измѣнникъ, вѣдворидникъ передъ принцемъ,
Отъ темя до подошвы ногъ твоихъ,
До пыли самой жодъ ногами ты
Черный и гадке самый гадкой жабы.

Скажи, что нѣтъ, и этотъ самый мечъ
И эта вотъ рука моя докажутъ,
И на тебѣ самомъ, что лжешь безстыдно,
Что слово истинно мое.

Эдмондъ.

Конечно,
Благоразумнѣй было бы узнать,
Кто ты, потомъ уже съ тобою битися;
Но видъ твой такъ воинственно прекрасенъ,
И воспитаньемъ благороднымъ дышитъ
Такъ рѣчь твоя, что я пренебрегу
Всѣмъ тѣмъ, на что по рыцарскимъ законамъ
Имѣю право. Возвращаю вспять
На голову твою всѣ тѣ извѣты
И на сердце твое тѣ лжи, какія
Здѣсь бросилъ ты въ меня. Онѣ, бласнувъ,
Едва меня задѣли; но мой мечъ
Имъ путь туда проложить, гдѣ онѣ
Останутся на вѣкъ. Трубите бой!

(Трубить призывъ къ бою. Эдгаръ и Эдмондъ дерутся. Эдмондъ падаетъ.)

Герцогъ Альбанскій.

Спасите мнѣ его, спасите!...

Гонерила.

Глостеръ,
Тутъ заговоръ! По рыцарскимъ законамъ
Не могъ ты драться съ неизвѣстнымъ! Нѣтъ,
Не побѣжденъ ты,—обойденъ, обманутъ!

Герцогъ Альбанскій.

Заприте ротъ свой, госпожа честная,
Иль я заткну вотъ этою бумагой. (Подавая письмо Эдмонду.)
Ты, сэръ, бери ее.—Читай, читай
Ты, подлый изъ людей подлѣйшихъ; въ ней
Читай твою всю гнусность. (Гонерила хочетъ рвать письмо.)

Нѣтъ, не рвать!

мо ты знаешь хорошо, я вижу.

ГОНЕРИЛА.

Ну, знаю. Что-жь? Законы не въ твоей,
Въ моей вѣдь власти; кто же у меня
Дерзнетъ потребовать отчета въ этомъ?

Герцогъ Альбанскій.

Чудовищно!—Такъ знаешь ты письмо?

ГОНЕРИЛА.

Прошу не спрашивать, что знаю я. (Уходитъ.)

Герцогъ Альбанскій.

За ней скорѣе. Виѣ себя она.—
За ней смотрите зорко.

Эдмондъ (въ предсмертной тоскѣ).

Все, въ чемъ только

Меня винили, я во всемъ виновенъ
И даже въ бѣльшемъ и гораздо бѣльшемъ.—
Откроетъ время все.—Но это все
Теперь ужъ стало прошлымъ, какъ и я.—
Но кто-жь ты мой счастливый побѣдитель?—
И если крови благородной ты,
Тебя прощаю я.

Эдгаръ.

Прощеньемъ мы

Съ тобою обвиняемся теперь!—
По крови благороденъ я не менѣй,
Чѣмъ ты, а если болѣй, такъ и зло,
Которое ты мнѣ нанесъ, Эдмондъ,
Становится гораздо бѣльшимъ. (Снимаетъ съ себя шлемъ). Я—
Эдгаръ, я братъ твой по отцу.—Какъ боги
И ихъ судьбы надъ нами правосудны!
Любезные для насъ пороки наши
Становятся орудьемъ каръ для насъ же:
За темное зачатіе тебя
Въ грѣхѣ отецъ нашъ зрѣньемъ заплатилъ.

Эдмондъ.

Ты правду говоришь.—Сказалъ ты вѣрно!—

Свершило колесо свой оборотъ,

И я — вотъ здѣсь!

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ (Эдгару).

И по твоей походѣ

Я ждалъ, что ты властительнаго рода. —

Дай обниму тебя! Пусть поранишь, а яви — боинаши!

Все сердце истерзаетъ, если только

Въ себѣ я ненавижу когда-нибудь

Питалъ къ тебѣ или къ твоему отцу!

ЭДГАРЪ.

Я знаю это очень хорошо,

Мой принцъ великодушный!

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Гдѣ-жь однако

Скрывался ты? И гдѣ и какъ узналъ

О страшныхъ бѣдствіяхъ отца?

ЭДГАРЪ.

Когда

Водилъ я и питалъ его, мой лордъ. —

Послушайте короткій мой разсказъ. —

Какъ кончу, пусть и сердце у меня

Отъ боли разорвется!

Отъ страшнаго бѣжалъ и обывалъ

Грозившаго концомъ. Провавшимъ мнѣ

Оно гналось за мною по питанью.

Какъ дорога намъ жизнь! — Готовы были

— И мы, ежечасно умирая, жить, алабод обавротъ котичоны!

Чѣмъ сразу умереть! — Придумала я

Надѣть лохмотья на себя, алабод ази и

Принять наружность тѣкъ, кто да же онвалъ.

Противень, и, считаясь итали, алабод алабод алабод

Я встрѣтилъ. На лицѣ его увидѣлъ

Кровавыя слезы, алабод алабод алабод

А камни самоцвѣтныя, что въ нихъ

Сіяли, навсегда пропали! — Сталь

Его водить и иициить за него!

И отъ отчаянья спасти его
Мнѣ удалось.—Зачѣмъ, зачѣмъ тогда
Я не сказалъ ему, кто я? Зачѣмъ
Скрывался отъ него?—Лишь полчаса
Тому назадъ, на бой вооружаясь
И на успѣхъ хотя надѣясь, все-жь,
Не будучи вполнѣ увѣренъ въ немъ,
Я сталъ просить отца благословить
Меня и рассказалъ ему тутъ все,
Всѣ странствія мои.—Но не могло
Его надорванное сердце вынести
Борьбы двухъ сильныхъ чувствъ—и радости,
И горя,—разорвалося на части,
Улыбку на устахъ его оставя.

Эдмондъ.

Меня рассказъ твой тронулъ.—Будетъ онъ
Источникомъ добра быть-можетъ.—Но
Кончай.—Ты смотришь такъ, какъ будто хочешь
Сказать еще намъ что-то.

Герцогъ Альбанскій.

Если то,
Что можешь намъ сказать, еще печальнѣй,—
Не говори. И отъ того, что слышалъ,
Готовъ слезами захлебнуться я!

Эдгаръ.

Кто горестей другихъ людей не любить,
Тому довольно ужъ моихъ страданій;
Тому-жь, кто тѣшится чужимъ мученьемъ,
Кому ихъ нужно больше,—расскажу
О горѣ страшномъ, крайности достигшемъ *).

*) Варбуртонъ, выписавъ начало рѣчи Эдгара изъ подлинника:

This would have seem'd a period
To such as love not sorrow; but another,
To amplify too-much, would make much more
And top extremity,—

говорить: „Читатель ясно видитъ, что это разсужденіе относится и къ герцогу Альбанскому, который говоритъ, что для него достаточно уже разсказа о страданіяхъ Эдгара, и къ Эдмонду, который желаетъ слышать продолженіе

Какъ я стоналъ, одинъ изъ бывшихъ тутъ
Вдругъ подошелъ ко мнѣ. Меня онъ видѣлъ,
Когда я былъ въ презрѣнномъ самомъ видѣ,
И избѣгалъ меня; но тутъ узнавъ,
Нежданно, кто былъ тотъ бѣднякъ несчастный,
Ко мнѣ на шею кинулся, и громко
Вдругъ зарыдавъ, могучими руками
Меня такъ сильно обнялъ, что; казалось,
Одно лишь небо развѣ было въ силахъ
Объятія такія разорвать.—
Потомъ, упавъ на моего отца
Трупъ бездыханный, мнѣ онъ разсказалъ
Такую повѣсть, полную страданій,
О Лирѣ, о себѣ, какой еще
И не слыхало ухо человѣка.—
Съ разсказомъ выросло его горе,
И стали постепенно разрываться
Всѣ струны крѣпкой его жизни.—Тутъ
Услышалъ я второй уже призывъ
И старика съ отчаяньемъ его
Оставилъ.

Герцогъ Альбанскій.

Кто же это?

Эдгаръ.

Кентъ, мой герцогъ.—

Кентъ изгнанный.—Въ одеждѣ рабской онъ
Не покидалъ ни на минуту Лира,
Враждебнаго ему, и службу несъ,
Какую погнушался-бъ и невольникъ.

(Входитъ дворянинъ съ окровавленнымъ ножомъ.)

Дворянинъ.

О, помогите, помогите!

Эдгаръ.

Въ чемъ

Помочь, что нужно?

повѣствованія. Эти стихи сильно искажены". Въ этомъ согласенъ съ Варбуртономъ и Стивенсъ. Оба они восстанавливаютъ первоначальный смыслъ искаженныхъ стиховъ такъ, какъ мы передаемъ его въ нашемъ переводѣ. *Перев.*

Герцога Альбанскаго.

Говори скорѣй.

Эдгаръ.

Что значить этотъ ножъ окровавленный?

Дворянинъ.

Вотъ онъ еще горячъ, еще дымится!

Онъ только-что изъ сердца вынутъ.

Герцога Альбанскаго.

Кто

Убить? Да говори!

Дворянинъ.

Супруга ваша,

Супруга ваша, сэръ!—Она же, сэръ,

Сестру свою Регану отравила!—

Сама она, сама призналась!

Эдмондъ.

Я

Съ обѣими помолвленъ былъ, и всѣхъ

Трехъ насъ сочетала бракомъ смерть!

Герцога Альбанскаго.

Несите ихъ сюда живыхъ или мертвыхъ.

Свершился судъ небесъ предъ нами явно,

И содрогается неволью мы;

Но чувство состраданья въ насъ молчить.

Эдгаръ.

Вотъ Бентъ!

Герцога Альбанскаго.

Ахъ вотъ и онъ!—Графъ Бентъ, теперь

Намъ нѣтъ возможности васъ встрѣтить такъ,

Какъ было-бъ надо.

Бентъ.

Я пришелъ сюда

Чтобъ пожелать ночей впередъ покойныхъ

Владыгъ моему и королю...

Его здѣсь нѣтъ?

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Мы главное забыли.

Скажи, Эдмондъ, гдѣ нашъ король и гдѣ
Корделія? (Вносятъ трупы Реганы и Гонерилы.)

Ты видишь это, Бентъ?

Бентъ.

Но что-жь такое это?

Эдмондъ (въ сторону.)

Былъ же ты

Эдмондъ любимъ! Изъ-за тебя одна
Другую отравила, а затѣмъ
Убила и себя.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Вотъ такъ всегда

Бываетъ!—Лица имъ закройте.

Эдмондъ (въ сторону.)

Я

Едва уже дышу.—Хоть что-нибудь
И доброе желается мнѣ сдѣлать.

Осилю я мою природу. (Въ слухъ) О!

Скорѣй пошлите, и скорѣй какъ можно,
Въ тюрьму. Моя записка тамъ.—Жизнь Лира,
Корделии зависитъ отъ нея.—
Скорѣй, скорѣй...

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Бѣгите,—ахъ, бѣгите!

Бѣгите же скорѣй!

Эдгаръ (Эдмонду).

Бѣ кому, милордъ?

Кому же данъ приказъ? Хоть что-нибудь
Пошлите въ знакъ отмѣны повелѣнья.

Эдмондъ.

Ахъ, хорошо, что вспомнилъ!—Вотъ мой мечъ...
Отдайте капитану тамъ въ тюрьмѣ.

Герцогъ Альбанскій (Эдгару).

Спѣши, твою жизнью заклинаю. (Эдгаръ убѣгаетъ.)

Эдмондъ (въ предсмертной истомѣ).

Твоя жена и я, мы приказали
Въ тюрьмѣ Корделію повѣсить... Ей
Самой такую смерть въ вину поставить,
Сказавъ: себя съ отчаянья убила.

Герцогъ Альбанскій.

О, боги, защитите вы ее!—(Указывая на Эдмонда).
Возьмите прочь его отсюда, прочь!

(Входитъ Лиръ съ Корделіей на рукахъ, Эдгардъ, офицеры и другіе.)

Лиръ.

О, войте, войте, войте, войте всѣ!
О, каменные люди! Если-бъ ваши
Глаза и языки моими были,
Я ими-бъ такъ вселенную потрясъ,
Что лопнулъ бы и сводъ небесный!—О,
Ушла она, ушла и навсегда!—
Могу судить, кто умеръ или нѣтъ.—
Мертва, какъ эта мертвая земля!
Скорѣ дайте зеркало, скорѣй!...
И если отъ ея дыханья станетъ
Оно тускнѣть не много иль одно
Хоть пятнышко окажется на немъ,—
Жива!

Бентъ.

Да не кончина-ль это міра?!

Эдгаръ.

Иль образъ страшный ужасовъ ея?

Герцогъ Альбанскій.

На землю пасть и умереть!

Лиръ.

Перо

Вѣдь движится!—Жива, жива она!—

Ахъ, еслибъ такъ!—Я-бъ былъ вознагражденъ
За всѣ мученія, какими только
Когда-либо страдалъ!

Кентъ.

О, господинъ

Мой добрый!

Лиръ.

Прочь, прошу тебя я, прочь!

Эдгаръ.

Вѣдь это честный Кентъ, вашъ вѣрный другъ.

Лиръ.

Чума на васъ, чума на всѣхъ убійцъ,
Предателей!—Я-бъ могъ ее спасти!—
Ея ужъ нѣтъ теперь, ушла на вѣки!
Корделія, Корделія, стой!
Да подожди хотя немного! А... чу!
Что говоришь ты?—Голосъ у нея
Всегда былъ тихъ и сладостенъ и нѣженъ!
Для женщины какъ это хорошо!
Раба убилъ я, что тебя повѣсилъ.

Офицеръ.

Такъ точно, лорды, онъ его убилъ.

Лиръ.

А развѣ не убилъ?—Ахъ, было время,
Мой мечъ кусался больно. Всѣхъ бы ихъ
Заставилъ онъ попрыгать!—Старъ я сталъ
И эти всѣ напасти доконали
Меня въ конецъ!—Кто вы такіе—а?
Глаза мои ужъ не изъ лучшихъ.—Я
Скажу вамъ прямо...

Кентъ.

Если только счастье

Захочетъ хвастать предъ людьми своей
Любовью къ нимъ или своей враждою
И дать примѣры той или другой,
Одинъ такой мы видимъ передъ нами.

Лиръ.

Туманно какъ-то здѣсь! Не Кентъ ли это?

Кентъ.

Онъ самый, вашъ слуга. А гдѣ-жь вашъ Кайюсъ?
Что съ нимъ?

Лиръ.

Хорошій былъ онъ малый.—Что
И говорить!—Захочетъ вздуть кого,
Такъ это—сразу, живо у него.
Онъ умеръ ужъ и сгнилъ.

Кентъ.

Ахъ, нѣтъ, милордъ,
Вашъ Кайюсъ—я.

Лиръ.

А это я сейчасъ
Увижу...

Кентъ.

Тотъ, кто съ перваго мгновенья
Несчастныхъ вашихъ ссоръ и вашихъ бѣдъ,
Во слѣдъ вамъ, твердо, неизмѣнно шелъ
Печальной вашею дорогой.

Лиръ.

Радъ
Тебѣ.

Кентъ.

Ни мнѣ и никому другому!—
Безрадостно и мрачно, мертво все.—
Двѣ старшія изъ вашихъ дочерей
Себя ужъ осудили до суда
И умерли съ отчаянія обѣ.

Лиръ.

Да, да, такъ точно думаю и я.

Герцогъ Альбанскій.

Не знаетъ самъ, что говорить!—Напрасно
Стараемся о томъ, чтобъ насъ призналъ.

ЭДГАРЪ.

Конечно.

(Входитъ офицеръ.)

ОФИЦЕРЪ.

Графъ Эдмондъ уже скончался...

ГЕРЦОГЪ АЛЬБАНСКІЙ.

Ну, стоитъ ли объ этомъ говорить!—
Друзья и лорды наши, знайте всѣ
Намѣреніе наше. Мы хотимъ
Все сдѣлать, что лишь только будемъ въ сплахъ,
Чтобъ нашего великаго страдальца
Хоть малымъ чѣмъ утѣшить при разгромѣ
Всего, что было дорого ему:
Передаемъ отцу всецѣло нашу
Неограниченную власть, и пусть
Господствуетъ монархъ многострадальный,
Пока онъ живъ. А что до васъ, то мы
Возстановляемъ въ прежней силѣ ваши
Права съ прибавкой почестей, наградъ,
Которыхъ болѣй чѣмъ достойны вы.—
Утѣшу васъ, друзья, за доблесть вашу
И выпьютъ чашу горькую враги!

Лиръ.

И ты, дурашка *) милая моя,
Повѣшена!—Нѣтъ, нѣтъ въ ней болѣй жизни!—
Живутъ же вѣдь собака, лошадь, мышь;
А ты не дышишь? Ты?—И не придешь
Ужь больше никогда и никогда!...
О, никогда! О, никогда!—Скорѣй,
Прошу, тутъ растегните.—Очень, сэръ,
Вамъ благодаренъ!—Видите вы это?—
Смотрите на нее, смотрите... Губки
Ея... Сюда смотрите вы... Сюда
Смотрите... (Умираетъ.)

*) Въ подлинникѣ: my poor fool is hang'd. Буквально „мой бѣдный шутъ (или дуракъ) повѣшенъ“. *Стивенсъ* справедливо говоритъ, что тутъ poor fool есть выраженіе нѣжности, обращенное Лиромъ къ умершей Корделіи.

Перев.

Эдгаръ.

Дурно съ нимъ... Милордъ, милордъ!

Бентъ.

О, разорвися сердце, разорвись,
Молю тебя.

Эдгаръ.

Взгляните, государь!—

Бентъ.

Нѣтъ, духа не тревожь его, не мучь.
Пусть мирно отойдетъ. Возненавидитъ
Онъ тѣхъ, кто долѣе его задержитъ
Въ жестокихъ пыткахъ этой жизни.

Эдгаръ.

О,
Ужь умеръ онъ на самомъ дѣлѣ!

Бентъ.

Чудомъ,
Захватомъ уже лишнимъ жизни было
И то, что выносилъ такъ долго онъ
Такія тяжкія страданья здѣсь.

Герцогъ Альбанскій.

Теперь несите ихъ отсюда. Первой
Заботой будетъ общее намъ горе.

(Кенту и Эдгару.)

Друзья моей дѣши, возьмите оба
Правленье на себя, и государство
Облитое такъ кровью поддержите!

Бентъ.

Я скоро, сэръ, отправлюсь въ путь туда,
Куда мой государь зоветъ меня!—
Ему повиноваться долженъ я.

Герцогъ Альбанскій.

И мы, невольню повинуюсь гнету
Минуты горестной, здѣсь говоримъ

Лишь то, что чувствуемъ, не то, чтооь должно
Намъ было говорить.—Онъ, престарѣлый,
Страданій столько вытерпѣлъ, что намъ
И юнымъ не подъ силу было-бъ вынести,
И какъ онъ жилъ, намъ долго-бъ не прожить.

(Уходить всѣ за похороннымъ маршемъ.)

К о н е ц ъ .

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
5	7 св.	приняли,	пріяли,
6	12 св.	метала	метала
9	1 св.	О, мужественный	О, могущественный
11	12 св.	Убей врага	Убей врача
38	6 св.	Боги всемогущіе	Боги всемогущи
56	14 св.	король	король—
63	1 св.	поработать	неработать
64	11 св.	лишь дождикъ	какъ дождикъ
65	3 св.	издохни сонъ проклятый	издохните вы сномъ
69	3 св.	Регана, ты... ты за руку берешь ее	Регана, ты... ты за руку берешь Ее
78	3 св.	Бѣснуйтесь и дуйте, вѣтры, такъ	Бѣснуйтесь, злитесь, дуйте, вѣтры, такъ
80	19 св.	Здѣсь его милость и его исподнее платье	Здѣсь его милость и его изнанка *)
82	3 св.	жителямъ	зрителямъ
84	17 св.	Въ моей душѣ всѣ чувства заглушила.	Въ моей душѣ въ ней чувства заглушила
87 1, 2 и 3 св.		Природу. Мода что-ли ужъ такая Ведется—истреблять отцевъ нещадно За то, что дѣти выгнали ихъ вонъ.	Природу. Мода что-ли ужъ такая— Нещадно истреблять отцевъ за то, Что ихъ же дѣти выгнали ихъ вонъ.
97	3 св.	жесткія сердца	жестокія сердца
97	18 св.	бульдога	бульдога
98	12 св.	тамъ ты найдешь	найдете тамъ
104	14 св.	что вы хотите дѣлать?	что дѣлать вы хотите?!
107	23 св.	не нужно зрѣнія мнѣ	не нужно зрѣнье мнѣ
107	4 св.	Не бурями	Но бурями
107	12 св.	Отца	отца
139	11 св.	Разбитый, превращенный въ страшный хаосъ	Разбитый, въ хаосъ страшный превращенный,
141	12 св.	лачугѣ нищей	лачугѣ грязной
146	10 св.	но противъ	не противъ
146	1 св.	ко-же	Однако-же
147	15 св.	Приличнѣй было бы такъ	Приличнѣй было-бъ такъ
158	1 св.	мо ты знаешь хорошо	письмо ты знаешь хорошо
161	13 св.	разорвалося на части	разорвалося на части

*) Въ подлинникѣ: „here's grace and a sod-piece“, т.-е. „здѣсь его милость и гульфикъ штановъ“. Стрелковъ видитъ въ этомъ намекъ на современную Шекспиру поговорку: „лиже пояса нѣтъ благоразумія!“

Примѣчаніе къ 9 строку 11 страницы:

Во всѣхъ издаваніяхъ Шекспира до Коэльера: if on the tenth day, въ нашемъ переводѣ: „Но если въ десятый день; то же указаніе на десятый день сохранено во всѣхъ переводахъ нѣмецкихъ, намъ извѣстныхъ до 1873 года. Въ изданіи же Коэльера: if on the seventh day, и согласно чему слѣдуетъ въ переводѣ читать: „Но если утро въ день седьмой“. Н. Кетчеръ слѣдуетъ въ этомъ мѣстѣ своего перевода коэльеровскому изданію.

XIII. ИНОСТРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ:

- „Деревенское училище во время революціи“. *Альберта Бабо* („L'école de village pendant la révolution“. *Albert Babeau*).—„Россия и русскіе“. *Виктора Тиссо* („La Russie et les russes, indiscretions de voyage“. *Victor Tissot*).—**В. А. Гольцева**. 34

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Картинки родной дѣйствительности.—...скаго. 40

XV. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:

- Египетскій вопросъ.—Паденіе кабинета Фрейсине.—Его ничтожество.—Несостоятельность Клемансо.—Министерство Дюклера.—Декларация новаго кабинета.—Открытіе ратуши и праздниство 14 іюля.—Дѣло Фейейру.—Новыя книги: „Рашель въ ея письмахъ“ (*Rachel d'argès sa correspondance*), Жоржа д'Ейли.—„Пятьдесятъ лѣтъ литературной жизни“ (*Cinquante ans de vie littéraire*), Мари-Лафонъ.—Обзоръ періодической печати.—Выставка союза декоративныхъ искусствъ.—**W*****. 127

XVI. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕССЪ 1882 ГОДА.—Члена конгресса. 140

Приложение: КОРОЛЬ ЛИРЪ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ *В.*

Шекспира. Переводъ **С. А. Юрьева**. Окончаніе. . . . 129—170

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ номеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничныя—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лица, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ исключительно секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *одного до трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ конхъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. Относительно же присылаемыхъ въ редакцію и не принятыхъ ею для помѣщенія въ журналъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не входитъ, еслибы даже на то прилагались марки.

Принимаемая для помѣщенія въ журналъ произведенія и статьи подлежатъ въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

КНИГАМИ ОТЪ 25 ДО 35 ЛИСТОВЪ.

Условія подписки на 1882 годъ (третій годъ изданія)

	Годъ.
Безъ доставки	15 р.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.
Съ пересылкой въ другіе города	17 р.
За границу	19 р.

Подписка на меньшіе сроки и розничная продажа книгъ пре-
кращены.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—въ Москвѣ, на Долгору-
ковской улицѣ, домъ № 42, въ отдѣленіи конторы—на Петровскѣ
въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, при конторѣ объявленій Н. Н.
Печковской и въ магазинѣ типо-литографіи И. Н. Кушнера и К°, на
Никольской улицѣ, домъ Чижевыхъ.

Гг. иногородныхъ просятъ высылать деньги исключительно въ контору.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Контора открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ дня.

Оставшіеся экземпляры *Русской Мысли* изданія 1881 года
продаются по 15 руб., съ пересылкой по 17 руб.,—изданія
1880 г.—по 8 руб., съ пересылкой по 10 руб. за годъ.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

66

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

УРНН

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

ICLF (N)

LD 21A-60m-2/67
(H241s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C023012627

